

INSLAV SLAVICA-POLONICA

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

STUDIA SLAVICA-POLONICA

(К 90-летию И. И. Костюшко)

Москва
2009

Ответственный редактор:
доктор исторических наук К. В. Никифоров

Члены редколлегии:
доктор исторических наук А. Ф. Носкова,
доктор исторических наук Е. П. Серапионова

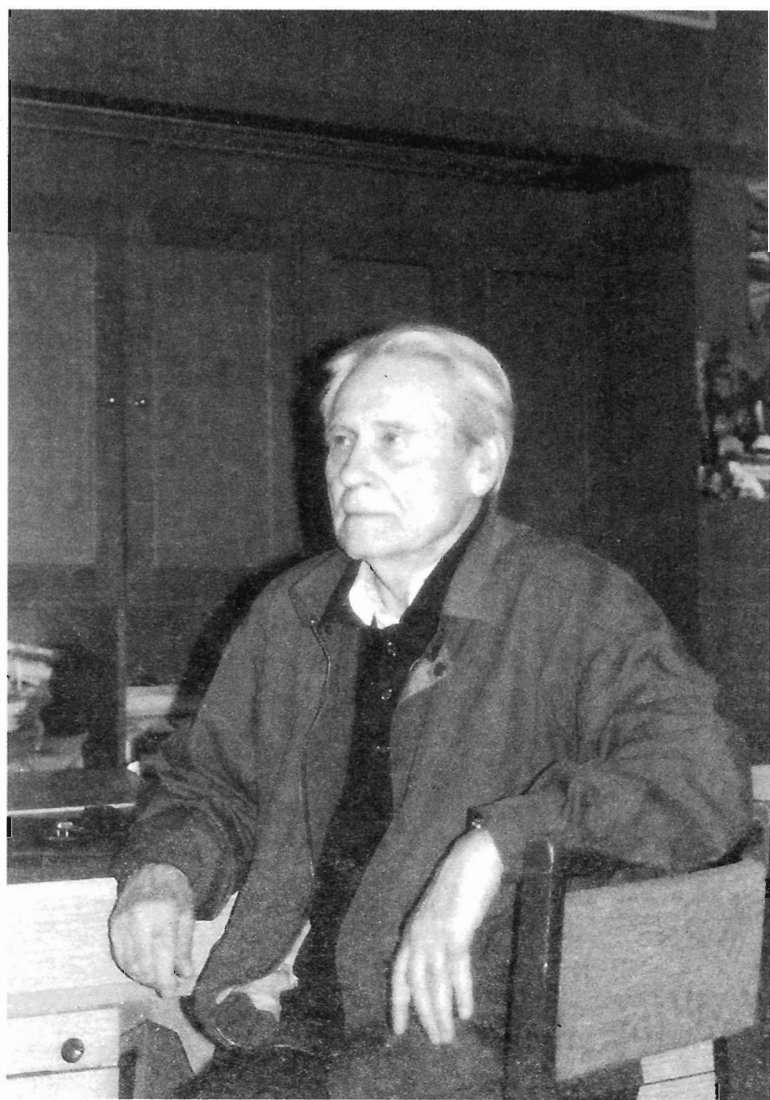
Рецензенты:
кандидат исторических наук Г. Н. Сапожникова (ИВИ РАН),
доктор исторических наук Э. Г. Задорожнюк (ИСЛ РАН)

«STUDIA SLAVICA – POLONICA» (К 90-летию И. И. Костюшко). Сборник статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 448 с.

Сборник статей подготовлен в честь 90-летнего юбилея старейшего полониста Института славяноведения И. И. Костюшко. В него вошли 24 статьи сотрудников Отдела истории славянских народов периода мировых войн, а также специалистов по истории Польши из научных институтов Российской академии наук, Московского государственного университета и польских коллег. Авторы рассматривают дискуссионные проблемы новой и новейшей истории Польши, советско-польских и российско-польских отношений, привлекая новые архивные материалы, анализируют различные вопросы истории славянских народов, международных отношений в регионе. Хронологический охват событий довольно широк (XVIII–XXI века).

В сборник вошли две биографические статьи об И.И. Костюшко, с оценкой его вклада в отечественную полониистику. Дополнен сборник библиографией работ юбиляра.

Сборник рассчитан на специалистов по славянским странам, историков и интересующихся историей Центральной и Юго-Восточной Европы.

От редакционной коллегии

Эта книга – дань уважения коллег, учеников и друзей профессору Ивану Ивановичу Костюшко, известному слависту, крупному историку-полонисту за его успешную многолетнюю научную деятельность, преданность науке и коллективу Института славяноведения Российской Академии Наук. Как ученый, автор нескольких монографий и многочисленных научных статей И. И. Костюшко внес весомый вклад в развитие отечественной исторической науки. Его труды знали, знают и высоко ценят за пределами нашей страны. В книге публикуются работы польских ученых, которые в былые времена вместе с И. И. Костюшко создавали фундаментальную многотомную публикацию по истории советско-польских отношений, вместе участвовали в работе международных научных конференций историков двух стран, а также тех специалистов, кто, не будучи лично знаком с профессором Костюшко, знает и ценит его труды. В статьях отражены позиции и взгляды авторов, которые могут не совпадать с мнением и оценками редколлегии. Переводы с польского осуществили В. В. Мочалова, В. В. Волобуев, М. В. Крисань. В подготовке рукописи к печати участвовали Ю. В. Лобачева, М. А. Крисань, А. Н. Канарская, И. Ю. Веслова.

С. М. Фалькович

«Под редакцией И. И. Костюшко»

Иван Иванович Костюшко известен в российской историографии прежде всего как исследователь истории Польши и российско-польских отношений. Его труды охватывают широкий хронологический период с XVIII по XX век. Не менее широк и территориальный охват исследований ученого: в поле его зрения входят проблемы исторического развития всех польских земель. Как правило, работы И. И. Костюшко отличает тщательный анализ большого круга привлеченных источников, четкое формулирование выводов на основе логических обобщений. Но научные интересы Ивана Ивановича этим не ограничиваются, они весьма разносторонни: наряду с исследовательской работой, большое внимание он уделяет работе научно-организационной и редакторской. Это направление занимает очень важное место в его научном творчестве, прослеживаясь с самых первых его шагов в науке.

Уже в начале 1950-х гг. И. И. Костюшко входил в редколлегию печатного органа Института «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР». В начале 60-х гг. он становится участником совместной советско-польской серийной публикации «Восстание 1863 года. Материалы и документы» в качестве ответственного редактора одного из 25 томов серии. В дальнейшем под редакцией И. И. Костюшко выходили как тематические сборники статей, очерки и другие коллективные труды, так и индивидуальные монографии, написанные коллегами, преимущественно историками-полонистами.

Особое место в его деятельности как публикатора и редактора занимает работа над совместным советско-польским многотомным изданием «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Заменяя И. А. Хренова на посту руководителя советской части редколлегии этой публикации, И. И. Костюшко взвалил на свои плечи не только тяжкий груз научно-организационной работы, но и огромную политическую ответственность. Несмотря на то, что членами редколлегии являлись руководители крупнейших советских архивохранилищ, в том числе дипломатических и партийных, комплектация томов встречала большие трудности на своем пути: многие важные документы, на включении которых настаивали поляки, были заперты за семью печатями, в ответ на запрос редколлегия получала отписку, что архив такими документами не располагает. Так обстояло дело, в частности, с пресловутым

протоколом Риббентропа–Молотова от 1939 г., обозначившим новый раздел Польши и начало Второй мировой войны; не были доступны для публикации и документы, касающиеся Катынского дела. В такой обстановке во время нередко весьма накаленной и нервной дискуссии от главного редактора с советской стороны требовалась большая выдержка и дипломатичность в сочетании с твердостью и принципиальностью. И. И. Костюшко обладал этими качествами, благодаря чему ему удавалось успешно проводить научный корабль между Сциллой и Харибдой. Он сумел добиться не только осуществления делового сотрудничества с польскими коллегами, но и обеспечить создание атмосферы взаимного уважения и доброжелательности. В результате возникли теплые человеческие отношения, и не случайно многие из тех польских историков, кто работал над томами публикации, до сих пор вспоминают Ивана Ивановича с дружеским чувством.

Этой совместной работой И. И. Костюшко руководил более 10 лет. Заключительный 12-й том публикации вышел в нашей стране в 1986 г., а польские издания двух последних томов появились несколько позже. Опыт международного сотрудничества в сфере издания документов, накопленный за годы подготовки советско-польской публикации, оказался широко востребованным: аналогичные совместные публикации стали осуществляться с Чехословакией, Болгарией, Югославией. И вполне логичным явилось участие Ивана Ивановича в составе советской части редколлегии совместного с СФРЮ издания документов и материалов по истории советско-югославских отношений в 1917–1941 гг.

Опыт работы над советско-польской публикацией нашел отражение и в исследовательской деятельности И. И. Костюшко, дав толчок появлению новой направленности его научных интересов и повлияв на выбор тематики. Еще во время сотрудничества с польскими учеными над публикацией он принял активное участие в подготовке изданной в Польше совместной коллективной монографии в двух томах «Польша–СССР. Интернационалистическое сотрудничество – история и современность», а также возглавил в качестве ответственного редактора коллектив, подготовивший совместное издание «Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977 гг.», которое затем вышло в переводе на польский язык. Изучению этого периода в отношениях двух стран были посвящены и последующие труды ученого. Он также часто выступал ответственным редактором книг других авторов, исследовавших историю стран Центральной и Восточной Европы в межвоенные и послевоенные годы. В том же направлении шла и его дальнейшая публикаторская деятельность. Так, под его руководством как ответственного редактора было

подготовлено двухтомное издание документов и материалов о польско-советской войне 1919–1920 гг. Другой важной публикацией И. И. Костюшко стали «Материалы “Особой папки” Политбюро ЦКП(б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг.». Он явился также автором и составителем сборника документов и материалов «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг.».

Последняя публикация вышла из печати всего пару лет назад. Ее появление лишний раз подтвердило непрерывность деятельности И. И. Костюшко как редактора, издателя, организатора науки. Свидетельством служит и его многолетнее участие в работе Комиссии историков СССР (затем России) и Польши; он был ее членом с момента создания и долгое время выполнял функции заместителя председателя ее советской (российской) части. Уже упоминалось о работе Ивана Ивановича в редколлегии «Кратких сообщений Института славяноведения», ее он вел также на протяжении всего срока существования этого печатного органа. «Краткие сообщения» выходили нерегулярно, тем не менее за 1951–1965 гг. было подготовлено 43 выпуска. Когда же на смену им в 1965 г. пришло регулярное периодическое издание «Советское славяноведение» (с 1992 г. получившее название «Славяноведение»), его первым главным редактором стал И. И. Костюшко. Ему принадлежит огромная заслуга в том, что журнал сразу сделался популярным среди сотрудников Института и был замечен научной общественностью. Эта заслуга тем более значительна, что главному редактору приходилось создавать издание с нуля. О трудностях, с которыми столкнулся Иван Иванович, повествовало, в частности, стихотворение, написанное мною для стенной газеты Института в связи с юбилеем журнала:

РУЧЕЙ (Stream)

(народная английская баллада)

Сидел в тоске редактор Джон
Однажды у ручья.
«Портфель журнала, – думал он, –
Заполнить должен я.
Увы, недолго до беды!
Как жребий мой жесток!
Набрать ли мне в портфель воды
Иль броситься в поток?»...
С тех пор прошло семнадцать лет,
И жив редактор Джон.

Журнал расцвел, как маков цвет,
Живой водой вспоён.
Набит редакторский портфель,
Раздут он, словно мех,
Попасть в портфель – такая цель
Заманчива для всех.
Статьи, рецензии строчат
В журнал, как на подбор,
И аспирант, и кандидат,
И доктор, и член-корр.
Последним, правда, иногда
В журнале места нет,
Зато для молодых всегда
Горит зеленый свет.
Когда берет из юных рук
Редактор Джон статью,
Ручей он вспоминает вдруг
И молодость свою.
И хоть давно уж без следа
Исчез, иссяк ручей,
Но все ж порой его вода
Сочится из статей...

В этих шуточных строках отзывались не только реальные нешуточные заботы Ивана Ивановича, но было подчеркнуто и его стремление способствовать обеспечению будущего науки, поддерживая научный рост молодых, расширяя круг исследуемых проблем, ставя все более высокую планку исследований. Поэтому в конце «Баллады» говорилось о «неуемности» и «ненасытности» И. И. Костюшко:

И вот решил редактор Джон
Найти другой родник,
И, отыскавши влагу, он
К ней трепетно приник,
Портфель отбросивши к чертям,
Все пьет из родника,
И оттащить его друзьям
Не удалось пока...

«Оттащить» Ивана Ивановича Костюшко от родника науки, от источника новых знаний и идей действительно невозможно. Он пьет их жадно, а в результате появляются труды, питающие наш ум и чувства. Так было вчера, так есть сегодня и так будет завтра.

Дорогой Иван Иванович!

Эта книга посвящается Вам. Хотелось бы, чтобы прочтя ее Вы почувствовали, как сильно мы Вас любим, как глубоко уважаем, как высоко Вас ценим, как искренне восхищаемся Вами.

Мы хотели бы также передать Вам в связи с Вашим замечательным юбилеем самые горячие поздравления и наилучшие пожелания здоровья, бодрости и сил, счастья и благополучия, успехов в работе и личной жизни!

Нам кажется, что лучше всего наши чувства и мысли могут выразить стихи. Их написал один человек, но все мы хотим под ними подписаться, потому что там сказано то, о чем мы думаем и что хотим передать:

Иван Иванович, наш дорогой сеньор!
Вы символ давних чувств, былых переживаний,
Вот перед нами Трубниковский двор
И наш Колонный зал, Костюшко на диване...
Вот он за кафедрой, кругом царит восторг –
Защита докторской была одной из первых,
А вот он за столом, суровый наш парторг,
И кой-кому он действовал на нервы.
Когда наш Институт стал издавать журнал,
Сомнений не было, кому сей груз доверить:
Его редактором И.И. Костюшко стал,
И труд его ни взвесить, ни измерить.
А сколько документов он издал!
Не счесть томов советско-польских публикаций.
Одновременно книги он писал,
Был членом множества организаций,
Входил в состав российских делегаций,
За рубежом науку нашу представлял.
Во многих областях Костюшко – пионер,
Всегда готовый покорять вершины,
И до сих пор он подает пример
Научной трезвости, рабочей дисциплины.
Шальная мысль – стать с Вами наравне
Ни у кого не может зародиться,
Вы будете всегда все дальше ввысь стремиться,
Как вавельский герой на бронзовом коне.
Но чтобы хоть чуть-чуть нам походить на Вас,
Приложим все свое старанье,
И в этом мы сегодня, здесь, сейчас
Торжественно даем Вам обещанье!

Ю. А. Борисёнок

60 лет в строю, или Патриарх славяноведения Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко¹

Большая жизнь известного историка-слависта Ивана Ивановича Костюшко вполне достойна обстоятельной и увлекательной биографии из серии «Жизнь замечательных людей». В данном кратком очерке мы будем исходить из официальных источников, которые, несмотря на внешнюю сухость, скрывают любопытнейшие подробности творческого пути и частной жизни юбиляра, а также из разысканных самим Иваном Ивановичем уникальных деталей его родословного древа, которое достоверно прослеживается по источникам за 523 года – с тех самых пор, как польский король и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик 24 июня 1486 года в Троках пожаловал основателю рода толмачу Ивашке «5 коп с мыта киевского» в счет жалования².

Кадровики сталинских времен, впрочем, искренне бы удивились древности рода молодого Ивана Костюшко: прознав о его предке в 14-м колене Ивашке, сыне его Костюшко Ивашковиче (от него и пошли последующие Костюшки), а в особенности внуке Богдане, депутате сейма, подписавшем в 1569 году знаменитую Люблинскую унию между Польским королевством и Великим княжеством Литовским, они, пожалуй, усомнились бы в чистоте «рабоче-крестьянского» происхождения нашего героя, позволившего ему в 1938-м поступить в Историко-архивный институт, а с января 1949 года (с момента поступления в аспирантуру) на шесть десятилетий непрерывно связать свою жизнь с академическим Институтом славяноведения.

В те годы Иван Иванович сообщил о себе немало интересного. 21 марта 1952 года, спустя 11 дней после присвоения ему Ученым советом Института истории АН СССР ученой степени кандидата исторических наук, из под его пера вышли два официальных документа: автобиография и личный листок по учету кадров. Времена были совсем непростые (Иосифу Виссарионовичу оставалось жить меньше года, на очереди были «врачи-вредители», да и вопросы языкознания были еще вполне актуальны), и автор за достоверность представляемых сведений отвечал головой. С небольшой фотографии с уголком на личном листке на нас смотрит постриженный по тогдашней моде молодой светлоглазый человек, который выглядит моложе своих паспортных 32 лет (а ведь позади большая война и тяжелое ранение).

В автобиографии в частности читаем: «Я, Костюшко Иван Иванович, родился в 1919 г. в околице Букорево Кохановского р-на Витебской обл. (БССР) в семье маломощного крестьянина-середняка. В 1930 г. родители вступили в колхоз и по настоящее время проживают там же. В 1936 г. я окончил Минскую зубоветеринарную школу и до 1938 г. работал зубным врачом в Кохановском и Толочинском районах. С 1938 г. и до начала Великой Отечественной войны обучался в Московском историко-архивном институте НКВД СССР. В начале Отечественной войны вступил добровольцем в ряды Советской армии и участвовал в войне в 1941–1942 гг. рядовым бойцом, а затем – в качестве командира санвзвода, санроты и в конце войны – штабного офицера. После демобилизации из Советской армии в 1946 г. возвратился на учебу в историко-архивный институт, который и окончил в июне 1947 г. С сентября 1947 г. по декабрь 1948 г. работал научным сотрудником Центрального государственного архива Октябрьской революции МВД БССР в Минске. В 1949–1951 гг. обучался в аспирантуре Института славяноведения АН СССР по истории Польши. В марте 1952 г. по представлении диссертации мне была Ученым советом Института истории АН СССР присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Член ВКП(б) с января 1943 г., член профсоюза работников ВШ и НУ с 1949 г., награжден медалями и польскими орденами и медалями, никаких взысканий за время учебы и работы не имел, не судим, женат.

Родители с 1941 по 1944 г. находились на оккупированной территории по месту своего жительства и занимались в то время земледелием. Сестра Леонидия Ивановна во время Отечественной войны находилась в Советской армии, награждена. В настоящее время работает учительницей средней школы. Брат Витольд Иванович – рабочий. Сестра Мария Ивановна, находившаяся в оккупации, работала в то время учительницей в школе.

Жена Шишкова Лидия Ивановна, из рабочих, член ВЛКСМ, в настоящее время работает библиографом в Военной академии им. К. Е. Ворошилова³.

Из личного листка узнаем еще ряд подробностей: в комсомоле наш герой состоял с 1937 по 1942 г. (то есть вступил уже «зубоврачом»), в партию принят политотделом 312-й стрелковой дивизии, № партбилета 5205237, колебаний в проведении линии партии не было, в оппозициях не участвовал, репрессиям за революционную деятельность не подвергался, в партизанском движении и подпольной работе не участвовал, в плену не был, на временно оккупированной немцами территории не находился, проживает в Москве на 2-м Подольском переулке, 10, кв. 4, в семье растет сын Станислав.

Военная биография Костюшко делится на две части: с июля по 23 сентября 1941 г. служил в 1281-м стрелковом полку 60-й стрелковой дивизии рядо-

вым красноармейцем (связистом и радистом). 23 сентября 1941-го был тяжело ранен под Серпуховом (верхняя треть правого бедра), до 1 марта 1942-го находился на излечении в Барнауле в эвакогоспитале № 1133. На Алтае вспомнили о медицинском образовании Ивана Ивановича – в 1079-м стрелковом полку 312-й стрелковой дивизии Костюшко служил сначала фельдшером, затем командиром санвзвода и санроты. С июня 1942 года его полк отправился на фронт: Западный, 2-й Прибалтийский, 1-й Белорусский... В 1943-м «за образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками» Иван Иванович получил медаль «За боевые заслуги», в 1945-м награжден медалями «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Освобождение Варшавы военный медик Костюшко встретил уже в рядах союзного Красной армии Войска Польского. С сентября 1944-го он был прикомандирован к формирующемуся Департаменту медицинской службы польской армии и отвечал за постановку делопроизводства. Последняя его должность в Войске Польском – старший помощник начальника отделения отдела кадров департамента медслужбы. Летом 1946 года Иван Иванович был демобилизован в Бобруйске в чине капитана медицинской службы⁴.

И наконец, пункт пятый личного листа – «поляк». Тут необходимы комментарии этнополитического и генеалогического свойства. Откуда в исконно белорусском этническом массиве – в Кохановской волости Оршанского уезда Могилевской губернии (по административному делению на момент рождения Ивана Ивановича) «маломощные середняки» из поляков? Если поверить графу Евстафию Тышкевичу, основателю Виленского музея древностей, никаких поляков во всем бывшем Великом княжестве Литовском не может быть по определению. Отбиваясь в середине 1860-х гг. от ретивых соратников графа М. Н. Муравьева, Тышкевич особо подчеркивал: «Известно, что поляки не только не могли здесь приобретать собственности, но даже занимать служебные должности. Литовско-русское дворянство строго за этим наблюдало и свято сохраняло права свои»⁵. А уж в «толще народной», крестьянской среде Восточной Беларуси поляки точно никак завестись не могли, даже после известных законодательных послаблений в деле веротерпимости после 1905 г.

Разгадкой «пятого пункта» служит сама родословная Ивана Ивановича, подробно и любовно им реконструированная (впечатляет сам список источников – документы Литовской метрики, бумаги из РГАДА, ЦГИА Санкт-Петербурга, Национального исторического архива Республики Беларусь...) «Маломощные середняки» на самом деле оказались старинным шляхетским родом Великого княжества Литовского: историку и «зубврачу» Костюшко предшествовали как минимум 13 поколений грамотных и не то чтобы бедных людей.

Первые два его документами просвеченных предка были толмачами (то бишь переводчиками) – не оттуда ли у Ивана Ивановича знатные по меркам «безязыкой» сталинской эпохи способности к языкам: в том же личном листке от 1952 года он указывает, что хорошо владеет тремя иностранными (немецким, английским и чешским) и одним языком народностей СССР (белорусским) и «слабо» – французским⁶ (польский язык как родной здесь не указан). Уже известный нам Костюшко Ивашкович получил от короля Александра Ягеллончика село Хоболтово в вечное владение (ныне Хобултово в 10 километрах от Владимира-Волынского). Отсюда и пошли шляхтичи Костюшко-Хоболтовские, селившиеся потом не только на Волыни, но и на Киевщине, в Подолии, на белорусских и польских землях. Предки Ивана Ивановича с XVII века жили в Витебском воеводстве – первым документально известным его земляком был Христофор или Кшиштоф, владевший фольварком Кимейка и частью Турьева. Любопытно, что и в этой ветви рода был в конце XVIII века свой Тадеуш Костюшко (или Фаддей), родившийся около 1756 года, женатый на Марианне из Зенковичей и проживавший неподалеку от местечка Толочин⁷. Против Российской империи он не бунтовал, будучи озабочен важнейшей для рода (в бумагах «осмнадцатого» века уже прозываемого Косцюшками) проблемой – доказательством их собственного дворянства.

Вопрос решался мучительно долго, печальным образом совпав с первым разделом Речи Посполитой, по которому предки Ивана Ивановича оказались подданными Екатерины II. Костюшки уже в сентябре 1772-го присягнули на верность Российской империи, но имение, бывшее в державе Романовых основанием для признания дворянского достоинства, было частично продано еще 1 февраля 1771 года. И эта разница в год (продали бы после первого раздела, глядишь, и юридическое крючкотворство бы в другую сторону развернулось) стала основанием для длившегося почти век разбирательства, дворяне ли Костюшки Хоболтовские. Отечественная бюрократия с той поры изменилась мало: вроде бы и Оршанский провинциальный суд (23 сентября 1773 г.), и Белорусское дворянское депутатское собрание (22 марта 1799-го), и Могилевское губернское дворянское депутатское собрание (18 февраля 1835-го) признавали Костюшек «древними действительными и родовыми дворянами», да к тому же «с изображенным на родословной гербом, именуемым Рох Третий».

Но не тут-то было: Николай I после польского восстания 1830–1831 годов повелел предельно закрутить гайки по части подтверждения дворянства как в Царстве Польском, так и в Западных губерниях. Изъятия из дворянства коснулись тогда сотен тысяч небогатых шляхтичей, Костюшки же с их нерешен-

ным вопросом наткнулись на жесткий отказ Временного присутствия Герольдии от 24 мая 1840 года. Дальнейшие судебные тяжбы дотянулись до нового восстания поляков – и в 1864 году дело, как установил Иван Иванович, «значилось неоконченным»⁸. Так и не добившись своей законной шляхетской правды, предки нашего героя в последние десятилетия империи предпочитали арендовать землю в Оршанском и Могилевском уездах, а вот в 1894 году дед Ивана Ивановича Викентий Антонович (1843–1917) взял ссуду в Крестьянском банке и купил волоку земли (20 десятин) в той самой околице Букорево, где появился на свет историк Костюшко⁹. Десятина равняется примерно 1,0925 гектара, и даже разделенная пополам между сыновьями Викентия Иваном (1879–1971) и Витольдом волока земли тянула в расчете на брата более чем на 10 гектаров.

Даже при наличии у отца Ивана Ивановича четверых детей «маломощный середняк» из него как-то не вырисовывается, но и дворянином прежняя власть его так и не признала, оставив его детям возможность не указывать в анкетах принадлежность к «эксплуататорским классам». Вступление же в колхоз в 1930 году перевесило в глазах советских администраторов все многовековое родословие, от которого в роду собственно и остался тот самый «пятый пункт». «Поляк» для родных мест Костюшко – это местный житель римско-католического вероисповедания, часто окрестянившийся по воле империи в XIX веке и отличный от местного белорусского населения скорее не по языку, а по конфессии и традициям брачного поведения. Родословная Ивана Ивановича и по отцу, и по матери, Валерии Антоновны из Панфиловичей, показывает, что его женились и выходили замуж за окрестных представителей своего круга (часто это одни и те же фамилии: в роду и Костюшко, и Панфиловичей встречаются браки с Новодворскими и Сипайло¹⁰).

Грамотность Ивана Ивановича и его сестер в 14-м колене наложилась в их биографии на очевидные преимущества советской коренизации, провозглашенной на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 года. В небольшой по территории довоенной БССР (даже несмотря на все «укрупнения» 1924–1927 гг., коснувшиеся, кстати и родных мест Ивана Ивановича, до 1924-го пребывавших в составе РСФСР) коренизация имела свои особенности: помимо белорусского, здесь сосуществовали еще три официальных языка: русский, идиш и польский. «Белорусизация», хотя и охватила крестьянскую массу почти целиком, имела определенные альтернативы, в том числе касавшиеся и местных жителей, находивших у себя польскую идентичность. Выбор идентичности у людей одного поколения с Иваном Ивановичем несомненно был: кто покидал родные места еще до укрупнения, как родившийся в 1909 г. в нынешней Го-

мельской обл. Андрей Андреевич Громыко, предпочитал писаться в паспорте «русским». Сделавшие карьеру чуть позже коллеги Громыко по высшему руководству КПСС – К. Т. Мазуров, П. М. Машеров и М. В. Зимянин – были первыми кадрами «белорусизации», инициатором которой был лично Сталин, еще в 1921 г. в своем докладе по национальному вопросу на X съезде партии акцентировавший два принципиальных момента: 1) белорусская нация реально существует (многие советские руководители, и Ленин в том числе, с этим согласны не были); 2) этническую картину на Востоке Европы можно изменить очень быстро¹¹.

Тактический ход Сталина, принесший результат на главном направлении – нейтрализации и подавлении польского влияния после войны 1920 г. и Рижского мира – принес побочный итог стратегического значения – сохранение и развитие (хотя и чрезвычайно противоречивое) белорусского этнического и языкового начала в XX столетии. Главную же задачу большевики реализовали на практике уже с конца 1930-х гг. – именно тогда началось массовое привлечение к деятельности советской власти взращенного коренизацией слоя молодых «выдвиженцев» из «толщи народной», в значительной части сельских уроженцев. Об эффективности подобного этнонационального эксперимента свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из этого слоя вышли сразу четыре упомянутых члена высшего политического руководства СССР в 1970-е гг. – Громыко, Мазуров, Машеров и Зимянин (все четверо крестьянские дети), работавшие в высших партийных структурах под руководством сделавшего себе карьеру на волне украинизации Л. И. Брежнева (примечательно, что уже после войны, в 1947 г. в паспорте Леонида Ильича, выданном в Запорожье, указывалась национальность «украинец»¹²). Под жестким контролем центральных властей и вопреки тенденциям развития двух первых десятилетий XX века в маленькой БССР все-таки сформировалась собственная, хотя и весьма специфичная этнокультурная элита, имевшая неплохую перспективу и в общесоюзном масштабе.

Иван Иванович Костюшко получил оба своих образования – и зубоврачебное (среднее специальное) и историческое (высшее) на той же волне коренизации. Пятая графа, в коей значилось «поляк», в сентябре 1933 г., когда он начал учиться в Минской зубоврачебной школе, не была препятствием к карьерному росту и прочим жизненным перспективам. Более того, именно в это время, после широкомасштабного бичевания белорусских национальных кадров на рубеже 1930-х гг. («разгром нацдемовщины») быть поляком, к тому же проживавшим с родителями вдалеке от тогдашней советско-польской границы, было относительно безопасно.

А вот пятью годами позже, когда Иван Иванович начал учебу в историко-архивном институте в Москве, «польский след» был потенциально очень опасен: именно в 1938-м, как известно, были репрессированы руководители Коммунистической партии Польши, а сама партия распущена; словосочетание «польский шпион» стало общим местом в процессах над «врагами народа». К тому же основанный в 1932 году историко-архивный институт как раз в 1938-м был передан вместе с прочим архивным хозяйством страны в систему НКВД (что характерно, почти одновременно с системой медицинских вытрезвителей). Преподавание в новом вузе не сразу было поставлено на должную высоту: это отмечает в своих мемуарах еще один старейший историк Николай Иванович Павленко, поступивший сюда на учебу двумя годами ранее, в 1936-м. Да и условия для студенческой жизни были не ахти какие. По словам Павленко, «общежитие занимало помещение бывшего гаража. Это была огромная комната с цементным полом площадью свыше ста квадратных метров, в которой было отгорожено место для самых примитивных туалета и умывальника. Последний представлял собой трубу диаметром 8–10 сантиметров с десятком сосков. В большой комнате стояло штук сорок кроватей, отделенных друг от друга тумбочками. Посредине стоял большой стол, предназначенный для студенческих завтраков и ужинов... Я и поныне удивляюсь, как можно было жить в таких скотских условиях, но тогда они ни у кого не вызывали недовольства и считались нормальными...»¹³

В этих условиях уже на первом году обучения Костюшко на историко-архивный обратили взор высшие руководители НКВД. Недавно опубликованные архивные документы подробно освещают историю «чистки» вуза, начатой 23 февраля 1939 года письмом группы студентов и аспирантов на имя Л. П. Берии. Лаврентий Павлович дал делу немедленный ход, а его заместитель В. Н. Меркулов немедленно принял жалобщиков. После этого практически весь предвоенный период в историко-архивном институте методично выявляли лиц с чуждым социальным происхождением, а также «примазавшихся». Обнаружили таковых и среди преподавателей (среди прочих как «сына священника» и отсидевшего 3 года по «делу историков» разоблачили и известного историка-слависта Сергея Александровича Никитина), и среди лаборантов, и среди студентов, причем во множестве: только за первый квартал 1940 года спецпроверкой было выявлено 10 студентов одного лишь 4-го курса в связи с их социальным происхождением (сын попа, из семьи купца и тому подобные несоветские элементы).

Комсомолец Иван Костюшко со своей богатой родословной мог вполне заинтересовать компетентных товарищей – упоминалась же в справке, адресо-

ванной замнаркома внутренних дел С. Н. Круглову от 11 апреля 1940 г. «преподаватель Прутенская М. С. – дочь поляка-кулака, в прошлом лишенца избирательных прав»¹⁴. Но к счастью, обошлось, и в автобиографии весной 1952-го младший научный сотрудник Института славяноведения Костюшко впишет строки, крайне важные для той эпохи: «никаких взысканий за время учебы и работы не имел, несудим...».

Так начиналась замечательная научная биография патриарха отечественной славистики. Иван Иванович не только пытался выдерживать весьма похвальный жизненный принцип «только вперед», но и сделал это свое поступательное движение по ниве исторической науки ускоренным в отнюдь непростые для нее 1990–2000-е годы. Все шесть десятилетий его работы в Инславе отмечены действительно полезной, плодотворной, реально значимой работой. Те же самые сухие официальные источники фиксируют основные достижения его научной карьеры¹⁵ – в 32 года под руководством академика Б. Д. Грекова защищена кандидатская диссертация «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.)», в 44 – докторская на основе фундаментальной, сохраняющей и поныне свое научное значение монографии «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском» (1962). В Институте славяноведения, как гласит бумага под названием «дополнение к личному листку по учету кадров» – аспирант (1949–1952), младший научный сотрудник (1952–1956), и. о. ученого секретаря (1956–1958), старший научный сотрудник (1958–1971), зав. сектором (1971–1993). И с 1993-го – ведущий научный сотрудник-консультант. Параллельно – общественная работа (от партийной ДОС совместной с польскими историками комиссии, у истоков которой стоял Иван Иванович), предельно насыщенная и исключительно успешная редакторская карьера (о ней в настоящем сборнике красочно вспоминает Светлана Михайловна Фалькович): из нее лишь один факт – первый и многолетний (1965–1986) главный редактор известного научного журнала «Советское славяноведение». Редакторская работа в чем-то сродни его первой специальности, зубоветеринарной: и тут, и там необходимо ответственное профессиональное мастерство.

И в последние два десятилетия – то самое ускорение научного творчества Костюшко, которое неизменно поражает молодых коллег. Это не «осень патриарха», а самый настоящий расцвет творческой деятельности – причем уже не только в области любимой аграрной истории. Сначала – три монографии в той же области: «К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского

типа» (М., 1989), «Аграрная реформа 1848 г. в Австрии» (М., 1993) и «Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму (Сравнительный очерк)». И вслед за этим – напряженный и качественный архивный поиск по ранее «неудобной» тематике – первой ласточкой стал вышедший под редакцией Ивана Ивановича сборник «Польско-советская война, 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы)» (Ч. 1–2. М., 1994).

А вот творческие удачи нашего героя, строго относящиеся к XXI столетию. Документ строгой отчетности вновь особых комментариев не требует: «Список научных работ ведущего научного сотрудника-консультанта Костюшко И. И.

I. Монографии и главы в монографии.

1. К истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). М., 2005 (9 п. л.).
2. Красноармейцы в польском плену. М., 2004 (Подготовка сборника документов и материалов).
3. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. М., 2004 (25,2 п. л.).
4. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е гг.) М., 2001 (14 п. л.).
5. Сборник документов и материалов о польских военнопленных в РСФСР, БССР и УССР. Совместно с польской стороной. 40 п. л. (готовится к печати) (Введение, составление и комментарии).

II. Статьи в научных сборниках, периодических изданиях.

1. Письма акад. Ю. Бардаха о работе комиссии. С участием Я. Н. Щапова // Русско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003 (0,5 п. л.).
2. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском (в печати) // Экономическая энциклопедия РОСПЭН (0,5 п. л.).
3. Попытка советской России разрушить версальскую систему мира // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007 (1,5 п. л.).
4. Рец. на книгу И. С. Яжборовской и В. С. Парсadanовой // Славяноведение. 2006. № 4 (0,2 п. л.).
5. От парламентской системы к авторитарной (Конституции Польши 1921, 1935) // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в.) М., 2008 (1 п. л.)¹⁶.

Итого – на девятом десятке ведущий научный сотрудник Костюшко приложил руку к пяти монографиям и пяти крупным исследованиям статейного

плана. Более чем достойное продолжение 60-летней научной карьеры и украшение полутысячелетней истории грамотного рода Костюшек...

...Осенью 2008 года в Варшаве вышли интереснейшие мемуары известных польских русистов Виктории и Рене Сливовских под названием «Россия – наша любовь». Любовь к России у супругов достаточно требовательная, а отношение к советской науке и к историографии в частности местами весьма критическое. Иван Иванович Костюшко упоминается в книге лишь однажды, но в весьма доброжелательном ключе. Виктория Сливовская рассказывает о том, что ей как-то довелось опекать делегацию советских военных историков во главе с двумя генералами (одним из них был многолетний начальник Института военной истории Министерства обороны СССР Павел Андреевич Жилин (1913–1987). По словам мемуаристки, Иван Иванович оказался вовлечен в любопытную историю: «С ходу возникла проблема, кому носить папки генералов, которым не положено ничего держать в руках. Мы сделали вид, что не слышали об этих сложностях, связанных с армейским этикетом; одну папку сразу забрал полковник как подчиненный генералов, а другую к счастью согласился взять Иван Иванович Костюшко, сотрудник Института славяноведения, также у нас тогда гостивший. Заседание началось. Из его программы наш генерал-директор узнал, что его выступление предусмотрено после обеда, но всё не мог поверить, что ему не дадут слово одним из первых. Тем временем упомянутый Костюшко куда-то подевался вместе с Кшиштофом Гронёвским, с которым их объединяла работа над аграрной проблематикой. Уже объявили перерыв на кофе, генерал нервничает, а я с моей прославленной острым языком приятельницей Кристиной Мужинковской отправились искать по этажам пропажу. Наконец на лестнице появились оба долгожданных господина с несчастной папкой, содержащей доклад. Из кабинета рядом с залом заседаний появляется фигура нашего директора [профессора Тадеуша Мантейфеля, директора Института Истории ПАН]. Тут Кристина взмолилась: «Пан Костюшко, как так можно! Вы исчезаете с папкой, а наш генерал места себе не находит, боится, что его вызовут к доске, а он ни бе, ни ме. Как так можно?» Никогда – ни до того, ни после того – я не видела профессора Мантейфеля таким довольным – он смеялся до колик. Генерал, к счастью, по-польски не понимал...»¹⁷. Даже в этой байке с полуполюгендарными деталями личность Ивана Ивановича передана совершенно верно – польские коллеги запомнили его как человека, всегда готового помочь в любой трудной ситуации...

Примечания

- ¹ Публикация осуществлена при поддержке РГНФ (грант № 08-01-90103а/Б).
- ² Костюшко И. И. К генеалогии Костюшко Ивана Ивановича. Рукопись. С. 1.
- ³ Текущий архив Института славяноведения РАН. Личное дело Костюшко И. И.
- Л. 4.
- ⁴ Там же. Л. 2–3.
- ⁵ Цит. по : *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. IV. Минск, 2005. С. 172.
- ⁶ Текущий архив... Л. 3.
- ⁷ Костюшко И. И. К генеалогии... С. 7–10.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 18, 28.
- ¹¹ Подробнее см.: *Борисёнок Ю. А., Шемякин А. Л.* Долой пиджачников! Как товарищ Сталин выучил белорусов их собственному языку // *Родина*. 2008. № 1.
- ¹² См.: Брежнев Леонид Ильич. Специальный выпуск Вестника Архива Президента РФ. М., 2006. 2-я сторона обложки.
- ¹³ *Павленко Н. И.* Воспоминания историка // *Родина*. 2009 (в печати).
- ¹⁴ «Студенты просят, чтобы органы НКВД навели в институте большевистский порядок». Публ. Т. И. Хорхординой и В. Ю. Романовой // *Новый исторический вестник*. 2002. № 6.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Стыкалин А. С.* Юбилей И. И. Костюшко // *Славяноведение*. 2004. № 4.
- ¹⁶ Текущий архив Института славяноведения РАН.
- ¹⁷ *Śliwowski W. i R.* Rosja nasza miłość. Warszawa, 2008. S. 168.

Шляхетская Речь Посполитая XVIII века и «упадок Польши» в новейшей историографии

Интернационализация науки как совокупности знания, с одной стороны, и исследовательского процесса – с другой, ныне уже воспринимается как непреложный факт применительно и к исторической науке. Однако по-прежнему продолжаются дискуссии о месте национальных историографических традиций и школ во всеобщем познании прошлого, в осмыслении исторического опыта человечества. Нередко историки задаются вопросами, почему одни проблемы имеют для исторической науки универсальное транснациональное значение, а роль других сугубо ограничена национальными, региональными рамками, пределами отдельных хронологических периодов и т. п. Другими словами, каковы критерии пресловутой «актуальности» исторических исследований. В связи с этим задачей данной статьи является анализ современного значения традиционной, по крайней мере для европейской историографии, темы «упадка» и гибели польско-литовской шляхетской республики в XVIII веке.

Говоря о новейшем периоде в развитии историографии, начальный рубеж которого пролегал на переломе 1980-х и 1990-х годов, понятие «упадок – падение Польши», разумеется, можно применить только условно и с существенными оговорками. Мы употребляем его потому, что именно оно использовалось для обозначения комплекса исследуемых проблем с самого начала его изучения. Оно же было одним из фундаментальных в историографии второй половины XIX в., когда историческая наука приобрела современные формы исследования. Тогда же оно получило историографическое обоснование и общепринятое и поныне значение.

В той же мере, в какой дискуссии 1970–1980-х годов на тему «упадка – разделов Польши» определили, по словам Михала Х. Серейского, предшествующий этап изучения проблемы как «историографический», так и дискуссии начала 1990-х годов заложили основы новых подходов к изучению поставленных проблем. Условием и стимулом для этого послужили происшедшие в это время кардинальные общественно-политические изменения в Центральной и Восточной Европе, да и на континенте в целом.

Возобновление участия российских ученых в международной дискуссии по проблемам «упадка Польши» было связано с обсуждением т. н. «белых

пятен» в истории России и Польши и российско-польских отношений. Однако довольно быстро проблемы истории Польши и международных отношений XVIII в. приобрели самостоятельное звучание, а их исследование одновременно перешло на новый уровень. С начала 1990-х годов это нашло выражение в публикации трудов историков по данной проблеме не только у себя на родине, но и в других странах, например, соответственно в Польше, Германии и России. В то же время исследования по названной теме стали осуществляться в рамках международных научных проектов.

Ныне в Европе сформировался ряд научных центров и школ, занятых изучением истории Польши XVIII в. Так в Польше традиции, заложенные В. Конопчинским и продолженные Э. Ростворовским и Е. Михальским, успешно развиваются в последние годы в Институте истории ПАН В. Кригзайзеном, в Варшавском университете – З. Зелинской и ее школой. В Торуне в этой области работают Е. Дыгдала и Я. Сташевский, в Кракове – школа Ю. Геровского, К. Зенковска, М. Чепле. В Германии указанная проблематика ныне исследуется школой К. Цернака и в Институте Европейской истории в Майнце учениками К. О. фон Аретина и под руководством Х. Духардта и К. Шарфа. В Англии в области польской истории XVIII в. работают Р. Буттервик и Г. Т. Луковский. В России польско-российские отношения XVIII в. представлены в новейших трудах П. В. Стегния. Проблематика истории Польши XVIII в. разрабатывается в Институте славяноведения РАН, в институтах Российской истории и Всеобщей истории. В последние годы значительный вклад в исследования по истории Речи Посполитой XVIII века внесли историки Литовской республики, о чем, в частности, свидетельствовала организованная Институтом истории Литвы международная научная конференция «Общественная и частная жизнь Великого Княжества Литовского в XVIII веке» (Вильнюс, 12–13 октября 2006 г.), в которой, наряду с литовскими учеными из ведущих научных центров республики, приняли участие историки из Англии, Белоруссии, Польши, России. Представленные на конференции доклады, а также вопросы, поднятые в дискуссии, были сосредоточены вокруг двух центральных проблем: политическая жизнь (политическая и правовая культура) литовского общества, а также общественное сознание и общественная мысль в Литве эпохи Просвещения.

Развернувшиеся в историографии с начала 1990-х годов дискуссии как по общеевропейским проблемам истории стран Центральной и Восточной Европы в Новое время, так и истории Польши, России и польско-российских отношений определили важнейшие направления исследований истории Речи Посполитой и отношений шляхетской республики с соседними государствами

в XVIII в. Видное место в этих дискуссиях принадлежало обширному очерку Л. Конджели и Т. Цегельского «Концерт трех черных орлов (споры о разделах Польши)», опубликованному в 1990 г. в Москве на русском языке¹, что уже представляло собой уникальное явление для тогдашнего состояния историографии. Анализ обсуждаемых историками тем авторы начали с фундаментального (поставленного еще в XVIII в.) вопроса о внутренних и внешних причинах «слабости» Польско-Литовского государства, которые обусловили разделы шляхетской республики. Причем, совокупность внешних причин, по их мнению, нашла выражение в европейских кризисах XVII–XVIII вв. На Западе кризисы были связаны с зарождением «протокапиталистических форм производства», на Востоке – с экспансией западного абсолютизма (в первую очередь Швеции). На востоке Европы, отмечали авторы, преодолеть кризисы и успешно противостоять внешним угрозам смогли только страны, также ступившие на путь абсолютизма, в первую очередь, Австрия, Пруссия и Россия².

Не останавливаясь детально на представленных в исторической литературе проблемах политической централизации государств и формах установленной в них публичной власти в раннее Новое время, укажем, что, наряду с выдвинутой концепцией, в историографии высказываются и иные точки зрения на характер процессов образования централизованных государств, в том числе и в форме республик с федеративным и конфедеративным устройством³. При этом исследователи уделяют большое внимание внешним факторам эволюции форм государственной власти, в частности, участию в военных коалициях, союзах и другим проявлениям внешнеполитической деятельности государства.

Однако, думается, что применительно к истории Речи Посполитой XVIII в. при сравнительной характеристике политического строя шляхетской республики выявленное и описанное многообразие проявлений институционального формирования государств нередко служит основанием для выводов, сделанных вне связи с анализом социальной природы государства. Это в свою очередь влечет за собой не вполне корректные аналогии между «шляхетской демократией» и демократией буржуазного общества или же в случае, когда феодальные привилегии отдельных земель и провинций именуются «польско-литовским федерализмом»⁴. Вместе с тем исследования по истории отдельных земель, провинций и областей Речи Посполитой имеют исключительное значение для изучения политической истории шляхетской республики, анализа положения сословий и сословных групп. В качестве примера укажем только на новейшие работы Альмут Буэс по истории Курляндии и Е. Дыгдалы – Королевской Пруссии (Западного Поморья)⁵.

Значение исследований по истории Польши в контексте европейской истории раннего Нового времени состоит еще и в том, что в историографии рассматриваемого периода появилось немало работ сравнительно-исторического плана как посвященных тем или иным странам в целом, так и отдельным проблемам, рассматриваемым на примере ряда стран. Среди них можно назвать ряд коллективных трудов и тематических сборников. В Польше – «Речь Посполитая – Европа XVI–XVIII века. Попытка конфронтации» (1999); в Англии – «Польско-литовская монархия в европейском контексте 1500–1795» (2001); в Германии – «Екатерина II, Россия и Европа» (2001); в России – «Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой» (1999)⁶. Последний из названных коллективных трудов был посвящен памяти Лукаша Конджели.

При всех различиях в подходах отдельных авторов к рассматриваемым проблемам указанные труды объединяет старый вопрос, поставленный в научном плане еще Л. фон Ранке о принадлежности Польши и России к европейской истории. Их авторы отвечают на этот вопрос утвердительно, безоговорочно отмечая принадлежность обеих стран к европейской цивилизации и подчеркивая, что присущие им особенности исторического развития свидетельствовали только об их своеобразии, как, впрочем, и всех других стран континента. В подтверждении этих выводов укажем на фундаментальный труд К. Цернака «Польша и Россия: два пути в европейской истории» и Р. Буттервика «Последний король Польши и английская культура»⁷. Суть противоречий между Польшей и Россией К. Цернак усматривал в антагонизме польской «шляхетской демократии» и «автократии» Московского царства. В этих суждениях нетрудно заметить аналогию со взглядами И. Лелевеля. Перемены в соотношении сил между великими державами в начале XVIII в., по словам немецкого ученого, повлекли за собой ограничение суверенитета («кризис суверенитета») Речи Посполитой⁸. Этот тезис был обоснован самим К. Цернаком и его учеником М. Г. Мюллером еще в конце 1960-х и развит в 1970-е годы. Наконец, период разделов Речи Посполитой (1772–1795 гг.) К. Цернак определил применительно к истории Польши как время «крушения государства и национального обновления»⁹. Примечательно, что в этом вопросе он присоединился к тем историкам, которые не ограничивали период «национального обновления» временем Четырехлетнего сейма.

Изучение истории Польши и других европейских стран в сравнительном плане стимулировало развитие исторических исследований эволюции представлений народов друг о друге и связанных с этими представлениями образами и стереотипами общественного сознания. Начатые еще в 1970-е годы,

такие исследования получили в рассматриваемый период широкое распространение (особенно в Польше и в России). Примером может послужить отмеченный в 2008 г. премией Российской и Польской академий наук цикл исследований «Русско-польские литературные и культурные связи в европейском контексте. Взаимное видение в литературе и культуре»¹⁰. Аналогичный совместный труд российских и польских историков был издан в 2000 г. в Польше¹¹. О научной актуальности и значении исторических исследований в области стереотипов восприятия поляков и русских говорилось в докладе У. Аугустыняк на международной конференции в Пскове в сентябре 2007 г.¹²

Применительно к истории XVIII в. В. Кригзайзен опубликовал в России на русском языке очерк о положении польских протестантов в освещении немецкой прессы XVIII в.¹³ Данная работа является составной частью более широкого исследования об отражении в печати Германии внутреннего и международного положения Речи Посполитой в XVIII в. Говоря о проблемах «падения» шляхетской Речи Посполитой, исследование взаимного восприятия народов оказалось весьма продуктивным направлением научного поиска. В этом отношении характерна диссертация исследователя из Белоруссии Т. Т. Кручковского «Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.»¹⁴, в которой специальная глава была посвящена вопросу об «упадке Польши»¹⁵. В ней автор отошел от собственно анализа историографии, сосредоточив внимание на обзоре русской публицистики по т. н. «польскому вопросу». Предметом его исследования стало не развитие науки, а комплекс стереотипных общественных представлений второй половине XIX в. С позиций польской историографии 1970–1980-х годов автором были подвергнуты критике суждения русских публицистов и публицистические высказывания историков второй половины XIX в.

Исследованию стереотипов общественного сознания была посвящена и фундаментальная работа Мартина Шульце-Весселя «Российский взгляд на Пруссию. Польский вопрос в дипломатии и в обществе царской России и Советского государства 1697–1947»¹⁶. Книга эта интересна во многих отношениях. Как видно из заглавия, она посвящена российско-прусским (германским) отношениям, их практике и отражению в общественном мнении России и СССР почти со времени провозглашения Прусского королевства и до ликвидации автономной Пруссии в составе Германии после Второй мировой войны. Для нашей темы названная книга важна, поскольку русско-пруссские отношения рассматриваются ее автором через призму политики обеих держав в Польше. Применительно к XVIII в., М. Шульце-Вессель подчеркивал, «что история русско-пруских связей, начиная с 1697 г., демонстрирует постоянство общих

интересов, направленных на воспрепятствование реформам в Польше. При этом Пруссия как младший партнер России достигает статуса великой державы, на опыте осозная, однако, что именно в польском вопросе она занимает подчиненное положение по отношению к России как державе-гегемону»¹⁷.

К аналогичным выводам пришел и Х. Духардт, исследовавший представления о России прусского короля Фридриха II¹⁸. Немецкий ученый подтвердил вывод о подчиненности прусской политики внешнеполитическому курсу России, как он подчеркивал – по убеждению прусских монархов, «нителями европейской политики управляли не в Париже, а в Петербурге». Однако автор выразил сомнение в объективной обоснованности страха прусского короля перед Россией¹⁹. Последний тезис имеет принципиальное значение, поскольку опасения Фридриха II перед мнимой угрозой российской гегемонии или, тем более, порабощения Европы разделялись не только многими современниками прусского короля, но и позже немалым числом историков, на страницах сочинений которых этот тезис выглядел уже как политическая аксиома. Стоит добавить, что приведенное мнение Х. Духардта разделяет и Клаус Шарф, утверждавший, что правительство Екатерины II, стремясь к господству в Польше, в Германии ограничивалось политикой поддержания равновесия между Австрией и Пруссией²⁰.

В первую очередь сравнительно-исторический подход присущ трудам по истории международных отношений. При этом вопрос о судьбе Речи Посполитой в XVIII в., составлявший одну из важнейших проблем европейской политики продолжает привлекать внимание историков. Разумеется, не обошли стороной эту тему польские исследователи. Однако центр тяжести их исследовательского интереса находится в области отдельных монографических проблем, о чем мы скажем ниже. Обобщающие труды в этой области в последние годы были изданы: в Польше²¹, Англии²², Болгарии²³, Германии²⁴ и в России²⁵. В вышедшей в свет в конце 2008 г. «Истории Польши 1572–1795» У. Аугустыняк главное внимание было направлено на освещение социальной и политической истории шляхетской республики двух народов. При этом в работе последовательно реализован, характерный для современных исследований принцип единства рассмотрения социального и культурного развития общества. Дискуссионным проблемам своеобразия исторического развития польско-литовского государства и его исторической обусловленности особенностей польского общественного и государственного устройства как в период становления, так и «упадка», и «разделов» шляхетской Речи Посполитой посвящено «Заключение», открывающееся словами, что «польская историография, сформировавшаяся в эпоху разделов страны, сформулировала донныне

актуальный вопрос о причинах падения Польши. Стало ли оно следствием собственной вины поляков или же действий держав-захватчиков? Ответ на него, – продолжала У. Аугустыняк, – не может быть однозначным, и вместе с тем, он неразрывно связан с другой проблемой: была ли история и трагическая судьба шляхетской Речи Посполитой исключительным явлением, уникальным и неповторимым? Представляется, что отрицательный ответ на поставленные вопросы послужит в равной мере обоснованию как начала, так и финала истории Польско-Литовского государства Нового времени»²⁶. Возвращаясь к этой мысли в заключительных строках своей фундаментальной книги автор пишет: «Падение Речи Посполитой на рубеже XVIII–XIX вв. ни в каком отношении не было экстраординарным явлением, республика не была “обособленным островом на политической карте Европы” <...> Стоит, однако, принять во внимание, что и державы-захватчики заплатили в итоге за узурпацию исключительной роли в Европе и за мечты о великодержавной мощи несопоставимо большую цену, чем за приобретенные выгоды»²⁷.

Возвращаясь к обобщающим трудам, опубликованным за пределами Польши, следует отметить, что основное внимание авторов этих работ было направлено на изучение эволюции Вестфальской системы и разделов Речи Посполитой как одного из проявлений кризиса международных отношений во второй половине XVIII в. Избранный ими «геополитический подход» обусловил в известной мере произвольное и субъективное толкование содержания «государственных интересов», исходя из различных «политических систем» того времени. Вместе с тем во всех трудах разделяется концепция коллективного протектората великих держав в отношении Польско-Литовского государства и ограничения суверенитета шляхетской республики. Положительной стороной указанных трудов было недвусмысленное осознание явно выраженной связи между проблемой реформ государственного устройства Речи Посполитой и международным положением шляхетской республики, а также политикой великих держав.

Однако в указанных российских изданиях по истории Польши и польско-российских отношений встречаются достаточно характерные фактические ошибки, например, обстоятельства сейма 1766 г. излагаются по книге Г. Каплана с заимствованием допущенных американским исследователем досадных неточностей²⁸. Терминологические и фактические погрешности встречаются и при описании сейма 1767/68 гг.²⁹ В «Истории внешней политики России XVIII век» содержатся ошибочные утверждения, что в 1767 г. в Случке собралась «конфедерация православной шляхты», что во главе конфедерации диссидентов стал К. Радзивилл (?), что «13 февраля 1768 г. сейм создал комиссию,

которая от имени сейма заключила с Россией союз. Речь Посполитая юридически входила в Северную систему»³⁰. Последний тезис неправомерно ставит знак равенства между трактатом о гарантии польской конституции и союзным договором, а три различные проблемы: польско-российского союза, гарантии польской конституции и места Речи Посполитой в Северной системе предстают как нечто единое. Приведенные примеры не исключение. Они свидетельствуют о недостаточности введенного в научный оборот фактического материала, о неразработанности в отечественной историографии истории Речи Посполитой XVIII в. и влияния политики великих держав, прежде всего России, на внутреннее и международное положение шляхетской республики.

В известной мере этот пробел характерен и для новейшей историографии в целом. Даже в польской историографии отсутствуют монографические исследования по истории сеймов 1766 и 1767/68 годов, по истории Генеральной конфедерации 1764–1766 гг., а также по истории магнатских группировок XVIII в., прежде всего «партии» Чарторыхских – «фамилии». Исследование политической деятельности магнатов и их сторонников в Короне и Литве предприняла недавно Мария Чеппе, выпустившая монографию о группировке сторонников королевского двора в 1750-е годы, в правление Августа III³¹. Времени правления саксонской династии посвящена фундаментальная монография В. Кригзайзена о кальвинистской шляхте Польши и Литвы³². Уделив главное внимание общественному и сословному положению иноверческой шляхты, автор затронул проблему участия ее представителей в политической жизни страны, в частности переориентацию на рубеже 1750–1760 гг. некоторых лидеров диссидентов на сотрудничество с Петербургом. Об отношениях правительства Екатерины II и «фамилии» в 1764–1766 гг. писала З. Зелиньска, однако автор ограничилась по сути дела только постановкой проблемы детального изучения политических взаимоотношений Станислава Августа, магнатских группировок и иностранных держав как субъектов внутренней политики Речи Посполитой³³.

Истории сеймов Речи Посполитой по праву принадлежит одно из центральных мест в польской историографии. На значение этой проблемы указывал еще В. Конопчиньский, начавший публикацию «Дневников» польских сеймов XVIII в. и работавший над изданием «Дневника» сейма 1773 г. Однако этот труд выдающегося польского историка остался незавершенным. В новейшей польской историографии эта традиция плодотворно развивается. В 2000 г. вышел из печати фундаментальный труд «Сейм Речи Посполитой в правление Яна Казимира Вазы. Право-доктрина-практика»³⁴, который, хотя и относится хронологически к предшествующей эпохе, однако имеет в целом для истории

польского сейма немаловажное значение. Из последних работ, посвященных истории сеймов Речи Посполитой XVIII в., отметим книгу У. Косиньской, посвященную сейму 1719–1720 гг.³⁵ В ней автор обратилась к взаимосвязанному рассмотрению международного и внутреннего положения шляхетской Речи Посполитой в критический момент, когда польский король Август II попытался освободиться от российской опеки, обратившись в этом за поддержкой к венскому двору. В работе поставлена весьма важная и до сих пор остающаяся дискуссионной проблема о соотношении политического влияния России и монархии Габсбургов на востоке Европы и, прежде всего, в Речи Посполитой в период так называемой ништатской системы.

К исследованию политической роли России в шляхетской республике обратилась З. Зелиньска в новейшей монографии «Из истории польско-русских отношений в XVIII веке»³⁶. От других монографий на эту тему названный труд отличают весьма широкие хронологические рамки: со второй половины 1730-х гг. – до 1790 г., когда Четырехлетний сейм уничтожил установленную в 1768 г. российскую гарантию государственного строя шляхетской Речи Посполитой. Такой подход автора позволяет проследить политические тенденции во взаимоотношениях России и Польши на протяжении длительного времени. Разумеется, это потребовало ограничить круг рассматриваемых проблем и сосредоточиться на двух вопросах: отношении России к планам реформ государственного строя Речи Посполитой и к проекту польско-русского союза. Первый из них имеет богатую историографию, однако автор, в отличие от своих предшественников, уделила основное внимание отношению Петербурга к реформаторским проектам в Польше практически с того времени, когда они впервые стали обсуждаться при российском дворе, и вплоть до последних месяцев, предшествовавших уничтожению российской гарантии, что практически стало прелюдией к образованию Тарговицкой конфедерации и ко второму разделу Польши, а затем и ликвидации шляхетской республики в 1795 г. Вопрос о польско-русском союзе, напротив, не привлекал особого внимания исследователей, за исключением статей Е. Михальского (1984 г.) и самой З. Зелиньской (1999 г.), о планах заключения союза в 1764–1766 гг.³⁷ Эти статьи положили начало дискуссии, в которой Е. Михальский придерживался мнения об осуществимости этого замысла и о намерении обеих сторон заключить его, чему, однако, помешали взаимные противоречия и сопротивление Пруссии. З. Зелиньска, напротив, полагала, что в Петербурге изначально считали такой союз неприемлемым, поскольку он предполагал проведение реформ в Польше. Переговоры же о союзе Н. И. Панин использовал для давления на Варшаву.

В монографии о польско-российских отношениях в XVIII веке З. Зелиньска проследила связь проблем реформ и союза в польско-российских отношениях, начиная со второй половины 1730-х годов. Первая глава посвящена изучению позиции Петербурга в 1738–1744 гг. по отношению к реформаторским замыслам польского двора и пользовавшейся в то время в Речи Посполитой наибольшим политическим влиянием магнатской группировки Чарторыхских. На основе детального исследования дипломатической корреспонденции Петербурга с российским послом в Речи Посполитой Г. К. Кейзерлингом, а также с прусским двором З. Зелиньска проанализировала позицию России по отношению к названным проблемам. Автор опровергает тезис С. М. Соловьева, что при определенных обстоятельствах императрица Елизавета Петровна и канцлер А. П. Бестужев были якобы готовы дать согласие на заключение союза и проведение некоторых преобразований в Польше (в том числе и в военной области). З. Зелиньска убедительно доказывает, что руководители русской внешней политики, ни при каких условиях не допускали возможности изменений польского государственного устройства, а в этом случае лишалась почвы и сама идея союза двух стран.

Важнейшую роль в принятии такого решения, как показал автор, сыграла принципиальная позиция правящих кругов Российской империи, предполагавшая русско-прусское согласие по польским делам, что предусматривало сохранение «анархии» в Речи Посполитой. Этот курс не претерпел изменений, даже несмотря на расхождения и вспыхнувшую враждебность Петербурга и Берлина во время войны за австрийское наследство. З. Зелиньска делает вывод, что русско-прусские разногласия по польским делам, проявившиеся в 1740-е гг., носили сугубо конъюнктурный характер. В России прусскому королю Фридриху II предоставляли возможность проделать грязную работу по срыву реформаторских начинаний в Польше, действуя заодно с ним в деле консервации существующего государственного устройства Речи Посполитой. Этот тезис, на наш взгляд, весьма существенен для продолжающейся более ста лет дискуссии о роли Пруссии во внешней политике России XVIII–XIX вв., поскольку на основе источников русского происхождения убедительно продемонстрировано положение Берлина как младшего партнера Петербурга, по крайней мере, в политике по отношению к Польше.

Вопрос о возобновлении курса на проведение реформ в Речи Посполитой вновь приобрел политическую актуальность на рубеже 1762–1763 гг., после дворцового переворота в Петербурге и воцарения Екатерины II, когда новая императрица высказалась в поддержку планов «фамилии» образовать конфедерацию «для исправления порядков» в шляхетской республике. З. Зелиньска

отмечает, что в историографии замысел Чарторьских расценивается как единственная возможность во время правления новой императрицы получить согласие Петербурга на реформу сейма Речи Посполитой. Такого мнения придерживались Х. Шмит, Р. Рёпель, С. М. Соловьев, Ш. Ашкенази, Ю. Нек и В. Конопчинский. В связи с этим автор поставила перед собой задачу выяснить позицию Петербурга и проследить ее эволюцию по мере развития контактов со сторонниками России в Польше в 1762–1763 гг., чему и посвящена вторая глава монографии.

Следует заметить, что при анализе указанной проблемы З. Зелиньска уделила особое внимание корреспонденции вновь назначенного послом в Польшу Г. К. Кейзерлинга – в то время одного из главных советников Екатерины II по польским делам и автора концепции российской политики в отношении Речи Посполитой. Примечательно и то, что ранее по разным причинам историки не уделили достойного внимания весьма кратким депешам русского посла 1762–1764 гг. (это относится даже к С. М. Соловьеву), отдав предпочтение более пространным донесениям саксонских дипломатов. В этом смысле труд З. Зелиньской существенно расширяет источниковую базу исследований в весьма важном вопросе истории польско-российских отношений начала 1760-х гг., что позволяет внести важные коррективы в сложившиеся в историографии представления. Автор приходит к выводу, что в действительности высказывания Екатерины II в пользу конфедерации «друзей России» во главе с Чарторьскими и возможных реформ в Речи Посполитой в сопоставлении с направляемыми в Варшаву инструкциями ее сподвижников и советников, а также с позицией, занятой в польской столице русскими представителями, нельзя расценить иначе как дезинформацию со стороны российского двора, что вполне соответствовало выраженному русской императрицей осознанию принципиального расхождения между ее собственными политическими целями и целями «фамилии» в Польше.

В связи с перепиской «фамилии» с петербургским двором З. Зелиньска затронула вопрос о т. н. «планах государственного переворота» 1763 г., приписываемых Чарторьским. Это обвинение было выдвинуто еще современниками из лагеря сторонников саксонской династии. В дальнейшем оно нередко встречалось в историографии. В новейшей литературе оно прозвучало в написанной К. Зенковской биографии Станислава Августа³⁸. З. Зелиньска, напротив, высказала точку зрения, что все польские конфедерации XVIII в. проводились с тем или иным участием иностранных государств, в чем, в частности, выражалось ограничение суверенитета Речи Посполитой. Поэтому планы Чарторьских не выходили за пределы, установленные статусом шляхетской республики, и существовавшей политической практикой³⁹.

Новый этап борьбы за проведение реформ государственного строя Речи Посполитой связан с историей сейма 1766 г. В этот период согласие Петербурга на политические преобразования и заключение польско-русского союза вновь приобрело для Речи Посполитой и противостоявших друг другу магнатских группировок решающее значение, поскольку только позиция России могла склонить чашу весов либо в пользу реформаторов, либо консервативного республиканского лагеря. Зелиньска ограничилась, во-первых, только вопросом о реформе польского сейма и о задуманном польским двором ограничении права *liberum veto* и, во-вторых, временем самого сейма, не рассматривая весьма важный период, который тому предшествовал. В соответствии со своими исследовательскими принципами, согласно которым новые выводы должны подкрепляться расширением источниковой базы исследования, автор вводит в научный оборот «Реляцию о сейме 1766 года», принадлежавшую перу Станислава Августа. Она позволяет осветить те обстоятельства работы сейма, которые не нашли отражения ни в официальных дневниках сейма, ни в корреспонденции как польских политиков, так и наблюдавших за ходом сейма иностранных дипломатов. В последнем случае, прежде всего, имеются в виду донесения Н. В. Репнина и Г. Бенуа в Петербург и Берлин.

З. Зелиньска убедительно доказывает, что события сейма 1766 г., в частности, неудача из-за обструкционистской позиции Екатерины II и Фридриха II проекта о голосовании на сейме «по экономическим вопросам» большинством голосов, со всей очевидностью продемонстрировали «трагическое положение Речи Посполитой»⁴⁰. Торжество на сейме поддержанных Россией и Пруссией консервативных сил не только означало усугубление пороков государственного устройства шляхетской республики, что проявилось в законодательном утверждении существовавшего прежде только в силу традиции принципа «вольного голоса», но и утрату ею как внешнего суверенитета (в области международных отношений), так и суверенитета внутреннего (в сфере внутренней политики). В этом смысле итог сейма 1766 г. стал прелюдией к установлению в 1768 г. российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

Три заключительные главы монографии посвящены миссии в Варшаве российского посла Отто Штакельберга. В контексте польско-российских отношений З. Зелиньска анализирует его позицию в 1777–1779 гг., в период войны за баварское наследство, – в вопросе о польско-российском союзе в 1788–1789 гг., в начале работы Четырехлетнего сейма, – и в период завершения посольства Штакельберга в Речи Посполитой (январь 1789 – июнь 1790 гг.), когда сейм денонсировал российско-польский договор, установ-

ливавший российскую гарантию государственного строя шляхетской республики. Указанные главы только внешне воспринимаются как отдельные эпизоды польско-российских отношений, и, разумеется, не Штакельберг является их главным действующим лицом. Центральное место отведено российскому послу лишь постольку, поскольку его дипломатическая корреспонденция послужила для З. Зелиньской основой источниковой базы этой части рассматриваемого труда. Если же говорить о существовании исследуемых событий и проблем, то их главным героем выступал польский король Станислав Август.

Личность и политика этого последнего польского короля вызвала в новейшей литературе возобновление старой дискуссии. Укажем здесь на три работы, отражающие ее основные направления – книгу А. Захорского и статьи Е. Михальского и К. Цернака⁴¹. З. Зелиньска принадлежит к польским историкам, продолжающим традиции Э. Ростворовского и Е. Михальского, для которых в личности короля воплотились важнейшие политические тенденции и противоречия эпохи. К этому направлению принадлежал и Л. Конджела. Об этом свидетельствует его книга о Фридрихе Мошиньском в 1792–1793 гг. Однако в центре внимания автора был не придворный финансист и администратор Мошиньский, а Станислав Август в период организованной по указанию Екатерины II и направленной против постановлений Четырехлетнего сейма Тарговицкой конфедерации и сейма 1793 г. в Гродно, признавшего от имени Речи Посполитой второй раздел Польши. Книга Л. Конджелы посвящена трагическому финалу Речи Посполитой, когда на сейме в последний раз были вынесены и утверждены конституции о форме правления и о заключении союза с Россией. Таким образом, было продолжено исследование проблемы реформ и польско-русского союза в последний критический период истории польско-литовской шляхетской республики. Имея в виду противоречивое положение польского короля и внутреннюю раздвоенность его политической судьбы, автор озаглавил книгу «Между изменой и службой Речи Посполитой»⁴². Указанная работа получила продолжение в вышедшей в 2004 г. уже после безвременной кончины автора и подготовленной к печати его друзьями и коллегами монографии «Фридрих Мошиньский в восстании Костюшко»⁴³.

В связи с миссией Штакельберга З. Зелиньска вновь обратилась к принципиально важной проблеме политической роли в судьбе страны российской гарантии государственного устройства Речи Посполитой. Вновь был поставлен вопрос, на протяжении почти двух столетий составлявший предмет дискуссии не одного поколения польских, и не только польских, историков: было ли позитивное развитие шляхетской республики в рамках российского господства?

Обращение Зелиньской к истории польской политики Петербурга во время войны за баварское наследство отнюдь не случайно (отсылаем читателя к опубликованной на русском языке статье автора⁴⁴). Очередное обострение австро-прусского антагонизма, грозившее новой общеевропейской войной и столкновением России с Османской империей, породило кризисную ситуацию, которая неминуемо должна была отразиться как на внутреннем, так и на международном положении Речи Посполитой. Об этом, очевидно, свидетельствовал опыт всех международных кризисов XVIII в., когда перед Польско-Литовским государством открывались как перспективы внутренних преобразований, направленных на «активизацию республики», поскольку в них, казалось, были заинтересованы соседи Польши, чтобы использовать ее в борьбе с Турцией, так и угроза нового вмешательства в польские дела великих держав, стремившихся к разрешению противоречий между собой за счет Речи Посполитой. Впервые проблема таким образом была сформулирована Е. Михальским⁴⁵.

В связи с этим З. Зелиньска анализирует позицию Петербурга в отношении планов участия Польши в союзе с Россией в возможной русско-турецкой войне и заключения польско-российского союзного трактата в контексте внутренней ситуации в стране накануне и во время сейма 1778 г. Обращение автора к дипломатической корреспонденции Штакельберга дало возможность рассмотреть названные вопросы с привлечением новых источников, что обусловило не только обоснованность, но и существенную новизну выводов. Так, в монографии, в опровержение общепризнанного мнения, показано, что российский посол выступил в поддержку идеи союза с Речью Посполитой и связанных с этим преобразований в Польше, что он неоднократно обращался к Н. И. Панину и Екатерине II с просьбой предоставить ему полномочия для заключения договора. Однако сама тактика Штакельберга, которому во многом принадлежала решающая роль во внутренних делах республики, за что тот, как и его предшественник – Н. В. Репнин, получил прозвище проконсула, свидетельствовала об обратной тенденции, когда накануне и во время сейма, а также в Постоянном совете Штакельберг поддерживал консервативную оппозицию, усилия которой были направлены на срыв реформаторских замыслов Станислава Августа. Эта внутренняя противоречивость в действиях посла, как убедительно доказала З. Зелиньска, была обусловлена твердой негативной позицией Екатерины II и соответствующими инструкциями Панина, в которых, несмотря на некоторую двусмысленность, решительно выразился курс на недопущение каких-либо преобразований в Речи Посполитой, на неукоснительное соблюдение установленного режима российской гарантии, на неизменность «пассивного положения» республики в международных делах.

Начало новому международному кризису в конце 1780-х гг. в Европе было положено русско-турецкой войной 1787–1791 гг. и Великой французской революцией 1789 г. Он вновь поставил вопрос о политических реформах в Речи Посполитой, о польско-русском союзе и, главное, о самой российской гарантии польской конституции. З. Зелиньска убеждена, что единственным способом сохранения российского влияния в Польше мог бы стать союз Петербурга с теми кругами польских реформаторов, во главе которых стояли король Станислав Август и его брат – примас Михал Понятовский. Основанием для такого союза должно было послужить согласие на реформы и заключение союзного договора, что означало бы не только изменение политического строя шляхетской республики и ее международного статуса, но и отказ Екатерины II от российской гарантии. По мнению автора, в Петербурге не могли не осознавать кризиса российского господства в Речи Посполитой, о чем недвусмысленно свидетельствовали донесения Штакельберга. Однако в российской столице, вопреки очевидному, отстаивали старые принципы сохранения политической «анархии» в Польше, что, в конечном счете, обусловило как поляризацию политических сил в стране, так и ликвидацию российской гарантии, но в то же время поставило политиков, склонных к соглашению с Россией, перед выбором: присоединиться либо к «патриотическому лагерю», либо к «Тарговице».

В связи с книгой З. Зелиньской мы не можем обойти одного вопроса, который затрагивается автором только частично, но имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение как к проблеме польско-русского союза, так и российской гарантии. На протяжении всего XVIII в. целью российской политики в Польше было устранение в Речи Посполитой иностранного влияния и установление исключительно российского господства. Впервые эта цель была недвусмысленно сформулирована во время «бескорольев» в 1763 г. и в известной мере достигнута с избранием на престол Станислава Августа. З. Зелиньска детально рассмотрела позицию русской дипломатии в Польше перед лицом прусского дипломатического наступления осенью 1789 г.⁴⁶ и ее провал в вопросе о прусско-польском альянсе в 1790 г.⁴⁷, что в стратегическом отношении знаменовало собой не только бесплодность русской политики изоляции Польши в международных делах и финал установленной Россией «политической системы» в Речи Посполитой, но и итог миссии О. Штакельберга в Варшаве.

Как уже было отмечено выше, З. Зелиньска избрала для своего исследования лишь две, хотя и принципиально важные, проблемы истории польско-русских отношений XVIII в. Тем не менее, рассматриваемый труд позволяет оценить характер этих отношений в целом. На основе детального анализа

источников и историографии автор убедительно показывает, что каждый раз, несмотря на колебания и туманные недоговоренности, Петербург по обоим вопросам твердо и последовательно занимал негативную позицию, что обусловило как крушение реформаторских проектов в Речи Посполитой, так и отклонение правящими кругами России планов союза с Польшей. Такой курс оказался пагубным не только для Польши, поскольку он привел к разделу страны, но и для Российской империи, испытывавшей поражение своей внешнеполитической стратегии. Выводы, как представляется, вполне убедительно обоснованы З. Зелинской. Однако остается вопрос, были ли у польско-русского союза и планов реформ в Речи Посполитой при поддержке России объективные основы, и в какой мере об этом свидетельствовали шаги Петербурга, позволявшие определенной части правящих кругов Польши надеяться на возможность союза и преобразований? В течение столетия, с 1686 г., проблема союза двух стран практически неизменно оставалась в повестке дня отношений России и Польши. Уже это обстоятельство, по нашему мнению, указывает, что взаимная потребность в заключении союза носила отнюдь не только конъюнктурный характер. Без «соединения с Польшей», как писали в XVIII в., Россия не смогла бы проводить активную политику ни в «восточном вопросе», ни в Европе в целом. Тем не менее, для решения этой стратегической задачи в Петербурге избрали иные средства и иную тактику. Усилия, направленные с начала 1760-х гг. на установление безраздельного российского господства в Речи Посполитой, повлекли за собой раздел страны, а каждый следующий шаг на пути осуществления этой политики подрывал саму возможность польско-русского союза и перспективы прогрессивных политических преобразований в Польше.

Монография З. Зелинской, охватившая практически на протяжении всего XVIII века (начиная с 1730-х годов) историю польско-российских отношений в связи с принципиальными проблемами внутреннего развития Польско-Литовского государства продемонстрировала актуальность нового цикла исследований истории Речи Посполитой XVIII века на новом качественном уровне. Об этом свидетельствует и новейшая фундаментальная статья автора, посвященная истории польско-прусского конфликта 1765 г. вокруг так называемой «Генеральной таможи»⁴⁸. Этот, казалось бы, частный вопрос уже бывал предметом рассмотрения польских, российских и немецких исследователей. Однако автор обратилась к нему, во-первых, на основе нового прочтения и детального сопоставления материалов российских, прусских и польских архивов, которые по разным причинам были недоступны ее предшественникам. Во-вторых, работа построена на основе критической оценки предшест-

вующей историографии. Это позволило автору «опереться» на основательный фундамент накопленных научных знаний и суждений. В-третьих, З. Зелиньска продемонстрировала возможности существенного расширения рамок самой исследуемой проблемы. Она доказала, что в основе конфликта лежал отнюдь не спор о таможенном суверенитете Речи Посполитой или о прусских торговых привилегиях в низовье Вислы, и не о соотношении прусского влияния и российской гегемонии в польских делах. Предметом конфликта, существенно повлиявшего и на отношения Берлина и Петербурга, стал вопрос о характере государственного хозяйства и податной системы шляхетской республики в целом. Значение отмеченной работы, по нашему мнению, состоит еще и в том, что, как пишет автор, она представляет собой фрагмент готовящейся книги о начальном периоде правления Станислава Августа. Спустя полтора столетия после И. Лелевеля и Х. Шмита, несмотря на несомненные достижения ученых многих стран, исследовательский потенциал изучаемых проблем отнюдь не исчерпан, напротив, можно с уверенностью говорить о расширении горизонтов научного поиска.

Таким образом, обзор новейшей историографии истории Польши и истории международных отношений XVIII века, связанных со шляхетской Речью Посполитой, свидетельствует, что центральное место в современных исследованиях занимает вопрос о характере сословного и политического строя шляхетской республики, роли внешнего фактора в формировании ее внутренней и внешней политики. В концентрированном виде эти вопросы могут быть представлены как проблема политических реформ, направленных на централизацию республиканских институтов государственной власти в условиях ограниченного внутреннего и внешнего суверенитета Речи Посполитой, что самым тесным образом связано с историей разделов Польши.

Для новейшей историографии особое значение имеет состояние источниковой базы. В значительной мере историки опираются на классическую историографию второй половины XIX – первой половины XX вв., заимствуют не только введенные предшественниками в научный оборот источники, но нередко и концепции тех периодов. Разумеется, непреходящей заслугой классиков историографии было то, что они более чем на столетие удовлетворили потребности науки в комплексе источников по указанным проблемам, благодаря своим монографиям, обобщающим трудам и фундаментальным публикациям исторических документов. Однако на нынешнем этапе развития науки историки признают недостаточность имеющегося материала. Среди многих ученых, придерживающихся такого мнения, это отмечали, в частности, З. Зелиньска и историк из Литвы Рамуне Шмигельскитэ⁴⁹.

Подобной оценкой источниковой базы объясняется одна из причин интереса современных исследователей к истории польско-российских отношений и к политической истории XVIII века в целом, что связано не в последнюю очередь с широкой доступностью отечественных архивов, не только для российских ученых, но и для их зарубежных коллег. Однако следует подчеркнуть, что имеет значение и обращение к архивам Германии, Австрии и Франции. Укажем на архивы Австрии и Саксонии, материалы которых практически не опубликованы.

Важнейшей особенностью современных исследований стало и то, что новый уровень научного анализа достигается не только и не столько за счет критики положений предшествовавшей историографии, сколько путем углубленного и более детального изучения источников, на основе максимального привлечения конкретного фактического материала, что позволяет обобщить, уточнить, а нередко и пересматривать признанные ранее концепции. Нельзя не сказать, что подобный метод исследования открывает возможность верифицировать и собственные суждения путем их сопоставления с данными широкого круга различных источников, которые сами, как отражение политической практики исследуемой эпохи, становятся критерием оценки высказываний ученого.

Примечания

¹ Кондзеля Л., Цегельский Т. Концерт трех черных орлов (Споры о разделах Польши) // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М.: Московский рабочий, 1990. С. 83–105.

² Там же. С. 84–86.

³ См. напр.: Шиллинг Х. Становление европейских государств раннего Нового времени и формирование политической системы их взаимоотношений как системы держав современной Европы // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 19–38; Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit. 1495–1806. München, 1999; Balance of Power and Pentarchie, 1700–1785. (Handbuch der Internationalen Beziehungen, Bd. 4) Paderborn, 1997; Der Absolutismus – ein Mythos. Strukturwandel monarchischer Herrschaft. / R. Asch und H. Duchhardt (Hg.). Köln, 1996.

⁴ См. напр.: Błaszczyk G. The United Commonwealth: a survey of Polono-Lithuanian Relations 1569–1795 // Mare nostrum, 1999, Nr. 1, P. 11–23; Maczak A. The Space of Power. Poland-Lithuania in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Wirtschaft, Gesellschaft, Unternehmen. Festschrift H. Pohl. / hg. v. W. Schönert-Röhlk, G. Schulz. Stuttgart, 1995, Bd. 2,

S. 633–640; *Idem*. Pierwsza Rzeczpospolita: władza i przestrzeń // *Rzeczpospolita – Europa XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacja.* / wyd. M. Kopczyński i W. Tygielski. Warszawa, 1999.

⁵ Буэс А. Курляндское герцогство и борьба за господство в Прибалтике в XVI–XVIII вв. // *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XVIII вв.* М., 2002. С. 39–61; *Dygdala J.* Życie polityczne Prus Królewskich u schyłku ich związku z Rzeczpospolitą w XVIII wieku. Warszawa, Poznań, Toruń, 1984; *Idem*. U początków polityki wewnętrznej Stanisława Augusta w latach 1764–1766 (na przykładzie Prus Królewskich) // *Wiek Oświecenia*. R. 15. Warszawa, 1999. S. 111–134.

⁶ *Rzeczpospolita – Europa XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacja* / wyd. M. Kopczyński i W. Tygielski. Warszawa, 1999; *The Polish–Lithuanian Monarchy in European Context, c. 1500–1795.* / Ed. by R. Butterwick. New York: Polgrave, 2001; Katharina Il., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung. / hg. von Claus Scharf. Mainz, 2001; Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы Разделов Речи Посполитой. / Отв. ред. Б. В. Носов. М., 1999.

⁷ *Zernack K.* Polen und Rußland: zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994; *Butterwick R.* Poland's Last King and English Culture: Stanisław August Poniatowski 1732–1798. Oxford, 1998.

⁸ *Zernack K.* Polen und Rußland.... S. 240–244.

⁹ *Ibidem*. S. 276–295.

¹⁰ Среди отмеченных премией работ были подготовленные коллективами российских и польских авторов в Институте славяноведения РАН и в Институте литературных исследований ИАН под руководством профессора В. А. Хорева такие труды как, например: Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2002; Миф Европы в литературе и культуре Польши и России / Отв. ред. В. А. Хорев. М. 2004. В настоящее время осуществление указанного проекта успешно продолжается.

¹¹ *Polacy a Rosjanie – Поляки и русские.* / Pod red. T. Epszteina. Warszawa, 2000.

¹² *Аугустыняк Уршула (Варшава)* Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа // Международная научная конференция «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре» – Псков, 17–19 сентября 2007 г. (Статья готовится к печати).

¹³ *Krizajzen B.* Положение протестантов в Речи Посполитой в освещении немецких периодических изданий XVIII в. // *Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XVIII вв.* М., 2002. С. 99–124.

¹⁴ Диссертация была полностью опубликована: *Кручковский Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии второй пол. XIX в. // Наш радовод. Кн. 6. Ч. 2. Гродно, 1994. С. 218–418.

¹⁵ См. *Кручковский Т. Т.* Упадок Польши в русской историографии второй пол. XIX в. // *Славяноведение*. 1993. № 5.

¹⁶ *Schulze-Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diploma-

tie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995.

¹⁷ Ibidem. S. 89–90.

¹⁸ *Духардт Х.* Россия в представлении Фридриха Великого // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XVIII вв. М., 2002. С. 125–138.

¹⁹ Там же. С. 133.

²⁰ *Scharf C.* Katharina II., Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995.

²¹ *Augustyniak U.* Historeia Polski 1572–1795. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2008.

²² *Lukowski J. T.* The Partitions of Poland 1772, 1793, 1795. London–New York: Longman, 1999.

²³ *Стоилова Т.* Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. София, 1995.

²⁴ См. напр. библиографию в кн: Balance of Power and Pentarchie, 1700–1785. (Handbuch der Internationalen Beziehungen, Bd. 4) Paderborn, 1997.

²⁵ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002; *Он же.* Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и Новейшая история. 2001. № 1, 2; История внешней политики России XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). / отв. ред. Г. А. Санин. М., 2000; *Яковлев Н. Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997; *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; *Цернак К.* Конец эпохи великих держав в европейской политике // Вопросы истории. 1993. № 5.

²⁶ *Augustyniak U.* Historeia Polski 1572–1795. S. 907.

²⁷ Ibidem. S. 910.

²⁸ *Стегний П. В.* Разделы Польши... С. 115–116.

²⁹ Там же. С. 117–118.

³⁰ История внешней политики России XVIII век... С. 178–179.

³¹ *Czeppe M.* Kamaryla pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763. Warszawa: Neriton, 1998.

³² *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Warszawa, 1996.

³³ *Zielińska Z.* Początek rosyjskiej niełaski Czartoryskich i “słabość” Stanisława Augusta (1764–1766) // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994.

³⁴ Ochman-Staniszevska Stefania, Staniszevski Zdzisław. Sejm Rzeczypospolitej za panowania Jana Kazimierza Wazy. Prawo-doktryna-praktyka. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. T. 1–2.

³⁵ *Kosińska U.* Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa: Wydawnictwo naukowe Semper, 2003.

³⁶ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001.

³⁷ Michalski J. Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. T. 75. S. 695–721; Зелиньская З. Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999, С. 102–123. Подробнее см. также: Носов Б. В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы. // Славяноведение. 2001, № 2, С. 45–59.

³⁸ Zienkowska K. Stanisław August Poniatowski. Wrocław, Warszawa, Kraków: Ossolineum, 1998. S. 104–111.

³⁹ См. напр.: Stanek W. Konfederacje generalne koronne z XVIII wieku. Toruń, 1991.

⁴⁰ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. S. 135.

⁴¹ Zachorski A. Spór o Stanisława Augusta. Warszawa, 1988; Michalski J. Stanisław August Poniatowski // PSB Warszawa–Kraków, 2002. T. 41/4. Z. 171. S. 612–640; Zernack K. Stanisław August Poniatowski – osobowość i epoka (uwagi o stanie badań) // Wiek Oświecenia. R. 16. Warszawa, 2000.

⁴² Kądziała Ł. Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej. Fryderyk Moszyński w latach 1792–1793. Warszawa, 1993.

⁴³ Idem. Fryderyk Moszyński w insurekcji kościuszkowskiej / red. nauk. A. Haratym. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2004.

⁴⁴ Зелиньская З. Российский посол в Речи Посполитой Отто Штакельберг и польская политика России во время войны за баварское наследство // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 190–227.

⁴⁵ См. Michalski J. Polska wobec wojny o sukcesję bawarską. Wrocław–Warsawa–Kraków: Ossolineum, 1964.

⁴⁶ Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. S. 220–226.

⁴⁷ Ibidem. S. 231–247.

⁴⁸ Zielińska Z. Rzeczpospolita między Prusami a Rosją w świetle polsko-pruskiego sporu o cło generalne w 1765 r. Cz. 1–2 // Kwartalnik historyczny. R. 115. 2008. Nr. 2–3.

⁴⁹ См. напр.: Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. S. 7; Dmigeliskitė R. Pirmojo respublikos padalijimo dokumentų publikavimas XVIII a. pabaigoje pradžioje // Lietuvos Metrika 1991–1996 metų tyrinėjimai. Vilnius, 1998. S. 282–293.

А. Л. Шемякин

Никола Пашич в Румынии (1885–1889). Идеологический аспект

В 2007 г. в «Славянском альманахе» вышла наша статья «Никола Пашич в Румынии (1885–1889)»¹. Речь в ней идет о первом этапе политической карьеры самого, пожалуй, крупного политика Сербии и Первой Югославии, бесменного главы Сербской народной радикальной партии (СНРП) Николы Пашича; а если точнее – о времени, когда после неудачного Тимоцкого восстания в Восточной Сербии (осенью 1883 г.) он оказался на чужбине, обретаясь то в Болгарии, то в Румынии, то в России². Именно румынской фазе его изгнания (чисто *фактической* ее стороне) и посвящена та работа. Сейчас нам бы хотелось обратить внимание на убеждения и взгляды Пашича в этот период, что важно в свете давней дискуссии об эволюции его идеологии, ведущейся в русле еще более крупного спора – об идейной природе самой СНРП, основанной наследниками Светозара Марковича в 1881 г. Пребывание Пашича в Румынии и развитие его взглядов в то время дают возможность уточнить ряд вопросов, вокруг которых уже много лет «ломаются копыя»³... Но прежде, чем обратиться к ним, объяснимся – почему ему вообще, в течение шести лет, пришлось есть горький эмигрантский хлеб.

* * *

Начало 1880-х гг. оказалось для молодых независимых государств Балканского полуострова временем бурным. Элиты освобожденных народов стояли перед выбором пути внутреннего развития – куда идти, и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода: один – на ускоренную модернизацию (или вестернизацию); другой – на отстаивание традиционных ценностей в привычной системе аграрного мира. «Либеральная идея и традиция» – это сквозное противоречие определяло историю Балкан вплоть до Первой мировой войны.

Наиболее драматично оно проявилось в Сербии. После Берлинского конгресса 1878 г., даровавшего ей независимость, Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный им в октябре 1880 г. к власти кабинет прогрессистов (или *напредняков*) во главе с Миланом Пирочанцем – первым подлинным сербским *запад-*

ником – и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну кавалерийским наскоком – т. е. буквально «насадить» в ней европейскую культуру», или «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские», как констатировали русские очевидцы⁴, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызывало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к СНРП. Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы с Пашичем во главе провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской *самобытности*, каковую отождествляли с только что завоеванной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – подчеркивал их лидер, – но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁵.

По своей внешнеполитической ориентации и *цивилизационному* настрою вождь и его соратники всегда оставались стойкими русофилами.

Острейший внутренний кризис⁶ завершился лобовым столкновением – неудачным Тимокским восстанием. Н. Пашич бежал за границу. Но складывать оружие он отнюдь не собирался. Напротив, его ожесточение против коронованного гонителя радикалов только росло – за годы изгнания беглец предпринял по меньшей мере *четыре* попытки поднять в Сербии новое восстание и свергнуть Милана Обреновича с престола⁷. Две из них были напрямую связаны с Румынией, где он оказался в октябре 1885 г. О них подробно и было рассказано в нашей статье из «Славянского альманаха»...

Но чем же руководствовался Пашич, планируя свои заговорщические акции, какие идеи вдохновляли его в жестоком противостоянии с монархом и режимом напредняков? И здесь мы должны коснуться упомянутой дискуссии об эволюции его взглядов, особенно – в части прохождения нашим героем «социалистических университетов».

* * *

Большинство специалистов признают факт его раннего увлечения идеями русского народничества в бытность студентом Цюрихского Политехникума (1868–1872) и участия в социалистическом движении С. Марковича накануне войн за независимость (1876, 1878). Вместе с тем, они считают, что Пашич «отвернулся» от социализма еще в конце 1870-х гг. – после восстания в Боснии и Герцеговине и Берлинского конгресса⁸, «первым из круга С. Марковича перейдя в лагерь радикалов»⁹ и эволюционировав в «более соответствующем

времени и реальности» направлении – «усиления национального чувства»¹⁰. Данный факт «перерождения» Пашича из социалиста в радикала-националиста обычно подается в русле общего движения соратников Марковича вправо, пиком которого и считается образование ими СНРП. В научной литературе (как старой, так и новой) весьма распространена точка зрения, будто русская социалистическая традиция в теории и практике наследников Светозара «заметно ослабевает уже к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в., а с момента их «отрезвления» после Тимокского восстания раннее влияние русских революционных идей окончательно сходит на нет»¹¹; сами же они «берут на вооружение буржуазную *realpolitik* и национализм»¹². При этом утверждается, что скорое удаление радикалов от социализма Марковича (русского по происхождению) сопровождалось «постепенным усвоением ими идей британской парламентской теории и французского радикализма»¹³. Причем опять же – именно Пашич «олицетворял собой то крыло в партии, сторонники которого отрекаются от идей Марковича и, опираясь на буржуазные слои города и деревни, начинают борьбу за конституционный порядок и конституционализм»¹⁴.

Увы, эти выводы не кажутся нам убедительными, ибо идейная эволюция Пашича и его соратников представлена в них лишь как заурядное ренегатство или «освобождение от метаний молодости»¹⁵, что превращает самый сложный процесс в упрощенную схему, когда «любое изменение характера социалистического движения считается изменой социализму или вообще преподносится как его конец»¹⁶.

Пребывание главы радикалов в Румынии в 1885–1889 гг. и подтверждает наглядно всю оправданность нашего скепсиса. Ведь после поражения Тимокского восстания Пашич оказался единственным из членов высшего руководства СНРП, кому удалось избежать тюрьмы. В условиях чрезвычайщины в Сербии только он сохранил возможность свободно действовать и писать, пусть и за рубежом. В какой-то степени можно даже говорить, что практическая и теоретическая деятельность Пашича на чужбине обеспечила континуитет идеологии сербского радикализма в тяжелейшие для его партии годы. Так каково же было реальное отношение беглеца к идеям русского социализма и их носителям?

* * *

Начнем с носителей. Находясь в изгнании (сначала в Болгарии, а с октября 1885 г. в Румынии), Никола Пашич активно сотрудничал с проживавшими в этих странах русскими «нигилистами». И уже в апреле 1884 г. министр внутренних дел России граф Д. А. Толстой писал главе МИД Н. К. Гирсу, что, «по

сведениям Департамента государственной полиции, некоторые из сербско-подданных, принадлежащих к так называемой Радикальной партии, имеют сношения с русскими эмигрантами и политическими преступниками, бежавшими из России»¹⁷. Речь в переписке двух министров шла, естественно, о Пашиче, хотя его имя и не было названо.

С кем же конкретно он общался в Болгарии? Прежде всего, с Владимиром Луцким, командовавшим в 1885 г. болгарским военным кораблем «Голубчик». На его служившей рекомендательным письмом визитке читаем – «Инженеру Николу... Рекомендую Вам сербского социалиста, моего приятеля Пашича, приговоренного за восстание (Тимокское. – *А. Ш.*) к смертной казни. Вы меня чрезвычайно обяжете, оказав ему какую бы то ни было услугу»¹⁸. Был знаком эмигрант и с другими русскими революционерами – Эспером Серебряковым, занимавшим в 1885 г. пост командующего болгарской Дунайской военной флотилией¹⁹, Николаем Кларком, Владимиром Дебагорием-Мокриевичем. В Видине, где он провел большую часть болгарского изгнания, у него завязались контакты с членами тамошней колонии русских социалистов, что следует из донесения российского консула в этом приграничном городе Ю. Карцова²⁰.

В Румынии, как уже упоминалось, Пашич поддерживал тесные связи с Земфирием Арборе-Ралли и Василием Ивановским²¹. Показательно, что и здесь секретная агентура Департамента полиции не оставляла без внимания его отношения с «подозрительными» русскими, донося в Петербург, что «он знаком с Ивановским и эмиграцией вообще...»²². Сами же эти отношения, заметим, носили характер близкий и доверительный: не случайно в 1890 г. в столичной газете «Resboul» Ралли назвал Пашича «моим другом»²³. А в ноябре 1886 г. болгарская «Зора» объявила о готовящемся в Бухаресте выходе нового издания – «Балканское объединение», с участием Ралли, Пашича и видного болгарского литератора и революционного деятеля Захария Стоянова. Предполагалось, что оно будет печататься на трех языках, пропагандируя идею Балканской конфедерации²⁴. Но, увы, не сложилось.

Далее – в сентябре 1886 г., когда Пашич находился в Бухаресте, газета румынских социалистов «Revista sociala» напечатала в трех номерах обширную статью «Социализм в Сербии»²⁵, в которой излагалась вся история сербского социалистического движения – со времени деятельности его зачинателей (Живоина Жуевича и Светозара Марковича) и до подавления Тимокского восстания.

История этой «анонимной» публикации, которая почему-то выпала из поля зрения историков²⁶, чрезвычайно интересна. Дело в том, что она не была оригинальной работой, а являлась переводом другой статьи, опубликованной в 1885 г. в Женеве, в 4-ом номере русского социалистического журнала «Вест-

ник «Народной Воли»», который редактировал П. Л. Лавров. В русском оригинале статья называлась «Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881–1883 гг.» и была подписана «В-чь». По мнению сербской исследовательницы Латинки Перович, ее автором мог быть Пера Велимирович²⁷, что вполне логично, ибо в свое время он приглашался к сотрудничеству в старом лавровском журнале «Вперед!» и, кроме того, отлично знал русский язык²⁸. Для лучшей ориентации читателей, «Очерк» Велимировича был предварен пространным введением – «Сербия до 1880 года», а завершался «Несколькими заключительными словами», под которыми стоят легко узнаваемые инициалы главного редактора «П. Л.» (Петр Лавров). Введение, как явствует из анонса, также было написано им²⁹. Все это довольно сложное по конструкции «сочинение» было помещено в рубрике «Современное обозрение», под общим названием «За пределами России. Сербия»³⁰.

Из сравнения двух текстов (русского и румынского) очевидно, что инициаторы публикации в «Revista sociala» – а ими, без сомнения, были Н. Пашич и З. Арборе-Ралли, имевший обширные связи в журналистских кругах Бухареста, – использовали введение Лаврова и работу Велимировича, отбросив анонс и «Несколько заключительных слов». Сведя воедино «Сербию до 1880 года» и «Исторический очерк политического развития Сербии в 1881–1883 гг.», они получили статью «Социализм в Сербии», которую перевели на румынский язык и опубликовали. Новое название – это единственное, что принадлежит в ней их перу.

Что же следует из всего этого? Только то, что Пашич (вслед за своим соратником П. Велимировичем) трактовал деятельность СНРП в первые годы ее истории как развитие традиции С. Марковича, о чем свидетельствует хотя бы предложенное им название. Мало того, он активно тиражировал эту трактовку, дабы и у румынских социалистов сложилось «верное» представление о сербских радикалах. Следовательно, с точки зрения внутренней самоидентификации, их лидер продолжал считать себя и свою партию принадлежащими к единой, хотя и довольно пестрой, европейской социалистической семье³¹. Обращение же к русской народнической прессе (и опять – к Лаврову) в очередной раз высветило место, которое наследники Светозара давно застолбили для себя в этой семье. В середине 1880-х гг. они, как и прежде³², сотрудничали в лавровском издании, внимательно читали его, а также переводили написанное самим Лавровым (пусть на румынский язык, но связанное с Сербией). Как видим их отличало завидное идеологическое постоянство.

Добавим к тому, что Пашич не забывал и родоначальника русского народничества – Н. Г. Чернышевского. В записной книжке времен изгнания мы обнаруживаем названия его сочинений, в том числе и «Что делать?», а также

работу эмигранта Михаила Элпидина «Суд над Чернышевским»³³. В ней сохранился и женеvский адрес бывшего члена Русской секции Первого Интернационала Антона Трусова, руководившего типографией, в которой эти книги печатались³⁴...

Итак, влияние русской народнической мысли на Пашича и радикалов очевидно и в 1880-е гг. Но столь же очевидно другое: многое из написанного им в Румынии окрашено в насыщенные славянофильские тона. Эти свои славянофильско-народнические воззрения, в наиболее «чистой» их форме, он изложил в рукописи «О согласии сербов и хорватов», подготовленной на рубеже 1888–1889 гг. и опубликованной лишь более столетия спустя³⁵. С одной стороны, следуя за русскими славянофилами, Пашич констатировал в ней, что славянская цивилизация качественно превосходит западную, и выражал уверенность в ее конечной победе: «На наших глазах наступает славянская эра...»³⁶. С другой же, – как и ранее, он писал: «Сербия – это государство, созданное силой народа. В ней олицетворены требования *современной общественной науки* (курсив наш. – А. Ш.), которая видит свою цель в отмене сословий, помещичьего землевладения и дворянства»³⁷.

Кроме того, в Румынии Пашич увлекся идеями Н. Я. Данилевского и находился под их сильнейшим влиянием, что следует хотя бы из его поддержки проекта «Всеславянского союза во главе с Россией»³⁸. Мало того, он даже переводил «кое-что из Данилевского на сербский язык»³⁹ с намерением опубликовать. Но издателя, по всей видимости, найти не удалось, и следы перевода теряются в Бухаресте.

Но как же связать все эти элементы в единую систему?

* * *

Без малого три десятилетия назад канадская исследовательница София Шкорич, проанализировав «манускрипт» Пашича, также обратила внимание на присутствие в его взглядах стойкого симбиоза народничества и славянофильства, но при этом затруднилась рационально объяснить природу такой двойственности: «Не ясно, то ли Пашич увлекался славянофильскими идеями изначально и лишь затем эволюционировал к народничеству, то ли он воспринял славянофильство уже как часть народнического учения»⁴⁰.

А между тем объяснение данного идейного феномена лежит на поверхности. Во-первых, само наличие столь причудливого, на первый взгляд, «симбиоза» не кажется чем-то парадоксальным. Ведь несмотря на то, что славянофильство и народничество – это две особые идеологии, обе они опирались на единый *аксиологический* фундамент, каковым являлось неприятие западного

(т. е. либерально-капиталистического) варианта прогресса и европейской модели цивилизации вообще. Основными чертами народнической доктрины были: негативное отношение к капитализму (с культом индивидуализма), разрушающему традиционный (коллективистский) уклад жизни; представление о возможности движения вперед, минуя данную стадию социального развития; вера в возможности традиционных институтов (прежде всего, общины) для построения справедливого общественного строя. В этом подходе, в основе которого лежала концепция особого развития России, народники «оказывались прямыми наследниками славянофилов»⁴¹, ибо сама «социальная идеология славянофилов носила народнический и антикапиталистический характер...»⁴². Лицо, таким образом, очевидная схожесть базовых посылок одних и других, что дает основание говорить об известной типологической преемственности двух «родственных» идеологий. Это и позволило народничеству Пашича в определенный момент достаточно органично окраситься в славянофильские тона.

Сам же его крен в сторону славянофильства, оформившийся к середине 1880-х гг. и наиболее ярко проявившийся в письмах и сочинениях, написанных именно в Румынии, был порожден вполне конкретными политическими обстоятельствами. И это во-вторых. Главной его причиной стало то, что западный капитализм, опасность которого во времена С. Марковича воспринималась скорее теоретически, превратился в начале 80-х гг. для его наследников в неприятеля номер один, в связи с массированным культурно-политическим проникновением в Сербию Австро-Венгрии. Бороться же в одиночку с этим наступлением «эгоистической западной культуры» (она же – «опасная западная зараза»)⁴³, а тем более справиться с ней, они были явно не в состоянии. И Пашич это понимал. «Распространение влияния Западной Европы невозможно остановить на сербской границе»⁴⁴, – подчеркивал он зимой 1884 г. Необходимость поисков надежных союзников по борьбе с этим влиянием и толкала его: политически – в сторону официального Петербурга, как антагониста Вены и противовеса ей на Балканах; идеологически – к русским славянофилам, как носителям «родственной» (с точки зрения системы ценностей) идеологии.

При этом суть его внутренней доктрины в основе своей оставалась прежней – и во второй половине 1880-х гг. она развивалась в русле умеренно-народнической традиции, пафос которой (применительно к России) можно выразить словами Н. К. Михайловского: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника, экспроприации нынешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда

в руках работника, гарантия нынешним собственникам их собственности...»⁴⁵. И впрямь, в Сербии мелкая крестьянская собственность на землю была давно гарантирована, а кроме того отсутствовали «сословия, помещичье землевладение и дворянство», отмену которых, помнится, Пашич и называл «целью современной общественной науки». Именно поэтому и отличались сербские социалисты (что мы видели в статье П. Велимировича) «некоторой умеренностью»... И позднее (в 1895 г.), в беседе с заезжим русским гостем, Пашич снова подтвердил приверженность радикалов народнической идеологии – «Нашу Радикальную партию нельзя смешивать с тем, что называется этим именем во французском парламенте. Появилась она у нас со Светозаром Марковичем под влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах... Маркович только проповедовал необходимость сельской общины на манер русской, – чтобы не развивался у нас пролетариат, и чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор... Об этом радикалы особенно хлопотали»⁴⁶.

* * *

В свое время известный народник Михаил Драгоманов назвал систему взглядов А. И. Герцена «социалистическим славянофильством»⁴⁷. Думается, что эту весьма удачную дефиницию можно было бы использовать и для характеристики идейной позиции Николы Пашича середины – конца 1880-х гг., которая и мотивировала все его замыслы и поступки, отличавшиеся крайней жесточенностью. Причем не только действия, но и мысль Пашича «румынского периода» носила одномерный и экзальтированный характер, что проявилось хотя бы в одобрении им проекта «Всеславянского Союза во главе с Россией».

И тому опять же были основания.

Растущие опасения относительно возможного культурного вырождения Сербии «в смертельных объятиях Австро-Венгрии»⁴⁸ и все усиливающийся от неудачи к неудаче его заговоров эсхатологизм эмигрантской мысли («мы видим, что господствующая в нашей стране политика ведет к гибели Сербии и сербства и полному разрыву со славянством»⁴⁹) придавали его же славянофильству налет «экзальтации» и политизированность. «Или мы останемся со славянами, или окажемся под Австрией»⁵⁰, – писал он единомышленникам еще в апреле 1884 г. Иных перспектив он не видел. В этой идеологической «загнанности» чужбины следует искать корни эмигрантского экстремизма Пашича, равно как и причину его «сползания» к панславизму, который носил у него сугубо ответный и оборонительный характер, становясь своеобразной «моделью выживания»⁵¹.

Примечания

¹ *Шемякин А. Л.* Никола Пашич в Румынии (1885–1889) // Славянский альманах. 2006. М., 2007. С. 94–113.

² В общем виде о деятельности Пашича в эмиграции см. в: *Шемякин А.* Никола Пашич у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашич. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С. 215–226.

³ Подробнее об указанной дискуссии см.: *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (Обзор литературы) // Токови историје. Београд, 1999. Бр. 1–4. С. 271–311; *Он же.* Идеология сербского радикализма (1881–1903): историографические стереотипы и дилеммы (в печати).

⁴ *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. 2-е издание. СПб., 1898. С. 90; *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

⁵ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее – АСАНУ). Пашичеве хартије. Бр. 14615-1-27.

⁶ Подробнее о нем см. в: *Шемякин А. Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883). М., 1993.

⁷ *Шемякин А.* Никола Пашич у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија...

⁸ *Вуковић-Бирчанин М.* Никола Пашич (1845–1926). Минхен, 1978. С. 9–10.

⁹ *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Књ. I. С. 36.

¹⁰ *Станковић Ђ.* Никола Пашич и југословенско питање. Београд, 1985. Књ. I. С. 48.

¹¹ *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 59.

¹² *McClellan W.* Svetozar Markovic and the Origins of Balkan Socialism. Princeton, 1964. P. 271–271.

¹³ *Протић М.* Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С. 275.

¹⁴ *Чубриловић В.* Тимочка буна 1883. // Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века (Зборник радова). Београд, 1986. С. 3.

¹⁵ *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). С. 152.

¹⁶ *Перовић Ј.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 51.

¹⁷ Цит. по: *Бакалов Г.* Русская революционная эмиграция среди болгар. Отд. 2 // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 4. С. 112.

¹⁸ Архив Србије. Заоставштина Николе Пашића (несрећена грађа). Фасцикла 8.

¹⁹ *Серебряков Э.* Год в Болгарии (1885–1886). Из личных воспоминаний // Заветы. 1913. № 4. С. 10.

²⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Главный Архив (1885 г.). Д. 309. Л. 3–3 о.

²¹ См.: Шемякин А. Л. Никола Пашич в Румынии...

²² Пашич Н. Писма, чланци и говори (1872–1891). Приредили Л. Перовић и А. Шемякин. Београд, 1995. С. 345 (прилози).

²³ Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 187.

²⁴ Ташева Л., Ташев Т. Захарий Стоянов. Документален летопис. 1850–1889. София, 1995. С. 279.

²⁵ См.: Solidaritatea miscarii si democratice din Romania cu muscarea muncitoreasca si democratica din Jugoslavia (1875–1945). Bucuresti, 1979. P. 54–81.

²⁶ В литературе данная публикация была упомянута лишь однажды. См.: Митровић Ђ. Неколико речи о односима српских социјалиста према Карађорђевићима, Карађорђевићевцима и радикалима // Социјал-демократско наслеђе у Србији. Димитрије Џенић (Зборник радова). Београд, 1995. С. 259.

²⁷ Л. Перовић опубликовала сербский перевод статьи из «Вестника “Народной Воли”» (см.: Савремени преглед. Изван граница Русије. Србија // Перовић Л. Српско-руске револуционе везе. Београд, 1993. С. 183–206... Об авторстве П. Велимировича – там же. С. 183).

²⁸ Чудновский С. Л. Из давних лет. Воспоминания. М., 1934. С. 66. По словам автора воспоминаний, Пера Велимирович «говорил по-русски совершенно свободно, даже литературно».

²⁹ За пределами России. Сербия // Вестник «Народной Воли». Женева, 1885. № 4. С. 1. ... В архивном фонде П. Л. Лаврова сохранилась рукопись статьи В-ча в «Вестнике “Народной Воли”» (см. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1762. Оп. 2. Д. 150).

³⁰ За пределами России. Сербия (I. Сербия до 1880 г. II. Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881–1883 гг. III. Несколько заключительных слов) // Вестник «Народной Воли»... С. 1–35.

³¹ В статье «Социализм в Сербии», к примеру, подчеркивалось: «Мы должны сказать, что социалисты в Сербии отличаются от своих коллег в Западной Европе тем, что их позиция более умеренная; они крайне редко декларируют свою экономическую программу полностью, стремясь к постепенному ее выполнению». Ср. с соответствующим пассажем П. Велимировича – «Здесь кстати будет сказать, что социалисты Сербии отличаются от большинства социалистов Западной Европы некоторой умеренностью: они редко целиком выставляют свою программу, а проводят ее обыкновенно по частям» (За пределами России... С. 17).

³² О сотрудничестве сербских социалистов в революционных изданиях П. Л. Лаврова в середине 1870-х гг. см.: Перовић Л. Руско-српске револуционе везе... По словам их издателей, «журнал “Вперед!” пользуется в Сербии даже большей популярностью, чем в России» (ГА РФ. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 96. Л. 48 об.; Поглубко К. А. О связях издателей журнала «Вперед!» с сербскими социалистами // Балканский исторический сборник. I. Кишинев, 1968. С. 112–113).

³³ АСАНУ. Бр. 11721 (Пашићеве бележнице).

³⁴ Там же; Русская подпольная и зарубежная печать. Библиографический указатель. М., 1935. Вып. 1. С. 108.

³⁵ Пашић Н. Слога Србо-Хрвата. Приредіо Ђ. Станковић. Београд, 1995.

³⁶ Там же. С. 44. Подробнее об идее славянской цивилизации у Н. Пашича см. в: Шемјакин А. Л. Никола Пашич и идея славянской православной цивилизации // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 76–87.

³⁷ Пашић Н. Слога Србо-Хрвата... С. 148.

³⁸ «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. Март 1887 г. // Исторический Архив. М., 1994. № 5. С. 113–114.

³⁹ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3634. Л. 2 (Н. Пашич – В. И. Аристову. Бухарест, 12 мая 1888 г.)... Это письмо опубликовано на сербском языке в: Пашић Н. Писма, чланци и говори... С. 273–274.

⁴⁰ Skoric S. The populism of Nikola Pasic: the Zurich period // East European Quarterly. Winter. 1980. Vol. XIV. № 4. P. 478–479.

⁴¹ Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 97.

⁴² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Мыслители русского зарубежья. Бердяев. Федотов. СПб., 1992. С. 126.

⁴³ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-32 (Домаћи лек противу заразе).

⁴⁴ Н. Пашић – митрополиту Михаилу. Софија, 20 децембар 1884 г. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка. 1884–1888. Приредіо А. Шемјакин. Београд, 2004. С. 83.

⁴⁵ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т. 1. Стлб. 719.

⁴⁶ Марков Е. Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 349.

⁴⁷ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С приложением его памфлетов, биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Geneve, 1896. С. СII.

⁴⁸ Н. Пашић – митрополиту Михаилу. Софија, 22 август 1884 г. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка... С. 47.

⁴⁹ Там же. С. 48.

⁵⁰ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-10.

⁵¹ Это удачное понятие – «модель выживания» – предложено российской исследовательницей О. В. Павленко (см.: Павленко О. В. Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX – начале XX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 54–55).

Словенская эмиграция в США в конце XIX – начале XX века

В отечественной историографии о словенских эмигрантах в США в конце XIX – начале XX века практически ничего не написано. Только в отдельных публикациях, посвященных славянским переселенцам, можно встретить упоминания о них¹. Вместе с тем, исследование данного сюжета представляет определенный интерес как в свете изучения феномена славянской эмиграции в США в указанный период, так и политической деятельности словенцев, развернувшейся там во время Первой мировой войны. В данной статье мы рассмотрим некоторые аспекты истории эмиграции словенцев из Австро-Венгрии в США в конце XIX – начале XX века в контексте славянской эмиграции.

Начало массовой эмиграции словенцев в Соединенные Штаты относится приблизительно к концу XIX в.², когда тысячи славянских переселенцев с территории Габсбургской империи³ в составе «новой» иммиграции стали прибывать на территорию США⁴. Главными причинами возникновения «новой» волны переселения были экономические, заключавшиеся, с одной стороны, в ухудшении условий жизни части населения Центральной и Юго-Восточной Европы, а с другой – в ускорении процессов индустриализации в США, повлекшим за собой рост потребности в дешевой рабочей силе⁵.

В частности, в 1892 г. в «Славянском обозрении» приводилось такое сообщение из Целя (Штирия) о переселении словенцев: «Процесс обезземеливания словенцев быстро продвигается вперед. Он вызвал уже в их среде эмиграцию как на восток, в земли мадьярские..., так и на запад, за океан в Северную и Южную Америку»⁶. В 1898 г. Л. Иславин, российский вице-консул в Вене, сообщал в «Заметке об эмиграции из Австро-Венгрии», что «усиление эмиграции обуславливается, главнейшим образом, невозможностью для известной части населения получать необходимый заработок внутри страны, а также и тяжкими экономическими условиями, созданными весьма значительным обложением населения»⁷. В 1902 г. российский дипломат в Бремене Г. Томашевский замечал, что «одной из причин усиленной эмиграции из Австрии является во многих местностях чрезмерная густота населения»⁸.

Некоторую роль при переселении из Австро-Венгрии играли также социальные и политические обстоятельства⁹. В частности, российский консул в Чика-

го А. М. Волков писал в 1917 г. в посольство в Вашингтоне: «Первыми потянулись в Штаты чехи, как особо давимые режимом Австрии; за ними – их ближайшие родственники словаки, затем хорваты и далматинцы, словенцы, босняки и герцеговинцы и австрийские сербы. На эти выселявшиеся славянские элементы, кроме того еще действовала и экономическая политика Австрии с ее сравнительно новой идеей колонизации славянских становищ немцами, сделавшая, в экономическом отношении жизнь славян невозможной: малокультурные элементы их либо поглощались более развитыми немцами, либо, если сопротивление славян было значительнее ожидавшегося, в данной местности на помощь немцам приходило правительство с репрессиями по отношению к коренным славянам и последним приходилось – или терять свой национальный облик, – или бежать»¹⁰.

Добавим, что усилению эмиграции из Европы в США способствовал и ряд дополнительных факторов, как то: упорядочение организации миграционного дела в портовых городах США и Европы и условий перевозок; деятельность пароходных компаний; агитация, реклама и организация переселения эмиграционными агентствами; практически полное отсутствие контроля над действиями упомянутых компаний и агентств со стороны правительств тех стран, из которых направлялись основные эмиграционные потоки¹¹. Югославянский деятель Л. Тума в 1916 г. в записке «О словенцах в Америке» так писал об обстоятельствах переселения словенцев: «В Америку заманили их главным образом германские агенты гамбургских пароходных обществ. Их деятельность так хорошо сорганизована, что ей не могло повредить даже одно из солиднейших американских обществ (Cunard Line), открывшее в последние годы пароходные рейсы между Триестом и Америкой»¹². Кроме того, рассказы переселенцев о жизни в Америке и их финансовая помощь нередко побуждали к эмиграции их семьи, родственников и знакомых¹³.

Точных данных о численности словенских эмигрантов в США в первые десятилетия XX века нет. Так, российский консул в Питтсбурге Г. В. Чирков сообщал в 1916 г., что словенцев в США и Канаде было 200 000 человек¹⁴. Л. Тума подтверждал эти цифры: «В течение последних сорока лет эмигрировало из Австрии очень много словенцев; их количество оценивается, по крайней мере, в 250 000 (при 1 500 000 оставшихся дома). Большинство из них проживает в Северо-Американских Соединенных Штатах, но небольшие словенские колонии (всего около 50 000) можно найти также в Канаде, в Южной Америке, в Новой Зеландии и в Египте»¹⁵. К. Новакович, банкир из Сан-Франциско, в сообщении королю Александру I после Первой мировой войны ука-

зывал, что словенцев в США около 210 000 чел.¹⁶ По данным же хорватского историка И. Чизмича, накануне Первой мировой войны словенцев в США насчитывалось около 150 000 чел.¹⁷, а по сведениям американского историка Г. Прпича – 250 000 чел.¹⁸

Доминирующие экономические причины эмиграции обусловили и социальный состав переселенцев. По словам Г. Томашевского, из Австрии эмигрировали в основном «мелкие землевладельцы, не могущие вести хозяйства»¹⁹. Л. Тума писал, что словенскую эмиграцию из Австрии составляли «почти исключительно крестьяне»²⁰. Социальная же картина славянских колоний накануне Первой мировой войны, по наблюдениям А. М. Волкова, в общих чертах была такой: «Самая история и техника славянских поселений в Штатах создали каждую отдельную колонию – в том числе и русскую – так: подавляющее большинство ингредиентов составляет элемент исключительно трудовой и чернорабочий и только небольшие группы составляют сознательный класс этих колоний, причем количество сознательного элемента прямо пропорционально степени давности колоний»²¹.

Прибывая в США, славянские переселенцы устремлялись в регионы наиболее благоприятные с экономической и культурной точек зрения. «В отношении же географическом, американская их иммиграция обычно направлялась в промышленные центры Штатов – в Пенсильванию, Мичиган, Иллинойс и здесь обосновывалась», – сообщал о славянах А. М. Волков²². «В западных и, в частности, в тихоокеанских штатах славян проживает сравнительно не так много, во всяком случае неизмеримо меньше, чем в восточных и средних штатах», – писал в 1917 г. российский консул в Номе и Сизтле Н. Богоявленский²³. По данным американского историка А. Кроута, славянские группы селились в штатах Огайо, Иллинойс, Мичиган, Нью-Йорк, Пенсильвания. Те из них, кто имел капитал для занятия сельским хозяйством, приобретали землю и оседали на северо-востоке или Среднем Западе²⁴.

Словенцы, по сведениям Л. Томашевского, ехали в Монтану, Вайоминг и Мичиган²⁵. И. Чизмич указывал, что в период массовой эмиграции словенцы направлялись в те же области, что и хорваты, а именно: Пенсильванию, Огайо, Иллинойс, причем самые многочисленные их колонии были в индустриально развитом Кливленде (Огайо) и на территории Миннесоты²⁶. По другому источнику, в 1880-х годах словенцы направлялись либо в Мичиган, Миннесоту, Монтану, юго-восточный Канзас, либо в угольные центры Пенсильвании (в частности, их крупные колонии были в Джонстауне, Стилтоне, Питтсбурге). В 1890–1900-х годах большие группы словенских эмигрантов обосновались в районе Чикаго – Джолиета (Иллинойс) и Кливленде (Огайо)²⁷.

Подавляющее большинство словенцев было занято в различных отраслях промышленности или сельском хозяйстве. В частности, Л. Тума писал, что «в Америке словенцы занимались или разрабатыванием и обработкой девственной земли в степях и лесах, или же поступали в качестве чернорабочих в разные горнопромышленные копи и заводы. Весь заработок они обыкновенно посылали домой на улучшение хозяйства»²⁸.

* * *

Эмигранты «новой» волны, по крайней мере, первоначально, считали свое пребывание в США временным. Большинство из них рассчитывало заработать достаточно средств и вернуться на родину. «Славянские элементы в Штатах, – писал А. М. Волков, – трудно ассимилируются с местным англо-саксонским элементом, своего языка не забывают, и, как ни привольно живет им в Америке, своею конечной целью, прежде всего, считают возвращение обратно на родину, когда обстоятельства того позволят»²⁹.

Однако под влиянием новой среды через профессиональную деятельность и английский язык славянские эмигранты с различной скоростью и глубиной познавали ценности американской культуры и воспринимали их. По замечанию словенского исследователя М. Кlemenčičа, постепенно адаптируясь к формальному социальному контролю (вместо привычного неформального), эмигранты из аграрных областей сталкивались с основополагающими ценностями индустриального общества, усвоение которых рано или поздно приводило их к борьбе за материальные блага и социальный престиж³⁰.

Так, Л. Тума писал о словенских эмигрантах, что «благодаря своей природной смелости и энергии, они извлекали из американской цивилизации много пользы. Многие заняли видное место в торговле и промышленности своей новой родины. Понемногу развивалась среди них также своя интеллигенция. Очень деятельным и популярным интеллигентом является известный архитектор Иван Ягер (Jager)³¹ в Миннеполисе^{32...}»³³. И добавлял, что «особенно процветают словенские колонии в промышленных штатах между Нью-Йорком и Миссиссипи (в самом Нью-Йорке, в штате Огайо и др.). В многих городах словенцы уже имеют своих представителей в городских думах. Они, конечно, охотно меняют австрийское подданство на американское, но будучи американскими гражданами, они остаются сознательными славянами»³⁴.

Жизнь славянских переселенцев в значительной степени определялась их этнической принадлежностью и протекала внутри собственных сообществ. Отношения же между отдельными этническими группами складывались

по-разному. В частности, имели место противостояния, в основе которых лежали религиозные и культурные различия, а также национальные разногласия, существовавшие на родине. В 1892 г. «Славянское обозрение» сообщало своим читателям, что «заокеанские славяне оказываются столь же разрозненными по языку, вероисповеданиям, стремлениям, как и славяне Старого Света. И там поляки настроены враждебно к русским, хорваты к сербам, даже отчасти чехи к словакам, что немало ослабляет их племенную силу и облегчает процесс слияния с англоамериканцами»³⁵. Из статьи корреспондента журнала «Славянский век» 1902 г. узнаем, что славяне в Америке «не объединились... а продолжают ту же рознь, что и в Старом Свете»³⁶. Вместе с тем, известно о сотрудничестве и совместной деятельности славянских эмигрантов, о чем подробнее мы скажем ниже.

* * *

Приезжая в США, эмигранты из Европы вынуждены были приспособляться к новой (городской, культурной и т. д.) обстановке. В условиях непривычной экономической и социальной конкуренции жизнь славян зачастую становилась непрерывной борьбой за существование. И именно необходимость выжить, адаптироваться в чужой среде и в то же самое время сохранить свою национальную культуру явилась причиной образования эмигрантами собственных организаций, одной из функций которых было поддержание религиозных традиций и языка, важнейших компонентов самоидентификации.

В последние десятилетия XIX – начале XX в. славянские эмигранты основали достаточно много организаций различного характера. Как правило, они создавали объединения четырех видов – общественно-благотворительные (в частности, общества страхования и взаимопомощи, школы и т. д.), политические, религиозные и прессу. Например, в статье «Американская Русь» в 1917 г. о благотворительных организациях славянских эмигрантов сообщалось следующее: «Америка, как известно, тем и сильна, что образцово организована. Буквально нет местечка или городишка, в котором из 100 жителей 98 не принадлежали бы к каким-либо братствам, союзам или обществам взаимопомощи и т. д... Славяне имеют пять громадных страховых обществ. Первое место принадлежит, согласно численности, полякам, народный союз которых располагает оборотным капиталом в 48 392 800 долларов. Чешский союз располагает 20 миллионами, далее идут словацкий, словенский, южно-славянский (сербо-хорватский). Русское общество имеет капитал в 5 300 750 долларов»³⁷.

Как и другие славяне в США, словенские эмигранты образовывали свои общества и периодические издания. «Нельзя сказать, чтобы наши эмигранты в Америке забывали о своей родине и национальности. Правда, они целиком воспринимают американскую цивилизацию, но благодаря очень развитым организационным способностям, они в Америке точно также, как у себя на родине, устраивают повсюду кружки и общества с ярко национальной окраской, издают свои газеты и книги, выписывают все, что издается на родине и т. д. Каждый эмигрант считает своим национальным долгом участвовать одновременно в нескольких разных кружках (в гимнастическом, певческом, литературно-политическом, театральном и проч.). Благодаря этому среди американских словенцев насчитывается до тысячи кружков», – писал, пусть не без преувеличения, Л. Тума³⁸. Н. Богоявленский в 1917 г. сообщал, что «словенцев в Америке, по-видимому, не так много; по крайней мере, о своем существовании они заявляют менее, чем другие славяне. Тем не менее, они соединены здесь в общества разного характера...»³⁹.

Словенцы основывали как региональные, так и местные общества страхования и взаимопомощи. «Для экономической поддержки американские словенцы образовали около 80 вспомогательных обществ, которые обеспечивают семьям членов известную сумму на случай смерти главы семьи. Главными такими обществами являются «Jugoslovenska Katolička Jednota»⁴⁰ в Миннесоте и «Krajnska Katolička Jednota»⁴¹ в Джулайте», – сообщалось в «Славянском веке» в 1902 г.⁴²

2 апреля 1894 г. был основан «Kranjsko-slovenska katolička jednota (Краинско-словенский католический союз)», а десять лет спустя «Slovenska narodna potporna jednota (Словенское народное общество взаимопомощи)», которое стало самой большой и известной благотворительной и культурной организацией словенцев в Северной Америке⁴³. Другими известными благотворительными обществами были «Slovenska svobodomiselna podpora zveza (Словенский либеральный союз взаимопомощи)», «Slovensko delavsko podporno in penzijsko društvo (Словенское вспомогательное и пенсионное общество)» и «Slovensko narodno podporno društvo "Sloga"» (Словенское народное вспомогательное общество «Согласие»)»⁴⁴.

По мнению американского исследователя Дж. Двайера, большое влияние на формирование и деятельность эмигрантских организаций оказывали периодические издания. Например, с помощью газеты «Amerikanski Slovenec (Американский словенец)» было основано несколько независимых словенских католических обществ взаимопомощи, а затем и первый централизованный союз в 1894 г. («Краинско-словенский католический союз»), официальным пе-

чатным органом которого с самого начала она и являлась. А через четыре года газета «Glas naroda (Голос народа)» финансировала создание второго союза, «Югославянского католического союза», и позже стала его официальной газетой⁴⁵.

Словенские эмигранты образовали и культурные общества. В крупных колониях существовали «дома культуры». Первоначально таких домов было несколько, но с 1910 г. интерес к их постройке возрос. Следствием этого стало появление большого «дома культуры» в Кливленде, где была самая крупная колония словенских переселенцев, ознаменовавшее начало там активной общественно-культурной жизни и, в частности, изучения английского языка словенскими переселенцами и словенского языка их детьми, рожденными в Америке⁴⁶. В словенских колониях также создавались католические храмы и приходы. По словам Л. Тумы, оставаясь «сознательными славянами», словенцы «в каждом приходе» «содержат своих словенских священников и словенские школы»⁴⁷. Иногда хорваты и словенцы посещали один и тот же храм⁴⁸.

До Первой мировой войны политические объединения словенцев были исключительно социалистического характера. Причем, словенские эмигранты первыми из югославян начали развивать социалистическое движение. Их первый социалистический клуб был основан в Чикаго в 1900 г., а к 1909 г. активную деятельность вели уже 11 объединений⁴⁹.

Зарождение словенской периодики относится к 90-м годам XIX в. В 1891 г. словенские эмигранты организовали в Чикаго издательство первой газеты под названием «Amerikanski slovenec». В 1893 г. в Нью-Йорке появилась вторая еженедельная словенская газета – «Glas naroda». Ее основал, финансировал и редактировал Ф. Саксер⁵⁰. По другому источнику, «Glas naroda» выходила с 1892 г. и была единственной ежедневной газетой словенцев⁵¹. В 1902 г. в «Славянском веке» сообщалось, что «словенцы имеют 5 газет, из которых “Amerikanski slovenec” и “Glas naroda” наиболее распространены»⁵². Заметим, между издателями «Amerikanski slovenec» и «Glas naroda» существовало противостояние и соперничество, так как первая представляла католическое направление, а вторая – либеральное⁵³.

Испытывая необходимость в собственных печатных органах, словенцы Кливленда и Пуэбло (Колорадо) основали в 1899 г. 3 новые газеты, а именно: еженедельную «Narodna beseda (Народная речь)» и еженедельные «Nova domovina (Новое отечество)» и «Mir (Мир)»⁵⁴. В конце XIX в. словенские социалисты начали выпускать газету «Zoga (Заря)». В 1907 г. словенские рабочие организации и социалистические клубы начали издавать «Proletarec (Пролетарий)». Ее редактором был известный в Америке социалист Йозе Завертник⁵⁵.

Время расцвета словенской журналистики в США приходится на первое десятилетие XX в. За этот период появилось 21 новое периодическое издание, причем большая часть газет была основана в Пуэбл⁵⁶. По сообщению корреспондента журнала «Славянский век» в 1902 г., в Колорадо (в Пуэбло. – Ю. Л.) издавалась газета «Glas svobode (Голос свободы)», редактором которой был Фран Медица⁵⁷. С 1903 г. она выходила в Чикаго⁵⁸. В этом еженедельнике «писали либералы, социалисты и организованные по специальностям рабочие». Она стала первым официальным печатным органом «Словенского народного общества взаимопомощи», а также представляла и другие благотворительные организации⁵⁹.

Первыми словенскими журналами были «Nada (Надежда)», издание которого началось в 1904 г. в Чикаго, и «Izobraževalna knjižnica (Образовательная библиотека)», которые, однако, долго не просуществовали⁶⁰.

Кроме того, среди словенских газет первых десятилетий XX в. можно называть «Prosveta (Просвещение)», ставшее печатным органом «Словенского общества взаимопомощи»; «Nada (Надежда)» и посвященные сельскому хозяйству и земледелию «Jugoslavenski gospodar (Югославянский хозяин)» и «Naš gospodar (Наш хозяин)», который в 1915 г. изменил название на «Čas (Час)». Словенские францисканцы выпускали свои газеты «Ave Maria (Аве Мария)» и «Edinost (Единство)»⁶¹. Добавим, что, помимо указанных, выходили издания, касающиеся вопросов, связанных с литературой, семьей, проблемами молодежи и студенчества, организации внутренней жизни эмигрантской колонии, а также юмористические.

* * *

Славянские эмигранты и их организации не ограничивались решением социально-экономических вопросов. Постепенно ими приобретался опыт участия в культурной и общественной жизни как Соединенных Штатов, так и европейских стран, постоянный контакт с которыми переселенцы стремились поддерживать. Общественные акции эмигрантов носили как общеславянский, так и национальный характер. Другой отличительной чертой общественной деятельности славян была ее непосредственная связь с политическими и культурными событиями в Европе. Ее формы могли быть различными: от проведения митингов, собраний и вынесения резолюций до оказания финансовой поддержки «старому краю» или пострадавшим и участия в добровольческом движении во время войн.

Так, по сообщению корреспондента журнала «Славянский Век» в 1904 г., «уже год как в Кливленде (Огайо) существует «Всеславянский союз», в котором принимают участие представители всех славянских племен»⁶². Союз сразу же заявил о себе как об активном участнике славянской жизни, выразив протест против притеснений хорватского населения со стороны венгерского правительства, имевших место в то время. Этот протест был вручен госсекретарю США, а в Хорватию была отослана материальная помощь для пострадавших⁶³. Известно также, что в ответ на события в Хорватии 1903 г. во всех хорватских колониях были организованы собрания, вынесены резолюции о солидарности и собраны средства. Хорватских эмигрантов поддерживали сербские и словенские переселенцы, которые вместе с хорватами приняли участие в митингах протеста и «собирали помощь для пострадавших в Хорватии»⁶⁴.

Русско-японская война вызвала широкий отклик славянских эмигрантов в США. В частности, 4 марта в Нью-Йорке прошло собрание славянских представителей, поводом к которому послужили антиславянские выступления в английской и американской периодической печати. На нем было решено провести еще одно собрание, и избран комитет для составления резолюций. В результате на собрании 18 марта в «Чешском народном доме» единогласно была принята резолюция, подписанная, в частности, Т. Чапком, И. Спелак-овым (издатель «Словака в Америке»), Фр. Зотти (издатель хорватского «Narodni list»), Фр. Саксером (издатель словенского «Glas naroda»), И. Томановичем (издатель «Српски родолюб») и врученная госсекретарю Соединенных Штатов. В ней выражались лояльность к американскому правительству и поддержка России: «Мы, лояльные американские граждане славянского происхождения, ... высказываемся вообще против войны..., выражаем свою нравственную поддержку и полную нашу симпатию русскому народу в его борьбе с японцами..., мы особенно радуемся мудрому направлению политики нашего президента, объявившего строжайший нейтралитет»⁶⁵.

Всемирная выставка и межпарламентский конгресс в Сент-Луисе в 1904 г. послужили толчком к оживлению деятельности местных славян. Так, по инициативе чешских эмигрантов 20–24 сентября состоялся «всеславянский журналистский съезд», на котором были представлены, помимо славянских эмигрантов, «славянские гости со всех концов света». В итоге же мероприятия славян в Сент-Луисе благоприятно отразились и на жизни других славянских колоний в США⁶⁶.

Важным событием в общественной деятельности славян были действия против их включения в документы переписи населения за 1910 г. как «австрийцев» или «венгров». 1 марта в Питтсбурге состоялся митинг протеста, на

котором была избрана делегация, представившая их интересы в Вашингтоне перед директором бюро по переписи и самим президентом США. Эмигранты добились успеха – с 1910 г. в документы переписи были внесены названия славянских национальностей. После этого югославянская пресса провела агитацию за то, чтобы переселенцы указывали свою фактическую национальную принадлежность⁶⁷.

Возвращаясь к событиям в Европе, отметим, что Балканские войны 1912–1913 гг. вызвали живой отклик славянских эмигрантов в США. По данным корреспондента журнала «Славянин» в 1913 г., в Нью-Йорке прошел массовый митинг протеста выходцев из Австро-Венгрии против ее балканской политики⁶⁸. Позже сообщалось, что славянский союз «Сокол» направил в Европу средства для раненых югославян⁶⁹.

Подведем итог. Основными причинами эмиграции словенцев в США в конце XIX – начале XX в. были экономические, обусловившие преобладание в ее составе крестьян. Главными центрами словенской диаспоры стали Пенсильвания, Иллинойс, Огайо, Миннесота, Мичиган и Монтана. До Первой мировой войны словенские эмигранты основали целую сеть общественных и благотворительных организаций, периодические издания и социалистические объединения, в рамках которых получили развитие их национально-культурное движение и политическая деятельность. Общественная жизнь словенцев не ограничивалась этническими рамками, они принимали участие и в общеславянских акциях.

Примечания

¹ См., например: Жуковская Н. В. Эмигранты из Балканских стран на территории Соединенных Штатов Америки в первой четверти XX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 164–186.

² Čizmić I. Jugoslavenski iseljenički pokret u SAD i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1974. S. 11.

³ Словенцы эмигрировали, в частности, из ее австрийских провинций – Крайны, Штирии, Каринтии, Горицы и Триеста (Prpic G. The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Lexington, 1967. P. 174).

⁴ Термин «новая» иммиграция (New Immigration) используется учеными для обозначения волны переселения из Австро-Венгрии, России, Турции, Италии и Греции в США в период с 1880-х годов до Первой мировой войны. От предшествующих потоков ее отличали массовый характер, национальный состав, социальная ориентация, низкий уровень профессиональной квалификации и языковые сложности в процессе

адаптации (См., например: Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны. СПб., 1997. С. 412–413).

⁵ Так, в донесениях российских дипломатов Г. Томашевского в Бремене и С. Арсеньева в Гамбурге отмечалось в 1900 г., что, «по заявлению большинства переселенцев», причинами эмиграции являются «затруднительность их экономического положения и отсутствие заработков на родине, при указываемой им эмиграционными агентами сравнительной легкости приискания занятий в Северо-Американских Соединенных Штатах, где труд оплачивается несравненно дороже» (Сборник консульских донесений. СПб., 1901. Вып. 3. С. 214). И в своем донесении в 1902 г. Г. Томашевский указывал, что «главным мотивом к переселению является надежда найти в Америке лучший, чем на родине, заработок» (То же. 1903. Вып. 3. С. 232). А советник русского посольства в Вашингтоне А.И. Щербатский замечал, что «совершенно иной облик приняла европейская эмиграция в конце прошлого столетия и в начале нынешнего, когда усиленное развитие промышленности в Соединенных Штатах стало привлекать массы европейского трудового люда для работы на американских фабриках» (Русская эмиграция в Соединенные Штаты. Донесение ст. сов. А. И. Щербатского // Известия министерства иностранных дел. 1914. Кн. 6. С. 140).

⁶ Славянское обозрение. 1892. Том. II. № 10. С. 255.

⁷ Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. 3. С. 232.

⁸ То же. 1903. Вып. 3. С. 235.

⁹ Čizmić I. Op. cit. S. 23; Гречић В., Лопушина М. Сви срби света. Београд, 1994. С. 22.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне, № 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 2об.

¹¹ См., например: Abstract of the Report on «Emigration Conditions in Europe» // Abstracts of Reports of the Immigration Commission, with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. Vol. 1. Washington, 1911. P. 189–190; Govorchin G. Americans from Yugoslavia. Gainesville, 1961. P. 20–21; Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986. С. 117–166.

¹² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133.

¹³ Abstract of the Report on «Emigration Conditions in Europe»... P. 187–188; Govorchin G. Op. cit. P. 17–20.

¹⁴ Шемякин А. Л. «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение русского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне 1916 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 109.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133.

¹⁶ Архив Југославије. Ф. 335. Фасц. 19. С. 427.

¹⁷ Čizmić I. Op. cit. S. 11.

¹⁸ Prpić G. Op. cit.

¹⁹ Сборник консульских донесений. 1903. Вып. 3. С. 235.

- ²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 606–7.
- ²² Там же. Л. 206.
- ²³ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел, № 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 37.
- ²⁴ *Kraut A.* The Huddled Masses: The Immigrant in American Society, 1880–1921. Arlington Heights, 1982. P. 77, 79.
- ²⁵ Сборник консульских донесений. 1903. Вып. 3. С. 235.
- ²⁶ *Čizmić I.* Op. cit. S. 10–11.
- ²⁷ Dictionary of American Immigration History. London, 1990. P. 676.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133об.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 170. Оп. 512/1. Д. 417. 1917 г. Л. 306–4.
- ³⁰ *Klemenčič M.* Proletarec and the Acculturation of Slovene Workers in the United States // The Press of Labor Migrants in Europe and North America. 1880-s to 1930-s. Bremen, 1985. P. 475.
- ³¹ Активный участник югославянского движения в годы Первой мировой войны.
- ³² Миннеаполисе.
- ³³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 134.
- ³⁴ Там же. Л. 134–134об.
- ³⁵ Славянское обозрение. 1892. Т. 3. № 9. С. 107.
- ³⁶ Славянский век. 1902. № 57. С. 269.
- ³⁷ Новое время. 3 февраля 1917 г.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 133об–134.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 347. 1917 г. Л. 39.
- ⁴⁰ «Югославянский католический союз».
- ⁴¹ «Краинский католический союз».
- ⁴² Славянский Век. 1902. № 44. С. 555–556. Также см., например: Славянские известия. 1903. № 5. С. 46.
- ⁴³ *Čizmić I.* Op. cit. S. 15.
- ⁴⁴ Ibid. S. 19.
- ⁴⁵ *Dwyer J.* The Slovene-American Press // The Ethnic Press in the United States. A Historical Analysis and Handbook. New York, 1987. P. 373.
- ⁴⁶ *Čizmić I.* Op. cit. S. 15.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916 г. Д. 231. Т. 2. Л. 134об.
- ⁴⁸ *Čizmić I.* Op. cit. S. 22.
- ⁴⁹ Ibid. S. 23.

⁵⁰ *Dwyer J.* Op. cit. P. 371. Также см., например: Славянские известия. 1902. № 2. С. 43–44.

⁵¹ *Rosental H.* A List of Russian, other Slavonic and Baltic Periodicals in the New York Public Library. New York, 1916. P. 34.

⁵² Славянский Век. 1902. № 44. С. 556.

⁵³ *Dwyer J.* Op. cit.

⁵⁴ Ibid. P. 372.

⁵⁵ *Čizmić I.* Op. cit. S. 19.

⁵⁶ *Dwyer J.* Op. cit.

⁵⁷ Славянский Век. 1902. № 55. С. 211.

⁵⁸ *Dwyer J.* Op. cit. P. 373.

⁵⁹ *Čizmić I.* Op. cit.

⁶⁰ *Dwyer J.* Op. cit.

⁶¹ *Čizmić I.* Op. cit.

⁶² Славянский Век. 1904. № 78. С. 170.

⁶³ Там же.

⁶⁴ *Čizmić I.* Op. cit. S. 25.

⁶⁵ Славянский Век. Вена. 1904. № 78. С. 171–173.

⁶⁶ Подробнее см., например: Славянский Век. 1904. № 88. С. 485–488.

⁶⁷ *Čizmić I.* Op. cit. S. 27–28.

⁶⁸ Славянин. 1913. № 7. С. 4.

⁶⁹ То же. № 18. С. 7.

Ст. Лопатнюк (Варшава)

О некоторых проблемах экономических отношений Польши с Россией в первые годы после обретения независимости

Исполняется девяносто лет Ивану Ивановичу Костюшко, доктору исторических наук, профессору, уроженцу витебской земли.

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года студент московского Историко-архивного института Иван Костюшко вместе с другими записывается в Красную армию и сражается в ее рядах до августа 1944 г.

В этом месяце, командуя своей ротой при переправе через Вислу в районе г. Пулавы, он получает приказ явиться к командованию Польской армии в Люблине. До конца войны и первые месяцы после нее он служит в Войске Польском. Затем И. И. Костюшко возвращается в Москву для продолжения учебы, по завершении которой избирает путь научного сотрудника и занимается, в основном, историей Польши.

Его знают и ценят в кругах польских историков. Я имел удовольствие ближе познакомиться с профессором И. И. Костюшко во время совместной работы над незавершенной многотомной серией публикаций документов по истории польско-советских отношений. Историки работали в очень трудных условиях, особенно – советский коллектив, который в последние годы возглавлял профессор Костюшко. Трудности заключались в том, что политические власти Советского Союза, осуществлявшие опеку над архивами, прибегали к строгому отбору, не допуская до публикации очень важные документы по истории польско-советских экономических отношений.

Вспоминая работу над серией сборников документов, я хотел бы привлечь внимание читателя к некоторым малоизвестным и не освещенным в исторических трудах эпизодам, относящимся к первым годам после обретения Польшей независимости в 1918 г. Главным образом, к экономическим проблемам.

* * *

После обретения независимости и установления государственных границ Польша столкнулась с множеством трудностей внешнего и внутреннего характера. Значительную роль играли сложившиеся в период разделов право-

вые, культурные, бытовые, прежде всего, экономические отношения отдельных регионов, укрепившиеся в течение более чем 100-летней принадлежности к экономическим системам разделивших Польшу стран и связей с ними. Промышленность и сельское хозяйство Великой Польши, Поморья и Верхней Силезии экономически зависели от самого мощного оккупанта – Германии. Галицию связывали многолетние экономические отношения с землями Австрии, Венгрии и Чехословакии. Самая большая часть территории центральной и восточной Польши¹ в экономическом отношении была тесно связана с Россией. На базе тесных связей с огромным и емким рынком царской империи в Царстве Польском развивалась промышленность, а зависимость этой промышленности от рынка сбыта восточного соседа была весьма значительной. Из общего объема экспорта Царства Польского в 469,1 млн. рублей накануне Первой мировой войны экспорт в Российскую империю в денежном эквиваленте составлял 425,8 млн. рублей, т. е. 90,6% всех экспортируемых товаров². Экспорт Царства Польского складывался, в основном, из промышленных товаров, составлявших 91,9% (431,1 млн. рублей от всего экспорта), из чего 37,7% (421,9 млн. руб.) вывозилось в Россию. 64,3% (302,6 млн. руб.) продукции текстильной промышленности Царство Польское продавало на российском рынке³. В свою очередь, польский импорт из России был значительно меньше. Из 483,4 млн. рублей всего импорта в Царство Польское поставки из России составляли около 64,8% (283,3 млн. рублей), при этом сырье для текстильной промышленности в значительной части импортировалось из России. Из России поступало 40% хлопка, 25% сырья для производства шерсти, а лен и пеньку обеспечивал преимущественно российский рынок⁴. С российским рынком были связаны и остальные польские территории. Помимо обретенной части Силезии, в независимой Польше промышленность была развита, главным образом, в той части страны, которая была захвачена Россией, – в Царстве Польском. В этой ситуации после обретения независимости первоочередным вопросом стало возвращение российского рынка для сбыта производимых польской промышленностью товаров, а также для частичного получения сырья для этой промышленности.

Попытки установления экономических отношений с российскими регионами предпринимались еще до подписания Рижского мирного договора. Военные действия времен Первой мировой войны и отступление русской армии прервали многолетние экономические связи. Войска, покидавшие польские земли эвакуировали вглубь России машины и оборудование многих фабрик, а также запасы сырья⁵. Оставшиеся предприятия работали на нужды немецкой и австро-венгерской армий, и на снабжение населения. После вос-

становления независимости Польши польские промышленно-финансовые круги заботились о возвращении рынков сбыта, в первую очередь, на Востоке. Военные действия 1919 и 1920 г. на польско-советском фронте препятствовали установлению экономических отношений с Советской Россией. Военные столкновения польских и украинских войск в 1919 году также не благоприятствовали развитию торговли с украинскими землями.

В июле 1919 г. Верховным Командованием Польских войск, Министерством иностранных дел и Министерством промышленности и торговли Польши было совместно принято решение направить в штаб Верховного Командования Вооруженных сил Юга России три миссии – политическую, военную и экономическую⁶. Первые торговые контакты с южными районами России отмечались уже в августе 1919 г. Тогда из Лодзи в штаб армии А. И. Деникина были отправлены 28 вагонов текстильных товаров⁷.

Польская Торгово-экономическая миссия во главе с Ежи Ивановским выехала на юг России во второй половине августа 1919 г. Вскоре после ее прибытия, 13 сентября 1919 г., было подписано временное торговое соглашение. В городах на юге России открывались польские торгово-промышленные представительства. Для обеспечения устойчивых торговых контактов с югом России Польша подписала временное транзитное соглашение также и с Румынией⁸. Тем не менее, пертурбации в торговом обмене, связанные с транзитом, не были преодолены. Так, например, 40 вагонов шерсти и табака, отправленные осенью 1919 г. из Новороссийска для обмена на польские текстильные товары, так и не прибыли в Польшу до весны 1920 г. Вопрос торгового обмена со штабом армии Деникина скоро утратил актуальность в связи с поражением его войск, разгромленных Красной армией.

Промышленно-торговые круги Польши были живо заинтересованы в установлении экономических отношений с югом прежней России, с богатыми землями Украины. Экспортируя промышленные товары, можно было бы импортировать продовольственные товары и сырье, столь необходимые в тот период для снабжения городов и промышленности. Победы Польши на украинском фронте создавали возможность развития торговли не только с частью украинских земель, но и с Румынией. Для облегчения ведения торговли Экономический Комитет по предложению министра продовольствия 5 сентября 1919 г. создал государственную Миссию юго-восточной торговли. В ее задачи входило заключение торговых соглашений и контрактов на территории России, Украины и Румынии, помощь в установлении торговых отношений между польскими торговыми, промышленными и сельскохозяйственными обществами и соответствующими организациями в соседних странах, а также

наблюдение за вывозом и ввозом закупленных товаров⁹. Центральная резиденция Миссии находилась во Львове, а филиалы – в Варшаве, Каменец-Подольском, Шепетовке, Гусятине и Подволочисках¹⁰. Миссия пыталась заполнить торговую «пустоту», возникшую на юго-восточных окраинах, где процветала спекуляция и нелегальный торговый обмен товара на товар. Договоры, заключавшиеся Миссией, в основном, на украинских землях, часто под военной охраной, касались преимущественно продажи текстильных изделий, соли и нефти. Покупались же продовольственные товары, главным образом, зерно, мясо, сахар, керосин, смазочные и машинные масла и бензин¹¹. Помимо договоров, заключенных с индивидуальными поставщиками или объединениями, было подписано соглашение о товарном обмене между Польшей и правительством атамана С. Петлюры.

Торговлей с южными районами России в 1919 г. занималось также Польское Восточное Общество, которым руководил Александр Ледницкий¹². На Украине создавались различные объединения экономического и торгового характера, например: Польское Кооперативное Общество “Сами Себе”, Пяевое Общество Агрикультура-Индустрия-Коммерция, деятельность которых охватывала сельскохозяйственное оборудование, промышленность и торговлю¹³, а также много других обществ и объединений. Предполагалось распространить торговую сеть далее на Восток, а также установить более тесное экономическое сотрудничество с Румынией. Однако, к экономическим и политическим связям с югом России, которым владел А. И. Деникин, польские власти подходили с большой осторожностью, сомневаясь в намерениях относительно Польши “белой” России, предвидя ее поражение и победу России советской.

Постоянно меняющаяся военно-политическая ситуация на украинских землях также препятствовала стабильной торговой политике. Во время подготовки к поездке в Киев в Варшаве были проведены торгово-экономические переговоры с представителями С. Петлюры. В польском проекте соглашения особый акцент был сделан на предоставление Польше в будущем концессий на Украине, главным образом, в таких областях, как: добыча железных руд, разработка фосфоритов в Подолье, железнодорожный и речной транспорт, строительство новых железнодорожных коммуникаций, использование старых путей сообщения и портов на Черном Море. Соглашением предусматривался вывоз из Польши в первую очередь, текстильных изделий, а также промышленной продукции, продуктов переработки нефти. Польша намеревалась ввозить из Украины железную и марганцевую руды, сельскохозяйственные продукты, фосфориты, сахар, кожи, шерсть, лен, щетину и продукты животного происхождения¹⁴. До реализации этого соглашения дело не дошло по

причине отступления польских войск из Украины и установления советской власти на восток от реки Збруч.

Вскоре после того как немецкие войска оставили территорию Украины и Белоруссии, ранней весной 1919 г. в Гомеле состоялась встреча представителей различных советских торговых и экономических учреждений и сотрудников многих польских фирм, предлагавших к продаже продукцию польской промышленности¹⁵. Проникновением на белорусский и украинский рынки торговые агенты занимались тогда, когда, это позволяли военные обстоятельства. Во время усилившихся боевых действий на польско-советском фронте представители торговых фирм действовали в тылу.

С подписанием 12.X.1920 г. предварительного мирного договора Польши с советской Россией спонтанно начал развиваться торговый обмен вдоль всей границы, чему способствовала открытость границы до установления пограничных столбов. В условиях отсутствия надзора и таможенной системы, а также молчаливого согласия пограничных властей обеих сторон движение на границе носило стихийный характер¹⁶. Широкая торговля на польско-советской границе пользовалась поддержкой советских властей, поскольку отсутствие основных товаров было весьма ощутимым. Польские власти также были заинтересованы в обмене своих товаров на продукты продовольствия, изделия из золота и серебра и другие ценные изделия из Украины и Белоруссии.

Хотя власти обеих сторон способствовали товарному обмену, с правовой точки зрения это была нелегальная торговля. Ее развитию благоприятствовали не только объективные экономические потребности, но и географические условия. Польско-советская граница, в основном, проходила по лесам, болотам, мало заселенным территориям, что облегчало контрабандную торговлю¹⁷. В статье Е. Гусарского, опубликованной на страницах «Промышленно-Торгового Обозрения», об этом говорится следующее: "...поддержка, во всяком случае, отсутствие борьбы с контрабандной торговлей свидетельствуют о том, что непосредственные торговые контакты с советской властью, по крайней мере на начальном этапе (торговля без кредита), не станут в своем товарном балансе для нас положительными, в то время как контрабандная торговля будет выгодна"¹⁸. К подобному выводу пришел и председатель Комиссии Центрального союза польской промышленности, горнодобывающих отраслей, торговли и финансов Ст. Вартальский¹⁹, который в качестве руководителя делегации исследовал вопросы торговли на восточном пограничье. Обходить правовые предписания помогало постановление польского правительства от 15 июля 1920 г. о товарообороте с заграницей, которое не касалось торговли с советской Россией, поэтому Главное управление по ввозу

и вывозу не могло выдавать разрешений на ведение торговли с восточным соседом. За него это делали военные власти, предоставляя концессии на торговлю в пределах пограничной полосы²⁰. Позднее разрешения отдельным предпринимательским организациям на приграничную торговлю выдавало Министерство промышленности и торговли, но они нуждались в дополнительном утверждении со стороны военных властей. В июне 1921 г. функции военных в сфере контроля над торговлей начали выполнять таможенные учреждения, организованные на приграничной территории Министерством финансов Польши. Экономические круги страны требовали от военных и правительственных органов устранения препятствий, ограничивавших торговлю на восточной границе, создания таможенной службы, улучшения условий транзита, увеличения транспортного парка и организации на границе с Советской Россией постоянных ярмарок как центров торгового обмена²¹.

Первые таможенные посты, которые одновременно служили официальными пунктами торгового обмена, были созданы в гг. Захатье, Александровичи, Барановичи, Ровно и Подволочиски. Совет министров Польши 3 августа 1921 г. распространил действие постановления от 15 июля 1920 г. о правилах товарооборота с заграницей на всю территорию польского государства, следовательно, и на территорию восточных окраин (кресов). С этого момента концессии, выдававшиеся военными органами, утратили свое значение. Одновременно было увеличено число пограничных пунктов для обмена товарами²².

По советскому законодательству приграничная торговля считалась нелегальной, так как вела к нарушению государственной монополии на внешнюю торговлю. Однако экономические потребности, а также многолетние связи разделенных границей земель были столь сильными и естественными, что советские местные власти и пограничная служба не чинили польским торговцам препятствий в предпринимательских операциях на рынках малых городков.

Обмен в приграничной полосе продолжал существовать в соответствии со сложившимися традициями. Из Польши торговцы везли, главным образом, изделия текстильной промышленности, металлическую галантерею, изделия из стекла, соль, продукты нефтепереработки и др. На советской территории они покупали, в основном, сахар, зерно, крупы, мед и другие продовольственные продукты.

Независимо от этой полулегальной формы торговли, поначалу санкционировавшейся военными органами, а впоследствии – таможенными властями, в 1920–1922 гг. на восточной границе параллельно развивалась настоящая контрабандная торговля. Ее реальные масштабы трудно оценить. В начале

1926 г. председатель комиссии Сейма, депутат Батор во время дискуссии по вопросу ратификации польско-советской консульской конвенции, настаивал, например, на том, что количество товаров, провозимых контрабандистами в условиях материального и личного риска, превышало по своей стоимости товары, которые перемещались из Польши в Советский Союз через таможенные пункты. Он ссылаясь на тщательные исследования²³. Даже если эта оценка была преувеличенной, следует признать, что контрабанда на рубеже 1925/1926 годов приняла значительный размах. Это свидетельствовало о естественном стремлении жителей по обеим сторонам польско-советской границы поддерживать прерванные экономические связи, сложившиеся в течение многих лет.

На восточной границе Польши, наряду с таможенными пунктами, где осуществлялся торговый обмен, существовали крупные центры приграничной торговли. На севере это был г. Вильно (г. Вильнюс), на юге – гг. Ровно и Львов. Как пишет Хелена Дзитковская, «в этих центрах скапливались значительные запасы золота и драгоценностей в виде лома, которым расплачивались российские покупатели, не имевшие иной валюты. Здесь совершались многомиллионные транзакции. Их проводили посредники и эксперты, оценивавшие золотой лом, причем в этих транзакциях почти не встречалось злоупотреблений доверием»²⁴. Особую роль, из-за близости к границе, играл г. Ровно, где были организованы большие склады товаров, приготовленных для экспорта в СССР. В журнале «Промышленность и Торговля» в мае 1922 г. была опубликована информация о том, что оборот через «зеленую» польско-советскую границу в 1921 г. достигал 100 миллиардов польских марок²⁵, что в пересчете по тогдашнему курсу составляло около 34 миллионов долларов. Велика была торговая роль гг. Львова, Ровно и Вильно в организации товарообмена не только с СССР, но и с другими странами²⁶.

В эти годы в торговле с СССР была особенно заинтересована польская текстильная промышленность, весь экспорт которой до Первой мировой войны шел на российские рынки. К тому же возникли большие трудности в сбыте польских товаров и на других зарубежных рынках сбыта текстиля, которые издавна контролировали известные текстильные фирмы, в первую очередь, Англии, Франции.

Текстильная и другие отрасли польской промышленности, традиционно экспортировавшие свои изделия в Россию, не могли вести контрабандную торговлю в течение длительного времени. Такая форма экспорта не способствовала стабильности производства, его планированию.

Официальный торговый оборот между Польшей и Советской Россией после окончания военных действий и подписания мирного договора все еще оставался незначительным, и в 1921–1922 гг. выглядел следующим образом (в тыс. руб.)²⁷:

год	экспорт	импорт
1921	4184	2
1921/22	10531	3335
1922/23	5712	5127

В 1922 г. экспорт Польши в советскую Россию составлял лишь 3,2%, а импорт – 0,3% от общего количества экспорта и импорта²⁸, что являлось заметным контрастом по сравнению с товарным обменом Польши с другими странами, в прошлом участвовавшими в ее разделах.

После воссоздания независимого польского государства была устранена прежняя политическая зависимость от этих стран, но торговые связи с ними продолжали поддерживаться. Преобладающая часть польского экспорта и импорта приходилась на Германию и государства бывшей Австро-Венгерской монархии, т. е. на страны, с состав которых часть польских земель еще недавно входила²⁹. Так, например, в 1923 г. на Германию приходился 51% общего экспорта Польши, на три государства, возникшие на землях Австро-Венгерской монархии, Австрию, Чехословакию и Венгрию – 16%. Их доли в импорте составляли соответственно 44% и 14%.

Польские промышленники стремились к выходу на советский рынок легальным путем, посредством официального урегулирования межгосударственных экономических отношений с восточным соседом. Поэтому в январе 1922 г. Торгово-промышленная палата направила правительству Польши официальный запрос, в котором требовала заключения торгового договора с РСФСР и СССР³⁰. Но торговые обороты с Советской Россией оставались незначительными, несмотря на благоприятные естественные условия, традиционные экономические связи и небывалый масштаб нелегальной торговли. Это было обусловлено не только политическими причинами и обстоятельствами военного характера, но, главным образом, новой экономической ситуацией в Польше и СССР.

Пер. с польск. В. Мочаловой

Примечания

¹ Независимая Польша в 1921 г. занимала 388,4 тыс. км², из которых 79,1 тыс. км² ранее относились к австро-венгерским владениям, 47,1 тыс. км² – к немецким, а 262,2 тыс. км² – к российским. Общее количество населения – 27,2 млн. – распределялось по этим территориям соответственно: 7,6 млн., 4,1 млн. и 15,5 млн. См.: *Mały Rocznik Statystyczny 1931*. Warszawa. S. 3–4.

² *Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski międzywojennej*. T. I. 1918–1923. S. 323.

³ *Ibid.*

⁴ *Bajer K. Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Zarys ekonomiczno-społeczny*. Warszawa, 1957. S. 169.

⁵ Из польских земель в 1914 и 1915 г. вглубь России было эвакуировано 350 экономических объектов на сумму 75 млн. рублей. См.: Два года работы российско-украинской делегации, смешанных российско-украинско-польской Резервационной и Специальной комиссий по исполнению Рижского мирного договора. М., 1923. С. 12.

⁶ Организаторами первой транзакции были Комиссия лодзинских промышленников и купцов по торговому обмену с южной Россией и Северное агентурное и экспедиционное общество. См.: *Monitor Polski*. 18.VIII.1919.

⁷ *Juzwenko A. Polska a “biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.)*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1973. S. 236.

⁸ Там же, s. 236 i 237. Временное торговое соглашение подписала лишь делегация Ивановского. Однако ни военная миссия, во главе которой стоял генерал Александр Карницкий, ни политическая миссия во главе с Францишком Скомпским не достигли соглашения с Деникиным.

⁹ *Archiwum Akt Nowych, Państwowa Misja Południowo-Wschodniego Handlu (далее: PMPWH)*. T. 19, k.8–II.

¹⁰ ААН, PMPWH. T. 1, k. 1–5. Председателем Миссии стал Виктор Гutowский, заместителем – Ян Липковский. Делегатом министра промышленности и торговли был Мариан Пясецкий, а делегатом министра финансов – Мечислав Таньский.

¹¹ См.: ААН, PMPWH. T. 8, k.213. Umowa z 28.XI.1919 r. zawarta między Misją a dostawcą Januszem Onyszkiewiczem, k. 112–113. Umowa z 8 listopada 1919 r. między Misją a Józefem Kuszlem i Michałem Girdwaynem, k. 139–140. Umowa z 15 stycznia 1920 r. między Misją a Adamem Czarnieckim, и многие другие соглашения и контракты.

¹² *Juzwenko A. Polska a “biała Rosja”*. S. 237.

¹³ ААН, PMPWH t.8, k. 12–25. Krótki zarys powstania oraz celów i zadań Towarzystwa Udziałowego Urzędzeń Rolnych, Przemysłu i Handlu.

¹⁴ *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*, t. III, Warszawa 1964. S. 26–29.

¹⁵ *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.* Л., 1969. С. 120.

¹⁶ Kumaniecki J. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921–1923, Warszawa 1971. S. 166–167.

¹⁷ Dzitkowska H. Zabiegi o rynek rosyjski dla łódzkiego przemysłu włókienniczego w latach 1921–1922 // Rocznik Łódzki. XI. S. 102.

¹⁸ Husarski J. Przegląd Przemysłowo-Handlowy. 1921, nr. 6. S. 5.

¹⁹ Przegląd Gospodarczy. 1921, nr. 19. S. 680 i 682.

²⁰ Dzitkowska H. Op. cit. S. 102.

²¹ Dzitkowska H. Op. cit. S. 102–103.

²² Наряду с существовавшими 5 пунктами были созданы дополнительные в Турмонте, Докучицах, Столбцах, Нагорной, Миклашевичих, Рокитне, Корце, Ожемяне, Лановце, Шумске, Гусятине, Скале, Корчевке. – *Przemysł i Handel*. 1921, nr. 28. S. 380–381.

²³ Sprawozdanie stenograficzne Sejmu RP, 3.II.1926 r.

²⁴ Dzitkowska H. Op. cit. S. 104.

²⁵ *Przemysł i Handel*. 1921, nr. 20–21. S. 328.

²⁶ Dzitkowska H. Op. cit. S. 104.

²⁷ Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 26.

²⁸ Tomaszewski J. Polsko-radzieckie stosunki handlowe w latach 1920–1929 // Landau Z., Tomaszewski J. Druga Rzeczpospolita. Warszawa, 1977. S. 400.

²⁹ Тамże. S. 39.

³⁰ Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. IV. S. 136.

Настроения болгарских крестьян накануне прихода БЗНС к власти. Опыт 1918–1919 годов

Предлагаемый материал является своего рода зарисовкой к проблеме модернизации страны, в которой крестьянство составляет до 80% населения. Уже самое легкое прикосновение к ней обнаруживает кажущееся абсолютным несходство ее граней: глубинный консерватизм крестьянства как социального слоя общества и противостоящая ему революционность процесса модернизации. Действительно, крестьянство, тысячами нитей связанное с архаичным, как правило, способом производства, сопротивляется буржуазной по своей сути модернизации, желая сохранить прежний уклад и становясь, таким образом, камнем преткновения на ее пути. Об этом автор писал с горячностью неопита, впервые столкнувшись с темой¹. Ныне стоит поднять вопрос о том, существует ли в процессе модернизации какой-либо противовес сельскому консерватизму, может ли им быть способность крестьянства к эволюции или к революционным проявлениям, когда этого требуют обстоятельства.

Жизнь болгарского крестьянства по-своему своеобразна. В 1899 г. здесь был образован Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) – партия крестьянская, как по членскому составу, так и по социальному происхождению ее руководства, по партийной идеологии и, в целом, по ее политической практике. В 1920–1923 гг. БЗНС пришел к власти и стал «знаменит» циклом крупных реформ почти во всех областях жизни болгарского общества. Что произошло? Селяне захотели реформ, захотели модернизации?

О реформах правительства БЗНС написано несколько крупных исторических исследований хорошо подготовленными и квалифицированными болгарскими и иностранными авторами. Вопрос о том, как новшества «земледельцев» соотносились с модернизационным трендом, заданным Освобождением Болгарии из-под турецкого гнета в 1878 г., затрагивается в них, как правило, лишь по касательной. Между тем, ответ на него представляется крайне важным с точки зрения общей темы, для чего, на мой взгляд, необходимы исследования по нескольким направлениям, как то: изменения в социальном положении крестьян на протяжении примерно 1880–1920-х гг., изменения в их социальных устремлениях, в положении сельской общины, а с начала XX века и изучение роли местных ячеек БЗНС в селе. И конечно, изучение реакции крестьянской массы на такие генеральные для страны события как провозгла-

шение в 1908 г. Княжества Болгария Царством и признание его полной независимости от турецких властей, как Балканские войны 1912–1913 гг. и их плачевные для страны результаты, наконец, как вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии и последовавший затем крах в деле достижения «национального идеала».

В этом перечне исследовательских задач настоящая статья занимает скромное место. Автор сосредоточивает внимание на эпизодах политической жизни в Болгарии в 1918–1919 гг., хронологически предшествовавших установлению власти БЗНС, с целью выяснить, насколько радикальная группа в руководстве Союза во главе с А. Стамболийским в своем продвижении к власти опиралась на поддержку сельского населения, каково было представление крестьян о возможных реформах, чего собственно хотели они сами. Стремлением автора было попытаться «услышать» из прошлого живой голос сельского жителя, при понимании всей условности работы историка с печатным материалом, сохранившимся в архивах.

* * *

Болгарский крестьянин – свободный собственник земли и своего хозяйства, вступая в новую политическую систему болгарского государства, образовавшегося после Освобождения Болгарии в 1878 г., в принципе поддерживал такие его буржуазно-либеральные основы, как Конституция и парламент. Во всяком случае, в кризисных ситуациях последующих лет селяне не раз выступали с позиции неприкосновенности Конституции, против ее изменения. Более сложным было отношение к институту монархии.

Особенностью модернизированного политического устройства Болгарии являлось введение в стране всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21-летнего возраста. Поскольку именно крестьяне составляли основную массу электората не только для БЗНС, но и для других партий, буржуазных и мелкобуржуазных (а также социалистических с их появлением на политической арене), провозглашенному гражданскому и электоральному равенству предстояло сыграть важную роль в социокультурном плане. Хотя первоначально участие сельских жителей в выборах и их представительство в парламенте, имело почти карикатурный характер, с течением времени тенденция к «облагораживанию» картины усиливалась. Свою роль в этом процессе сыграло оформление в Народном собрании собственной фракции Земледельческого союза. Насколько представление о парламенте как защитнике интересов народа утверждалось в крестьянском сознании – еще предстоит выяснить, но селяне следили за тем, что происходит в «земледельческой» фракции

и очень огорчались распрями между лидерами. Следует подчеркнуть, что сама возможность участвовать в парламентских выборах содействовала воспитанию населения в духе гражданских свобод и прав², повышала самосознание крестьянина как гражданина и как личности, повторю, уже экономически самостоятельной. Рискну выразить мнение, что даже возможность продать свой голос избирателя (такая практика нелегально существовала), возможность свободно распоряжаться собственным политическим капиталом также действовала в направлении формирования личности болгарского селянина.

Партийная структура БЗНС опиралась на объединение крестьян на местах – на так называемые «дружбы». Партийцы поддерживали деятельность организации членскими взносами, руководство Союза ежегодно отчитывалось перед выборными съездами. «Дружбы», выступая в защиту крестьян от полицейских, сборщиков налогов и проч., созывая крестьян на общесельские собрания, распространяя брошюры, обращения и другие материалы, исходившие от руководства Союза, превращались в своеобразного организатора села. Политизации массового крестьянского сознания содействовало издание органа БЗНС – газеты «Земледельско знаме», как и ставшее привычкой обсуждение политических событий на постоянных дворах, в кабачках, читалищах (так назывались самодеятельные «дома культуры») и т. п. Значительный интерес крестьян вызвало издание 1909 г. книги А. Стамболийского о сословной теории («Политические партии или сословные организации»), которая стала краеугольным камнем идеологии Союза. Это был мелкобуржуазный вариант аграризма с его отрицанием классовой борьбы и отстаиванием возможности переустройства общества посредством приоритетного развития аграрного сектора экономики и выравнивания размеров собственности путем ограничения ее до мелкой и средней³.

Положительно воспринимая сословную теорию как некий идеал, крестьянство вовсе не настраивалось на революционные подвиги. Тем более, что на протяжении многих лет перевес в руководстве БЗНС был на стороне другого лидера партии – Д. Драгиева, настроенного на сотрудничество «земледельцев» с буржуазными силами, в отличие от Стамболийского, выступавшего за самостоятельную политическую борьбу БЗНС и ограниченность Союза от буржуазных «городских партий».

В начале XX в. европейский экономический подъем проявил себя и в Болгарии, принеся населению страны 7–10 «жирных лет». Часть достатка от них была съедена Балканскими войнами 1912–1913 гг. Поражение 1913 г. вошло в сознание болгарского народа как национальная катастрофа. Думается, не только потому, что не был достигнут «национальный идеал», ради которого и предпринималось участие Болгарии в войнах, но и потому, что для опреде-

ленной части народа – крестьянства, прежде всего, – война уже сама по себе представляла катастрофой.

БЗНС отреагировал на Балканские войны сокращением членского состава. Если в 1907 г. в Союз входило около 8 тысяч членов, а в 1909 г. – 20.800*, то в 1913 г. – 7.103⁴. В ноябре 1913 г. в ходе избирательной кампании в парламент БЗНС выступил с развернутой программой, подчеркнуто антимилиитаристской. Вот только некоторые ее пункты, дававшие «земледельческий» ответ на порывы властей продолжать борьбу за национальный идеал военным путем: коренным образом реформировать военную систему страны, готовя ее к переходу на положение народной милиции, сократить постоянную армию; «заявить ясно и громко перед всем миром, что у нас нет намерения воевать ни с кем, что мы закрываемся в свою скорлупу и начинаем свое культурное, экономическое и духовное возрождение»; исходя из такой позиции, требуем отозвать и уволить всех дипломатических агентов; изменить ст. 17 Конституции, посредством чего вырвать из рук царя руководство внешней политикой и создать условия для торжества народовластия⁵. Состоявшийся в декабре 1913 г. XIV съезд Земледельческого союза осудил двух членов парламентской группы партии как открыто поддерживавших милитаристскую политику буржуазии до и во время Балканских войн и запретил Управительному Совету БЗНС и его парламентской группе поддерживать буржуазные партии в парламенте или в бюро Народного собрания⁶.

Но при поддержке царя Фердинанда и правительства В. Радославова милитаристская кампания развернулась в Болгарии с новой силой, когда в августе 1914 г. началась война, вскоре ставшая мировой. Болгарские руководящие круги решили еще раз попытаться счастья и все увереннее настраивались на союз с Германией и Австро-Венгрией. 30 августа 1915 г. *парламентские фракции БЗНС и БРСДП(о)* выступили с Манифестом к болгарскому народу, призывав к сохранению нейтралитета Болгарии. Документ был обращен к крестьянам, рабочим, ремесленникам, составлявшим основную аудиторию этих партий. В нем говорилось об «отвращении к войне, столь сильном в народных массах», о том, что войны являются худшим средством для достижения национального идеала, который можно реализовать путем мирных соглашений с соседями, создав Балканский союз. Манифест кончался призывом «Да здравствует мир! Долгой авантюристов!» и был подписан персонально А. Стамболийским и Я. Сакызовым (лидер партии «широких» социалистов)⁷. Против вовлечения Болгарии в европейскую войну выступали и социал-демократы во главе с Дм. Благоевым («тесняки»).

* На парламентских выборах 1908 г. БЗНС собрал значительное количество голосов и провел в Народное собрание 24 своих депутата.

Антимилитаристские настроения среди крестьянства имели достаточные экономические основания. Конечно, земли не хватает всегда, особенно при быстром росте населения, как то было в Болгарии, или из-за действия некоторых экономических и юридических факторов, способствовавших, например, нежелательному раздроблению участков. Возможность приобрести с помощью войны новые земли, расширить «жизненное пространство нации» – такие лозунги, как мы знаем, не раз поднимали значительные слои населения той или иной страны в поддержку военных походов. Но болгарская ситуация была иной: здесь указанный мотив в пропаганде идеи присоединения македонских земель отсутствовал, ибо, согласно государственной идеологии, в Македонии живут братья-болгары, а вовсе не враги, за счет которых можно было бы поживиться землицей. Для болгарских крестьян важно было сохранить то, что они имели, и что давало неплохой доход. Любая же война могла привести крестьянское хозяйство в расстройство.

За несколько дней до вступления Болгарии в мировую войну Стамболийский опубликовал брошюру в призывом к народу и, особенно, к солдатам отказаться от участия в войне. За что военный суд обвинил его в предательстве и приговорил к смертной казни, которая под давлением оппозиции была заменена на пожизненное заключение. Но он продолжал борьбу, и находясь в тюремной камере: писал политические письма, брошюры по актуальным общественным вопросам и другие материалы, распространявшиеся на воле единомышленниками.

Война практически оборвала официальную деятельность БЗНС. В 1916 г. Постоянное присутствие БЗНС перестало выпускать «Земледельско знаме»; большая часть местных «дружб», лишенных центрального руководства, перестала функционировать⁸.

* * *

Вряд ли ошибусь, утверждая, что Новый 1919 год болгары встречали с большим облегчением – три месяца назад для них, наконец-то, кончилась война, и было заключено перемирие. Но и с огромной тревогой – каким-то будет мирный договор, что ждет страну, потерпевшую поражение, кто и как будет расплачиваться за очередную военную катастрофу, за разрушенное хозяйство Болгарии, за кризис власти и нарушение привычных общественно-политических пропорций.

Выступления на фронте и в тылу с лозунгами прекращения войны, начавшиеся едва ли не с момента вступления Болгарии в мировой конфликт, превратились в 1918 г. в существенный внутривнутриполитический фактор. Перспектива

поражения Четверного союза в мировой войне и тесно связанных с ним гермаофильских кругов Болгарии заключала в себе угрозу потери власти болгарскими правящими структурами. Маневрируя, буржуазия пошла на перестановку лиц на руководящих постах в государстве: в июне 1918 г. кабинет В. Радославова был отправлен в отставку, а на смену ему призвано правительство из представителей антантофильских партий – Народной и Демократической, склонявшихся, хотя и с колебаниями, к скорейшему заключению мира. Возглавил совет министров А. Малинов, глава Демократической партии.

Для новой власти сверхактуальной становилась задача расширения своей социальной опоры. Решение ее Малинов нашел нестандартное: учитывая обстановку в стране, он счел необходимым при формировании кабинета заручиться поддержкой трех мелкобуржуазных партий как наиболее близких к народу по членскому составу. Вероятно, премьер, предвидя на исходе войны гражданские волнения, надеялся таким образом удержать под буржуазным влиянием значительные массы трудящихся и мелкой буржуазии. Лидеры БЗНС и РСДРП(о) согласия на участие в правительстве тогда не дали, но два представителя Радикально-демократической партии заняли посты министров. Так было положено начало «правительствам широкой коалиции».

Со смещением Радославова ожидания близкого прекращения войны приобрели в тылу и на фронте конкретные очертания. В окопах распространялась версия, что все закончится к 15 сентября. Но правительство Малинова встало на иную позицию: войну надо выиграть, а протесты подавить⁹. Издавна не отрицавший прогерманскую политику, Малинов еще 15 июня потребовал от главнокомандующего Н. Жекова «удержаться на болгарских позициях»¹⁰. «Радикалы», как писал болгарский исследователь Хр. Стефанов, позже вообще признали свое вступление в правительство ошибкой: они думали, что сразу приступят к вопросам о войне и мире, о пропитании армии и населения, о возвращении страны к нормальной жизни, ликвидации коррупции. На практике же стали проводниками политики премьера, вместе с его «демократами» ездили на фронт – просили солдат выдержать войну до конца, старались разбудить в них патриотизм, заботу о престиже власти¹¹. «Радикалы» поддерживали власти и при подавлении Солдатского (Владайского) восстания.

Восстание началось 24 сентября 1918 г., когда после прорыва армией Антанты болгарской обороны на македонском фронте отступающие болгарские части стихийно направились к Софии с намерением наказать Радославова и других деятелей, виновных в вовлечении Болгарии в войну. Над столицей нависла непосредственная угроза, что заставило власти уже 25 сентября предпринять два решительных шага: во-первых, отправить делегатов в расположение командования Восточной армии Антанты просить перемирия и, во-

вторых, освободить из тюремного заключения «земледельцев» А. Стамболийского и Р. Даскалова, где они отбывали срок за антимилиитаристскую агитацию. Правительство решило прибегнуть к услугам Стамболийского, имея в виду его авторитет в народе, или как справедливо писал М. А. Бирман, потому, что Стамболийский «был окружен в глазах крестьян, одетых в солдатские шинели, ореолом борца против царя Фердинанда»¹². Теперь же радикальному лидеру БЗНС предстояло уговорить взбунтовавшихся солдат разоружиться и разойтись по домам.

Показательно, что правительство не использовало для этой цели Д. Драгиева, другого лидера БЗНС, остававшегося на свободе и формально обладавшего в то время перевесом сил против Стамболийского. Однако власти неверно рассчитали ход событий: с прибытием к восставшим Стамболийского и еще более революционно настроенного Даскалова солдатский бунт поднялся на новую ступень – 27 сентября было провозглашено свержение царя, правительства и установление в Болгарии республики. Армия повстанцев росла за счет солдат, продолжавших прибывать с фронта, и составила в итоге около 30 тысяч человек. Раздавались голоса к решительной расправе с Фердинандом, его министрами, к революционному суду над ними.

Не в силах справиться с восставшими, власти обратились за помощью к все еще союзным немецким войскам, одновременно ведя переговоры о перемирии с представителями Антанты. 30 сентября колонны повстанцев были встречены на подступах к Софии ураганным огнем тяжелой немецкой артиллерии. В узком проходе Владайского ущелья число расстрелянных солдат превысило 2,5 тысячи человек. В эти же дни было заключено Солунское перемирие на весьма тяжелых для Болгарии условиях. Одно из них – оккупация Болгарии войсками Антанты. В начале октября они уже вступили на территорию страны. 3 октября царь Фердинанд отрекся от престола. Но монархия устояла, трон перешел к старшему сыну царя – наследнику Борису. Фердинанд же, как и Радославов, спешно покинул Софию. Оба надеялись, что эмиграция уберет их жизни от разъяренного народа.

Казалось, политический горизонт несколько расчистился. 17 октября 1918 г. Малинов реформировал правительство, включив в него по одному представителю от БРСДП(о) и БЗНС. Но уже 28 ноября последовала реорганизация кабинета: на смену Малинову пришел лидер буржуазной Народной партии Т. Теодоров. В возглавленном им совете министров уже 6 кресел из 11 были предоставлены партиям, «близким к народу»: «радикалам» (1 место), «широким» социалистам (2 места), «земледельцам» (3 места). От БЗНС, таким образом, в состав правительства вошли старейшие его деятели Ц. Бакалов, Д. Драгиев и А. Стамболийский. Любопытна ситуация, свидетельствующая о нефор-

мальном авторитете Стамболийского в стране: для него министерское кресло было зарезервировано, так как, будучи участником Солдатского восстания, в отношении которых начались репрессии вплоть до отдачи под военно-полевые суды, он перешел на нелегальное положение и пока что не мог принять предложенный портфель. Внутри кабинета «левые» попытались выделиться в отдельный Блок – в блок партий, не относившихся к «номенклатурным».

Декларация правительства Теодорова отразила учет буржуазным премьером происходящего: дальнейшее скольжение общественных настроений влево. В декларацию были включены такие *обещания* как: отменить военное положение и цензуру, провести реформы в военном ведомстве, установить контроль за министерством внутренних дел, принять меры по обложению чрезмерных доходов военного времени, организовать суд над виновниками национальной катастрофы, предоставить политическую амнистию¹³. Но успокоится ли такими обещаниями стихийное по преимуществу движение народа, состояние его духа?

С ростом уличных протестных выступлений росли ряды «народных» партий. «Тесняки», в 1915 г. насчитывавшие в своих рядах чуть более 3 тысяч членов, в 1919 г., когда партия стала именовать себя коммунистической (БКП), имела уже свыше 25 тысяч, а концу того же года – свыше 35 тысяч. Меньшие успехи были у «широких» социалистов: если в 1915 г. в партии числилось также около 3 тысяч членов, то в 1919 г. – 11,6 тысяч¹⁴, по другим сведениям, 14,4 тысяч¹⁵. Относительно Радикально-демократической партии существуют данные, что в 1919 г. она насчитывала 16 тысяч членов и опиралась на 700 местных организаций, имевшихся во всех городах и в большей части сел¹⁶. Все эти партии имели не только в городах, но и в селах местные ячейки, участие же во власти открывало им сравнительно широкие возможности для распространения своих идей. Стремлением каждой из них было овладеть руководством общин, местными органами власти. В 1920 г. появились, например, первые коммуны – общинные советы во главе с местными членами БКП.

Особенно бурный рост происходил в рядах БЗНС, на деятельность которого война отразилась очень тяжело: основная часть его членов сражалась на фронтах, «дружбы» не действовали регулярно, членские взносы не собирались¹⁷. С конца 1918 г. положение изменилось: после заключения перемирия и демобилизации, пишет Д. Петрова, стали оживать старые «дружбы», возникали новые, главным образом, в селах. К 1 июня 1919 г. в БЗНС числилось уже 77,3 тысячи членов – Земледельческий союз стал самой многочисленной партией в стране. По мнению американского ученого Дж. Белла, в 1921 г. в стране насчитывалось 3.014 «дружб», в 1922 г. – 3.439¹⁸. В протестное движение 1918–1919 гг. – антивоенное, за широкую политическую амнистию, за наказа-

ние виновников войны, конфискацию имущества, несправедно нажитого во время войны, и в другие акции общего характера – вовлекались массы людей, независимо от их партийной принадлежности и совсем без оной.

Автор настоящей статьи в попытке выделить из общего «левого потока» особую крестьянскую струю, услышать именно сельский голос, ориентируется на налаживавшуюся после окончания войны работу «дружб», проведение ими многочисленных собраний, митингов и сходов на селе. Эти акции отражены в протоколах и резолюциях крестьянских собраний и сходов, которые после принятия их путем голосования направлялись в Народное собрание, в правительство (нередко с подчеркиванием – министрам-«земледельцам»), в руководящий орган БЗНС, в газету «Земледельско знаме» и др.

Страницы протоколов и резолюций с подписями селян (иногда на десятках листов), написанных и грамотным почерком, и неграмотным, корявым, с пропусками букв и прочими дефектами, производят на исследователя неизгладимое впечатление, в них видятся живые люди, с их нервом, с их желанием быть участниками общественного действия. Часть этого документального эха крестьянских настроений представлена в машинописи, часть от руки.

* * *

На первом плане среди крестьянских требований были, конечно же, экономические: именно сельское население явилось основной тягловой силой войны, отправляя на фронт мобилизованных мужчин и лишая тем самым крестьянское хозяйство рабочих рук, но также подвергаясь продовольственным и другим натуральным (лошади, телеги и т. п.) реквизициям. За невыполнение нарядов, как и за укрытие предназначенного к сдаче, назначались штрафы, предъявлялись судебные иски.

Еще во время войны крестьяне часто обращались в специальную комиссию парламента (так называемую прошетарную) с прошениями (просьбами) списать с них реквизиционные штрафы, иногда составлявшие сумму до тысячи левов. На эти обращения парламентская комиссия, как правило, отвечала отказом. В ее отчетах зафиксировано также множество жалоб селян на нехватку продовольствия и фуража из-за большого объема произведенных реквизиций. Положение действительно было в ряде случаев столь тяжелым, что даже скуповатой комиссии приходилось откликаться. Так, в январе 1918 г. ею было принято решение в пользу жителей села Жеравна Котленской околии, прошивших предоставить их селу 60000 кг продовольствия. Вслед за этим председатель Народного собрания снесся с военизированной государственной

Дирекцией СГОП (Дирекция по общественному планированию и распределению), проводившей реквизиции, *рекомендуя* (не более того!) «обратить внимание» на решение парламентской комиссии¹⁹. Очевидно, большего от учреждения, занимавшегося организацией снабжения армии и населения, он потребовать не мог.

С окончанием войны крестьяне все настойчивее стали требовать списания долгов по штрафам и ликвидации самой Дирекции СГОП. Показательно в этом отношении рукописное обращение к Стамболийскому от общины села Палазар Осман-Пазарской околии; община, – писали они 15 декабря 1918 г., – объединяет семь сел с населением 2,5 тысячи человек (360 хозяйств). Крестьяне жаловались на местные власти, которые на основании распоряжений Дирекции СГОП, собирали в 1917–1918 гг. топленое масло, брынзу, шерсть и проч. и предъявляли иски, если крестьяне отказывались отдавать предписанное или исполняли наряд частично. «Теперь Шуменский окружной суд наложил на нас огромные штрафы, уплата которых разорит наши хозяйства. Просим Вас внести в парламент предложение и законом аннулировать все составленные акты и исполнительные листы. Мы принесли столько жертв за время трехлетней войны в окопах, а теперь еще и штрафы. Есть и случай, когда в одном хозяйстве на войне погибли два брата, а теперь к ним приходит сборщик налогов и требует 400–500 левов штрафа». Под письмом было около 50 подписей, в том числе за неграмотных²⁰.

17 февраля 1919 г. свыше 200 человек, пришедшие на общее собрание, которое было созвано «земледельческой дружбой» села Овча могила Свиштовской околии, «единогласно решили», как было написано в резолюции собрания, *для сохранения спокойствия и порядка в селе и в стране*, обратиться к Дирекции СГОП и к правительству с просьбой озаботиться нашим пропитанием за счет экспортного продовольствия²¹. Письмо, как видим, отражало вполне мирное настроение собравшихся и свидетельствовало об их стремлении не допустить обострения отношений с властями.

Среди других крестьянских экономических требований наиболее частыми были требования ввести нормирование цен на сельскохозяйственные и промышленные товары и прогрессивно-подходящий налог. Так, жители села Хотница Тырновской околии, собравшись 16 февраля 1919 г., как указывалось в документе, – без различия партийной принадлежности, потребовали в своей резолюции установить продовольственную диктатуру, осуществляемую «земледельцами», «запасы продать населению по продажным ценам, которые приравнять к нормированной цене зерна». Любопытно, что в резолюции это требование повторялось еще и в другой формулировке: «Изъять все колониальные и мануфактурные и промышленные товары, раздав их населению

по нормированным ценам, что должно происходить одновременно с изъятием зерна»²². По-видимому, пункты резолюции в ходе собрания особо не редактировались, а вносились в протокол по мере выступлений участников, и каждому находилось там место. Что, на мой взгляд, свидетельствует о свободе выражения селянами своих мнений и отсутствии формализованности в ведении собрания.

Подобное впечатление оставляет и подробнейший протокол о ходе крестьянского собрания в марте 1919 г., написанный на типографском бланке (место проведения собрания оказалось незаполненным). Селяне отмечали, что «военные команды собирают продовольствие в околии без учета нужд членов семьи, берут все, оставляя пропитание всего на два месяца и не учитывая, что еще предстоит досев, во многих местах оставляют женщин и детей в слезах». Далее следует запись слов, очевидно, другого участника собрания: «Цены на изъятые у крестьян продовольствие очень низкие, а на обувь, пальто – очень высокие, а ведь уже второй месяц, как министр Драгиев обещал снижение цен». Со страниц документа слышится почти прямая речь: «Многие крестьяне ни за что, ни про что отданы под суд за нарушение закона СГОП и осуждены». И заключение: «Дальнейшее существование Дирекции СГОП неоправданно из-за ее нежелания или неспособности равномерно распределить тяготы времени на все слои населения в стране». В постановляющей части резолюции оказался и совершенно конкретный пункт: «Продовольствие, изъятые с 1 августа 1918 г. по настоящий день, оплатить по продажной цене и в соответствии с другими подорожаниями – по 6 левов за килограмм»²³.

Нормирования цен на все товары первой необходимости: продуктов, одежды, обуви «и всей торговли промышленными товарами» требовали также собравшиеся на митинг жители села Ресен Тырновской околии, как и «скорейшего введения прогрессивно-подходящего налога»²⁴.

Почему вопрос о реквизициях был для селян столь актуален? Только ли потому, что государственные изъятия наносили «физический» вред их хозяйству, подрывали его, вызывая острые субъективные переживания людей? Имел ли значение факт ущемления права крестьянина как собственника? Конкретных указаний на этот счет в представленных документах не имеется; возможно, такие соображения и могли возникать на подсознательном уровне, но в письменной форме не проявлялись. А возможно, они просто утонули в той ярости, ненависти к милитаризму, которая переполняла село – изначально противившееся войне, потерявшее на ней многих своих кормильцев и полувившее в результате оскудевшее и разоренное хозяйство, взамен преуспевавшего в мирное время.

Экономические требования крестьян, как правило, переплетались с *политическими*.

Особенно активно селяне выступали в ходе кампании за политическую амнистию, требовали распространить ее на всех участников Владейского восстания, среди которых были Стамболийский и Даскалов. На собрании 3 декабря 1918 г. жители села Опан выразили желание, кроме того, «провести исследование причин гибели во время войны тысяч болгарских солдат»²⁵. Тем же днем жители села Смочево Дупнишской околии обратились к властям с требованием амнистировать арестованных и осужденных солдат и простых граждан, обвиненных за проступки во время войны и за участие в сентябрьском акте²⁶. 9 декабря к ним присоединились 180 жителей села Избелей Станимакской околии, заявляя о необходимости «прекратить преследование тех, кто прогнал царя Фердинанда»²⁷.

Законопроект об амнистии преодолевал в Народном собрании немалые трудности: «демократы» Малинова требовали не амнистировать, а наоборот, сурово наказать участников сентябрьского бунта, сторонники Драгиева предлагали выборочный акт, в частности, исключаящий из его действия Стамболийского и Даскалова. За полную амнистию выступали только депутаты от БКП и от группы «земледельцев»-сторонников Стамболийского.

Под нажимом снизу Народное собрание приняло 31 декабря 1918 г. более или менее удовлетворительный закон о политической амнистии. В январе 1919 г. Стамболийский приступил к работе в совете министров. А 19 февраля пять депутатов Народного собрания обратились к председателю парламента с заявлением о желании уступить свое место Стамболийскому. Каждый из них в заявлении написал: «Г-н Председатель, у нашего товарища депутата Александра Стамболийского был незаконно отобран мандат и его заменил запасной избранник. Сегодня правда восторжествовала и Стамболийскому возвращены его права, но теперь в парламенте для него нет свободного места. Поэтому учтиво прошу Вас принять мою отставку, чтобы дать ему возможность занять пост народного представителя в палате депутатов. /Подпись/»²⁸. Чтобы дать делу ход, им должна была заняться Комиссия по проверке выборов, но по разным причинам она так и не смогла собраться²⁹.

Если борьба за политическую амнистию имела общий характер, то, как сугубо крестьянские, можно выделить следующие мотивы, также нашедшие отражение в протоколах и резолюциях сельских собраний, в частных письмах. Во-первых, это *интерес к делам в самом Земледельческом союзе*, в его парламентской фракции и, особенно, к роли его представителей в коалиционном правительстве Т. Теодорова. Сам факт «вхождения Д. Драгиева, Ц. Бакалова и А. Стамболийского в буржуазное правительство» отмечался селянами как

произошедший в нарушение устава БЗНС, в который на XIV съезде Союза в декабре 1913 г. специально был внесен пункт, запрещающий сотрудничество «земледельцев» с буржуазными партиями. «Скидка» на конкретный послевоенный случай связывалась в 1918 г. с тем условием, что в кабинет Теодорова лидеры БЗНС вошли в составе «близкого к народу» Блока партий, принявшего «народную программу».

Среди крестьянских откликов на это событие находим как одобрение участия Земледельческого союза «во власти на основе принятой платформы»³⁰, так и сомнения в правильности сделанного шага. В этом ряду и требования контроля за деятельностью Блока на местах, например, по «заполнению вакантных чиновничьих мест»³¹. Нередкими оказывались также протесты против несоблюдения программы Блока³². Лозунгом было: *либо действуйте, либо уходите*. Совершенно четко такое мнение выразил некто С. Чинков, на то «уполномоченный дружбой села С... /в рукописи название неразборчиво/ Разградской околии». Запоздало поздравив Стамболийского с выходом из тюрьмы в письме к нему от 18 февраля 1919 г., Чинков продолжал: «Но Вы и еще два министра вошли в правительство Блока, чего не разрешает устав БЗНС, и ничего не сделали в соответствии с платформой. Вы позволили увеличить цены на железнодорожные перевозки в тройном размере, повысить косвенные налоги. Мы послали Вас защищать наши интересы, не компрометируйте же нас и нашу идею, ей мы служим с первого дня моей политической жизни. Поэтому просим Вас посоветовать другим министрам от БЗНС осуществить наши требования, хотя бы частично, или уйти с министерских постов, ибо, уйдя, они будут более полезны, чем, находясь в правительстве»³³.

В той же Разградской околии крестьяне села Осенец, собравшись на общий сход 24 марта 1919 г., выступали с осуждением тех «земледельческих» депутатов, которые «не покинули демонстративно парламент» при голосовании бюджета на 1919/1920 гг.³⁴

Не всегда свое недовольство «земледельцы» выражали учтиво: обращаясь к Стамболийскому, 120 членов «дружбы» села Салманово Преславской околии, расписавшихся под соответствующей резолюцией, на собрании 16 марта 1919 г. потребовали: «Долой правительство, не сдержавшее слова, данного народу; требуем кабинета, который будет исполнителем воли народа»³⁵.

Даже если вышеприведенные высказывания были единичными, из них можно понять, что факт существования БЗНС, его деятельность на основе определенного регламента, представляли для крестьян ту несомненную общественно-политическую ценность, которую следовало беречь и защищать.

Во-вторых, заостренное внимание к *проблеме руководства общинами*, местной власти, которая была в смутное время одной из болевых точек для

крестьянского населения, свидетельствовало о его упорном стремлении сохранить другую ценность – веками складывавшуюся традицию сельского самоуправления. Оно существовало еще в турецкое время. После Освобождения Болгарии были приняты в 1882 и 1886 гг. специальные законы, регулировавшие деятельность общин с прицелом на более плотное включение их в общегосударственную систему, но в крестьянском государстве не могло быть и речи о разрушении этой коренной основы сельской жизни.

Однако во время войны власти предпочитали распускать выборные органы местного самоуправления, административно заменяя их так называемыми трехчленками. Особый протест со стороны крестьян вызывала практика правительства А. Малинова, в свое время «насадившего» в «трехчленки» представителей возглавляемой им «городской», т. е. враждебной «земледельцам», Демократической партии. «Горожане» оставались в органах сельской власти и при правительстве Теодорова. Неудивительно, что недовольство «продолжающимся произволом со стороны Демократической партии при назначении трехчленных комиссий» многократно выражалось в ходе крестьянских собраний весной 1919 г. В составе кабинета – три министра от БЗНС, что же они бездействуют, возмущались селяне³⁶. В личном письме Стамболийскому от 6 февраля 1919 г. некий Б. Дойчев писал: «Земледельцы» нашей организации ждут от Вас и только от Вас слома и превращения в пыль всего гнусного и мерзкого в управлении нашей милой матерью – земледельческой Болгарией. /.../ Прошу Вас установить контроль в администрации, назначая в старой Болгарии и в новых землях на должности, главным образом, околийских начальников и полицейских приставов именно членов БЗНС». Это необходимо, заверял он, «для организации земледельческого сословия /.../ и для действий режима народной власти»³⁷.

«Нам не нужно чиновничество, мы от него ничего не хотим, как и от государства, нас благодетельствует только наше земледелие», говорилось в письме Г. Атанасова из села Караднеялово Борисовградской околии от 8 февраля 1919 г.³⁸ Автор – 60-летний человек с 20-летним партийным стажем в БЗНС – как нельзя лучше отразил настроение старшего поколения крестьян, ратовавшего за сохранение прежнего способа управления селом, устоявшегося уклада. Таких было немало в рядах Земледельческого союза, ориентировавшихся, прежде всего, на сословную теорию Стамболийского и удовлетворявшихся этим.

В-третьих, жгучая *ненависть к войне* и к тем, кто ее развязал. В крестьянских высказываниях слышится понимание причин военного бедствия, обрушившегося на страну, как, например, это отразилось в одном из пунктов резолюции сельского собрания в марте 1919 г.: «Отдать под суд бывших ми-

нистров кабинета Радославова – Петкова за *сознательное вовлечение Болгарии в авантюру* и разорение страны в войне»³⁹. Подобные требования выражались то в довольно резкой форме и в таком виде записывались в резолюцию⁴⁰, а то звучали и по-селянски наивно: например, «требуем *возвращения Фердинанда и Радославова* и отдачи их под суд, конфискации их имущества»⁴¹, или даже: «Правительство должно добиваться *немедленного федерирования Болгарии с Югославией*» (курсив мой. – Р. Г.); это свое требование подтверждали 177 пронумерованными подписями жители села Ресен Велико-Тырновской околии⁴².

Антивоенные настроения отражались и в часто звучавших на митингах и собраниях «дружб» требованиях распустить «радославистский парламент», виновный в развязывании войны и «непригодный для нового времени», отменить военное положение и цензуру по вопросам внутренней политики, провести новые парламентские, окружные и околийские выборы⁴³.

В-четвертых, непосредственный *интерес к Стамболийскому*, к импульсам, исходившим от него. Что это были за импульсы? Стамболийский не только являлся автором *теории*, разработанной довольно досконально, но и активным, действующим *политиком*, не боявшимся рискованных ситуаций и в то же время соблюдавшим осторожность. В руководстве БЗНС он возглавил сравнительно левую, радикальную его часть, стремившуюся отмежеваться от сотрудничества с «городскими» партиями. И в конечном итоге поставить Земледельческий союз в положение политического лидера в государстве. Именно такое положение БЗНС и являлось венцом его теории.

Вступив еще в 1908 г. в фактическое единоборство с Фердинандом, которого он в Народном собрании публично поставил на место, и, подтвердив в 1915 г. позицию противостояния с ним, опять-таки публичным осуждением государственной политики в отношении войны, Стамболийский использовал приемы, говорившие о нем, как о человеке честолюбивом, стремящемся стать лидером в реальной жизни, формирующем себя как личность харизматическую. Приговор к смертной казни, почти три года в тюремной камере по отбытию пожизненного заключения, а затем внезапное освобождение и вскоре вознесение на вершину признания частью общества при одновременном жестком хулении и поношении его как хулигана, разбойника и даже большевика со стороны другой части общества – такие изломы жизни для героической личности – особый знак, перст судьбы, говорящий о мистическом предназначении.

В Центральном государственном архиве в Софии хранится любопытное дело под названием «Тюремные записки Стамболийского». Оно представлено в машинописи и является, по-видимому, архивной перепечаткой некоей рукописи при приведении ее в порядок. При чтении материала понимаешь, что

только начало записок относится ко времени тюремного заключения автора, а большая их часть – к гораздо более позднему периоду. Хотя в настоящий момент нет возможности удостовериться в аутентичности документа, посмотрим, что Стамболийский, возможно, писал о себе.

Первый текст, похоже, действительно происходит из застенков: «Я готов быть жертвой реакции. Доволен /своим/ положением. Новая эпоха нуждается в герое. Трусливые и раболопные пол/итические/ вожди. Отсутствие светлого образа в царствование Фердинанда. А Болгария испытывает потребность в та-ких образах. Мое прошлое. Меня обвиняют в дерзости, во лжи, и вместо того, чтобы увидеть это в себе – в малодушии, в чрезмерной и преступной осторожности. Хотел бы и я ходить по равнине!»⁴⁴. Другая запись свидетельствует об осмыслении Стамболийским своего политического «Я» – на фоне горького понимания запаздывающего развития Болгарии: «Секрет успеха каждого дела – своевременно явиться для выполнения своего долга. Мы поздно пришли к выборам, поздно явилась на сцену Болгария, поздно произошли аресты*, поздно лично я явился против мощных фигур наших соседей»⁴⁵.

Не меньший интерес представляет и зафиксированное в бумагах отношение Стамболийского к народу. Читаем: «Болгарский /народ/ страдает не от недостатка ума, а от недостатка воли и здорового социального чувства. Придайте этому народу сплоченность и сильную волю, и он станет незаменимым и удивительным борцом. Замахнитесь рукой на стаю куропаток, они разбегутся вместо того, чтобы сплотиться. Это напоминает нынешнее состояние болгарского народа. Выхватите из стада свиней одну, даже самую тощую, и вы почувствуете силу этого сообщества: все свиньи, ошетинившись и разъярившись, бросаются на общего врага. О, когда я увижу боевой дух болгарского земледельческого народа выросшим до такого состояния самозащиты»⁴⁶.

По большому счету, само понимание бездны социокультурных болгарских проблем, их сложности делает честь крестьянскому мыслителю. При этом он – человек действия, оптимист, отодвигавший ощущение безнадежности и намеревавшийся наверстывать исторически упущенное.

Став в 1918 г. министром в коалиционном кабинете Теодорова, Стамболийский не собирался останавливаться на достигнутом. Подъем народного движения в 1918–1919 г.г. создавал определенные условия для радикального, постепенного продвижения Союза и его лидера к вершине власти.

Насколько серьезно воспринимали крестьянские массы возможность подоб-

* Возможно, запись касается осмысления автором пути продвижения к власти в 1919 г. Массовые аресты имели место 4 декабря 1919 г., распространялись на «виновников национальной катастрофы».

ного развития событий? Насколько *понимали* их суть? В полной мере судить об этом на основании доступного материала весьма трудно, но некоторые моменты политической конъюнктуры 1918–1919 гг. представляются в этом отношении достаточно важными.

Прежде всего, надо отметить внутреннюю связь между сельчанами и Стамболийским. Может быть, она не была всеобъемлющей, но весьма существенной ее нельзя не признать. Упования многих «земледельцев» связывались именно с ним. Об этом писали ему лично и пожилые, и молодые. Приведу несколько примеров. 60-летний Г. Атанасов из села Караднеялово Борисовградской околии сообщал 8 февраля 1919 г.: узнав о Вашем выходе из тюрьмы и занятии поста министра, «радуюсь и торжествую в связи с вашим оживлением и воскресением, /вы/ как наш *спаситель Иисус*» и потому «моя скромная старость хочет вас поприветствовать (курсив мой. – Р. Г.)»⁴⁷. С гораздо более конкретными предложениями обращались к Стамболийскому молодые люди. 14 февраля 1919 г. некто Н. Дедов писал ему: «Я еще молод, три года был на войне, потом служил офицером. Сам я из крестьянской семьи. /.../ Не хочу идти ни к коммунистам, ни в другие партии. Я сторонник Ваших идей и принципов, но мне нужны советы, инструкции и учителя, чтобы я мог успешно действовать», хочу активно участвовать в «земледельческом» движении»⁴⁸. Как и в большинстве других случаев, ему был отправлен ответ, о чем на письме имеется специальная пометка с датой.

Переписка крестьян со Стамболийским чаще всего касалась приглашения его на расширенные собрания «дружб», «для разъяснения положения и оценки местных событий»⁴⁹, или выражалась просьба выступить «в нашем селе, так как сюда приезжает много агитаторов от городских партий, ругающих Вас и Даскалова»⁵⁰. Были также письма-предупреждения, например, о том, что недоброжелатели поносят Стамболийского как «большевика и разбойника, виновного в гибели солдат» во время Владейского восстания, как больше всех виновного в разгроме отечества и понесенных жертвах, за что его якобы следует повесить в Софии⁵¹ и т. п. (из помет на письме видно, что адресат работал с текстом)⁵². Весьма любопытно рукописное послание Стамболийскому от 18 марта 1919 г. от В. Сыбева – председателя «дружбы» села Тристеник, в котором автор просит дать пояснения, как следует отвечать на обвинения в адрес Стамболийского по поводу его участия в Деклозиеревой афере и получении 5 миллионов левов от соответствующего банка; «между тем, – заканчивал Сыбев письмо, – Вы тот, кто спас Болгарию»⁵³. Ответ по поводу сложного сюжета был получен автором спустя две недели, т. е. с недельной задержкой по сравнению с установившейся практикой.

Чаще всего приглашения присылались с целью добиться личной встречи. 2 февраля 1919 г. крестьяне села Стеб писали Стамболийскому: три года мы слушали о ваших делах как защитника наших интересов, доходивших из вашей тюремной камеры, из газет и брошюр, «но лично мы не видели нашего спасителя. Теперь хотим видеть лично. Приезжайте к нам, приглашаем от имени всей дружбы (курсив мой. — Р. Г.)»⁵⁴.

Но наибольший интерес представляют письма Стамболийскому с поддержкой его линии и заверениями, что она победит. «Я еще молод, чтобы высказывать собственное мнение, но все-таки осмелюсь, — пишет обладатель грамотного почерка Й. Витовградски из села Михалци Павликенской околии. — Г-н Стамболийский, решительный час настал — народ изнемогает и ждет разрешения назревших вопросов. Форменный голод здесь, невыносимая дороговизна. Диктатура? /слово подчеркнуто синим карандашом, очевидно, адресатом. — Р. Г./ /.../ Если нужно устанавливать, устанавливайте. Мы готовы всячески Вас поддержать, но действуйте уже. Время не слушать слова, а делать дела»⁵⁵. Письмо датировано 23 февраля 1919 г.

Получив 17 февраля письмо от Стамболийского, председатель «дружбы» села Новачене Орханйской околии в своем ответе утверждал: «Все «земледельцы» Союза желают Вам еще смелее руководить борьбой. *Фанатически верим в победу народовластия*». Автор заявлял далее о своем недовольстве поведением меньшинства в парламентской группе «земледельцев»: «Опять эти дразги. Речи Драгиева в провинции мне не нравятся. Какие изменения? *Власть!* (курсив мой. — Р. Г.)»⁵⁶.

Активная деятельность «земледельцев» с возвращением левых руководителей на политическое поле заметно изменила характер крестьянского движения. В марте оно стало более массовым, охватывая все новые районы. Из документов видно, что в начале многих собраний выступали либо сами руководители (Стамболийский, Даскалов), либо «земледельцы», приехавшие с «партийным поручением». В принимавшихся резолюциях можно заметить смещение акцента от критики Блока к вопросу о собственной власти «земледельцев». Впрочем, что понимали крестьяне под этим — никак не конкретизировалось, если не считать требования перехода министерства внутренних дел и «трехчленок» в руки «земледельцев», т. е. установления традиционных крестьянских порядков и самоуправления на местах. Кое-где проскальзывают слова о реформах, но что именно имеется при этом в виду, также остается неясным. Но сами рассуждения о власти и о реформах стали распространяться, думается, под воздействием радикальной группы в руководстве БЗНС, ставшей целенаправленно вмешиваться в организацию протестных собраний на селе.

Весной 1919 г. в стране сложился определенный баланс сил: кабинет Теодорова не спешил выполнять провозглашенные в правительственной декларации 29 ноября 1918 г. обещания, игнорировал требования трудящихся и тянул время, ожидая, что возвращение населения к мирным занятиям, постепенно разрешит проблемы. Оппозиция в лице части парламентской фракции БЗНС, действовавшей совместно со Стамболийским, упиралась в непреодолимость разногласий с правительством, и более всего по вопросу о скорейшем роспуске Народного собрания и назначении новых выборов (этому препятствовала и группа Драгиева), без чего не мыслила дальнейшего *легального* продвижения к цели.

Это противостояние отчетливо проступает из письма Стамболийского от 20 марта 1919 г. к одному из своих приверженцев из Шуменской околии: «Ваша резолюция, в которой вы хотите как можно скорее устранить все препятствия, мешающие правильному развитию политико-экономической жизни нашей страны и проведению необходимейших реформ, которых требует новое время, получил. С истинным наслаждением читаю о ваших требованиях и меня охватывает негодование, когда вижу, как управители, опьяненные властью, не обращают внимания на глас народа и играют с огнем. Верные до недавнего времени орудия Фердинанда, они не хотят проститься со старым порядком: мило им самовластие, господство над народом, и они употребляют все силы, чтобы укрепить свое положение /.../ Мобилизация с нашей и с их стороны – полная. Предстоит решительное сражение. Земледельческий союз на своем посту, на посту верного стража интересов народа и выразителя его воли. В его успехе я совершенно не сомневаюсь, потому что на стороне Союза – абсолютное большинство крестьянского народа и он справится с любым мракобесием»⁵⁷. Далее Стамболийский указывал на то, что добиться роспуска парламента и проводить реформы мешает группа меньшинства в ее составе (13 депутатов во главе с Драгиевым) и предупреждал от всякой попытки перенести раскол в организацию.

«Мобилизация обеих сторон полная» – эта фраза говорила о силе конфликта между селячеством и буржуазными партиями, еще сохранявшими власть. Это был конфликт нового, уже послевоенного времени. К штурму власти готовилась не родственная буржуазная партия, находящаяся в положении легальной оппозиции, а огромная массовая, фактически неуправляемая, партия негодующего крестьянства.

В марте 1919 г. Стамболийский и его сторонники для усиления нажима снизу предпринимают обновление форм сельского движения. Примером может служить *кустовое собрание селян*, – гораздо более солидное средство выражения настроений людей и основательности их организации по сравнению с раз-

бросанными одиночными митингами. В постановлении кутового собрания Ески-Джумайской околийской «дружбы» от 26 марта 1919 г. говорится, что на нем были представлены делегаты от 38 «дружб», объединяющих 2500 членов. Принятые решения весьма характерны и отвечают на вопросы, очевидно, поставленные организаторами предварительно. Вот некоторые решения, наиболее выразительные: 1) «Считать наше участие в Блоке с буржуазными партиями вредным для земледельческого движения, как препятствующее проведению *быстрых и решительных реформ* (курсив мой. – Р. Г.)». (Каких реформ – не разъяснялось и здесь, но важно, что они были заявлены как часть программы).

4) Околийская дружба считает крайне необходимым вызвать кризис кабинета и осуществить взятие власти «земледельцами», «широкими социалистами» и «радикалами», или, в крайнем случае, *одними «земледельцами»*.

7) Для урегулирования положения сельских общин считаем необходимым, чтобы МВД обязательно возглавлял министр от БЗНС.

8) Околийская дружба обещает поддержку Управительному совету БЗНС в осуществлении этих требований⁵⁸. (Здесь видим совсем новый элемент в организации «земледельческого» движения, стремление «левого» руководства Союза опереть его на партийную иерархию и дисциплину).

Но необходимы были и более решительные действия, вплоть до политической провокации, чтобы вытеснить, наконец, из совета министров представителей Демократической партии, как более всего родственной дезавуированным «радославистам». Преследуя эту цель, большинство парламентской группы БЗНС выступило с фактическим ультиматумом к властям, потребовав снятия цензуры и военного положения, ликвидации произвола МВД, урегулирования вопросов пропитания населения и, главное, роспуска Народного собрания и назначения новых выборов, парламентских и в местные органы власти.

Получив отказ, группа заявила, что решила на некоторое время воздержаться от участия в заседаниях парламента и пригрозила обратиться за поддержкой к народу⁵⁹. Ситуация повисла в неопределенности. Между тем, правительство Теодорова, действуя в режиме торможения радикальных сил в БЗНС, запретило загодя назначенный на 27 апреля съезд БЗНС, делегаты которого были уже в пути. Полиция снимала их с поездов, арестовывала. Все-таки около 400 человек добрались до Софии и 26–29 апреля провели «малый съезд». В его резолюции находились пункты с требованиями нового состава правительства – без правых, роспуска Народного собрания и проведения выборов в новый парламент⁶⁰.

Возникшей ситуацией немедленно воспользовались два министра от БЗНС – Стамболийский и Бакалов, заявившие о своей отставке. Их поддержали министры от БРСДП(о) и РДП, также подавшие в отставку⁶¹. Наступил долгожданный кризис правительства.

7 мая 1919 г. в ходе реорганизации кабинета его покинули Н. Мушанов и А. Ляпчев – представители Демократической партии, более всего пытавшиеся притупить остроту обстановки в стране. Не менее важным событием явилось назначение Теодоровым, оставшимся на посту премьера, новых парламентских выборов на август 1919 г. Так «земледельцами» был достигнут, пусть частичный, но успех, брешь в стане противника оказалась пробита.

Устремляясь в эту брешь, БЗНС провел 1–5 июня очередной XV съезд партии. В его работе участвовало около 5 тыс. делегатов. При открытии съезда Стамболийский выразил уверенность, что БЗНС представляет уже «всю земледельческую Болгарию» и что теория сословной организации общества опередила надежды ее авторов. «Наша проповедь, – говорил он, – утверждение, что политические партии, провозгласив гражданские и конституционные права и свободы, сыграли свою роль и должны уступить место сословным политико-общественным организациям, сбывается»⁶². Примерно о том же писал Стамболийский в брошюре «Принципы БЗНС», опубликованной еще в апреле – в преддверии предполагавшегося тогда на конец месяца съезда Союза.

XV съезд стал важен двумя главными событиями: во-первых, преодолением раскола в руководстве Союза, чему не помешало осуждение деятельности Драгиева и укрепление группы Стамболийского; в результате течение, ведомое Стамболийским, возглавило всю организацию. А во-вторых, утверждении линии Союза на борьбу за самостоятельную власть в государстве, которая проведет требуемые сельской массой реформы. На съезде серьезно говорили о необходимости конкретной подготовки БЗНС к управлению.

Съезд принял платформу, в которой БЗНС впервые предстал перед общественностью со сравнительно полным изложением своих целей и намерений, имея в виду перспективу в виде «земледельческого» управления»⁶³. Болгарские авторы оценивают значение XV съезда как переломный момент в развитии Союза: была принята программа дальнейшей деятельности, определено ее генеральное направление – овладение властью, названы первоочередные требования, к осуществлению которых следует стремиться. Программа включала широкий перечень преобразований в экономической области: введение принципа трудовой земельной собственности, ограничения крупных земельных собственников, государственной защиты социально слабых слоев, ликвидацию ростовщичества, введение прогрессивно-подоходного налога, ликвидацию монополий и др.⁶⁴ Реформа политической сферы рисовалась как еще более значимая по своей сути – она была нацелена на полное устранение буржуазных партий от управления. Существо ее заключалось в том, чтобы взять (присвоить?!) те демократические, прогрессивные государственные институты (парламент, избирательное право, форму центрального и местного управ-

ления, права и свободы граждан и т. п.), которые плохо ли, хорошо ли, но сумели утвердить буржуазные предшественники, и использовать все это богатство в интересах почти исключительно мелкобуржуазных слоев села и города. Самих же предшественников сбросить с политической сцены за ненадобностью.

Собственное творчество «земледельческих» лидеров заключалось в намерениях изменить Конституцию в сторону «расширения народовластия» путем введения постоянно действующего парламента, облеченного дополнительными правами. Женщинам предполагалось дать избирательные права⁶⁵. В целом, предложенный Стамболийским и его единомышленниками путь можно считать способом бескровного отстранения буржуазии от государственного руля и утверждение у него на легитимной основе совершенно иного социокультурного субъекта.

Все же положение БЗНС, по-видимому, не ощущалось его руководством как вполне определенное. Стамболийский усиленно подчеркивал, что в борьбе за власть использоваться будут только легальные методы: крестьяне боялись ее обострения, ибо в таком случае им вновь приходилось опасаться за свою собственность. К тому же часть крестьян была удовлетворена прекращением войны и возвращением к мирным занятиям. Они определяли и настроение ряда «друзб».

Об отношении сельской массы к идеям съезда говорить трудно – в нашем распоряжении нет достаточных данных*. Но очевидно, что весной-летом 1919 г. селяне подвергались почти непрерывной агитационно-пропагандистской обработке по главным вопросам деятельности БЗНС и его планам. Это происходило как в ходе выборов делегатов XV съезда, так и во время подготовки к выборам в XVIII Народное собрание; большую идеологическую и информационную работу проводила редакция газеты «Земледельско знаме».

Выборы состоялись 17 августа 1919 г. Что Стамболийский возлагал на них большие надежды (вероятно, даже надеялся на такую победу БЗНС, которая даст ему возможность сформировать однопартийный «земледельческий» кабинет), видно из его письма к Р. Даскалову от 4 августа. Стамболийский, находившийся тогда в составе болгарской делегации в Париже, где обсуждались условия мирного договора, писал соратнику, что ждет результатов выборов и надеется, что они укрепят авторитет Земледельческого союза в мире. «В свободное время, – продолжал он, – обдумываю планы будущих действий и самых необходимых реформ. Конечно, они потребуют коррекции, прежде всего, в зависимости от условий мира»⁶⁶.

* Можно только удивляться, что в Болгарии так и не сумели (или не захотели) создать полноценный архив БЗНС.

Крестьянский электорат показал неплохую явку: из 903,9 тыс. избирателей в сельских общинах в выборах приняло участие 520,2 тыс., т. е. около 57,5%, в то время как из почти 300 тыс. избирателей городских общин проголосовало 136 тыс., что составило 45,3%. В итоге БЗНС завоевал первое место по большинству полученных голосов и из 236 депутатских мандатов получил 77 (группа Драгиева 8), на втором месте оказались коммунисты (47 мест), за ними следовала БРСДП(о) – 38; среди буржуазных партий больше всех отвоёвала Демократическая – 28 мест, три остальные, вместе взятые – всего 30 мандатов⁶⁷.

Победа получилась внушительная, но недостаточная для формирования самостоятельного правительства БЗНС.

25 августа 1919 г. на бланке «Болгарская делегация на мирной конференции» Стамболийский писал Даскалову: «Дорогой Райко, как ты себя чувствуешь после таких результатов выборов? Верю, что ты огорчен. *Таков народ*. Нужна еще долгая и упорная работа. Городские партии опять с большинством. Это будет нас тормозить. Но наши идеализм и смелость – велики, и мы все преодолеем (курсив мой. – Р. Г.)»⁶⁸. Смысл послания ясен – народ еще не готов к крутым переменам; может быть, и не осознал еще масштаба предложенных на недавнем съезде реформ или, наоборот, убоился их.

24 августа Стамболийский отправил в Софию большое письмо-инструкцию группе соратников, в отношении которых был уверен, что результаты выборов их разочаровали. «Не надо ни отчаиваться, ни удивляться, – писал он. – Наш народ не дал нам заслуженного и ожидаемого, но это премного обязано противодействующим силам, в первую очередь, Драгиеву, и недостаточному еще обучению наших новых членов. Явно, что мы получили результат, в полной мере соответствующий нашему организационному росту. «Приданое» растратил Драгиев»⁶⁹. Из контекста следует, что лидер «земледельцев» был озадачен успехом коммунистов, но при этом считал, что «в будущем опасность будет исходить уже не от тесняков, а от правых партий. Мы должны их подавить нашими смелыми и крупными реформами. Я уже серьезно думаю о них. Думайте и вы (курсив мой. – Р. Г.)»⁷⁰. «Результат позволяет нам, – заканчивал Стамболийский свое послание, – иметь левое правительство. Но необходимы будут три вещи: дисциплина в группе, усиленная организационная работа внизу, в народе и интенсивная работа в палате депутатов.

19 сентября 1919 г. Стамболийский как лидер победившей на выборах партии получил мандат на формирование правительства. Но по избирательным итогам оно могло быть только коалиционным. Следовало искать поддержки у коммунистов, «широких» социалистов, «радикалов», с которыми у «земледельцев» были во многом пересекающиеся платформы. Коммунисты отве-

тили отказом сразу, торги же с лидерами партии «широких» и РДП за места в правительстве, нежелание тех и других оставаться на вторых ролях заставили Стамболийского вновь преступить требование устава партии и вступить в переговоры с буржуазными городскими партиями – Народной и Прогрессивно-либеральной. С ними договорились о трех министерских портфелях, далеко не «слабых» (финансов, МИД и торговли). 8 министерских постов заняли «земледельцы». Новое правительство было сформировано 6 октября 1919 г. Кабинет Теодорова таким образом ушел в прошлое. В ноябре начал работу новый состав парламента.

Преодолевая трудности и саботаж со стороны противников и недовольных союзников, коалиционное правительство Стамболийского стало проводить некоторые из провозглашенных реформ. Уже первые принятые Народным собранием законы говорили о новом направлении законотворчества и его плотности. 20 ноября был принят закон об амнистии по некоторым преступлениям в отношении Дирекции СГОП; 22 ноября – о суде над виновниками вовлечения Болгарии в войну и наказании их; 29 ноября – о гарантии свободы собраний; 30 ноября – о государственной торговле зерновыми и др. Еще 24 октября в Народное собрание был внесен законопроект о суде и наказании виновников второй национальной катастрофы. 4 декабря стало днем массовых арестов причастных к этому злу.

Среди событий конца 1919 г. нельзя не отметить выборов в сельские и городские общины, состоявшиеся 7 декабря. К ним готовились заранее – каждая община предварительно должна была разработать платформу местных реформ и преобразований. Победа БЗНС на этих выборах, избрание 8808 «земледельческих» общинных советников против 2154 коммунистических – ближайших «преследователей», оценивалась руководством Союза очень высоко, как факт того, что в селе – социальной основе всей государственной пирамиды – утвердилась власть «земледельцев».

Последние выборы свидетельствовали также, что крестьянство, получив благодаря «земледельческому» руководству возможность уберечь одну из главных селянских ценностей – общинное самоуправление, голосовало 7 декабря в пользу сотрудничества с властью Стамболийского. Тем более, что имело от нее обещания расширить права советов в жилищных вопросах, в борьбе со спекуляцией и др.

Подводя некоторые итоги, отметим, что решающие шаги «марша» радикальной группы БЗНС к власти были сделаны весной 1919 г. Тогда Стамболийскому и его сторонникам удалось мобилизовать крестьянскую массу, начавшую свое оппозиционное движение стихийно, в обстановке революци-

онного негодования и острого ощущения необходимости перемен в государстве, которое охватило широкие круги болгарского общества. Основой крестьянского движения было, прежде всего, бедствие, принесенное войной. Селячество, изначально негативно относившееся к военному способу достижения национального идеала, чувствовало себя *униженным* (с его мнением не считались) и *использованным* государством, которое никак не собиралось оплачивать свой долг перед ним.

Стихийное недовольство села благодаря целеустремленной работе радикальной части руководства БЗНС быстро приобрело сравнительно организованные рамки; этому содействовали «дружбы», которые выступали инициаторами крестьянских собраний, устанавливали связи с вышестоящими органами, формулировали местные требования. В итоге крестьянство поддержало тот путь, который предлагался радикальным крылом БЗНС. Собственно говоря, особого выбора у него и не было. Д. Драгиев звал к реставрации у властного руля прежних буржуазных партий, разочарование в политической практике которых было повсеместным. И не только как виновных в приверженности к милитаризму, в новой национальной катастрофе.

Стамболийский отличился в 1919 г. несомненным талантом организатора и тактика. Ему была свойственна нестандартность мышления, выходявшего за рамки повседневности. Но с точки зрения политической стратегии он проявил себя, главным образом, как благожелательный утопист, хотевший построить однобокое сословное общество с «гегемоном» в виде мелкой буржуазии. Обретя в 1920 г. максимум власти, он принял его строить.

Получал ли Стамболийский серьезные предупреждения об ошибочности такого пути, о его утопичности? Да, получал. Но какой фанатически преданный своей идее человек слушает какие-либо предостережения? Крестьянская «элита» в целом следовала за ним. Р. Даскалов – самый образованный в когорте единомышленников, был настроен еще более революционно, настаивал на введении в Болгарии республики. Крестьянская среда, масса селян, с которой Стамболийский был неплохо связан, никак не могла скорректировать его взгляды и действия: наоборот, именно он «тащил» крестьян за собой, призывая конкретно думать о реформах, о политических и социальных новшествах, формировал в их сознании представление о новых ценностях, в том числе о самостоятельной «земледельческой» власти. Не забудем, что события 1919 г. развивались в очень быстром для крестьянского сознания темпе. Возможно, что настоящее их понимание вообще произошло значительно позднее.

Стамболийский же, наоборот, очень торопился. В Париже предстояло подписание мирного договора победителей с проигравшей Болгарией. Медлительное, по мнению Стамболийского, сворачивание правительствами Мали-

нова и Теодорова провалившегося германофильского курса, недостаток мер, демонстрирующих принципиальное стремление страны к миролюбию и обновлению, – все это лишало Болгарию возможности как-то улучшить условия мирного договора. Позже, размышляя об этом, Стамболийский писал:

«Мирный договор для Болгарии мог бы быть лучшим, если бы 27 сентября 1918 г. революция БЗНС сумела найти и наказать всех военных преступников, если бы прежняя палата парламента была распущена, и весной 1919 г. были проведены парламентские выборы, как этого требовали члены БЗНС через свои резолюции и газету. Болгария имела бы правительство из людей незапятнанных и явилась бы в Париж с достоинством. А за то, чтобы разогнать парламент, одно время были все правые и левые группы. Арест преступников режима Радославова надо было провести сразу после Солунского перемирия. Но сделать это было некому, потому что все были замешаны в преступлениях, а земледельцы поздно взяли власть»⁷¹.

Подписывать тяжелый мирный договор с Болгарией пришлось, в конце концов, именно А. Стамболийскому.

Примечания

¹ Гришина Р. П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX – первая половина XX вв.) // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. М., 2004. С. 114.

² Палангурски М. Избирателната система в България. 1879–1911. В-Търново. 2007. С. 267.

³ Маковецкая Т. Ф. Политический кризис и эволюция механизма власти после первой мировой войны (вторая половина 1918 г. – начало 1920 г.) // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. Отв. ред. Р. П. Гришина. М., 1988. С. 21.

⁴ Радулов С. Управлението на БЗНС и българската буржоазия. София, 1981. С. 39.

⁵ Кишикова П. България 1913. Криза във властта. София, 1998. С. 89–90.

⁶ Радулов С. Указ. соч. С. 44.

⁷ Централен държавен архив (далее ЦДА). Ф. 205 к. Оп. 2. А. е. 46. Л. 1–4.

⁸ Бел Дж. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923. Пер. с англ. София, 1993. С. 127.

⁹ Христов Хр. България, Балканите и мирът 1919. София, 1984. С. 17.

¹⁰ Куманов М. Александър Малинов – познатият и непознатият. София, 1993. С. 77.

¹¹ Стефанов Хр. Българската Радикална партия. 1906–1949. София, 1984. С. 153–154.

¹² Бирман М. А. Революционная ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг. М., 1957. С. 108.

¹³ Бирман М. А. Указ. соч. С. 175.

¹⁴ Григоров Б. От съглашателство към залез. Социалдемократията в България. 9 юни 1923 – 19 май 1934. София, 1980. С. 25.

¹⁵ Радулов Ст. Указ. соч. С. 37.

¹⁶ Стефанов Хр. Указ. соч. С. 169.

¹⁷ Петрова Д. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ Бел Дж. Указ. соч. С. 218.

¹⁹ ЦДА. Ф. 173 к. Оп. 3. А. е. 1562. Л. 73.

²⁰ Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 88. Л. 12–13.

²¹ Там же. А. е. 93. Л. 3.

²² Там же. Л. 2.

²³ ЦДА. Ф. 255 к.. Оп. 1. А. е. 93. Л. 9.

²⁴ Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 91. Л. 1–2.

²⁵ ЦДА. Ф. 173 к.. Оп. 3. А. е. 1648. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 36.

²⁷ Там же. Л. 45.

²⁸ ЦДА. Ф. 173 к. Оп. 3. А. е. 1692. Л. 6.

²⁹ Там же. Л. 10, 15, 16.

³⁰ Там же. А. е. 1648. Л. 62. Резолюция собрания «дружбы» БЗНС с. Кирилово от 12 декабря 1918 г.

³¹ Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 93. Л. 1. Резолюция околийского собрания членов БЗНС г. Орхание от 9 февр. 1919 г.

³² Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 89. Л. 1–9.

³³ Там же. А. е. 88. Л. 14.

³⁴ Там же. А. е. 93. Л. 31.

³⁵ Там же. А. е. 93. Л. 27.

³⁶ Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 93. Л. 9.

³⁷ Там же. А. е. 45. Л. 1–2.

³⁸ Там же. А. е. 11. Л. 1.

³⁹ Там же. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 93. Л. 9.

⁴⁰ «Долой палату бандитов и разбойников, доведшую Болгарию до разгрома», говорилось в резолюции митинга 16 марта 1919 г. в селе Салманово Преславской околии (ЦДА. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 93. Л. 27).

⁴¹ Там же. Л. 3.

- ⁴² Там же. А. е. 91. Л. 1–2.
- ⁴³ Там же. А. е. 89. Л. 1–9. А. е. 93. Л. 2; А. е. 45. Л. 1–2.
- ⁴⁴ Там же. А. е. 92. Л. 7.
- ⁴⁵ Там же. Л. 26.
- ⁴⁶ Там же. Л. 12.
- ⁴⁷ Там же. А. е. 11. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. А. е. 26. Л. 1–2.
- ⁴⁹ Там же. Л. 8.
- ⁵⁰ Там же. А. е. 18. Л. 1–2.
- ⁵¹ Там же. А. е. 53. Л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 20–21.
- ⁵³ Там же. А. е. 88. Л. 5.
- ⁵⁴ Там же. А. е. 88. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же. А. е. 14. Л. 1 об.
- ⁵⁶ Там же. А. е. 88. Л. 17.
- ⁵⁷ *Стамболийски А.* Избрани произведения. София, 1979. С. 457.
- ⁵⁸ Там же. А. е. 93. Л. 32.
- ⁵⁹ *Радулов Ст.* Указ. соч. С. 58–59.
- ⁶⁰ *Петрова Д.* Указ. соч. С. 20.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Стамболийски А.* Указ. соч. С. 332.
- ⁶³ Там же. С. 73.
- ⁶⁴ *Петрова Д.* Указ. соч. С. 25–26.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ ЦДА. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 3. Л. 4–5.
- ⁶⁷ Статистически годишник на Царство България. Година XXIII. София, 1931. С. 451–452.
- ⁶⁸ ЦДА. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 3. Л. 1–2.
- ⁶⁹ *Стамболийски А.* Указ. соч. С. 458–459.
- ⁷⁰ Там же. С. 459.
- ⁷¹ ЦДА. Ф. 255 к. Оп. 1. А. е. 92. Л. 39.

Г. Ф. Матвеев

Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах?

Я прекрасно отдаю себе отчет в научной некорректности подобной постановки вопроса. Раз война случилась, значит она была неизбежна. Но все же мне представляется нужным рассмотреть проблему именно под этим углом зрения, хотя бы потому, что сегодня война между Россией и Польшей в 1919–1920 гг. относится скорее к категории малоизвестных исторических событий. И это притом, что в свое время отдельные ее моменты расценивались как судьбоносные для Европы события. Сошлюсь на такой пример. Знакомство неискушенного в новейшей истории Восточной Европы читателя с двумя текстами английских авторов, касающимися этого вооруженного конфликта, наверняка вызовет у него чувство растерянности. Из книги известного в свое время британского дипломата виконта де Абернона, свидетеля разгрома поляками Красной Армии в августе 1920 г. под Варшавой, он узнает, что в истории человечества это было 18-е решающее сражение. Победа польской армии спасла Европу от нашествия азиатских орд, а ее главнокомандующий и одновременно глава государства маршал Ю. Пилсудский покрыл себя неувядаемой славой¹. Пройдет шесть десятилетий, и в 1992 г., в опубликованной издательством «Harper Collins Publishers» в серии «Science Basic Faks» мини-энциклопедии «История XX века», в статье, посвященной Пилсудскому, будет написано дословно следующее: «В 1920 развязал советско-польскую войну, поражение в ней сильно подорвало его авторитет, и Пилсудский ушел в отставку»². Здесь все не как у де Абернона: вина за развязывание войны возложена на маршала, а проигрыш в ней заставил его подать в отставку с поста главы государства.

Конечно, в России и Польше результаты той войны специалистам хорошо известны. Сюжет о ней включен в школьные учебники истории, когда-то огромной популярностью пользовались посвященные ей художественные произведения, песни и кинофильмы. Одним словом, память о войне между Россией и Польшей в обеих странах стала фактом как их национальной истории, так и культуры. И если бы дело этим ограничилось, то все было бы проще простого: эта война – всего лишь один из эпизодов нашей совместной истории, вроде похода Болеслава Храброго на Киев в XI столетии. К сожалению, приходится констатировать, что память о войне между возрожденной Польшей и Советской Россией все еще сохраняет политическую злободневность.

Вполне можно предполагать, что если бы вооруженного конфликта между Россией и Польшей в 1919–1920 гг. не было, то взаимоотношения этих двух крупнейших государств Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами могли бы быть иными, не столь безнадежными. Ведь революции 1917 г. в России, покончившие с угнетавшим поляков самодержавием, с одной стороны, и возрождение польской государственности в ноябре 1918 г., с другой, давали возможность оставить прошлое истории и выстраивать отношения с чистого листа. Удалось же финнам в 1917–1918 гг. достаточно мирно развестись с Россией. А у поляков с русскими этого не получилось, свои межгосударственные отношения они начали с вооруженного конфликта.

Война России и Польши позволила раковой опухоли копившихся веками враждебности, взаимного недоверия и страха дать такие метастазы в XX в., что устранить их не удастся вплоть до сегодняшнего дня. Несмотря на то, что боевые действия велись преимущественно вне польских и российских этнических территорий, а понесенные тогда потери в людях не идут ни в какое сравнение с жертвами этих стран во Второй мировой войне, она по-прежнему остается фактором, используемым для неконструктивного воздействия на общественное сознание русских и поляков, а косвенно и на межгосударственные отношения.

Приведу самый свежий пример. В июне 2008 г. в Варшаве работала двусторонняя российско-польская группа по сложным вопросам во взаимных отношениях в XX в. Ее целью является сближение наших позиций по тем проблемам, которые негативно влияют на двусторонние официальные и неофициальные отношения. И в тот самый день, когда должно было состояться первое заседание группы, в одной из влиятельных польских газет, на первой полосе, появилась редакционная статья под знаменательным названием «Историки из Кремля фальсифицируют нашу историю». Ее автор поставил перед собой цель убедить читателей, что российские участники приехали с одним намерением: обелить политику СССР в отношении Польши и выставить поляков в самом невыгодном свете. Статья начинается с обвинения российских участников в попытке доказать, что «поляки совершили в 1920 г. военное преступление в отношении пленных польско-большевистской войны»³. Деланное негодование газеты было поддержано комментаторами, в числе которых были такие известные польские и зарубежные историки, как В. Рошковский, А. Кунерт, Б. Осадчий и Р. Пайпс. И все это было сделано с одной целью: затруднить или сделать невозможным диалог, способный привести к большему взаимопониманию двух народов, имеющих тысячелетнюю традицию тесного взаимного общения, в том числе и конструктивного.

Также и в России, правда, не столь часто как в Польше, где ежегодно отмечают годовщины Варшавского сражения 1920 г., появляются публикации, полностью посвященные показу негуманного отношения поляков к пленным красноармейцам. Их авторы обвиняют в огромной смертности среди пленных красноармейцев (по некоторым данным в польском плену умерло до 60 тыс. человек) польских военных, преступно игнорировавших требования служебных инструкций, нормы гуманности и международного права⁴. Польские участники полемики на тему трагической судьбы пленных красноармейцев даже придумали специальный термин: «анти-Катынь», а высокий уровень смертности среди них объясняют объективными трудностями, переживавшимися тогда Польшей. Особый акцент они делают на отсутствие специального приказа об уничтожении узников лагерей, как будто умерщвление десятков тысяч несчастных без приказа, с помощью голода, холода и болезней вполне морально оправдываемое деяние. В связи с этим польская сторона считает излишним делать какой-либо жест покаяния за неоправданную жестокость, бездушие и, мягко говоря, вороватость польских виновников трагедии пленных.

Приведенные выше примеры подтверждают мой тезис, что история войны Польши и России в 1919–1920 гг. до сих пор остается актуальной политической проблемой, никак не желает переходить в разряд чисто научных проблем. Таких, например, как история Первой мировой войны, давно уже не вызывающая политических страстей и общественных эмоций.

Как всякая актуальная политическая проблема, история войны России и Польши непрерывно мифологизируется с учетом требований «текущего момента». Еще раз сошлюсь на свежий пример. В июне 2008 г. экскурсовод на вилле Ю. Пилсудского в подваршавском местечке Сулеювек рассказывает группе детей, что польский главнокомандующий в войне 1919–1920 гг. получил маршальское звание за победу над Красной армией под Варшавой в августе 1920 г. На самом же деле это случилось в марте 1920 г., т. е. на полгода раньше, когда поляки оккупировали большую часть Белоруссии, включая Минск, Галицию и Западную Волынь, а также Вильнюс с округом. Так укрепляется миф о спасении Пилсудским Польши от нашествия новых гуннов, а вина за войну косвенно возлагается на русских, совершивших акт неспровоцированной агрессии против независимой Польши.

Следует признать, что истории войны России и Польши не повезло. Начну с того, что до сих пор нет единства мнений относительно ее хронологических рамок. При знакомстве с трудами некоторых польских историков, и особенно публицистов, возникает впечатление, что война началась не в феврале 1919 г., с вторжения польской армии в Белоруссию и на Украину, а с наступления Красной Армии на Польшу летом 1920 г. И это при том, что Ю. Пилсудский

в своем труде «1920 год» прямо говорит о двухлетней войне⁵, т. е. датирует ее начало 1919 г. Да и в российской литературе ее чаще всего связывают только с 1920 г., с походом польской армии на Киев⁶.

Каждый из авторов, пишущих на тему войны России и Польши, так или иначе задается вопросом о ее причинах, а тем самым и о том, какая из сторон больше всего виновата в ее возникновении. Анализ работ двух последних десятилетий, когда польские и российские историки получили возможность изучать проблему без оглядки на обстоятельства не научного характера, показывает, что их авторы до сих пор не вышли за пределы представлений 1920–1930-х гг., когда память о войне была еще свежа и по-настоящему политически актуальна. В этом не было бы ничего страшного, если бы это были строго научные оценки.

С помощью пропагандистских приемов, которыми и большевики, и бывший социалист Пилсудский владели в совершенстве, удалось внушить широкой общественности, что в основе польско-российского конфликта лежит стремление к восстановлению исторических границ Польши и России. Кремль ссылаясь на традицию Киевской Руси, Польша – Речи Посполитой. И эта трактовка до сих пор жива и активно используется в исторической литературе. В качестве примера сошлюсь на пособие Леха Выщельского по общественному воспитанию военнослужащих современной польской армии, утвержденное департаментом общественных отношений Министерства военных дел. То есть в работе, с помощью которой ежегодно формируются исторические представления сотен тысяч молодых поляков.

Чтобы избежать невольных искажений, приведу его оценку дословно:

«Для Пилсудского важнейшей проблемой оставалось решение вопроса о восточной границе. Он считал (оказалось, что это был правильный взгляд), что эти границы можно установить только с помощью оружия. Поэтому почти сразу же после возрождения государства его главной заботой стало создание сильной армии. Только она могла реализовать план присоединения к Польше значительной территории восточных окраин или же оторвать от России те народы, которые, желая создать независимые государства, соглашались на их федеративную связь с Польшей...»

Возрожденная после 123 лет неволи Польша стремилась включить в состав своего государства значительные территории восточных окраин, принадлежавших ей до 1772 г. Второстепенным был вопрос о том, как это сделать: в соответствии с инкорпорационной концепцией Дмовского или федерационной Пилсудского. Цель Польши состояла в отторжении от России части бывших польских земель и ослаблении таким путем этого государства.

В планах российских политиков и военных, стремившихся к восстановлению «белой России», независимая Польша представляла собой существенное препятствие для возрождения бывшей империи. И если они соглашались с фактом существования Польши – то только потому, что так решили западные державы, но они были решительными противниками включения в ее состав восточных окраин.

Позиция большевиков в вопросе польской восточной границы только на первый взгляд была отличной, учитывающей конкретную ситуацию, фактически же она совпадала со взглядами политиков, стремившихся к возрождению «белой» России. В моменты слабости большевики «соглашались» на существенные коррективы границы, но становились более твердыми, когда располагали более существенными силами.

Существовали только два пути решения нарастающего конфликта: дипломатический и военный. Первый стал нереальным после Парижской мирной конференции, на которой не был решен вопрос о прохождении польской восточной границы. *Переговоры между Польшей и Советской Россией из-за противоположности стратегических целей могли лишь отдалить конфликт, но не давали шансов погасить его. Поэтому оставался лишь один путь – поиск военного решения.*

Как Польша, так и Советская Россия с начала 1919 г. сделали ставку на военное решение. Курс на поиск путей к соглашению был прикрытием военных приготовлений. *Оба государства достаточно рано пришли к выводу, что спор может быть решен только путем вооруженной борьбы»⁷.*

Итак, Выщельский видит основную причину конфликта в споре за территории, которые каждая из сторон считала принадлежащими ей по историческому праву. При этом он полностью игнорирует право титульных народов этих областей на самоопределение и создание независимых от Варшавы и Москвы государств. Аналогичным образом поступали на рубеже 1910–1920-х гг. политики Польши и России. На словах они такое признавали, а на практике полностью им пренебрегали.

Проводя мысль о безусловном праве своих государств на лежащие между Россией и Польшей восточнославянские земли, современные авторы, как это в свое время делали политики, с неизбежностью начинают обвинять противоположную сторону в реализации ею имперских амбиций, а себя называть жертвой агрессии. Выйти за пределы этого порочного круга взаимных обвинений в агрессивности и склонности к империализму можно только отказавшись от ссылок на историческое право. Но такого намерения ни у польских, ни у российских авторов пока что не видно.

Помимо названной выше общей предпосылки неизбежности военного конфликта Польши и России исследователи приводят целый ряд других, специфических причин, ускоривших движение сторон к конфронтации. Для советской России – стремление большевистского руководства принести с помощью Красной армии факел социалистической революции в промышленно развитые страны Западной Европы. При этом указывают на свойственный большевикам мессианиззм, а также присущие им в тот момент сомнения относительно возможности модернизации отсталой, крестьянской России без участия передового Запада. Эта причина легко подтверждается цитатами из выступлений Ленина и других советских лидеров. В связи с этим она часто трактуется, и не только в Польше, как главная в общем перечне предпосылок войны.

В числе причин войны польские авторы любят называть неприятие поляками большевизма, а также стремление создать между Польшей и Россией барьер из независимых украинского и литовско-белорусского государств. Причем некоторые из них, принимая во внимание современные тенденции в развитии Старого континента, склонны считать программу территориального переустройства Восточной Европы Пилсудского своеобразным, устремленным в будущее, проектом, чуть ли не предвосхищающим европейскую интеграцию⁸. Но при этом как-то оставляют за скобками то обстоятельство, что в основе развивавшихся тогда же конфликтов Польши с Западно-Украинской и Украинской народными республиками, Чехословакией, Германией и Литвой движущими мотивами были именно территориальные претензии Варшавы, а не идеологические соображения.

В целом же, как польские, так и российские исследователи сводят основные причины конфликта, особенно для Польши, к сфере политики и идеологии, выводят их за рамки интересов строго практического плана. При таком подходе вопрос о том, кто виновен в развязывании военного конфликта и в какой степени он был неизбежен, будет вновь и вновь ставиться публицистами и политиками. И даже самые серьезные исследования историков не смогут помешать желанию актуализировать его в случае очередного охлаждения, а тем более обострения межгосударственных отношений. Что мы и наблюдали в последнее десятилетие, когда чрезвычайную остроту приобрела проблема трагической судьбы польских и российских пленных той войны.

Есть ли выход из тупика, в котором вот уже почти 90 лет пребывает проблема происхождения польско-советской/советско-польской (она же польско-русская/руско-польская, но ни в коем случае не польско-большевистская, как это сейчас принято в Польше) войны. Я убежден в том, что есть. Необходимо установить всю совокупность подлинных, а не декларируемых причин, тол-

кавших стороны к конфликту. Для российской стороны они уже более или менее ясны, одну из них, главную, я упоминал выше. Это – необходимость экспортировать революцию в Западную Европу, без чего, как тогда казалось лидерам большевиков, нельзя будет сохранить и упрочить завоевания революции в России.

Для Польши такая основная практическая причина пока что не установлена. В свое время в историографии подчеркивалось стремление Варшавы сохранить крупное польское землевладение в Белоруссии и на Волыни, вызывавшее ненависть местного населения. На это, кстати, еще в 1918 г. указывали советники американского президента В. Вильсона⁹. Но вряд ли это та самая главная причина конфликта. Мне представляется, что ее следует искать в военной области. На это, кстати, указывал, хотя и не прямо, Ю. Пилсудский в своем ответе М. Тухачевскому. В работе «1920 год», написанной в 1924 г. он так определил главный мотив своего решения воевать с Советской Россией: «Я поставил перед собой, независимо ни от кого, уже в 1918 году ясную цель для войны с Советами. А именно, я решил напрячь все силы, чтобы как можно дальше от мест, где выклеивалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими. В 1919 г. я эту задачу свершил»¹⁰. Работа эта писалась уже после войны, ее результаты и цена были известны, далеко не все получилось по мысли маршала. Поэтому он не обо всем говорил откровенно и открыто. Но если обратиться к итогам 1919 г. для Пилсудского, то в это время он сделал упор не на помощь в создании украинского, литовского или белорусского государств. Более того, он всячески этому препятствовал: в апреле 1919 г. занял Вильно, летом ликвидировал Западно-Украинскую народную республику, оккупировал Западную Волынь и Белоруссию до Березины. Большинство из этих территорий впоследствии вошли в состав II Речи Посполитой как ее интегральные части.

Мне представляется, что наиболее откровенно об истинной цели восточной политики Польши могли говорить военные, которым нужно было вести своих солдат на смерть. Аргумент об историческом праве вряд ли мог подвигнуть людей, многие из которых участвовали в мировой войне с августа 1914 г., на новые жертвы. И такие свидетельства есть. Сошлюсь на два из них, относящихся к 1919 году, т. е. ко времени, когда военный конфликт с Советской Россией находился в начальной стадии и развивался в выгодном для Польши направлении.

Во-первых, на статью полковника Мариана Жеготы-Янушайтиса «Стратегические границы Польши на востоке» в мартовском номере журнала «Белло-

на»^{*} за 1919 г. Янушайтис, полковник польского легиона, известен своим, мягко говоря, весьма скептическим отношением к Пилсудскому. По своим политическим симпатиям был ближе к национальным демократам. В январе 1919 г. он участвовал в заговоре против правительства Е. Морачевского и был, пожалуй, единственным из его руководителей, не знавшим, что кукловодами заговора являются сотрудники II отдела Генерального штаба Польской армии, т. е. люди Пилсудского¹¹. Взгляды Янушайтиса можно трактовать как позицию той части армии, которая не причисляла себя к адептам главнокомандующего. Свое понимание роли восточных территорий для Польши полковник сформулировал следующим образом: «Хотя прочный мир должен быть обеспечен уставом союза наций [Лига наций в тот момент еще не была создана. – Г. М.], но опыт учит, что законы жизни и стремление к развитию сильнее писанных законов. А отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом.

Политические замыслы относительно наших границ на востоке (как и везде) должны считаться с военными потребностями настолько, насколько политика зависит от состояния и силы армии...

Следует помнить, что российский и украинский восток является и останется огромной мощью, которая сейчас находится в состоянии полного разложения, но которая, вследствие этнических и экономических условий и подъема культуры, обязательно организуется. Первобытные в культурном отношении народы и молодые государственные организмы агрессивны по своей природе. Будущую Россию ничто не остановит перед новым вторжением в Польшу, если ее не остановит наша хорошо организованная сила. Восточная опасность будет сохраняться для нас очень долго, в том числе и потому, что две враждебные нам силы Россия и Германия в будущем объединятся против нас, как бы над нашими головами»¹².

По мнению Янушайтиса, этнические польские земли имеют крайне неблагоприятное военно-географическое положение, так как у них, за исключением полосы Карпат, отсутствуют т. н. естественные границы. Повысить безопасность страны на востоке полковник считал возможным единственно с помощью создания «стратегической оборонной области», в силу природных

^{*} Этот военно-исторический журнал начал выходить в Варшаве с конца 1918 г.

условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс». Предлагавшаяся им восточная линия такой оборонной области проходила от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смотрич до Каменец-Подольска на Днестре, а затем по довоенной русско-австрийской границе. Характерно, что Янушайтиса несколько не смущало то обстоятельство, что в пределах этой польской оборонной области оказывались Курляндия (Латвия) и этнографическая Литва, по его же словам, «целестремленно двигавшиеся к независимости»¹³.

В мае того же года был составлен меморандум польского генерала Тадеуша Розвадовского. Генерал австрийской службы, первый начальник Генерального штаба в независимой Польше, в 1918–1919 гг. командующий армии «Восток», в 1919–1920 гг. возглавлял польские военные миссии в Париже, Лондоне и Риме. Это он сумел убедить западных союзников, в том числе маршала Ф. Фоша, в необходимости польского наступления на Украине весной 1920 г. Во время Варшавского сражения в августе 1920 г. вновь возглавил польский Генштаб, член Совета обороны государства. То есть человек, близкий к Пилсудскому. Из меморандума видно, что, как и Янушайтис, генерал был убежден в необходимости проведения восточной границы Польши с учетом не только политических, этнографических или экономических факторов, но главным образом географических и военных потребностей. В связи с этим он наметил три ее возможных линии, различавшиеся между собой только прохождением на Украине. Максимальная граница почти соответствовала рубежам Речи Посполитой до 1772 г., минимальная более или менее совпадала с границей, установленной в 1921 г. в Риге¹⁴.

Таким образом, польские военные, включая главнокомандующего и главу государства Ю. Пилсудского, изначально были убеждены в жизненной необходимости для безопасности Польши обладания огромными территориями Прибалтики, Белоруссии и Украины. Все другие аргументы (историческое право, антибольшевизм и т. д.) использовались лишь для маскировки этой главной причины развертывания восточного направления польской экспансии. И именно наличие у поляков (как и у кремлевского руководства) практической потребности в завоевании территории Литвы, Белоруссии и Западной Украины (Волыни и Галиции) делало военное столкновение между Россией и Польшей неизбежным.

В связи с этим, попытки современных польских публицистов, политиков и отдельных историков возлагать вину за тот конфликт только на советскую сторону абсолютно безосновательны. Впрочем, как и попытки российских

публицистов, политиков и некоторых историков во всем винить поляков. Пора оставить эту трагическую страницу в наших взаимоотношениях серьезным, не склонным к конъюнктуре, исследователям. И не превращать ее еще в одно поле полемических баталий, в которых, в отличие от войны 1919–1920 гг., победителя никогда не будет.

Примечания

¹ D'Abemron Vhr. Osiemnasta decydująca bitwa w dziejach świata pod Warszawa 1920 r. Warszawa, 1932.

² История XX век: основные понятия. Мини-энциклопедия. Москва, 2004. С. 344.

³ Historycy z Kremla fałszują naszą historię // Dziennik. 13.06.2008.

⁴ Из последних публикаций на эту тему см. напр.: Швед В. Тайны Катюши М., 2007. С. 231–315; Симонова Т. Статистика отца Симсона. Еще раз о советских военнопленных в Польше // Родина, 2008. № 7.

⁵ Piłsudski J. Rok 1920. Warszawa, 1924. S. 222.

⁶ Такой точки зрения придерживается большинство авторов учебников и учебных пособий. См., напр.: Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. Учебник. Изд. Второе, переработанное и дополненное. М., 2003. С. 349; «История России XX–XXI века. Под ред. академика РАН Л. В. Милова. М., 2006. С. 309.

⁷ Wyszczelski L. Wojna o Kresy Wschodnie... S. 6, 19. Сходную по сути точку зрения, хотя и не столь откровенно, высказывают и современные российские авторы. См. напр.: Мухомова И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 41, 57–58 и др.; Яжборовская И. С., Парсаданова В. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 138–140.

⁸ Łukomski G., Polak B. W obronie Wilna, Grodna i Mińska 1918–1920. Front Litewsko-Białoruski wojny polsko-bolszewickiej 1918–1920. Koszalin–Warszawa, 1994. S. 16.

⁹ The intimate papers of colonel Hause. Vol. IV. New York, 1929. P. 151.

¹⁰ Piłsudski J. Rok 1920. S. 203–204.

¹¹ Подробнее об этом см.: Матвеев Г. Ф. Кто стоял за кулисами январского заговора 1919 г. и декабрьских событий 1922 г. в Варшаве? // Профессор МГУ И. М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ им. М. В. Ломоносова И. М. Белявской. М., 2005.

¹² Żegota-Januszajtis M. Strategiczne granice Polski na wschodzie // Bellona. R. II. 1919. Z. III (marzec). S. 174–175.

¹³ Ibid. S. 175–180.

¹⁴ Rozwadowski R. Generał Rozwadowski. Kraków, 1929. S. 68–72.

Е. П. Серапионова

Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918–1939 годы)*

Национальный вопрос в истории многих стран являлся и является наиболее болезненным, позиции сторон зачастую непримиримы, а компромиссные решения отнюдь еще не гарантия окончательного его урегулирования. Вместе с тем, на карте мира практически не существует абсолютно моноэтнических образований. В той или иной степени с проблемами правового статуса, политического положения, самоуправления национальных меньшинств и административных границ занимаемой ими территории сталкиваются все государства. Конечно, в истории нередки случаи, когда государственная власть отрицает само наличие того или иного национального меньшинства, настаивая на национальной однородности населения страны (по принципу: нет меньшинства, нет и вопроса). Но такая позиция – лишь уход от проблемы.

Что касается Чехословакии, то национальные противоречия и конфликты явились если не причиной, то предлогом для ликвидации этого государства через неполные двадцать лет после его образования. Положение польского национального меньшинства в ЧСР не являлось основным поводом для расчленения Чехословакии в конце 1930-х гг., но активно использовалось Польшей для пересмотра границ в свою пользу, а Германией – для дополнительного обоснования тезиса о внутренней нестабильности, нежизнеспособности и искусственном характере Чехословацкой республики.

Актами создания де-юре самостоятельной Чехословацкой республики принято считать Закон об образовании независимого чехословацкого государства от 28 октября 1918 г.¹ и т. н. Мартинскую декларацию от 30 октября 1918 г.², в которой выражалось добровольное согласие словаков войти в это государство.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

Границы Чехословацкой республики были официально определены системой Версальских мирных договоров. На мирной конференции в Париже между польской и чехословацкой делегациями развернулась ожесточенная борьба за Тешинскую Силезию (восточную часть бывшей австрийской Силезии), небольшую, но стратегически важную территорию, с XIV в. входившую в состав земель Короны чешской со смешанным чешско-польско-немецким населением. Причем обе стороны в своих территориальных претензиях исходили и из этнического, и из исторического принципов, когда что было выгоднее. Поляки ссылались на исторический принцип в отношении восточных границ³, а чехи – в отношении границ в Силезии. Еще в октябре 1918 г. сразу после образования Чехословакии и Польши местные чехословацкие и польские органы договорились о разделе Тешинской Силезии по этническому принципу. Однако это решение не устраивало Прагу, так как исторический принцип позволял удерживать в своих границах районы, населенные немцами, и создавать прецедент с поляками было опасно⁴. Кроме того, Тешинская Силезия была богата крупными месторождениями коксующегося угля, там были сосредоточены металлургические, машиностроительные, химические и текстильные предприятия, а также проходила единственная железнодорожная ветка, связывавшая Чешские земли с северной и восточной Словакией, а также с Подкарпатской Русью.

Территориальный спор с Польшей сопровождался вооруженным конфликтом в январе 1919 г. За несколько дней до начала выборов в польский сейм, которые, в случае их проведения в Тешине, фактически бы включили эту территорию в состав Польши, чехословацкие войска перешли разграничительную линию и за неделю боев захватили большую часть Тешинской Силезии. Лишь под нажимом В. Вильсона 3 февраля 1919 г. военные действия были прекращены. Державы Антанты предложили решить судьбу спорной территории путем плебисцита. Бенеш пошел на компромисс о разделе Тешина, а позднее дал согласие на плебисцит. Была создана комиссия по плебисциту⁵.

Однако в дальнейшем, летом 1920 г., проблема была урегулирована решением Совета лослов (СПа) четырех держав – Великобритании, Франции Италии и Японии. Обширную информацию о переговорах в Спа министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш подал 13 июля 1920 г. в президиум Совета министров, обрисовав международную ситуацию, сложившуюся в результате событий на советско-польском фронте. Он доложил и о решении Верховного Совета Антанты относительно способа решения Тешинского вопроса. При этом Бенеш предложил опубликовать совместную декларацию по договоренности с польским послом и премьер-министром Польши В. Грабским одновременно с официальным коммюнике⁶.

Согласно решению Совета послов к ЧСР отошла часть польской этнической территории в Тешинской Силезии: почти весь Карвинский угольный бассейн, ж/д ветка, соединявшая чешские земли со Словакией, вместе с главным вокзалом, большинство фабрик, к Польше – большая часть самого Тешина. Чехословакия получила 1273 кв. км с 297 тыс. населения, а Польша – 1013 кв. км со 137 тыс. человек⁷. Одновременно были разделены еще два небольших района, Спиш и Орава, в Татрах⁸.

Согласно Сен-Жерменскому мирному договору от 10 сентября 1919 г., ЧСР брала на себя обязательства охраны прав меньшинств. В 57 статье Договора говорилось: «Чехословацкое государство принимает, соглашаясь включить в договор с главными союзными и объединенными державами, постановления, которые эти державы сочтут необходимыми для защиты в Чехословацком государстве интересов жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку или религии»⁹. Чехословацкое правительство обязывалось предоставить всем жителям страны полную и совершенную защиту их жизни и свободы без различия происхождения, расы, национальности, языка и религии. Чехословакия признавала чехословацкими гражданами германских, австрийских, венгерских подданных, живших на территории, вошедшей в состав ЧСР¹⁰. Указанные лица имели и право оптировать другое гражданство. Всем чехословацким гражданам гарантировалось равенство перед законом и одинаковые гражданские и политические права без различия расы, языка или религии, в особенности при допуске к государственным должностям, службам и почестям или к различным профессиям и промыслам. Чехословацкая республика обещала не устанавливать никаких ограничений в отношении свободного пользования каким бы то ни было языком. Граждане, принадлежавшие к меньшинствам этническим, по религии или по языку наделялись одинаковыми правами создавать, вести и контролировать за свой счет благотворительные, религиозные, общественные учреждения и школы и свободно использовать в них свой родной язык. В городах и округах со значительным числом граждан, не говорящих на чешском и словацком языках, были обещаны льготы для обеспечения обучения детей в начальных школах на родном языке. При этом предусматривалось и обязательное обучение детей в этих школах чешскому или словацкому языкам. Обязательства в отношении меньшинств, которые брала на себя Чехословакия, были практически идентичны тем, которые взяли на себя и другие вновь образованные государства¹¹.

Создание Чехословацкого государства можно рассматривать, с одной стороны, как внутренний процесс и результат национального движения в годы Первой мировой войны, а с другой – как акт международной политики. Необ-

ходимо отметить, что созданное на основе принципа самоопределения наций Чехословацкое государство не являлось мононациональным (как, впрочем, и другие вновь появившиеся на карте Европы государства – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Республика Польша). Система Версальских договоров определяла обязанности новых государств в отношении национальных и иных меньшинств, что давало последним возможность обращаться к мировому сообществу в лице Лиги Наций с жалобами на несоблюдение своих прав, предоставляло повод для международного вмешательства во внутренние дела этих стран. Соседние страны нередко стремились использовать недовольство национальных меньшинств для пересмотра в свою пользу границ. Несмотря на, казалось бы, гуманный и прогрессивный характер положений о защите меньшинств, они явились миной замедленного действия, впоследствии приведшие к распаду Чехословакии в 1938–1939 гг.

Чехословакия была многонациональным государством. Согласно чехословацкой переписи 1921 г., общее число жителей составляло 13 млн 613 тыс. 172 человека. Из них чехов и словаков было 8 млн 760 тыс. 937 (65,51%), немцев 3 млн 123 тыс. 568 (23,36%), венгров 745 тыс. 431 (5,57%), «русских» 461 тыс. 849 (3,45%) (под этим подразумевались собственно русские, украинцы, белорусы и русины), евреев 180 тыс. 855 (1,35%), поляков 75 тыс. 853 (0,57%)¹². Кроме того, в республике проживали румыны, цыгане, югославы и представители других национальностей. Иностранцев было зафиксировано 238 тыс. 808 чел.¹³ Из статистики видно, что чехи и словаки учитывались вместе. Это отвечало идее «чехословакизма» – официальной доктрине единой чехословацкой нации и единого языка. Самым большим по численности меньшинством были немцы, которые достаточно компактно проживали в Чехии, Силезии и Моравии. Венгры составляли значительное число жителей Словакии и Подкарпатской Руси, евреи – Подкарпатской Руси. Что касается поляков, то они в основном жили в Силезии. 3/10 территории республики были заселены национальными меньшинствами¹⁴. Вместе с тем республика являлась унитарным государством, обещанная автономия Подкарпатской Руси не была реализована вплоть до 1938 г.

Все международные обязательства в отношении меньшинств нашли свое полное отражение в VI главе Конституции ЧСР от 1920 г.¹⁵ В ней декларировалось, что все граждане республики одинаково равны перед законом и пользуются едиными гражданскими и политическими правами, вне зависимости от расы, языка и религии. Граждане республики могли свободно пользоваться любым языком в частных, торговых, религиозных делах, в печати, публикациях или во время публичных собраний. Гражданам республики разрешалось

создавать и участвовать в работе собственных религиозных, социальных и образовательных учреждений и пользоваться в них своим языком. Согласно Конституции, в городах и округах со значительным числом жителей, пользовавшихся иным, нежели чехословацким, языком, гарантировалось обучение детей на родном языке с обязательным изучением также чешского либо словацкого. В таких местах на образовательные, религиозные или благотворительные цели обещалось выделение определенных средств из общественных фондов в соответствии с государственным бюджетом. Любой способ насильственной денационализации считался недопустимым и карался по закону¹⁶.

Согласно закону «О принципах использования языкового права», «чехословацкий» язык становился официальным государственным языком республики; при этом в Чешских землях предполагалось использовать чешский, а в Словакии — словацкий язык. § 2 Закона устанавливал, что суды, учреждения и органы республики, действовавшие в округах, где проживало не менее 20% граждан, пользовавшихся иным, нежели чехословацкий, языком, должны были вести делопроизводство не только на чехословацком языке, но и на языке этих граждан. Все постановления государственных судов, учреждений и органов также должны были издаваться на языке национальных меньшинств¹⁷.

Таким образом, международные обязательства Чехословакии в отношении меньшинств, нашли полное отражение в основных законах республики¹⁸. Но историки до сих пор спорят: достаточно или нет с точки зрения закона были защищены права национальных меньшинств в межвоенной Чехословакии: одни считают, что в ЧСР не гарантировались коллективные права национальных меньшинств, и это вело к обострению противоречий¹⁹, другие, наоборот, подчеркивают, что принцип гражданского общества основан на гарантиях индивидуальных прав и свобод, которые в Чехословацкой республике предоставлялись каждому гражданину независимо от расы, языка и национальности²⁰. Некоторые специалисты подчеркивают, что слабостью чехословацкого государства являлся заложенный в его основании принцип самоопределения наций²¹.

Кроме того права национальных меньшинств обеспечивались межгосударственными двусторонними соглашениями. 24 ноября 1923 г. польское посольство в Праге обратилось в МИД ЧСР с предложением признать чехословацкое гражданство для чехов, оставшихся на польской территории, и поляков, оказавшихся на чехословацкой территории, ссылаясь на закон о постоянном проживании от 1 января 1908 г.²²

Права польского национального меньшинства были гарантированы Договором между Чехословацкой республикой и республикой Польской по правовым и финансовым вопросам от 23 апреля 1925 г., подписанным в Варшаве. В этом договоре в частности регулировались вопросы получения государственного гражданства для лиц, проживавших в Тешинской Силезии, на Ораве и Спише, предусматривалась и возможность оптации²³. Согласно договору была создана совместная комиссия для урегулирования спорных вопросов.

Однако следует учитывать, что на практике конституционные и договорные гарантии национальным меньшинствам реализовывались далеко не в полной мере. Это вызывало рост национализма в отдельных районах ЧСР, античешские и антисловацкие настроения, которые приводили к созданию оппозиционных власти, национальных движений и организаций. В целом можно согласиться с тем, что национальная политика в ЧСР не была ни ассимиляторской, ни интерграционной²⁴.

Основной национальной проблемой для Чешских земель являлась немецкая, а для Словакии – венгерская. Но и польский вопрос на протяжении всего межвоенного периода был весьма болезненным и вместе с двумя первыми использовался соседями Чехословакии для пересмотра границ в свою пользу в конце 1930-х годов. На разных этапах межвоенного двадцатилетия накал национальных страстей был различным, и это во многом зависело и от состояния двусторонних отношений между Чехословакией и Польшей, а также от отношений этих стран с Германией. Семидневная война в январе 1919 г. из-за Тешинской области резко негативно сказалась на чехословацко-польских отношениях, как на межгосударственном уровне, так и внутри ЧСР. И лишь после вмешательства великих держав между двумя молодыми республиками была установлена демаркационная линия.

В 1922 г. К. Скирмунт и Э. Бенеш подписали первое дружественное соглашение в Праге, и с этого момента наметилась тенденция к некоторому потеплению в отношениях между Чехословацкой и Польской республиками. С 1923 г. было налажено постоянное польско-чехословацкое сотрудничество в Лиге Наций в Женеве. В 1924–1925 гг. наблюдалось наиболее активное сотрудничество Польши и Чехословакии на международной арене. И наконец, 19 февраля 1925 г. Бенеш осуществил официальный визит в Варшаву, где после важных переговоров с польским министром иностранных дел А. Скржиньским был заключен Договор об арбитраже и торговле, принята конвенция о транзите, решены административные и финансовые вопросы, связанные с разделом Тешина. Как уже говорилось, в договор была включена глава о меньшинствах, где решались спорные вопросы отношения к польскому и чешскому меньшин-

ству, создавалась временная паритетная комиссия на случай разногласий либо недоразумений по этим вопросам²⁵. Подобная политика отвечала интересам обеих стран. В одной из резолюций, принятых на общем собрании в Польском доме в Моравской Остраве, организованном польской социал-демократической партией еще в ноябре 1924 г., приветствовались укрепление дружественных отношений между Чехословакией и Польшей и попытка оживить экономическое сотрудничество между странами. В резолюции подчеркивалось, что «лишь дружественные отношения двух стран обеспечат существование польских граждан в Чехословакии»²⁶.

Последующий визит Скржиньского в Прагу и его прием президентом Масариком свидетельствовали о действительном сближении сторон. Сотрудничество двух стран продолжалось на конференции в Локарно и после того как пост министра иностранных дел в Польше перешел к А. Залескому. Но даже в этот, казалось бы, благоприятный с точки зрения развития чехословако-польских отношений период деятельность польских националистических организаций в Чехословакии продолжалась весьма активно. Так, в донесении Президиума земской политической управы в Ораве в министерство внутренних дел ЧСР от 26 июля 1925 г. сообщалось об объединении трех польских политических партий в т. н. национальный блок и подготовке ими в 1924 г. меморандума президенту ЧСР²⁷. В меморандуме перечислялись все несправедливости в отношении поляков и выдвигались определенные требования. По мнению авторов донесения, цели меморандума состояли скорее в поддержке польской стороны на переговорах с чехословацкими представителями, а не в удовлетворении действительных потребностей поляков в ЧСР, так как конкретных примеров бесправного положения поляков в меморандуме не приводилось. В донесении подробно разбирались факты, изложенные в меморандуме, и содержались объяснения. Например, в ответ на жалобу о том, что в Тешине не проводились выборы в Национальное собрание, чиновники писали, что это не направлено против поляков, так как и чехи Тешина также не участвовали в выборах из-за того, что не удалось создать избирательные комитеты. Протесты поляков против назначения инспектором польских школ учителя, не входившего Польский национальный союз учителей, отвергались на том основании, что его кандидатуру выдвинула другая еще более многочисленная учительская организация. В документе также указывалось, что ни один польский школьный класс не был заменен на чешский, а сокращение некоторых польских классов было связано лишь с уменьшением числа детей (более низкая рождаемость в годы войны) и с развитием чешских школ. Сокращение польского персонала в связи с переходом кошицко-богуминской

железной дороги в ведение чехословацкого государственного ведомства объяснялось недостаточным знанием некоторыми служащими чешского языка (из 356 сотрудников 68 не сдали экзамен)²⁸.

В декабре 1924 г. за провокационные речи на польско-чехословацкой границе были оштрафованы сотрудник польского консульства в Моравской Острове К. Шимечек, гражданин Польши А. Брибрани и железнодорожный служащий Л. Голеш²⁹. В то же время полицейское управление Моравской Остравы сообщало в Президиум земской политической управы в Опаве о том, что польский консул С. Ветулани часто встречается с главой польской оппозиции Л. Вольфом и его соратником В. Ольшаком во Фридштате и Карвине³⁰. А в октябре 1925 г. чехословацкий МИД убедительно просил польское дипломатическое ведомство отозвать С. Ветулани с должности польского консула в Моравской Острове в связи с обнаруженными против него уликами, свидетельствовавшими о его разведывательной службе и попытках влиять на польскую молодежь в духе ирредентизма³¹.

С 1927 г. личных контактов между польскими и чехословацкими политиками становилось все меньше, происходило постепенное охлаждение отношений. Это было связано с внутренними переменами в Польше (переворот Ю. Пилсудского 1926 г.) и изменением внешнеполитического курса. Со стороны Польши возникало все больше претензий к Малой Антанте, частью которой была Чехословакия, и шло сближение Польши с враждебной ЧСР Венгрией. Обе страны с 1930-х годов стали вести политику, направленную на раскол Чехословакии изнутри, используя при этом как вопрос о венгерском и польском национальных меньшинствах, так и «словацкую карту», пытаясь установить связь со словацкими автономистами и сепаратистами и привлечь их на свою сторону³². При этом и в Польше, и в Венгрии Чехословакия характеризовалась как «искусственно созданное государство», без исторических традиций, не имеющее права на существование³³.

Мировой экономический кризис конца 1920 – начала 1930-х гг., приведший к безработице и значительному ухудшению материального положения населения, также сказался на чехословацко-польских отношениях. И хотя поддержка безработных в Польше и Чехословакии проводилась по принципу репроциты (взаимности), многие чехословацкие граждане, лишившись работы в Польше, вынуждены были возвращаться в ЧСР. Нередки были случаи и взаимного вытеснения государственных служащих³⁴.

Уже в первой половине 1930-х гг. отношения между ЧСР и Польшей обостряются. В 1932 г. пост министра иностранных дел Польши занял Ю. Бек, что знаменовало собой начало нового этапа в чехословацко-польских отноше-

ниях. 3 февраля 1933 г. в Женеве состоялась беседа Э. Бенеша с Ю. Беком. 25 февраля того же года Бенеш доложил парламенту о результатах встречи, заявив, что предложил Польше дружественный пакт. По его словам, ЧСР стремилась к сотрудничеству с Польшей с 1925 г. и не желает, чтобы ее отношения с Германией и Советским Союзом негативно влияли на отношения с Польшей³⁵. Однако предложение Бенеша не нашло отклика. Более того, договор Берлин – Варшава от 26 января 1934 г. сопровождался враждебной ЧСР пропагандистской кампанией в печати и участием официальных лиц в манифестациях в польском Тешине против «угнетения» поляков в Чехословакии. В январе 1934 г. исполнилось 15 лет с момента вторжения чехословацких войск в польскую часть Тешина. Эта неприятная дата использовалась, прежде всего, польской стороной для нагнетания напряженности в чехословацко-польских отношениях, создания атмосферы психоза. Тешинские поляки считали эту территорию польской, а решение Совета послов несправедливым. Арест 3 польских граждан в чешском Тешине еще более накалил обстановку, и 21 чехословацкая семья была выслана с территории Польши в 24 часа. Затем по предложению польского правительства, осознавшего, что такого рода шаги не в польских интересах (в Тешинской Силезии проживало немало поляков без чехословацкого гражданства), от взаимной высылки населения стороны отказались. Но последовали враждебные друг другу компании в СМИ. Чехословацкое правительство отвергло обвинения польской прессы в угнетении польского меньшинства в Чехословацкой республике и одновременно предложило провести двустороннюю дискуссию по вопросу о меньшинствах. Все предложения Бенеша решить спорные вопросы на основе подписанных договоров, в комиссии, созданной в соответствии с договором 1925 г., либо международным форумом Польша отвергла. Негативное развитие отношений выражалось в дипломатических конфликтах, отказе от урегулирования спорных вопросов на основе компромисса, нелояльных высказываниях политиков, критических выпадах, публикации брошюр со взаимными обвинениями и перечислением нанесенных «обид», а также в разведывательной и пропагандистской деятельности на территории друг друга³⁶. Пик обострения чехословацко-польских отношений пришелся на 1934–1935 гг.³⁷

В 1936 г. поляки обвиняли чехословацкую сторону в том, что нет ответа на запросы польского депутата парламента Леона Вольфа и депутата моравско-силезского земского представительства Карола Юнги, годами не решаются жалобы железнодорожников и вопросы польских школ в Тешине. Польское консульство в Моравской Остраве продолжало поддерживать тесную связь с польским меньшинством в чехословацкой Силезии, координировать протестную деятельность его отдельных организаций.

Надо отдать должное национальной политике главы чехословацкого правительства М. Годжи во второй половине 1930-х гг., старавшегося разрядить обстановку в стране. Его выступление 17 февраля 1937 г. было направлено на достижение соглашения с национальными меньшинствами в ЧСР. Встреча Годжи с польской делегацией в декабре того же года была положительно оценена польской прессой³⁸. Одновременно с 1937 г. в ЧСР проводилась политика вытеснения со своей территории неблагонадежных, радикально и шовинистически настроенных польских элементов³⁹.

В чешской и польской историографии существовали (и до сих пор существуют) значительные расхождения по проблеме польского меньшинства в Чехословацкой республике. Начать со статистики: официальные данные чехословацкой статистики (75 850 поляков в ЧСР в 1921 г. и 81 737 – в 1930 г.) опровергались польскими авторами, указывавшим, что официальная статистика имела ввиду лишь граждан ЧСР, а многие поляки, жившие в ЧСР, были лишены чехословацкого гражданства. Таким образом, количество поляков в Чехословакии значительно увеличивалось. Ю. Бек летом 1938 г. заявлял о 250 тыс. поляков на чехословацкой территории⁴⁰. 95% из них проживали в Тешинской Силезии, а остальные – преимущественно в Моравской Остраве и ее окрестностях.

Трудности подсчета состояли и в том, что на приграничных территориях часто проживают люди с нечетко выраженной национальной идентичностью, так называемые «местные», «тутейшие», для Силезии это силезцы или «шлэнзацы»⁴¹. Большое влияние среди них, особенно в Билском районе со значительным немецким меньшинством, имела Силезская народная партия во главе с Й. Каждонем, ориентированная пронемецки. Большая часть ее членов являлись протестантами аупсбургского направления. «Шлэнзацы» говорили на диалекте польского языка, но отрицали свою идентичность с поляками из Галиции⁴². Во время чехословацко-польского спора о границе они склонялись к поддержке чехословацкой стороны, руководствуясь принципом «враг моего врага – мой союзник»⁴³.

Во время первой переписи населения в 1921 г. в Тешинской Силезии вводилась категория «силезцы», которая должна была быть дополнена: «силезец-поляк, силезец-чех, силезец-немец», т. е. польскоговорящее население могло свободно выбрать национальность, что приносило дополнительную выгоду чехам⁴⁴. Кампания по переписи населения сопровождалась усиленной агитацией с обеих сторон: польской и чехословацкой⁴⁵. В результате переписи в чехословацком Тешине было зарегистрировано 177 626 чехов, 69 360 поляков и 23 005 немцев, в категории «силезцев» оказалось 47 314 лиц, из них 24 299

силезцев-чехословаков, 21 607 силезцев-поляков и 1408 силезцев-немцев⁴⁶. Из 37 271 иностранца на этой территории 19 569 были поляками и 12 643 – чехословаками⁴⁷.

В уже упоминавшемся меморандуме польского национального блока, переданном президенту Масарику в 1924 г., говорилось о том, что многие жители Силезии считают себя не поляками, а «силезцами», не хотят польского гражданства, при этом приводился пример, что в органы городского самоуправления, состоявшие из 36 членов, были избраны лишь двое поляков⁴⁸.

При переписи 1930 г. во фридштатском и чешскотешинском районах также допускалось использовать категорию «силезец», причем как с уточнениями силезец-чех, силезец-поляк, силезец-немец, так и без оных – просто «шлэн-зак»⁴⁹. Согласно новым данным, в Тешинской Силезии проживали 77 309 поляков⁵⁰.

Около 30 тыс. голосов получали польские кандидаты в Тешинской Силезии на парламентских выборах в 1925–1935 гг., что, по мнению И. Барана, дает основание говорить о приблизительно 70 тыс. поляков с выраженным национальным самосознанием в чехословацком Тешине⁵¹. За тех, чье национальное сознание четко не определилось, шла ожесточенная пропагандистская борьба.

Необходимо учитывать и социальный состав населения спорных территорий. Подавляющее большинство польского населения Чехословакии принадлежало к горнякам и металлистам. Часть из них находилась под влиянием польских социалистов, другие – входили в состав профсоюзов и политических организаций, примыкавшим к чехословацким социал-демократам, потому как последние обещали исплопотать для своих членов право чехословацкого гражданства⁵².

Что касается положения польского меньшинства в ЧСР, то оно оценивалось чешской и польской сторонами прямо противоположно. Если чешские авторы подчеркивали демократичность Чехословакии по сравнению с другими государствами Центральной и Восточной Европы того времени, то польские, наоборот, утверждали, что положение поляков в Австро-Венгерской империи было значительно лучше, чем в Чехословацкой республике⁵³. Скажем, в 1927 г. в Нижней палате Национального собрания ЧСР из 167 депутатов заседал лишь один поляк, в сенате польских представителей вообще не было⁵⁴. Поляки были уверены, что район Тешинской Силезии – изначально польская территория, а чехи и немцы переселялись туда и занимали привилегированное положение, решение о разделе Тешина Советом послдов считали крайне несправедливым и не демократичным. Причем, по замечанию историка из Силезского университета в Опаве Д. Гаврецкого, польские публицисты были гораздо

более критичны в отношении национальной политики в ЧСР, чем польские историки⁵⁵.

Польские авторы в качестве доказательства своей правоты указывали на сокращение польского населения и польских учеников в ЧСР. Чешские авторы не отрицали процесса ассимиляции поляков, но при этом говорили о том, что он был не насильственным, а естественным. Ассимиляторская политика проводилась не государственными органами ЧСР, а общественными организациями: просветительской организацией Силезская Матица, спортивно-патриотическими обществами «Сокол», легионерскими объединениями и др.

Вместе с тем, в ЧСР существовали и организации, деятельность которых была направлена на изучение национальных проблем и поиски путей их решения. В 1930-е годы активную работу проводило Чехословацкое общество по изучению национальных вопросов под председательством заместителя, а затем министра иностранных дел ЧСР К. Крофты. В нем состояло около 200 членов, на его заседаниях заслушивались доклады и лекции, в том числе и представителей национальных меньшинств. В рамках общества действовали различные секции: по политическим и юридическим вопросам реформы языкового права, культурная, статистико-социологическая, народно-хозяйственная. Обсуждались проблемы школ, образования, национальных движений, международной охраны прав меньшинств в условиях кризиса Лиги Наций и другие⁵⁶. Заседание общества 16 марта 1935 г. специально посвящалось обсуждению пропагандистской брошюры, изданной в Варшаве на чешском языке, в которой сравнивалось положение чешского меньшинства на Волыни и польского меньшинства в чешском Тешине. Подробно рассматривались жалобы поляков на проведение переписи населения, на школьную политику в Чехословакии, практику предоставления государственного гражданства⁵⁷.

О том, что оппозиционная деятельность поляков в ЧСР направлялась извне, свидетельствует сообщение чехословацкого министерства внутренних дел в президиум Совета министров ЧСР 24 апреля 1938 г. В нем сообщалось, что в конце марта состоялось объединение всех польских политических сил Тешина в одну партию. На тайном совещании зачитывались указания Всемирного союза поляков за границей, где говорилось об инструкциях Бека полякам в ЧСР выступать за предоставление им автономии и обещалась поддержка Польшей этих требований на международной арене⁵⁸. Рекомендовалась тактика отклонения правительственных уступок и выдвижения новых по примеру судето-немецкой партии Генслея. Весной 1938 г. Ю. Бек в интервью британскому журналисту открыто выступил за автономию польскому меньшинству в Тешине и Спише⁵⁹. Напряженность в отношениях нагнеталась вплоть до

мюнхенского кризиса. Последовавшую вскоре после соглашения в Мюнхене ультимативную ноту Ю. Бека (1 октября 1938 г.) в адрес чехословацкого правительства с требованием передачи Польше всей Тешинской Силезии можно трактовать как прямое участие Польши в мюнхенском разделе.

Уже после включения Тешинской Силезии в состав Польши чехословацкий МИД 19 декабря 1938 г. сообщал в президиум Совета министров о развязанном там терроре. Указывалось на факты враждебного отношения к чехам и чехофилам: били окна, закрывали предприятия, чешские школы, банковские и экономические учреждения, распускали союзы, запрещали чехословацкую церковь и изгоняли чехословацких католических священников, в одностороннем порядке решали вопросы гражданства на присоединенной территории⁶⁰.

Подводя итоги, можно констатировать, что несмотря на международные, двусторонние и конституционные гарантии национальным меньшинствам, национальные противоречия в ЧСР на протяжении всего межвоенного периода продолжали существовать, и даже обострились к концу двадцатилетия. Причины этого явления состояли как в далеко несовершенной национальной политике центральных и местных государственных органов Чехословакии, так и в агрессивной внешней политике соседних с ней стран. Положение польского национального меньшинства напрямую зависело от двусторонних чехословацко-польских отношений и, в свою очередь, оказывало серьезное влияние на их состояние. Национальные конфликты отражались на общем психологическом климате в республике, глубоко врезались в национальную память, деформируя развитие отношений между двумя славянскими народами.

Лишь в 1939 г. вслед за распадом Чехословакии, созданием Протектората Богемия и Моравия и поражением Польши в войне с Германией последовало осознание обеими сторонами неадекватности прежней политики. Уже в 1940 г. в Лондоне представители чехословацкой и польской политической эмиграции официально заявили о желании тесного польско-чехословацкого сотрудничества и союза после войны. В совместной декларации временное чехословацкое правительство и польское правительство 11 ноября 1940 г. заявили, что исходя из основных интересов Польши и Чехословакии они приняли решение, согласно которому по окончании войны оба независимых и суверенных государства вступят в тесный политическое и экономическое объединение, которое станет основой нового порядка в Центральной Европе⁶¹. И хотя планам создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации не суждено было сбыться⁶², оба правительства тесно сотрудничали в годы войны. В условиях общей борьбы против внешней агрессии вопрос о границах и положении меньшинств, при всей своей важности, отступил на второй план.

Примечания

¹ Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 332–333.

² Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. Zv. I. Bratislava, 1998. S. 512–513.

³ Об установлении восточных границ Польши см., например: *Скляров С. А.* Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции // *Версаль и новая Восточная Европа*. М., 1996. С. 136–158; *Михутина И. В.* Некоторые проблемы истории советско-польской войны 1919–1920 гг. // Там же. С. 159–175.

⁴ *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский. М., 2008. С. 263.

⁵ Подробнее см.: *Серапионова Е. П.* Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции // *Восточная Европа после «Версаля»*. М., 2007. С. 100–101.

⁶ Národný archív (NA). Fond. Prezidium Ministerské Rady (PMR). Kart. 2859. Mírové nabídky a zaležitosti 1919–1920.

⁷ *Марьина В. В.* «Мюнхен» и конец первой Чехословацкой республики (По документам чешских архивов) // www.prospects.ru.

⁸ См. об этом: *Raubal S.* Granica polityczna polsko-czeska. Warszawa, 1927. S. 22–24.

⁹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 350.

¹⁰ Вопрос о предоставлении гражданства полякам был решен позднее, договором 1925 г. Согласно ему чехословацкое гражданство давалось тем, кто на территории, подлежавшей плебисциту, обладал подданством на 1 января 1914 г. или проживал на территории, вошедшей в состав Чехословакии, с 1 января 1908 г.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Пушкаш А. И.* Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // *Восточная Европа после «Версаля»*. СПб., 2007. С. 78–82.

¹² Однако в польской историографии со ссылкой на перепись в Австро-Венгрии 1910 г. говорилось о почти 150 тыс. поляков в Тешинской Силезии, некоторые польские исследователи приводили цифру 180–200 тыс., а польские политики в 1938 г. говорили о 250 тысячах поляков в ЧСР // См.: *Gawrecki D.* Polská menšina v Československu 1918–1938 // *Československo 1918–1938 Osudy demokracie ve střední Evropě* Sv. 2. Praha, 1999. S. 623.

¹³ *Boháč A.* Národní mapa Republiky Československé. Podrobný popis národnostních hranic, ostrovů a menšin. Praha, 1926. S. 160–161.

¹⁴ *Kučera J.* Koncepce národního státu Čechů a Slováků a jeho realita v životě první republiky // *Československo 1918–1938...* Sv. 2. S. 609.

¹⁵ Подробнее см.: *Serafino J.* Národnostní práva podle ústavy Československé republiky roku 1920 // *Kroměřížský sněm 1848–1849 a tradice parlamentarismu ve střední Evropě*. Kroměříž, 1998. S. 77–83.

¹⁶ Ústava Republiky Československé. Praha, 1932. S. 30–31.

¹⁷ Ústavní zákony Československé republiky. Praha, 1920. S. 51–56.

¹⁸ Польша в отличие от Чехословакии резко негативно прореагировала на предложение принять международные обязательства в отношении меньшинств, посчитав это вмешательством во внутренние дела государства // *Гуцин А. В.* Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг. Диссертация на соискание учен. ст. к. и. н. М., 2004. С. 93–99.

¹⁹ Такую точку зрения отстаивал Э. Радл, см. об этом: *Baran I.* Otázka národnosti při československém sčítání lidu na Těšínsku v meziválečném období // *Slovanský přehled*. 2008. č. 1. S. 17.

²⁰ Эту позицию занимает К. Поппер, см.: *Pavliček V.* K ústavním aspektům práv menšin po vzniku Československa // *Československo 1918–1938 Osudy demokracie ve střední Evropě*. Sv. 2. Praha, 1999. S. 594.

²¹ *Kučera M.* Koncepce národního státu Čechů a Slováků a jeho realita v životě první republiky // *Ibid.* S. 602.

²² NA. F. PMR. Kart. 209. Statní občanství, domovské právo. Inv. č. 14695/22.

²³ *Pežka Z.* Československá ústava a zákony s ní souvislé. Díl. I. Praha, 1935. S. 881–887.

²⁴ *Kučera J.* Op. cit. S. 609.

²⁵ Текст договора между Чехословацкой и Польской республиками от 23 апреля 1925 г. см.: *Pežka Z.* Československá ústava a zákony s ní souvislé. Díl 1. Praha, 1935. S. 881–887.

²⁶ NA. F. PMR. Kart. 410. Sign. 993.

²⁷ Тактика подачи меморандумов продолжалась и далее: 30 ноября 1936 г. Л. Вольф подал очередной документ с польскими требованиями чехословацкому правительству // NA. F. PMR. Kart. 410. Sign. 999/3.

²⁸ NA. Fond Předsednictvo ministerské rady (PMR). Kart. 410. sign. 993.

²⁹ NA. F. PMR. Kart. 410. sign. 993.

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibidem.*

³² 28 мая 1938 г. посольство ЧСР в Варшаве сообщало в президиум Совета министров о статье в польском еженедельнике «Zesrób», в которой подчеркивалось право словаков на независимость и предлагалось создать федерацию Словакии с Польшей // NA. F. PMR. Kart. 411. Sign. 999/14–16.

³³ *Deák L.* Hra o Slovensko. Slovensko v politike Maďarska a Poľska v rokoch 1933–1939. Bratislava, 1991. S. 232.

³⁴ NA. F. PMR. Kart. 412. Sign. 993/18.

³⁵ Národní politika. 1934. 21. XI.

³⁶ Národní politika. 1934. 20, 21. XI.

³⁷ Подробнее см.: Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. М., 2004. С. 176–193.

³⁸ NA. F. PMR. Kart. 411. Sign. 993/14–16.

³⁹ Ibid. Kart. 412. Sign. 993/18.

⁴⁰ Gavrecký D. Op.cit. S. 623.

⁴¹ Ibid. S. 622.

⁴² Это неудивительно, так как историческое развитие этих австрийских провинций было абсолютно различным. В XIV в. Силезия была присоединена к Чехии, являясь ленным владением чешских королей. В эпоху гуситских войн от Чехии к Польше отошли Силезские вымороченные княжества (Осветимское, Заторское и Северское). Под властью чешского короля силезские земли сохраняли особость, а жители самобытность. Со второй половины XV в. в Силезии существовал собственный сейм. В Габсбургские владения чешское государство вошло в 1526 г. как федерация. Чешский король являлся маркграфом Моравским и герцогством Силезским и Лужицким. В XVIII в. после войн за австрийское наследство Мария-Терезия была вынуждена уступить Силезию Пруссии. В составе земель Короны чешской остались Опавский, Крновский и Тешинский повет и графство Кладское. До 1918 г. Силезия и Галиция входили в состав австрийской части Австро-Венгрии как совершенно различные административные единицы – герцогство Силезское как часть земель Короны чешской, а Галиция стала австрийской провинцией в результате разделов Польши в конце XVIII в. По первому разделу Польши (1772 г.) Австрия получила княжества Осветимское и Заторское, южные части воеводств Краковского и Сandomи́рского, воеводство Бельзское и Русское без Холмщины. Согласно третьему разделу (1795 г.) к Австрии отошли Краковское, Сandomи́ровское, Люблинское, Подляшское и часть Мазовецкого воеводств, см.: Любавский М. К. История западных славян. М., 2004. С. 202–203, 262–263, 427, 462.

⁴³ Baran I. Op. cit. S. 16.

⁴⁴ Ibid. S. 19.

⁴⁵ Baran I. Op. cit. S. 20–22.

⁴⁶ Ibid. S. 24.

⁴⁷ Ibid. S. 24–25.

⁴⁸ NA. F. PMR. Kart. 410. Sign. 993.

⁴⁹ Baran I. Op. cit. S. 27.

⁵⁰ Ibid. S. 31.

⁵¹ Ibid. S. 17.

⁵² Российский государственный архив социальных и политических исследований (РГАСПИ). Ф. 495. Коммунистическая партия Чехословакии. Оп. 71. Д. 194. Л. 39–40.

⁵³ Положение поляков в Галиции, входившей в состав австрийской части Габсбургской монархии, некоторые авторы склонны приравнивать к положению «господствующих» народов – немцев и венгров, см.: *Danišák M. Národnostná otázka v strednej Európe v rokoch 1848–1918 // Národnostná otázka v strednej Európe v rokoch 1848–1938. Prešov, 2005. S. 19.*

⁵⁴ *Čechoslovák. 1927. 15. II.*

⁵⁵ *Gavrecký D. Op. cit. S. 627.*

⁵⁶ *NA. Fond Národní Rada Česká (NRČ). Kart. 192. č. j. 71/37.*

⁵⁷ *Ibid. č. j. 147/35.*

⁵⁸ *NA. F. PMR. Kart. 411. Sign. 993/14–16.*

⁵⁹ *Kadlec Č. M. Hry o hranice. Praha, 2001. S. 99.*

⁶⁰ *NA. F. PMR. Kart. 412. Sign. 993/18.*

⁶¹ *Czechoslovak-Polish negotiations of the Establishment of Confederation and Alliance 1939–1944. Czechoslovak Diplomatic Documents. Prague, 1995. P. 64.*

⁶² См.: *Сератионова Е. П. Проекты создания послевоенной чехословацко-польской конфедерации (1939–1941) // Советское славяноведение. М., 1983. № 3; Ее же. Провал планов создания чехословацко-польской конфедерации (1941–1943) // Советское славяноведение. М., 1984. № 3; Ее же. Чехословацко-польские отношения и проблема послевоенного сотрудничества (1939–1945). Автореферат дис. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1984. С. 1–21. О развитии чехословацко-польских отношений после войны см. также : *Volokitina T. V. The Polish-Czech Conflict over Teschen: The Problem of Resettling Poles and the Position of the USSR // Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. Edited by Rieber A. J. London-Portland-Or, 2000. P. 46–64.**

Средние русские учебные заведения в Королевстве СХС/Югославии (1919–1945)

Русские учебные заведения, существовавшие в Югославии в межвоенный период, делятся на те, которые были основаны уже в эмиграции и те, что существовали еще в России. Для нас не представляется возможным точно определить пути, которые привели в Югославию учеников и преподавателей школ первого типа. Известно, что существовало несколько «волн» и маршрутов прибытия русских беженцев в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Иным образом дело обстоит со школами, которые мы упомянули во вторую очередь, то есть с кадетскими корпусами и женскими институтами, которые эвакуировались как «организованные единицы с установившимися в них программами и бытовыми особенностями, с кадрами учащихся и преподавателей»¹. Их перемещения по России и за ее пределами подробно описаны.

В ноябре 1919 г. Харьковский императрицы Марии Федоровны институт был эвакуирован из Харькова «в составе 157 воспитанниц и 38 человек персонала, во главе с начальницей института Марией Алексеевной Неклюдовой, и с членами их семейств. После остановки в Екатеринодаре институт направился в Новороссийск, где... при содействии представителя Королевства Югославии при главнокомандующем силами на Юге России получил визу в Югославию...»².

В то же время в Новороссийске находился Мариинский Донской институт, эвакуированный 23 декабря 1919 г. из Новочеркасска и возглавляемый В. Ф. Вигорст. 29 января 1920 г. оба института были эвакуированы на пароходе «Афон» в Варну, из которой позднее они были переправлены в Белград. Далее их пути разошлись. Донской институт был отправлен в Белую Церковь, а Харьковский — в Новый Бечей.

Странствия кадетских корпусов были намного драматичней. Хронологически первым в Югославию прибыл корпус, сформированный из кадет Одесского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса (основан в 1899 г.), Владимирского Киевского кадетского корпуса (основан в 1851 г.) и 2-й роты Полоцкого корпуса (основан в 1835 г.). Все они ко дню эвакуации из Одессы 25 января 1920 г. находились в здании местного кадетского корпуса. Утром часть персонала и кадет Киевского и Одесского

корпусов и все полочане вместе с Сергиевским артиллерийским училищем погрузились на английский крейсер «Церес», с которого они позднее были пересажены на пароход «Рио Негро», который довез их до Салоник, откуда кадеты поездом были направлены в Югославию и, через Белград, доставлены в Панчево.

Следует отметить, что 25 января в здании Одесского корпуса осталось еще несколько сот кадет обоих корпусов, в их числе 130 киевлян младшего возраста, буквально забытых своими наставниками. В тот же день киевляне самостоятельно без единого воспитателя отправились в порт, где были приняты на борт одной из барж, находящихся в распоряжении англичан. Высадившись в Варне кадеты на поезде отправились в Белград, откуда, соединившись со своими старшими товарищами-киевлянами, привезенными из Панчево, направились в г. Сисак в сорока километрах от Загреба³.

Оставшиеся 25 января в здании Одесского корпуса более трехсот одесситов не смогли, по примеру части своих товарищей и киевлян, пробиться к порту. Поэтому было принято решение отступить к румынской границе. В том же направлении двигались тысячи русских беженцев, спасавшихся от большевиков. После двух неудачных попыток перейти по льду Днестр корпус разделился на две неравные части. Большая - младшие кадеты с персоналом корпуса отправились назад в занятую уже большевиками Одессу. Дальнейшая их судьба нам неизвестна. 48 старших кадет с четырьмя офицерами присоединились к одной из разрозненных частей Белой армии. Несколько дней кадеты скитались вдоль румынской границы, вступая в стычки с красными. 4 февраля тридцати девяти кадетам удалось получить от румынских властей разрешение на переход границы. После длительных странствий по Румынии одесситы пересекли югославскую границу и прибыли в Панчево, где находились одесские и полоцкие кадеты, спасшиеся морским путем. В середине июня 1920 г. Одесские и полоцкие кадеты из Панчево и киевские из Сисака переехали в Сараево, где им была предоставлено постоянное помещение – казарма Короля Петра, бывшая казарма Франца Иосифа.

Образовавшийся в результате слияния корпус в течение 1920 г. неоднократно менял свое название. 1 октября генералом Врангелем корпусу было присвоено окончательное – «Русский кадетский корпус в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев». Директором был назначен ген.-лейтенант Б. В. Адамович, бывший начальник Виленского военного училища⁴.

История создания Крымского корпуса запутанна. Он образовался путем слияния Петровско-Полтавского корпуса (основан в 1840 г.), Владикавказско-

го (основан в 1840 г.) и так называемого Феодосийского интерната. 1 ноября 1919 г. Владикавказский кадетский корпус в составе восьмисот человек возобновил после некоторого перерыва свою работу. После прибытия во Владикавказ Полтавского корпуса образовавшийся Сводный корпус был эвакуирован в Грузию, а оттуда в Крым. К нему по дороге присоединялись кадеты других корпусов и прочая учащаяся молодежь, оказавшаяся в рядах Белой армии. В июле 1920 г. корпус возглавил ген.-лейтенант В. В. Римский-Корсаков, долгое время возглавлявший 1-й Московский императрицы Екатерины 2-й кадетский корпус. Двадцать второго октября генерал Врангель издал приказ о присвоении Сводному корпусу наименования «Крымский кадетский корпус», который 1 ноября в полном составе был эвакуирован из Ялты. В Константинополе к корпусу присоединились воспитанники Феодосийского интерната, который был образован в январе 1920 г. по приказу А. И. Деникина. Интернат составили воспитанники Константиновского училища и собранные с фронтов Юга России несовершеннолетние. Восьмого декабря корпус прибыл в югославскую бухту Бакар⁵.

Донской императора Александра III кадетский корпус (основан в 1883 г.) в конце декабря 1919 г. отправился из Новочеркасска в Новороссийск, откуда был эвакуирован англичанами в Египет, где просуществовал до своего расформирования в 1922 г. Но во время эвакуации из Новороссийска в 1920 г. не все донские кадеты были вывезены англичанами. В городе остались больные тифом и отставшие от корпуса кадеты, которых возглавил инспектор классов Донского корпуса ген. Рыковский. Позднее они были вывезены в Крым, где сформировали «Евпаторийское отделение» Донского корпуса. С апреля 1920 г. «отделение» стало основой 2-го Донского кадетского корпуса, в который по приказу главнокомандующего зачислялись несовершеннолетние, служившие в Донском, Кубанском, Терском казачьих войсках. Второго ноября 1920 г. корпус был эвакуирован из Евпатории через Константинополь в Бакар, а затем в бывший австрийский лагерь для военнопленных Стернице поблизости от Марибора. Там же были размещены русские беженцы крымской эвакуации, оставшиеся после мировой войны беженцы-словенцы.

В первые дни по прибытии Крымского и Донского корпусов в Югославию их состав значительно пополнился. По свидетельству Российского военного агента в Королевстве СХС «беженцы крымской эвакуации выделили большое количество круглых сирот или детей, потерявших своих родителей... Вследствие этого в корпуса попадают дети разнообразных семейств...»⁶. В результате к 1 апреля 1921 г. в Крымском корпусе было 579 кадет, а в Донском – 290.

* * *

К моменту формирования правительственных органов по руководству русскими учебными заведениями их состояние и официальный статус не были одинаковыми. Особняком стояли школы, учрежденные Всероссийским союзом городов, открывшим весной 1920 г. в Белграде свое представительство.

Официально под эгидой югославской Державной комиссии по делам русских беженцев функционировало семь средних учебных заведений: 1-я русско-сербская гимназия в Белграде, открытая 15 октября 1920 г., 1-я русско-сербская девичья гимназия в Великой Кикинде, три кадетских корпуса и два девичьих института. Однако следует отметить, что кадетские корпуса не были школами в строгом смысле этого слова. По существу они являлись воинскими частями, состоявшими из несовершеннолетних, большая часть которых принимала активное участие в Гражданской войне. Поэтому корпуса находились под фактическим руководством Российского военного агента в Королевстве СХС, обязанности которого последовательно исполняли ген.-майоры Артамонов, Потоцкий и полковник Базаревич.

Формирование специальных органов по управлению русскими учебными заведениями началось с учреждения Державной комиссией 7 сентября 1921 г. Высшего совета по делам военно-учебных заведений и Совета по делам русских женских институтов, членами которого были представители министерства просвещения, Державной комиссии и российской миссии. Совет ведал не только девичьими школами, но и «другими русскими учебными заведениями гражданского ведомства, содержимыми на средства Державной комиссии»⁷.

В состав Совета по делам военно-учебных заведений, управлявшего всеми сферами жизни корпусов, входили представители Державной комиссии, военного министерства, Министерства народного просвещения, российской миссии в Королевстве СХС, а также военного агента.

В первое время подотчетность кадетских корпусов эмигрантским военным кругам и, в целом, чрезмерная самостоятельность русских школ вызвали негативную реакцию со стороны министерства просвещения, полагавшего, что военный агент препятствует превращению корпусов в нормальные учебные заведения. Соответствующие преобразования были произведены после расформирования в апреле 1920 г. российской военной миссии. В течение первой половины 1920-х гг. при Державной комиссии были сформированы специальные органы, – Учебные советы, – ведавшие всеми сферами жизни школ и составленные из чиновников югославского Министерства просвещения, представителей ВСГ и русских педагогов⁸.

* * *

Большинство учащихся русских детей, проживавших в Королевстве СХС, получало образование в семи учебных заведениях, полностью финансируемых Державной комиссией. О тех, кто остался без ее опеки, позаботилось представительство Главного комитета Всероссийского союза городов⁹.

Трудно определить точное количество школ, учрежденных ВСГ. Согласно данным 1921 г. их было четырнадцать, в источниках, датированных 1927 г.; говорится о шестнадцати-семнадцати. Так или иначе, все они были созданы для приходящих учеников. Только реальная гимназия в Пановиче имела интернат на 150–200 человек. «Во всех же остальных, вместе взятых, количество учащихся не превышало семисот человек. С самого начала, т. е. с 1920 г. представительством открывались два типа учебных заведений: детские дома и школьные группы»¹⁰. (Следует подчеркнуть, что детские дома, организованные ВСГ, не были приютами для сирот или брошенных детей, как это принято в наше время. – А. С.). И тот, и другой тип школы «приспосаблились к нуждам данного момента и удовлетворяли почти полностью потребность известного района в школе и стоили недорого». Школьные группы, организованные в восьми городах страны «не имели характера регулярных учебных заведений со всеми классами, а занятия велись согласно с наличным составом учащихся по программам отдельных классов».

Также в восьми городах были организованы детские дома. Первоначально детские дома состояли из трех частей: детского сада, приготовительной школы и нескольких гимназических классов. «С течением времени эти учреждения развивали те отделы, которые по местным условиям были по преимуществу нужны. Но, главным образом, была тенденция открывать все новые и новые гимназические классы, причем детские дома в некоторых пунктах ограничились прогимназическими классами (в Белграде и Панчеве), а в других развернулись в полные реальные училища (в Загребе, Земуне, Пановиче, и Новом Саду)... Все эти училища по введению в них сербских предметов и матуральных экзаменов были приравнены в правах к сербским учебным заведениям. Из них только прогимназия в Панчеве придерживалась программы классических гимназий. Из дальнейших мероприятий по школьному делу представительства Союза городов в Сербии намечается превращение Белградской прогимназии в полное реальное училище для девочек с тем, чтобы мальчики перешли в так называемую Русско-сербскую гимназию».

В течение нескольких лет в белградскую прогимназию в новооткрывавшиеся классы переводились ученицы из «плетневской» гимназии, которая

становилась чисто мужской. Выпуск 1929 г. был в ней последним смешанным. 1930 г. – официальный год рождения Русско-сербской гимназии в Белграде, количество учениц которой постоянно возрастало – со 154 в 1931 г., до 253 в 1935 г.

* * *

1-я Русско-сербская гимназия в Белграде представляет особый интерес для изучения. Если работа кадетских корпусов и девичьих институтов была проникнута идеей сохранения традиций, установленных еще в дореволюционной России, то гимназия, основанная В. Д. Плетневым, являла пример педагогического новаторства. Создатели гимназии в первом учебном плане учили все, что было «ценно и оправданно жизнью» в старых русских гимназиях. «С другой стороны участие в работе молодых сил, свободных от многолетних привычек и традиций, позволяло педагогической корпорации... осуществлять кое-что из достижений новейшей педагогики...»¹¹. Гимназистам внушалась мысль, «что школа создается не директором, не преподавателями и учениками в отдельности, а только совместными усилиями в осуществлении ее идеалов»¹².

Воспитательная политика руководства гимназии также имела инновационный характер. Если в женских институтах и в кадетских корпусах ученикам проповедовались традиционные православно-монархические идеалы, то в белградской гимназии «целью общечеловеческого воспитания являлась выработка личности, обладающей наибольшей нравственной свободой, критическим разумом и проникнутой... началами всемирного братства». Национальное воспитание в гимназии также решало нетрадиционные задачи создания гражданина, «дейтельно участвующего в строительстве прогрессивных форм общественного и государственного быта».

Разумеется, воплощение подобных смелых идей было возможным только благодаря высокому профессиональному уровню педагогического состава. 25 сентября 1920 г. в первом заседании педагогического совета приняли участие профессора Белградского университета, сотрудники Русского научного института в Белграде: известный инженер-машиностроитель профессор Политехнического института в Петербурге, глава Союза русских инженеров в Королевстве СХС г. Н. Пио-Ульский, профессор Киевского университета Ю. Н. Вагнер, выдающийся историк церкви, член Русского археологического общества в Королевстве СХС А. П. Доброклонский, известный сербский историк Владимир Чорович и др.

Учебный план, утвержденный этим составом педагогического совета, имел ряд особенностей. Прежде всего, он должен был готовить учащегося к пониманию исторической обстановки «для будущей борьбы». Поэтому преподаванию истории уделялось значительное внимание, большее, чем в старых русских гимназиях. Курс восьмого класса подводил учащихся к последним историческим событиям, «как ни трудно было сохранить должную объективность в освещении их».

Одним из приоритетов работы гимназии было изучение сербского языка, литературы, истории и географии Югославии. Ученики, «оставаясь русскими, должны были вынести из гимназических лет... знание и любовь к той стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом». Преподавание «национальных предметов» находилось на столь высоком уровне, что уже в первые годы выпускники на экзаменах писали сочинения на сербском языке, в то время, как от них требовался только перевод с сербского.

По составу гимназия была типичной эмигрантской школой. 30,6% родителей учащихся были в России кадровыми офицерами, 17,5% – юристами, 14% – инженерами, 7% – чиновниками, 5% – докторами, по 3,8% – земледельцами, купцами и преподавателями, 3,2% – помещиками, 2,6% – промышленниками, 1,9% – священниками, 5,8% – казаками, рабочими, художниками и пр.

* * *

По своему укладу три закрытых учебных заведения – Харьковский институт, Мариинский Донской институт и 1-я Русско-сербская женская гимназия в Белграде были продолжателями традиций русских институтов благородных девиц, первые из которых появились в XVIII в.

В то время как структура и быт женских институтов не претерпели в эмиграции значительных изменений, воспитательный и учебный процессы подверглись некоторому пересмотру. Если ранее воспитанниц готовили исключительно к замужеству, то в условиях беженства перед ними открывалась суровая перспектива самостоятельной жизни. Поэтому помимо традиционных догм православной веры и патриотизма в число воспитательных принципов вошли и такие, – «закаленность, как в физическом, так и в нравственном отношении, дабы подготовить детей к предстоящей им тяжелой жизненной борьбе»¹³.

В России учебные программы институтов были близки к программам школ реального типа (без древних языков), отличаясь от них пониженными требованиями по математике, физике и природоведению и усиленным изуче-

нием новых языков. После прибытия в Королевство СХС новыми предметами стали сербский язык, история и география Югославии. В результате введения курса латинского языка, повышения требований по математике, физике и прироdoведению «институты превращаются в классические гимназии».

Русско-сербская женская школа в Великой Кикинде носила название гимназии, хотя по сути была классическим девичьим институтом. Основательницей его была Наталья Корнельевна Эрдели, выпускница Смольного института, актриса Александринского театра, служившая во время Первой мировой войны сестрой милосердия и получившая две георгиевских награды¹⁴.

В девяти классах гимназии (вместе с подготовительным) в 1923–1924 учебном году училось 220 воспитанниц, из которых не более десяти были сербками, самостоятельно оплачивавшими свое обучение и именовавшиеся «своекоштными». В июне 1923 г. состоялись первые экзамены на получение аттестатов зрелости, которые были вручены восьми ученицам, окончившим первые шесть классов в России.

После окончания гимназии многие получали высшее образование, и «вышло немало балерин, художниц, инженеров, преподавательниц в гимназиях и, конечно, докторов, а была даже одна, ставшая инженером-механиком». В 1931 г. из-за нехватки средств на содержание гимназия была закрыта, а оставшиеся ученицы и педагогический персонал были зачислены в Маринский Донской институт.

4 марта 1920 г. Харьковский институт прибыл в Белград, откуда был переведен в Нови Бечей – в помещение бывшей венгерской основной школы. Педагогический персонал состоял в 1923–1924 учебном году из семнадцати преподавателей научных предметов и семи преподавателей искусств и гимнастики.

Возглавляемый М. Н. Неклюдовой институт осуществил всего двенадцать выпусков. Курс восьмого класса прошли 214 учениц, многие из которых продолжили обучение в Белградском и Загребском университетах¹⁵. В 1932 г. в год своего 120-летия институт был закрыт. Оставшиеся ученицы влились в располагавшийся в Белой Церкви и возглавляемый с 1921 г. Н. В. Духониной Маринский Донской институт, переименованный вскоре в Русский девичий институт имени императрицы Марии Федоровны.

Последний женский институт, высленный в 1940 г. из занимаемого им удобного помещения, пережил сокращения, которые обрушились на русские учебные заведения, и вместе с Русским кадетским корпусом встретил начало Второй мировой войны и оккупацию.

* * *

В первые месяцы пребывания на территории Королевства СХС условия, в которых находились кадетские корпуса, совершенно не соответствовали жизни закрытых учебных заведений. Крымские и донские кадеты, педагогический состав располагались в одних и тех же ветхих бараках, не приспособленных для жизни. Среди кадет распространялись инфекционные заболевания, ставшие причиной появления в Стернише обширного кладбища.

Воспитанники и преподаватели владели нищенским существованием, т. е. до июня 1921 г. корпуса не имели никаких специальных ассигнований. Державная комиссия выделяла каждому кадету по 240 динар в месяц, как любому беженцу. Преподаватели и воспитатели не получали никакого жалования.

Такое бедственное положение не могло не отразиться на дисциплине, состояние которой было ужасным. Причиной этого была не только бытовая неустроенность, но и характер кадетской массы. Почти все кадеты, начиная с 12–14 лет, участвовали в гражданской войне в качестве добровольцев. При записи в белые воинские части они намеренно завышали свой возраст, говоря, что им исполнилось шестнадцать лет. «Командиры полков и батарей верили на слово... принимали кадет охотно и даже до некоторой степени щеголяли друг перед другом количеством такого рода подчиненных, считавшихся особенно надежными»¹⁶.

Ужасы пережитой войны, «грязь тыла», несомненно, наложили свой отпечаток на психику кадет, среди которых прокатилась волна самоубийств. В 1921 г. на протяжении нескольких месяцев в Крымском корпусе по утрам находили застрелившихся. Выяснение причин этого ужасного явления вызвало полемику в эмигрантской среде. Согласно одной версии старшие кадеты принуждали младших вступать в так называемый «клуб самоубийц». Бросался жребий, и один из малышей должен был до наступления утра застрелиться.

Согласно воспоминаниям самих выпускников корпусов причиной, по которым несколько старших кадет покончили с собой, было вовсе не чье-либо принуждение, а горечь утраты отечества и семьи. Согласно этой версии в 1921 г. в Стернише трое лишили себя жизни¹⁷.

О нормальном учебном процессе не могло быть и речи и в Русском корпусе, хотя он находился в лучших бытовых условиях. Вероятно, не только и не столько материальное благополучие или его отсутствие, но, в основном, факторы психологического характера определяли состояние кадетской среды. «Надлом, искривление растущих душевных сил, явления моральной депрессии, невоздержанность, недисциплинированность, отвык от систематического труда и т. п. — вот характерные черты первого контингента учащихся»¹⁸. О том

же свидетельствует доклад о ревизии Русского кадетского корпуса, произведенной осенью 1922 г. Р. Кошутичем: «В долгой войне многие привыкли к разврату, насилию, пьянству; ругань, дикие шалости – обычные явления. Старшие продают все, что получают, младшие крадут... моральных правил нет никаких; разнузданность является воздухом, которым они дышат... Никто не хочет подчиняться. Старшие хотят назад на войну, или на новые авантюры»¹⁹. Учебные заведения превратились, по словам докладчика, в банды, 60%, состава которых представляют «негодный для школы элемент». В кадетских корпусах господствует так называемый «пук».

Профессор Кошутич был далек, тем не менее, от огульной критики в адрес корпусов. Объективно оценивая сложившееся положение, он отдавал должное деятельности педагогов и воспитателей: «Заслуга этих людей поистине велика! Из хаоса они создали порядок. Из страны, в которой уничтожены терро-ром все человеческие права, они привезли с собой разнузданную толпу, которую исправили, насколько могли... Без их работы наши колонии малолетних преступников были бы полны русскими подростками, а публичные дома юными проститутками».

Одной из главных причин бедственного положения, в котором находились кадетские корпуса, профессор Кошутич считал дезорганизацию управления ими. До Октябрьской революции кадетскими корпусами ведало Главное управление военно-учебных заведений. В условиях гражданской войны корпуса, объединяясь с военными училищами, превращались в воинские части, входящие в состав действующей армии. Но и, находясь на территории Королевства СХС, корпуса по-прежнему считались военными организациями «Русской армии» и находились под фактическим руководством военного агента. Таким образом, «старые положения, действовавшие в России, хотя официально не отменяются, однако нередко прячутся под сукно. Педагогический совет и другие коллегиальные учреждения, как совет института, теряют даже те права, которые были им предоставлены по российским законам, и личные усмотрения начальствующих лиц заменяют право и закон».

Профессор Кошутич в своем отчете приводил не один пример, подтверждающий случаи произвола в отношении попыток педагогического персонала произвести чистку корпусов. Правилом военного агента «было, чтобы все без разбора русские дети шли в школу и учились». «Даже явно преступный элемент, исключенный из корпуса за участие в грабеже, после ряда преступлений, совершенных вне учебного заведения, снова водворяется в корпус».

Не ограничиваясь одним лишь изобличением, Р. Кошутич предлагал ряд мер по оздоровлению русской школы: передачу ее под контроль Министерства просвещения, увеличение финансирования, очищение от неспособных

детей, для обучения которых следовало открыть специальное ремесленное училище в Белграде, согласование учебных программ с программой сербских гимназий и т. п.

Данный проект встретил ожесточенное сопротивление русских эмигрантских кругов и особенно военного руководства, деятельность которого была проникнута мыслью о возобновлении борьбы с Советами и о возвращении в Россию, чему должна была всемерно способствовать правящая сербская династия: «Кадетские корпуса отданы Сербии в залог будущего братства... Сербии не бывать свободной державой без великой России; России не бывать Советской республикой»²⁰. Естественно, что корпуса в глазах определенной части русской эмиграции не были просто учебными заведениями. Они существовали, прежде всего, «во имя преемственной жизни Русской армии».

Проект Р. Кошутича не был осуществлен. Однако и идея военного реванша и возвращения в Россию отошла на второй план. В конце концов, кадетские корпуса перешли в двойное подчинение к Министерству просвещения и к Державной комиссии.

С наведением относительного порядка в управлении кадетскими корпусами положение в них изменилось к лучшему, чему способствовало и обретение «оседлости». Крымский корпус во второй половине октября 1922 г. был переведен в Воеводину – в город Белая Церковь, населенный преимущественно немцами. В ноябре 1921 г. Донской корпус переехал в Билечу, глухой мусульманский городок в Герцеговине. «Время и неустанная работа начинают давать положительные результаты в области воспитания, и минувший 1923–1924 учебный год, проведенный всеми корпусами в стенах казарм, становится более близким по результатам к тем нормальным условиям, при которых кадеты воспитывались у себя на родине»²¹.

Относительное смягчение нравов, разумеется, не могло привести к исчезновению тех часто негативных явлений, которые были присущи всем военно-учебным заведениям, а кадетским корпусам в особенности. Речь идет о так называемых «традициях», под которыми подразумевался особый уклад жизни кадет, в котором они руководствовались целым кодексом правил и обычаев, определявших характерный облик кадета, отличавших его от воспитанников других закрытых учебных заведений.

«Традиции» передавались от старших к младшим и почитались больше, чем официальные общевоинские правила. За соблюдением «традиций» следил выпускной класс, из которого выбирался «корнетский комитет» и «генерал выпуска», осуществлявшие «кадетское самоуправление». (В Донском корпусе «традиционное» начальство называлось Выборной старшиной, во главе с атаманом выпуска, «товарищем атамана», «войсковым писарем», «адъютантом

атамана», «господами есаулами» и «войсковыми старшинами»). Один из помощников «генерала» занимал почетную должность «хранителя Звериады», в которую каждый выпуск вписывал рифмованные характеристики «зверей», — офицеров-преподавателей и воспитателей.

Одним из аспектов самоуправления было подчинение младших кадет старшим, которое подчас принимало уродливые формы, известные под названием «цук». Так в сентябре 1926 г. Учебный совет Державной комиссии рассматривал случай порки кадета первого класса Русского корпуса кадетами восьмого класса. Совет постановил, что «самый факт порки должен быть признан явлением самосуда», что «никакой дисциплины... в корпусе нет». Члены Совета пришли к мнению, что среди кадет существует организация, присвоившая себе воспитательские функции, что служащие корпуса «удовлетворились только ролью пассивных наблюдателей и утешением, что порывы этой организации имеют «чистые» источники»²². Подобная пассивность, вероятно, объясняется тем, что руководство корпусов само воспитывалось в военных учебных заведениях и считало цук, в частности, и все кадетские традиции, в целом, естественными и даже полезными. Так в Крымском корпусе директор назначил в помощь офицерам-воспитателям младших классов кадет-выпускников, называвшихся «дядьками». Этот эпизод свидетельствует о том, что в условиях эмиграции, т. е. при значительной численности состава и ограниченности персонала, роль традиций была особенно велика.

Еще одной особенностью жизни военных учебных заведений в эмиграции было то, что они объединяли кадет разных корпусов, обычаи которых сильно отличались. Это вызывало в кадетской среде постоянные трения. Например, в Русском корпусе полтавцы были приверженцами «кавалерийского цука» (по-видимому, это объяснялось близостью к Полтавскому кадетскому корпусу какого-либо кавалерийского училища). В то же время владикавказцы, представлявшие сравнительно молодой корпус, не имели устоявшихся традиций. Кроме того, большинство их было казаками, духу вольности которых был чужд цук.

Противостояние полтавцев с владикавказцами, называвшееся «битвой русских с кабардинцами», закончилось примирением и объединением традиций, из которых цук был исключен. Наиболее ярким проявлением казачьего свободолюбия был конфликт директора Донского корпуса с первой сотней, устроившей ему «бенефис». В результате генерал Бабкин, принявший руководство корпусом сразу по его прибытии в Стернище, вынужден был уступить свое место генералу Перрету.

Наряду с остальными сторонами жизни в кадетских корпусах развивался и учебный процесс. В первые годы после прибытия в Королевство СХС руко-

водство корпусов старалось придерживаться программ, утвержденных в России в 1915 г. Однако для того, чтобы дать возможность выпускникам поступать в высшие учебные заведения Югославии, программы корпусов были приближены к программам местных реальных училищ. Так в 1923–1924 учебном году в Крымском корпусе был введен обязательный курс сербского языка, курсы истории и географии Югославии. Было изменено преподавание математики и физики. В 1923–1924 учебном году (в Русском корпусе – в 1922 г.) в связи с появлением новых предметов был введен 8-й класс. Кадеты, окончившие его и сдавшие экзамены на аттестат зрелости, смогли поступать в высшие учебные заведения и в военное училище без предварительных испытаний. В результате в 1923 г. последовало признание Министерством просвещения за аттестатами русских кадетских корпусов равного достоинства с аттестатами зрелости государственных учебных заведений.

Все изменения в учебных программах обсуждались на совещаниях Государственной комиссии с представителями русских школ. В результате были выработаны главные принципы работы русских средних школ, которые должны были обеспечить своим выпускникам право поступления в высшие учебные заведения «каждого культурного государства». Разработанная для кадетских корпусов программа восьмилетнего обучения была утверждена учебным отделом Государственной комиссии на 1924–1925 учебный год.

С течением времени уровень преподавания и успеваемость поднялись на достаточно высокий уровень. Об этом свидетельствовали результаты первых «матурных испытаний» (на аттестат зрелости), состоявшихся в Крымском корпусе в июне 1924 г. Присутствовавший на них представитель Министерства просвещения Профессор Светислав Петрович признался, что подобных результатов не встречал ни в одной югославской гимназии. Впоследствии положительные отзывы об успеваемости кадет давались ежегодно.

Разумеется, деятельность кадетских корпусов не сводилась исключительно к борьбе за дисциплину и к учебному процессу. Они жили насыщенной культурной и общественной жизнью. В этом плане особенно выделялся Русский корпус. Ежегодно с 1920 г. 6 декабря в здании Народного театра отмечался корпусной праздник. С июля 1921 г. в корпусе стали организовываться летние прогулки и экскурсии. В первой половине 20-х гг. Русский корпус принял участие в четырех выставках. Две из них, состоявшиеся в Сараево в 1921 и 1924 гг., носили название 1-я и 2-я боснийско-герцеговинские ремесленно-промышленные выставки. На второй из них корпус получил за свои экспонаты золотую медаль. Другие были организованы в Белграде в 1922 и 1924 гг. и назывались 1-я и 2-я выставки работ русских беженцев. Корпус экспонировал на них работы своих мастерских, кружков и фотографического кабинета.

Важнейшим результатом творческой деятельности кадет Русского корпуса и их наставников было создание в 1925 г. музея военно-учебных заведений. Его предназначением было собирание «всех вещественных признаков жизни» корпусов, кадеты которых составили Русский корпус. Помимо этого, в особых отделах музея собирались «памятки, относящиеся к августейшему генерал-инспектору и главному начальнику военно-учебных заведений великому князю Константину Константиновичу и ко всем русским военно-учебным заведениям... а также русские медали, монеты, знаки – денежные, почтовые орденские»²³. К 1940 г. музей имел четыре тысячи единиц хранения, в их числе – девяносто пять старых знамен императорской армии, личные вещи и автографы Николая I, Александра II, Александра III, личные и мемориальные вещи генералов Врангеля и Корнилова.

Особого внимания заслуживают взаимоотношения Русского корпуса с сараевским обществом. В течение первых месяцев пребывания в городе отношение населения к корпусу было подозрительным. Недоброжелательность подогревалась левыми политическими элементами и теми, кто сохранял проавстрийские симпатии. Только со стороны местного военного командования в лице генерала Стевана Хаджича, личного друга директора корпуса генерала Адамовича, кадеты встречали дружелюбие и поддержку. В частности больные воспитанники и персонал лечились в местном военном госпитале. Со временем отношение сараевского общества к кадетам изменилось к лучшему, во многом благодаря поддержке военных кругов. Кадеты, которых генерал С. Хаджич называл «гвардией города Сараево», постоянно участвовали в парадах гарнизона и в торжественных мероприятиях, устраиваемых разными национально-религиозными общинами города. Симпатии местных жителей нашли свое выражение в материальной поддержке корпуса. Для сбора средств в пользу кадет был образован дамский комитет помощи. Кроме того, восемьдесят семей приняли к себе кадет на все воскресные и праздничные дни.

Важнейшими событиями в жизни кадетских корпусов были визиты высоких гостей. Крымский корпус пользовался особым благоволением своего основателя «белого вождя» П. Н. Врангеля, который трижды посетил Белую Церковь. В один из приездов главнокомандующий наградил С. Слюсарева, последнего сорок шестого георгиевского кавалера, учившегося в корпусе.

Русский кадетский корпус дважды также удостоился чести посещения генералом Врангелем. Благодаря тому, что корпус располагался в столь крупном городе, как Сараево, кадеты неоднократно имели возможность приветствовать короля Александра Карагеоргиевича. Первая встреча произошла 23 сентября 1920 г., когда две сводные роты корпуса приняли участие в параде королевской гвардии и гарнизона Сараево по случаю приезда в город тогда еще реген-

та Александра. Пораженный блестящей выправкой кадет наследник назвал их украшением своего парада. В тот же день Александр Карагеоргиевич лично посетил корпус и пожаловал орден Белого орла второй степени со звездой генералу Адамовичу, а двум другим педагогам – генералу Старку и полковнику Розанову тот же орден третьей степени. Особые симпатии Александра Карагеоргиевича к кадетским корпусам объясняются не только его прорусской настроенностью, но и тем, что он сам был кадетом Пажеского корпуса в Петербурге. Знаки его благоволения были весьма разнообразны. Король разрешил кадетам носить русскую военную форму, а офицерам и холодное оружие, оказывал корпусам материальную поддержку. «Его забота о русской молодежи не ограничивалась только средней школой. Он открыл ей широкий доступ в югославское военное... училище и, путем стипендий, обеспечил получение высшего образования»²⁴.

Донской корпус, располагавшийся в глуши, не мог похвастаться бурной общественной жизнью. Однако провинциализм билеческих кадет был исключительно географического характера. Отдаленность корпуса от крупных городов способствовала повышению дисциплины и тому, что кадеты больше внимания уделяли своему образованию. Успеваемость донских кадет была чрезвычайно высока. Примером тому служит судьба выпускников 1924 г. Из тридцати шести кадет, двадцать восемь из которых были участниками гражданской войны, двадцать три получили университетское образование. Девяти впоследствии были присвоены научные степени.

В целом судьба выпускников русских кадетских корпусов была весьма разнообразной и, в основном, благополучной. В первые годы после прибытия в Королевство СХС многие продолжали образование в Николаевском кавалерийском училище в Белой Церкви. Например, из кадет 2-го выпуска Русского корпуса (1921 г.) были образованы два «выпускных взвода»: один – из подлежащих переводу в Николаевское училище, другой – из поступающих в Белградский университет. Но с закрытием училища в 1924 г. исчезла возможность получения классического русского военного образования.

Необходимо подчеркнуть, что выпускники корпусов поступали в государственные высшие учебные заведения и до адаптации русских школ к местным условиям. Однако это было связано со значительными трудностями, т. к. бывшие кадеты не сдавали экзаменов на аттестат зрелости. После изменения учебных программ, введения 8-го класса, а позднее после введения в курс латинского языка, выпускники получили возможность поступать на технические, гуманитарные и медицинские факультеты вузов. Корпуса давали своим питомцам разностороннее и качественное образование, которое выходило за рамки реальной школы. В частности многие кадеты поступали в Художественную академию, музыкальные училища, консерватории, частные оркестры.

Значительная часть выпускников делала карьеру в югославской армии, поступая в Военную и Морскую академии и принимая при этом югославское подданство. Не сумевшие получить высшее образование поступали на геодезические курсы при Державной комиссии или на слесарно-монтажные курсы при артиллерийско-техническом заводе в Крагуевце.

С течением времени состав кадетских корпусов претерпевал изменения. Число кадет постоянно уменьшалось. Если 1922–1923 учебный год начинали 579 кадет Крымского корпуса, то 1928–1929 – 276. Это было результатом политики Державной комиссии, целью которой являлось умерщвление корпусов и женских институтов, содержание которых требовало значительных денежных дотаций. Постоянно ограничивался прием новых воспитанников. Со временем было запрещено зачисление в корпуса детей югославян, которые считали престижным получение русского военного образования. В результате с сентября 1926 г. по сентябрь 1928 г. в Русском корпусе были закрыты первые три класса. Исключением из общей тенденции сокращения воспитанников в русских школах было прибытие из-за границы новых кадет. В 1925 г. Русский и Донской корпуса пополнились воспитанниками 1-го Сибирского императора Александра I и Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетских корпусов.

Уменьшение числа кадет дало повод югославскому правительству пойти на сокращение корпусов. «Учебный совет во исполнение предложения Державной комиссии от 23 июня 1929 г. постановил: 1. Ввиду сообщения Военного министерства... о надобности... здания ныне занимаемого Русским корпусом в Сараево, признать, что существующие ныне три кадетских корпуса... подлежат сведению в два... с присвоением корпусу в Белой Церкви названия «1-й Русский кадетский корпус» и корпусу в Горажде названия «2-й Русский донской кадетский корпус». Таким образом, к первому сентября 1929 г. Крымский корпус прекратил свое существование. Русский корпус был переведен в Белую Церковь, сохранив свою форму, и приняв в свой состав половину крымцев. Другая половина влилась в ряды Донского корпуса.

Донской корпус, принявший половину кадет и некоторых преподавателей Крымского корпуса, с 1926 г. располагался в городе Горажде с населением две тысячи жителей-мусульман. Несмотря на то, что еще в 1931 г. в корпусе было около трехсот кадет, в год своего пятидесятилетия в августе 1933 г. он был также расформирован. Оставшиеся кадеты и педагоги были зачислены в корпус в Белой Церкви.

Следует отметить, что восемь довоенных лет не были слишком благополучными для русских кадет и их наставников, потерявших в 1934 г. своего главного покровителя короля Александра. Постоянно сокращалось и без того

скудное финансирование корпуса. Различные органы власти претендовали на занимаемое им помещение. В 1940 г. после признания Югославией СССР офицерам и кадетам было запрещено носить военную форму вне Белой Церкви. Перманентный политический кризис югославского государства, сепаратизм регионов откладывали свой отпечаток на жизнь русских учебных заведений, что выразилось в дезорганизации управления ими. Местные власти стремились ограничить полномочия центральных органов, ведавших русской школой. По мнению последнего директора, ген.-майора Попова, последствием этого могло быть то, что корпус оказался бы во власти людей, не желающих считаться «ни с духом, ни с традиционным укладом русской школы». Это грозило закрытием корпуса. Как показало время, худшим опасениям не суждено было сбыться. Кадеты и их наставники без особых потрясений встретили вступление Югославии во Вторую мировую войну.

6 апреля 1941 г. немецкие войска вторглись на территорию Королевства Югославия, которое через несколько дней прекратило свое существование. Сербия и Банат попали под управление немецкой военной администрации. Русская эмиграция в первое время оставалась без руководства и защиты. В апреле 1941 г. немецкие власти вместо Державной комиссии сформировали Бюро по делам русских беженцев в Сербии. При Бюро были созданы отделы: консультационно-консульский, культурно-просветительский, экономический, военный и учебный, в ведение которого перешли следующие русские учебные заведения: кадетский корпус и женский институт в Белой Церкви, основные школы в Белграде, Панчеве и Рудник Боре, мужская и женская гимназии в Белграде.

Одной из интереснейших сторон жизни русских учебных заведений во время Второй мировой войны являются их взаимоотношения с немецкими оккупационными властями. В этом плане наиболее показательны контакты Русского кадетского корпуса с немецкими военными в Белой Церкви, которые относились к русским офицерам и их подопечным достаточно благожелательно. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что в корпусе с радостью встретили известие о нападении Германии на СССР, «ибо все верили в скорое освобождение России от безбожной большевистской власти»²⁵. Новые власти испытывали к русским военным гораздо больше доверия, чем к местному сербскому населению. Корпусу поручили даже охрану дороги, проходящей перед зданием, для чего кадетским патрулям были выданы винтовки. Терпимость новых властей позволила Русскому корпусу и Белградским гимназиям функционировать до 1944 г.

Весной 1944 г. года сдавал экзамены последний 24-й выпуск. Всего за двадцать пять лет существования русского корпуса его окончили 906 человек,

из которых 200 получили высшее, а 160 военное образование. В сентябре 1944 г. отступавшие оккупационные власти предоставили возможность эвакуироваться семьям чинов Русского охранного корпуса, в рядах которого было много бывших кадет, и всем русским, желавшим воспользоваться этой возможностью. Из Земуна эшелон с беженцами направился в Белую Церковь. 10 сентября сто из трехсот кадет, находившихся в корпусе, не успев толком собраться, покинули город. Им было обещано, что корпус вместе с мужской белградской гимназией продолжит свою работу в Германии. Однако, осуществиться этому не было суждено.

Зиму 1944–1945 г. кадеты провели в Егере (Судетская область). К тому времени они остались почти без своих наставников, большую часть которых выслали в Вене. В январе старшие кадеты были направлены в Русскую освободительную армию. Ген.-майор Попов также покинул Егер. Оставшиеся около ста человек под руководством поручика К. П. Лесникова, выпускника Крымского корпуса, бывшего офицера Югославской армии, прибыли в город Гмюнд на севере Австрии. Корпус расположился в здании местной гимназии вместе с венгерскими кадетами. В апреле кадеты самостоятельно отправились навстречу американским войскам. Войдя в Зальцбург, корпус под конвоем американской военной полиции направился в лагерь для перемещенных лиц. Так прекратила свое существование последняя русская школа, работавшая в Королевстве СХС²⁶.

* * *

Такова четвертьвековая история русских средних учебных заведений в Югославии. На первый взгляд может показаться, что столь короткий временной отрезок деятельности двух-трех десятков школ едва ли достоин внимания исследователя. Но это далеко не так. История русских школ в Югославии отражает смысл существования русской эмиграции в целом. Покинув Россию, эмигранты стремились сохранить те нравственные, национально-религиозные идеалы, которые, по их представлению, составляли главное ее достояние. Поэтому деятельность педагогов кадетских корпусов, женских институтов и других учебных заведений преследовала не только гуманитарные цели заботы о несовершеннолетних, но и была проникнута мыслью о правильном национальном воспитании подрастающего поколения, т. е. о сохранении культурной преемственности, сохранении России, которую предстояло освобождать и восстанавливать. Именно эта задача в перспективе стояла перед воспитанниками русских школ за рубежом.

Из всех описанных в данной работе школ наибольший интерес представляют кадетские корпуса. Несмотря на то, что по уровню преподавания, успеваемости они стояли ниже белградской мужской гимназии, на их примере видны все достойные внимания исследователя этапы развития и характерные черты русского среднего образования в Югославии. Но этим значение корпусов не ограничивается. В их истории отражена трагическая судьба русской эмиграции в целом. После Октябрьского переворота кадетские корпуса приняли активное участие в Белом движении. Вместе с разгромленными денкинскими и врангелевскими частями остатки некоторых из них, сведенные в три корпуса, покинули Россию и прибыли в Королевство СХС. К этому времени Русский, Донской и Крымский корпуса, объединившие в своих рядах и шестилетних сирот, и ветеранов войны, фактически перестали быть учебными заведениями. По мысли своих создателей, рассчитывавших, как и большая часть беженцев, на скорое возвращение в Россию, они должны были в первую очередь готовить кадры для офицерских училищ, выпускникам которых следовало «при первом же развертывании Белой армии на территории России занять подобающее место во главе взвода лихих гусар, улан или драгун»²⁷.

Но с того момента, как мысль о возвращении отошла на второй план, и русское военное командование перестало руководить кадетскими корпусами, они смогли приспособиться к новой незнакомой среде и обеспечить своих воспитанников достаточным багажом знаний. В то же время кадетам постоянно напоминали, что их главное предназначение состояло в том, чтобы быть готовыми вернуться на родину в качестве офицеров русской армии. Об этом свидетельствуют слова генерала Адамовича, адресованные кадетам, поступавшим в Военную академию и принимавшим подданство Королевства СХС. «Невозможно, чтобы мать, усыновившая, не отдала детей матери воскресшей и то чтобы они не узнали свою мать и не бросились ей в объятия»²⁸.

Примечания

¹ Обзор деятельности Временного комитета Всероссийского союза городов за границей за 1920–1926 гг. Прага, 1927. С. 24.

² Русская эмиграция 1920–1930. Альманах. Вып. 1. Белград, 1931. С. 20.

³ Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945. Нью-Йорк, 1970. С. 333.

⁴ Русский кадетский корпус. 1920–1925. Сарасво, 1925. С. 33.

⁵ Крымский кадетский корпус. Югославия 1920–1929. Нови Сад, 1929. С. 23.

⁶ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 9. Л. 46.

⁷ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

⁸ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об.

⁹ Финансовое положение русских учебных заведений было благополучным до конца 1920-х гг. В дальнейшем и Представительство ВСГ и Государственная комиссия столкнулись с финансовыми проблемами, которые не замедлили отразиться на жизни школ и в скором времени привели к их сокращению.

¹⁰ Обзор деятельности Временного комитета Всероссийского союза городов... С. 24.

¹¹ 1-я Русско-сербская гимназия в Белграде. 1920–1930. Белград, 1930. С. 4.

¹² Зарубежная русская школа. 1929–1924. Париж, 1924. С. 37.

¹³ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 9. Л. 8.

¹⁴ Свечникова А. Наш институт. // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1974. № 8. С. 56.

¹⁵ Сукк Н. Харьковский институт // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973. № 7. С. 34.

¹⁶ Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Воспоминания белого офицера. Буэнос-Айрес, 1977. С. 13.

¹⁷ Павлов Б. Еще раз о Стернице и генерале Римском-Корсакове // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1978. № 20.

¹⁸ Грабовый В. Роль учителя в эмигрантской школе // Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. М., 1995. С. 89.

¹⁹ Цит. по: Павлов А. Положение русских школ в Югославии // Русская школа за рубежом. Т. 1. Прага, 1923. С. 89.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 78. Л. 87.

²¹ ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 9. Л. 47.

²² ГАРФ. Ф. 6792. Оп. 2. Д. 79. Л. 295.

²³ 1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. 4-я кадетская памятка. Белая Церковь, 1933. С. 67.

²⁴ Кадетские корпуса за рубежом 1920–1945. Нью-Йорк, 1970. С. 129.

²⁵ Иордан А. 21-й выпуск. 1-й Русский кадетский корпус 1940–1941 учебный год // Кадетская переключка. Нью-Йорк, № 31. С. 68.

²⁶ Лазарев Е. Последний путь русских кадет (из дневника) // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1978. № 19.

²⁷ Бодиско В. Прошлое, настоящее, будущее // Кадетская переключка. Нью-Йорк, № 28. С. 7.

²⁸ Мальчевский А. Кадеты после окончания зарубежных корпусов // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1972. № 4. С. 77.

Советско-германские отношения в 20-е – начале 30-х годов: внутри- и внешнеполитические детерминанты*

Первая мировая война наложила гигантский (вероятно, еще не в полной мере осознанный) отпечаток на развитие мировой истории, но прежде всего – истории Европы. Она обусловила конец многовековой государственной системы «старой Европы» с ее представлениями о балансе сил и мировом значении континента. В итоге «старая Европа» пережила политический, экономический и культурный крах, а созданный державами-победителями на ее обломках «мирный порядок» был непрочным и недолговечным. Версальский договор и сопутствующие ему соглашения не только заложили основы будущих конфликтов в самых различных сферах, прежде всего в международной и территориальной, но и жесткостью своих положений превратили крупнейшую побежденную в войне державу в потенциальный зародыш нового международного конфликта, объединив на внутривнутриполитической арене Германии самые разные силы в борьбе против навязанного ей мирного договора под ультранационалистическими лозунгами. Еще одной важнейшей причиной нестабильности послевоенного мира стало установление большевистской диктатуры в России, ее выпадение из общепринятого хода вещей. Неудивительно, что, оказавшись по разным, но так или иначе обусловленным Первой мировой войной, причинам париями мирового сообщества, оба государства самым ходом событий были принуждены к поиску особых форм сотрудничества.

Сотрудничество между Советской Россией и Веймарской республикой представляло своего рода уникальное явление в отношениях капиталистического мира с отколовшейся от него в результате революционных потрясений страной. Оно развивалось почти на всех возможных направлениях – дипломатическом, политическом, экономическом, культурном и военном, что, несмотря на сложности, присущие изначально этим отношениям, тем не менее не

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

имело прецедентов в межвоенной истории. Очевидно, что Германия, противостоявшая Западу, уже по причине своего поражения в войне и тяжелых условий навязанного ей мирного договора, неизбежно должна была занять совершенно особое место во внешнеполитической стратегии большевистского руководства. Поэтому неудивительно, что советское правительство в первые дни Ноябрьской революции стремилось восстановить в полном объеме дипломатические отношения с «новой» Германией, разорванные в начале ноября 1918 г.

Тем временем фактор «большевистской опасности»¹ начал активно использоваться властями Германии во внутри- и внешнеполитических целях, для легитимации и консолидации нового режима, но, прежде всего, для оказания давления на державы Антанты в преддверии, а затем и в ходе Версальской мирной конференции. Наряду с этим именно в период между Компьеном и Версалем было положено начало политике розыгрыша «русской карты» во взаимоотношениях Германии с западными державами, в тех или иных формах продолжавшейся до начала Второй мировой войны.

Иначе оценивали в тот период перспективы советско-германских отношений в Кремле: тяготы гражданской войны, открытая враждебность западных держав в ходе их военного вмешательства во внутривнутриполитическую борьбу в России, попытки организовать ее экономическую блокаду – все это резко повышало уровень заинтересованности большевиков в торговле с Германией. При этом никаких иллюзий относительно масштабов экономического сотрудничества с находящейся в весьма затруднительном положении Веймарской республикой в Москве не было².

Что же в таком случае побудило Политбюро и руководство Наркоминдела сделать ставку на соглашение с Германией? Во-первых, осознание того, что невозможно прорвать фронт держав-победительниц и прийти к соглашению с Англией, оценивавшей, хотя и не единодушно, как «главный фактор» – ориентир европейской и даже мировой политики России. Во-вторых, с помощью Германии было легче прорвать капиталистическое окружение, поскольку она уже противостояла державам Антанты. В-третьих, только Германии, в отличие от других европейских держав, можно было заинтересовать сотрудничеством в военно-технической области³.

Именно здесь могло реализоваться удивительное переплетение обоюдных интересов, последствия которого были трудно предсказуемы. Рейхсвер обретал несомненно желанную и в иных условиях трудно достижимую для него возможность опробовать военно-технические разработки на полигонах страны, которая с каждым годом все более отгораживалась от внешнего мира, при-

чем опробовать в тех областях вооружений (авиация, танки, отравляющие вещества), производство которых Германии было строжайше запрещено Версальским договором. В свою очередь, советские военные специалисты и инженеры получали доступ к новинкам военной техники, что имело огромное значение для чрезвычайно отсталой в этом отношении России⁴.

Заклучив благодаря немецкой инициативе⁵ договор в Рапалло, Москва «выиграла» Генуэзскую конференцию: капиталистический фронт был прорван, создан важный прецедент в международно-правовой сфере, заложены основы для широкого сотрудничества с Берлином на перспективу, что отвечало целям экономического и военного укрепления⁶ большевистской России.

Как известно, Рапалльский договор не содержал никаких секретных статей по военному сотрудничеству (первое из соглашений в военно-технической области было заключено в конце ноября 1922 г. между фирмой «Юнкерс» и советским правительством)⁷, но возможности использования этого еще только зарождавшегося сотрудничества в качестве фактора политического давления на германское правительство в Москве осознали еще до Рапалло⁸.

Рапалльский договор имел большое значение и для Германии. Он подвел политико-правовую, экономическую и, что не менее важно, психологическую платформу под отношения двух стран, создав для Берлина почти на десятилетие на востоке Европы лояльный фактор силы и в известной мере контригры, дипломатического партнерства, расширявшихся экономических связей и военно-технической кооперации. Рапалльский договор, хотя и не стал моделью для урегулирования отношений Германии с другими странами (будучи «большим исключением» в ее внешней политике)⁹, вместе с тем он, несомненно, веха в развитии сотрудничества между Веймарской республикой и Советской Россией, наложившая отпечаток на их взаимоотношения с внешним миром.

Правда, по мере изменения внутривнутриполитического и международного положения обоих государств «дух Рапалло» все больше утрачивал свою первооснову – «общность судеб» (*Schicksalsgemeinschaft*) в антиверсальском противостоянии, превращаясь в некий символ. Впрочем, и этот символ какое-то время прагматично использовался в политической игре Берлина на международной арене даже после прихода к власти Гитлера.

Казалось бы, столь значительная дипломатическая победа в сложной международной и внутривнутриполитической обстановке должна была побудить советское руководство не только на словах прославлять Рапалльский договор «как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасности войн»¹⁰, но и на деле оберегать (прежде всего не пытаться распространить на Германию советскую модель) так непросто рождавшееся сотрудничество.

Однако не прошло и полутора лет после подписания договора, как он оказался перед самым серьезным испытанием – попыткой организации из Москвы «германского Октября». Причем в этих целях был задействован не только Коминтерн, но и разные части государственной машины СССР; в Германию были направлены политические эмиссары, военспецы, советники, оперативные сотрудники ОГПУ и Разведуправления РККА, а также выделены на подготовку и осуществление коммунистического восстания сотни тысяч долларов¹¹. Эта крупномасштабная акция, организованная по указанию Политбюро ЦК РКП(б), представляла собой грубое вмешательство во внутренние дела Германии в период, когда она испытывала серьезные трудности внутри страны и на международной арене. Она явилась, по оценке органа СДПГ «Форвертс»¹², «чудовищным злоупотреблением Рапалльским договором», что неизбежно должно было наложить отпечаток на отношение к СССР даже весьма прагматично настроенных немецких политических деятелей.

После провала попыток организовать «германский Октябрь» Политбюро срочно решило максимально дистанцироваться от произошедшего¹³. Советская печать освещала события так, будто в отношениях между Германией и СССР ничего не изменилось, характеризовались они как весьма удовлетворительные. «Объясняется это тем, – комментировалось на страницах партийного официоза, – что германские правящие круги, несмотря на страхи насчет большевистского влияния, все же отдают себе ясный отчет, что единственное спасение Германии в дружбе с СССР...»¹⁴.

В действительности дело обстояло далеко не так, и позиция немецкой стороны в этот сложный для Веймарской республики период была неоднозначной. Ради того, чтобы не причинить ущерба военно-техническому сотрудничеству и переговорам об экономическом соглашении, в Берлине порой не только закрывали глаза на очевидные факты подрывной деятельности СССР, но и сознательно формировали мнение о существовании серьезных расхождений между радикальной политикой Коминтерна и его немецкой фракции, с одной стороны, и умеренной политикой советского внешнеполитического ведомства – с другой¹⁵. Наличие этих расхождений полностью опровергают ставшие недавно доступными документы из российских архивов, касающиеся событий 1923 г.¹⁶

Не только президент Веймарской республики Ф. Эберт, но и – что в связи с этим даже более важно – канцлер, а затем многолетний министр иностранных дел Г. Штресман отдавали себе отчет в том, что «германский Октябрь» «финансировался на русские деньги»¹⁷. В отличие от германского посла в Москве графа У. фон Брокдорф-Ранцау, возможно под влиянием личных

контактов с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным, пересмотревшим свои прежние оценки¹⁸, Штреземан не считал, что параллельно «существуют российское правительство, которое проводит дружественную по отношению к Германии политику, и III Интернационал, который стремится взорвать Германию»¹⁹. Тем не менее германские политики во главу угла поставили прагматические соображения, обусловленные все еще чрезвычайно ограниченными возможностями для маневра Веймарской республики на международной арене.

Очевидно, что Рапалльский договор был порождением жесткого противостояния обоих государств с западными державами. С понижением его уровня неизбежно трансформировались и отношения между Веймарской республикой и СССР. План Дауэса, Локарнские соглашения, вступление Германии в Лигу Наций – все это наряду с другими шагами по восстановлению суверенитета Германии находилось в непосредственной связи с уменьшением конфронтации между нею и державами-победительницами, с концом политики диктата по отношению к Германии, т. е. со всем, в сохранении чего так было заинтересовано советское руководство.

При этом, как явствует из доклада Чичерина на сессии ЦИК в октябре 1924 г., в Москве не осознавали неизбежности отхода от замешанного на конфронтации «духа Рапалло» под влиянием изменения международной обстановки. «Дружественные отношения Союза ССР с Германией основывались... также на том политическом факте, – констатировал нарком, – что господствующие империалистические державы являются угрозой и для Союза ССР, и для Германии»²⁰. Этот вывод применительно к Германии явно устарел, особенно после того, как на европейской авансцене в качестве арбитра появились США, очень заинтересованные в стабилизации Веймарской республики²¹.

Западная ориентация внешнеполитического курса Штреземана была слишком очевидной, чтобы не тревожить советское руководство, не желавшее выпускать из рук «германскую карту». После того как вопрос о приглашении Германии в Лигу Наций стал активно обсуждаться, Москва перешла к решительным действиям по дипломатическим каналам. При этом в конце 1924 г. в ход был пущен такой мощный козырь, как предложение о совместном давлении на Польшу с целью удовлетворения германских территориальных претензий²². Вскоре, однако, стало ясно, что это предложение при всей его важности для сторон было лишь предлогом, чтобы вовлечь германское правительство в дискуссию о координации действий по широкому кругу общеполитических проблем и в первую очередь о предполагаемом вступлении Германии в Лигу Наций²³. Необходимость форсировать борьбу против вхождения

Германии в Лигу Наций рассматривалась в Кремле настолько злободневной, что сформулированные на этот счет предложения НКВД были одобрены Политбюро в кратчайшие сроки²⁴. По существу они стали прологом дальнейшего многомесячного весьма своеобразного «обхаживания» Берлина советской дипломатией, сочетающего методы «кнута и пряника». И хотя оно не предотвратило вступление Германии в Лигу Наций, но тем не менее завершилось подписанием нового политического соглашения между двумя странами.

Весь ход переговоров, связанных с заключением этого соглашения, который без преувеличения может быть охарактеризован как период не прекращавшегося давления на Германию, свидетельствовал о разной оценке Берлином и Москвой состояния и перспектив двусторонних отношений. По мнению германского МИД, Рапальский договор «устарел», «уже не отвечает общему политическому положению и должен быть приспособлен к новому развитию событий»²⁵.

Между тем советские дипломаты по-прежнему утверждали, что «Германия стоит перед выбором: продолжать добиваться совместно с Союзом тех политических целей, которые легли в основу Рапальского договора, или же отказаться от этой политики...»²⁶. Реализация же этих целей предполагала, по убеждению советского руководства, неизбежную конфронтацию с капиталистическим миром для решения международных и внутренних проблем первого в мире государства, вставшего на путь создания тоталитарного режима.

Эти установки, как и конкретная деятельность кремлевского руководства, сменившего после провала «германского Октября» стратегию натиска на оборонительную тактику в Европе, но не прекращавшего усилий по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в странах классово враждебного ему мира, разумеется, не были секретом для правительства Германии. В Берлине располагали информацией о продолжавшемся вмешательстве Коминтерна – СССР во внутренние дела страны²⁷. Не случайно Штресеман в письме бывшему кронпринцу предостерегал от «заигрывания с большевизмом»²⁸. Тем не менее реальное соотношение сил в середине 20-х годов вынуждало руководителей германской внешней политики не только не забывать о «русской карте», но и, преодолевая свою очевидную неприязнь и недоверие к «московской банде»²⁹, делать международную политику Германии, исходя из сотрудничества с ней. «... мы продолжаем считать, – говорил Штресеман Литвинову, – что обе страны **вынуждены** поддерживать друг друга и сохранять хорошие отношения»³⁰. По существу, руководство Наркоминдела разделяло подобный подход, прагматически рассматривая отношения с Германией «в наибольшей степени той точкой приложения нашей игры в Европе, которая нужна, чтобы сохранить экономические связи с другими странами и сохранить политические связи»³¹.

Серьезным фактором, способным повлиять на отношения Веймарской республики с западными державами, было военное сотрудничество между Москвой и Берлином. В начале 1926 г. советское руководство оценивало его, вероятно, как самый сильный козырь в борьбе за удержание Германии в орбите «духа Рапалло». И его использовали во второй половине марта 1926 г., когда в Берлин для ведения переговоров с секретным визитом прибыла советская военная делегация во главе с заместителем председателя РВС И. Уншлихтом. Перед ней стояла задача, помимо обсуждения конкретных предложений, «произвести глубокий зондаж в смысле возможности и перспектив дальнейшей работы»³². Однако, несмотря на подготовленную в Москве обширную программу сотрудничества с Германией в области развития производства новейших видов вооружений на территории СССР (танки, тяжелая артиллерия, подводные лодки, авиамоторы, радиооборудование)³³, главным оставалась все-таки политическая составляющая визита. Как отмечал Чичерин, «эта поездка должна что-нибудь дать новое, общеполитическое»³⁴.

Стороны достигли соглашения о расширении сотрудничества в военнотехнической области и по линии контактов между генеральными штабами, но почти все крупномасштабные предложения советской делегации о совместном производстве тяжелого вооружения и моторов были отклонены³⁵. Очевидно, что политическое руководство Германии, прежде всего Штресеман, не желало подвергать риску главное направление своей международной политики³⁶.

24 апреля 1926 г. между Германией и СССР был подписан Берлинский договор. Представляя собой соглашение о нейтралитете, но не неограниченном, т. е. предполагающем «миролюбивый образ действий» договаривающихся сторон, Берлинский договор имел отнюдь не декларативное значение для Германии и СССР. Он укрепил позиции Германии на международной арене, расширив свободу ее действий, направленную на поэтапную ревизию Версальского мира. После Рапалло Запад постоянно опасался, что за официальным текстом соглашений между Берлином и Москвой может скрываться нечто большее. Одно это уже побуждало делать уступки немецким политикам, независимо от того, насколько реально выступало из-за их спины набиравшее силу тоталитарное государство на Востоке — слишком нежелательной для Европы была даже вероятность сближения Германии и СССР. Эти опасения учитывались и активно использовались германской дипломатией, стремившейся создать «впечатление большей близости с Россией, чем это было на самом деле»³⁷.

В целом новое политическое соглашение с СССР именно буквой, а не духом не вызвало сколько-нибудь серьезного раздражения у западных держав, увидевших в нем не переиздание конфронтационного Рапалльского договора,

а нечто вполне согласующееся с обязательствами по Локарнскому соглашению и по отношению к Лиге Наций. Ведь Берлинский договор не дополнил и не развил, а *de facto* заменил Рапалльский, отразив весь комплекс произошедших перемен на международной арене, прежде всего в политике Германии³⁸.

Оценивая результативность советской внешней политики, необходимо иметь в виду, что ее цели и задачи формулировались не только и даже не столько с учетом реального соотношения сил в мире, наличия потенциальных или конкретных угроз и т. д., сколько под влиянием сложившихся в Кремле стереотипов, экстраполировавших цели и методы классовой борьбы внутри страны на международную арену. Последнее неизбежно обуславливало постановку явно нереальных задач – например, помешать вступлению Германии в Лигу Наций.

С этой точки зрения оценка договора о нейтралитете с Германией как **достижения** советской внешней политики в контексте международного развития лишь в том случае может быть признана корректной, если будет показано, какие **реальные** угрозы безопасности СССР существовали в то время в Европе, уменьшению которых способствовал Берлинский договор; в противном случае следует признать, что интересы безопасности СССР, как их понимало советское руководство, рассматривались исключительно через призму противопоставления одних государств другим, поэтому, подчеркивал Чичерин, «мы настаиваем на отдельных соглашениях с отдельными государствами»³⁹.

Вышесказанное, разумеется, никак не умаляет значения для СССР Берлинского договора как юридически закреплявшего обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии отношений в различных сферах и создававшего для этого определенный политический каркас, а также дополнительно стимулировавшего влиятельные группы интересов в Германии (промышленники, рейхсвер) к расширению сотрудничества с Советским Союзом. Договор, рожденный стремлением Москвы сохранить конфронтацию и противостояние в Европе даже через военный союз двух государств⁴⁰, в итоге в известной мере способствовал ослаблению или, как минимум, зафиксировал реальное ослабление этой конфронтации. Интенсивность усилий советской стороны в этот период, хотя и имевших прежде всего иную направленность, но тем не менее приведших к заключению Берлинского договора, вряд ли может оставить сомнения в том, кто в действительности разыгрывал «русскую карту».

За всю историю Веймарской республики не было другого такого периода, когда германо-советские отношения имели бы столь устойчивую тенденцию к ухудшению, как это наблюдалось в первые четыре года после подписания Берлинского договора. В обобщенном виде причины этого процесса можно

свести к следующему: усиление тоталитарных черт советского режима, с одной стороны, и изменение международной обстановки, связанное с ослаблением Версальской системы и соответственно с укреплением позиций Германии – с другой.

Так, казалось бы, самая лелеемая и тщательно оберегаемая сфера военно-технического сотрудничества подверглась серьезному испытанию в конце 1926–1927 гг. в результате серии разоблачительных публикаций в британской, а затем немецкой печати о «советских гранатах»⁴¹. Причем свою лепту в фактическое замораживание этого сотрудничества в 1927 г. внесла не только немецкая сторона в лице Штреземана, но и советское руководство. Последнее решило отказаться как от совместных с немцами военно-промышленных предприятий, так и от дальнейшей организации военных школ, прервав незавершенные переговоры по этим вопросам. Что же касается уже проводившихся совместных опытных работ в области авиации и аэрохимии, то их было предписано «строго изолировать от армейской жизни и при первой возможности ликвидировать»⁴². Подоплеку столь неожиданно жесткого решения Политбюро (которое пришлось пересмотреть уже спустя полгода) раскрыл полпред СССР в Берлине Н. Н. Крестинский: в основе этого решения, писал он Литвинову, лежали не реальные опасения того, что в Германии возрождаются империалистические настроения, а представление, что она «постепенно входит, по мнению наших военных, в фарватер английской политики»⁴³. Возникшую паузу в военном сотрудничестве удалось прервать только к началу 1928 г., но и после этого в Москве еще не раз возвращались к обсуждению вопроса о целесообразности сотрудничества с немцами в данной сфере⁴⁴, ставя под сомнение его продолжение под самыми различными предлогами⁴⁵.

Спустя некоторое время начался кризис в советско-германских торгово-экономических отношениях. В ходе фабрикации ОГПУ «Шахтинского дела» были арестованы несколько немецких инженеров и техников, работавших по контракту в Советском Союзе. Решение об их аресте было принято Политбюро по предложению Сталина и Молотова⁴⁶, которые пытались использовать судебный процесс над немцами не только во внутривнутриполитических целях, но и для оказания давления на политическую жизнь в Германии. В записке Сталина и Молотова членам Политбюро подчеркивалось, что «дело может принять интереснейший оборот, если организовать соответствующее судебное разбирательство к моменту выборов в Германии»⁴⁷. Немецкая сторона прервала в знак протеста переговоры по экономическим вопросам. Литвинов, находившийся в Берлине, сообщал Сталину и Чичерину о «сильном озлоблении в промышленных кругах» Германии, что, по его мнению, могло иметь «тяг-

чайшие последствия для наших отношений не только с Германией, но и с американским промышленным миром»⁴⁸. Крестинский предлагал Чичерину, «вырвать» «шахтинскую страницу из истории советско-германских отношений»⁴⁹.

Трагифарс под названием «Шахтинское дело» был лишь эпизодом в череде эксцессов набиравшего мощь режима (насильственная коллективизация, антицерковная кампания, притеснения граждан немецкой национальности и т. д.) – все это не могло не оказать влияния, в частности, на германо-советские экономические отношения, которые к середине 1929 г. оказались в кризисе⁵⁰. Несмотря на это, Сталин считал возможным в письме Чичерину обрисовать перспективы их развития в радужных тонах⁵¹. Стремление Штреземана к поэтапной ревизии Версальского мирного договора путем соглашения с западными державами неизбежно должно было трансформировать и германо-советские отношения, при этом министр иностранных дел стремился к сохранению определенного баланса между ориентацией Веймарской республики на Запад и ее восточной политикой⁵².

С лета 1928 г. до весны 1930 г. у власти в Германии находилось коалиционное правительство во главе с социал-демократом Г. Мюллером, что уже по идеологическим причинам не могло способствовать укреплению германо-советских отношений. В этот период события внутренней жизни СССР оказались под более пристальным вниманием Берлина, чем раньше. Не случайно преемник Штреземана на посту министра иностранных дел Ю. Курциус, выступая на заседании правительства 20 февраля 1930 г., вероятно, впервые за всю историю двусторонних отношений, поставил возможность расширения экономического сотрудничества с СССР в зависимость от изменений в его внутренней политике⁵³. В то же время нет оснований считать, как утверждают некоторые историки, что изменения в позиции Берлина к СССР были так или иначе обусловлены уходом из жизни таких знаковых фигур в германо-советских отношениях 20-х годов, как посол Брокдорф-Ранцау и министр иностранных дел Штреземан⁵⁴. Менялся сам внутривнутриполитический ландшафт Веймарской республики, и при выработке ее внешней политики все больше принималась во внимание расстановка сил внутри страны⁵⁵, усиление в ней праворадикальных, националистических и откровенно реваншистских сил и настроений.

Конечно, было бы неправомерно исключительно все сводить к политике Кремля: негативные изменения в германо-советских отношениях, как, впрочем, и перемены в отношениях СССР с другими державами являлись результатом сложного взаимодействия множества внутренних и международных факторов. Но при этом важно не упускать из виду главный из них, который

всегда замалчивала советская историография, признавая лишь на словах тесную связь между внутренней и внешней политикой обоих государств, а именно: характер советского политического режима. В одном из решений Политбюро в те годы был сформулирован «основополагающий» методологическо-директивный подход к оценке германо-советских отношений, как говорится «на все советские времена: «Мы отвергаем официальное обсуждение вопросов, касающихся нашей внутренней политики, хотя бы даже в порядке объяснения ухудшившихся советско-германских отношений»; и далее: «ухудшение может наступить, если к этому германское правительство стремится сознательно в результате изменения своей общей ориентации»⁵⁶.

В основу этого решения Политбюро легли предложения Литвинова, который тем не менее обратил внимание Сталина на то, что «антисоветская травля» в Германии и в других странах началась «в связи с делом Кутепова, антирелигиозной кампанией, раскулачиванием и т. д.». Более того, он не без основания констатировал, что «эта кампания вызвала резкое ухудшение не только советско-германских отношений, но и всего нашего международного положения»⁵⁷.

Возникла в известном смысле парадоксально-тупиковая ситуация: с одной стороны, советское руководство демонстрировало такую степень заинтересованности в поддержании хороших отношений с Германией, что отвергало даже саму мысль о том, что его политика может быть причиной их ухудшения; с другой – объясняло ухудшение этих отношений исключительно изменением внешнеполитической ориентации Берлина. Подпитывая в интересах укрепления тоталитарного режима тезис о перманентно нарастающей военной угрозе, Кремль неизбежно подталкивал свою дипломатию к соответствующим шагам на международной арене, которые уже немецкими политиками могли расматриваться как изменение внешнеполитических приоритетов Москвы.

На эту противоречивость, непоследовательность и в итоге – недальновидность советской внешней политики обращал внимание Чичерин еще в середине 1929 г.: «...все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР, – писал он Сталину, – только портят и подрывают международное положение СССР. <...> Ложная информация из Германии принесет еще несравненно больший вред. <...> ежедневно портить отношения с Германией и врать об ее переориентировке, чтобы дать немножко больше агитационного материала т. Тельману? ‘Ставка на нуль’ – изумительно!»⁵⁸. Однако Сталин не обращал внимания на критику и сарказм номинального главы Наркоминдела, длительное время пребывавшего на лечении за границей. В годы «великого перелома», а точнее, великого насилия над собст-

венным народом, Сталин и его ближайшее окружение больше чем когда-либо ранее нуждалось в образе внешнего врага. Поэтому «Инстанция» (так называлось в конфиденциальной ведомственной переписке высшее советское руководство – Политбюро, а зачастую лично Сталин) была полна решимости любой ценой размахивать пугалом постоянно нарастающей военной угрозы Советскому Союзу⁵⁹, в том числе путем получения с помощью ОГПУ заведомо ложных показаний у арестованных членов «Промпартии» о намечавшейся западными державами интервенции против СССР и ее конкретных сроках⁶⁰. И хотя Германия не принадлежала к числу стран, которые отождествлялись с носителями угрозы безопасности Советскому Союзу⁶¹, вместе с тем серьезные изменения в отношениях между Берлином и державами-победительницами в Первой мировой войне (Локарнские соглашения, прием Германии в Лигу Наций и предоставление ей места постоянного члена Совета Лиги, принятие «плана Юнга» и досрочный вывод войск союзников из Рейнской области), т. е. возвращение Германии в концерт ведущих европейских государств, не могли не тревожить Сталина, делавшего ставку на негативный или конфронтационный мир.

Положение начало постепенно меняться лишь в середине 1930 г. Важным фактором, повлиявшим на улучшение двусторонних отношений в целом, стала отставка коалиционного правительства Г. Мюллера и последовавший за ней очевидный поворот внутренней политики Германии вправо – у власти оказался президиальный кабинет Г. Брюнинга. Позитивный сдвиг в отношениях с Берлином, произошедший именно в этот период, в очередной раз подтвердил правильность вывода К. Радека о том, «советское правительство может хорошо работать с реакционным германским правительством»⁶².

Еще одной, вероятно важнейшей, причиной улучшения отношений явился углублявшийся мировой экономический кризис. Он значительно повысил уровень заинтересованности германских промышленных кругов в расширении торговли с СССР. Многие представители этих кругов не без симпатии относились в тот период к политическому режиму в Советском Союзе, который обеспечил суровую дисциплину на предприятиях и, согласно официальным заявлениям, ликвидировал безработицу, покончил с забастовками и иными формами недовольства, нарушающими производственный цикл. Подобная позиция входила в резкое противоречие с настроениями в социал-демократических, профсоюзных и леволиберальных кругах, осуждавших бесчинства сталинского режима и обрушивших на правительство Брюнинга многочисленные протесты, требуя занять более жесткую позицию в отношении СССР. Однако кабинет Брюнинга явно не был склонен «принести в жертву этим вну-

тригерманским протестам курс на усиленное сотрудничество с Советской Россией»⁶³. И это хорошо понимали в Наркоминделе. В частности, Б. С. Стомоняков отмечал: «Впервые за все 14 лет после революции экономические отношения с Советским Союзом имеют для Германии не только потенциальное и перспективное значение, но и реальную ценность в настоящем»⁶⁴.

Ситуация в годы мирового экономического кризиса в определенном смысле более благоприятствовала двусторонним отношениям, чем в предшествовавшие несколько лет, по ряду причин: достигло пика военно-техническое сотрудничество, продолжались регулярные контакты и обмен опытом командного состава РККА и рейхсвера, увеличивался товарооборот, зафиксировавший самые высокие показатели за весь послевоенный период. Несмотря на далеко не безоблачные отношения между Москвой и Берлином в этот период, обремененные не только внешнеполитическими проблемами (продолжительное нежелание Кремля дать согласие на созыв Согласительной комиссии по урегулированию двусторонних претензий; затягивание правительством Брюнинга ратификации Протокола о продлении Берлинского договора; активизация деятельности КПГ и обвинения СССР в ее поддержке; крайне тяжелое положение германского посольства в Москве, которое в рамках развернутой тотальной шпиономании было «буквально отрезано от общения с внешним миром»⁶⁵, и т. д.), обе стороны акцентировали внимание на важности сохранения военного сотрудничества. Так, на приеме руководителей рейхсвера в полпредстве в Берлине речи министра рейхсвера и советского полпреда были удивительно созвучны. В приветствии Л. М. Хинчука констатировалось: «Выше интересы наших стран требовали делового сотрудничества армий обеих стран», которое «благоприятно развивается далее на благо вооруженных сил обеих стран»⁶⁶. В ответном слове генерал В. Грёнер отметил: «Выше всяких колебаний текущей политики <...> сейчас, как и раньше, наши интересы идентичны, и дружба двух армий, особенно возглавляющих их верхушек, особенно важна, ценна и необходима»⁶⁷. Стоит отметить, что речь шла не только о дипломатических реверансах. На состоявшемся вскоре в Наркомате по военным и морским делам совещании констатировалось: «...наличие в СССР предприятий РВ [рейхсвера] дает нам возможность следить за развитием техники в Германии и на Западе вообще и перенимать то, что полезно для нас. <...> Поэтому в данное время ставить вопрос о ликвидации предприятий несвоевременно»⁶⁸.

Вместе с тем у обеих сторон были порой основания для немалого беспокойства по поводу конкретных шагов партнера по Берлинскому договору и возможного изменения его позиции в недалеком будущем. Настороженная сдержанность советского руководства, вызванная пребыванием у власти

коалиционного правительства Г. Мюллера⁶⁹, сменилась вскоре после его отставки озабоченностью ростом влияния национал-социалистов, превращением НСДАП в один из ведущих политических факторов в стране, т. е. тем процессом, развитию которого объективно способствовала политика Сталина и его окружения, направленная на раскол германского рабочего класса, всех левых сил⁷⁰.

На протяжении 1931 г. возможность отставки кабинета Брюнинга и создания нового правительства с участием национал-социалистов неоднократно и с большой тревогой затрагивалась в советской дипломатической переписке, так как считалось, что «национал-социалисты поставят себе основной задачей разгром коммунистического движения в Германии, что неизбежно отразится на германо-советских отношениях; кроме того, национал-социалисты более, чем какая-либо другая группировка в Германии, склонны рассматривать отношения с СССР как разменную монету, подлежащую ускоренной реализации»⁷¹. В конце 1931 г. возможность участия Гитлера в правительстве стала уже предметом обсуждения между советскими и немецкими дипломатами как нечто вполне реальное. Причем немецкие дипломаты и военные пытались убедить Наркоминдел, что «национал-социалисты ничего не смогут сделать помимо рейхсвера и вопреки рейхсверу», а «рейхсвер не допустит какой-либо перемены политики по отношению СССР»⁷². Трудно сказать, в какой степени это распространенное в официальных немецких кругах представление о роли рейхсвера в политической жизни Германии могло оказать или оказало влияние на взгляды Сталина и его решение начать во многом неожиданную не только для Берлина, но и для Наркоминдела контригру на польском направлении⁷³.

Чем руководствовался Сталин, настаивая на сближении с Польшей в ущерб отношениям с Германией? Здесь можно строить только предположения, ибо документы, которые проливали бы свет на подоплеку этого решения Сталина (если таковые вообще существуют), исследователям до сих пор неизвестны. Не исключено, что и он разделял точку зрения, согласно которой Германия «в нас сейчас больше всего нуждается»⁷⁴, а по сему нет необходимости продолжать танцевать только «на германской ноге»⁷⁵.

В свою очередь, немецкую сторону, конечно, беспокоили переговоры СССР с Францией и особенно с Польшей о заключении договоров о ненападении как свидетельствующие «о полном изменении курса советской внешней политики»⁷⁶, о создании «новой обстановки и при этом прямо противоположной основам рапалльской политики»⁷⁷. Литвинов предвидел подобную реакцию германского правительства на советско-польские переговоры и полагал, что в случае серьезных сдвигов на этом направлении в жертву будут принесены

ны стратегически важные для СССР партнерские отношения с Берлином, что «автоматически влечет за собой со стороны Германии отказ от рапалльской политики и изменение, в сущности, советско-германских политических взаимоотношений»⁷⁸.

В ноябре–декабре 1931 г. Наркоминделу удалось побудить советское руководство предпринять некоторые шаги, чтобы успокоить Берлин. 19 ноября нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов во время беседы с начальником Войскового управления рейхсвера генералом В. Адамом заверил его, что «в переговорах с Францией нет и не может быть ничего, направленного против Германии»⁷⁹. Неделями ранее на обеде в честь Адама Ворошилов недвусмысленно дал понять, что советское руководство полностью осознает «отсутствие внутренней ценности пакта о ненападении с Польшей»⁸⁰. Эта точка зрения особенно была акцентирована в беседе Сталина с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г.: «Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем... Наши дружественные отношения к Германии остаются такими же, какими были до сих пор»⁸¹. Однако это высказывание не произвело впечатления на немецких дипломатов, поскольку «разъяснения, данные “какому-то Людвигу”, не имеют никакого государственного значения»⁸². В подобной оценке, несомненно, содержался определенный резон, так как Сталин уклонился от рекомендованной ему руководством НКВД неофициальной встречи с германским послом Дирксеном, во время его визита к Ворошилову на его кремлевской квартире⁸³. К тому же беседа Сталина с Людвигом была опубликована в СССР только в конце апреля 1932 г., когда, по мнению О. Н. Кена и А. И. Рупасова, Сталин уже «смог убедиться, каким серьезным ударом явились переговоры о гарантийном пакте с Польшей для увядающего германо-советского сотрудничества»⁸⁴.

Очевидно, что Германия своим противостоянием державам-победительницам, своими напряженными отношениями с соседями на востоке Европы длительное время оставалась самым предпочтительным партнером для советского руководства. По мере того как Берлин продвигался по пути ослабления напряженности с западными державами, перед Кремлем встали иные проблемы, обусловленные тактической необходимостью налаживания отношений с потенциальными противниками Германии, что, в свою очередь, должно было осложнить урегулирование спорных вопросов между Берлином и этими странами. При этом обеспечение безопасности СССР неизменно увязывалось в Кремле с перманентным поддержанием определенного уровня противостояния в Европе, что отражало преемственность основополагающих целей советского руководства в условиях менявшейся международной обстановки. Эти

выводы дают основание для предположения, что решение Сталина о сближении с Польшей (вопреки мнению руководства Наркоминдела) относилось к сфере геополитической игры, а не к области его якобы имевших место политических симпатий к Пилсудскому как естественному партнеру СССР и созданному им в Польше политическому режиму в период, когда Сталин уже взял курс «на переход от коллегиального правления Политбюро к личной диктатуре»⁸⁵.

Хотя советско-французский и советско-польский договоры осложнили отношения между Берлином и Москвой, их состояние в последний год существования Веймарской республики все больше зависело от внутривнутриполитических изменений в Германии. При этом отдельные высокопоставленные представители обеих сторон подчеркивали даже на исходе 1932 г. необходимость поддержания сотрудничества на существующем уровне. Последний канцлер Веймарской республики генерал К. фон Шлейхер заявил Литвинову, что «является гарантом сохранения прежних советско-германских отношений, поскольку это зависит [от] Германии. Он, как и весь рейхсвер, иных отношений с нами [СССР] не представляет себе»⁸⁶. Эти слова не были лишь данью дипломатическому протоколу, отражая позицию не только определенной части политических кругов, но и руководства рейхсвера, несомненно, заинтересованных в поддержке СССР германских планов ревизии Версальского договора. Например, замнаркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевский так охарактеризовал прием, оказанный ему и ряду других советских военачальников во время их служебной поездки в Германию осенью 1932 г.: «От верху до низу рейхсверовский генералитет и офицерство подчеркивали особое уважение и дружбу к советским “генералам”»⁸⁷. Более того, министр иностранных дел К. фон Нейрат, выступая во второй половине января 1933 г. на заседании Иностранной комиссии рейхстага заявил «Правительство сожалеет, что в германской общественности не всегда достаточно оценивались германо-советские отношения»⁸⁸.

Не отставали в подчеркивании особой важности советско-германских отношений и высокопоставленные советские государственные деятели, причем характер их высказываний напрямую зависел от аудитории или лиц, которым они были адресованы. Молотов отметил особое место Германии во взаимоотношениях Советского Союза с иностранными государствами, правда, при этом выделив только один, но чрезвычайно важный аспект: «Из всех стран, имеющих с нами дипломатические отношения, с Германией мы имели и имеем наиболее крепкие хозяйственные связи»⁸⁹. Литвинов в доверительной беседе с Нейратом в декабре 1932 г. пошел определенно дальше в оценке зна-

чимости Германии, подчеркнув, по утверждению министра иностранных дел Веймарской республики, что «политика германского правительства в отношении компартии не играет роли в вопросе о германо-советских отношениях»⁹⁰. И это была не только фраза, возможно призванная «умиротворить» Нейрата накануне завершающей стадии трудных переговоров о предоставлении СССР крупного кредита. На протяжении всего 1932 г. советское руководство исходило из необходимости «очень осторожно относиться к немцам и своими действиями по другим вопросам не создавать у них впечатления, что мы в чем-либо изменили свое отношение к Германии <...> мы в неофициальном порядке приняли меры к тому, чтобы радиовещания наших станций на немецком яз. изменили свой характер, не содержали обращений к радиослушателям в Германии и вообще не давали поводов к претензиям со стороны гермпра»⁹¹. Сталин даже дал указание изменить тон публикаций советской прессы в отношении правительства Папена, которое «ругают и поносят». Он считал, что это «фальшивая позиция, рассчитанная на “революционность”, а на деле выгодная для тех, кто добивается разрыва СССР с Германией»⁹².

Таким образом, несмотря на наличие немалых проблем в отношениях между Москвой и Берлином, непосредственная угроза прагматическому характеру двусторонних связей не была напрямую связана с известной коррекцией внешнеполитических ориентиров СССР и Германии. Трансформация отдельных составляющих советско-германских отношений была вполне закономерным следствием изменений на международной арене и соответственно значимости Германии в европейском балансе сил. Завершение мирового экономического кризиса вело к снижению интереса германской экономики к советскому рынку, а декларация, принятая в декабре 1932 г. на совещании пяти держав в Женеве о признании за Германией «равноправия в рамках безопасности, одинаковой для всех стран», подводила черту под необходимостью сохранения и финансирования военно-испытательных объектов на территории СССР⁹³. «Рапальский период» в двусторонних отношениях был полностью исчерпан, поскольку кардинально изменились условия, вызвавшие его к жизни, и руководство обоих государств стояло перед необходимостью в новой международной обстановке найти такие формы сотрудничества Москвы и Берлина, которые основывались бы на объективно сохранявшихся обоюдных интересах.

Качественно новый этап в двусторонних отношениях действительно наступил и притом очень скоро, но совершенно по другим причинам... Приход Гитлера к власти стал вторым по значимости рубежом в германо-советских отношениях после 1917 г.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Borowsky P.* Die “bolschewistische Gefahr” und die Ostpolitik der Volksbeauftragten in der Revolution 1918/19 // *Industrielle Gesellschaft und politisches System. Beiträge zur politischen Sozialgeschichte. Festschrift für F. Fischer zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von D. Stegmann u.a. Bonn, 1978. S. 389–403.

² «Германия физически не в состоянии вкладывать больших капиталов в Россию, – констатировал Литвинов, – а тем более давать нам значительные займы». – Письмо замнаркома по иностранным делам М. М. Литвинова полпреду РСФСР в Великобритании Л. Б. Красину, 9.02.1922 г. – Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 27.

³ Командующий рейхсвером генерал Х. фон Сект еще в декабре 1920 г. в беседе с наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным поднял вопрос об участии немецких специалистов в воссоздании военной промышленности в Советской России, чтобы использовать ее «как кузницу оружия (*Waffenquelle*) для разоруженной Германии в случае столкновения с Антантой» (цит. по: *Zeidler E.* Reichswehr und Rote Armee 1920–1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München, 1993. S. 50).

⁴ О состоянии военной промышленности Советской России в первой половине 1920-х годов подробнее см.: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900–1963: Документы и материалы. Сб. документов / Сост. Т. В. Сорокина и др.; под ред. В. А. Золотарева. М., 2005. Т. 2: Советское военно-промышленное производство (1918–1926 гг.); *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 55–58.

⁵ См.: *Strandmann P. H. v. Rapallo – Strategy in Preventive Diplomacy* // *Germany in the Age of Total War* / Ed. by V. R. Berghahn, M. Kitchen. London; Totowa, 1981. P. 123–146.

⁶ Еще на рубеже 1920–1921 гг. командование рейхсвера было уведомлено о просьбе советской стороны об оказании помощи в реорганизации, оснащении современным вооружением и обучении Красной Армии. Эта информация пока основывается только на немецких источниках (см.: *Müller R.-D.* Das Tor zur Weltmacht: Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard a. Rhein, 1984. S. 97).

⁷ См.: *Zeidler M.* Оп. cit. S. 58.

⁸ В частности, Чичерин в беседе с одним из немногих посвященных с германской стороны политиков – канцлером Й. Виртом попытался использовать уже сам факт наличия широкомасштабных планов военно-экономического сотрудничества между двумя государствами (вне зависимости от его незначительных практических результатов), чтобы убедить собеседника в необходимости развития двусторонних «отношений именно в этом направлении». (Письмо Чичерина в НКВД, 10.04.1922. – АВП РФ.

Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 12). При публикации эта часть письма подвергалась некоторым сокращениям (см.: Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1961. Т. V. Док. 110. С. 203).

⁹ *Schieder Th.* Die Entstehungsgeschichte des Rapallo-Vertrags // *Historische Zeitschrift*, 1967. Bd. 204. H. 3. S. 574.

¹⁰ *Ленин В. И.* Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции // Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 45. С. 193; см. также: *Grieser H.* Die Sowjetpresse über Deutschland in Europa 1922–1932: Revision von Versailles und Papallo-Politik in sowjetischer Sicht. Stuttgart, 1970. S. 19–20.

¹¹ См.: *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern* / Hrsg. von В. Н. Bayerlein. Berlin, 2003. Док. 12, 17, 19, 20, 27, 31, 35; Протокол № 10 (особый № 5) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 14.07.1924. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 8; см. также: *Бабиченко Л. Г.* Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г.: Новые архивные материалы // *Новая и новейшая история*. 1994. № 2. С. 125–157.

¹² *Vorwärts* vom 25.09.1923. Цит. no: *Zarusky J.* Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell: Ideologische Auseinandersetzungen und außenpolitische Konzeptionen 1917–1933. München, 1992. S. 180.

¹³ См. Протокол № 48 заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 24.11.1923. Особая папка. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1. Л. 33.

¹⁴ *Танин М.* Советский Союз и буржуазные государства (обзор) // *Большевик*, 1924. № 1. С. 82.

¹⁵ См.: *Borowsky P.* Sowjetrußland in der Sicht des deutschen Auswärtigen Amtes und der Reichswehrführung 1918–1923 // *Der Westen und die Sowjetunion: Einstellungen und Politik gegenüber der UdSSR in Europa und in den USA seit 1918* / Hrsg. von G. Niedhart. Paderborn, 1983. S. 47–48.

¹⁶ См.: *Deutscher Oktober 1923*.

¹⁷ *G. Stresemann* an den Botschafter Deutschlands in der UdSSR, U. Graf von Brockdorff-Rantzau, am 01.12.1923 // *Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart* / Hrsg. von H. Michaelis, E. Schraepfer. Berlin, o.J. Bd. VI. Dok. 1410. S. 620.

¹⁸ Направляя президенту Ф. Эберту свое представление о задачах германской внешней политики на московском направлении, Брокдорф-Ранцау, незадолго до вступления в должность посла в Москве, следующим образом характеризовал советскую внешнюю политику: «В конечном счете мировая революция остается для советского правительства великой целью, и изменения в его внутренней и внешней политике – лишь тактический маневр». – *Denkschrift des Grafen Brockdorff-Rantzau über die Aufgaben eines Botschafters in Moskau vom 8.07.1922* // *Ibid.* Dok. 1406. S. 596.

¹⁹ Цит. по: *Walsdorf M.* Westorientierung und Ostpolitik: Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971. S. 28.

²⁰ Доклад Чичерина на II сессии ЦИК СССР 2-го созыва, 18.10. 1924 // ДВП СССР. М., 1963. Т. VII. Док. 237. С. 494.

²¹ Подробнее см.: *Link W.* Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland, 1921–1932. Düsseldorf, 1970.

²² См.: Niederschrift eines Gesprächs zwischen Brockdorff-Rantzau und dem NKID-Kollegiumsmitglied V. Kopp am 4.12.1924 // *Walsdorf M.* Op. cit. Dokumenten-Anh. II. Dok. 3. S. 214–216.

²³ Ibid. S. 67–68.

²⁴ Протокол № 42 заседания Политбюро от 24.12.1924. Особая папка. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 52. «Польская проблема» в этом директивном для советской дипломатии документе даже не упоминалась, хотя, как следует из записи беседы Брокдорф-Ранцау с Чичериным 20 декабря, последний отнюдь не возражал против следующей формулировки немецкого дипломата: решение «польской проблемы» может быть найдено совместно Германией и СССР путем «оттеснения Польши» в пределы ее этнографических границ (цит. по: *Walsdorf M.* Op. cit. S. 68).

²⁵ См. Entwurf von Richtlinien für das Führen weiterer politischer Verhandlungen mit Russland am 29.05.1925 // Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922–1925: Vom Rapallovertrag bis zu den Verträgen vom 12. Oktober 1925. Dokumentensammlung. Berlin (Ost), 1978. Hlbbd. 2. Dok. 296. S. 588.

²⁶ См. беседу Литвинова с Брокдорф-Ранцау, 25.08.1925 // Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: Документы и материалы. М., 1977. Ч. II. Док. 354. С. 206.

²⁷ См., например, донесения немецкой полиции о деятельности представителей ИККИ, ОГПУ и советских военных атташе в Германии. – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 772/К. Оп. 1. Д. 9, 14, 85.

²⁸ *Stresemann G.* Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 2. S. 554.

²⁹ Слова статс-секретаря МИД К. фон Шуберга, 23.06.1924 (см.: *Krüger P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar. 2. Aufl. Darmstadt, 1993. S. 268).

³⁰ Niederschrift eines Gesprächs zwischen Stresemann und Litvinov, 13.06.1925 // *Stresemann G.* Op. cit. S. 517.

³¹ См. выступление Чичерина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.07. – 9.08.1927. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. Л. 148.

³² Протокол № 16 заседания Политбюро от 18.03.1926. Особая папка. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 32.

³³ См.: *Горлов С. А.* Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР–Германия). М., 2001. С. 170–171.

³⁴ Письмо Чичерина полпреду СССР в Германии Н. Н. Крестинскому, 12.03.1926. Цит. по: Там же. С. 170.

³⁵ См.: Советско-германское военное сотрудничество в 1920–1933 годах / Публ. А. Горлова // *Международная жизнь*. 1990. № 6. С. 112–115; *Zeidler M.* Op. cit. S. 135–136; *Горлов С. А.* Указ. соч. С. 176–177.

³⁶ См.: Schreiben Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes K. von Schubert an Brockdorff-Rantzau vom 3.04.1926 // *Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945 (ADAP): Ser. B: 1925–1933. Göttingen, 1966–1983. Bd. II, 1. Dok. 102. S. 261.*

³⁷ См. Entwurf eines Schreibens von Brockdorff-Rantzau an den Präsidenten der Weimarer Republik, P. von Hindenburg, vom 8.07.1926 // *ADAP. Ser. B. Bd. II, 2. Dok. 41. S. 99.*

³⁸ См. выступление канцлера В. Маркса в рейхстаге 10 июня 1926 г. // *Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Berlin, 1927. Bd. 390. S. 7435.*

³⁹ Докладная записка Чичерина в Политбюро ЦК ВКП(б), 26.02.1926. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 19. Д. 79. Л. 2.

⁴⁰ См. Niederschrift eines Gesprächs zwischen Brockdorff-Rantzau und dem Vorsitzenden des Rates der Volkskommissare der UdSSR (SNK), A.I. Rykov, am 24.02.1925 // *Walsdorf M.* Op. cit. Dokumenten-Anh. II. Dok. 7. S. 224.

⁴¹ См. подробнее: *Zarusky J.* Op. cit. S. 198–208; *Zeidler M.* Op. cit. S. 143–153; *Горлов С. А.* Указ. соч. С. 186–199.

⁴² См.: протокол № 78 заседания Политбюро от 13.01.1927. Особая папка – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 45.

⁴³ Письмо Крестинского Литвинову, 18.01.1927 // Советско-германское военное сотрудничество. С. 117.

⁴⁴ Решением Политбюро в 1928 г. была создана комиссия по вопросу о сотрудничестве между Красной Армией и рейхсвером, от результатов работы которой зависело, «будет ли продолжаться существующее ныне сотрудничество». См.: Письмо Крестинского Сталину, 28.12.1928 // Цит. по: *Ахтамзян А. А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. (по новым документам) // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5. С. 17.

⁴⁵ Полпред Крестинский, всегда придававший большое значение кооперации с Веймарской республикой в военной области, постоянно обращал внимание и руководства Наркоминдела и Сталина на ту важную роль, которую это сотрудничество играло в превращении РККА в современную армию, что, по всей видимости, не всегда было очевидно для руководства наркомата по военным и морским делам. См.: Советско-германское военное сотрудничество. Док. 4, 5. С. 117–121.

⁴⁶ Протокол № 14 заседания Политбюро от 8.03.1928 (решение было принято опросом членов Политбюро 5 марта). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 37; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов пар-

тийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003. Док. 174. С. 147.

⁴⁷ Цит. по: *Мозохин О., Гладков Т.* Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М., 2005. С. 280.

⁴⁸ Телеграмма Литвинова Сталину и Чичерину, 13.03.1928 // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Док. 176. С. 152.

⁴⁹ См записку Чичерина членам Политбюро ЦК ВКП(б), коллегии НКВД и председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому, 18.07.1928 // Там же. Док. 194. С. 175.

⁵⁰ См.: *Niemann H.-W.* Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen von 1922 bis 1941 // *Deutschland und das bolschewistische Rußland von Brest-Litowsk bis 1941.* Berlin, 1991. S. 99.

⁵¹ Письмо Сталина Чичерину, 31.05.1929 // Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А. В. Квашонкин и др. М., 1999. Док. 39. С. 74.

⁵² *Michalka W.* Deutsche Außenpolitik 1920–1933 // *Die Weimarer Republik 1918–1933: Politik-Wirtschaft-Gesellschaft* / Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke H.-A. Jacobsen. Bonn, 1988. S. 318.

⁵³ ADAP. Ser. B. Bd. XIV. Dok. 117. S. 269.

⁵⁴ См.: *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им?: Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 223.

⁵⁵ См.: *Krüger P.* Op. cit. S. 512–516.

⁵⁶ См.: протокол № 126 заседания Политбюро от 15.05.1930. Особая папка. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 151; опубли. также: Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939 / Редкол.: Г. Адибеков и др. М., 2001. Док. 130. С. 223.

⁵⁷ Записка Литвинова Сталину, 13.05.1930. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 10. П. 62. Д. 60. Л. 8–12; опубли. также: Дух Рапалло: Советско-германские отношения 1925–1933 / Редкол.: Г. Н. Севостьянов и др. Екатеринбург; М., 1997. Док. 92. С. 193–195.

⁵⁸ Письмо Чичерина Сталину, 20.06.1929 // Советское руководство. Переписка. Док. 41. С. 77–78.

⁵⁹ *Knoll V.* Das Volkskommissariat für Auswärtige Angelegenheiten im Prozess aussenpolitischer Entscheidungsfindung in den zwanziger und dreissiger Jahren // *Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik 1917–1941* / Hrsg. von L. Thomas, V. Knoll. Stuttgart, 2000. S. 130. Подробнее о происхождении и функциональной роли тезиса «непосредственной военной угрозы» СССР см.: *Нежинский Л. Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов // *История СССР.* 1990. № 6. С. 14–30; *Он же.* В интересах народа или вопреки им? С. 243–246, 256–264.

⁶⁰ См. инструктивное письмо Сталина председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому о направлениях будущих показаний членов Трудовой крестьянской партии и Промпартии, октябрь 1930 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Док. 244. С. 256–257.

⁶¹ Об установках советского руководства на проблему внешней угрозы страны и их функциональной роли см.: Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 320–334.

⁶² Цит. по: Zeidler M. Op. cit. S. 85.

⁶³ См.: Erdmann K.-D., Grieser H. Die deutsch-sowjetischen Beziehungen in der Weimarer Republik als Problem der deutschen Innenpolitik // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. (1975). 26. H. 7. S. 422–423.

⁶⁴ Письмо члена коллегии НКВД Б. С. Стомонякова наркому по иностранным делам М. М. Литвинову, 19.09.1931 // Дух Рапалло. Док. 114. С. 229.

⁶⁵ См. записку Литвинова Сталину, 26.01.1930. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 10. П. 62. Д. 60. Л. 1–2.

⁶⁶ Речь полпреда СССР в Германии Л. М. Хинчука на приеме руководителей рейхсвера в Берлине 19.01.1931 // Дух Рапалло. Док. 100. С. 210.

⁶⁷ Запись беседы Хинчука с руководителями рейхсвера в Берлине 19.01.1931 // Там же. Док. 99. С. 209.

⁶⁸ Протокол совещания в Наркомате Обороны [так в публикации. – С. С.] по вопросу о предприятиях рейхсвера, 3.03.1931 // Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России 1925–1931 / Сост. К. фон Йена, Н. Е. Елисеева. М., 1995. Док. 10. С. 126.

⁶⁹ См.: Протокол № 29 заседания Политбюро от 14.06.1928. Особая папка. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 104.

⁷⁰ Подробнее см.: Niclauss E. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Bonn, 1966; Weingartner Th. Stalin und der Aufstieg Hitlers: Die Deutschlandpolitik der Sowjetunion und die kommunistische Internationale 1929–1934. Berlin, 1970; Гинцберг Л. И. Сталин и КПГ в преддверии гитлеровской диктатуры // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 21–40; Zarusky J. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell: Ideologische Auseinandersetzung und außenpolitische Konzeptionen 1917–1933. München, 1992; «Политсекретариат ИККИ требует»: Документы Коминтерна и компартии Германии, 1930–1934 / Публ. Л. И. Гинцберга // Исторический архив. 1994. № 1. С. 148–174; Коминтерн против фашизма. Документы / Под ред. Н.П. Комоловой. М., 1999.

⁷¹ Письмо зав. бюро печати полпредства в Германии Д. Г. Штерна замнаркома по иностранным делам Н. Н. Крестинскому, середина июля 1931 г. – АВП РФ. Ф. 082. Оп. 14. П. 62. Д. 2. Л. 187об.

⁷² Запись беседы заведующего 2-м Западным отделом НКВД Б. Е. Штейна с советником германского посольства в Москве Ф. фон Твардовским, 12.12.1931. – Там же. Л. 367.

⁷³ См. письма Сталина Л. М. Кагановичу, 30.08, 7.09.1931 // Сталин и Каганович: Переписка 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2001. Док. 35. С. 71; Док. 48. С. 88–89. Подробнее см.: *Кен О. Н.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003. С. 44–61, 64–65.

⁷⁴ Письмо Кагановича Сталину, 11.09.1931 // Сталин и Каганович. Док. 55. С. 94.

⁷⁵ Письмо Кагановича Сталину, 16.09.1931 // Там же. Док. 64. С. 107.

⁷⁶ Запись беседы Штейна с фон Твардовским, 12.12.1931. – АВП РФ. Ф. 082. Оп. 14. П. 62. Д. 2. Л. 365.

⁷⁷ Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии С. С. Александровского с заведующим IV Отделом МИД Германии министерств-директором Р. Майером, 4.1.1932. Цит. по: *Кен О. Н.* Москва и пакт о ненападении с Польшей. С. 89.

⁷⁸ Записка Литвинова Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.09.1931. Цит. по: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 – июнь 1934. С. 262.

⁷⁹ Запись беседы Ворошилова с Адамом, 19.11.1931. Цит. по: *Дьяков Ю. Л., Бушueva Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 125.

⁸⁰ Schreiben des deutschen Botschafters in Moskau H. von Dirksen an den Staatssekretär des Auswärtigen Amtes B. von Bülow vom 17.11.1931 // ADAP. Ser. B. Bd. XIX. Dok. 65. S. 144.

⁸¹ *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 117.

⁸² Запись беседы Александровского с Майером, 4.1.1932. Цит. по: *Кен О. Н.* Москва и пакт о ненападении с Польшей. С. 89.

⁸³ Записка Крестинского Сталину, 10.11.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 75. Д. 43. Л. 60.

⁸⁴ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Указ. соч. С. 551.

⁸⁵ *Кен О. Н.* Москва и пакт о ненападении с Польшей. С. 110–111.

⁸⁶ Телеграмма Литвинова [из Берлина] в НКВД, 20.12.1932 // *Дух Рапалло.* Док. 145. С. 273.

⁸⁷ Доклад замнаркома по военным и морским делам и начальника Вооружений РККА М. Н. Тухачевского, направленный наркому по военным и морским делам и председателю РВС К. Е. Ворошилову 14.10.1932. – РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 235.

Л. 54.

⁸⁸ Запись заседания Иностранной комиссии рейхстага 20, 21 января 1933 г. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 13.

⁸⁹ Из доклада председателя СНК СССР В. М. Молотова на III сессии Центрального Исполнительного Комитета СССР 6-го созыва, 23.01. 1933 // ДВП СССР. М., 1970. Док. 22. С. 50.

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 91. Д. 28. Л. 16.

⁹¹ Письмо Крестинского Хинчуку, 14.02.1932. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 13. П. 83. Д. 33. Л. 5–6.

⁹² Шифртелеграмма Сталина Кагановичу, 5.06.1932 // Сталин и Каганович. Док. 98. С. 140.

⁹³ 11 января 1933 г. неофициальный военный атташе Германии в СССР полковник Э. Кёстринг довел до сведения начальника Штаба РККА А. И. Егорова, что командующий сухопутными войсками генерал К. фон Хаммерштайн-Экворт намерен прекратить подготовку немецких пилотов в липецкой летной школе осенью 1933 г. См.: Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Указ. соч. С. 173.

Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны*

Для Югославии период начальных полутора с небольшим лет Второй мировой войны, с сентября 1939 г., когда война разразилась, до захвата этой страны в апреле 1941 г. гитлеровской Германией вместе с другими участниками «оси» (Италией, Венгрией, Болгарией), был наполнен крайне серьезными общественными противоречиями и, что стало особенно важно, обострением вопроса об изменении самой модели югославского многонационального и мультиконфессионального государства. В обстановке все ширившегося на международной арене военного пожара эти нараставшие явления на внутриполитической сцене способствовали в итоге возникновению во многом кризисного состояния государства в момент, когда оно оказалось перед лицом нападения внешнего врага.

Весьма острая напряженность в югославском обществе была его характерной чертой почти все время начиная с образования Югославии в 1918 г. Охватывая как политическую, так и социально-экономическую сферы и даже сферу духовной культуры, эта напряженность в условиях многонационального государства особенно выплескивалась в область межэтнических отношений. В частности, на протяжении двух десятилетий существования Югославии, предшествовавших Второй мировой войне, в сложном сплетении внутриюгославских противоречий периодически чуть ли ни центральное место занимала проблема хорватских национальных устремлений и связанных с ними сербско-хорватских взаимоотношений. Это место она занимала и тогда, когда война разразилась.

В течение упомянутых двадцати лет хорватский этнос, после сербов второй по численности в стране, составлявший около четверти ее населения, развивался под знаком сильнейшего национального движения. Оно противостоя-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

ло созданной централистско-унитаристской модели югославского государства с сербским доминированием во власти. Основным средоточием движения являлась Хорватская крестьянская партия (ХСС), возникшая еще в начале XX века, когда Хорватия была частью Австро-Венгрии, и ставшая после образования Югославии самой массовой и влиятельной политической силой хорватского общества. В разные периоды довоенного югославского двадцатилетия руководство ХСС, возглавлявшееся до 1928 г. Степаном Радичем, а затем, после его гибели от пули сербского экстремиста, Владко Мачеком, колебалось между автономистской и сепаратистской ориентациями. В рядах партии и среди массы ее приверженцев были сторонники как одной, так и другой цели. Наряду с ХСС, в хорватском национальном движении выступали также группировки исключительно сепаратистской направленности, а из них наибольшую известность приобрела действовавшая нелегально организация усташей, оформившаяся в начале 1930-х годов и занимавшая радикальные позиции. Она прибегала к вооруженным и террористическим акциям против сербско-югославских властей, в том числе играла главную роль в подготовке покушения на короля Югославии Александра Карагеоргиевича, убитого в октябре 1934 г. в Марселе. Усташский центр, руководимый Анте Павеличем, и преобладающая часть активистов и боевиков находились в эмиграции, в основном в Италии, где им покровительствовал фашистский режим Муссолини, рассчитывавший на их использование в своих притязаниях на югославские территории, прежде всего на Далмацию. В период, последовавший за марсельским покушением, возможности усташской активности оказались значительно сужены международной реакцией на убийство и различными репрессивными и внешнеполитическими мерами югославских властей во главе с принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем, ставшим после гибели короля Александра фактическим правителем государства при малолетнем наследнике престола. Но в целом хорватское национальное движение и непосредственно ХСС как его основной носитель оставались факторами, без какого-то урегулирования с которыми регентский режим был не в состоянии найти более или менее устойчивый выход из почти перманентной внутриюгославской напряженности, в огромной мере связанной с хорватской проблемой и периодически угрожавшей кризисом. Тем более что с середины 1930-х годов происходит заметное усиление роли ХСС на общегославской политической сцене. Ибо в добавление к возникшей еще за десятилетие до этого коалиции — она называлась Крестьянско-демократической — между ХСС и Независимой демократической партией (СДС), действовавшей среди пречанских сербов¹, образуется альянс ХСС, как и упомянутой коалиции в целом, с рядом значи-

тельных партий в Сербии, выступавших в качестве участников Объединенной оппозиции оппонентами тогдашнего правительственного лагеря. На парламентских выборах 1935 и 1938 гг. Мачек возглавлял избирательный список всего этого широкого альянса, обладавшего очень значительной массовой базой. В такой обстановке постепенно предпринимаются зондажи и попытки контакта официального Белграда с руководством ХСС на предмет достижения договоренности. Однако более активные переговоры между ними начинаются лишь с весны 1939 г.²

В ходе переговоров каждая из сторон пыталась добиться договоренности на собственных условиях, прибегая к различным комбинациям с целью оказать давление на партнера, и это временами осложняло ситуацию, вело к обострению отношений. Но Павла Карагеоргиевича серьезно подгонял быстро развивавшийся в Европе после Мюнхена, особенно с ликвидацией Гитлером Чехословакии в марте 1939 г., международно-политический кризис, все с большей очевидностью грозивший перерасти в войну. Такая перспектива неслла в себе нараставшее усиление внешней опасности для Югославии. Пример Чехословакии, против которой нацистский агрессор использовал ее внутренние межэтнические сложности, служил более чем наглядной демонстрацией того, какой угрозой в условиях ожидавшейся вспышки военного пожара чревата для югославского государства многолетняя острота хорватской проблемы. Впрочем, и лидер ХСС в обстановке предвоенной тревоги, растущей на европейской сцене, предпочитал побыстрее решить хорватскую проблему путем приемлемой договоренности с Белградом. В итоге переговоры привели к заключению соглашения, преданного гласности 26 августа 1939 г. Его подписали Драгиша Цветкович, премьер-министр Югославии, и Владко Мачек в качестве председателя ХСС и одновременно председателя Крестьянско-демократической коалиции³.

Соглашением и соответствующим ему регентским распоряжением, опубликованным также 26 августа 1939 г., предусматривалось создание автономной Хорватии в составе югославского государства. До того момента Югославия делилась на девять крупных административных регионов – бановин, и границы между ними намеренно были проведены таким образом, что почти все эти регионы не совпадали с этническими территориями либо традиционно-историческими землями. Вопреки такой системе, образование бановины Хорватия базировалось на этническом начале, и этот принцип был тем самым признан высшими властями как основание для автономии. В ней законодательная власть в рамках компетенции бановины принадлежала совместно королю и выборному представительному органу бановины – Сабору, т. е. региональному парла-

менту. А бановинскую администрацию возглавлял бан, назначаемый королем, но ответственный и перед Сабором. В компетенцию бановины Хорватия передавались большая доля экономического регулирования и контроля, вопросы социальной политики и здравоохранения, просвещения, юстиции и внутреннего управления за исключением тех, которые относились к установлению общих принципов и правил функционирования этих сфер во всей Югославии. Новоучрежденная бановина получила право на самостоятельный сбор части налогов и формирование собственного бюджета⁴.

Независимо от оценки того, сколь значительной с точки зрения полученной компетенции была подобная автономия, ее созданием открывался вопрос о возможных перспективах предоставления сходного статуса и для других этнических или традиционно-исторических частей Югославии, по крайней мере, для еще двух официально фигурировавших, как и хорваты, этнических категорий ее населения – сербов и словенцев. Но на сей счет в соглашении Цветковича – Мачека содержалась лишь более чем осторожная и весьма туманная формулировка о том, что «совместное правительство» Югославии, т. е. правительство, в котором, наряду с другими, будут участвовать ХСС и находившаяся в коалиции с ней СДС, «подготовит все, что нужно для переустройства государственного сообщества». Ни каких-либо сроков, ни характера и принципов этого переустройства не обозначалось. Указывалось только, что при его проведении станет возможным окончательно определить границы территории бановины Хорватия. Пока же бановина учреждалась во временно установленных границах⁵.

Такой образ действий был обусловлен тем, что хотя принц-регент Павел и его ближайший круг уже пришли к осознанию необходимости государственного переустройства Югославии и, в сущности, частично начали его на практике созданием хорватской автономии, однако к тому моменту у них еще не было ни полной решимости, ни достаточного предварительного времени на подготовку, чтобы одновременно приступить и к переменам в общегославском масштабе. Было очевидно, что переустройство, охватывающее страну целиком, не может не быть еще более сложным и болезненным, чем то частичное, которое ограничивалось только образованием бановины Хорватия. Между тем уже переговоры по хорватской проблеме оказались сопряжены с чрезвычайными трудностями. Это было вызвано противоречиями сторон как по поводу объема прав, получаемых автономной бановиной, разграничения полномочий между нею и центральными югославскими (по сути, сербско-югославскими) властями, так в не меньшей степени и по поводу того, какие территории следует включить в состав учреждаемой автономии. Вопрос о терри-

ториях был объективно очень сложен. Ибо стремление руководства ХСС к тому, чтобы пределы новоучрежденной бановины охватили максимум хорватов, сталкивалось с югославской реальностью компактного проживания значительной части хорватского народа в этнически смешанных районах, где наряду с ним обитало, тоже компактной массой, население иной этнической принадлежности. В самой историческо-традиционной Хорватии имелось большое сербское население. А дело усугублялось еще тем, что крупный хорватский этнический массив существовал и на некоторых сопредельных с Хорватией землях, особенно в Боснии и Герцеговине. Там хорваты во многих случаях жили опять-таки на этнически смешанных территориях, населенных также сербами и/или мусульманами⁶. Соответственно, хорватские устремления к включению в бановину Хорватия тех либо иных районов с национально неоднородным населением нередко противоречили интересам других этнических групп, в том числе, что было особенно существенно, и сербов.

В этих условиях Павел и ведущий с его санкции переговоры Цветкович предпочитали не общегославское, а пока что максимально ограниченное решение, направленное только на самое необходимое урегулирование хорватской проблемы. А Мачек, со своей стороны, был прежде всего заинтересован добиться именно решения, касавшегося Хорватии. И само решение носило в сложившихся обстоятельствах во многом компромиссный характер как по поводу полномочий, которыми наделялась новая бановина, так и по поводу включаемой в нее территории. В итоге лидеру ХСС удалось добиться включения в бановину Хорватия ряда районов, в том числе в Боснии и Герцеговине, где было значительное сербское и мусульманское население⁷. Но при этом в соглашении, которое он подписал с Цветковичем, оговаривалось: когда при переустройстве государства будет окончательно определяться территория бановины Хорватия, в некоторых из присоединенных к ней местностей в Боснии и Герцеговине, в пограничье Славонии и Срема, в районе Дубровника изымут из ее состава общины и деревни, в которых хорваты не составляют большинства⁸.

В результате соглашения Цветковича — Мачека и регентского распоряжения о создании бановины Хорватия было образовано новое югославское правительство во главе с тем же Цветковичем, в которое вошли и представители ХСС, а также ее союзницы СДС. Мачек занял пост вице-премьера. Были распущены Народная скупщина и Сенат, имелось в виду, что будут проведены новые парламентские выборы, как общегославские, так и в Сабор Хорватии.

Несколько дней спустя началась Вторая мировая война. Правящий режим был крайне озабочен тем, чтобы отвести от страны возможную угрозу затя-

гивания в военный водоворот. Уже 4 сентября 1939 г. правительство Цветковича – Мачека поспешило выступить с заявлением о нейтралитете Югославии. В заявлении говорилось, что страна будет оставаться нейтральной в связи со всеми столкновениями, «в которых не затрагиваются ее независимость и целостность»⁹. В активных дипломатических контактах с обеими воюющими сторонами – Германией и англо-французской коалицией – официальные югославские представители заверяли каждую в стремлении Белграда поддерживать с ней самые тесные связи. Но это отнюдь не было обусловлено одинаковым отношением к державам, вступившим в войну. Стремительный нацистский захват Польши, так и не получившей реальной военной поддержки со стороны Англии и Франции несмотря на их гарантии, оказал мощное воздействие демонстрационного эффекта: те, кто стоял во главе Югославии не могли не прикидывать эту ситуацию на случай, если бы вдруг объектом германского удара оказалась собственная страна. Они видели несопоставимость югославского оборонного потенциала с многократно превосходившей его мощью гитлеровской военной машины. И это являлось фактором, способным еще больше укреплять их в убеждении о крайне настоятельной необходимости поддерживать с Берлином как можно более тесные отношения, выказывать ему свою лояльность и желание активной взаимной связи. В следовании такой линии Павел и руководящие фигуры правительства, включая и Мачека, усматривали один из немногих тогда шансов, если ни почти единственный, удержать Гитлера от антиюгославских действий и «пересидеть» трудные времена в ожидании, когда на европейской и мировой сцене сложится в итоге ситуация, более благоприятная и безопасная для Югославии. В отличие от вынужденной связи с Германией, отношение упомянутых югославских деятелей к англо-французской коалиции было иным. Именно ей они симпатизировали в начавшейся войне. И свои расчеты на послевоенное будущее Югославии, на ее безопасность связывали с тем, что победу, в конечном счете, одержат Англия и Франция при поддержке США. Политика внешнеполитического лавирования и в том числе определенного заигрывания с Гитлером была рассчитана на то, чтобы удержаться в позиции нейтралитета и одновременно сохранять связь с западными союзниками, по возможности не слишком внешне акцентируемую, а когда позволит обстановка, присоединиться к ним¹⁰.

В таких внешнеполитических условиях важнейшей задачей внутри страны было для югославской правящей верхушки максимальное поддержание стабильности, недопущение сколько-нибудь заметных потрясений и конфликтов. И чрезвычайно важная роль в этом отводилась сохранению и осуществлению соглашения Цветковича – Мачека.

Первые полтора с небольшим года войны, в течение которых еще продолжала существовать Югославия, явились как раз временем реализации соглашения, практических мер по организации механизма автономии, предусмотренной для бановины Хорватия. 9 сентября 1939 г. по предложению назначенного баном деятеля ХСС Ивана Шубашича и под воздействием Мачека регентство приняло постановление об устройстве власти в бановине. Постановление определяло структуру и полномочия органов автономной хорватской администрации, порядок назначения на должности в ней, решало ряд вопросов, касавшихся ее функционирования, в том числе в связи с включением в бановину Хорватия территорий, находившихся до того в составе разных бановин. За этим последовал ряд конкретных постановлений как самой банской власти, так и югославского правительства относительно образования различных учреждений бановины, их взаимодействия и разграничения полномочий с общегосударственными структурами, о мерах в разных областях управления бановиной, в ее экономической, социальной, культурной жизни, здравоохранении, юстиции и т. д.¹¹

Происходили многочисленные кадровые назначения. Возглавлявшееся Мачеком руководство ХСС, в руки которого, по сути, перешла основная власть в бановине Хорватия, стремилось, елико возможно, поставить везде своих людей. Здесь играли роль не только политические устремления ХСС, и в частности ее верхушки. Сказывалась и принятая во всей Югославии в период между двумя мировыми войнами обычная практика, когда та или иная политическая либо выступавшая в качестве таковой группировка, получив власть на общегосударственном, ведомственном или местном уровне, раздавала затем в подчиненном ей аппарате не только соответствующие репрезентативные посты, но и просто чиновничьи места и даже должности довольно мелких служащих своим активистам и сторонникам. Расставляя свои кадры, ХСС лишь частично допускала в аппарат власти бановины некоторое число выдвиженцев от своего младшего партнера – СДС, которая представляла в Крестьянско-демократической коалиции интересы сербского населения бановины. Когда СДС хотела, чтобы заместителем бана назначили ее представителя, а премьер Цветкович был за назначение серба, но сторонника своей партии Югославское радикальное объединение, Мачек выступил против позиции Цветковича, однако и не поддержал СДС. В результате заместителем бана стал представитель ХСС. Лишь в феврале 1941 г., при изменившихся обстоятельствах, на этот пост был назначен деятель СДС¹².

В целом у Павла и Цветковича с Мачеком, у югославского правительства с администрацией хорватского бана установились на практике отношения бо-

лее или менее приемлемого взаимодействия и партнерства. В процессе реального функционирования автономии возникали и противоречия либо некоторые сложные вопросы. Например, касавшиеся финансовых взаимоотношений между администрацией бановины Хорватия и центральными белградскими властями¹³. Но это, как правило, тем либо иным образом регулировалось. Характерен пример особенно острой ситуации, сложившейся к середине сентября 1939 г. в связи с проводившейся тогда в Югославии мобилизацией. Распространявшиеся слухи, будто мобилизованных пошлют воевать в Польшу и Францию, и реквизиция у крестьян тяглового скота, проводившаяся военным командованием без нужной компенсации, вызвали среди хорватского населения бановины заметный всплеск антимобилизационных выступлений. Руководство ХСС, лично Мачек, старавшиеся прекратить эти выступления, поставили перед министром армии и флота генералом Миланом Недичем вопрос о необходимости компенсации за реквизицию. И хотя вначале министр был против, в итоге он выразил согласие¹⁴. Ни в исследованных до сих пор источниках, ни в историографии нет данных о сколько-нибудь серьезных конфликтах между верхами бановины и ХСС, с одной стороны, и сербской верхушкой центральных югославских властей – с другой. Тем более о конфликтах, которые бы могли поставить под вопрос сотрудничество, базировавшееся на августовском соглашении 1939 г.

Однако с точки зрения того, как в первые полтора года войны соглашение Цветковича – Мачека и практическое создание хорватской автономии повлияли на положение Югославии в целом, общий результат был очень противоречив.

С образованием автономии Хорватия в преобладающей мере перестала быть таким опасным фактором крайне враждебного противостояния правящему режиму, а тем самым и реально функционировавшему югославскому государству, каким она являлась на протяжении большей части предшествовавшего периода существования Югославии. ХСС как организованная национально-политическая сила, за которой шло подавляющее большинство хорватов, на деле превратилась из противника в одну из важных опор существовавшей государственной власти. Ведущие деятели ХСС вошли в югославскую правящую верхушку, поддерживая проводимую под руководством Павла Карагеоргиевича политику и участвуя в ней. Эти результаты имели для положения Югославии стабилизирующее и консолидирующее значение, особенно важное в тогдашних условиях войны в Европе и постоянной угрозы стране извне, причем прежде всего от Италии с ее претензиями как раз на Хорватию.

Правда, в ответ на соглашение Цветковича – Мачека, которое носители хорватского радикал-сепаратизма расценили как предательство со стороны Мачека и руководства ХСС, последовал всплеск усташских усилий по дискредитации соглашения, инициированию противостояния ему, по дестабилизации обстановки в Хорватии и расширению собственного влияния. В течение 1939–1940 гг. усташскими активистами, примерно две сотни которых различными путями возвратились в Югославию из итальянской эмиграции главным образом в 1938 – начале 1939 г., и их сторонниками, жившими в стране, была предпринята кампания по пропаганде своих идей и обличению не только, как прежде, «белградского режима», но теперь уже в не меньшей степени и Мачека с его сподвижниками. Кампания велась путем распространения листовок, через некоторые легальные издания, организацию культурных и историко-мемориальных мероприятий. Это дополнялось отдельными террористическими актами в Загребе – демонстративными взрывами в общественных местах, а позже и в местах проживания Мачека, некоторых других руководящих деятелей ХСС. Однако в отличие от предшествующего периода, когда борьба с экстремистским сепаратизмом велась «белградским режимом», на сей раз такая задача стала уделом самой ХСС и находившегося в ее руках аппарата управления автономной бановины. Властям бановины, которые вначале старались воздерживаться от репрессий в отношении радикальных националистов и даже пытались некоторых из них, прежде всего из числа известных интеллигентов, перетянуть с позиции экстремизма на позицию сотрудничества с ХСС и банской администрацией, в итоге пришлось, особенно после террористических актов, прибегнуть не только к жесткому пропагандистскому контрнаступлению, но и к прямым мерам преследования и подавления: арестам, запрещению печатных изданий, закрытию легальных организаций, служивших крышей усташам¹⁵.

Вместе с тем как самим созданием бановины Хорватия, так и обозначением перспективы общего переустройства Югославии в федеративное государство, состоящее из автономий на основе этнического принципа, соглашение Цветковича–Мачека явилось ключом, открывшим своеобразный «ящик Пандоры». Ибо, с одной стороны, оно резко актуализировало, а вследствие этого сильно обострило в югославской общественно-политической жизни и без того постоянно присутствовавшее в ней противоречие между сторонниками центристской и федералистской ориентаций. А с другой стороны, стремительно разожгло и так никогда не потухавшие до конца страсти по поводу этнической принадлежности тех или иных территорий, особенно многих регионов со смешанным по национальному или этноконфессиональному составу населением.

Одно и другое переплелось в неразрывный клубок в той ожесточенной публичной полемике, которая развернулась в югославских средствах массовой информации, в выступлениях политиков и общественных деятелей вокруг заключенного соглашения и проблем, касавшихся его реализации.

Наиболее резкой критике соглашение Цветковича–Мачека подверглось со стороны значительного круга сербских общественно-политических сил. Из действовавших партий там оказались весьма разные по своей политической физиономии и идейной ориентации. С одной стороны, среди них были такие прежние столпы Объединенной оппозиции, до того сотрудничавшие с ХСС, но отказавшиеся поддержать Мачека в его договоренности с официальным Белградом, как Демократическая и Народная радикальная партии, хотя отдельные деятели радикалов заняли позицию в пользу соглашения и даже вошли в правительство Цветковича–Мачека. С другой стороны, в том же круге противников соглашения были создававшиеся в свое время правящим режимом верхушечные партии двух прежних «сильных личностей» – премьеров, лишенных власти: Югославская национальная партия генерала Петра Живковича (однако ее словенская и боснийская части поддерживали соглашение) и группа сторонников Милана Стоядиновича, предшественника Цветковича, оформившаяся как Сербская радикальная партия. Но еще более активно, чем перечисленные партии, против соглашения выступил Сербский культурный клуб (СКК), возникший в 1937 г. как объединение сербской «национально ориентированной» интеллектуальной и отчасти чиновной элиты. В период, последовавший за подписанием соглашения Цветковича–Мачека и образованием бановины Хорватия, СКК окончательно превратился, по существу, в политическую организацию. Наряду с СКК в Белграде, была в ряде городов Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Македонии и населенных сербами районов Хорватии создана сеть его филиалов (подкомитетов). Через эту организационную структуру, через свою газету «Српски глас», ставшую выходить с середины ноября 1939 г., и другие издания, через различные культурные и научные учреждения, где его деятели играли видную роль, СКК развернул широкую пропагандистскую активность под лозунгами «Сербы, соберитесь вместе!» и «Сильное сербство – сильная Югославия!», претендуя на роль надпартийного идеолога и выразителя сербских национальных интересов¹⁶.

Хотя среди всего этого круга сербских партийных и внепартийных противников соглашения Цветковича–Мачека было немало фактических приверженцев того или иного облика централизма, однако в условиях, когда соглашение и образование бановины Хорватия уже стали совершившимся фактом, лишь некоторые, подобно, например, Сербской радикальной партии, выступа-

ли с откровенно централистских позиций. Преобладающая же часть сербских критиков соглашения не видела практического смысла в том, чтобы вообще отвергнуть реально начатое движение по пути создания автономий и тем самым федерализации Югославии. Большинство названных выше партий, а особенно СКК сосредоточились на формулировании того, как следует осуществлять переустройство государства, сколько и каких автономий может быть создано, каковыми должны быть принципы этнотерриториального разграничения между автономиями и – в качестве главного – какими будут в новом государственном устройстве роль и положение сербов. При тех или иных конкретных нюансах, в выдвигавшихся требованиях указывалось на недопустимость изолированного вычленения Хорватии в качестве автономной единицы без общего, взаимосогласованного всеми, в том числе и достаточно репрезентативными представителями сербов, решения о реорганизации Югославии, об образовании остальных автономных единиц и границах между автономиями. В этом смысле речь шла, в сущности, не об отмене, а о серьезной корректировке, в значительной мере – ревизии соглашения Цветковича–Мачека. По поводу того, из скольких и каких именно автономий должна была бы состоять Югославия, преобладало мнение, что их может быть три – сербская, хорватская и словенская. Относительно словенской автономной единицы практически все сходились на том, чтобы она была создана в границах Дравской бановины, являвшейся словенской этнической территорией в Югославии. Главным же пунктом, вокруг которого кипели страсти, являлся вопрос о границах сербской и хорватской автономных единиц. Сербские противники соглашения были категорически против произошедшего включения в бановину Хорватия немалого числа мест с сербским и мусульманским населением, особенно ряда районов Воеводины и Боснии и Герцеговины. Они именовали такое решение «сербским Мюнхеном». По их мнению, в частности по замыслам таких известных деятелей СКК, как академик Слободан Йованович, Драгиша Васич, Стеван Мольевич, в составе сербской автономии должны были наряду с Сербией находиться Воеводина, Босния и Герцеговина, Черногория и даже югославская Македония, по-прежнему фигурировавшая как на югославском официальном уровне, так и в лексиконе «национально ориентированной» сербской общественности в качестве «Южной Сербии»¹⁷.

Подобная программа, будучи направленной на защиту сербского этноса и свойственного ему национального развития там, где он, как представлялось, мог оказаться на положении «второсортного», подвергнуться политическому, экономическому, культурно-языковому ущемлению со стороны хорватского национализма, вместе с тем, в свою очередь, тоже содержала националисти-

ческое стремление к сербской доминации на весьма обширных территориях с этнически смешанным либо преимущественно – а в Македонии почти абсолютно – несербским населением. Кроме того, идея образования сербской автономной единицы таким образом, чтобы эта единица охватывала бы преобладающую часть Югославии, была во многом сопряжена с продолжавшей владеть умами большинства тогдашней сербской элиты претензией на сохранение главенствующей роли сербов в югославском государстве, даже при стоявшей в повестке дня его частичной федерализации.

Но наряду с этим общественно-политическим кругом, с которым была в основном солидарна также Сербская православная церковь, в сербском обществе даже в самой Сербии, а особенно в пречанских районах имелись и иные силы, главным образом либеральной и демократической ориентации, поддерживавшие соглашение Цветковича–Мачека либо, по крайней мере, считавшие его положительным сдвигом, открывающим перспективу необходимого государственного переустройства и решения межэтнических проблем. Из наиболее заметных таковыми являлись, с одной стороны, представленные в правительстве основная часть Союза земледельцев, хотя и критиковавшая конкретные территориальные решения соглашения, и СДС, пользовавшаяся репутацией партии, влиятельной среди пречанских сербов, а с другой стороны – оппозиционное, отколовшееся от Союза земледельцев левое крыло, оформившееся в 1940 г. в Народно-крестьянскую партию. При этом СДС, будучи партнером ХСС, выступала, в противоположность охарактеризованному выше большинству сербских общественно-политических сил, за включение всей Боснии и Герцеговины в бановину Хорватия. Естественно, сторонниками соглашения являлись главные несербские национально-политические группировки, тоже представленные, помимо ХСС, в правительстве: Словенская народная партия и Югославская мусульманская организация. Первая стремилась к скорейшему оформлению фактически управляемой ею Дравской бановины в словенскую автономию. Вторая же поддерживала соглашение частично, ибо хотела, чтобы целиком Босния и Герцеговина с ее значительным мусульманским населением стала отдельной, наряду с другими, автономной единицей, а это приходило в противоречие как с уже произошедшим присоединением части данного края к бановине Хорватия и, соответственно, с позицией ХСС, так и с намерениями включить всю Боснию и Герцеговину либо в состав сербской автономной единицы, согласно планам большинства сербских сил, либо – в бановину Хорватия, согласно замыслу СДС¹⁸.

Полемика по всем перечисленным выше вопросам, нередко националистически окрашенная и через публичную пропаганду переносившаяся в массы,

была фактором, не способствовавшим внутриюгославской консолидации, а наоборот, в определенной мере усиливавшим межэтническую отчужденность, взаимную подозрительность, стереотипы недоброжелательства. С точки зрения практического осуществления государственного переустройства, перспектива которого была декларирована соглашением Цветковича – Мачека, полемика оказывалась беспредметной. Ибо стоявшие наверху югославской пирамиды власти, пойдя на создание хорватской автономии в тех временно-компромиссных территориальных границах, которые были зафиксированы в соглашении и регентском распоряжении об образовании бановины Хорватия, а тем самым решив неотложную в тот момент утилитарную задачу урегулирования, насколько возможно, хорватского вопроса, воздержались от дальнейших практических шагов по реорганизации государства. Хотя в 1940 г. были даже выработаны проекты образования сербской и словенской автономных единиц, с полномочиями и основами устройства, в принципе аналогичными тем, которые уже действовали в бановине Хорватия, однако эти проекты так и остались на бумаге¹⁹. В обстановке уже и так сильно накалявшихся страстей по поводу того, каким должно быть этнотерриториальное разграничение, югославское руководство, очевидно, страшилось, что какое бы то ни было продолжение федерализации и создания автономий может лишь подлить масла в огонь и привести к тяжелым потрясениям, особенно опасным в складывавшихся для Югославии внешнеполитических условиях. Тем более, что едва ли вообще можно было найти удовлетворительное для всех заинтересованных сторон разграничение на имевшихся в стране обширных территориях с этнически смешанным населением. Верховная власть всячески стремилась притушить межэтнические страсти, воспрепятствовать критике соглашения Цветковича – Мачека и пропаганде идей, которые бы его подрывали. В числе направленных на это мер, в частности, было запрещение в середине июня 1940 г. дальнейшего издания газеты СКК «Српски глас»²⁰.

Хотя при заключении соглашения Цветковича – Мачека имелось в виду провести затем выборы в Народную скупшину Югославии, распущенную в связи с заключением соглашения, и во вновь учрежденный Сабор бановины Хорватия, тем не менее этого сделано так и не было. Впоследствии Мачек объяснял такое положение невозможностью проведения выборов из-за фактически постоянно происходившей тогда мобилизации в армию ввиду грозившей Югославии опасности извне²¹. В современной историографии встречаются, однако, разные точки зрения на сей счет. Согласно одним авторам, ХСС действительно предлагала провести как можно быстрее выборы как в хорватский Сабор, так и в Народную скупшину, задачей которой было довершить в обще-

югославском масштабе процесс переустройства государства. Однако война прервала осуществление этого²². Но существует и противоположное мнение, что откладывание выборов могло быть обусловлено позициями самого Мачека и Павла Карагеоргиевича. Что касалось Мачека, то, согласно этому мнению, поскольку расходы на содержание хорватского Сабора были бы очень высокими и обременительными для бюджета бановины, между тем как в ней всю власть и так имела ХСС, ее лидер вряд ли был особо заинтересован в проведении выборов в Сабор. На Павла же, по этой версии, могла влиять боязнь, как бы Сабор, будучи избранным, ни провозгласил вообще независимость Хорватии. А выборы в Народную скупщину Югославии принц-регент мог откладывать из опасения, что ее большинство, которое было бы великосербским, не подтвердит соглашения Цветковича – Мачека²³. Но какими бы ни были действительные причины непроведения выборов, результатом являлось то, что и вся страна, и хорватская автономия управлялись без парламентов. Это отнюдь не придавало авторитета регентскому режиму в глазах оппонентов проводимой Павлом политики, особенно тех сербских сил, которые критиковали соглашение Цветковича – Мачека, оспаривали его легитимность и считали принца-регента предателем сербских интересов либо, по крайней мере, очень далеким от них.

Отсутствие всякого парламентаризма и авторитарный стиль руководства государством лишь усугубляли копившееся недовольство и не способствовали ослаблению напряженности, которая была свойственна не только сфере межэтнических отношений, столь чувствительных для многонациональной Югославии, но и сфере непосредственно социальных отношений.

Достаточно острые социальные противоречия, характерные для внутри-югославского развития на протяжении всего межвоенного двадцатилетия, еще больше усилились с началом войны. Этому, помимо прочего, способствовали общие экономические трудности, вызванные военными условиями в Европе, и значительный рост расходов на оборону страны: вооружение и содержание увеличившейся армии, строительство оборонительных сооружений в приграничных районах. Для довольно слабой югославской экономики многое из того оказывалось чрезмерно обременительным. Непосредственно для населения, особенно для крестьянства, составлявшего большинство, тяжелым грузом были почти постоянные крупные мобилизации, проводившиеся главным образом скрытно с осени 1939 г. и сопровождавшие каждую мобилизацию реквизиции тяглового скота и транспортных средств. Для всех, но прежде всего для городских низов серьезнейшей проблемой были непрерывный рост цен на товары повседневного спроса, а особенно весьма ощутимая нехватка про-

довольствия, во многом вызванная его все увеличивавшимися поставками в Германию. Все это вызывало социальную напряженность, распространение протестных настроений в весьма широких слоях населения. И являлось питательной почвой для усиления привлекательности радикалистско-популистских взглядов, главным образом левого толка.

На этой основе происходило усиление деятельности Коммунистической партии Югославии (КПЮ), созданной в апреле 1919 г. и с тех пор прошедшей трудный, полный драматизма путь.

Сразу после своего создания, в условиях сопровождавшего окончание Первой мировой войны всплеска леворадикальных настроений, прежде всего в городах, партия быстро завоевала преобладающее влияние в югославском рабочем движении и на выборах в Учредительную скупщину в ноябре 1920 г. стала третьей среди партий по числу полученных депутатских мест. Власти, напуганные успехом КПЮ, ее революционными лозунгами, а особенно организуемыми при ее участии крупными забастовками, в конце декабря 1920 г. ввели, сначала как временный, запрет коммунистической деятельности. А совершенные некоторыми активистами КПЮ в середине 1921 г. покушения на высокопоставленных представителей правящих кругов, включая регента-престолонаследника (будущего короля Александра), привели к немедленному принятию еще более жесткого «Закона об общественной безопасности и порядке в государстве», полностью загнавшего партию в подполье. Многие ее члены подверглись тюремному заключению, другим репрессиям, были вынуждены эмигрировать. Оказавшись нелегальной, КПЮ многократно уменьшилась, ее влияние резко упало. Хотя она и проявляла еще некоторую активность, главным образом через левые профсоюзы, то запрещавшиеся, то снова разрешавшиеся властями, однако надолго была устранена с югославской политической сцены как действенный фактор. Несмотря на самоотверженность многих коммунистических активистов, фанатично преданных своим идеалам, партия в значительной мере превратилась в маргинальную, деятельность которой сплошь и рядом мало ощущалась вне ее собственных рамок. Руководство КПЮ в основном переместилось в эмиграцию, его состав часто менялся – все больше по воле Исполкома Коминтерна (ИККИ), немногочисленные уцелевшие кадры партии раздирались междоусобной борьбой групп («фракций»), обвинявших друг друга в «правом» или «левом» оппортунизме. ИККИ ориентировал КПЮ то, как в середине 1920-х годов, на расчленение многонационального югославского государства, рассматривавшегося Москвой в качестве звена в «антисоветском санитарном кордоне», то позже, когда возникла угроза гитлеровской экспансии, – на сохранение Югославии²⁴.

Во второй половине 1930-х годов многие известные деятели КПЮ, находившиеся в то время в СССР, были уничтожены в сталинских «чистках». Такая же судьба постигла и тогдашнего руководителя КПЮ Милана Горкича, в середине 1937 г. специально вызванного в Москву из заграничной штаб-квартиры партии в Париже. В обстановке стимулированных этим среди верхушки КПЮ взаимных обвинений и борьбы за лидерство инициативу в создании нового руководства партии сумел перехватить Йосип Броз, несколькими годами раньше вошедший в число ведущих партийных функционеров, а впоследствии ставший широко известен под псевдонимом Тито. Используя свою роль координатора подпольной деятельности КПЮ в стране, он начал формировать ядро нового руководства в самой Югославии в основном из находившихся там партийных активистов. Во время визитов в Москву в августе 1938 г. – январе 1939 г., а затем в сентябре – ноябре 1939 г., Тито удалось добиться от ИККИ и лично от его генерального секретаря Георгия Димитрова санкции на свои действия²⁵.

Формирование нового руководства КПЮ проходило в тесной связи с усилиями по восстановлению и консолидации прежде фактически полураспавшейся организационной структуры партии. Этот процесс совпал с упомянутым выше подъемом левых настроений в Югославии на рубеже 1930–1940-х годов, что стало основой заметной активизации КПЮ, роста ее численности и влияния. Проведенная подпольно в Загребе в октябре 1940 г. V конференция КПЮ закрепила произошедшую перед тем ликвидацию групповой борьбы в партии и завершила оформление нового партийного руководства. В заново сформированном ЦК 48-летний Тито занял пост генерального секретаря²⁶. Новое руководство, утвержденное ИККИ, находилось, в отличие от прежней многолетней практики, не в эмиграции, а в самой стране.

Роль, которую стала играть КПЮ в югославском обществе того времени, впоследствии чрезвычайно гиперболизировалась и тенденциозно превозносилась в многочисленных исторических работах, выпускавшихся в Югославии при коммунистической власти. Вместе с тем очевидно, что на рубеже 1930–1940-х годов партия из загнанной в подполье маргинальной группы начала превращаться в общественно-политический фактор, присутствие которого оказывалось в определенной мере заметным в югославской действительности. С ее ведущим участием организовывались довольно массовые забастовки, митинги, другие протестные манифестации, в частности в наиболее крупных городах. Они становились значительными событиями, привлекавшими к себе большое внимание. Их часто жестко-силовое подавление властями во многих случаях придавало им еще больший общественный резонанс, вызывало сим-

патии к коммунистам, особенно в среде рабочей и учащейся молодежи, части интеллигенции. В то время складываются довольно тесные отношения КПЮ с некоторыми более умеренно левыми оппозиционными группами, симпатизировавшими социалистическим лозунгам и Советскому Союзу. Это особенно касалось так называемой «Демократической левицы», преимущественно интеллигентской группировки, отколовшейся от Демократической партии. Лидером «левицы» был широко известный бывший председатель скупщины Иван Рибар, связанный с компартией через своих сыновей, старший из которых, Иво-Лола, стал членом нового ЦК КПЮ и руководителем югославского комсомола. Было установлено взаимодействие КПЮ и с упомянутой выше Народно-крестьянской партией во главе с Драголюбом Йовановичем. Эти группы использовались компартией для расширения своего влияния и интенсификации борьбы против существующего строя.

КПЮ обличала политику правящего режима как «реакционную» и «антинародную», в том числе негативно характеризовала соглашение Цветковича – Мачека как «сговор сербской и хорватской буржуазии». Но некоторые поползновения ее руководства, особенно летом 1940 г., после поражения Франции, выдвинуть непосредственно лозунг борьбы за смену власти и образование «народного правительства рабочих и крестьян» были пресечены указаниями от ИККИ. Ибо Кремль был тогда заинтересован не в дестабилизации положения в Югославии, а в ее укреплении в противовес «оси». Следуя линии советской политики, КПЮ выступала против связи Югославии с какой-либо из воюющих сторон, обвиняя правительство в сговоре с одной и другой, хотя основной критический запал, особенно до поражения Франции, направлялся против «сговора» с лагерем «англо-французских империалистов и поджигателей войны». В качестве панацеи для защиты независимости страны пропагандировалась необходимость ориентации на СССР и заключения союза с ним²⁷.

В отличие от леворадикального фланга, в основном представленного компартией, праворадикальный фланг югославской политической сцены был представлен различными течениями. Более заметными из них являлись прежде всего движение усташей во главе с Анте Павеличем и созданное в 1935 г. «Югославское народное движение Збор», во главе которого стоял адвокат и бывший министр Димитрий Лётич.

Усташское движение, о котором частично уже шла речь выше, действовало в Югославии нелегально. Фигурировавшее первоначально под названием «Хорватское освободительное движение», а затем – «Хорватская революционная организация», оно строилось на сепаратистской и к тому же ультра-националистической основе. В качестве политической цели движения ставилось

создание независимого государства Хорватия, любое иное решение хорватского вопроса категорически отвергалось. И постулировалось, что эта цель может быть достигнута только революционным путем: вооруженной борьбой против югославского государства, которое оценивалось исключительно как сербская диктатура над другими народами Югославии, в том числе над хорватами. Курс на вооруженную борьбу, составной частью которой считались и террористические акты, сочетался с расчетом на поддержку со стороны государств, настроенных враждебно по отношению к Югославии или к версальскому порядку, частью которого Югославия была. Этот расчет особенно присутствовал у самого Павелича, прежде всего ориентировавшегося на помощь со стороны фашистской Италии. После прихода Гитлера к власти часть усташских активистов стала в той или иной мере связывать перспективы борьбы за самостоятельную Хорватию и с возможным получением поддержки от нацистской Германии. Движение было настроено на то, чтобы в будущее хорватское государство были включены все земли, которые идеологией усташей рассматривались как историческая национальная территория хорватского народа, в том числе вся Босния и Герцеговина, Срем, часть черногорского приморья. Что же касалось сербского и мусульманского населения на этой территории, то все мусульмане причислялись усташами к хорватам исламской веры, а в отношении сербов культивировались резкая враждебность и тезис о том, что в независимой Хорватии будут ее полноправными хозяевами только люди «хорватской крови». Таким образом, выступая борцом за хорватскую государственную самостоятельность, усташское движение было при этом заранее нацелено на осуществление этнополитической экспансии и установление режима неравноправия в отношении иных этнических групп. Острая антисербская направленность подкреплялась постулатом о якобы готском происхождении хорватов в противоположность славянской принадлежности сербов. Движение занимало резко антикоммунистическую и одновременно антидемократическую, антилиберальную позицию. Зато глорифицировался фашизм, характеризовавшийся как единственный действенный фактор, противостоящий и «разрушительному большевизму», и демократии, которая, согласно Павеличу, находилась в процессе распада, была не в состоянии противодействовать большевизму и использовалась последним в борьбе за господство в мире. Организация движения, особенно в эмиграции, надолго ставшей прибежищем для основной части боевиков и политических активистов, основывалась на принципах фанатичной преданности «хорватской идее» и во многом безоговорочном следовании усташскому вождю («поглавнику») Павеличу²⁸.

В противоположность устам, «Югославское народное движение Збор» до ноября 1940 г. действовало в стране вполне легально, преимущественно в Сербии и Словении, и выступало за упрочение Югославии на централизованных началах. Идеология «Збора», следуя в русле «интегрального югославизма», вместе с тем базировалась во многом на патриархально-сербском традиционализме как стержню проповедуемого ею государственного и общественного устройства. Это придавало данной идеологии фактически сербско-почвенническую тональность. В большой мере тому способствовала и православно-клерикальная окрашенность, пронизывавшая все концептуальные построения Лётича. В этих построениях соединялись, с одной стороны, пламенный антикоммунизм, обличение внутреннего строя СССР («Советии» — по терминологии Лётича), преимущественно со славянофильских позиций, и внешней политики Кремля, а с другой стороны — радикальное антизападничество, обличение либерализма, плюрализма, демократическо-парламентской и многопартийной системы. И коммунизм, вернее — советский режим, и западный либерализм с его плюрализмом и гражданскими институтами трактовались как порождение мировых злобных сил, каковыми были, согласно навязчивой антисемитской идее Лётича, евреи и масоны (последних он считал еврейским проявлением). Как коммунистическо-советской системе, так и западному либеральному устройству противопоставлялось некое «подлинно народное государство, с подлинно народной этикой, политикой и экономикой», которое предстояло установить в Югославии народу, взбунтовавшемуся против существующего порядка. Каким образом все это должно было выглядеть, оставалось в данной схеме довольно туманным. Формулирование такой «революционной» цели сопровождалось выдвиганием постулата об «органическом государстве» на жестких основах централизованной власти, с наличием «хозяина» в государстве, чья роль, видимо, отводилась монарху, и с сословным устройством, при котором каждое из сословий имело бы представителей в беспартийном парламенте. Эти построения дополнялись апологией традиционно-патриархального уклада, подчеркнутым провозглашением примата морального над материальным, а государства и народа — над личностью²⁹.

Многие из перечисленных основополагающих компонентов этой доктрины были аналогичны или созвучны характерным чертам итальянского фашизма и германского нацизма. И несмотря на то, что Лётич пытался откеститься от подобной аналогии, не только коммунисты, нередко именовавшие любых своих противников фашистами, но и куда более толерантная публика из числа сторонников гражданско-демократической, либеральной и даже довольно консервативной ориентаций правомерно смотрела на его идеологию и все воз-

главлявшееся им движение как на явление фашистского толка. Хотя «Збор» выдвигал также социальные лозунги защиты крестьянства и обычного человека от «грабительского капитала», выступал за борьбу с коррупцией и экономическими аферами, он не имел значительной поддержки в обществе и на парламентских выборах 1935 и 1938 гг. получал лишь примерно 30000 голосов. Но он был замечен благодаря большой активности своих членов, во многом состоявших из фанатично – поддаты самому Лётичу – настроенной молодежи. Эта активность проявлялась в основном в пропаганде взглядов движения, включая острую критику внутренней и внешней политики властей, не следовавших рекомендациям Лётича, и в жестоких драках между «зборашами» и коммунистической молодежью, в развязывании которых каждая из сторон обвиняла другую³⁰.

В частности, после очередных такого рода столкновений, произошедших в Белградском университете в последней декаде октября 1940 г., власти предприняли репрессивные меры в отношении не только коммунистов, но и «Збора»: на рубеже октября – ноября на его деятельность был фактически наложен запрет, ряд его активистов арестован, Лётичу пришлось скрываться в одном из православных монастырей. В некоторых югославских исторических изданиях, выпущенных еще при коммунистической власти, можно встретить утверждения, что гонения на «Збор» были связаны с последовавшим тогда же устранением генерала Недича с поста министра армии и флота. Согласно этим утверждениям, власти были озабочены имевшимся взаимодействием между Недичем и Лётичем и, по одной версии, опасались, что подобное взаимодействие, если о нем станет известно руководству ХСС, может затруднить отношения с хорватами, налаженные с таким трудом, а по другой версии, даже подозревали, что «збораша» вместе с некоторой группой офицеров-сторонников Недича могут готовить государственный переворот³¹. Такое объяснение происходившего не подкреплялось, однако, достаточно надежными источниками.

Не исключено, что гонения на «Збор» могли быть вызваны и имевшими место как раз перед этим крайне резкими, в том числе публичными, выступлениями Лётича, обвинявшего верховную власть, непосредственно принца-регента в неспособности и нежелании решать наиболее острые внутренние социальные и национальные проблемы, в потворстве проникновению советского влияния, подрывной деятельности хорватов. Лётич заявлял, что вследствие неверной политики ее правителей Югославия стремительно катится в пропасть. Он осуждал и югославское внешнеполитическое лавирование между воюющими лагерями, противопоставляя ему идею союза балканских государств как средства защиты Югославии и обвиняя официальный Белград, будто тот торпедировал эту идею, не желая ее воплощения³².

Подавляющее большинство основных общественно-политических сил, принадлежавших как к правительственному лагерю, так и к легальной оппозиции, в целом поддерживало ту политику нейтралитета и лавирования между воюющими державами, которая проводилась на международной арене под руководством Павла Карагеоргиевича. Ибо все эти силы, независимо от их конкретной ориентации, более или менее осознали вынужденность такой политики и не видели иной реальной возможности сохранения независимости, целостности страны, ее удержания от затягивания в военный водоворот, грозивший непредсказуемо опасными последствиями. Вместе с тем в значительной, если не преобладающей части сербских партий, как и в весьма широких кругах сербской общественности, среди немалого слоя офицерства, православного духовенства после шока, вызванного летом 1940 г. поражением Франции с ее репутацией боевого союзника Сербии в Первой мировой войне, росли чувства моральной непримиримости с происходившим окружением Югославии государствами «оси», обострялись антигерманские и антигитлеровские настроения.

Но пока Белграду удавалось сохранять нейтральную позицию в войне, драматические события на европейской сцене не оказывали такого воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в Югославии, которое могло резко нарушить соотношение основных национальных лагерей и политических сил в стране и государственный порядок, подкреплявшийся соглашением Цветковича – Мачека. Положение стало стремительно меняться на рубеже зимы – весны 1941 г., когда под возросшим гитлеровским давлением югославская верхушка во главе с Павлом сочла неизбежным присоединение к Тройственному пакту. Вызванный этим острый протест значительной части сербского общества и сербский военный переворот, произведенный 27 марта 1941 г., не только подставили Югославию под удар гитлеровской агрессии, но и крайне ужесточили существовавшие общественные противоречия, приведя во многом к явлениям фактического внутреннего распада югославского государства. Названные события, представлявшие собой уже новый этап столкновения сил на югославской сцене, требуют, однако, отдельного рассмотрения, выходящего за непосредственные тематические рамки данной статьи.

Примечания

¹ Имеется в виду сербское население так называемых преанских территорий, которые до образования Югославии находились в составе Австро-Венгрии: наряду с Хорватией это были также Босния и Герцеговина, Воеводина.

² Многие аспекты хорватской проблемы, истории различных течений хорватского национального движения, их места и роли в политическом развитии Югославии до Второй мировой войны рассматриваются в достаточно обширной исторической литературе, полностью или в значительной мере посвященной этой тематике. Упомянем хотя бы некоторые из работ: *Boban Lj. Sporazum Cvetković – Maček*. Beograd, 1965; *Idem. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941: Iz povijesti hrvatskog pitanja*. Zagreb, 1974. Knj. 1–2; *Stojkov T. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature 1929–1935*. Beograd, 1969; *Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. Ithaca and London, 1984; *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. Zagreb, 1986; *Jareb J. Pola stoeća hrvatske politike: povodom Mačekove autobiografije*. Zagreb, 1995 (перездание книги, впервые опубликованной как эмигрантское издание в Буэнос-Айресе в 1960 г.); *Perić I. Vladko Maček: politički portret*. Zagreb, 2003; *Силкин А. А. Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг.* СПб., 2008. Для историографии, касающейся данной тематики, характерны весьма заметные различия, а нередко и острые столкновения между разными авторами по части их исследовательских подходов и оценок.

³ О ходе переговоров см., например: *Maček V. In the Struggle for Freedom*. New York, 1957. P. 187–193; *Boban Lj. Sporazum Cvetković–Maček*. S. 139–190; *Idem. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke*. Knj. 2. S. 29–78; *Jareb J. Op. cit.* S. 63–67.

⁴ Соглашение Цветковича–Мачека и соответствующее ему регентское распоряжение см.: *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1988. S. 426–429.

⁵ *Ibid.* S. 427.

⁶ Речь идет о мусульманах не только в религиозном, но в этническом смысле, как этот термин стали, в основном с середины XX века, употреблять в Югославии (а теперь и на постюгославском пространстве) для обозначения определенной национальной категории населения, живущего главным образом в Боснии и Герцеговине. Эта часть населения, по этническому происхождению и языку сербы или хорваты, подвергшись после османского завоевания исламизации, со временем приобрела иное этническое самосознание и черты обособившейся национальной группы.

⁷ По различным подсчетам, из приблизительно 4,5 млн. населения бановины Хорватия было свыше 850 тыс. сербов и около 170 тыс. мусульман.

⁸ *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988*. S. 427.

⁹ См.: *Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje*. Ljubljana; Beograd, Titograd, 1984. Knj. 1. S. 257.

¹⁰ Эта позиция руководства Югославии отражена тем или иным образом в многочисленных документах, которые, в частности, содержатся в таких значительных публикациях, как, например: *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata* (далее – AR). Knj. 1 / Red. D. Gvozdenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969; *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3 (1939–1941). Beograd, 1996.

¹¹ *Perić I.* Op. cit. S. 230.

¹² *Boban Lj.* Sporazum Cvetković – Maček. S. 349–350.

¹³ См., в частности: Архив Србије и Црне Горе (далее – АСЦГ). Ф. 138. Фасц. 7. Арх. јед. 51. Л. 616–616 полеђина, 619–635; Арх. јед. 36. Л. 223–225, 258–260.

¹⁴ AR. Књ. 1. Dok. br. 91. S. 345–348; *Maček V.* Op. cit. P. 196–197.

¹⁵ См., например: АСЦГ. Ф. 38. Фасц. 15. Арх. јед. 53. “Hrvatski dnevnik, 6 marta 1940”; Фасц. 16. Арх. јед. 54. “Извештаји из Загреба за фебруар 1940 г.”; Фасц. 17. Арх. јед. 58. “Загреб, 6 марта [1940] (Телефонски извештај дописника г. Машића)”; *Maček V.* Op. cit. P. 204; *Perić I.* Op. cit. S. 235–236; *Kisić Kolanović N.* Uvod // *Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvaternika.* Zagreb, 1997. S. 24–26; *Eadem.* Mladen Lorković: Ministar urotnik. Zagreb, 1998. S. 28–31; *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 593–595.

¹⁶ *Boban Lj.* Sporazum Cvetković–Maček. S. 220–241, 246–248, 250–258; *Popović N. A.* Srpski kulturni klub (1937–1941) // *Istorija 20. veka.* 1989. Br. 1–2; *Поповић Н. А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 212–223; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 601–607, 609.

¹⁷ Как предыдущее примечание, а также: *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Књ. I. С. 304–306.

¹⁸ *Boban Lj.* Sporazum Cvetković–Maček. S. 242–245, 259, 262–263; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Књ. I. С. 298; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 598–600, 607–608. О позициях различных сербских сил в связи с соглашением Цветковича–Мачека и перспективой процесса федерализации Югославии см. также: *Stefanovski M.* Srpska politička emigracija o preuređenju Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 1988. S. 17–88; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 19–38.

¹⁹ *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 434–435; *Stiplovšek M.* Prizadavanja za uveljavitev slovenskega avtonomizma od vidovdanske ustave do leta 1941 // *Slovenici in Makedonci v Jugoslaviji.* Ljubljana; Skopje, 1999. S. 43. Проект постановления о создании бановины Словения вырабатывался под эгидой властей Дравской бановины и руководства Словенской народной партии. По поводу проекта постановления об образовании сербской автономной единицы, которую предлагалось назвать «Сербская земля», в югославской и современной постюгославской историографии высказывались различные мнения о том, в какой мере он вырабатывался с участием правительства, а в какой – с участием СКК. Проект предусматривал, что за исключением уже существующей бановины Хорватия и Дравской бановины, которая должна была стать бановиной Словения, вся остальная территория Югославии будет включена в состав «Сербской земли».

²⁰ *Popović N. A.* Op. cit. S. 116.

²¹ *Maček V.* Op. cit. P. 201.

²² В частности, см.: *Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest*. Zagreb, 1999. S. 106–107.

²³ См., например: *Perić I. Op. cit.* S. 233.

²⁴ На протяжении десятилетий, когда в Югославии существовал коммунистический режим, контролировавшаяся им югославская историография, хотя частично и отменяла то бедственное и маргинальное положение, которое было характерно для КПЮ на протяжении преобладающей части 1920-х и 1930-х годов, тем не менее старалась приписать партии намного более значимую роль в югославской действительности тех лет, чем было на самом деле. Лишь в работах, издававшихся в позднекоммунистическое время, стала постепенно даваться несколько более реальная картина, совмещавшаяся, однако, со все еще значительной гиперболизацией – не говоря уж о глорификации – места и роли КПЮ в югославском обществе в период между двумя мировыми войнами. См., например: *Povijest Saveza komunista Jugoslavije*. Beograd, 1985. S. 75–145; *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 1. S. 150–160, 187–190, 213–240.*

²⁵ При коммунистическом режиме югославская историография рисовала исключительно апологетическую картину образования нового руководства КПЮ во главе с Тито (один из наиболее характерных примеров: *Damjanović P. Tito pred temama istorije*. Beograd, 1972). В постюгославской исторической литературе, особенно сербской, эта картина стала меняться на полностью противоположную, но не столько на исследовательской, сколько на политико-публицистической основе (например: *Gligorićević B. Kominternu, jugoslovensko i srpsko pitanje*. Beograd, 1992. S. 329–332; *Симух П. Светац и магле: Тито и његово време у новим документима Москве и Београда*. Београд, 2005. С. 35–40; *Николић К. Тито говори што народ мисли: Култ Јосипа Броза Тита 1944–1949*. Београд, 2006. С. 28–31).

²⁶ См.: *Peta zemaljska konferencija KPJ (19–23. oktobar 1940) / Priredili P. Damjanović, M. Bosić, D. Lazarević*. Beograd, 1980.

²⁷ Линия КПЮ в этот период и определявшие ее директивы из Москвы отражены, в частности, в материалах Тито и документах тайной радиосвязи руководства КПЮ с ИККИ: *Broz Tito J. Sabrana djela. T. 5, 6*. Beograd, 1978–1979; *Vujošević U. Prepiska (radiogrami) СК KPJ – IK KI (Jun 1940 – decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik*. 1992. Br. 1–3. S. 281–300, 321–327.

²⁸ Характеристики различных аспектов идеологии и организации усташского движения, встречающиеся в югославской и постюгославской историографии, см., в частности, в: *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945*. Zagreb, 1977. S. 22–29; *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 1. S. 271–275; Bilandžić D. Op. cit. S. 107–109; Kisić Kolanović N. Mladen Lorković: Ministar urotnik*. S. 30; *Matković H. Povijest Nezavisne države Hrvatske. Drugo, dopunjeno izdanje*. Zagreb, 2002. S. 38–39, 132, 279–282.

²⁹ См., например: *Ljotić D. V. Svetska revolucija / Sređeno i štampano 1949. u emigraciji*. Beograd, 1999; *Љотих Д. В. “Сад је ваш час и област таме”*. Ко и зашто гони Збор.

Друго издање. Београд, 2000. Первая из этих книг, сначала изданная на Западе, представляет собой сборник тематически скомпонованных фрагментов из статей и брошюр Лётича, написанных накануне и во время Второй мировой войны. Другая книга, впервые опубликованная в Югославии в 1940 г., является сборником ряда статей предводителя «Збора», написанных и отчасти изданных во второй половине 1930-х годов.

³⁰ О «Зборе» и его деятельности см., в частности: *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988*. Knj. 1. S. 278–282; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. IV. С. 1140–1143.

³¹ *Аврамовски Ж.* Бомбардирањето на Битола на 5. XI. 1940 година и прашањето за оставката на генерал Милан Недиќ // Гласник на Институтот за национална историја. Год. VII (1963). Бр. 1. С. 113; AR. Knj. 1. S. 897 (napomena); *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 229. Nap. 1. Сам Лётич, соответственно своей излюбленной идее-фикс, изображал репрессивные меры в отношении «Збора» как следствие влияния все той же «еврейско-масонской» закулисы (*Љотић Д. В.* Указ. соч. С. 9–11, 74–75 и др.; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 228).

³² См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 642–643; *Ljotić D. V.* Op. cit. S. 121–124; *Љотић Д. В.* Указ. соч. С. 42, 53–59. О действительной балканской политике Белграда и реальных сложностях, препятствовавших межбалканскому сотрудничеству, см.: *Аврамовски Ж.* *Balkanska Antanta (1934–1940)*. Beograd, 1986.

Н. С. Пилько

Политика оккупационных властей в Словении. 1941–1945 годы*

В начале апреля 1941 г. без объявления войны Германия, Италия и их союзники напали на Королевство Югославия. Страна была разделена между захватчиками. Словения, которая в то время являлась частью Королевства и называлась Дравская бановина, была поделена на три части, одна из которых отошла к Италии, другая – Германии и третья – к Венгрии. Италия получила Внутреннюю Крайну, большую часть Нижней Крайны с Любляной¹, из этих территорий была образована Люблянская провинция. Верхняя Крайна и Нижняя Штирия номинально вошли в состав немецких областей Каринтия и Штирия². Венгрии досталось Прекомурье и словенская часть Междумурья³.

Случилось то, чего боялся глава Дравской бановины Марко Натлачен – немногочисленный словенский народ был разделен, что означало несминую ассимиляцию. Итальянские власти заявили, что в Люблянской провинции будет проводиться либеральная политика по отношению к коренному населению, к обычаям и традициям которого новые власти будут относиться с уважением. Словенские периодические издания, которые не были закрыты и продолжали издаваться, с первых дней оккупации стали призывать население не противиться оккупантам, «показать свою зрелость, достоинство и жизнеспособность», поскольку, «национальная сплоченность и дисциплина входили в сферу интересов тех, кто по-новому перекраивал Европу»⁴. Часть словенской политической элиты и интеллигенции смирилась с новыми реалиями и приняла предложенные им принципы сосуществования, которые сводились к воплощению идеи об органичном слиянии Люблянской провинции с итальянским королевством.

Национальный совет, который был создан Натлаченом после нападения стран оси на Югославию, пытался несколько улучшить ситуацию, в которой оказались словенцы.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

При поддержке люблянского епископа Григория Рожмана бывший бан, стремясь осуществить идею сохранения целостности Словении, обратился к немецким властям в Загребе с просьбой рассмотреть вопрос о возможности предоставления словенцам некоторого вида автономии⁵. Однако, представители оккупационной администрации отказались принять делегацию, мотивируя это тем, что вопросы, связанные со Словенией, находятся не в их компетенции.

На этом бан Дравской бановины не остановился. Есть сведения, что в середине апреля делегация Национального совета в городе Заградец пыталась подписать с германскими властями независимо от Югославии акт о капитуляции. Вот что об этом написал сам бан Дравской бановины: «Подобное решение могло бы стать базой, опираясь на которую, мы смогли бы добиться наилучшего результата в решении вопроса по обустройству власти на словенских территориях: бановина осталась бы единой под управлением словенцев»⁶. Но и эта попытка не увенчалась успехом. В том же месяце делегация под предводительством бана направилась в Целье в штаб немецкого оккупационного руководства, занимавшегося непосредственно Словенией. Натлачен хотел заключить договор с Германией, которая как ведущая сила Оси могла бы признать независимость Словении в качестве союзнического государства в рамках Тройственного пакта, к которому присоединилось Югославское правительство 25 марта⁷ 1941 г. В этом случае, Национальный совет сохранил бы за собой власть, и стал бы единственным законным правящим органом. Но немецкий генерал делегацию не принял. Для установления контактов в Целье был оставлен представитель Совета. Спустя несколько дней, ему предложили покинуть город. Национальному совету не оставалось ничего иного, как налаживать связи с итальянскими властями. Вопрос об организации вооруженной борьбы или сопротивления даже не рассматривался ими. Итальянцы в свою очередь знали о метаниях словенских политиков. Но в сложившейся ситуации они не сочли нужным вмешиваться, поскольку прекрасно понимали: рано или поздно им придется начать сотрудничество. После проведенных встреч с германской стороной Национальный совет проработал всего неделю.

С одной стороны, нежелание сотрудничать с оккупационными властями, с другой – осознание того, что легальной словенской власти в Словении пришел конец, вынуждали Натлачена смириться и принять предлагаемые правила игры.

17 апреля Национальный совет формально передал власть в руки итальянскому гражданскому комиссару Эмилио Грациоли. Натлачен и другие представители Совета направили Муссолини в Рим благодарность «за корректное поведение итальянской армии в ходе оккупации словенских земель». В этом

послании также выражалась надежда, что вся территория Словении в скором времени и сможет перейти под юрисдикцию Италии⁸. На это послание Муссолини ответил, что фашистская Италия уважала и будет уважать культуру словенского народа, и что скоро словенцы, находящиеся под покровительством Италии, получат автономию схожую со словацкой. И действительно, с первых же дней оккупации итальянские власти с подчеркнутым уважением относились к словенской культуре и самобытности. В отличие от Германии Италия избрала иную тактику подчинения себе захваченной территории. Итальянское правительство сразу же отказалось от военно-оккупационной системы как таковой. Граф Чиано, министр иностранных дел Италии, записал в своем дневнике: «С дуче готовили декрет аннексии Любляны. Это будет итальянская провинция с широкой автономией, как в культурной сфере, так и в фискальной»⁹. И все же свою деятельность верховный комиссар начал с того, что попытался придать Словении внешние черты итальянской провинции. Во всех учреждениях фотографии и портреты югославской королевской семьи и государственных деятелей были заменены изображениями дуче и короля Италии¹⁰. Фасады украшены итальянскими государственными флагами и изречениями Муссолини о фашизме¹¹. Введена двуязычность всех вывесок и наименований улиц. Итальянские надписи по размеру соответствовали словенским, но стояли на первом месте. Итальянцы исходили из того, что покровительственное отношение к словенской культуре обеспечит более быстрое сближение словенского и итальянского народов. Постепенно во всех сферах жизни стала насаждаться фашистская идеология. Для улучшения контактов в первые месяцы оккупации Люблянскую провинцию посещали итальянские ученые и деятели культуры. Визит совершил и министр национального воспитания Джузеппе Ботти, автор «Школьной хартии фашизма». 23 июня 1941 состоялся первый, правда, и последний совместный итальянско-словенский литературный вечер.

Что касается печатной продукции, то, несомненно, оккупация не могла не сказаться на ее содержании, качестве и количестве. За время существования Люблянской провинции пресса носила довольно светский характер. Естественно, в ней публиковались сообщения с фронтов и указы властей, но были также сообщения о культурной жизни, из номера в номер печатались современные повести и рассказы как словенских, так и итальянских авторов, новости из мира моды, анекдоты, реклама, частные объявления. Содержание и общее настроение газет, издававшихся в период итальянской оккупации, мало, чем отличались от содержания мирного времени.

3 мая 1941 г. декретом № 291 Италия аннексировала эту территорию и провозгласила ее новой равноправной итальянской Люблянской провинцией. Декрет состоял из семи пунктов, суть которых сводилась к следующему: Словения становилась частью Италии, провинции даровалось право иметь автономное устройство, которое создавалось с учетом этнического характера населения. Главой провинции назначался верховный комиссар, ему в помощь создавался совет, состоящий из четырнадцати человек выбранных из «передовых» слоев местного населения. Кроме того, словенцев не призывали в итальянскую армию, обучение в школах разрешалось вести на словенском языке. С этого дня в Словении формально ликвидировалось военное положение. На провинцию распространялись основные положения итальянской конституции, но нигде не говорилось о том, что словенцы становились итальянскими гражданами.

Для органичной интеграции словенцев в итальянское культурное пространство создавались различные организации для школьников, студентов, профессоров и учителей, а все существовавшие до этого общества подобного рода ликвидировались. В октябре 1941 г. было основано объединение «ГИЛЛ» (*Gioventu italiana del littorio Lubianese* или Люблянская итальянская молодежь). Причем отмечалось, что слово «итальянская» не означает национальной принадлежности, просто «после аннексии, Люблянская провинция стала одной из провинций Италии»¹². Вступить в организацию мог любой ребенок с пяти лет. Столь ранний возраст объяснялся стремлением с малолетства воспитать детей в духе итальянского фашизма. Существовало также Объединение школьников Люблянской провинции, первое заседание которого состоялось 21 сентября 1942 г. Оно функционировало вплоть до капитуляции Италии. Была основана Университетская организация (*Organizazione universitaria Lubianese*). Она являлась копией общества Фашистской университетской молодежи (*Gioventu universitaria fascista*), в которую, в отличие от Люблянской университетской организации, могли вступать только итальянские граждане. Ее задача заключалась в осуществлении контроля над настроениями в среде студентов и профессуры. Власти опасались, что именно там могут особенно активно распространяться идеи, имеющие антиитальянский характер¹³. Поэтому параллельно велась активная работа по созданию осведомительских организаций, которые бы не только отслеживали общую ситуацию внутри студенчества, но и занимались идеологическим воспитанием. Для других слоев населения также создавались различные общества, например: Союз сельских женщин, фашистская просветительская организация «После работы» (*Depolavoro*) и др.

Верховный комиссар активно участвовал в общественной жизни провинции и часто посещал общественные учреждения, такие как университет, больницы, выставки и т. д., а также оказывал посильную помощь в организации новых обществ.

Комиссар взял под свою личную охрану все культурные ценности. Специальным законом запрещался вывоз из Люблянской провинции предметов имеющих культурно-историческую, археологическую и палеонтологическую ценность *без специального разрешения властей*. Кроме того, во время оккупации в Любляне были достроены заложенные еще до войны архитектурные сооружения, которые в настоящее время являются достопримечательностями столицы Словении. Их автором является известный словенский архитектор Йоже Плечник. К ним относится городской рынок (1940–1944 гг.), выполненный с использованием элементов греческой архитектуры и являющийся украшением центра города, а также шлюзовые ворота (1939–1944 гг.) на реке Любляница, напоминающие по своей форме триумфальную арку.

В 1943 г. Словенская академия наук и искусства была включена в Совет итальянских академий. Но с ростом освободительного движения межнаучные и межкультурные контакты были нарушены и к капитуляции Италии практически сведены на нет.

После капитуляции Италии Люблянскую провинцию оккупировала Германия, которая в целом продолжила политику, начатую Италией. Новшеством было создание словенского Национального правительства и национальной армии – Домобранской лиги. Правительство возглавил бывший генерал югославской королевской армии Леон Рупник¹⁴, который до этого год занимал пост люблянского жупана. Германские власти не запретили употребление словенского языка, хотя официальным языком стал немецкий. На первых порах в делопроизводстве разрешалось употребление словенского языка, но только до тех пор, пока чиновники в достаточной мере не овладели немецким¹⁵. В школах изучение немецкого языка было обязательным. Чтение лекций в Люблянском университете разрешалось на словенском языке при условии, что часть будет прочитана на немецком¹⁶. В октябре 1943 г. в Любляне начала работать Немецкая академия, задача которой, согласно директиве Гитлера, заключалась в содействии в изучении населением немецкой культуры. При академии открылись курсы немецкого языка, состоявшие из пяти ступеней: 1. начальный курс, 2. средний курс, 3. высший, 4. курс разговорной практики, 5. курс профессиональной специализации¹⁷.

Словенская пресса не была запрещена. Выходили те же газеты, что и в Люблянской провинции при итальянцах, но сократился их объем за счет развлекательных публикаций. Теперь они носили сугубо информационный характер. Для поддержания порядка на захваченных территориях немцы хотели создать словенские дивизии СС из числа коренного населения. Однако генерал Рупник сумел убедить власти, что маленькая армия, построенная на национальной идеологии, будет во стократ эффективнее и привлечет тех, кто выступал против коммунизма, но кого настораживала фашистская идеология. После длительных переговоров было принято решение создать подобную организацию. На Словенскую домобранскую лигу генерал Рупник возлагал большие надежды. Он хотел объединить в ее рамках все антикоммунистические движения, чтобы потом создать единую организацию наподобие нацистской партии в Германии, цель которой сводилась бы к созданию «нового словенца». Утопичность этих идей в сложившейся ситуации очевидна. Складывается впечатление, что генерал забыл об истинном положении Словении, которая находилась под оккупацией нацистской Германии, в планы которой не входило возрождение культуры и национального самосознания порабожденного ею народа. Впоследствии, правда, Рупник так объяснил свои воззрения: «перспективы освободительной войны у нас были довольно смутными, а опасность, угрожавшая существованию нашего народа – велика». По его мнению, малочисленному словенскому народу гораздо выгоднее было сотрудничество с захватчиками. В своих выступлениях Рупник называл оккупацию истинным благом для словенского народа. Он говорил, что именно «в этот момент словенцы могут взять судьбу в свои руки». Служба в домобранских частях, согласно пропаганде, являлась службой во имя родины.

24 сентября 1943 г. в словенской печати впервые было объявлено об образовании Словенской домобранской лиги. Цель ее создания объяснялась стремлением словенцев защитить свою родину от «большевистской заразы». Особый акцент делался на то, что в домобранской армии не будет запрещен словенский язык, а руководящие должности займут словенские офицеры. С 24 сентября, почти в каждом номере издававшихся в то время газет, печатались статьи, агитировавшие население вступать в ряды Лиги. Объявляя о том, что командование Лигой будет передано в руки словенских командиров, в то же время власти во все домобранские части направили немецких офицеров и унтер-офицеров. Их функции сводились к тотальному контролю над новой организацией. Первый марш домобранцев по Любляне состоялся 3 октября 1943 г. Особенностью Словенской лиги являлось то, что она приобрела ярко

выраженный национальный характер. Упор делался на необходимость защищать свою родину – Словению, свою культуру и т. д. В периодических изданиях печатались стихи, которые перекладывались на национальные мелодии, и имели патриотический характер:

«Легионеры, домобранцы любят родину свою,
Плодородные поля, реки, белые дома,
Церкви и долины, реки быстрые, вершины!
В бой, в бой, в бой!
За дом родной в бой!
Смерть проклятому врагу!»

У домобранцев появляются свои печатные органы: «Словенское домобранство», «Словенский солдат», «Словенец», «Словенский дом», «Домолюб», «Семейный еженедельник», «Словенский народ», «Гореньски домобранец», где приводились исторические примеры героизма словенского народа. Были также напечатаны пропагандистские книги: «Под знаком ОФ», «200 вопросов, что такое ОФ», «Голос пастыря», «Наш народ не хочет умирать» и множество других, в которых делался акцент на необходимость очистить свою родину от Освободительного фронта и «коммунистической заразы». В бой частям легионеров разрешалось идти под словенскими знаменами (бело-сине-красный триколор). Вводилось специальное приветствие на словенском языке. Немцы смотрели на все эти проявления национализма сквозь пальцы, поскольку тяжелая ситуация на фронтах отодвигала проблемы оккупированных территорий на задний план.

Что касается территорий изначально оккупированных Германией (Нижней Штирии и Верхней Крайны), то там сложилась совершенно иная ситуация. Ни о каком культурном сотрудничестве речи не шло, поскольку в основе лежала идея германизации, что означало ассимиляцию захваченных территорий, как в политическо-экономическом, так и культурном плане. Оккупационные власти полагали, что процесс германизации не займет здесь много времени, поскольку старшее поколение еще помнило времена Австро-Венгрии и, следовательно, легко отнеслось бы к германской оккупации, которую должно было воспринять как возврат старых хозяев. К тому же многие словенцы старшего поколения хорошо знали немецкий язык¹⁸. После осуществления основных мер по онемечиванию, оккупированные словенские земли планировалось присоединить к Германии. То есть они должны были стать не сырьевым придатком или колонией, а «снова немецкой государственной территорией», поскольку земли Нижней Штирии и Верхней Крайны рассматривались властями как исконно германские. Подтверждением тому являлся проект Гит-

лера о присоединении словенских областей к рейху. Осуществить аннексию планировалось 1 октября 1941 года¹⁹. Согласно проекту, разработанному имперской канцелярией, «освобожденные земли Нижней Штирии присоединялись к государственной области Штирия, земли Верхней Крайны – включены в государственную область Каринтия»²⁰. Население, имевшее немецкое или частично немецкое происхождение, получало гражданство согласно германскому законодательству. Остальная часть жителей, должна была пройти тщательную проверку. Ответственным за «воссоединение» этих земель с Германией назначался имперский министр внутренних дел.

Однако в процессе осуществлении этого замысла оккупационные власти натолкнулись на ряд препятствий, главным из которых являлась позиция местного населения, не желавшего смириться со своей участью. Поэтому официальное присоединение откладывалось на неопределенный срок. В декабре 1941 г. глава гражданского правления Верхней Крайны обратился с предложением к Гитлеру отсрочить аннексию на пол года, в этом его поддержал начальник правления Нижней Штирии, поскольку считалось, что обе территории следует присоединять одновременно.

14 октября было обнародовано постановление, имевшее силу закона, согласно нему все немцы, имевшие постоянное место жительства на территории Нижней Штирии и Верхней Крайны до 14 апреля 1941 г. получали постоянное немецкое гражданство. Люди, которые имели немецкую или смешанную кровь (т. е. один из родителей был немцем) и с указанного выше дня проживали на перечисленных территориях, становились потенциальными претендентами на получение гражданства. По истечении десяти лет они должны были стать либо «защитниками рейха», либо иностранцами²¹. Германия считала захваченные ею словенские земли неготовыми к воссоединению с рейхом. Согласно рапортам властей, основной причиной явилась «неразвитость населения в идеологическом и культурном плане». По их словам, для того, чтобы они стали полноценными немецкими гражданами, необходимо было провести большую работу. Тот, кто не воспринимал нацистских идей или негативно относился к фашистскому режиму, подлежал изгнанию в лучшем случае, а в худшем – заключению в концентрационные лагеря.

В конце апреля 1941 г. начальник гражданского правления З. Уиберрейтор, выступая перед отрядами СА, заявил: «три недели назад фюрер мне приказал: “сделайте эту землю опять немецкой”»²². Исполнение приказа началось немедленно. Оккупанты начали осуществлять политику германизации, безжалостно уничтожая национальную культуру и самобытность, все, что имело словенский национальный характер.

30 апреля 1941 г. Уиберрейтор издал указ, согласно которому все словенские области переименовывались в соответствии со списком, составленном в Юго-восточном институте в Граце в 1940 г. Замена подлежали и географические названия²³, дорожные указатели, наименования улиц, магазинов, фирм и уличных вывесок²⁴. Однако на этом оккупационные власти не остановились. Начальник гражданского правления Нижней Штирии в конце октября 1941 г. распорядился с этого дня писать личные имена согласно немецкому правописанию. В Верхней Крайне такой указ был издан в начале февраля 1942 г.²⁵ Словенская печать полностью ликвидировалась, все словенские газеты и другие печатные издания изымались. Периодику и книги разрешалось печатать только на немецком языке. В Штирии начала издаваться газета «Штирийски господар» (*Štirijski gospodar*) в Верхней Крайне «Караванкен боте» (*Karavanken bote*). Обе газеты сначала издавались на словенском, затем на словенском и немецком и вскоре только на немецком. Аресту подвергались школьные, личные и публичные библиотеки. Перед уничтожением изымалось шесть экземпляров каждого издания. По экземпляру посылалось в библиотеку Юго-восточного института, в университетскую и областную библиотеки, которые располагались в Граце. Один – посылался в Берлин²⁶. Взамен планировалось открыть новые крупные библиотеки немецкой литературы в городах Марибор, Целле, Птуй. В первой должно было находиться 15 тыс. томов, во второй – 8 тыс. и в третьей – 4 тыс. Кроме того, предусматривалось образование около двухсот мелких библиотек, количество книг в которых не превышало бы 100 томов, двадцать библиотек с фондом в триста книг и пятнадцать – с фондом от 500 до 1 тыс. книг²⁷. Что касается архивов, то большую их часть вывезли в Грац и другие города Германии (например, в Потсдам). Все наиболее значимые художественные и исторические ценности были также вывезены из Словении.

Гонениям подверглись ученые, преподаватели, люди творческих профессий. С территории Штирии было выселено 98% ученых и деятелей культуры, с территории Верхней Крайны – 75%. В тяжелой ситуации оказались артисты и оперные певцы, которые практически были выброшены на улицу. Многие из них бежали в Люблян. Однако, возглавлявший в то время люблянский Драматический театр Отон Жупанчич не мог предоставить работу такому большому количеству актеров. Подобная ситуация сложилась и с оперным театром.

После оккупации словенские школы перестали работать, все преподаватели увольнялись, а их место занимали учителя из Австрии (в Штирию их было более тысячи, в Верхнюю Крайну – около ста) или из среды местных немцев. Теперь в учебных заведениях преподавание велось только на немец-

ком языке. Возможность преподавания на двух языках (словенском и немецком) не рассматривалась.

Для воспитания молодого поколения в духе нацистской Германии создавались специальные организации. Со школой тесно сотрудничала так называемая «Дойче югенд» (Deutsche Jugend). По своей структуре она походила на общество «Гитлер югенд» (Hitler Jugend) существовавшее в то время в Германии и Австрии. На территории словенской Штирии в нее вступали дети в возрасте от 7 лет и молодежь до 20 лет. В Верхней Крайне функционировала организация «Молодежь Каринтийского национального союза» (Kärntner Volksbundjugend)²⁸.

Особое внимание уделялось германизации детей младшего возраста, поскольку они легче и быстрее воспринимали новую культуру и язык. В Нижней Штирии в 1941 г. было создано более ста детских садов (до войны на этой территории их было всего 16²⁹), где дети «постигали основы немецкого языка и культуры, где они «телесно и духовно превращались в полноценных немецких людей»³⁰. Из этих детских садов впоследствии должны были выйти «великие немецкие мужчины и великие немецкие женщины»³¹.

На территории Прекомурья, оккупированном Венгрией гражданское правление стремились как можно быстрее провести ассимиляцию словенского населения. Почти сразу же после аннексии все словенские названия были заменены венгерскими, изменялось правописание словенских имен и фамилий. Теперь они писались в соответствии с венгерской грамматикой.

Политика в области культуры и просвещения так же имела своей целью полную мадьяризацию. В школах вводилось преподавание на венгерском языке, хотя со стороны словенской интеллигенции предпринимались попытки сохранить словенский язык в делопроизводстве и в системе образования. На эту тему был составлен меморандум и доставлен специальной делегацией правительству Венгрии. Его подписали представители «Клуба прекомурских академиков» (КПА) и католического общества «Заведность». Делегацию не приняли.

В итоге все словенские учителя были уволены, а их место заняли венгерские. Повсеместно открывались курсы венгерского языка, венгерской истории, географии и права. Факультативное преподавание на родном языке разрешалось только в первых четырех классах начальной школы. На прекомурском диалекте было разрешено печатать только религиозную литературу и только с использованием венгерского алфавита.

Основная программа мадьяризации сводилась к следующему: «стань хорошим и верным венгром, приложи все усилия к тому, чтобы стать еще луч-

шим венгром или даже самым венгерским венгром»³². Перед началом занятий в школах, перед заседаниями политических и образовательных обществ повторялась своего рода молитва следующего содержания: «Верую в единого Бога, в единое отечество, в бессмертную божью правду, верую в воскрешение Венгрии»³³. В конце мая 1941 г. был издан указ об уничтожении всех словенских книг и учебников, национальных архивов и библиотек³⁴. Вместе с книгами уничтожению подлежали карты и югославские исторические фотографии³⁵.

Власти стремились внушить коренному населению идею об их этнической близости к венграм. С этой целью в начале мая 1941 г. в г. Мурска Собота из Будапешта прибыл профессор, специалист по истории Прекомурья, Шандор Микола. В свое время после Первой мировой войны он принимал участие в качестве эксперта в работе Парижской мирной конференции, где отстаивал позицию, согласно которой Прекомурье являлось неотъемлемой частью Венгрии³⁶. По приезде в Мурску Соботу он провел встречу с представителями КПА и общества «Заведность». На этой встрече профессор заявил, что прекомурцы являются вендами, далекими потомками кельтов, которые на протяжении тысячи лет сосуществовали с венграми. Однако эти идеи не были восприняты всерьез представителями словенской научной элиты.

Большую популярность получило Венгерское общество образования (Venyvidéki Magyar Közművelődési Egyesület), появившееся в Прекомурье 21 мая 1941 г. Возглавил его Фердинанд Хартнер, бывший жупан Мурской Соботы и один из крупнейших держателей акций Прекомурского банка. Это был политик ревизионистских взглядов, который еще задолго до оккупации придерживался провенгерских настроений. Главная задача, поставленная перед обществом, сводилась к разъяснению идеи об исторической миссии Венгрии. Все это подкреплялось фактами о былой «мощи Венгерской короны». Хартнер и его приверженцы выдвинули свою теорию о происхождении прекомурцев, согласно которой они провозглашались уграми, говорящими на вендском диалекте. Поэтому он предложил считать «вендский язык» одним из диалектов венгерского. В общество вступали венгры и промадярьски настроенные словенцы. Цель его создания заключалась в распространении венгерской культуры и уничтожении всего, что имело словенский этнический характер. ВМКЕ имела свой печатный орган «Мурска Собота и окрестности». Он издавался на венгерском языке, а некоторые статьи – на «вендском».

На территории Прекомурья стали развиваться новые для этого региона политические и общественные организации, имевшие провенгерский характер: «Партия венгерской жизни», «Венгерский союз участников войны» (Magyar

Tüzharcos Szövetseg), «Национальный союз венгерских женщин» (Magyar Asszonyok Nemzeti Szövetsége), «Единый женский лагерь» (Egyesült Női tabor) и т. д. Наиболее крупной организацией на начальном этапе оккупации стал «Культурный союз венгров в Южной Венгрии». Его деятельность заключалась в создании курсов народного образования, организации празднеств, имеющих венгерский национальный характер.

Следует также сказать несколько слов и о так называемом Рыцарском ордене. В начале мая 1941 г. Рыцарским столом было направлено обращение ко всем лицам, которые получили награды в ходе Первой мировой войны и доказали преданность венгерской нации. Все они после предоставления сведений о себе получали титул рыцаря, а с ним и ряд привилегий, как то: жалование или пенсию, льготный проезд на транспорте, обеспечение работой и т. д. Славяне также могли быть приняты в рыцарский орден, при условии, что они заменят свои фамилии на венгерские³⁷.

Наряду с Рыцарским орденом был создан Венгерский союз участников войны, Отечественный союз военных инвалидов, военных вдов и военных сирот. Члены союзов пользовались определенными привилегиями: денежное пособие, право приема на службу вне очереди, железнодорожные льготы. Для них организовывались курсы венгерского языка, проводились лекции по истории Венгрии и т. д.

Оккупационная система сама по себе является сложным военно-политическим механизмом, который в процессе своего существования претерпевает различного вида трансформации, находящиеся в прямой связи как с изменениями внутри государства-захватчика, так и с общей ситуацией на оккупированной территории. Оккупационные режимы, созданные на территории Словении как нельзя лучше иллюстрируют это.

Итальянская, немецкая и венгерская оккупационные системы, сложившиеся в 1941–1943 гг., по своей сути имели целый ряд общих черт. Наиболее близки друг к другу по методам управления и политике были немецкая система (сложившаяся в Нижней Штирии и Верхней Крайне), и венгерская. Итальянские власти пошли по несколько иному пути работы с населением, хотя, впоследствии эти различия практически стерлись.

Каждая из трех стран-захватчиц посчитала необходимым объяснить населению причины вторжения. Венгрия и Германия заявляли, что они стремятся к восстановлению исторической справедливости и хотят вернуть незаконно отобранные у них земли. Нижнюю Штирию и Верхнюю Крайну в директиве об оккупации Гитлер обозначил как «некогда принадлежавшие Австрии». Венгерские власти пропагандировали тот же тезис, называя свои действия закон-

ным освобождением мадьярских территорий. На одном из заседаний венгерского правительства отмечалось, что Венгрия «получила то, что 20–22 года назад было незаконно передано другим государствам». Итальянцы не претендовали на восстановление исторической справедливости, и поэтому их деятельность носила несколько иной характер. Они попытались с «пониманием» отнестись к местному населению, его культуре и самобытности, предоставить ему видимость автономии и тем самым доказать свои «благие» намерения.

Однако за довольно небольшой промежуток времени три оккупационные режимы были приведены к одному знаменателю. Отношение к населению становилось все более жестоким. Любые преступления дестабилизировавшие «порядок» на оккупированных землях карались по закону военного времени. Во всех трех зонах проводились акции по высылке неблагонадежных лиц в Сербию, Хорватию, Германию; разница заключалась лишь в численности депортируемых. Особо опасные элементы помещались в трудовые и концентрационные лагеря, которые располагались как в оккупированной Словении, так и на сопредельных с нею территориях. Освободившиеся земли заселялись соответственно немцами, итальянцами, венграми. Оставшееся славянское население подлежало ассимиляции, с этой целью создавались различные общества и организации, которые навязывали фашистскую идеологию и новое мировоззрение, искореня тем самым словенскую культуру и национальное самосознание.

Несмотря на то, что Люблянская провинция и словенское Прекомурье были аннексированы, они так и не стали равноправными частями оккупировавших их государств. Так, в Люблянской провинции широкое распространение получило Народно-освободительное движение, которого власти не ожидали. Они полагали, что население смирится со сложившимся положением, примет оккупацию как данность и органично войдет в состав Италии. Акции саботажа, нападения на военных и т. д. дестабилизировали общую ситуацию. Ответом на это стали репрессии, казни, уничтожение сел и деревень. В венгерской зоне был ряд экономических и организационных трудностей, не позволивших полностью интегрировать захваченную территорию.

В германской зоне идея депортации словенцев и переселения немцев на освободившиеся территории являлась центральным пунктом в плане германизации Словении. Главной целью являлось сокращение процента словенского населения. В этом случае все предпринимаемые немцами меры, возможно, и принесли бы результаты. Однако осуществление этого плана постоянно тормозилось, основная часть планировавшихся депортационных акций по тем или иным причинам откладывалась на послевоенное время.

В целом, оккупанты проводили на территории Словении политику, направленную на уничтожение словенской самобытности, что подразумевало искоренение национальной культуры. Уничтожались архивы и библиотеки, разворачивались музеи, из повседневного употребления постепенно исчезал словенский язык. Взамен навязывалась новая идеология, новые принципы общественного устройства, искусственно созданная национальная самоидентификация, базировавшаяся на ложных этнических теориях. Прививался новый образ жизни и новая идеология. Основной упор делался на детей и молодежь, как на более восприимчивую и гибкую прослойку. Лишение народа его языка, культуры и обычаев неминуемо должно было привести к его исчезновению.

Примечания

¹ Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem 1941–1945. Ljubljana, 1978. S. 52.

² Čulinovič F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970. S. 76.

³ Спрыгар В. Югославия в огне войны. 1941–1945. М., 1985. С. 21.

⁴ Jutro. 12.04.1941 № 87.

⁵ Arnež J. SLS 1941–1945. – Ljubljana–Washington, 2002. S. 35.

⁶ Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju med 6. aprilom in 14. junijem 1941 // Prispevki za novejšo zgodovino 2001, št. 1. S. 128.

⁷ Ahačič D. Osvobodilna ali državljanska vojna. Ljubljana, 1992. S. 45.

⁸ Mlakar B. Slovenski “meščanski” politični tabor in okupacija / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Knj. 1. Ljubljana, 2005. S. 601.

⁹ Ciano Galeazzo. The Ciano diaries 1939–1943. New York., 1946. S. 343.

¹⁰ Сборник докумената и податка о Народноослободилачком рату Југослованских народа. Београд, 1969–1976. Т. XIII, књ.1, С. 23. Док. № 6.

¹¹ Сборник... Т. XIII, књ.1. С. 23. Док. № 6.

¹² Jutro. 23.10. 1941.

¹³ Сборник... Т. XIII, књ.1, С. 420. Док. 153.

¹⁴ Okupacijske sistemina Slovenskem... S. 79, doc. № 65.

¹⁵ Сборник... Т. VI, књ. 7. Док. 159. С. 357.

¹⁶ Там же. С. 358.

¹⁷ Jutro. 15.10.1943.

- ¹⁸ Quellen zur nationalsozialistischen etnationalisierungspolitik in Slowenien. 1941–1945. Maribor, 1980. S. 42. Nr. 13.
- ¹⁹ *Zakonjšek R.* Štajerska 1941. Ljubljana, 1980. S. 114.
- ²⁰ Okupacijske sistemi na Slovenskem 1941–1945. Ljubljana, 1997. Doc. № 39. S. 55.
- ²¹ *Ferenc T.* Množično izgnanje slovencev med drugo svetovno vojno... S.30.
- ²² Marburger Zeitung. 29.04.1941.
- ²³ Okupacijski sistemi na Slovenskem... Doc. № 11. S. 31.
- ²⁴ Quellen zur nationalsozialistischen etnationalisierungspolitik... S. 41 Nr. 13.
- ²⁵ *Ferenc T.* Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941–1945. Maribor, 1968. S. 733–734.
- ²⁶ *Ferenc T.* Nacistična... S. 738.
- ²⁷ Marburger Zeitung. 24.11.1941.
- ²⁸ *Ferenc T.* Nacistična... S. 792.
- ²⁹ *Ferenc T.* Nacistična... S. 790.
- ³⁰ Okupacijske sistemi na Slovenskem... Doc. № 34. S. 50.
- ³¹ Там же.
- ³² *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации в Югославии // Les systemes d'occupation en Yougoslavie 1941–1945. Belgrade, 1963. S. 436.
- ³³ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации... С. 437.
- ³⁴ *Godina F.* Prekmurje 1941–1945. Murska Sobota, 1967. S. 29.
- ³⁵ Зборник... Т. 15, књ.1. С. 109. Док. 39.
- ³⁶ *Cigut K.* Iz prvih dni upora v Prekmurju // Obmurski tednik, leto 4., 1.10.1954.
- ³⁷ *Мирнич Й.* Венгерский режим оккупации... С. 440.

Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой

Исследования геополитических планов руководства как СССР, так и западных держав в годы Второй мировой войны получили заметное ускорение в 90-е годы XX века, когда Россия расширила доступ ученых к архивам страны. Новые источники закрывали бреши в событийном ряду истории войны, и, усложняя, обогащали аргументацию историков. Происходило углубление научных знаний, вводились оттенки в еще недавно черно-белые краски описания крупнейшей трагедии нашего времени. На основе документов, разнообразных по «происхождению», достоверности и научной ценности, формировались в сообществе историков сближающиеся оценки замыслов главных участников антигитлеровской коалиции. Но порой интерпретации источников, и выводы специалистов существенно расходились, и научные «страсти» до сих пор не затихают, питая непрерывный процесс осмысления прошлого.

Остаются активно обсуждаемыми советские геополитические замыслы в отношении стран, располагавшихся вдоль европейских границ СССР. Сколь далеко вглубь континента распространялись намерения Москвы получить по итогам войны свою сферу интересов? Каковы были советские мотивы разграничения сфер интересов, или влияния, или безопасности в Европе? Чем обуславливалось отношение лидеров западных держав к восточноевропейским претензиям Москвы, и по каким причинам они были склонны «уступить» Сталину? Почему те силы сопротивления советским намерениям в странах региона оказались обреченными на поражение? Ответы на эти вопросы имеют свою специфику применительно к каждой стране региона, но есть и нечто общее.

Страны, которым предстояло стать восточной, или западной сферой интересов «больших» государств занимали скромное политическое место в коалиции. В годы войны решающими позициями располагали здесь СССР и великие державы, объединенные общностью цели, ибо разгромить Германию и не допустить повторения агрессии было «по плечу» лишь их экономикам и их армиям. Поэтому представители этих стран фактически монополизировали военно-политическую власть в коалиции и определяли будущее Европы, исходя каждый из собственных интересов. Прочие страны и народы превращались в объект политики великих держав, в неравноправных партнеров.

Можно согласиться с существующей в историографии точкой зрения, что длительное время союзники СССР не стремились к заблаговременному определению сфер интересов. Как считает, например, английский историк Н. Дэвис, они «не делали даже попыток диалога по вопросам сфер влияния», и тем самым «уходили от возможных противоречий» с советской стороной. В 1942–1943 годах предпочтение для Англии и США имели «выносливость» Красной Армии, ее способность самостоятельно продолжать борьбу с вермахтом¹.

Это заключение Н. Дэвиса подтверждается, например, секретной перепиской У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта, где речь шла о том, чтобы «прочно держать Россию в состоянии войны с Гитлером», и оказывать ей всю возможную помощь, так как она была «единственной страной, которая ведет тяжелые бои с германскими армиями». 5 октября 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю: «Сегодня русский фронт является нашей самой большой опорой»². По словам Ш. Де Голля, союзники хотели поражения Германии, но не хотели сражаться так, как сражался Советский Союз³.

По мере того как в 1943 г. становилось понятным, кто будет главным освободителем Европы от нацизма, союзники осознали другое: реальное противодействие намерениям Москвы на континенте слишком рискованно, и вряд ли в их интересах.

Советская сторона связывала собственные геополитические планы с расширением влияния на прилегающие к ее границам государства и традиционно видела в этом способ обеспечения долговременной безопасности СССР. Еще в декабре 1941 г. И. В. Сталин на переговорах с британским министром иностранных дел А. Иденом говорил об этом откровенно и, как позднее вспоминал Иден, намерения Москвы со временем изменялись только в деталях⁴.

В историографии проблема советских геополитических интересов применительно к восточноевропейскому региону на уровне «высокой» политики разработана достаточно основательно. Уделяется внимание таким аспектам этой большой и многослойной проблемы как столкновение интересов различных национально-политических сил внутри региона и советские методы разрешения конфликтных ситуаций. Внимательно рассматривается и вопрос о силовых методах утверждения советских геополитических приоритетов⁵.

История прямого участия советских органов насилия в процессах, имевших место в Восточной Европе на этапе перехода от войны к миру, активно разрабатывается применительно к Польше. Написано на этот счет достаточно много, особенно в констатирующей манере подачи материала. При таком подходе проблема репрессий приобретает признак некой самодостаточности, изолированности от ее глубинных военно-политических причин и взаимосвязей с другими событиями. Значительно фундаментальней, на наш взгляд, выгля-

дят те работы, авторы которых рассматривают репрессии в Польше через призму геополитических замыслов, как советского руководства, так и Польши, их концепций использования силы при определении послевоенного будущего восточноевропейского региона⁶.

Это позволяет поставить историю репрессий, в частности в отношении Армии Крайовой, в рамки принципиально важной задачи обеспечения Москвой, с одной стороны, и польским правительством в Лондоне, с другой, собственных национально-государственных интересов посредством создания каждой из сторон «своего» территориального «пояса безопасности».

В условиях жесточайшей борьбы с нацизмом, оплаченной миллионами жизней советских людей, проблема создания послевоенной безопасности обостренно расценивалась советским руководством как архиважная. Ключевое место во всей конструкции предотвращения новой, вполне реальной, как тогда считали в Москве, германской угрозы занимала территория Польши. Речь шла о планах включения Польши в сферу советских интересов, лучше – контрроля, что открывало возможности закрепить позиции СССР на континенте. Советские политики уже в конце 1941 г. вели речь о геополитически сильной Польше, располагавшейся на запад от советско-польской границы, установленной осенью 1939 г., расширенной за счет восточных земель побежденной Германии и тем самым «передвинутой» вглубь континента⁷.

Но Советский Союз не был единственным претендентом на послевоенное внешнеполитическое преобладание в регионе. Геополитический интерес еще с довоенного времени имела здесь и Польша. Польская правящая элита в лице правительства в эмиграции, созданного после сентябрьской катастрофы 1939 г., была крайне обеспокоена задачей предотвращения в будущем внешней угрозы, причем как германской, так и советской. Она рассчитывала достигнуть этого посредством региональной системы союзов (конфедераций) т. н. малых государств. Создавая свой «пояс безопасности», планировалось сделать Польшу ведущим государством региона, обладающим высоким международным престижем и влиянием и, главное, способным обеспечить территориальную целостность и независимость, прежде всего от СССР⁸.

Решение такой задачи связывалось польскими политиками не только с традиционной системой союзов с западными державами и региональных блоков. Расчет был на существенное приращение после войны территории Польши на западе за счет восточных и северо-восточных провинций Германии, за чем следовало бы увеличение промышленного потенциала страны и, что необходимо особо отметить, протяженности польского побережья Балтики, как фактора в ту пору, несомненно, повышавшего геополитические возможности и значение любого европейского государства.

Таким образом, если ближайшие цели советского и польского правительств (военный разгром и территориальное ущемление Германии как средство ограничения будущих военно-экономических возможностей для реванша) совпадали, то долгосрочные интересы двух стран были во многом несовместимы. Это делало почти неизбежным острый советско-польский конфликт. Учитывая столь сложный геополитический контекст, и следует, на наш взгляд, подходить к судьбе военно-политического подполья, руководимого польским правительством, и к трагедии Армии Крайовой как важнейшего внутреннего фактора борьбы за реализацию геополитических и внутривойсковых задач правительства Польши.

Первые, в начале разрозненные польские военные организации создавались, начиная с осени 1939 г. на территории, главным образом, ряда центральных и юго-восточных воеводств, которые были захвачены гитлеровской армией и названы «генерал-губернаторством для оккупированных польских земель». Их инициаторами становились кадровые офицеры довоенного Войска Польского, не смилившиеся с утратой независимости и разделом Польши между Германией и СССР в сентябре 1939 г. Усилиями правительства во главе с ген. В. Сикорским в лице его специальных представителей (делегатов), а также сохранившейся части руководства довоенных политических партий несколько позднее были сформированы подпольные политические организации и административные структуры гражданской власти. Организаторы подполья видели цель борьбы народа в восстановлении независимого польского государства, а путь к этому в подготовке к всеобщему восстанию против двух врагов и оккупантов (гитлеровского и советского) в тот момент, когда армии западных союзников начнут освобождать Польшу. Тем самым, как считалось, будут гарантированы возвращение правительства из эмиграции, непрерывность легитимной власти, и исключение внешнеполитического вмешательства во внутренние дела страны⁹.

В 1939–1940 годах имели место попытки распространить деятельность подполья на Западную Украину и Западную Белоруссию, которые осенью 1939 г. были включены в состав СССР. Но усилия польских подпольщиков подавлялись НКВД СССР. По советским данным, к апрелю 1941 г., здесь было арестовано 16758 участников подполья и депортировано 389382 членов их семей и других «бывших польских граждан»¹⁰. Эти события, сломавшие судьбы и жизни сотен тысяч поляков, придавали их борьбе за восстановление независимости и антисоветскую направленность. Они влекли за собой усиление антисоветских настроений, которые после победы Польши в польско-советской войне 1919–1920 годов превратились в стабильный фактор национального сознания, присущий самой значительной части польского общества. Теперь

эти настроения естественно проявлялись синдромом враждебности к восточному соседу – главному врагу поляков. Их ненависть к русским отмечал, например, находившийся в Москве английский полковник И. Джекоб, который встречался с командующим Польской Армии ген. В. Андерсом, интернированным в СССР в сентябре 1939 г., и освобожденным из советской тюрьмы по амнистии осенью 1941 г.¹¹

Антисоветизм на польской «стороне», имевший в своей основе и антиросийские корни времен царской империи, идентифицировался в массовом сознании поляков с таким особо ценным национальным чувством как патриотизм, и любая «уступка» Советам приравнивалась к национальному предательству. Эти обстоятельства после нападения Германии на СССР и превращения двух стран в партнеров по антигитлеровской коалиции заметно сужали возможности политического маневра для польского правительства.

С советской стороны антисоветские настроения поляков квалифицировались, как выражение классовой ненависти к СССР, и этот тезис распространялся посредством идеологической пропаганды. Именно как классово враждебное, а не национально-патриотическое явление расценивала Москва польское подполье не только на своих «новых» землях, но и на этнически польской территории. Таким образом, атмосфера политического недоверия и национальной неприязни порождала серьезнейшие препятствия на пути военного взаимодействия двух стран в борьбе с гитлеровской Германией.

Между тем, в течение 1942–1943 гг. польское подполье, сплачивавшее идеей борьбы за независимость преобладавшую, хотя идеологически и политически многоликую часть общества, сложилось как целостная административная «вертикаль» гражданской и партийно-политической власти. Происходило объединение разрозненных военных организаций, которые с 1942 г. назывались Армия Крайова (АК). Возникла разветвленная подпольная сеть, в 1944 г. именовавшаяся «подпольным государством», его важнейшим звеном и была Армия Крайова. Вне «подпольного государства» остались радикально левые организации, прежде всего коммунистов, руководимые подпольной Польской рабочей партией, и мелкие крайне правые группировки.

По мере развития ситуации на восточном фронте росли авторитет АК в обществе, и масштаб тех задач, которые отводились АК польским правительством. Постепенно происходило превращение АК из кадровой в массовую организацию. Численность АК в первой половине 1944 г. превышала 350 тыс. принявших присягу военных и гражданских лиц. Из них лишь 10 тыс. были профессиональными офицерами. Все вступившие в АК лица распределялись по трем группам: участники боевых подразделений; резерв из офицерских кадров; народные ополченцы, или те, кто проявлял готовность к сопро-

тивлению оккупантам¹². Польские историки обоснованно считают, что роль АК, организации, не только военной, но и «гражданской, добровольческой и выражающей нередко настроения всего общества той эпохи, в силу реального особого конспиративного бытия многократно превышала функции лишь вооруженных сил»¹³.

После нападения гитлеровцев на СССР оценки советским руководством польского подполья во многом были производными от состояния советско-польских межгосударственных отношений. Германия превратилась в общего, столь грозного врага, что объективной реальностью стало совпадение ближайших целей двух стран на антигерманском направлении. Это принципиально важное обстоятельство отодвигало коренные межгосударственные противоречия на второй план и открывало перспективу активного военно-политического сотрудничества в борьбе с Германией, что выразилось в заключении 30 июля 1941 г. Соглашения о помощи и взаимной поддержке в войне и свидетельствовало о начинавшейся существенной перемене во всем комплексе советско-польских отношений. Это демонстрировали контакты высоких представителей Польши и советских руководителей осенью-зимой 1941 г.¹⁴.

Обозначенные перспективы советско-польского военно-политического сотрудничества могли создать условия для «подключения» польского военного подполья к взаимодействию с советским партизанским движением, формировавшимся как стихийно, так и под руководством ЦК ВКПб и НКВД СССР. Но позитивные перемены в межгосударственных отношениях СССР и Польши натолкнулись на ряд препятствий. Непреодолимым среди них были в корне не совпадавшие позиции партнеров по вопросу послевоенной советско-польской границы. Это порождало целый «веер» трудно или вовсе тогда неразрешимых проблем, касавшихся положения, прав, гражданства, обязанностей и возможностей тех граждан Польши, кто после сентября 1939 г. находился на территории СССР и считался советским руководством гражданином СССР¹⁵.

Между тем, проблема межгосударственного разграничения являлась важнейшим звеном в концепции геополитического обеспечения послевоенной безопасности и независимости каждого из государств. В Москве рассчитывали, создав систему союзов с сопредельными странами, закрепить советские границы на западе, в том числе с Польшей, по состоянию на осень 1939–1940 гг. и по итогам войны выйти, по меньшей мере, на региональный «геополитический простор». Отстаивая советско-польскую границу по линии Керзона, Советский Союз одновременно отстаивал решенную осенью 1939 г. важную для него, национально-политическую задачу объединения в границах СССР всех или почти всех земель, населенных украинцами и белорусами. Тем са-

мым националистическими кругами политически активной, прежде всего украинской, прогермански и антисоветски настроенной эмиграции, действовавшей в 20–30-е годы, в том числе на территории Польши, лишались их главного лозунга создания «соборной Украины», независимой от Советской России. Этот лозунг был весьма опасным для Москвы, но национально привлекательным для населения, прежде всего, западных районов Украины. Советская цель определяла жесткий курс Сталина в отношении украинской эмиграции до войны и его твердую неуступчивость во время войны по вопросу советско-польской границы вообще, ее украинской «линии» и принадлежности Львова, в частности.

На основе оперативной информации о ситуации в западных районах Украины и Белоруссии, регулярно поступавшей в Кремль по разным каналам, в том числе от НКВД СССР, в советском руководстве еще до 1941 г. сложилось устойчивое представление о польском подполье как угрожавшем территориальной целостности страны. В ходе допросов поляков, арестованных тогда НКВД, было выяснено, что требование восстановления границы 1921 г. стало национальной идеей, объединявшей поляков вокруг правительства в эмиграции и его подпольных структур в стране¹⁶. Этот факт становился взаимно трудно преодолимым национально-политическим «порогом» не только для правительств, но и для народов соседних стран.

Польское руководство считало сохранение восточной довоенной границы аксиомой своего внешнеполитического курса. Граница 1921 г. выступала «несущим» элементом всей геополитической конструкции польского руководства, рассматривалась как непеременимое и решающее условие национальной безопасности в будущем, как кордон на пути СССР в Европу. Для обоснования этого использовался целый блок разнообразных аргументов. Отметим, что наименее убедительным и «ненадежным», на наш взгляд, выглядело обращение польской, как и советской, стороны к историческому праву на территории со смешанным польско-украинско-белорусско-еврейским населением. Значительно более весомыми были ссылки на советско-польские договоры, прежде всего Рижский договор, заключенный по итогам войны 1919–1920 годов. С тех пор граница, установленная в результате военного поражения Советской России, стала символом преодоления многовекового российского господства и угрозы большевизма, что в межвоенное время сформировало массовое национальное сознание поляков. Учитывая это обстоятельство, становится понятной вся глубина национального потрясения, испытанного поляками осенью 1939 г., когда Красная Армия нарушила эту границу и, почти не встречая военного сопротивления, заняла восточные территории Польши.

Хотя советское вторжение 17 сентября 1939 г. не повлекло за собой объявления войны, фактически стороны находились в состоянии необъявленной и «негорячей» войны вплоть до лета 1941 г.¹⁷, когда СССР и Польша восстановили межгосударственные отношения и стали участниками антигитлеровской коалиции. Но советско-польский, строго говоря, геополитический спор за конкретные территории, решенный силой в пользу Польши в 1921 г., а в 1939 г. опять же силой в пользу СССР, оставался главным раздражителем во всем комплексе советско-польских отношений, порождал атмосферу взаимного недоверия и национальных фобий.

В разрешении этого спора в свою пользу советское руководство исходило из боеспособности Красной Армии в противостоянии с Германией. О том, что вопрос о советско-польской границе Москва будет решать силой и независимо от позиции западных союзников, Сталин в мае 1942 г. писал Молотову, находившемуся на советско-английских переговорах в Лондоне¹⁸.

Польша, со своей стороны, надеялась не только на политическую, дипломатическую и военную поддержку западных держав, но и на «внутренний фактор». Длительное время, вплоть до 1943 г., в подполье действовала установка на сохранение «биологической, культурной и экономической субстанции» страны¹⁹, поэтому основными способами борьбы оставались саботаж, диверсии, разведка в пользу западных держав, террор, операции возмездия, поддержка национальной жизни и духа поляков. Но по мере того, как приближался перелом в войне, и обозначалась вполне вероятная перспектива освобождения Польши от гитлеровских оккупантов не с Запада, а с Востока, изменялась военно-политическая тактика подполья. Все больший вес в планах польских политиков и командования АК приобретала ориентация на обеспечение независимости от Москвы собственными силами. Именно с 1943 года началось создание партизанских отрядов Армии Крайовой для ведения ограниченных вооруженных действий против гитлеровцев. Причем, правительство Польши, ориентируя военно-политическое подполье на сопротивление гитлеровским оккупантам, испытывало трудности при конкретизации задач АК в случае вступления Красной Армии на территорию довоенной Польши. Ген. В. Сикорский в конце 1942 г. считал, что вооруженное противостояние СССР по понятным причинам было бы безумием, и ограничивал задачу АК при соприкосновении с Красной Армией выходом из подполья, демонстрацией суверенитета Польши и позитивного отношения к СССР²⁰.

Но такая ориентировка, особенно после разрыва отношений весной 1943 г. и при возраставшем понимании вероятности прихода Красной Армии в Польшу, не давала ответа на вопрос, как быть дальше, если СССР не признает подпольные структуры представителем интересов Польши. При разработке плана

«Буря» к осени 1943 г. было сочтено допустимым локальное сопротивление советским войскам, но только в случае необходимости самообороны, что также оставляло много вопросов для командиров тех партизанских отрядов АК, которые сосредотачивались на восточных землях довоенной Польши²¹.

Советское руководство располагало информацией о намерениях Польши. Сведения на этот счет поступали в Москву по дипломатическим каналам, по линии внешней разведки, которая имела своих резидентов в аппарате правительства и спецслужбах главной союзницы Польши – Великобритании. Как утверждают российские исследователи, еще с межвоенных времен сохранялась надежная агентура внешней разведки среди членов польского правительства, находившегося теперь в Лондоне, и в его аппарате. Имелся также доступ к каналам связи этого правительства с оккупированной территорией, в том числе с командованием Армии Крайовой. Согласно современным польским исследованиям, существовала советская агентура и в «низах» АК²². Документы советского внешнеполитического ведомства позволяют считать, что, начиная с 1942 г., чехословацкое правительство с согласия президента Э. Бенеша предоставляло Москве всю поступавшую от В. Сикорского документацию о польских планах создания конфедераций в регионе²³.

Источником оперативных сведений о ситуации на оккупированных советских и польских землях служило советское и левое польское партизанское движение. Длительное время среди поступавшей в Кремль разнообразной информации Армия Крайова не фигурировала как главная и наиболее крупная военная сила польского правительства. Основными признаками, определявшими облик и цели всего военно-политического подполья, отмечались анти-советизм и подчиненность правительству в эмиграции, а не результаты борьбы с оккупантами.

Например, 20 января 1943 г. Сталину и ряду других высших советских руководителей поступила докладная записка начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Она была озаглавлена «О поведении поляков и некоторых наших задачах»²⁴. Автор документа фиксировал внимание ЦК ВКПб на принципиальных для Москвы сюжетах. Анализируя польскую печать, он приводил многочисленные примеры определения границы 1921 г. как «стратегической необходимости», как «канона современной польской политики», особой ее «геополитической ценности», что позволит Польше быть «важным фактором в Средней Европе». В противном случае, отмечал автор документа, называлось реальной угрозой Польше стать «16-ой республикой» в СССР.

Кроме того, Пономаренко констатировал, что в оккупированной стране сохраняются те «польские силы», которые «организуются против нас» и полу-

чают «директивы уничтожать представителей советского партизанского движения». В подтверждение он приводил слова тогда вице-премьера правительства С. Миколайчика, который призывал поляков не оказывать пока активного сопротивления гитлеровцам, ибо, цитировался Миколайчик, «иное поведение польского народа лишает союзников силы, которая может сыграть большую роль в конечном этапе борьбы».

Исходя из этого, автор донесения рекомендовал советскому руководству «использовать антинемецкие настроения польского населения на территории собственно Польши» и «разжечь там партизанскую войну» для чего «послать к весне (1943 г. – А. Н.) 80–90 тщательно подобранных и обученных агентов». Он предлагал привлечь для этого Центральный партизанский штаб «независимо и параллельно с деятельностью других органов в этом направлении». Имелись ввиду советские, тесно связанные между собой военно-разведывательная и коминтерновская «линии», поставлявшие информацию по польским «делам».

Записка политического деятеля, контролировавшего советское партизанское движение, адекватно отражала как массовые антигерманские настроения польского населения, так и действовавшую тогда политическую ориентировку на сбережение сил для решающего момента в освобождении страны. Одновременно она демонстрировала весьма скромные конкретные знания Центрального партизанского штаба о ситуации в военно-политическом подполье Польши.

Даже не располагая сведениями о реакции Сталина на эту записку, можно считать, что отношение советского руководства к польским подпольным структурам, подчинявшимся правительству в эмиграции, формировалось, в том числе под воздействием документов подобного содержания. Примером может служить ответ Сталина на предложения посла Польши в СССР Т. Ромера, высказанные в ходе беседы в Кремле 26 февраля 1943 г., когда обсуждался ряд сложных проблем, накопившихся в советско-польских отношениях²⁵.

Значительное время посол уделил рассказу о подполье, подробно остановившись на разных аспектах борьбы с нацистами (от экономического саботажа до «локальных военных действий»). Он обратил внимание хозяина Кремля на то, что в стране действуют «не партизанские отряды в обычном смысле этого слова», что ими командуют офицеры запаса и кадровые офицеры, которые «строго выполняют инструкции правительства», что населению Польши даются указания не поднимать всеобщего восстания, так как нет надежды «на скорую поддержку извне». В противном случае, говорил Ромер, «немцы ответили бы резкими массовыми репрессиями против польского населения», с чем Сталин согласился. Говоря о «поддержке извне», посол вовсе не упомянул западных союзников, а сделал акцент на «польские и советские войска».

Но все это было лишь необходимым вступлением к тому, на наш взгляд, важному, с чем пришел польский дипломат в Кремль. Он предложил обсудить проблему дестабилизации «польского» тыла гитлеровской армии и организации с этой целью практического взаимодействия польского военно-политического подполья с действующей Красной Армией. Польский представитель известил Сталина о подготовке операции по выведению из строя 85% железных дорог, идущих через Польшу, операции, «ориентировочно намеченной на начало марта»(!). Тем самым Москве давалось понять, сколь серьезными подпольными военными силами располагает польское правительство. Предлагалось «установление контакта между военными властями Польши и СССР для содействия осуществлению задуманного поляками плана»²⁶. Отметим, что Армия Крайова как главная военная сила, которая и будет выполнять эту операцию, в беседе не была названа, хотя уже более года действовала под этим названием.

Предложения Ромера свидетельствовали о переменах в тактике польского руководства. Они отражали не только текущий военно-оперативный замысел, но и далеко идущий геополитический расчет. Они были сделаны под несомненным влиянием только что состоявшегося разгрома армии Паулюса под Сталинградом, обозначившего перспективы прихода Красной Армии в страны Восточной Европы. Для польского правительства и руководства подпольем, архиважным становилось военное взаимодействие с СССР, утраченное в 1942 г. после вывода Польской армии из СССР.

Для Сталина дать согласие на предложение посла, без сомнения, значило сделать польское подполье активным элементом советско-польских межгосударственных отношений, а Армию Крайову военным партнером Красной Армии, что после битвы под Сталинградом вряд ли имело политический и военно-оперативный смысл. Это определило весьма осторожный подход советского лидера к предложению о взаимодействии с польским подпольем и фактически его отрицательный ответ Ромеру. «С эгоистической точки зрения, рассуждал Сталин, с точки зрения Красной Армии всякий шум, хаос в германском тылу очень хорош, но для Польши это мероприятие было бы опасным. Эта операция была бы хороша не теперь, а тогда, когда ее могло бы поддержать всеобщее восстание польского народа». На вопрос польского посла, «когда задуманная поляками операция могла бы иметь большое значение», Сталин дал уклончивый ответ. Сославшись на ответные «сильные репрессии со стороны немцев», он предложил лишь «установить контакт между русско-украинскими и польскими партизанами» вместо «драчки», которая идет между ними»²⁷. Последнее свидетельствовало, что Москву больше беспокоила ситуация внутри партизанского движения в тылах германской армии и перед советской линией фронта, чем предложение посла.

Сталин со своей стороны предложил вариант советской помощи польским партизанам: «У нас в тылу немцев есть целые районы, власть в которых партизаны крепко держат в своих руках. ...Если в Польше есть также районы с тайными аэродромами, то советское правительство могло бы оказать помощь польскому партизанскому движению». Посол не принял сделанное предложение: «Территория Польши находится под тщательным наблюдением германских войск. Поэтому там невозможно организовать тайные аэродромы и осуществлять связь при помощи самолетов»²⁸.

Как показывает запись беседы, собеседники не нашли взаимопонимания не только в этом вопросе. Советский лидер не отреагировал на беспрецедентное предложение возвратить выведенную из СССР в 1942 г. польскую армию, на территорию СССР для участия в боях на советско-германском фронте. Такой аргумент в новой ситуации на фронте уже не «работал». Кроме того, в Москве рассматривались планы формирования в составе Красной Армии новых польских воинских частей, а западные союзники считали весьма скромной ту политическую роль, которую они могли отвести польскому правительству на заключительной стадии войны. Президент США Ф. Д. Рузвельт продемонстрировал это 15 марта 1943 г. на встрече с А. Иденом. Когда английский министр высказал опасения, что на послевоенной мирной конференции Польша потребует восстановления ее восточных довоенных границ, президент резко заявил, что «великие державы будут решать, что получит Польша, и он не намерен ехать на мирную конференцию, чтобы торговаться с Польшей и другими малыми странами»²⁹.

Советский лидер, беседуя с польским послом, высказывался значительно «аккуратней» Рузвельта, но многозначительный подтекст слов, сказанных в заключение беседы («Мы от Польши ничего не хотим. Мы, наоборот, поможем Польше, а пока же мы несем на своей спине всю тяжесть войны»³⁰) был понятен его собеседнику.

Таким образом, обсуждение вопроса об установлении военно-оперативного взаимодействия Красной Армии и Армии Крайовой окончилось безрезультатно. Сталин не пошел вслед за событиями, «автором» которых была польская сторона. Он не дал польскому правительству шанс ввести в непростые межгосударственные отношения дополнительный, в будущем ставший политически острым фактор – Армию Крайову. Москва оставила свои «руки» на польском направлении свободными. Вскоре проблема практического взаимодействия Армии Крайовой с Красной Армией «снялась» сама собой.

История советско-польского конфликта и разрыва СССР отношений с Польшей весной 1943 г. исследована учеными³¹. Москва остро отреагировала на действия польского правительства и антисоветский «взрыв» польской

печати в Лондоне в связи с немецкой информацией о расстреле польских офицеров осенью 1940 г. под Смоленском. Но складывавшаяся ситуация оборачивалась для нее не «потерей лица» (на что рассчитывали польские политики в Лондоне) и не расколом в антигитлеровской коалиции (чем был озабочен Берлин), а политической выгодой. Советское правительство, понимая, что для западных держав сохранение взаимодействия с СССР значительно существенней союзных отношений с Польшей, приобретало возможность «подождать» иного по составу польского государственно-политического партнера. Польша, которую фактически не поддержал ее главный союзник – Черчилль, назвав реакцию правительства Сикорского на немецкую информацию «тяжелой ошибкой»³², утрачивала позицию и до этого «скромного» субъекта антигитлеровской коалиции. При обсуждении главными союзниками польских проблем она становилась объектом их согласованной или «индивидуальной» политики.

Стремление польской стороны, используя подлинную немецкую информацию, политически и морально «обезоружить» Сталина перед США и Великобританией сыграло контрпродуктивную роль в судьбе правительства Польши. Как сообщал в Москву 16 апреля 1943 г. А. Е. Богомолов, советский посол в Лондоне при правительствах «малых» стран, англичане стремились сдерживать «поляков в их желании развернуть бешеную антисоветскую кампанию», так как осознавали, что это поставило под вопрос возвращение в страну самого польского правительства³³.

Теперь английская сторона, крайне заинтересованная в урегулировании конфликта, и, прежде всего, в сохранении Сикорского на посту премьер-министра, сама стала предлагать Москве в качестве партнера польское военно-политическое подполье. «Польское правительство, – писал 15 и 16 июня 1943 г. посол Великобритании в СССР А. Кларк-Керр наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, – создало в Польше в высшей степени действенную организацию, находящуюся под централизованным руководством, которая в течение длительного времени вносит ценный вклад в дело союзников, и преждевременно пожертвовать которой было бы большой ошибкой». Стремясь вызвать интерес советского руководства к использованию возможностей подполья, посол предлагал его помощь Красной Армии опять же «через разрушение жизненных коммуникаций немцев»³⁴.

Это и подобные ему предложения западных союзников остались без положительной реакции Москвы, которая выдвигала условием нормализации советско-польских отношений не вопрос о границе, а проблему благоприятного для нее состава польского правительства и его внешнеполитического курса. В это же время советское руководство дало согласие на создание в составе

Красной Армии польской дивизии им. Т. Костюшко и на активизацию левой польской эмиграции на территории СССР, обозначив тем самым возможность появления иного польского партнера СССР³⁵.

Тем не менее, не столько эти последние обстоятельства и не перемены в составе правительства, наступившие после гибели 4 июля 1943 г. дальновидного политика В. Сикорского, намеревавшегося совершить «принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши»³⁶, сколько регулярно поступавшая в Кремль информация о политических планах подчиненного правительству подполья сдерживала Москву от предлагавшихся ей контактов с АК.

В августе 1943 г. Сталину был доложен материал, подготовленный на основе разведанных и озаглавленный «Отчет уполномоченного польского эмигрантского правительства в Лондоне, нелегально находящегося на территории Польши, о подготовке националистическим подпольем антисоветских акций в связи с наступлением Красной Армии». В документе говорилось, что военное подполье на всей территории довоенной Польши весьма обеспокоено продвижением Красной Армии на запад и планирует восстание в западных районах Украины и Белоруссии. Как утверждала резидентура, руководству подпольем заранее ясно, что восстание обречено на поражение, но представитель правительства высказывался за проведение такой акции «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим»³⁷.

Такой, трудно предсказуемый по последствиям «показ всему миру» Сталину был не нужен, не говоря уже о восстании перед линией советского фронта и на территориях с населением, сложным по национальному составу и политическим ориентациям.

12 октября 1943 г. советская сторона получила еще одно сообщение на польскую тему от своего источника в Лондоне. В нем говорилось, что польский генеральный штаб «с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии»: «Польские вооруженные силы должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии»³⁸.

Эта, как и предыдущая, информация относилась к плану «Буря», который оформился осенью 1943 г. в правительстве и командовании Армии Крайовой. Силой партизанских отрядов планировалось обеспечить легализацию «подпольного государства», продемонстрировать суверенитет страны и независимость от СССР. Как пишет известный английский историк Я. Чехановский,

польское правительство «не имело намерения поддерживать Красную Армию в ее продвижении через Польшу и желало сохранить полный оперативный и политический контроль над АК до момента окончательной «схватки» со Сталиным». Что касается восточных территорий довоенной Польши, то здесь предполагалось «создать скелет подпольной антисоветской организации», чтобы сохранить кадры АК, особенно в гг. Львове и Вильно (Вильнюс)³⁹.

Принципиально важной для Сталина являлась та часть вышеупомянутого сообщения, в которой передавался долгосрочный политический замысел плана «Буря». С оговоркой, что не все члены правительства поддерживают курс на жесткое противостояние СССР, резидент констатировал следующее: «Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии»⁴⁰.

Такие, и подобные им, в целом достоверные сведения были для Москвы дополнительными аргументами для отказа от неоднократных предложений западных политиков установить контакт с военным подпольем, подчиненным польскому правительству, и твердой позиции по польскому «вопросу». На конференции глав великих держав в Тегеране, где Черчилль и Рузвельт согласились с требованиями Сталина о советско-польской границе по линии Керзона, произошло то, о чем Рузвельт в начале 1943 г. говорил Идену: судьбу Польши без ее участия решали Сталин и лидеры ее западных союзников⁴¹.

Между тем части Красной Армии в начале января 1944 г. пересекли довоенную советско-польскую границу. Происшедший обмен протестами и заявлениями польского и советского правительств, а также западных держав, показал бесперспективность расчетов на уступки СССР, в том числе по вопросу о границе. Это понимал премьер-министр С. Миколайчик, который 17 марта 1944 г. в письме руководству подполья писал: «Во всей польско-советской полемике последних недель польскому правительству важно было так дипломатически разыграть спор, чтобы ответственность за то, что он не ликвидирован, а даже обострился пала не на Польшу, а на Советский Союз». «Разыгрыванием» спора польский премьер рассчитывал снизить уровень продемонстрированной в Тегеране и нараставшей изоляции его правительства на международной арене⁴².

На рубеже 1943–1944 гг. на оккупированной гитлеровцами польской территории заявил о себе приемлемый для СССР польский партнер – Крайова Рада Народова, представительный орган власти, созданный в подполье при решающем участии польских коммунистов. Это событие обозначило перспективу создания власти, альтернативной правительству в Лондоне. 16 марта

1944 г. делегация КРН выехала в Москву, где польская эмиграция, руководимая коммунистами, также готовилась к будущему участию во власти на освобожденных польских землях. Сталин, как теперь доподлинно известно, тогда же ознакомился с программными документами как КРН, так и «московского» Польского Национального Комитета – предтечи Польского комитета национального освобождения⁴³.

Столь важные перемены, происшедшие в начале 1944 г., серьезно усложнили ситуацию «подпольного государства» и в особенности Армии Крайовой, партизанские отряды которой уже в ближайшее время могли оказаться лицом к лицу с Красной Армией сначала на спорных, а затем этнически польских землях. Последовали уточнения в рекомендациях, которые правительство направляло в страну. Теперь, в феврале 1944 г. отрядам АК рекомендовалось концентрироваться на бывших восточных «окраинах» Польши и в момент прихода советских войск легализоваться вместе с представителями польской подпольной администрации. Сохраняя полную независимость от Красной Армии, они могли предлагать «вступающим на территорию Польской Республики вооруженным силам Советов согласовать взаимодействие в военных операциях против общего врага». Была предусмотрена и страховочная мера – прекращение легализации в случае попыток разоружения и арестов участников отрядов АК советскими органами⁴⁴.

Анализ этого приказа показывает, что его авторы не учитывали принципиального момента: советское командование, как и командование любой иной действующей армии, не могло допустить действия в тылах своих войск неподконтрольных ему вооруженных отрядов, дивизий и бригад без предварительных на то политических договоренностей. Таковых не было, и советская сторона в военно-политических интересах использовала этот естественный закон военного времени. 9 марта 1944 г. Ставка Верховного главнокомандующего направила директиву Сталина и начальника генштаба Красной Армии А. И. Антонова командующим 1-м Украинским фронтом, который выходил в район Ровно-Луцка, и двумя Белорусскими фронтами, которые приступали к боевым операциям в Белоруссии⁴⁵.

Согласно документу «О принятии решительных мер к ликвидации вражеских банд в тылу наших войск», остававшиеся в тыловой полосе этих фронтов вооруженные отряды АК подпадали под действие директивы о разоружении при неподчинении приказам советского командования или о вступлении в армию С. Берлинга. Таким образом, политические установки польского правительства, которые было обязано исполнять командование АК, вовлекали отряды военного подполья в ситуацию «западни», ставили их под удар советских военных властей, решавших важнейшую для всех стран коалиции воен-

но-стратегическую задачу продвижения к границам Германии. Одновременно достигалась геополитическая цель советского руководства – взять под безраздельный контроль территорию соседней Польши.

В научной литературе высказывается мнение о том, что «под конец марта советское командование было склонно воспринимать АК, как независимого союзника в борьбе с Германией, и заключить с (командующим АК. – А. Н.) ген. Т. Бур-Коморовским военную конвенцию» на условиях сначала полного оперативного подчинения российскому командованию и затем роспуска всех польских подпольных отрядов на территориях, занятых Красной Армией. Было ясно, считает Чехановский, что «русские хотели видеть солдат АК в бою, а не в своих тылах»⁴⁶.

Доступные сегодня советские документы из архивов России не дают убедительных оснований для столь однозначных предположений. Позиция Москвы была сложнее. Об этом свидетельствуют, например, те уклончивые ответы, которые в марте 1944 г. Москва направляла своим западным союзникам, крайне обеспокоенным проблемой легализации отрядов АК в тылах Красной Армии. США и Великобритания пытались по дипломатическим каналам выяснить намерения Москвы на этот счет и скорректировать их, но не получали желаемого ответа. Так, в меморандуме, врученном советнику посольства США Гамильтону 15 марта 1944 г. заведующий американским отделом НКВД СССР В. Г. Зарубин утверждал, что, несмотря на всеобщую ненависть народа к гитлеровцам, «в Польше все еще нет достаточно эффективного и организованного вооруженного сопротивления врагу». О существовании АК и ее борьбе с гитлеровцами он не упоминал. Отмечались другие участники Сопротивления, а именно созданные коммунистами и левыми деятелями крестьянского движения «довольно крупные отряды Народной Гвардии и Крестьянских батальонов», которые, подчеркивал Зарубин, «наталкиваются на сопротивление сторонников эмигрантского польского правительства». Подобная этой информация («еще не встречали каких-либо отрядов ген. Соснковского или польского эмигрантского правительства») была направлена 25 марта 1944 г. наркомом В. М. Молотовым английскому послу А. Кларк-Керру, который интересовался возможностями практического взаимодействия частей Красной Армии и отрядов АК⁴⁷.

Приведенные выше ответы Москвы показывают, что советское руководство не намеревалось допускать воздействия союзников на свою политику в отношении польского военного подполья. Между тем, командование 2-ого Белорусского фронта 23 марта 1944 г. доложило Ставке Верховного Главнокомандования о том, что на Волыни 20 марта имело место кратковременное взаимодействие 27-й дивизии АК с 69-й армией фронта. Как пишет Я. Чеха-

новский, командованием АК перед дивизией была поставлена задача, временно войдя в тактическое подчинение советскому командованию, действовать, «как бы опережая советские войска» и занять Ковель и Владимир Волынский. Что же касается дальнейшего развития событий, то это признавалось прерогативой «высокой политики»⁴⁸.

24 марта командование фронта получило ответ Москвы на упомянутую информацию. Сталин и Антонов считали совместные действия польских партизан с Красной Армией «желательными при условии полного подчинения во всех отношениях только командованию Красной Армии в лице командования Белорусским фронтом». Далее в приказе говорилось: «Двоевластия в военном деле быть не может. Дивизия может иметь связь с кем угодно, ...но в своих действиях она должна подчиняться приказам Красной Армии...». При положительной реакции польской стороны Москва предписывала командованию фронта обеспечить дивизию «всем необходимым для боя» и «о результатах переговоров и о польских партизанах вообще доносить регулярно»⁴⁹.

Отдавая такое распоряжение, Сталин не рисковал ни в военном (силы партизанских отрядов и регулярных войск были абсолютно не равноценны), ни в политическом (появлялся дополнительный аргумент в контактах с союзниками) отношениях. Но если советское руководство отчетливо отделяло вопросы военного взаимодействия АК и советских войск против гитлеровской армии от проблем политического урегулирования советско-польских отношений, то командование АК, напротив, связывало и взаимно обуславливало эти две задачи. Считалось, что военное сотрудничество обеспечит политическую перспективу «принципиального урегулирования отношений между советским правительством и польским правительством в Лондоне... даст возможность согласованного ведения войны с Германией на нашей территории и Советским Союзом, и Польшей». Таким образом, совместные действия против гитлеровской армии рассматривались командованием АК, как и польским правительством, в качестве инструмента принуждения Москвы к восстановлению отношений на польских условиях. Отнюдь неслучайно польская печать в Лондоне, сообщая о событиях на Волыни и явно забегаая вперед, утверждала: «достигнута полная договоренность о совместных действиях»⁵⁰.

Подобные утверждения вызывали лишь настороженность в Кремле. 15 апреля 1944 г. 1-й секретарь Компартии Украины Н. С. Хрушев «успокоил» советское руководство, которое вовсе не привлекали перспективы боевого взаимодействия с партизанскими отрядами, численность которых оставалась неясной, а политический облик и цели расценивались как враждебные. Он представил Сталину доклад, озаглавленный «О лживых сведениях польского эмигрантского правительства о действиях польских партизан». Он констати-

ровал: «Хорошо зная обстановку, хочу сообщить, что нигде и никогда советские партизанские отряды и части Красной Армии на территории Западной Украины не встречали отрядов польских партизан, которые действовали по заданию польского эмигрантского правительства»⁵¹. Это заявление Хрущева корреспондировалось с настроениями в Кремле, но не соответствовало действительности. Оно опровергалось сведениями об отрядах АК, которые поступали в Москву из других источников.

Начальник Украинского Штаба партизанского движения, комиссар госбезопасности Т. Строкач 23 марта 1944 г. сообщал наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии, что отряды АК существуют, но не сражаются с немецкими оккупантами, а готовятся к борьбе с СССР. Такая же информация приходила в Москву и по линии внешней разведки. Нарком госбезопасности Украины С. Р. Савченко 28 марта 1944 г. информировал Сталина о том, что на территории Западной Украины и Западной Белоруссии с весны 1943 г. действуют отряды под командованием ген. Бура, которые «готовят кадры для войны с СССР, за создание «Великой Польши»». Савченко уведомлял Москву о полученном из Лондона указании ген. Буру: в освобожденных районах входить в соглашение с Красной Армией «для совместных действий» или «любыми способами уходить за Буг». Он обращал внимание Кремля на получение командованием АК распоряжения ген. Сосновского, который рекомендовал не чинить препятствий продвижению советских войск на запад: «пусть большевики освобождают нам Польшу от немцев, а потом мы с ними расправимся»⁵².

Материалы такого содержания расценивались в Кремле как подтверждающие враждебные замыслы, направленные против СССР. Они укрепляли негативное отношение Ставки к взаимодействию с Армией Крайовой и политическую мотивацию, навязывание польской стороной восстановления двусторонних отношений с «чистого листа», можно считать причиной появления специальной директивы Ставки «О порыве всяких отношений с подпольными отрядами ген. Сосновского», направленной 20 апреля 1944 г. командующему 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовскому⁵³.

Сталин понимал, что партизанские отряды АК не могут самостоятельно противостоять вермахту, знал о большой нехватке вооружения и боеприпасов. Тем не менее, фактор АК тревожил советского лидера. В беседе в Кремле с польским социалистом, профессором Чикагского университета О. Ланге 17 мая 1944 г. Сталин по своей инициативе затронул эту проблему и выказал к ней отрицательное отношение, окрашенное политической неприязнью к польскому руководству в целом. В несколько ином варианте он повторил его во время встречи в Кремле с С. Миколайчиком 3 августа 1944 г.: «Красная Армия

обнаружила, что отряды этой польской подпольной армии очень слабы. Сообщают, что польская подпольная армия не имеет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Борьбы с немцами она не ведет (что не соответствовало действительности. — А. Н.). Отряды этой армии скрываются в лесах. ...Среди руководителей этих отрядов попадается немало неумных людей»⁵⁴.

Итак, весной 1944 г. Сталин открыто выразил отсутствие интереса к взаимодействию с Армией Крайовой без выполнения польской стороной советских условий. Он подходил к этому вопросу, учитывая политический смысл, а не военную целесообразность такого сотрудничества. Для него оставались неприемлемыми намерения польского правительства использовать АК как рычаг давления на Москву и разрушения ее геополитических намерений в регионе. Выход для польских партизан советский руководитель видел в переходе «в распоряжение командарма 1-й польской армии товарища Берлинга» для сосредоточения в запасных частях этой армии⁵⁵.

Необходимо отметить другое. Москва, отказываясь признать АК своим военным партнером, все еще не исключала возможности контактов с польским правительством для обсуждения вопроса о легитимной власти в стране. Эта проблема была для советского руководства гораздо важнее. Она также обсуждалась с О. Ланге. Сталин считал, что «нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России». Он предлагал своему собеседнику совершить поездку в Лондон и в качестве частного лица «поговорить с Миколайчиком или с другими поляками в Лондоне и рассказать им то, что он видел в Советском Союзе», и сообщить, что Москва не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством: «Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии. До сих пор случалось так, что, когда советское правительство желало узнать что-либо от польского правительства, в качестве посредника появлялся либо Черчилль, либо Иден. Хорошо было бы переговорить непосредственно с кем-либо из поляков... Ланге мог бы сказать полякам в Лондоне, что у нас нет предвзятого мнения, что с ними нельзя разговаривать... Мы на известных условиях готовы с ними договориться с тем, чтобы они не были против нас вместе с Гитлером». Прочитированные фрагменты беседы показывает, что Сталин демонстрировал готовность к переговорам с польским правительством. Как позитивный пример восстановления межгосударственных отношений, им было названо имя президента Чехословакии Э. Бенеша, который, по мнению Сталина, «гибче, чем поляки в Лондоне»⁵⁶.

Одновременно прозвучало и «предупреждение», что возможно и другое решение. Сталин не скрывал перед гостем своих предпочтений: «самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде Национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя». «Национальный Комитет, – продолжал он, – мог бы заявить, что в данное время нет условий для создания польского правительства. Когда же в него войдут люди, работающие в Польше, он мог бы пригласить других поляков, находящихся вне пределов Польши»⁵⁷. Такое «предупреждение» было вовсе неслучайным, так как накануне этой беседы в Москву прибыла делегация КРН, и Сталин, имел в виду предстоящие с ней встречи. Таким образом, из документов следует, что советский лидер в середине мая 1944 г. «разыгрывал» разные варианты создания польской власти, которую он мог бы считать своим партнером в Польше.

Заявления Сталина, сделанные во время беседы с Ланге, стали своеобразной директивой для будущей советской политики на польском направлении вообще и в отношении Армии Крайовой, в частности, в том случае, если условия Москвы не будут приняты во внимание польским правительством. Состоявшиеся вскоре переговоры в Лондоне советского посла В. З. Лебедева и главы Государственного совета Польши С. Грабского, как известно, не внесли перемен в позиции сторон. Встречи в самом конце июня 1944 г. Лебедева и премьера Миколайчика, с которым, выполняя просьбу Сталина, Ланге сумел побеседовать в первой половине июня в США, тоже окончились безрезультатно. К июлю 1944 г. ситуация изменилась. Кардинального и немедленного, как того требовал Сталин, принятия советских условий польским правительством не происходило. Состоявшиеся переговоры с Миколайчиком были расценены в Москве как излишние в данный момент. Об этом свидетельствовало выдвижение советским представителем неприемлемых для поляков требований «покаяния» в связи с Катынским «делом» и отмены Конституции 1935 г.⁵⁸ Скорее всего, и польский премьер, зная о подготовке к восстанию в Варшаве с целью прямого давления на Сталина, тоже не был склонен к радикальным уступкам и к достижению компромисса. Сторонам по разным соображениям была выгодна пауза.

Параллельно с переговорами, которые вел Лебедев в Лондоне с Грабским и Миколайчиком, Сталин в Москве неоднократно, начиная с 19 мая, встречался с членами делегации КРН. Некоторые из гостей были для него новыми польскими политиками. Шло обсуждение варианта создания альтернативного правительству в эмиграции «центра власти» с решающим участием в нем польских коммунистов. С оформлением такого «центра» открывалась возможность осуществить тот проект реформирования польского правительства, о кото-

ром Сталин говорил Ланге: сделать коммунистов, его идейно-политических союзников, участниками переговоров о новой правительственной коалиции. Этот вариант позволял советскому лидеру, оставаясь как бы «в тени», занять позицию медиатора и регулятора внутри-польских отношений. Таким образом, обозначились серьезные изменения тактики Сталина по созданию нужного и надежного польского партнера в межгосударственных отношениях.

Первый шаг в этом направлении состоялся 22 июля, когда в кабинете Сталина был согласован состав Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Второй – в октябре 1944 г. также в Москве, где при участии Черчилля и Сталина происходили прямые переговоры делегации ПКНО с премьером правительства С. Миколайчиком. Их неудача определила твердую линию Москвы на конференции в Ялте в феврале 1945 г., по итогам которой в июне 1945 г. было сформировано коалиционное правительство Польши. Оно отражало многообразие общественно-политических позиций большинства общества, но работало под контролем коммунистов⁵⁹. Последние политически «страховали» присутствие Польши в советской сфере влияния, что на тот период было для Москвы главной задачей.

Между тем, советские войска к лету 1944 г. приблизились к границам Польши. Командование Армии Крайовой, приступив к выполнению плана «Буря», сосредоточило значительные силы для участия в боевых операциях по освобождению от гитлеровцев территорий, включенных в 1939 г. в состав СССР. Группировки АК насчитывали под Вильно около 5000, на Волыни около 6000, на Люблинщине приблизительно 12000 партизан. Их задача состояла в том, чтобы, опережая вступление советских войск и в случае необходимости взаимодействуя с ними, предстать в роли национально-политических и военных хозяев западных районов Украины и Белоруссии, а также Литвы и не допустить восстановления здесь советской власти⁶⁰.

Понятно, что такое развитие событий для советской стороны было неприемлемым. Это было известно командованию АК, которое вряд ли не понимало безнадежности расчетов на принуждение Москвы к признанию АК своим военно-политическим партнером. Не помогало и соответствующее давление союзников на Москву. Без признания АК армией, воюющей с вермахтом, любые усилия партизан АК в зоне оперативных действий Красной Армии обречались или на военное поражение, что и произошло с 27-ой дивизией АК весной 1944 г. на Волыни, или на подчинение приказам советского командования, или на разоружение отрядов АК силой. Все варианты исключали достижение политических целей польского правительства: легализацию и признание советской стороной власти «подпольного государства». Тем не менее, в июле 1944 г. отряды АК приняли участие в боях за освобождение Вильно, Львова

и ряда других населенных пунктов. Но первая же попытка командования АК реализовать свои политические претензии в районе г. Вильно силами 5500 тыс. аковцев не только потерпела военную неудачу⁶¹, но и повлекла за собой появление директивы Ставки Верховного главнокомандования от 14 июля 1944 г. (бой за город закончился 13 июля). Командованию всех советских фронтов предписывалось: «ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не входить. Немедленно... разоружать... В случае сопротивления... применять в отношении их вооруженную силу»⁶². На оригинале документа Сталин написал: «Согласен». Он соглашался с направлением «отобранных» солдат и младших офицеров в армию Берлинга «для использования в тыловых частях Красной Армии», и с передачей «представляющего интерес» офицерского состава в «НКВД–НКГБ и конрразведке Смерш соответственно». Остальные офицеры подлежали отправке в лагеря НКВД СССР. Выполнение этой директивы и разоружение аковцев началось в тот же день, и, как доносил Берия Сталину 20-го июля, за два дня было разоружено 6 тыс. чел.⁶³

Директива Ставки последовательно исполнялась сначала в западных областях Украины, Белоруссии и в Литве, затем и на освобожденных от гитлеровцев польских землях⁶⁴. По данным на август 1944 г. в Литве было разоружено около 8 тыс. солдат и офицеров АК, из которых 2,5 тыс. солдат советские власти распустили по домам. Начиная с 15 октября 1944 г. и до 10 января 1945 г. на освобожденной территории Польши было арестовано и направлено в лагерь на территорию СССР свыше 9 тыс. аковцев⁶⁵.

Массовые разоружения, аресты и интернирования солдат и офицеров Армии Крайовой стали одним из средств решения не только проблемы безопасного тыла Красной Армии, но и реализации геополитических замыслов Кремля в отношении Польши, переходившей с согласия западных союзников Москвы в сферу интересов и контроля СССР. Платой за это, вовсе не бескорыстное согласие были сотни тысяч жизней красноармейцев, отданных в ожесточенных боях против гитлеровцев на территориях государств, сопредельных с Советским Союзом. В том числе в Польше было убито почти полмиллиона советских солдат и офицеров.

Согласие глав великих держав на раздел послевоенной Европы на западную и восточную сферы влияния, с одной стороны, и политико-дипломатическая проработка, а с июля 1944 г. конкретные военные меры советского руководства, с другой, привели к исчезновению перспективы на возвращение польского правительства из эмиграции в страну без принятия советских условий. Действия Армии Крайовой, направленные на силовое принуждение Москвы к признанию за Польшей права на независимый политический выбор пути развития, становились безнадежными. Любые попытки, в том числе

и Варшавское восстание – самая крупная вооруженная акция Армии Крайовой в августе-сентябре 1944 г. с целью предотвратить переход страны под контроль СССР, были обречены на поражение. Подавление восстания гитлеровцами объективно повлекло за собой потерю тысяч борцов за независимость Польши и разрушение структуры Армии Крайовой.

Можно в полной мере согласиться с утверждением Я.Чехановского, что «действия (командования АК – А. Н.) на востоке начали процесс полной ликвидации АК на территориях, занятых советскими войсками»⁶⁶. 19 января 1945 г. командующий АК ген. Л.Окулицкий издал приказ о роспуске АК. Этот приказ был выполнен не всеми. Часть аковцев не сдала оружия и осталась в подполье, пытаясь продолжать борьбу против новой власти и советского присутствия в Польше⁶⁷.

Удар, нанесенный подполью в марте 1945 г, когда в ходе «спецоперации» НКВД было арестовано его военно-политическое руководство, включая ген. Л. Окулицкого⁶⁸, а также постепенное уничтожение организаций, создававшихся на базе АК, обусловили поражение подпольной борьбы за сохранение права на независимость от СССР и свободу выбора политического развития Польши в дальнейшем.

Подавление подполья осуществлялось оперативными группами «СМЕРШ» НКО и НКВД СССР длительное время. По мере укрепления польских спецслужб они подключались к выполнению этой «работы» и с осени 1945 г. стали ее главными исполнителями. В апреле 1945 г. был издан приказ Л. П. Берии о прекращении вывоза арестованных на территорию СССР, где в середине этого года содержалось около 6 тыс. рядовых и свыше 2 тыс. офицеров АК. На рубеже 40–50-х гг. в значительной мере завершился процесс постепенного, начиная с 1945 г., возвращения в Польшу из советских мест изоляции 85 тыс. ее граждан, включая арестованных «в порядке очистки тыла Действующей Красной Армии» участников АК, интернированных в лагерях МВД СССР⁶⁹.

Часть аковцев, избежавшая ареста и депортации, постепенно вышла из подполья, была амнистирована, легализовалась в новой действительности. Не смилившиеся с поражением и советским присутствием в Польше участники АК продолжали постепенно угасающее сопротивление почти до середины 50-х годов. Возникали и подавлялись, как правило, немногочисленные, главным образом молодежные, разрозненные подпольные организации, которые уже не представляли угрозы для власти.

Тем не менее, после установления в Польше режима партийной диктатуры советского типа, бывшие участники АК стали тем «необходимым» внутренним «врагом», на которого вновь обрушились массовые репрессии, закон-

чившиеся в 1956 г. Тогда многие аковцы были реабилитированы и восстановлены в правах граждан своей страны.

Идут и будут идти как научные, так и околополитические дискуссии о причинах и, главное, виновниках поражения АК, Варшавского восстания, и анти-советского подполья в целом. Но вряд ли можно оспорить тот тезис, что попытка польского правительства и командования АК совместить в 1944–1945 гг. борьбу против гитлеровцев с противостоянием СССР не имела шансов на успех. Такое «совмещение», демонстрация силы и способности к сопротивлению советскому присутствию в Польше, не могли стать препятствием решения «польского вопроса» в соответствии с геополитическими замыслами Сталина и его представлениями о национально-государственных интересах двух стран при фактическом согласии на то союзников. Репрессии послужили одним из инструментов достижения цели, первостепенной для Москвы в 1944–1947 годах, – удержать Польшу в сфере советского геополитического контроля.

Примечания

¹ Davies N. Europa walczy. 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, 2008. S. 105.

² См. напр.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с нем, М., 1995. С. 187, 218, 222, 297 и др.

³ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 169.

⁴ Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 54.

⁵ См. напр.: Ржешевский О. А. Война и политика. Документы и комментарии (1941–1942). М., 1997; Польша–СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005.

⁶ См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4, 5. М., 1999, 2003; «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М., 2001 (названные работы российских авторов сочетают монографические разделы с публикацией документальных материалов); Duraczyński E. Polska. Dzieje polityczne. 1939–1945. W., 1999; Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk, 2002; Ciechanowski J. Powstanie Warszawskie. Pułtusk, 2004 и др.

⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (Далее ДМИСПО). Т. VII. М., 1973. С. 258 и др.

⁸ Duraczyński E. Rząd Polski na uchodźstwie. 1939–1945. W., 1993. S. 90.

⁹ См. подпр.: *Salmonowicz St. M. Ney-Krwawicz G. Górski. Polskie Państwo Podziemne. W., 1999; T. Strzembosz. Rzeczpospolita podziemna. W., 2000.*

¹⁰ См.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941. – *Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi. 1939–1941. T. 1. W.–M., 2001. С. 646; НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994. С. 5.*

¹¹ Цит. по: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль... С. 383.

¹² *St. Salmonowicz i inni...* S. 75–77.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 2–10.

¹⁵ См. подпр. ДМИСПО. Т. VII. М., 1973.

¹⁶ См. подпр.: Польское подполье на территории...

¹⁷ «Правда» 18 сентября 1939г.; *Duraczyński E. Dzieje Polski. 1939–1945. W., 1999. S. 167.*

¹⁸ *Ржешевский О. А.* Указ. Соч. С. 157.

¹⁹ *St. Salmonowicz i inni...* S. 11.

²⁰ *Яжборовская И. С. А. Ю. Яблоков. В. С. Парсаданова. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 150.*

²¹ *Armia Krajowa w dokumentach. T. III. Londyn, 1976. S. 209; St. Salmonowicz i inni...* S. 82–84.

²² Очерки истории российской внешней разведки... Т. 4. С. 459–460; *P. Kotakowski. NKWD i GRU na ziemiach polskich. 1939–1945. W., 2002. S. 214.*

²³ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 10.

²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 24–30; см. также: РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–9.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 13–15. (Советская запись этой беседы опубликована. См.: «Новая и новейшая история» 2008. № 3).

²⁶ Там же. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 14, 17.

²⁸ Там же. Л. 15–16.

²⁹ Цит. по: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. W., 1998. S. 241.*

³⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 334. Л. 32.

³¹ См. подпр.: ДМИСПО. Т. VII. *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982; *Лебедева Н. С.* Катынь – преступление против человечества. М, 1994; Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1997; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995 и др.

- ³² *Tebinka J.* Указ. соч. С. 254–255.
- ³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 65. Подр. см.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 461–462; 555–556; *Duraczyński E.* Указ. соч. С. 226–231.
- ³⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 157–161.
- ³⁵ Там же. Л. 101–105. См. также: ДМИСПО. Т. VII, VIII. М., 1973, 1974.
- ³⁶ *Яжборовская И. С. и др.* Указ. соч. С. 164.
- ³⁷ Очерки истории российской внешней разведки... Т. 4. С. 464.
- ³⁸ Там же. С. 463.
- ³⁹ *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 210–211.
- ⁴⁰ Очерки истории российской внешней разведки... Т. 4. С. 609.
- ⁴¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. М., 1978. С. 163, 164, 167.
- ⁴² ДМИСПО. Т. VIII. С. 59.
- ⁴³ *Носкова А. Ф.* На пути к созданию ПКНО (русские архивы о роли Москвы) // *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2005. № 8.
- ⁴⁴ Цит. по: *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 235–236; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 10.
- ⁴⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 104. Л. 73.
- ⁴⁶ Русский Архив. 14 3(1). СССР–Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 153–154; См. подр.: *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 243–248.
- ⁴⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 111–112, 117.
- ⁴⁸ *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 242–243.
- ⁴⁹ Русский Архив. 14 3(2). Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. М., 2000. С. 403.
- ⁵⁰ Цит. по: *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 245.
- ⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 23. (По РГАСПИ опубли.: Русский Архив. 14 3(2). С. 403–405).
- ⁵² Там же. Л. 18–20; *Teczka specjalna J. W. Stalina. Raporty NKWD z Polski. 1944–1946. W., 1998. S. 25–31.*
- ⁵³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 105. Л. 152.
- ⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 59; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1949. М., 1999. С. 71.
- ⁵⁵ Русский Архив... СССР–Польша... С. 151.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 61.

⁵⁷ Там же. Л. 58.

⁵⁸ *Skrzypek A.* Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk., 2002. S. 27; *Buhler P.* Polska droga do wolności. 1939–1995. W., 1999. S. 66.

⁵⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. VI. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 179, 233–234 и др.

⁶⁰ *Friszke A.* Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. W., 2003. S. 89–90.

⁶¹ *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 260. Польские ученые называют и значительно более высокие цифры. См. напр.: *Teczka specjalna...* S. 40.

⁶² Русский Архив... СССР–Польша... С. 161–162.

⁶³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 136. Л. 38–39. (Копия документа опубликована. См.: *Teczka specjalna...* S. 45–46).

⁶⁴ Подробнее о «чекистско-оперативных операциях» против АК см.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...; *Teczka specjalna...*; *Kotakowski P.* Указ. соч. Rozd. V.

⁶⁵ «Из Варшавы...» С. 42, 95, 101.

⁶⁶ *Ciechanowski J.* Указ. соч. С. 267.

⁶⁷ *Strzembosz T.* Rzeczpospolita podziemna... S. 345–346.

⁶⁸ См. подр.: *Duraczyński E.* Generał Iwanow zaprasza. Przywódcy podziemnego państwa polskiego przed sądem moskiewskim. W., 1989.

⁶⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. 1949–1953. М.–Новосибирск., 1998. С. 388–389.

Трудные вопросы новейшей истории Польши (полемические заметки)

I. Исторический инстинкт неимущих.

Зачем было «впускать» русских в Польшу в 1944/1945 году?*

Старшее поколение упрекают в том, что мы, дескать, не задержали Красную армию, разрешили ей ступить на польскую землю. Невежество молодых людей просто удивительно, хотя оно характерно только для определенной части молодежи. Попытаюсь дать развернутый ответ на этот вопрос. В общих чертах можно сказать, что мы, поляки 40-х годов «пустили» советских солдат в Польшу для того, чтобы с их помощью вернуть потерянные в 1939 году польские земли, поскольку ни англичане, ни американцы не пришли сюда, чтобы дать вооруженный отпор гитлеровцам. Причина подобного невежества современной польской молодежи кроется, на мой взгляд, в историографии периода ПНР, которая так никогда и не ответила на вопрос, в чем была подлинная причина нашей зависимости от СССР, не заявила прямо, что русские заплатили жизнями своих солдат за освобождение Польши от гитлеровских оккупантов.

Ответим сначала на вопрос, могли ли мы «не впустить» Красную армию? Сложно задержать снежную лавину, или мощный речной поток во время наводнения. А эта «река» разлилась тогда от Балтийского моря до Дуная. Чтобы задержать 5 советских фронтов и более десяти армий, надо было иметь подобную или еще большую военную мощь. Здесь, в центре Европы, не только мы, поляки, никто не мог противопоставить такой военной силы. Армия Крайова по состоянию на 1.6.1944 г. насчитывала 250 тыс. чел., но под ружьем было всего лишь 32 тыс. чел. Кульминацией попыток «не впустить» русских стали акция «Буря» и Варшавское восстание. В случае победы восстания власть в Польше должна была перейти к возвратившемуся из эмиграции лондонскому правительству. Наивные, романтические и вооруженные, главным образом, патриотическим энтузиазмом повстанцы под командованием офицеров АК

* Статья под названием «Historyczny instynkt nieposiadających. Dlaczego wpuściliście Rosjan w 1944/1945 roku» впервые была опубликована в: Forum Kulturowe. 2004. Nr 3. S. 56–57.

и эмиссаров из Лондона не могли и не смогли одолеть подразделения германского вермахта, подвергли город опасности полного уничтожения, а население столицы обрекли на гибель.

Пойти на совместную, согласованную с русскими борьбу с гитлеровцами было не в интересах тех, кто принимал решение о начале восстания. Поэтому они не сообщили о подготовке восстания в штаб Красной Армии. Во время Варшавского восстания поляки потеряли больше людей, чем американцы во Второй мировой войне! Не удалось победить гитлеровцев, что уж говорить о том, чтобы «не впустить» русских. Мы были слишком слабы.

Зададим теперь вопрос, все ли поляки тогда не хотели «впустить» русских? Нет, не все. Поляки были разделены на две примерно одинаковые части: на тех, кто этого хотел, и тех, кто желал, чтобы советские войска остановились на межгосударственной границе. Попробуем ясно и честно назвать, кто хотел, а кто был против встречи с Красной армией.

Линия раздела настроений тех и других шла, в основном, вдоль р. Буга, которая делила довоенную Польшу на восточную и западную. Поляки из восточной Польши, которые после 17 сентября 1939 г. оказались на советской территории, испытали на себе всю несправедливость и жестокость новой власти. Десятки тысяч из них прошли через ссылку и депортации вглубь Сибири и Казахстана, заключения в лагерях, тяжелые работы на лесоповале, выдержали страшные методы допросов в тюрьмах, были принуждены сменить польское гражданство на советское. Они знали по слухам об исчезновении тысяч польских офицеров в Катыни. Эти люди решительно выступали против освобождения Польши Красной Армией, боялись зависимости страны от СССР и уничтожения традиционных национальных ценностей, поэтому около 100 тысяч из них решились покинуть СССР с армией генерала В. Андерса в 1942 г. Поляки, сосланные в Сибирь, те, кого прямо из вагонов «выбрасывали» в снег, предлагая до наступления ночи построить бараки с помощью приготовленных пил и топоров, и те, кто первые ночи проводил в степи под открытым небом, греясь у костра, затаил глубокую обиду на восточных соседей и не желал их присутствия в Польше.

Другая половина поляков, жившая в центральной и западной Польше, не испытала столь трагического опыта общения с советской властью и была готова, особенно после победоносного Сталинградского сражения, принять их военную помощь не только с облегчением, но с благодарностью. Кроме того, поляки – жители восточных кресов*, которым пришлось испытать ненависть и месть украинских националистов, знать не понаслышке о физическом ис-

* Речь идет о Правобережной Украине.

треблении ими населения польских деревень, желали переселения на Родину, даже попадавшую после войны в сферу советского влияния.

Значительная часть тех поляков, кто сотрудничал с советскими партизанами еще во время гитлеровской оккупации, была объединена в рядах Армии Людовой, сражавшейся на территории Польши и насчитывавшей 50 тысяч солдат. 75% солдат АЛ составляла крестьянская молодежь. В основном это были члены Союза деревенской молодежи «Вицы».

Поляки, бывшие заключенные советских лагерей и «спецпоселенцы», особенно те, кто жил и работал в колхозах вместе с советскими людьми, выходцы из социальных «низов», вступали в Первую пехотную дивизию им. Т. Костюшко, сражавшуюся на советско-германском фронте с осени 1943 г. Они хотели освобождения с Востока, поскольку видели в этом безусловную пользу для беднейшего населения Польши.

Безземельные и малоземельные крестьяне, ожидавшие получения земли после раздела помещичьей собственности согласно земельной реформе, о которой было объявлено в Манифесте Польского комитета национального освобождения в июле 1944 г., относились доброжелательно к Красной армии. Они рассчитывали на улучшение своего материального положения после изгнания гитлеровцев советскими солдатами. Получить кусок земли для безземельных и малоземельных крестьян означало возможность чаще питаться хлебом, а не только одной картошкой, как было во II Речи Посполитой. Эта обнищавшая часть деревни, насчитывавшая около 3,5 млн. чел., надеялась под советским покровительством получить, наконец, желанный кусок собственности и с радостью встречала русских. О колхозах в Польше тогда никто не говорил. Преобладало ли над желанием свободы и независимости чувство жажды или даже алчности получить землю? Преобладало. Безземельные и малоземельные крестьяне выбирали то, что им позволяло прокормить семью и детей. Первоочередной потребностью этих слоев сельского населения была земля, которую эти новые силы с Востока ее предлагали, заявляя о готовности отобрать ее у помещиков.

Обедневшее городское население, особенно рабочие и довоенные безработные, слышали, что в России не существует безработицы, что у всех есть работа и зарплата, т. е. возможность обеспечить основные нужды, от которых зависит выживание людей. Советский социализм, эгалитаризм и коллективизм, наблюдаемые издали, не отпугивали, а притягивали. Считалось также, что польский социализм будет лучше советского, и главное – не будет довоенной безработицы и сельской нищеты.

Поляки, проживавшие в центральных и западных воеводствах Польши, после вступления Красной Армии чем могли помогали красноармейцам. Они указывали места, где скрывались недобитые гитлеровцы, где в лесах находились фашистские отряды, выдавали прятавшихся немецких сельских старост. Я помню такие события в Серадской земле в январе 1945 г.

Поляки, которые жили во время войны на оккупированной гитлеровцами территории, а также на польских землях, включенных приказом Гитлера в состав III рейха, в полной мере испытали ужасы фашистского «нового порядка»: угон людей на принудительные работы в Германию, унижения, клеймение буквой «П», голодные продовольственные пайки, облавы на улицах, репрессии, уничтожение польских школ, национальной интеллигенции и культуры. Многие поляки прошли нацистские концентрационные лагеря, были сожжены в печах крематориев. Тот, кто выжил, мечтал благодаря победе Красной Армии вернуться в родные края и отомстить фашистским оккупантам, наказать их за совершенные преступления.

Следует также напомнить, что «впусканию» русских способствовал и позитивный образ Советского государства, защищавшего интересы людей труда. Более того, бедное население ждало, что в Польше после прихода русских собственность помещиков и фабрикантов будет передана бедноте, что приведет к социальному равенству. Большинство людей труда из центральной и западной Польши надеялось на улучшение своего материального положения и на социальный рост. Ведь власть должна была перейти в руки рабочих, а это привлекало и притягивало неимущих.

«Не впустить» русских означало или остаться под немецкой оккупацией, или бороться с вермахтом в одиночку при отсутствии шансов на скорую победу. Кроме того, как поляки могли «не впустить» своих соотечественников, солдат Первой и Второй армий Войска Польского под командованием генерала З. Берлинга?

Разве не прельщала тогда поляков перспектива получения 500-километрового доступа к Балтийскому морю? Не привлекал обещанный главами великих держав обмен бывших польских земель за Бугом на промышленно развитые восточные немецкие земли? Все это также казалось более выигрышным особенно для тех поляков, кто побывал на принудительных работах в гитлеровской Германии.

Размышляя над поведением поляков в переломные 1944–1945 годы, надо признать, что были поляки, которые хотели восстановления в Польше несколько модифицированных довоенных общественных порядков. Они занимали прозападные позиции. Были и другие поляки, главным образом, выход-

цы из бедных слоев населения. Они придерживались восточной внешнеполитической ориентации и жили, в основном, на территории западнее р. Буг.

То, что русских «впустили», несомненно, принесло пользу неимущим. Потеряли богатые, однако, это не исчерпывает вопрос. Принесло ли это пользу Польше? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Если бы вскоре мир не разделился на два блока, и не началась «холодная война», польза для страны была бы куда большей. В годы холодной войны часть экономического потенциала Польши была направлена на военное производство и оборону. Это оборачивалось ухудшением материального положения большинства поляков. Однако, Народную Польшу всегда будут вспоминать с ностальгией те, кому она помогла вырваться из нищеты, дала бесплатное образование, создав тем самым условия для их перехода в средний класс.

Сложно было избежать зависимости Польши от СССР, потому что именно русские отстаивали возвращение полякам западных земель, именно они заплатили 500-ми тысячами жизней за наше освобождение от фашизма, хотя бы потому только, что Польша была на их пути в Берлин. Вклад Войска Польского в разгром гитлеровской Германии необходимо принимать в расчет. 200 тысяч польских солдат вместе с Красной армией сражались за Поморский вал, брали Берлин, Лужицы и дошли до р. Лабы (Эльбы). Однако стоит помнить о пропорциях советского и польского вклада в разгром фашизма. Историческая правда сегодня может вызывать неприятную боль, но она полезней фальши и недомолвок.

Окончательный вывод, на мой взгляд, таков: самым бедным было выгодно «впустить» русских, богатым было выгодно сопротивляться и ждать освобождения с Запада. Это им не удалось. Неимущие слои населения в решающий момент истории проявили инстинкт самосохранения и воспользовались возможностью социального аванса¹.

II. В состоянии ли мы дать разумную оценку Варшавскому восстанию?*

Прохладное лето 2004 года богато научными конференциями, посвященными шестидесятилетию восстания 1944 г. в Варшаве. Поскольку эти конференции носили научный характер, то можно было ожидать беспристрастных оценок этого события их участниками. Казалось, что шестьдесят лет – это достаточный период, чтобы с исторической дистанции посмотреть на прошлое.

* Статья под названием «Czy stać nas na rozsądną ocenę powstania warszawskiego» впервые была опубликована в: *Dziś*. 2004. № 8. S. 140–142.

Ничего подобного! Те, кто, как я, участвовал в трех научных сессиях², убедились, что современная польская научная общественность не в состоянии дать объективной оценки восстанию. Более того, можно сделать вывод, что среди историков существует только одно направление – апологическое, похвальное, прославляющее восстание.

Нетрудно заметить, что это практически единогласная позиция основана лишь на эмоциональном, а не на взвешенном научном подходе. В 2004 году все еще нет места для здоровой критической оценки военно-политического решения, принятого правительством и командованием Армии Крайовой. Все еще не поставлен простой вопрос: Варшавское восстание принесло народу больше пользы, или потерь? Все еще культивируется, с удивительным упорством, лишенным разумного подхода, этос восстания. Не впадаем ли мы в беспамятство? С каждой годовщиной все более облагораживаем и возвышаем смелый порыв восставших на борьбу без раздумий, без шансов на победу, без оценки соотношения сил, при ошибочном расчете на воображаемую помощь Запада. «Наше дело правое», а потому Проведение должно помочь. Однако Проведение всегда помогает тому, кто сильнее, лучше подготовлен в интеллектуальном отношении, не жалеет сил на исполнение замысла.

Польских историков продолжают раздражать оценки восстания, которые давали современники восстания, например, в Великобритании – «безумие поляков», или в Италии – «иррациональность поляков». Стоит напомнить, что эти критические оценки касались выбора времени восстания: в августе 1944 года уже был освобожден Рим, вскоре должны были быть освобождены Париж и Бельгия, союзники окружали Германию с севера, запада и юга. На Западе переживали отсутствие благоразумия у поляков, обреченных с самого начала на поражение, потому что борьба в Варшаве велась не только против Германии, но и в политическом плане и против третьего союзника – СССР.

Историки обходят молчанием слова генерала В. Андерса о том, что «решение о восстание было преступлением». Генерал знал, насколько неудовлетворительным было вооружение повстанцев. Полностью отсутствовало тяжелое вооружение, пушки, танки. Большинство восставших вообще не имело никакого оружия. Их послали в бой с голыми руками. А потому шансы на победу были ничтожными, зато почти стопроцентным было поражение. Стратеги восстания, генерал Т. Комаровский (Бур), делегат Лондонского правительства Я. Янковский, а также председатель Совета национального единства (СНЕ) К. Пужак, они любой ценой хотели установить власть в столице до прихода Красной Армии. Их нельзя поставить в один ряд с простыми повстанцами,

которых вело в бой чувство патриотизма. У стратегов были свои расчеты: перехватить власть от имени правительства, находившегося в эмиграции. Во имя этого они распоряжались чужими жизнями и обрекли на смерть около 200 тысяч варшавян, повстанцев и гражданского населения. Очевидной ошибкой стратегов было начало восстания «на авось». Могли ли почти безоружные молодые люди победить вооруженный до зубов вермахт, танки, артиллерию, самолеты? Руководители восстания не только «забили гол в собственные ворота», они обрекли солдат АК и жителей столицы на смерть, а город – на разрушение.

Современные польские историки, среди которых больше романтиков, чем позитивистов, продолжают обходить молчанием вопрос о том, окупил ли себя вооруженная борьба? Каковы были ее реальные последствия для страны? Молодежь продолжают воспитывать в культе поражения Польши во Второй мировой войне. Сегодня никого не волнует, что можно было не подвергать население опасности гибели, сохранить материальные ценности, национальное достояние, а именно старые здания-памятники архитектуры, спасти книгохранилища, архивы, произведения искусства, в конце концов, обычное жилье людей.

До начала восстания не был поставлен вопрос, во что это восстание обойдется нам, стране, после войны? Архиважным было стремление к власти, заранее занять в Варшаве правительственные места. Ради такой победы была брошена в бой патриотическая молодежь, подвержены опасности не только культурные ценности, накопленные за века существования столицы Польши, но и крыша над головой сотен тысяч варшавян. Последствия этого безумия легли на плечи послевоенного поколения. Непродуманный энтузиазм участников восстания стал иллюстрацией народной поговорки, что поляк задним умом крепок. Мне ближе рассудительные чехи, которые не были настолько безрассудны, чтобы подвергнуть опасности прекрасную архитектуру Праги. Мы «благодаря» восстанию на протяжении многих послевоенных лет должны были львиную долю бюджета выделять на восстановление столицы, что серьезно сдерживало наше экономическое развитие, снижало уровень жизни миллионов граждан Польши.

Восстание показало, что увлечь поляков в бой очень просто, поскольку сначала они что-то делают, а потом думают, стоило ли это того или нет. Хуже обстоят дела, если историки не хотят задуматься над тем, сколько же это восстание стране стоило после войны. В очередной раз подтвердилось распространенное мнение о нас, поляках, как о народе, думающем о своем прошлом,

а не о будущем. Мы должны на этот собственный изъян, заключающийся в неумении предвосхищать события, обратить серьезное внимание, чтобы не допустить рецидива.

Такие мысли приходят в голову именно в связи с годовщиной Варшавского восстания. Однако участники научных сессий как огня боялись подобных выводов или хотя бы критической дискуссии, ограничиваясь фактографическим изложением истории восстания и хвалебными гимнами в честь героизма восставших. До сих пор не проводится грань между достойным восхваления героизмом восставших и ошибочными, пагубными для народа планами стратегов восстания. Прославляя восстание, мы тем самым укрепляем безрассудную храбрость поляков, вместо того, чтобы способствовать проявлению рассудительности. Есть ли педагогический смысл в восхищении неудачным, проигранным, трагически завершившимся историческим событием?

Осуждение русских за то, что не оказали помощи, является чистой воды заблуждением. Кто же рассчитывает на военную помощь противника? Тем более, противника, которого не проинформировали о восстании, с которым не собирались сотрудничать даже во имя победы в Варшаве, лишь намеревались использовать его победу над немцами в собственных политических целях, а не в общих целях борьбы с гитлеровской Германией? Ты, Россия, выложишь материальные ценности и отдашь жизнь своих солдат ради освобождения Польши, а мы воспользуемся твоими жертвами и очистим политическое «поле» для того, чтобы перехватить власть. Так рассуждали польские правые.

Как бы это парадоксально не звучало, существование польской нации в международных условиях того времени объективно зависело от тактических решений Сталина, который в конечном итоге обеспечил нам восстановление Родины в более выгодных геополитических границах. Нам, полякам сих пор не дано разглядеть ту долгосрочную пользу, которая была заключена во временно неблагоприятных решениях Москвы. Напрасно искать подобные размышления в докладах историков-участников трех научных сессий, посвященных 60-летию восстания в Варшаве. Их итог состоит лишь в пополнении знаний на тему откликов на восстание в международной прессе лета-осени 1944 г. (от Мексики через Швецию, Швейцарию и до Японии), а также расширении фактов, отражающих участие в Варшавском восстании Крестьянских батальонов, людовцев и социалистов. Чувство неудовлетворенности вызывает отсутствие общих, разумных размышлений над последствиями восстания, а именно горе, страдания, демографические, экономические, культурные и политические потери, которые мы накликали на себя по собственному желанию.

III. Спор о В. Гомулке и его политике приспособления*

Научное историческое общество им. А. Прухника периодически заседает в Институте истории Польской академии наук. 20.09.2002 г. там прошла дискуссия историков на тему: Владислав Гомулка и его эпоха. С докладом, предвещающим дискуссию, выступил профессор А. Вербян, который анализировал политику В. Гомулки как приспособление к результатам Второй мировой войны и советскому присутствию в Польше. Профессор назвал В. Гомулку великим политическим реалистом.

Я не могу не согласиться с этой оценкой только в той части, которая относится к 1956–1970 гг. Это было возвращение лидера польской партии к власти после отставки в 1948 г., ареста в 1951 г. и освобождения из заключения в 1954 г. В первые послевоенные годы Гомулка возглавлял Польскую рабочую партию, но лишился власти, по моему мнению, из-за того, что не в полной мере учитывал последствия решений, принятых по польскому вопросу главами великих держав на Ялтинской конференции зимой 1945 г. Его репрессировали именно из-за отсутствия стремления учитывать условия ограниченного суверенитета Польского государства и ущемления тем самым его прерогатив как руководителя ППР. И, как правильно заметил профессор А. Вербян, он попал «в жуткий конфликт со Сталиным».

Какова причина конфликта лидера ППР с советскими лидерами? Ведь за обвинениями в право-националистическом уклоне, предъявленными Гомулке на заседании пленума ЦК ППР в августе 1948 г., были скрыты другие причины. В чем в действительности было дело? Об этом говорил сам В. Гомулка на заседании ЦК ППР в 1945 г., материалы которого были опубликованы в Лондоне в 1987 г., через 5 лет после его смерти³. Важные факты обнаружили и опубликовали российские исследовательницы Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова⁴.

Будучи относительно молодым политиком, он не принимал в расчет ту цену, которую народы СССР заплатили за изгнание немцев с польской земли и хотел как можно быстрее избавиться от советских офицеров в Войске Польском и советников советских спецслужб в органах госбезопасности Польши, чтобы самостоятельно управлять государством. Тем самым он повел себя как обычный поляк, не обращающий внимания на финансовые затраты, которые понесло государство Сталина, выставив три фронта Красной армии (К. К. Рокоссовского, Г. К. Жукова и И. С. Конева) для борьбы с вермахтом на территории Польши. А стоит признать, что средства были затрачены немалые.

* Статья под названием «Spór o W. Gomułkę i jego politykę dostosowania» была впервые опубликована в: Forum Klubowe. 2002. Nr. 6–8. S. 42–43.

Никто из поляков не принимал этих затрат во внимание ни тогда, ни позднее, но политик должен с ними считаться и учитывать их в собственных расчетах. Обычный поляк в 1945 г. считал, что Советский Союз был заинтересован в том, чтобы победить гитлеровцев и что по пути в Берлин Красная армия должна была пройти через польские земли. Таким образом, освободили нас мимоходом, по необходимости, то есть бесплатно, дав в дар национальную независимость. Но разве Россия, вытесняя немцев из Польши, действовала, исходя исключительно из собственных, национальных и государственных интересов? Это было крайне важно также для Польши и поляков и требовало награды. Разве есть государство, которое готово столь дорогостоящую «услугу» предоставить бескорыстно или в рамках благотворительности?

Американцы и англичане в лице Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля, которые были не только реалистами, но и прекрасно умели считать, признавали освобожденные Красной армией территории в Центральной Европе в качестве советского военного трофея. Трофея, за который народы СССР заплатили высокую цену. Советские затраты по этой войне охватывали не только расходы на материальное оснащение армии танками, пушками, самолетами и т. п., но также 500 тыс. советских граждан, погибших на польских землях.

Тем временем, как следует из документов, В. Гомулка питал иллюзии относительно того, что полякам не придется платить компенсацию, даже если она будет взиматься в рассрочку, за изгнание немцев из страны. Он тяжело переносил советское присутствие в Польше и необходимость подчиняться диктату советских военных советников. Отдельные высказывания I секретаря ЦК ППР не могли быть не замечены в Кремле. «Агентура», состоявшая из советских офицеров в польской армии, на морском флоте и в авиации, в пограничных, и, прежде всего, из советников по вопросам безопасности в госаппарате и экономических структурах, расширялась и становилась инструментом контроля за развитием Польши согласно интересам СССР.

Именно поэтому В. Гомулка, особенно после возвращения в страну польских офицеров, сражавшихся на Западном фронте, а также под давлением польского общественного мнения, рассматривал присутствие советников из СССР в армии в качестве временного явления, «вынужденного из-за отсутствия кадров», и добивался их откомандирования. Он обращался к Сталину с просьбой об их демобилизации и выводе из Польши по мере подготовки польских кадров. Такая демобилизация прошла в 1944–1947 гг. Оказав давление на Москву, В. Гомулка добился в 1947 г. отзыва советских советников из органов госбезопасности на уровне уездов. В том же году он получил согласие Сталина и Н. А. Булганина на отзыв советских офицеров из польской армии

до 1951 г. В 1948 г. был подписан договор с СССР об отзыве советников из управлений безопасности на уровне воеводств и аппарата Министерства общественной безопасности. В связи с этим занятую Гомулкой позицию называли в СССР националистической, т. е. не учитывавшей советских военных расходов и долга Польши за освобождение. А чем могла заплатить разрушенная и истощенная страна кроме как урезанным суверенитетом?

Упомянутые российские исследовательницы из Института славяноведения РАН пишут, что отстранение Гомулки летом 1948 г. прервало начавшийся процесс ограничения системы советского присутствия в силовых структурах Польши (с. 606). Вот она конкретная причина обвинений Кремлем Гомулки в национализме. Этот политик, продолжая оставаться под давлением польского общественного мнения, усматривавшего в присутствии советников посягательство на суверенитет Польского государства, желал в большей степени считаться с ним, чем с долгом за освобождение от гитлеровцев. К этому следует добавить еще одно обстоятельство, дело в том, что советники, находившиеся в силовых министерствах, фактически принимали участие в управлении государством, что было сложно принять не только польскому народу, но и самому В. Гомулке, политику, склонному к авторитаризму.

Оценивая спустя годы политику «первого Гомулки», нельзя не заметить, что этот руководитель, как типичный поляк, вел себя в то время не как реалист, а как романтик. Профессор Верблян романтиками в политике считает лишь тех политиков и историков, которые признают этику принципов, а не этику ответственности за последствия политических действий⁵. Я в свою очередь к романтикам отношу также тех, кто не умеет считать как собственные, так и чужие затраты.

Гомулка проиграл в схватке с Кремлем и с собственными «московскими поляками», как российские исследовательницы называют Б. Берута, Я. Бермана, Х. Минца и др. Он не пришел с Красной армией с Востока, он представлял политические силы внутри страны и потому к нему не испытывали полного доверия в Кремле. Можно ли считать Гомулку тех лет политиком-реалистом? В его действиях было больше обычного волюнтаризма, чем понимания цены понесенных Москвой военных потерь. Сталин ему этого не простил.

Нам дали больше, или больше с нас взяли за возможность восстановления Польского государства? Без экономических подсчетов сейчас не обходится ни одно государство. «Первый» В. Гомулка не принимал в расчет чужих затрат и за это заплатил перерывом в собственной карьере, а ППР – унижением своего авторитетного руководителя.

В Польше лишь некоторые военные, как, например, военный историк, полковник К. Шарский, занимающийся проблемами политики и стратегии периода великих войн XX в., понимает эту необходимость и пишет, что «урегулирование зон влияния... должно было быть следствием соотношения сил, реального вклада партнеров в победу... Ялта была следствием соблюдения этого принципа»⁶. Еще Ю. Пилсудский предъявлял претензии к соотечественникам, отмечая, что «поляки хотят независимости, но хотели бы, чтобы независимость стоила им два гроша и две капли крови, а независимость является благом не только ценным, но и очень затратным». Об этом не раз из Парижа напоминал и Е. Гедройц.

Никто не любит платить по счетам, но меня удивляет до сих пор в поляках то, что они исходят из эмоций, а не из цены. Оптимизм вызывает наша оценка стоимости присоединения Польши к Европейскому Союзу. Поляки учатся считать – наконец-то.

IV. Казимеж Пужак.

Политик, которого погубила навязчивая идея.

К 120-летию со дня рождения К. Пужака*

Война – самое дорогостоящее из всех начинаний. Эту простую истину, заключавшуюся в том, что военный вклад СССР в победу над Германией определил послевоенные зоны влияния великих держав, не хотел признать К. Пужак – лидер подпольной Польской социалистической партии (ППС–ВРН). Он не хотел понять, что изгнание вермахта из Центральной Европы и с польской земли проходило за счет третьего союзника, т. е. СССР во главе со Сталиным. Он писал в воспоминаниях 1947 г., что «со времени Тегерана, и даже еще раньше, Рузвельт и Черчилль отдали всю без остатка Польшу и все, с ней связанное, России»⁷. Он называл союзников «сообщниками в игре» вместо того, чтобы признать, кто понес военные и человеческие потери на восточном фронте.

Он не хотел понять, почему западные союзники оценили эти потери и согласились предоставить Сталину компенсацию за понесенные военные расходы. Пужак писал, что «союзники пустили кровь и бесспорно предали по собственной воле (Польшу. – Г. К.-Д.) в Ялте»⁸, а несколькими страницами далее вспоминал, что сразу после того, как получил известие о решениях, принятых

* Статья под названием «Kazimierz Pużak. Polityk, którego zgubiła obsesja. W 120 rocznicę urodzin Kazimierza Pużaka» впервые была опубликована в: Forum Klubowe. 2003. Nr. 14. S. 52–53.

на Крымской конференции, отметил: «удар был хорошо подготовлен Священным союзом». А ведь слова «измена», «сговор», расчеты за «бесплатное» изгнание вермахта советскими войсками — это те определения и заблуждения из репертуара обывателя, которыми не пристало пользоваться политику. Подобные оценки в какой-то степени дисквалифицируют этого политика. Пужак руководствовался патриотическим волонтаризмом, не считался с прозаическими расходами на войну. Политик не должен эмоционально реагировать на военные инвестиции, даже чужие. Тем самым он показывает собственную политическую незрелость, неумение «спуститься с небес на землю», отсутствие профессионализма. Пужак, видимо, полагал, что Сталин должен был для нас «за свой счет» провести военные действия против гитлеровцев.

Еще на заседании руководства ППС–ВРН 17 марта 1945 г. в Кракове была принята резолюция, где говорилось о критической оценке «свершившихся в Ялте фактов»⁹.

Но среди многих польских политиков внутри страны, представлявшим правительство, находившееся в Лондоне, не было людей с математическим складом ума, тех, кто привык считать, в том числе и чужие военные расходы. Между тем, ведь известно, что англичане и американцы склоняли поляков к пониманию и признанию этой необходимости.

Как председатель подпольного Совета национального единства (СНЕ) Пужак заявил в декабре 1944 г., что «на линию Керзона никто в СНЕ не согласен». Они полагали, что в границах Польши должен оказаться Крулевец (Кенигсберг) на севере. Восточная же довоенная граница должна быть сохранена¹⁰. Но никто не задавался вопросом, кто и как должен был заплатить за освобождение Польши от немцев? Кто должен был возратить Сталину затраты трех советских фронтов, оснащенных танками, пушками, самолетами, и за изгнание немцев с берегов Вислы? Это Польша должна была заплатить за обмен земель восточнее р. Буг на земли, простирающиеся до р. Одер, и за Мазуры. Поскольку страна не могла выплатить весь долг сразу, ей пришлось согласиться на рассрочку с соответствующими в таких случаях естественными процентами.

Если бы русские остановились на р. Буг и сказали: а дальше, поляки, освобождайте себя сами, или ждите, когда придут американцы и вас освободят, в этой ситуации могла бы Армия Крайова самостоятельно победить вермахт? Нет. Поляки самостоятельно не были в состоянии себя освободить. И наши отцы не вернулись бы из Германии с принудительных работ весной 1945 г.

Может быть, это произошло бы через год, или вообще не произошло, если бы гитлеровская Германия не была окончательно разбита.

Надо, наконец, понять, что русские, изгнав нацистов из Польши в 1944/1945 г., реабилитировали себя за вторжение в Польшу 17.IX.1939 г. Это не значит, правда, что из их затрат на войну нельзя вычесть вклада Войска Польского и стоимости использования наших территорий на восток от Буга в 1939–1941 годах, а также учесть труд поляков в советских лагерях.

Нелегко было согласиться полякам на перемещение страны на запад, а также на ограничение своей национальной независимости, однако, может ли должник быть равноправным партнером? Могла ли в этой ситуации страна быть независимой? К. Пужак вообще не признавал существования польского долга в связи с передачей Красной армией сразу после освобождения ею в 1944–1945 гг. польских земель польской администрации. Рассчитывать, что другие понесут затраты во имя обретения нами независимости, это быть по-детски наивным, глубоко не понимать суть проблемы, что недостойно для политика такого уровня.

Другим доказательством неглубокого понимания положения дел К. Пужаком было упорное отстаивание тезиса, что после изгнания гитлеровцев из Польши началась советская «оккупация». Причем, слово «оккупация» объяснялось им как «занятие территории без согласия существовавшего владельца», «захват (...) без согласия польского правительства»¹¹. Пужак не принимал во внимание того факта, что «существовавшим владельцем» был Гитлер, а не какое-то польское правительство. Подобные размышления К. Пужака можно считать романтическими, совершенно оторванными от реальности, наивными и простодушными, если не назвать их просто ослеплением. Он не понимал, что возвращение Сталиным нам нашей собственности имело свою цену. Столь дорогих подарков ни от кого нельзя ожидать.

Навязчивая идея, когда-то антироссийская, потому что рождена в годы заключения в Шлиссельбургской крепости, а затем – антисоветская, отрицательно сказалась на жизни этого слишком национального социалиста.

Не может не удивлять реакция К. Пужака на смерть Ф. Д. Рузвельта: «как жаль, что так поздно»¹². Он считал, что для Польши было бы лучше, если бы президент США умер раньше. Ошибался польский политик. Большинство американцев и после смерти создателя Устава ООН понимало и признавало всю тяжесть советских потерь во время войны.

Нельзя простить К. Пужаку участия вместе с генералом Т. Бур-Комаровским и делегатом правительства Я. Янковским в принятии решения о начале

Варшавского восстания, хотя решение принималось с санкции правительства. Речь шла о политических соображениях: в связи со слухами о русских танках в районе Варшавы – Праги, любой ценой немедленно заполучить власть в столице, действуя от имени польского правительства, начать восстание, невзирая на нехватку амуниции у восставших, на численное превосходство немцев и истощение сил Красной армии. Это трагическое решение невозможно как лист вплести в лавровый венец К. Пужака. Критически к восстанию относился даже генерал В. Андерс.

В результате решения, принятого председателем Совета национального единства Пужаком, произошла национальная трагедия, была потеряна огромная часть культурного многовекового достояния Варшавы. Пужак был неискренен, когда писал: «Советы считали, что захватнические интересы России стоят выше гекатомбы восстания»¹³. При этом, он не чувствовал себя ответственным за то, что подготовил из-за отсутствия договоренности с СССР о помощи восстанию немецкую гекатомбу для поляков.

Следующим поколениям поляков, и не только варшавян, пришлось дорого заплатить за уничтоженные немцами жилые дома и памятники архитектуры. Годы восстановления Варшавы отодвигали нас в прошлое, в то время как другие, например чехи, строили лучшее будущее. Согласно Пужаку, русские должны были заплатить за изгнание немцев, а власть должна была перейти к лондонским эмигрантам. И о каких в данном случае моральных принципах может идти речь?

В воспоминаниях, написанных в 1946–1947 гг., К. Пужак не соглашался с появлявшимися в прессе тех лет обвинениями его в ответственности за «уничтожение, сожжение и бойню, устроенную Варшаве и ее жителям»¹⁴, но он был не в состоянии признать свою долю вины.

Выход из подполья партии ППС–ВРН Пужак откладывал до конца марта 1945 г. 18.03.1945 г. на заседании исполкома этой партии было принято предложение К. Пужака о том, что выход из подполья ее членов возможен только после персонального разрешения со стороны руководства ППС–ВРН. 26 марта 1945 г. к написанным им циркулярам для организаций на местах была приложена инструкция, запрещающая членам партии принимать участие в политической деятельности после легализации в новой Польше. Арестованный офицерами советской контрразведки он не внял их совету вывести людей из подполья, и тем облегчить подавление диверсий в тылах Красной армии, а на вопрос, как он представляет себе существование двух социалистических партий – одной в Люблине, другой – в подполье, сказал, что «ППС привыкла

к расколам». В своих воспоминаниях Пужак признал, что тогда для него более важной была ориентация на Лондон, а сотрудничество с русскими он осуждал также, как и согласие С. Миколайчика войти в состав коалиционного правительства¹⁵.

Каким было отношение К. Пужака к Польскому комитету национального освобождения и тем, кто его создавал и поддерживал? Он называл их люблинскими агентами, насмехался, издевался и клеймил. После освобождения из тюремного заключения в Москве, где принимали во внимание, что он был социалистом, Пужак 08.11.1945г. возвратился в Варшаву, но не смирился с политическим поражением правительства в эмиграции и на вопрос офицера польской госбезопасности, каково его отношение к Правительству национального единства в Варшаве дал краткий ответ – «негативное»¹⁶.

Жаль, что этот незаурядный политик не участвовал в работе первых послевоенных правительств в Польше, не стал маршалом, или вице-маршалом Сейма. Навязчивая антисоветская идея и отрицательное бескомпромиссное отношение к Народной Польше уничтожили его как политика правого центра в ППС. Народная власть чувствовала угрозу со стороны такого конкурента, а потому предпочитала держать его под замком и применяла к нему такие драконовские меры, на которые не пошли в тюрьме НКВД в Москве.

Некоторые члены современной ППС испытывают чувство несправедливости из-за того, что заслуги К. Пужака, особенно в период 1905–1939 гг., когда он много лет был руководителем этой партии, обходят сегодня в Польше молчанием. Обходят молчанием не потому, что он тогда выступал с антицарских и антисанационных позиций, а из-за трагичного конца жизни Пужака, произошедшего при невыясненных обстоятельствах в польской тюрьме.

Следует взломать наступившую «тишину» вокруг имени К. Пужака. Деятельность этого политика в период оккупации, особенно после 1945 г., требует объективной оценки молодого поколения историков. В тоже время более широко должны быть освещены лучшие страницы жизни этого члена ППС.

Инициатива сбора средств на памятник социалисту, который бы мог украсить, например, зал им. К. Пужака в Сейме или партийный центр современной Польской социалистической партии на Краковском Предместье в Варшаве, заслуживает того, чтобы быть поддержанной. Однако и сегодня вызывает сомнения бескомпромиссная позиция К. Пужака в 1945–1950 гг. Был ли он левым деятелем? Представляется, что этот политик понес поражение из-за того, что его патриотические чувства превалировали над левыми убеждениями.

Перевод с польского М. А. Крисань

Примечания

¹ При написании статьи были использованы в т.ч. следующие работы: *Ciećkowski Z. Od zimnej wojny do NATO*. Warszawa, 2005; roczniki Przeglądu Społecznego "Dziś", последние публикации историков.

² 37. Sesja Warszawianistyczna Towarzystwa Miłośników Historii, Instytutu Historii PAN, Muzeum Powstania Warszawskiego i innych na Zamku Królewskim, 15–16.06.2004; Sesja Naukowa Instytutu Historii Ruchu Ludowego, 17.06.2004; Sesja Naukowa Komisji Historycznej Polskiej Partii Socjalistycznej, 23.06.2004.

³ Gomułka i inni. Dokumenty z archiwum KC PZPR. 1948–1982. Londyn. 1987; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002.

⁴ Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002; Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. 1944–1948. Москва–Новосибирск, 1997; Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1948. М., 1999.

⁵ Forum Klubowe. № 2. 2002.

⁶ Dziś. № 10. 2002.

⁷ Pużak K. Wspomnienia. 1939–1945. Gdańsk, 1989. S. 124.

⁸ Op. cit. S. 83.

⁹ Op. cit. S. 92–93.

¹⁰ Op. cit. S. 85, 114.

¹¹ Op. cit. S. 115–116.

¹² Op. cit. S. 118.

¹³ Op. cit. S. 124.

¹⁴ Op. cit. S. 88.

¹⁵ Op. cit. S. 89, 98, 112.

¹⁶ Op. cit. S. 136.

А. С. Аникеев

Македонская проблема в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Югославский фактор*

Вторая мировая война стала новым этапом в судьбе македонского народа, всегда стремившегося к обретению собственной государственности. После оккупации македонские земли Югославии и Греции (Вардарская и Эгейская Македония) были разделены между Германией, Болгарией и Италией. Часть оккупированной немцами и итальянцами Эгейской Македонии отошла под административное управление греческого квислинговского режима Чолакоглу. Германские власти в отдаленной перспективе планировали создание на Балканах, возможно, с опорой на Внутреннюю македонскую революционную организацию В. Михайлова (ВМРО), единой македонской территориальной единицы, входящей в состав профашистских балканских режимов. К этим планам неодобрительно относились их болгарские союзники, мечтавшие о великой Болгарии, в которую вошла бы вся Македония¹.

Развернувшаяся в 1941–1942 гг. в регионе борьба против оккупантов внесла коррективы в их захватническую стратегию. Наиболее активное крыло Сопротивления возглавили югославские и греческие коммунисты, которые вскоре приступили к разработке планов послевоенного устройства, рассчитывая на доминирующую роль коммунистических партий в политической жизни своих стран. Особое место македонская проблема занимала в военно-политических планах югославской компартии, которая, благодаря выдающимся успехам в вооруженной борьбе с оккупантами, выдвинулась к 1942–1943 гг. на центральное место в движении Сопротивления на Балканах. Руководство КПЮ рассматривало все македонские земли как важный элемент, который позволит в перспективе объединить Югославию с Болгарией и Грецией в федеративное (конфедеративное) сообщество, в котором главную роль будет играть Бел-

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (направление «Глобальные и локальные войны как фактор социальных трансформаций и конфликтов») в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект».

град. Возможно, что подобные расчеты оказали влияние на политику КПЮ в регионе, руководство которой уже в начале войны вступило в полемику с болгарскими коммунистами относительно того, кому из них будет принадлежать право возглавить коммунистическую организацию в Вардарской Македонии, оккупированной Болгарией. Часть македонских коммунистов, во главе с секретарем Краевого комитета КПЮ М. Шаторовым – Шарло, решила, что в новых условиях будет целесообразно установить связь с подпольным руководством болгарской компартии и действовать в дальнейшем под его началом. ЦК КПЮ предпринял усилия к его смещению и возвращению краевого комитета в свои руки.

В королевской Югославии Вардарская Македония именовалась Южной Сербией, а полиэтническое население, проживавшее в этом районе называли южными сербами. После территориальной реформы 1929 г. этот край приобрел официальное название Вардарской бановины, но без присоединения македонского этнонима. Там проводилась активная политика гомогенизации (по сути сербизации) местного, этнически неоднородного, но преимущественно македонского населения, которая в документах югославской и болгарской компартий называлась великосербской. КПЮ признала существование македонской нации только в 1939–1940 гг. и стало осуждать официальный курс Белграда, выступая за национальную независимость македонского народа. В литературе отмечалось, что М. Шаторов, предложенный на пост секретаря Краевого комитета по рекомендации Г. Димитрова, был сторонником македонской национальной идеи и призывал к объединению всех македонцев и представителей других, проживающих в Македонии народностей «ради их общего права на свободу и равноправие, но без расчленения македонской земли и македонского народа»². Указывалось также на то, что болгарская оккупация была одобрительно встречена местным населением, а македонская парторганизация, провозгласив лозунг «Долой правительство Филова», не призывала к изгнанию болгарских оккупантов. Население оккупированной территории не требовало национального освобождения, а выдвигало, преимущественно, социальные требования³.

Вскоре после начала полемики в письме Коминтерна руководству БКП и КПЮ было дано указание установить самое тесное взаимодействие в борьбе с оккупантами. Болгарской компартии рекомендовалось оказывать КПЮ всемерную поддержку в Македонии, обещая рядовым членам партии, что ее руководство будет выступать за самоопределение македонского народа⁴. Активную роль в преодолении проболгарской тенденции в рядах македонского краевого комитета сыграл лично И. Броз-Тито. ЦК БКП выразил тогда же пол-

ное согласие с решением Коминтерна. Обострение ситуации в македонской парторганизации, произошедшее в результате действий югославского партийного руководства и поддержка действий ЦК КПЮ со стороны Коминтерна привели к консолидации ориентированных на Югославию и компартию политических сил в Вардарской Македонии. Руководство югославской компартии ставило перед македонскими коммунистами новые задачи, целью которых было повсеместное создание народно-освободительных комитетов, призванных стать органами формирующегося македонского народно-освободительного фронта. В директивном письме ЦК КПЮ краевому комитету по Македонии от 15 марта 1942 г. наряду с постановкой этих задач содержались и указания решительно действовать против великобългарской гегемонии и политики денационализации. В письме также рекомендовалось подвергать критике проводимую эмигрантским правительством в Лондоне великосербскую политику и популяризировать СССР, Красную Армию и южнославянских партизан⁵. Таким образом, руководство КПЮ еще раз сообщало Коминтерну о своей готовности следовать его стратегической линии на Балканах, а болгарской компартии о своей твердой решимости проводить собственную политику в Македонии. Основным условием реализации поставленных целей должна была стать успешная борьба с фашистскими оккупантами возглавляемого коммунистами крыла сопротивления и усиление влияния КПЮ в Югославии.

Планы создания на Балканах конфедеративных или федеративных объединений, в частности югославо-греческой унии, были предложены королевским эмигрантским правительством уже осенью 1941 г. и обсуждались предварительно между союзниками по антигитлеровской коалиции. В то же время, югославское эмигрантское правительство в Лондоне резко отреагировало на прозвучавший в Москве 10 августа на Всеславянском митинге со стороны югославской коммунистической эмиграции лозунг о будущей независимости Черногории и Македонии, что было расценено как попытка обособления от «сербства» и, по словам министра иностранных дел М. Нинчича, являлось, по сути, тезисом итальянской и немецкой пропаганды. Югославскому послу М. Гавриловичу в СССР было поручено заявить протест советскому правительству⁶.

Во время встречи Сталина и Молотова с Иденом в Москве 16 декабря 1941 г. обсуждались проблемы «реорганизации европейских границ после войны». Относительно Югославии было предложено восстановить ее в довоенных границах, с некоторыми территориальными приращениями за счет Италии. Греция также могла рассчитывать на старые границы, а от Болгарии предлагалось отрезать часть земель, населенных турками в пользу Турции. Эта информация

была секретной, но в том или ином виде, по коминтерновским каналам, югославское партийное руководство могло узнать о готовности Москвы к известной перекройке границ на Балканах, что не могло не придать им уверенности в формулировании собственных планов на этот счет⁷.

На рубеже 1942–1943 гг. КПЮ активизирует свою работу в Македонии, используя для этого одного из ближайших соратников Тито С. Вукмановича-Темпо, выступившего летом 1943 на встрече с офицерами Греческой национально-освободительной армии (ЭЛАС) и представителями албанского партизанского движения с инициативой создания объединенного партизанского штаба, действующего под началом Верховного штаба НОАЮ⁸. Тогда же Тито в переписке подчеркивал, что Югославия во всех отношениях играет лидирующую роль на Балканах и, по мнению Коминтерна, должна быть военным и политическим центром балканских стран⁹.

Осенью того же года Главный штаб народно-освободительной армии и партизанских отрядов Македонии обратился к македонскому народу с манифестом, в котором были сформулированы цели и задачи освободительной войны в Македонии. В нем, вероятно впервые, было открыто сказано о планах создания после войны «братского союза южнославянских народов», в который будет принят и «братский болгарский народ». Говорилось о том, что все балканские народы едины в борьбе за создание братского, федеративного союза балканских народов на основах полного национального равноправия и признания за народами права на самоопределение. Утверждалось, что никогда еще македонский народ не находился в столь выгодном положении и у него не было так много союзников в деле осуществления многовекового идеала — объединения Македонии¹⁰. Радикалы из Народно-освободительного комитета Македонии, считали, что в документе следовало четко указать на намерение македонского народа обеспечить свободу и равноправие не только для одной трети Македонии, входившей в состав бывшей Югославии, но и на их желание объединиться с братьями-македонцами, находящимися «под Грецией и Болгарией»¹¹.

На рубеже 1943–1944 гг. в Наркоминделе было создано несколько комиссий по проблемам послевоенного мирного урегулирования. Тогда же югославское партийное руководство получило возможность сообщить Кремлю о своих идеях относительно послевоенной политики Югославии. Представители КПЮ в Москве В. Влахович и Б. Масларич получили от комиссии М. Литвинова, готовившей материалы по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, задание составить справку о международном положении Югославии после окончания войны, перспективах отношений с соседями, включая

и спорные территориальные вопросы. Список, относящейся к последней теме открывался Македонией, а решение македонской проблемы увязывалось с возможностью создания южнославянской федерации¹². Авторы документа считали, что македонцы Эгейской и Пиринской частей Македонии неизбежно будут стремиться присоединиться к Вардарской Македонии, в составе федеративной Югославии. В случае появления реальной перспективы создания такого южнославянского федеративного или конфедеративного государства, перед международным сообществом встал бы вопрос о судьбе греческой Македонии и порта Салоники, включение которых в новое государство было бы необходимо с национальной, экономической и стратегической точек зрения. Влахович и Масларич указывали, что руководство КПЮ пока не выдвигает лозунгов объединения Македонии или создания южнославянской федерации, но подчеркивали важность осмысления этих вопросов и готовность их решать по мере возникновения конкретных условий¹³.

После проведения в ноябре 1943 г. второй сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ)¹⁴, конституировавшей коммунистические институты власти на освобожденных территориях Югославии, Тито по каналам Коминтерна ставит Москве вопрос о возможности их признания. Весной 1944 г. СССР направил в Югославию военную миссию во главе с ген. Н. Корнеевым, а 12 апреля в Москву прибыла югославская военная миссия, которую возглавлял ген. В. Терзич. Спустя две недели с руководством миссии, в которой находился и член ЦК М. Джилас, встретился В. Молотов, задавший югославам несколько вопросов относительно Македонии. Его в частности интересовало, имели ли югославские партизаны выход к морю, а также им был задан вопрос относительно национальной принадлежности населения Салоник. В ответ югославы сообщили, что большинство горожан составляют греки, но деревни вокруг города населены македонцами¹⁵. Вероятно, последний вопрос Молотов задал в расчете выяснить, насколько аргументированным было бы выдвижение этнического фактора в переговорах с западными союзниками при обсуждении проблемы включения в проектируемую югославами объединенную Македонию ее греческой части. Помимо этого, Москва, как и руководство югославской компартии, должны были учитывать и позицию проживавших в Эгейской Македонии греческих славо-македонцев, многие из которых выражали желание объединиться в самостоятельном государстве с вардарскими и пиринскими македонцами. Руководитель Бюро греческой компартии по западной части Эгейской Македонии Л. Димовский-Ошенский (Лазос Нтимос), сторонник концепции КПЮ в македонском вопросе и представитель славянского этноса в КПГ критиковал собственное партий-

ное руководство, опасавшееся обвинений со стороны официальных властей в национальной измене в связи с позицией в отношении границ. Он ставил вопрос об объединении македонцев, опираясь на решения второй сессии АВНОЮ, конституировавшей создание республики Македонии в составе новой Югославии. В письме в ЦК КПГ от 24 января 1944 г. он, зная о господствовавших там настроениях, подчеркивал, что, говоря о славянских македонцах, «мы имеем в виду не всю Македонию, входящую в греческие пределы, а лишь эту ее часть, (Лерин-Костурский район с 65-70 % славо-македонцев. — А. А.), где большинство населения — славянские македонцы, и которая экономически и географически связана с другими частями, находящимися под Сербией и Болгарией». Далее в письме он писал о том, что славянские македонцы обоснованно задают вопрос: «почему нас не оставят свободными, чтобы мы развивали нашу национальную культуру и осуществляли национальные идеалы, коли мы нечто особое? Мы не греки, а славо-македонская нация, и у нас различные идеалы. Как мы можем, оставаясь в составе Греции удовлетвориться лишь равноправием? Как его можно оправдывать программными принципами о самоопределении народов? Опасается ли партия реакции шовинистов? Или же этот вопрос не изучен за недостатком фактов и сведений?»¹⁶.

Позиция славянских македонцев из КПГ отвечала интересам радикалов-максималистов в рядах руководства югославской компартии, в частности С. Вукмановичу — Темпо, совершавшего в тот период рейды с греческими партизанами по Эгейской Македонии. Главной их целью было реализовать в перспективе план объединения трех частей Македонии под флагом коммунистической Югославии. Поддержка объединительных концепций славян в греческой Македонии вызывала конфликт между югославской компартией и КПГ, поскольку, как отмечалось, греческие коммунисты не могли, по внутренним причинам идти в своей программе на территориальные уступки без потери сторонников в стране. Акцент на возможности создания на Балканах единой Македонии, с последующим образованием южнославянской федерации, который делали руководители югославской компартии в своих планах послевоенного устройства, не был случайным. Известно, что эмигрантское правительство в Лондоне и британская дипломатия в 1942–1943 гг. стремились к созданию югославо-греческой оси на Балканах (югославо-греческая уния 1942 г.) в противовес Коминтерновским планам балканской федерации, в которой могла бы, как считали тогда в Лондоне, доминировать послушная Москве Болгария, способная обеспечить и советское влияние в Македонии¹⁷. Весной и летом 1944 г. британское руководство и лично Черчилль пытались яснее представить себе ситуацию вокруг Македонии и намерения СССР и пар-

тизан Тито в отношении этих территорий. Складывавшееся положение не соответствовало британским интересам в регионе, поскольку на Балканах усилилось советское влияние, и этому обстоятельству Британия, как считал Черчилль после встречи с Тито в Италии в августе 1944 г., мало что могла противопоставить¹⁸.

Действительно, с выходом советской армии на Балканы ситуация стала меняться кардинальным образом. 2 августа состоялась первая сессия Антифашистского собрания освобождения Македонии (АСНОМ), на которой в обращении к македонскому народу было сказано, что «македонский народ вступает на положении национально освобожденного и равноправного члена в новую демократическую и федеративную Югославию на принципах, утвержденных на второй сессии АВНОЮ». «Македонцы, став составной частью новой демократической и федеративной Югославии, стали и союзником великих держав-победительниц»¹⁹. В документе подчеркивалось, что исходя из «многовековых идеалов македонского народа первая сессия Народного собрания Македонии выражает перед лицом всего мира справедливое и неотступное стремление к воссоединению всего македонского народа на принципе права на самоопределение». Обращаясь к македонцам и македонкам, «подвластным Болгарии и Греции», авторы указывали, что в соответствии с концепцией ЦК КПЮ о законности выдвижения политических требований лишь на основе последовательной борьбы с нацизмом воссоединение всего македонского народа зависит от его «приобщения к гигантскому антифашистскому фронту». Только «борьба против коварных фашистских оккупантов принесет завоевание права на самоопределение и объединение всего македонского народа под опекой Югославии Тито...», – говорилось в обращении²⁰. Таким образом, югославское руководство, теперь уже открыто, заявило о своих планах по объединению всей Македонии и включению ее в состав новой Югославии. При этом предполагалось, конечно, что инициатива такого объединения должна будет идти со стороны пиринских и эгейских македонцев, активно включившихся в антифашистскую борьбу в регионе и пока не ранжированных коммунистами по их политической принадлежности.

Быстрое продвижение советских войск на Балканах летом-осенью 1944 г., помимо основной – изгнание гитлеровских захватчиков и слом их военной машины, имело и другую, не менее важную для Сталина задачу обеспечения долговременного стратегического советского присутствия в регионе с опорой на новых союзников: почти коммунистическую Югославию и быстро советизируемую, по московскому сценарию, Болгарию. Беспрепятственный бросок советских танков через всю Болгарию в Западную Фракию вплоть до турец-

кой и греческой границ создавал надежный плацдарм вблизи Эгейского моря, что могло внушить югославскому руководству дополнительную уверенность в возможности реализации планов объединения Македонии и последующего создания федерации с Болгарией, а болгарским коммунистам, при определенных обстоятельствах, требовать возвращения у Греции Западной (Беломорской) Фракии. Не согласованная с западными союзниками и вызвавшая протест британской дипломатии заброска в конце июля в Грецию (по личному указанию Молотова) в район дислокации греческих партизанских сил ЭЛАС группы советских офицеров во главе с Г. М. Поповым (так называемая группа связи) также возможно свидетельствовала об упреждающих шагах Москвы по подготовке к дискуссии с британскими союзниками о разделе Балкан на зоны влияния. Сферу своих, фактически блоковых притязаний, Кремль уже обозначил, в то время когда в Каире дипломаты США и Великобритании вели переговоры с представителями болгарского правительства. Одна из главных тем была македонская. София хотела бы видеть Македонию в возглавляемой ей федерации, или допускала создание самостоятельного и независимого македонского государства, рассчитывая оказаться его приоритетным партнером. В любом случае вариант решения македонской проблемы в рамках югославской федерации, по мнению болгарских парламентариев, должен быть отвергнут²¹. События развивались стремительно, и 5 сентября СССР объявил войну Болгарии, несмотря на то, что 25 августа она заявила о своем нейтралитете, а 9 сентября в стране произошел государственный переворот, и к власти пришел Отечественный фронт. За неделю до этого греческое правительство потребовало эвакуации болгарских войск из Эгейской Македонии и Фракии.

Югославское руководство, которое действовало в тот период в строгом соответствии с кремлевским сценарием, стремилось реализовывать свои планы поэтапно, рассчитывая сначала на присоединение Пиринского края, а уже затем, учитывая международную ситуацию и настроения в Москве, для которой было важным сохранение добрых отношений с Западом, ставить новые цели. Решение первой части плана, уже многократно обсуждалось с болгарскими союзниками, и в качестве варианта предполагалась схема югославо-болгарского союза или южнославянской федерации. Болгарские товарищи считали, что в последнем случае объединенная Македония окажется в силу историко-культурных традиций и географических особенностей ближе к Болгарии. Проблема обсуждалась в сентябре 1944 г. в Москве во время визита Тито и одновременно в Софии, куда прибыли С. Вукманович-Темпо и македонское партийное руководство для обсуждения конкретных вопросов объединения. В югославском варианте это выглядело как аннексия территории побежденного государства, что вызвало отрицательную реакцию болгарских коммунистов²². Между тем югославские македонцы продолжили давление на БРП (к).

Так в письме от 1 октября в ЦК болгарской компартии Л. Колишевский, секретарь КП Македонии, подчеркивал, что «... македонскому народу в болгарской части Македонии принадлежит право на самоопределение, вплоть до отделения или объединения на добровольной основе с другими народами». Вскоре после этого была достигнута договоренность о том, что в Горнодзюмайтской области (болгарское название Пиринского края) будут сформированы военные части, которые войдут в состав болгарской народной армии и станут бороться вместе с македонскими подразделениями НОАЮ против гитлеровцев. Также планировалось создание там народно-освободительных комитетов, подчиненных областному комитету, которые временно действовали бы в рамках Отечественного фронта. В письме также говорилось о том, что на основе этих изменений македонский народ Пиринского края мог бы свободно вести пропаганду «в пользу объединения македонского народа или присоединения болгарской части Македонии к матери-земле». Отвергая радикальные заявления части югославских партизанских командиров о необходимости подчинения им македонских подразделений, сформированных в болгарской части, авторы письма подчеркивали, что объединение «предполагает известную временную перспективу»²³.

В октябре секретарь македонской компартии направил болгарским товарищам еще одно письмо, в котором выражалось беспокойство, что вопреки достигнутым договоренностям болгары не выполняют согласованную программу по разворачиванию в Пиринской области македонской пропаганды, о чем он уже информировал Тито и ЦК КПЮ. Завершалось письмо фразой, позволяющей до известной степени понять представления македонского и югославского партийного руководства о сущности и перспективах объединения двух македонских земель. Колишевский писал: «Мы желаем решать все вопросы вместе с вами, но не можем смириться с тем, чтобы присоединение болгарской части Македонии непосредственно обуславливалось заключением тесного союза между Югославией и Болгарией, а в том случае, если до этого желанного союза не дойдет, пришлось бы отказаться от права македонского народа на самоопределение и добровольное присоединение»²⁴. Варианты этой македонско-югославской формулы обсуждались между двумя компартиями затем вплоть до конфликта Информбюро с Югославией. Югославы хотели бы решить эти сложные вопросы как можно скорее, явочным порядком, возможно, не дожидаясь завершения войны и в обход всех международно-правовых и институциональных норм этому сопутствующих. Рассчитывали они на поддержку советского руководства, зная о его готовности в тот период оказать помощь своим новым союзникам в реализации двустороннего федеративного плана.

Осенью 1944 года вопрос о создании югославо-болгарской федерации стал рассматриваться конкретно. Во время ноябрьского визита в Москву Э. Карделя и И. Шубашича проблема обсуждалась со Сталиным, который предложил ускорить процесс создания союза. Уже в ноябре стороны приступили к обмену планами. В югославском варианте македонская проблема вообще не упоминалась, а в болгарской версии один из пунктов содержал предложение об обмене территориями. Там говорилось о том, что «обе стороны, уважая решение АВНОЮ, согласно которому македонцы признаны равноправными наряду с другими народами федеративной Югославии, признают их полное право на самоопределение». Далее в этом параграфе описывались условия, на основании которых будет происходить объединение. Так, «после признания союзного федеративного государства югославского народа, согласно воле большинства населения, те части Македонии, которые были переданы Болгарии по договору 1913 г., и те части Болгарии, которые отошли к Югославии по договору 1919 г., будут присоединены к Македонии и соответственно Болгарии, согласно воле их населения». София предлагала также соответствующую помощь населению Сербии и Македонии, пострадавшему от болгарской оккупации в годы войны²⁵.

В начале декабря Тито и Кардель, встречаясь с болгарским представителем в Белграде П. Тодоровым, обсуждали условия, на которых Болгария могла бы войти в федерацию. Тито считал, что на тех же правах, на которых в нее входят все республики Югославии. Тодоров был готов согласиться с таким предложением югославских руководителей, подчеркнув только, что болгары рассчитывают на действительное равноправие в планируемой федерации с другими республиками, Тито попытался заверить болгарского дипломата в том, что поскольку Болгария станет самой крупной федеральной единицей, у нее будет приоритетный статус в федерации. В подробной схеме объединения, предложенной Тодоровым для обсуждения, предусматривалось присоединение Пиринской Македонии к республике Македония²⁶. В Софии, между тем, не склонны были идти на уступки югославам, в том числе и в македонском вопросе, решение которого обе стороны видели по-своему, что не позволяло согласовать текст окончательного договора о союзе. 22 декабря в Софию отправился Э. Кардель, и вскоре появилась новая болгарская версия договора. Отредактированная македонская часть проекта выглядела теперь так: «Та часть Македонии, с 1913 года принадлежавшая Болгарии, будет присоединена к объединенному македонскому государству, которое в качестве равноправного члена войдет в состав федерации югославянских народов, а те части болгарской территории, которые отошли к Югославии по договору в Нейи от 1919 г.,

будут возвращены Болгарии». Характерно, что в переделанном по настоянию Карделя тексте отсутствовало начало фразы, имевшееся в первоначальном болгарском варианте: «После создания объединенного федеративного государства югославянских народов». Кардель в письме Тито в конце декабря 1944 г., касаясь этой части договора, размышлял: «...не знаю, возможно ли для нас с принципиальной точки зрения согласиться на такую формулировку, какая в их предложении о Македонии, т. е. согласиться с тем, что Болгарская Македония объединиться с югославской только в случае объединения с Болгарией. Полагаю, что такое право македонцы имеют, не обращая внимания на то, дойдет ли дело до федерации с Болгарией или нет»²⁷. В этом же письме он отмечал, что текст договора еще недостаточно конкретен, что делает перспективу его заключения весьма отдаленной. «Болгарам бы это принесло пользу (т. е. заключение договора в таком виде. — А. А.), а нам внешнеполитический ущерб», — подчеркивал Кардель, что свидетельствовало о сугубо инструментальном, а не декларируемом «пролетарско-классовом», интернационалистском подходе югославского руководства к союзу с Болгарией и, соответственно, к македонской проблеме. Он советовал Тито обратить серьезное внимание Сталина на опасность затягивания процесса объединения, поскольку в ситуацию «могли вмешаться англичане» и воспрепятствовать дальнейшим действиям в этом направлении. Кардель писал: «Сейчас самое время. Сомневаюсь, что когда-либо позже будет также»²⁸.

Внутри югославского руководства, видимо, не было единства по поводу того, какой должна быть федерация двух стран. Тито в своем окружении говорил, что никогда не согласится на союз, в котором Болгария будет равна всей Югославии. Так возник проект, по которому Болгария должна была войти в федерацию на тех же условиях, что и югославские республики, в качестве седьмого ее члена, что не могло устроить Софию и даже вызвало возражения Сталина. Он, очевидно, увидев, что за югославским проектом стоит развернутая программа усиления Югославии на Балканах, противоречившая как кремлевским планам, так и чреватая конфликтом с Западом, заявил югославам на встрече в Москве в начале января 1945 г., что проект «не годится». По его мнению, Болгария и Югославия являлись двумя государствами, которые «могли бы войти в конфедерацию с перспективой дальнейшего полного объединения..., основанного на принципе дуализма» (он привел в качестве примера Австро-Венгрию). В югославском же проекте, по которому «Болгария получала бы равные права с отдельными югославскими народами, болгары усмотрят желание проглотить их». В своем ответе А. Хебранг, возглавлявший югославскую делегацию на переговорах, пытаясь описать болгарские мотивы в этом

вопросе, указывал на стремление болгар облегчить решение вопроса о Македонии, а также попытаться, опираясь на федерацию с Югославией, выйти из международной изоляции, вызванной их участием в войне на стороне стран оси. Как считали югославы, «договор позволил бы болгарам уйти от ответственности за преступления, совершенные во время войны», а, с другой стороны, позволил бы Болгарии сохранить положение суверенного государства. Как можно было понять, именно эти обстоятельства вынудили югославское руководство отклонить в начале января уже согласованный вариант договора и принять новый, основанный «не на принципе дуализма (о чем говорил Сталин. – А. А.), а на вхождении Болгарии в федерацию с теми же правами, какие будут иметь отдельные народы Югославии: сербы, хорваты, македонцы и другие». В таком случае будущая федерация смогла бы «внутренними усилиями правильно воздействовать на Болгарию», а сам договор, как считали югославы, был бы значительно лучше принят в Югославии²⁹. Если попытаться адекватно интерпретировать аргументацию Хебранга, который рассчитывал на поддержку югославских планов от Кремля, то участие Болгарии в войне на стороне Германии и ее сателлитов заслуживало лишения ее собственной государственности с последующим сроком «перевоспитания» внутри югославской федерации. Можно себе представить, как мог бы этот план быть реализован на практике.

Между тем, Сталин и Молотов еще раз напомнили югославским товарищам, что осуществление их плана, «если повернуть дело круто», по их выражению, может привести к тому, что «болгары могут шарахнуться в сторону Америки и Англии и даже в сторону Турции. Надо готовить федеративное объединение, основанное на принципе дуализма». По мнению Молотова «даже договор о дружбе и взаимопомощи испугает турок и греков, испугает румын, наступит сумятица в Европе. Это будет целое событие в Европе. Испугаются все, не испугается только один Советский Союз»³⁰. Но видимо и ему пришлось испугаться, как только советское руководство узнало обо всех территориальных планах Белграда в отношении своих соседей, свидетельствовавших о непомерных аппетитах верхушки КПЮ, стремлении к панбалканской, тотальной ревизии версальских соглашений. На вопрос Сталина о том, как обстоят дела с Грецией, Хебранг ответил, что от Греции Югославия рассчитывает получить греческую Македонию и Салоники. Требования эти, как он сказал, раньше не выдвигались, чтобы не создавать трудности для ЭЛАС внутри страны, но сейчас они будут поставлены. Молотов по этому поводу ответил, что греческие македонцы могут поставить его сами, а последовавшая реплика Сталина свидетельствовала о нежелании Кремля поддерживать бес-

предельные югославские амбиции. Он сказал: «...создается положение, в котором вы оказываетесь во враждебных отношениях с Румынией, Венгрией, Грецией, собираетесь воевать со всем миром; не имеет смысла создавать подобное положение»³¹. В разговоре с Г. Димитровым на следующий день, Сталин еще раз выразил свое негативное отношение к югославскому проекту договора с болгарами, а также к их территориальным претензиям в Венгрии, Греции, Австрии, Албании и Италии³².

В конце января 1945 г. югославы и болгары были вновь вызваны в Москву, где им предложили ограничиться заключением договора о политическом и военном союзе. К этому времени британская дипломатия в своих нотах в Москву, Софию и Белград дала понять всем инициаторам болгаро-югославского сближения, что Лондон против их концепции объединения³³. В новых вариантах договора предусматривался обмен территориями. В версии А. Вышинского эта тема была редуцирована до принятия на себя договаривающимися сторонами обязательства мирно урегулировать все территориальные вопросы, связанные с договорами от 1913 и 1919 гг.³⁴ Югославский исследователь Ж. Аврамовски приводит в своей работе фрагмент из записки М. Пьяде, сделанной им на последних (в январе-феврале) переговорах в Москве, на которых он возглавлял югославскую делегацию. Из нее следует (рукопись содержала несколько пропусков), что Сталин с особым вниманием относился к македонскому вопросу в планируемом болгаро-югославском договоре. Он советовал серьезно подготовиться к послевоенному обсуждению всего македонского вопроса в целом. На данном этапе следовало, по его мнению, использовать гибкие формулировки относительно Македонии, заявить о том, что она будет самостоятельна. «Предоставить ей полную независимость как самостоятельному государству. Это осложнило бы англичанам....слово нечетко (так в тексте. – А. А.) независимую Македонию... Македония как третья федеральная единица... Не следовало говорить о размене территорий... О федерации секретный договор премьеров, либо обмен письмами между ними», – так Пьяде записал замечания, сделанные Сталиным во время переговоров³⁵. Возможно, что советский вождь предложил этот вариант как компромиссный, уступая настойчивым требованиям югославы и учитывая реакцию англичан, протестовавших против федеративного договора между Болгарией и Югославией, а также пытавшихся ограничить советскую экспансию на Балканах пределами, оговоренными в октябре 1944 г. в Москве.

После англо-советской секретной договоренности о том, что Греция на 90% отходит в зону британского влияния, Москва вынуждена была умерить территориальные амбиции своих новых балканских союзников в отношении

этой страны. Дополнительным свидетельством серьезных намерений Лондона стало подавление, с английской помощью, декабрьского восстания в Афинах. Британская дипломатия разрабатывала на рубеже 1944–1945 гг. планы противодействия стремлениям Болгарии и Югославии получить греческую территорию или добиться выхода к Эгейскому морю³⁶. Еще в начале января 1945 г. в письме английского посла Дж. Бальфура В. Молотову говорилось о стремлении югославского руководства включить греческую Македонию в состав Югославии. «Мое правительство, – сообщал посол, – не возражает против создания македонского государства как федеральной единицы в будущей федеративной Югославии, но только при условии, что это государство (или югославское федеральное правительство, вступающее от его имени) не аннексирует никаких территорий, принадлежащих либо Греции, либо Болгарии, и не предъявит на них претензий на том основании, что такие территории являются «македонскими»³⁷. Британский посол в Греции Р. Липер сообщал об отсутствии пограничного контроля на югославо-греческой границе и свободном передвижении через нее «банд ЭЛАС и Тито». Он отмечал, говоря о македонской проблеме, что она во все большей степени становится конфликтным элементом в отношениях между руководством КПГ и местными группировками ЭЛАС, не одобряющими македонский сепаратизм. В Лондоне с вниманием следили за такими фактами, как создание болгарскими бригадами греческих македонцев, а также формированием на территории Югославии Эгейской партизанской ударной бригады, что рассматривалось англичанами как югославские претензии на Эгейскую Македонию. Тито в своей контрпропаганде пытался заверить британцев через их представителя при штабе НОАЮ Ф. Маклина, что у югославского руководства нет агрессивных планов против греческой Македонии, а все югославские претензии будут отложены до мирной конференции³⁸.

Для греческой компартии македонский вопрос представлял, как уже отмечалось, сложную проблему по внутривнутриполитическим причинам: попытки солидаризироваться с югославской политикой грозили обвинениями в намерении расчленить страну. Сталкиваясь с давлением югославы, греческое коммунистическое руководство пыталось найти поддержку в Москве. В письмах в ЦК ВКП(б) оно подчеркивало, что «югославы хотят, чтобы из-за 120 000 македонцев мы потеряли весь греческий народ, чувствительность которого в национальном вопросе в последнее время развилась, естественно, до крайней степени»³⁹. Как сообщала советская разведка, «представители Народно-освободительной армии Югославии в своей работе по организации партизанского движения в Македонии встретили со стороны Национально-освободительно-

го фронта Греции (ЭАМ) решительное сопротивление. ЭАМ отстаивает старые границы Греции и не допускает самоопределения Македонии. Такой позиции придерживаются коммунисты». «Секретарь ЦК КП Греции в беседе с представителем маршала Тито заявил, что ни о каком самоопределении македонцев не может быть речи, ибо македонского народа в природе не существует. Греческие коммунисты в Македонии решительно борются с движением македонцев к самоопределению... Македонцам запрещается оказывать какое-либо содействие представителям армии маршала Тито⁴⁰... КПГ и в конце 1944 г. продолжало направлять в Москву сообщения, в которых подчеркивалось, что в связи с международным и внутренним положением, а также ввиду изменений состава македонского населения, сейчас не следует поднимать македонский вопрос, поскольку его выдвижение «в настоящее время принесло бы большой вред всему балканскому движению...». «Это один из пунктов, на которых базируется наш лозунг о национальном единстве», — утверждалось в одном из таких документов⁴¹. 12 февраля 1945 г. Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и входившие в него компартия и Народно-демократическая партия подписали в г. Варкиза с греческим правительством соглашение, по которому войска ЭЛАС должны были быть разоружены. В действительности, значительную часть оружия, как потом признавались партизанские руководители, удалось сохранить, что, несомненно, оказало влияние на характер революционной ситуации в Греции и в первые послевоенные годы, где спустя полгода после Варкизы началась подготовка ко второму этапу гражданской войны. При этом греческие коммунисты рассчитывали, как и раньше, на помощь Болгарии и, главным образом, Югославии. В июле 1945 г. в греческую Македонию стали проникать вооруженные группы с севера, а ряд функционеров КПГ был переведен из Афин в Македонию и Эпир, где происходили регулярные консультации с югославскими и болгарскими представителями⁴². На 7-ом съезде КПГ, проходившем в сентябре была принята «Программа народной демократии», в которой содержались положения, определявшие «народную демократию» как первый этап на пути к социализму, т. е. идеологические установки греческой компартии были почти полной калькой с соответствующих программ, разработанных в Коминтерне, а теперь переименованном в Отдел международной информации ЦК ВКП(б), для восточноевропейских сателлитов СССР. Однако достижение этой цели планировалось не мирным путем, а с опорой на силовые методы⁴³.

Выбрав вооруженную борьбу в качестве основного средства завоевания власти, руководство КПГ, рассчитывавшее на поддержку коммунистических идей со стороны широких народных масс, просчиталось. Основу партизан-

ских отрядов, начавших борьбу в 1946 г. уже не с германо-итальянскими оккупантами, а с официальной властью в Афинах, составили не греки, а македонцы, которые надеялись на создание единого македонского государства на Балканах либо на признание своего народа в Греции в качестве законного и уважаемого малого этноса.

Весной 1946 г. генсек КПГ Н. Захариадис и несколько сотрудников аппарата ЦК посетили Прагу, куда они были приглашены на очередной съезд чехословацкой компартии, а по дороге туда встретились в Белграде с югославскими руководителями – Тито, Ранковичем и Джиласом, которые дали согласие принять в Югославии «преследуемых монархо-фашистскими войсками» 20 тыс. человек, составивших вскоре ядро партизанской армии. Обсуждая в Праге с итальянскими и французскими делегатами ситуацию в Греции, представители КПГ услышали, что те рассматривают новый вооруженный конфликт в Европе, в силу вовлеченности в него мировых держав, как ведущий к усилению антикоммунистических тенденций. Г. Димитров, также полагал, что такой конфликт вызовет в контексте противоречий Запада с СССР, вмешательство западных держав с целью защиты греческого суверенитета⁴⁴. В этом он оказался прав – в марте 1947 г. на волне партизанских успехов в северной Греции американцы принимают доктрину Трумэна, существенно усилившую способность Афин сопротивляться внешней агрессии.

Накануне парламентских выборов в Греции, которые греческая компартия игнорировала, ее руководство получило из Москвы телеграмму, в которой рекомендовалось принять в них участие, а затем действовать по обстоятельствам, переноса акцент, «когда в законные методы, а когда в вооруженную борьбу»⁴⁵. Тем самым можно говорить о том, что Кремль сам подталкивал греков к развязыванию второго раунда гражданской войны. В середине февраля 2-ой пленум ЦК КПГ высказался в пользу вооруженной борьбы с «монархо-фашизмом», а через две недели Македоно-Фракийское краевое бюро компартии доложило руководству, что в состоянии выставить 25 тысяч бойцов⁴⁶. Характерно, что упоминалось на пленуме бюро КПГ, объединяющее коммунистов Эгейской Македонии. Вскоре в серии записок в адрес ЦК ВКП(б), Н. Захариадис просит советское руководство помочь в организации и обеспечении военно-тренировочных пунктов в Югославии, Болгарии и Албании, способных принять соответственно восемь тысяч бойцов в ФНРЮ и по две тысячи в Болгарии и Албании. Он также сообщал, что несмотря на соглашение в Варкизе, удалось сохранить немалое количество винтовок, пулеметов и другого вооружения⁴⁷. Летом 1946 года, с усилением активности партизан на северных границах, в Вардарской Македонии, на югославской стороне, при-

граничное село Булкес становится основной партизанской базой⁴⁸. Греческие правительственные войска проводили по периметру северных границ активные антипартизанские операции, а в конце августа 1946 г. губернатор Западной Македонии Дамнис обвинил Югославию в том, что она ведет необъявленную войну против Греции⁴⁹. Руководство КПГ в тот период считало, что энергичная тактика борьбы с правительственными войсками позволит добиться победы до того, как в ситуацию вмешаются американцы⁵⁰.

Греческое правительство в годы послевоенного мирного урегулирования выдвигало, со своей стороны ряд территориальных претензий по отношению к Албании (Северный Эпир) и Болгарии (части Македонии и Фракии), требовало возвращения Додеканезских островов. В ряде документов, направленных правительствам западных держав в связи с этими требованиями, греки делали акцент на том, что поддержка позиций Греции отвечает интересам Запада, поскольку она будет оставаться впредь основным бастионом «защиты миролюбивых демократий в Восточном Средиземноморье и защитником стратегически важного района на Ближнем Востоке». Афины также стремились подчеркнуть, что их страна приобретает значение противовеса советской мощи на Балканах⁵¹.

Москва, создавая в первые годы после войны блок «народных демократий» по периметру своих границ, вела наступательную политику на Балканах. В августе–сентябре 1946 г. СССР предпринял новые акции в отношении Турции и Греции. Анкаре предлагалось пересмотреть режим Проливов, а в ООН Москва в очередной раз поставила вопрос о положении в Греции, приурочив это к предстоящему в стране плебисциту о восстановлении монархии. В знак протеста против возможной предстоящей реставрации власти короля Георга Советский Союз и Югославия отзывали своих послов из Афин⁵². Москва обвиняла Грецию в провоцировании вооруженных инцидентов на границе с Албанией с целью получить предлог для отторжения ее южных территорий, преследовании «греческих национальных меньшинств в Македонии, Фракии и Эпире», вынужденных десятками тысяч искать убежище в соседних странах. Д. Мануильский, поднявший этот вопрос в ООН от имени возглавляемой им украинской делегации, утверждал, что проведению такой политики способствует пребывание в Греции английских вооруженных сил, а также прямое британское вмешательство во внутренние дела этой страны⁵³.

Во второй половине 1946 г. руководство греческой компартии наносило визиты в Белград и Софию, вело переписку с Москвой, рассчитывая на их финансовую и материальную помощь в организации партизанского движения в стране. В конце сентября в Белграде состоялась встреча греческого партий-

ного функционера Я. Иоаннидиса с заместителем заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Л. Барановым, которому был передан доклад о положении в стране, а также содержалась просьба о материальной поддержке. Со своей стороны, югославское руководство – И. Броз Тито и А. Ранкович в беседе с советским гостем, обещали открыть на территории Югославии, согласно просьбе югославской компартии, радиостанцию, предоставить оружие и боеприпасы, организовать подготовку военных кадров и дать возможность создать на югославской территории «параллельный аппарат» ЦК КПГ во главе с Н. Захариадисом⁵⁴. Активность греческого руководства приносила свои плоды, о чем свидетельствовала направленная в середине октября М. Сусловым Сталину, Берия, Молотову и другим членам политбюро специальная записка, в которой он отмечал, что в связи с крайне трудным финансовым положением КПГ «считал бы возможным и необходимым оказание помощи греческой компартии валлотой, а также обмундированием и медикаментами, необходимыми для партизан Греции»⁵⁵. В конце того же месяца в Греции было образовано Главное командование Демократической армии Греции (ДАГ), возглавляемое членом политбюро ЦК КПГ, секретарем областного комитета партии по Македонии, Маркосом Вафиядисом (генерал Маркос)⁵⁶.

США и Великобритания рассматривали угрозу Греции со стороны северных соседей с позиции необходимости сохранения стратегической стабильности в Восточном Средиземноморье и на Ближнем и Среднем Востоке. Министр обороны США Дж. Маршалл в меморандуме президенту Трумэну осенью 1946 г. подчеркивал, что прорыв СССР через т. н. Северный ярус – Иран, Турцию и Грецию будет иметь самые пагубные последствия для долговременной безопасности Соединенных штатов⁵⁷. В госдепартаменте также активно велась разработка планов противодействия советскому продвижению на южные рубежи. Высокопоставленный чиновник этого ведомства Л. Хендерсон в своем меморандуме призвал правительство внимательно изучить положение в Греции, в которой на фоне внутренней нестабильности и развернувшейся гражданской войны усилилась угроза ее территориальной целостности со стороны северных соседей⁵⁸.

В начале декабря 1946 г. в ООН уже в третий раз за год был поставлен на обсуждение греческий вопрос. Делегация Греции в своем заявлении говорила об актах агрессии против их страны, которые проводятся на основе плана, состоящего из: 1) интенсивной пропаганды в пользу включения греческой (Эгейской) Македонии в состав Федеральной республики Македонии и 2) активной поддержки повстанческих банд, использующих территории Албании, Болгарии и Югославии в качестве операционных баз. Указанные страны от-

вергли эти обвинения как фальшивые, а А. Громыко обвинил правительство Греции в угрозе северным соседям и подавлении греческого народа⁵⁹. В феврале 1947 г. американские дипломаты в Афинах сообщали, что ухудшение экономического положения в стране грозит революцией, а русские рассматривают Грецию как зрелую сливу, которая готова упасть к ним в руки⁶⁰. 12 марта президент США обратился к конгрессу с программой срочной экономической и финансовой помощи Греции и Турции, получившей вскоре название доктрины Трумэна.

Введение в действие программы американской помощи и соответствующее расширение и укрепление греческой армии, заставляло коммунистов мобилизовать собственные ресурсы и запрашивать своих патронов о срочных дополнительных поставках вооружений. В мае 1947 г. Захариадис находился в Москве, где был принят Сталиным, обещавшим дальнейшую поддержку греческим коммунистам в дипломатической сфере, а также материальную помощь. Вопрос о военных поставках обсуждался секретарем греческой компартии в Белграде, куда он отправился после Москвы. Югославская сторона, ссылаясь на необходимость сохранения резервов, обратилась от имени руководства КПГ к Москве с просьбой о выделении значительного количества боеприпасов для ДАГ, что стало в начале июня темой переговоров В. Молотова и А. Ранковича⁶¹.

Расчеты на военные успехи партизан заставляли руководство КПГ ускорить разработку программы политического оформления новой власти на временно освобожденных территориях. В апреле 1947 г. идея создания такого «малого» государства в Македонии с центром в Салониках обсуждалась в верхних эшелонах греческой компартии, при этом подчеркивалось, что указанный район является «наиболее слабым и чувствительным пунктом для врага и областью, где народно-демократическое движение обладает наиболее благоприятными политико-социальными условиями». Тогда же эти планы специально рассматривались на встрече Захариадиса и Тито в Белграде⁶². На 3-м пленуме ЦК КПГ, проходившем в начале сентября 1947 г. на территории Югославии, эта тема была в центре обсуждения. В единогласно принятой резолюции пленума говорилось: «В Греции назрели условия для создания свободной демократической территории с собственным правительством. Угроза вооруженной американской интервенции делает эту задачу, тождественную с задачей защиты независимости страны, неотложной»⁶³. В соответствии с планом создания такой территории, получившем название «Озера», в Македонии и вокруг ее столицы Салоники намечалось увеличить к весне 1948 г. численность партизанских отрядов в три раза, с тем, чтобы, как отмечалось

в материалах пленума, «собрать необходимые силы запаса для формирования главного экспедиционного корпуса», который должен был обеспечить захват Салоник. Для последующей защиты города планировалось создание частей береговой и зенитной артиллерии, истребительной авиации, а также минирование акватории⁶⁴. Возможное признание такой греческой «народной Македонии» со стороны северных соседей, с последующим ее включением в советский блок, давало бы Москве, Белграду и Софии значительные стратегические преимущества в регионе, как раз те, которые им не удалось получить по послевоенным мирным договорам.

Напряженный график завоевания власти, который выстраивали себе греческие коммунисты, начинал не совпадать с планами Кремля на Балканах. Советское руководство, получая прямую информацию из Вашингтона от своего агента Д. Маклина (второго секретаря британского посольства в США) о готовности американцев к военной интервенции в Греции, вынуждено было сдерживать даже Болгарию и Югославию от слишком энергичных шагов в двустороннем сближении. Так Сталин в телеграмме от 12 августа 1947 г. подверг критике согласованный между ними текст договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, поскольку его планировалось заключить до вступления в силу (15 сентября 1947 г.) мирного договора с Болгарией. В телеграмме подчеркивалось, что этот (двусторонний. – А. А.) договор может быть использован «реакционными англо-американскими элементами» для того, чтобы «усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии»⁶⁵. Очевидно, что это «сдерживание» в полной мере могло относиться как к планам этих стран в отношении поддержки греческих партизан, так и расчетов КПГ на отрыв от Греции Македонии с одним из крупнейших городов страны Салоники.

Воздействие на позицию Москвы оказывала также и складывающаяся ситуация вокруг греческого вопроса в ООН, где США вместе со своими союзниками готовили делегации к принятию очередной резолюции о положении в Греции. В принятом 21 октября 1947 г. Генеральной Ассамблеей документе, Албания, Болгария и Югославия обвинялись в поддержке греческих повстанцев, что, как отмечалось, создавало угрозу политической независимости и территориальной целостности Греции, а также миру и безопасности на Балканах⁶⁶. В этой связи любопытен комментарий относительно перспективы албано-греческих отношений, сделанный в тот период советским послом в Албании Д. Чувахиным. В своей телеграмме в Москву он утверждал, что пока в Греции существует реакционный монархо-фашистский режим, спокойствия на албано-греческой границе ожидать не приходится. Отношения меж-

ду двумя странами, по его мнению, могли бы быть урегулированы только с приходом к власти «греческих демократов»⁶⁷.

К концу 1947 года численность партизанской армии не превысила 18 тыс. бойцов, что привело к отказу от грандиозного плана по овладению Македонией и ее столицей. Было решено отвоевать село Коница вблизи албанской границы и создать временное правительство с целью, как рассчитывал Захариадис, политически конституировать движение. 23 декабря, накануне завершившихся неудачей боев за Конницу, в одном из горных районов северной Греции было образовано Временное демократическое правительство Греции (ВДПГ), составленное из коммунистов, но никем из руководства КПГ не возглавленное. Премьер-министром стал главнокомандующий ДАГ Маркос Вафиадис. В правительстве, так никогда и не приступившем к реальной работе, были министры финансов, юстиции, экономики, иностранных дел и т. д., в то время как больше половины армии генерала Маркоса составляли молодые македонские крестьянки, зачастую насильно рекрутированные в сельских районах, где действовали партизанские отряды. Позже это породило проблему «греческих детей», которые тысячами были отправлены в страны «народной демократии», в первую очередь в Югославию, в ожидании установления в Греции коммунистических порядков⁶⁸. После поражения партизан, греческие власти требовали их возвращения на родину.

США и Великобритания рассматривали образование ВДПГ в контексте возможной военной поддержки партизан со стороны северных соседей в форме создания и отправки в Грецию интернациональных бригад. Такое развитие событий, вслед за признанием ВДПГ, как отмечалось в подготовленном в Вашингтоне докладе, могло бы рассматриваться как нарушение резолюции ООН от 21 октября 1947 г. и вооруженное нападение на члена этой международной организации со всеми вытекающими последствиями. Авторы совместного доклада, подготовленного Советом национальной безопасности, госдепартаментом, ЦРУ и Пентагоном, предлагали провести частичную мобилизации армии в случае развития событий по наимудшему сценарию⁶⁹, а против Югославии, как отмечалось, «главного виновника кризиса на Балканах», планировалось применить вооруженную силу в случае вторжения интернациональных бригад с ее территории в Грецию⁷⁰. Госдепартамент в начале января направил Югославии, Болгарии и Румынии ноты, содержащие предупреждение о том, что признание ими ВДПГ было бы нарушением принципов Устава ООН⁷¹. Британский МИД сообщил американцам, что правительство ее величества считает необходимым открыто предупредить СССР, Тито и Димитрова, что они играют с огнем⁷².

США, принимая программу помощи Греции, точно рассчитали, что эта мера, помимо своей главной задачи, сможет вызвать конфликт интересов внутри советского блока. Москва должна будет задуматься над последствиями своих действий, выполняемых на Балканах руками сателлитов, и вынуждена будет взять их на «короткий поводок», чтобы избежать перерастания конфликта в горячую фазу. В первую очередь это касалось Югославии, которая играла наиболее активную роль как в проведении советской политики в регионе, так и, не в меньшей степени, в реализации собственных амбициозных задач, в расчете стать главной военно-политической силой на Балканах. Все это усилило в начале 1948 г. напряжение в советско-югославских отношениях и стало дополнительным толчком в развитии двустороннего конфликта.

Во время трехсторонней советско-болгаро-югославской встречи в Москве в феврале 1948 г. Сталин предложил «свернуть восстание в Греции как можно скорее», считая, что у греческих коммунистов нет никаких шансов на успех, а США и Великобритания не допустят их победы по геостратегическим мотивам. Полемику по этой проблеме он вел, как известно из документов, с главой югославской делегации на переговорах Э. Карделем⁷³. Тогда же, Кремль выступил против размещения югославской пехотной дивизии в Албании, чтобы не провоцировать «англо-американцев», а Тито на заседании политбюро ЦК КПЮ 1 марта сообщил своим коллегам, что советское руководство считает, что югославы слишком ангажировались в Греции, не вполне учтя ситуацию там⁷⁴. Можно предположить, что Сталин опасался, выступая против посылки этой дивизии в Албанию, что вслед за югославским признанием ВДПГ и захвата греческими партизанами г. Коницы, вблизи албанской границы, она как раз будет рассматриваться американцами в качестве той самой «интернациональной бригады», готовой оказать помощь ДАГ в создании свободной зоны на севере Греции. В таком случае, военное вмешательство США в конфликт, которого так опасались в Москве, могло стать реальностью.

Тогда же, в марте, югославское руководство приходит к выводу о том, что федерация с Софией в настоящее время не имеет смысла, так как она может быть использована Советским Союзом для контроля над Югославией по причине значительного советского влияния в Болгарии⁷⁵. Не согласны были югославы и с тем, что болгары не позволяли им проводить свою национальную политику в Пиринской Македонии. Как отмечалось позже, в сентябре 1948 г. на 16-м пленуме ЦК болгарской компартии, уже после принятия летом в Бухаресте первой резолюции Информбюро, югославы стремились к македонизации Пиринского края в нарушение достигнутых в 1947 г. в Блде договорен-

ностей. В документах пленума подчеркивалось, что «федерация южных славян и возможное присоединение Пиринской области к Народной республике Македония возможны только в Югославии, которая останется верна общему социалистическому и демократическому фронту»⁷⁶. Так, советско-югославский конфликт позволил болгарам уберечь свой Пиринский край и его болгарских македонцев от «македонизации» по-югославски со стороны Скопле и Белграда, к которой они стремились все послевоенные годы.

По мере усиления советского давления на Югославию, резкого уменьшения экономической помощи с Востока, ее руководство стало искать возможность для восстановления нормальных отношений с западным миром. Американская администрация, предполагая, что югославы уже скоро начнут искать контакты с ними, рассматривала условия, на которых США будут готовы пойти на нормализацию с Белградом. Советско-югославский конфликт заставил Вашингтон провести переоценку некоторых положений своей политики в регионе. Уже в июле 1948 г. А. Гарриман предложил госдепартаменту рассмотреть возможность реализации следующего сценария: США будут готовы обсудить с югославами вопрос о заключении долгосрочных торговых договоров или предоставлении кредитов в обмен на пересмотр «югославской позиции относительно помощи Маркосу»⁷⁷. Приступить к выполнению намеченных планов администрация смогла только в феврале 1949 г., когда Трумэн одобрил отмену ряда статей экспортного контроля для Югославии, а спустя неделю госсекретарь в телеграмме послу Дж. Кеннону, в Белград, в которой он среди прочего отмечал, что необходимо оказывать давление на Тито с тем, чтобы тот прекратил оказывать помощь греческим партизанам⁷⁸. Министр иностранных дел Великобритании в конце того же месяца сказал одному югославскому дипломату, что «югославы должны оставить Грецию в покое»⁷⁹. Торг в такой ситуации был уместен и спустя два месяца посол Югославии в США С. Касанович сообщил представителям госдепартамента и министерства экономики, что правительство его страны предполагает сделать запрос во Всемирном банке на предоставление кредита в размере 200 млн долларов и рассчитывает на его благоприятное рассмотрение⁸⁰. Тогда же, в апреле, Тито в беседе со своим «фронтовым другом» британским генералом Ф. Маклином во время его визита в Белград получил подробное разъяснение относительно преимуществ прекращения помощи партизанам. Югославский лидер сообщил западным политикам через Маклина, что его страна в ближайшее время закроет свои южные границы и перестанет оказывать поддержку ДАГ, но при этом указал, что выживание Югославии напрямую зависит от западной экономической помощи⁸¹.

Изменение позиции югославского руководства в «греческом вопросе» можно объяснить тем, что большая часть руководства греческой компартии не сразу, понимая, чем это грозит, но через полгода поддержало резолюцию Информбюро и осудило КПЮ. Кроме того на ситуацию все большее влияние оказывал македонский фактор. Это было вызвано неудачами партизанской армии на фронтах гражданской войны, что вело к локализации оперативных действий в северных районах страны и привлечению к вооруженной борьбе все большего числа славомакедонцев. Несмотря на это, руководство Народно-освободительного фронта (НОФ) Эгейской Македонии к концу 1948 г. практически не было представлено в центральных органах КПГ, поскольку Захариадис и его окружение стремились избежать критики компартии со стороны других левых партий, всегда выступавших против сепаратистских тенденций НОФ. Изменение обстановки на фронтах заставило ЦК КПГ пойти на уступки этой македонской организации, которая в начале 1949 г. поставила вопрос об объединении всех частей Македонии, что вызвало трения с Белградом. В феврале в Скопле находилась делегация греческой компартии и НОФ, в задачу которой входила мобилизация эгейских македонцев, покинувших ранее в силу разных причин пределы страны (в том числе и из-за несогласия с позицией КПГ, принявшей резолюцию Информбюро), в повстанческую армию. Белград в новых условиях отрицательно отнесся к миссии греков, выступив против незаконного рекрутирования македонцев, не исключено, что и вардарских, на югославской территории⁸². На пленуме Центрального совета НОФ в начале февраля, на котором присутствовал Н. Захариадис, был поставлен вопрос о необходимости мобилизации всего (курсив наш. – А. А.) македонского народа для борьбы с «монархо-фашизмом». Там же было решено провозгласить на мартовском съезде НОФ объединение Македонии в «единое, независимое, равноправное Македонское государство в рамках народно-демократической федерации балканских народов», что должно было стать, как отмечалось в документах пленума, «наградой македонскому народу за его многолетнюю кровавую борьбу». Лозунг объединения македонцев в условиях существования республики Македония в составе ФНРЮ являлся, как отмечалось в югославской литературе, попыткой использовать македонский вопрос в качестве составной части антиюгославской компании, развязанной Коминформом⁸³. Англичане считали, что этот план был разработан в Кремле для создания на юге Югославии под руководством Г. Димитрова блока, направленного против Белграда. Возможно, эта идея родилась в Москве, но реализовать ее греческим коммунистам не удалось даже в период активной югославской поддержки, а затем ни эгейские македонцы, ни тем более вардарские, в большей своей

части, уже не хотели быть заложниками бесперспективной борьбы с греческой монархией, какой бы плохой она не была. Вероятно, именно по этой причине на состоявшемся в конце марта съезде НОФ вопрос о создании объединенной Македонии был снят с повестки дня, и делегаты вернулись к прежней позиции, состоявшей в готовности македонского народа определить свой статус после окончательной победы в гражданской войне Демократической армии Греции⁸⁴.

Планы КПГ и Москвы относительно объединенной Македонии, с отрывом ее югославской части воспринимались теперь в Афинах, где начинали рассматривать Белград в качестве эвентуального союзника, как угрозу целостности ФНРЮ. Все большая вовлеченность Запада в югославскую проблему после начала конфликта, новая расстановка сил на Балканах, заставляли греческие власти надеется, что это позволит им реализовать часть своих внешнеполитических задач. В первую очередь, ослабить и изолировать Албанию, которая становилась основной базой греческих партизан. Эти планы были изложены в меморандуме, отправленном в начале апреля в Вашингтон и Лондон греческим правительством. В нем подчеркивалась необходимость усиления военного давления на Албанию с целью свержения режима Э. Ходжи, что позволило бы обезопасить северные границы Греции и западные – Югославии. Греки предлагали задействовать и свою армию в возможных операциях⁸⁵.

По мнению греческого историка Б. Кондиса, у Сталина, узнавшего о греческом меморандуме, возникло опасение, что США и Великобритания оккупируют Албанию, в случае продолжения гражданской войны в Греции и в середине апреля он сообщил Захариадису о необходимости прекратить активные боевые действия⁸⁶. Это требование к КПГ могло быть связано с тем, что Москва, очевидно в последний раз попыталась оказать дипломатическую поддержку греческим коммунистам и согласилась на трехстороннюю встречу 4 мая 1949 г. по вопросу внутривосточного устройства в Греции. Громыко предложил западным дипломатам программу греческой компартии – прекращение огня, всеобщую амнистию и новые выборы с участием коммунистов, на что получил ответ о необходимости участия в переговорах представителей афинского правительства, а также решения главной проблемы, заключавшейся в отказе от поддержки партизан с стороны Албании и Болгарии (Югославия уже не упоминалась). Переговоры закончились неудачей, но привели американцев и англичан к решению продолжать борьбу с партизанами до полной победы, учитывая изменение позиции Белграда в греческом вопросе. Маневры СССР вокруг Греции западная дипломатия восприняла как попытку отсрочить «коллапс греческой революции»⁸⁷. Через месяц Тито на митинге в г. Пула

заявил о решении югославского правительства закрыть границу с Грецией, имея в виду прекращение поддержки греческих партизан⁸⁸. Дипломаты из советского посольства в Белграде оценили заявление югославского руководителя как «логическое завершение предательской политики югославских руководителей в греческом вопросе». В справке упомянутого А. Зубова подчеркивалось, что граница полностью закрыта для «греческих демократов» (т. е. бойцов ДАГ. – А. А.), но остается «открытой, как и прежде, для предателей греческого народа, которые, действуя в союзе с югославскими властями и англо-американскими империалистами, вносят разложение в ряды демократических войск». Такими «предателями» могли быть, скорее всего эгейские македонцы-коммунисты, отказавшиеся осудить КПЮ в соответствии с резолюцией Информбюро, а также не принявшие решений 5-го пленума ЦК КПГ и оказавшиеся теперь в югославской Македонии. Среди них, вероятно, была и часть греческой партийной номенклатуры, занявшая ту же позицию. Так, Зубов, описывая отношение югославского руководства к «освободительной борьбе греческого народа и его руководителям», указывал, что его «предательский характер более откровенно» начал проявляться со второй половины 1949 г., что выразилось в «торможении помощи греческому освободительному движению, плохом отношении к раненым партизанам, находящимся в югославских госпитальях», попытках «задерживать на своей территории бойцов освободительной армии после их выздоровления, подстрекать македонцев в Эгейской Македонии на эмиграцию в Югославию, чинить препятствия для нормальной работы радиостанции «Свободная Греция» и так далее⁸⁹.

Упомянутый 5-й пленум ЦК КПГ состоялся еще в конце января 1949 г. Победу на нем одержала промосковская группа во главе с Н. Захариадисом. Генерал Маркос (М. Вафиадис), выступавший против превращения партизанской армии в регулярную и симпатизировавший КПЮ был снят со всех постов, как и часть его сторонников, выведенных из руководства КПГ⁹⁰.

В августе 1949 г. после последних боев на Грамосе, оставшиеся партизанские отряды ДАГ ушли в Албанию. Среди причин поражения греки, не признавая собственных ошибок, называли плохое снабжение партизан странами «народной демократии», а главное, «предательство Тито». В январе 1950 г. в Москве Захариадис заявил Сталину, что «если бы знали еще в 1946 г., что Тито станет изменником, то мы не начали бы борьбу против греческих монархо-фашистов»⁹¹. Поразительное по своей откровенности и цинизму заявление, свидетельствовавшее, что у греческих коммунистов отсутствовала первопричина для начала гражданской войны в Греции, а именно: жестко ориентированная на изменение политического строя, статистически значимая социальная база. Это даже дает основание к снятию с войны названия «граж-

данская», поскольку в данном случае речь шла о коммунистической повстанческой авантюре с опорой на иностранные государства и с расчетом на их перманентную поддержку. Важно и то, что в центре комментария оказывался Тито, что указывает на один из главных источников балканского конфликта, что мы и пытались показать в своей работе. Сталин назвал высказывание генсека греческой компартии относительно «измены Тито» (что неудивительно для того времени) ошибочным, поскольку, как он выразился, «за свободу народа надо бороться и в окружении». «Впрочем, – продолжил он, – надо учесть, что вы не были в окружении, ведь рядом с вами, с севера, находились Албания и Болгария, ваша справедливая борьба пользовалась всеобщей поддержкой. Мы так думаем»⁹². Отрицание ведущей роли КПЮ и Югославии в поддержке партизан в ответе Сталина на слова Захариадиса были обычной кремлевской лицемерной ложью, ибо руководству стран советского блока было хорошо известно, что с благословения Москвы «курировать» КПГ и их вооруженные отряды с 1946 г. стал Белград.

Влияние советско-югославского конфликта на поражение греческой компартии в многолетней попытке захватить власть на севере страны было очевидным. Белград вынужден был отказаться от своего «мегамакедонского» плана перед неизбежным выбором в пользу сохранения независимости страны с опорой на политическую и экономическую поддержку Запада. Разногласия в КПГ, вызванные различными оценками резолюции Информбюро, также ускорили эрозию партизанского движения. Значительное влияние имело и пропагандистское воздействие Белграда (в том числе опосредованное, через Скопле) на эгейских македонцев, постепенно «вымываемых» из ДАГ и остающихся в Югославии. В августе 1949 г. основная часть партизан отступала с боями в Албанию, неся значительные потери, так как существовал запрет Захариадиса переходить югославскую границу из опасений, что «титовцы» выдадут афинским властям. Однако какие-то отряды греков, вопреки запрещению, уходили в Югославию, где их принимали, а раненых отправляли в госпитали⁹³. Уже после поражения партизанской армии, осенью 1949 г., более 35 тыс. эгейских македонцев оказалось в ФНРЮ.

Примечания

¹ Подробнее о политике оккупантов в Вардарской Македонии, пытавшихся опираться на различные местные националистические группировки в ее проведении см. подробнее: *Малковски Г.* Профашистичките и колаборационистичките организации и групи во Македонија 1941–1944 година. Скопје. 1995.

² См. письмо М. Шаторова «Стояну» от мая 1941 г.: «Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство: с конца первой мировой войны и до создания национального государства». Скопье, 1985. Т. II. С. 385–389; *Киселиновски Ст.* Национално и државно во македонското револуционерно движење (1893–1944) // АСНОМ: Педесет година македонска држава 1944–1994. Скопје, 1995. С. 74.

³ *Resurgent irredentism. Documents on Skopje “macedonian” nationalist aspirations (1934–1944).* Thessaloniki, 1993. P. 24–25. Югославский историк Б. Петранович отмечал, что немецким победам особенно радовались македонцы. Политика Белграда на юге этому способствовала. На возможный приход болгар смотрели как на национальное освобождение. – *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 62–63.

⁴ Документы о борьбе македонского народа... Указ. соч. С. 391–392.

⁵ Там же. С. 413.

⁶ *Duretić V.* Vlada na bespuću. Internacionalizacija jugoslovenskih protivrječnosti 1941–1944. Beograd, 1983. S. 109–112.

⁷ *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 16–17.

⁸ Выполнить эту задачу Вукмановичу не удалось – *Krivokapić B.* Tempo: Ja i Tito. Beograd. S. 20–23.

⁹ *Deakin W.* British military mission in Serbia and Macedonia (1943–1945) // Сборник на трудови посветени на академикот Михаило Апостолски. Скопје, 1986. С. 268; Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945). Knj. 13 (septembar-oktobar 1943). Beograd, 1990. S. 367.

¹⁰ Документы о борьбе македонского народа... С. 453.

¹¹ Там же. С. 463–466.

¹² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948 гг. Москва; Новосибирск, 1997; *Гибианский Л. Я.* Балканский узел // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 95.

¹³ Там же.

¹⁴ Общеюгославский политический орган, созданный 27 ноября 1942 г. в г. Бихач.

¹⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. 1944–1948 гг. С. 30.

¹⁶ Документы о борьбе македонского народа... С. 485–486.

¹⁷ *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. London, 1976. P. 187. См. также: *Ristović M.* Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj (1945–1950) // Balkan posle drugog svetskog rata. Beograd. 1996.

¹⁸ Ibid. P. 199.

¹⁹ Документы о борьбе македонского народа... С. 677.

²⁰ Там же. С. 678.

- ²¹ Миноски М. Македонското прашање во меѓународните односи во времето на одржувањето на првото заседание на АСНОМ (1943–1944) // АСНОМ. Педесет години... С. 246–247.
- ²² Рачев С. Чърчил, България и Балканите (1939–1945). София, 1995. С. 390–391.
- ²³ Документи о борбе македонского народа... С. 728–729.
- ²⁴ Там же. С. 730.
- ²⁵ Avramovski Z. Devet projekata ugovora o jugoslovensko-bugarskom savezu I federacije (1944–1947) // Istorija 20 veka. 1983. N 2. S. 92, 98–103.
- ²⁶ Dragišić P. Jugoslovensko-bugarski odnosi. 1944–1949. Beograd, 2007. S. 62–63.
- ²⁷ Avramovski Z. Op. cit. S. 105–107.
- ²⁸ Ibid. S. 107–108.
- ²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов... 1944–1948. Т. 1. С. 128–129.
- ³⁰ Там же С. 129.
- ³¹ Там же С. 130.
- ³² Resurgent irredentism... Op. cit. P. 44.
- ³³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34 б. Д. 5. П. 158 а. Л. 1.
- ³⁴ Avramovski Z. Op. cit. S. 116.
- ³⁵ Ibid. S. 95.
- ³⁶ Barker E. Op. cit. P. 201–202.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34 б. Д. 5. П. 158 а. Л. 4–6.
- ³⁸ Barker. E. Op. cit. P. 202.
- ³⁹ Цит. по: Улуњан Ар. А. Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. М., 1994. С. 102–103.
- ⁴⁰ Улуњан Ар. А. Указ. соч. С. 104.
- ⁴¹ Там же. С. 133.
- ⁴² Там же. С. 150, 157–158.
- ⁴³ Там же. С. 161–162.
- ⁴⁴ Димитров Г. Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997. С. 520; Улуњан Ар. А. Указ. соч. С. 172–173.
- ⁴⁵ Улуњан Ар. А. Указ. соч. С. 173.
- ⁴⁶ Кирьякидис Г. Д. Гражданская война в Греции. 1946–1949. М., 1972. С. 137.
- ⁴⁷ Улуњан Ар. А. Указ. соч. С. 174.
- ⁴⁸ Ristović M. Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj... Op. cit. S. 76. В это село, в Бачкой, после поражения восстания в Афинах еще весной 1945 г. прибыло несколько десятков тысяч греческих бойцов ЭЛАС.

- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 255. Л. 80–81, 111.
- ⁵⁰ *Woodhouse Ch.* The struggle for Greece. 1941–1949. London, 1976. P. 196.
- ⁵¹ *Kondis B.* Greek National Claims and the British, 1941–1946 // *Etudes Balkanique.* 1988. № 2. P. 15–18.
- ⁵² *Wittner L. S.* American Intervention in Greece, 1943–1949. New York, 1982. P. 57.
- ⁵³ Внешняя политика СССР. 1946. М., 1947. С. 601–602.
- ⁵⁴ *Улунян Ар. А.* Указ. соч. С. 180.
- ⁵⁵ Там же. С. 179.
- ⁵⁶ Там же. С. 181.
- ⁵⁷ FRUS. 1946. Wash. 1968. Vol. VII. P. 857–858.
- ⁵⁸ *Kondis B.* Aspekts of Greek – American relations on the eve of the Truman doctrine // *Balkan studies.* 1978. Vol. 19. № 2. P. 330.
- ⁵⁹ *Yearbook of the United Nations.* 1946–1947. N.Y., 1947. P. 360.
- ⁶⁰ *Wittner L. S.* Op. cit. P. 73.
- ⁶¹ *Улунян Ар. А.* Указ. соч. С. 191–192.
- ⁶² Там же. С. 189.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 266. Л. 293 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 271. Л. 132–135.
- ⁶⁵ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 556.
- ⁶⁶ *Yearbook of the U.N.* 1947–1948. N.Y., 1949. P. 300–301.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 067. Оп. 16 б. Д. 22. П. 117 а. Л. 176.
- ⁶⁸ М. Ристович называет цифру 11 тысяч детей, расселенных по разным местам в Югославии – *Ristiović M.* Op. cit. S. 76.
- ⁶⁹ FRUS. 1948. Wash. 1974. Vol. IV. P. 3–8.
- ⁷⁰ Ibid. P. 16.
- ⁷¹ Ibid. P. 32.
- ⁷² Ibid. P. 30.
- ⁷³ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 596–602; *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.
- ⁷⁴ *Гуренко Ю. С.* Сталин–Тито. М., 1991. С. 348.
- ⁷⁵ *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju I. Broza-Tito. Beograd, 1984. T. 3. S. 303–307.
- ⁷⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 37. Д. 46. П. 147. Л. 100–102.
- ⁷⁷ FRUS. 1948. Vol. IV. P. 1094.
- ⁷⁸ Ibid. 1949. Wash. 1976. Vol. V. P. 866, 870–874.

⁷⁹ Heuser B. Western "Containment" Policies in the Cold War: the Yugoslav Case, 1948–1953. London–New York, 1989. P. 89.

⁸⁰ FRUS. 1949. Vol. V. P. 881.

⁸¹ Barker E. The British between the super powers, 1945–1950. London, 1983. P. 165.

⁸² Документи за учеството на македонскиот народ од егејскиот дел на Македонија во граѓанската војна во Грција в 1949 година. Скопје, 1983. С. 24, 58–59; 6 марта 1949 г. в «Борбе» появилась статья члена ЦК КПЮ М. Пьяде «К вопросу о Балканской федерации». Уже в августе, в период агонии греческого повстанческого движения, советская дипломатия, вероятно по просьбе «инстанций», вернулась к оценке этого публичного документа. В справке первого секретаря советского посольства в Югославии А. Зубова внимание было обращено на ту часть статьи, где Белград обвинял Болгарию в стремлении объединить три части Македонии в одно независимое государство. По мнению секретаря, замысел статьи в «Борбе» как и «всей пропаганды клики Тито в этом вопросе» состоял в том, чтобы «усилить провокационное движение в Эгейской Македонии против компартии Греции, расколоть единый фронт борьбы греческого народа и всю вину за это свалить на болгарскую компартию и Информбюро». Подобная позиция ФНРЮ – представить действия Москвы и ее союзников в отношении Белграда как средство запугивания, позволила, как отмечалось в справке, внести разложение в отдельные части ДАГ в Эгейской Македонии. «Сейчас, – писал Зубов, – в НР Македонии имеется большое число бойцов греческой народно-освободительной армии, состоящих, главным образом, из эгейских македонцев, которых югославы используют на черновых работах и не позволяют им возвращаться в Грецию» – АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. Л. 143. Л. 6.

⁸³ Документи за учеството на македонскиот народ... С. 53–55.

⁸⁴ Kondis B. The "Macedonian question" as a Balkan Problem in the 1940-s // Balkan Studies. 1987. Vol. 28. q 1. Ѓ. 159.

⁸⁵ Kondis B. The Termination... Op. cit. P. 301–302.

⁸⁶ Ibid. P. 303.

⁸⁷ Barker E. The British between... Op. cit. P. 165; 6 июня американский посол в Югославии К. Кеннон встречался с Э. Карделем и А. Беблером, которые сказали ему, что у югославы в Греции больше нет друзей. – FRUS. 1949. Vol. V. P. 866, 893–896.

⁸⁸ FRUS. 1949. Wash. 1977. Vol. VI. P. 363.

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 37. Д. 10. Л. 143. Л. 60–62.

⁹⁰ Улунян Ар. А. Указ.соч. С. 229–231.

⁹¹ Ходжа Э. Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1984. С. 207.

⁹² Там же. С. 209–211.

⁹³ Kljakić D. General Markos. Zagreb, 1979. S. 194, 203.

Территория и границы Польши по итогам Второй мировой войны

Территория и границы современной Польши обусловлены причинами, ходом и военно-политическими последствиями Второй мировой войны в Европе. Культурно-психологический аспект восприятия происшедших тогда изменений территориального ареала страны сопряжен с ретроспективным взглядом на историю Польши и ее соседей, свободным от политической тенденциозности. С давних времен люди меняют место обитания в поисках материальных выгод, лучших условий жизни или территориальных приобретений. Области их расселения то уменьшаются, то увеличиваются. Происходит это по-разному – путем эмиграций и миграций, через войны и завоевания. В средние века был немецкий натиск на восток (*Drang nach Osten*). Был и польский натиск тоже на Восток, который столкнулся с русским натиском на Запад. Россия стремилась объединить под скипетром царей все земли бывшей Киевской Руси.

Польское присутствие на востоке Европы было наиболее ощутимо в XIV–XVIII веках, когда существовала уния Польши с Литвой. Могушая вначале, Речь Посполитая Двух Народов постепенно впадала в общественно-политический маразм. В конце XVIII столетия он привел к последнему, третьему разделу страны между царской Россией, немецкой Пруссией и императорской Австрией (тоже немецкой по своему происхождению). Польша лишилась государственности на 123 года. После эпохи романтизма, которая укрепляла в сознании народов чувство национального единства, во 2-й половине XIX века появились две разновидности национализма: освободительная и гегемонистская. Каждая из них, была порождена теми или иными психологическими и идейными причинами, а также совокупностью территориальных и культурных условий, и обе эти разновидности существовали и существуют по сей день¹. Они сыграли значительную (как положительную, так и отрицательную) роль в борьбе поляков за восстановление своей независимой государственности.

К политическим, национальным и экономическим аспектам этой борьбы прибавились идеи социалистической революции с ее, по сути, абстрактными принципами мировой революции – вненациональной и международной. Большую роль в этом сыграл российский большевизм. Все, вместе взятое, это порождало разные социальные и межнациональные противоречия. Они прояви-

лись в столь же идейно окрашенных национализмах, возобладовавших в авторитарных странах, к которым относятся и однопартийные государства. Идейно-политическая экспансия последних также содержала в себе территориальную составляющую.

Место на земле. Польский народ, как и любой другой народ, желающий жить в своем государстве, должен иметь, прежде всего, территорию, свое место под солнцем. Это было обязательное условие обретения Польшей независимости. В результате Первой мировой войны, Февральской и затем Октябрьской революций в России рухнули монархии в Германии, Австрии и России – странах, деливших Польшу в XVIII веке². Это сделало возможным восстановление польской независимости. Дипломатические усилия по ее признанию сочетались с вооруженной борьбой за определение территории и границ возрожденной Польши.

Восстановление польской государственности 11 ноября 1918 г. противоречило экспансионистским замыслам немецких националистов, что выражалось в их негативном отношении к возрожденной Польше. Независимая Польша лежала также на пути реализации большевистской концепции мировой революции в Европе, что вылилось в польско-советскую войну 1919–1920 гг. и сложные противоречия между Польшей и Советской Россией. Споры касались восточных земель возрожденной Польши, этнически украинских и белорусских, но уже на протяжении нескольких поколений заселявшихся многими поляками.

Польша между мировыми войнами. Вторая мировая война во многом была продолжением Первой мировой. Международное положение Польши между этими войнами было чрезвычайно сложным в силу идеологических, геополитических и внутривойсковых причин. Центробежные тенденции среди национальных меньшинств вызвали множество проблем и приводили к вмешательству других государств во внутренние дела страны. Враждебные настроения подогревали также немецкие национал-социалисты в Свободном городе Гданьске; имелись и территориальные претензии к Польше со стороны соседей. Кроме того, через польскую территорию в ее границах, установленных на Версальской конференции (28.06.19.) и Рижским договором (18.03.21.), заключенным после выигранной войны Польши с Советской Россией, вели разнонаправленные пути внешней экспансии: национал-социалистской (немецкой) на восток, и советско-большевистской, отождествляемой с Россией, на запад³.

Мюнхенский договор, заключенный 30 сентября 1938 г. Германией, Италией, Великобританией и Францией, как бы разрешал немцам перейти к захватам на Востоке, главным образом за счет СССР; но на пути лежала Польша, в отношении которой Германия и СССР имели территориальные претензии. Независимо от исторических и национальных споров России с Польшей советские претензии в этнографическом смысле были обоснованы.

Целью немецкого Третьего рейха была экспансия на запад и через моря. Эта цель являлась повторением военных планов Германской империи в годы Первой мировой войны. Германия по-прежнему хотела быть континентальной и морской державой, несмотря на поражение в этой войне; ею руководил гегемонистский национализм, подкрепленный шовинизмом и расизмом.

Нападение на Польшу. Замыслы и причины Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу, были сложными, но виновником этой войны, без сомнения, был Третий рейх. Территориальные претензии Германии к Польше Гитлер реализовал в сентябре 1939 г. Затем, согласно «подстраховочному» германско-советскому пакту о ненападении, заключенному 23 августа 1939 г. (известному как пакт Молотова–Риббентропа), СССР занял принадлежавшие Польше восточные земли и включил их в состав советских республик. Эти два факта создали предпосылки для новых территориальных и политических споров в Центральной и Восточной Европе.

Германия во Второй мировой войне, по сути дела, стремилась решить те же задачи, что и в Первой мировой войне. Кремль тоже был не прочь распространить социалистическую революцию по миру при своем морально-политическом, а если потребуется, и военном участии. Маккиавелизм был присущ не только лидерам всех тогдашних капиталистических государств Европы, но и советским политикам.

Создание антифашистской коалиции. Чудовищные замыслы немецкого «Генерального плана Ост», которые Германия хотела воплотить уже в ходе войны, предполагали ее тотальное господство на востоке Европы, в особенности на землях СССР. Нападение на Польшу было лишь началом реализации этого плана⁴. После нападения Германии на Польшу Франция и Великобритания в соответствии с союзническим договором объявили войну Третьему рейху. Однако, это была странная война, ведь она велась только внешне, но положила начало созданию антифашистской коалиции. Реальной поддержки от западных союзников Польша не получила. Более того, еще 12 сентября 1939 г.

в Аббевилле (Северная Франция) французское и британское командования, выполняя решение своих правительств, приказали войскам прекратить боевые действия против Германии. Этот приказ, по сути дела, был другой версией мюнхенских расчетов Франции и Великобритании, хотя состояние войны западных союзников с Третьим рейхом сохранилось. Перспектива большой войны на два фронта для Германии становилась все реальнее. Польское правительство уже покинуло Варшаву, а затем, 17 сентября 1939 г., и страну. Лишь через пять дней после Аббевиля Красная армия пересекла польскую границу и заняла ее восточные области. Это, с точки зрения, оборонительных возможностей Польши, уже не имело принципиального значения, однако, вызвало среди поляков (и не только их) моральное негодование и политическое осуждение СССР. Этот «шаг» Сталина противоречил идеалам, исповедуемым советскими и зарубежными коммунистами. Дальнейшие события этой войны несколько исправили данное впечатление.

В любом случае логика подсказывает, что, не взирая на идеологические, территориальные и национальные причины советских действий, СССР, прежде всего, по военным соображениям не хотел, даже для страховки, вводом своих войск в Польшу вызвать конфликт с Францией и Великобританией.

Польша и ее жители. Территория Польши до войны составляла 389,7 тыс. кв. км. В 1939 г. немцы захватили 188,7 тыс. кв. км, 201 тыс. кв. км отошли к Советскому Союзу. В процентах это было соответственно 48,4 и 51,6. На землях, включенных в состав СССР, польское население насчитывало 40,3%, а на оккупированных Германией 86,6%. Во всей Польше в 1939 г. проживало 35,1 млн. человек, из которых поляков было 68,9% или почти 22 млн чел. Другими словами, в довоенной Польше было значительное число национальных меньшинств, особенно в ее восточных областях⁵. На этот национальный конгломерат насланивалось историческое влияние римско-католического костела, отождествляемого с польской национальной принадлежностью и польским самосознанием, а также православной церкви. Все это, взятое вместе с экономическими проблемами, порождало сложный общественный фон, политические и психологические предпосылки для польско-советских противоречий по вопросу государственной принадлежности этих земель. Отсюда вытекала постоянная напряженность между СССР и польским правительством в эмиграции в период Второй мировой войны. Однако, следует отметить, что включению восточных территорий Польши в 1939 г. в состав Советского Союза не противились западные державы – участники антифашистской коалиции⁶.

Раздел Польши. Решением нацистского правительства Германии 8.10.1939 г. в состав Третьего рейха были включены: Поморье, Великая Польша, Верхняя Силезия, угольный бассейн, Заолзьянская Силезия, части лодзинского, варшавского, белостоцкого, келецкого и краковского воеводств. Общая площадь этих территорий составляла 92500 кв. км, численность населения – более 10 млн. чел. Оккупированные Германией земли по линии четырех рек: Писа–Нарев–Буг–Сан до Ужоцкой долины площадью 94500 кв. км, населенные примерно 12 млн. чел. гитлеровцы назвали генерал-губернаторством. Возглавил оккупационную власть Г. Франк, имевший резиденцию в Кракове. Около 1 кв. км перепало Словакии⁷. Территории, занятые Красной Армией и охватывавшие площадь 201 тыс. кв. км с населением примерно 14 млн. чел., согласно советско-германскому Договору о дружбе и границе от 28.09.1939г. влились в состав союзных республик СССР: Украины, Белоруссии и Литвы, причем Литовская ССР была образована лишь в 1940 г.

В упомянутом договоре записано, что «Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории... Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту... Обе Стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение...»⁸.

Военные преступления против поляков. Геноцид евреев, массовое истребление поляков и других славян во время Второй мировой войны немецкие нацисты обосновывали шовинистическими и расистскими мотивами. Уже осенью 1939 г. в рамках «акции против интеллигенции» (intelligenzaktion) на Поморье, в Силезии и Великой Польше было убито около 60 тысяч представителей польской интеллигенции и государственной администрации. Эти расправы, именуемые также «Акцией по расчистке почвы» (Flurbereinigung) или «Прямым действием» (Direktaktion) имели целью уничтожение самосознания поляков путем истребления их элиты на землях, непосредственно включенных в Третий рейх⁹. Кроме того, они преследовали цели национально-территориального расширения империи.

Большевистские руководители тоже не очень щадили тех поляков, которых считали связанными с довоенной польской администрацией. Отношение к ним обуславливалось «революционным» и «классовым» подходами. Однако

налицо были проявления и национализма. Это выражалось в многочисленных случаях убийств поляков и массовых депортациях в Сибирь, где немало их рассталось с жизнью. Расстрелы в Катыни и других местах, осуществлявшиеся с ведома и по инициативе высших властей СССР, независимо от своих идеологических предпосылок, весьма походили на резню поляков на Волыни, проводившуюся украинскими националистами во время Второй мировой войны. И в том, и в другом случаях речь шла об искоренении польского духа в восточных областях межвоенной Польши¹⁰.

В «большой тройке». Война, однако, пошла совсем не так, как предполагали творцы Мюнхенского договора и советско-германского пакта о ненападении. В обоих этих документах содержались лицемерные декларации о защите мира. Однако, по сути, они, независимо от намерений участников, заложили основы для возникновения соперничающих блоков, подобных Антанте и Четверному союзу в Первой мировой войне. Нацистская Германия оказалась перед лицом войны на два фронта.

Необходимым условием выживания Советского Союза было его вступление в антифашистскую коалицию. Это стало особенно очевидно после поражений Красной армии в первые месяцы войны. Но и западные державы были заинтересованы в союзе с СССР. Им, кроме всего прочего, угрожала Япония. Да и Германия с успехом вела войну на западном фронте. Лидеры западных держав понимали, что СССР был способен оттянуть на себя значительную часть сил нацистов. Советский Союз, несмотря на первые неудачи, располагал большими человеческими и материальными ресурсами. Из стратегических расчетов «Генерального плана Ост» логически вытекало, что решающие сражения войны произойдут на восточном фронте. Особая роль в этом выпадала на долю Советского Союза. Поэтому он стал одним из трех главных участников коалиции.

Но и для СССР вступление в коалицию было необходимо, поскольку страна таким путем получала материальную поддержку в виде оружия, транспорта, продовольствия и других материалов. Поддержка, осуществлявшаяся по ленд-лизу, оценивается исследователями, по меньшей мере, в 10 млрд. долларов¹¹. СССР действительно внес наибольший военный и экономический вклад в войну с Германией, но без военной и экономической помощи союзников мог и проиграть.

Польша и вопрос ее территорий. Вступление СССР в антифашистскую коалицию, членом которой была Польша, требовало нормализации советско-польских отношений, прерванных после вторжения Красной армии в восточ-

ные земли довоенной Польши. В июле 1941 г. премьер-министр эмигрантского правительства генерал В. Сикорский и советский посол в Великобритании И. М. Майский подписали Договор о восстановлении отношений и взаимодействия в войне против Германии. После этого положение поляков в СССР улучшилось. Однако, советская сторона категорически отказалась дать согласие на восстановление Польского государства после победы над Германией в его довоенных границах.

Уже после битвы под Москвой советские политики начали выстраивать концепцию нового устройства Европы в соответствии с интересами СССР. Об этом свидетельствует обширный доклад, который спустя несколько недель по завершению конференции глав великих держав в Тегеране (28.11. – 1.12.43.) заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский направил В. М. Молотову. В разделе, посвященном Польше, Майский писал: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в появлении слишком большой и слишком сильной Польши... осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ... На западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия, или, пожалуй лучше, часть ее, и известные части Силезии, но с выселением оттуда немцев»¹².

Советские политики все чаще встречались с поляками в Лондоне, где размещалось польское правительство. Эти встречи имели немаловажное значение, имея в виду заинтересованность британских властей в польских делах. Обсуждение границ послевоенной Польши проходило по трем каналам: польско-советскому, польско-британскому и советско-британскому. Дискуссии имели место, как в ходе рабочих контактов, так и во время встреч на высшем уровне, когда в них включалась и американская сторона. И. В. Сталин в беседе с В. Сикорским в декабре 1941 г. в Москве допускал возможность лишь небольших взаимных уступок при определении польско-советской границы. Фактически это означало убеждение поляков в неизбежности признания территориальных перемен, состоявшегося осенью 1939г. вхождения восточных земель Польши в состав СССР.

Ход этих переговоров и их воздействие на многие сферы польско-советских отношений были разные. Однако, они не оставляли польской стороне никаких надежд на изменение государственной принадлежности названных территорий. Поляки решительно требовали их возвращения Польше, советская же сторона не менее решительно отстаивала их советскую принадлежность, и установления новой границы согласно известной «линии Керзона» от 1920 г.¹³ Так теперь проходит восточная граница Польши.

Для советского правительства установление границы с Польшей по «линии Керзона», кроме территориальных и национальных выгод, имело также политическое и военное значение. Оно определялось советской идеологической концепцией, предполагавшей продвижение социалистического «фронта» на запад, а также советского преобладания на этих землях. Президент США Ф. Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, от которых поляки ждали поддержки, были едины в том, что претензии польского правительства на восточные земли неправильны и нереальны. По национальным и особенно политическим причинам они соглашались на вхождение этих земель в состав СССР. У них, строго говоря, не было другого выхода. Участие Советского Союза в войне и в антифашистской коалиции перевешивало все прочие соображения. Британские политики убеждали поляков, что те не правы в территориальных спорах с СССР¹⁴.

Неудача политиков Польши в территориальном вопросе, разногласия внутри правящего лагеря помешали достичь успеха в других, более легких вопросах.

Роль польских левых. Во время войны среди патриотически настроенных польских левых, как оставшихся в оккупированной стране, так и находившихся в СССР, родилась концепция создания Народной Польши, где будут проведены коренные общественно-политические реформы сразу после освобождения страны от гитлеровской оккупации. Выдвигались требования немедленного изменения политики в отношении восточного соседа во имя совместной с СССР борьбы против гитлеровцев и долгосрочного послевоенного сотрудничества. Это выразилось в создании в 1942 г. Польской рабочей партии (ППР), ее военного крыла – Гвардии Людовой (переименованной после образования 1 января 1943 г. Крайовой Рады Народовой (КРН) в Армию Людову). Тем временем в Советском Союзе возник Союз польских патриотов. Его большим достижением было создание весной 1943 г. в составе Красной армии польской Первой пехотной дивизии им. Т. Костюшко – зародыша новой польской армии.

После сражения с немцами под м. Ленино (12–13.10.43.) дивизия была преобразована в Первую польскую армию под командованием генерала С. Берлинга; 18 июля 1944 г. эта армия в составе 1-го Белорусского фронта Красной армии после ожесточенных боев преодолела р. Буг и вошла в Польшу, где в нее влились отряды Армии Людовой. Так родилось Войско Польское. 22 июля 1944 г. был провозглашен Манифест Польского комитета национального освобождения (ПКНО). Создание народного государства стало

фактом, что оказало принципиальное и позитивное влияние на определение территории послевоенной Польши.

Двойная игра. В случае, если бы в 1945 г. возродилась прежняя, санационная Польша, ее размеры ограничились бы 200 тыс. кв. км, к тому же она, подобно Финляндии, неизбежно испытывала бы сильное внешнеполитическое давление СССР. Такая Польша вполне соответствовала бы воззрениям Майского, изложенным в упомянутом докладе Молотову в самом начале 1944 г. Это была бы относительно небольшая страна, внешнеполитически слабая, по сравнению с СССР. В целом концепция такой Польши рассматривалась советским руководством вплоть до середины 1944 г. и носила альтернативный характер, поскольку трудно было предсказать, какие политические силы восторжествуют в стране, хотя чаша весов все больше склонялась в пользу левых.

Разумеется, советские руководители были заинтересованы, чтобы в польском правительстве оказались политики левых взглядов, что могло способствовать уступкам СССР. В любом случае действия ППР и КРН по укреплению власти левых партий благоприятствовали территориальному расширению Польши. Советские вожди делали ставку на Народную Польшу, а потому были более снисходительны к требованиям левых патриотов, желавших восполнить военные потери Польши за счет Германии. В конце концов, победила левая идея создания Народной Польши, в чем неоценимую роль, конечно, сыграло освобождение Польши Красной армией и советская поддержка этой идеи¹⁵.

В идеологических конструкциях и программе действий левых патриотов вопрос территориальной компенсации Польше за счет восточных земель Германии играл принципиальную роль. Отношение советского руководства к такой компенсации было, понятно, благосклонным. Однако размер компенсации оставался предметом дискуссии. Он зависел от хода боевых действий в Европе и развития политической ситуации на этнических польских землях.

Геополитические предпосылки. Великие державы, определяя задачи послевоенного урегулирования по итогам Второй мировой войны, заботились, прежде всего, о собственных интересах. Однако, руководствуясь геополитическими соображениями, они понимали необходимость территориальных изменений в Центральной и Восточной Европе, в том числе решения вопроса о передвижении польских границ на запад. Такие изменения должны были разрешить межнациональные конфликты и исключить возможность пограничных споров. Все это было осуществлено за счет уменьшения территории Германии и путем перемещения населения. Необходимость подобных

мероприятий образно представил У. Черчилль на Тегеранской конференции. Обосновывая в последний день конференции неизбежность территориальных изменений, он показал три спички: одна обозначала Германию, другая – Польшу, третья – Советский Союз. Все эти спички, заявил он, нужно передвинуть на запад, чтобы решить одну из главных задач, стоявших перед союзниками: обезопасить западную границу Советского Союза¹⁶. Одновременно решались проблемы геополитического равновесия в Европе и безопасности Польши. «Мы полагаем, – продолжал Черчилль, – что Польша должна прирасти за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это – хороший план, и что лучшего им ожидать не приходится»¹⁷. И. Сталин заметил на это: «между нами и Польшей должна пролегать граница 1939 г., установленная Советской Конституцией. Советское правительство стоит на почве этой Конституции и считает ее правильной»¹⁸.

Был предложен английский проект резолюции, согласно которому «местопребывание государства и польской нации должно находиться в рамках упомянутой «линии Керзона» и линии реки Одры, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опольской области». У. Черчилль добавил, однако, что «окончательное определение границ требует тщательного изучения применительно к некоторым пунктам расселения людей»¹⁹. На этот документ И. Сталин отреагировал так: «русские не имеют на Балтике незамерзающих портов, поэтому Кёнигсберг (а также Клайпеда) вместе с частью Восточной Пруссии должны перейти Советскому Союзу». На том союзники и порешили. Восточную и северную польско-советские границы установили в рабочем порядке в рамках двусторонних переговоров. Сейчас это – северная и восточная континентальные границы Польши с ее соседями²⁰.

Западная граница Польши. К вопросу о территориальных компенсациях Польше и передвижениях польско-советской границы лидеры великих держав антифашистской коалиции вернулись на Ялтинской конференции (4–11.02.1945 г.)²¹.

На Ялтинской конференции было признано, что «линия Керзона» составит восточную границу Польши. После этого Сталин не был склонен возвращаться к проблеме польских границ. Для Советского Союза вопрос был уже решен созданием ПКНО, фактически выполнявшего в освобождаемой стране функции народного правительства. Однако Черчилль придерживался иного мнения, Рузвельт же колебался. Премьер-министр Великобритании считал, что если восточная граница не подлежит обсуждению, то границы на севере и западе остаются предметом дискуссии²².

Тема западной и северной границ Польши (южная представляла собой равнодействующую между означенными территориальными компенсациями и историческими рубежами страны) были на повестке дня вплоть до Потсдамской конференции глав «большой тройки» (17.07.–2.08.1945 г.). Между тем, в результате договоренностей, достигнутых на Ялтинской конференции, в июне 1945 г. возникло Временное правительство национального единства Польши, которое было признано союзниками и стало равноправным субъектом международного сообщества. Оно имело право выразить свое мнение по этому вопросу и на Потсдамской конференции получило такую возможность.

Окончательные решения касательно польских северной и западной границ были приняты главами великих держав антифашистской коалиции на этой конференции с учетом позиции легитимного правительства Польши. Хотя польская делегация не принимала участия в заседаниях трех лидеров коалиции (подобно тому, как не участвовала и при разработке Версальского трактата в 1919 г.)²³, она формулировала свои ответы на разные вопросы и выдвигала предложения в интересах Польши.

В дискуссиях на конференции проявилась значительная разница в подходах и взглядах между лидерами держав и делегациями, особенно по территориальным проблемам. Делегация польского правительства выдвинула постулат (вытекавший из стратегических принципов левых), дабы западная граница пролегла вдоль линии Одра-Ныса Лужицкая. Черчилль отстаивал вариант Одры-Нысы Клодской. Новый президент США Г. Трумэн предлагал провести границу по линии рек: Бобер и Квиса от Гожова до Жагани, и Болеславец до Еленей Гуры, т. е. на 80 км восточнее линии Одры и Нысы Лужицкой. Это был, вероятно, предмет их торга со Сталиным, который отстаивал линию Одры и Нысы Лужицкой, ибо в районе г.Любон находилось месторождение меди, кроме того, были предусмотрены расчеты по военным репарациям.

Против концепций Черчилля и Трумэна резко выступил вице-премьер С. Миколайчик, который был в составе польской делегации на конференции²⁴.

Предложения польской стороны относительно западной и северной границ поддержал Советский Союз. Неизвестны точные мотивы Сталина, по которым он сделал такой выбор. Возможно, он видел в этом способ ограничить восстановление Германии в качестве европейской державы или «облегчить» вассализацию Польши. Едва ли он думал превращать Польшу в советскую республику. Он был реалистом: утопический и абстрактный миф семнадцатой республики СССР потерял всякий смысл после Второй мировой войны²⁵.

Не лишённые идеологических мотивов, расчёты Сталина исходили из геополитических соображений. Народная Польша как союзное и зависимое государство в военном отношении играла роль буфера между СССР и Западом. Нарастали предпосылки «холодной войны» — мира на грани вооружённого конфликта. Западная граница Польши, установленная по рекам Одре и Нысе являла собой нечто вроде переднего края обороны государств советского блока.

Советские лидеры, разумеется, заботились об интересах собственного государства, польская же делегация — об интересах Польши: такой, какая только и могла появиться в существовавших международных условиях. На весах был вопрос территориальных компенсаций в объёме более 100 тыс. кв. км, именно настолько они могли уменьшиться в случае победы в Польше иных политических сил²⁶.

Благодаря позиции И. Сталина, поддержавшего требования Временного правительства национального единства, с одной стороны, и уступок лидеров западных держав, с другой, в IX параграфе заключительного протокола Потсдамской конференции было записано: «бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря непосредственно на запад от Свиноустя, а оттуда — вдоль реки Одры до места, где в неё впадает Западная Ныса, и вдоль Западной Нысы до чехословацкой границы, вместе с той частью Восточной Пруссии, которая в соответствии с соглашением, достигнутым на данной конференции, не была передана под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая область бывшего Свободного Города Гданьска, должны находиться под управлением польского государства и по этой причине не должны считаться частью восточной зоны оккупации Германии»²⁷.

Симптоматично, что У. Черчилль и Г. Трумэн без особого сопротивления приняли новые польские границы²⁸. В геополитическом смысле граница по рр. Одре и Нысе являлась территориальной и национальной основой для равновесия сил в этой части Европы. В морально-политическом аспекте это была компенсация полякам за их людские и материальные потери во время войны. Польша первой оказала сопротивление германской агрессии, польские солдаты и партизаны сражались на всех фронтах этой войны, не существовало польского политического коллаборационизма. Польский народ понес наибольший численный урон: погиб каждый четвёртый или пятый гражданин страны. На первом этапе войны поляки оказались под двойным прессом — со стороны нацистов и большевиков. Это могло склонить Сталина к определённым мыслям. Несомненно, он задумывался о необходимости заручиться симпатиями поляков.

Заботясь о грядущем. Территориальные изменения в Восточной и Центральной Европе имели целью искоренение предпосылок для межнациональных распрей и пограничных споров. Это было достигнуто, прежде всего, путем уменьшения территории Германии и перемещения немцев в пределы послевоенной страны. С позиций сегодняшнего дня эти решения представляются удачными. Решением глав великих держав от Германии были отторгнуты земли к востоку от рек Одры и Нысы Лужицкой площадью более 120 тыс. кв. км. Польше в рамках военной контрибуции отошло 107 тыс. кв. км. Таким образом, размеры послевоенной Польши составили 312,6 кв. км.

Формально постановления Потсдамской конференции не имели окончательного характера, и должны были быть подтверждены в мирном договоре с Германией. Однако Польша рассматривала их как нерушимые, и проводила активную колонизацию возвращенных земель, склоняя мировое сообщество к признанию существующего положения. В 1950 г. ГДР подписала договор о границах с Польшей, в 1970 г. ее примеру последовала ФРГ. В связи с возникновением двух признанных в мире немецких государств исчезла Германия, которая воевала и была разбита, потерял смысл вопрос о подписании мирного договора. На рубеже 1980–1990-х гг. возникла объединенная Федеративная Республика Германия, которая также признала границу по рекам Одере и Нысе Лужицкой.

Польша в ее нынешних границах является политическим и международно-правовым фактом. Сформировавшаяся по итогам Второй мировой войны новая геополитическая реальность в Европе уже на протяжении трех поколений людей способствует поддержанию мира в беспокойном регионе между Судетами, Карпатами и Балтийским морем.

Примечания

¹ *Korolczak Ed.* Nacjonalizm a rasizm w dobie globalizacji // *Dziś*. 2008. № 4. Проявления антипольского гегемонистского национализма немцев выражались в области культуры (*Kulturkampf*). Гегемонистский русский национализм, в свою очередь и не только в отношении поляков, характеризовался, кроме политики русификации, стремлением к политическому и духовному объединению славян под жезлом русских царей. В этом смысле он благоприятствовал идеям панславизма, развивавшимся в XIX веке. Среди поляков (а также украинцев, литовцев, белорусов) была жива идея освободительного национализма. Однако, те же украинцы, литовцы и белорусы считали польский национализм тоже гегемонистским, поскольку поляки в своей массе желали восстановления государственности в границах I Речи Посполитой, на восточных землях которой жило много поляков.

² Guz E. Rewolucja październikowa a Polska // Dziś. 2008. Nr 4; Bazyłow L. Historia Powszechna 1789–1918. Warszawa, 1986. S. 578–614, 723–748, 951–1007.

³ Ciećkowski Zb. Skutki drugiej wojny światowej dla Polski // Związek Byłych Żołnierzy Zawodowych. Materiały z konferencji informacyjno-refleksyjnej odbytej w Warszawie w dniu 20 września 1994 roku. Warszawa, 1995.

⁴ В соответствии с этим планом немецкое правительство перед атакой на СССР решило нанести превентивный удар по Франции и Великобритании, дабы избежать войны на два фронта. Однако в этом случае Германия могла подвергнуться нападению со стороны Польши, которая была связана союзом с Францией. Именно поэтому немцы прежде всего напали на Польшу, подстраховав себя перед тем вышеупомянутым пактом Молотова-Риббентроппа. Частью немецкого плана были пункты названного договора в Мюнхене. По сути, это был тактический шаг стратегических противников, война между которыми была неизбежна, что обе стороны вполне осознавали и готовились к ней. Подробнее см.: Ciećkowski Zb. Od zimnej wojny do NATO. Wspomnienia i refleksje oficera Wojska Polskiego. Warszawa, 2003. S. 15–21. Немецкие власти перед началом Второй мировой войны предложили польскому правительству передвинуть общую границу в ущерб Польше. Взамен приглашали принять участие в походе на СССР с последующей передачей Польше части территории Советской Украины вплоть до Черного моря. Польское правительство отвергло эти предложения.

⁵ См.: Polski czyn zbrojny w drugiej wojnie światowej. Wojna obronna Polski 1939, Warszawa, 1979. S. 290–334. Данные согласно статистике 1931 г. (Mały Rocznik Statystyczny 1939. Warszawa, 1939). Крупнейшим меньшинством были украинцы, которых к 1931 г. насчитывалось 4,5 млн. чел.; белорусов было около миллиона. Эти народы заселяли, в основном, восточные земли Польши, где проживали и другие, не столь крупные, этносы, например, литовцы. Вторым по численности меньшинством были евреи, рассеянные по всей стране, их насчитывалось 2,73 млн. чел. (8,6%). Около 800 тыс. немцев проживало не столь компактно, и в основном, в западных воеводствах. На восточных землях больше всего поляков было в виленском – 59,7% (ок. 0,4 млн.) и новгородском воеводствах – 52,4%, зато в полесском воеводстве их было всего лишь 14,5%, волыньском – 16,6%, станиславском – 22,4%. Крупным центром польской культуры являлся многонациональный Львов. В нем проживало много поляков, а окрестности заселяли разные этнические группы, в ту пору не имевшие четкого национального самосознания. Их называли русинами, лемками, бойками, многие считали себя украинцами. Но среди этих этнических групп было немало тех, кто называл себя поляком.

⁶ Sobczak K. Kwestie terytorialne Polski i jej granice w latach II wojny światowej // Skutki drugiej wojny światowej dla Polski. Wydanie okolicznościowe: Związek Byłych Żołnierzy Zawodowych. Materiał z konferencji informacyjno-refleksyjnej odbytej w Warszawie w 1994 roku. Warszawa, 1995. Idem. // Wiedza Obronna. Kwartalnik Towarzystwa Wiedzy Obronnej. 1995. Nr 1; Ciećkowski Zb. A. Od zimnej wojny do NATO... S. 47–54.

⁷ Sobczak K. Op. cit. Лидеры СССР не могли не отдавать себе отчет в скорой войне против Германии. Некоторые из них, возможно по наивности, предполагали, что, как и в Первой мировой войне, вовлечение в боевые действия Франции и Великобритании до нападения немцев на Советский Союз вызовет в странах Западной Европы социалистическую революцию, которой СССР будет всячески способствовать.

⁸ Białe plamy. ZSRR – Niemcy 1939 – 1941. Dokumenty i materiały dotyczące stosunków radziecko-niemieckich w okresie od kwietnia 1939 do lipca 1941. Wilno, 1990. S. 104–105.

⁹ Burakowski J. Zapomniana karta historii // Trybuna. 23 XII 2008; Ciećkowski Zb. Op. cit. S. 47–54.

¹⁰ Ciećkowski Zb. A. Katyń – lekcja dla pokoleń // Forum Klubowe. (Dwumiesięcznik Klubów Dyskusyjnych lewicy). 2005. Nr 1 (20); Ibidem // Wiedza Obronna. 2005. Nr 2; Golec J. Polsko–Ukraińskie spory historyczne // Dziś. 2006. Nr 6.

¹¹ Kowalski Wł. T. Wielka Koalicja 1941–1943. T. I. (1941–1943). Warszawa, 1980. *Lipiński J.* Druga Wojna Światowa na Morzu. Gdynia, 1962. S. 175–188, 328–349. Акт о ленд-лизе – постановление Конгресса США, разрешавшее президенту продавать, отдавать в кредит и брать в аренду товары, необходимые для ведения войны тем государствам, которые имели существенное значение для обеспечения интересов американской обороны. В конце Второй мировой войны сумма поставок ряду государств антифашистской коалиции по ленд-лизу составляла 50,7 млрд. долларов США.

¹² Dzieje Najnowsze, 1997. T. XXIX. Z. 2. Werblan A. Wstęp do «Polska – Niemcy». Dokumenty i materiały. T. I. Układ Grudniowy 1970. Warszawa, 2006. Из сопроводительной записки к докладу Майского Молотову следует, что беседы на тему Польши велись советскими политиками еще до Тегеранской конференции. Они начались вскоре после возобновления дипломатических отношений между Польшей и СССР в июле 1941 г. Этот вопрос имел для Советского Союза большое значение; понятно, что после поражения немцев под Москвой такие разговоры заметно активизировались. (Документ опубликован впервые в России в ж. «Источник». 1995. № 4. (Прим. ред.).

¹³ Керзон Д. Н. – британский политик. В 1920 г. предложил советскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину проект демаркационной линии, отделяющей Польшу от советской России согласно этнографическому принципу. На эту линию должны были быть отведены польские войска после подписания мирного договора. Отсюда происходит название «линия Керзона». На севере она была идентична линии, установленной 8.12.1919 г. Верховным советом союзных держав Антанты. Польская сторона критически подходила к этим предложениям. После возобновления польско-советских дипломатических отношений была создана Польская армия под командованием генерала В. Андерса. В середине 1942 г. по решению правительства Польши выведена в Иран. Польские подразделения летчиков, моряков и пехоты сражались на западном фронте Второй мировой войны.

¹⁴ Sobczak K. Op. cit.; Kochanowski T. Polska – zakładnik aliantów // Gazeta Wyborcza. 8 VII 1994. В 1942 г. министр внутренних дел Великобритании, лейборист Г. Моррисон в разговоре с членом Национального совета Польши А. Чолкошем отвергал все претензии поляков на восточные земли довоенной Польши.

¹⁵ Salwa-Syzdek El. Geneza Polski Ludowej // Dziś. 2004. Nr 8; Idem. Gdy liczył się czas i polityczny realizm // Forum Klubowym. Dziś. 2004. Nr 1 (15); Salwa-Syzdek El, Ciećkowski Zb. A. Polska w świetle rezultatów II wojny światowej // Forum Klubowe. Dziś. 2005. Nr 2 (21); Kowalski Wł. T. Op. cit. T. II. Rok 1944. S. 219–324.

¹⁶ Salwa-Syzdek El. Geneza Polski Ludowej // Dziś. 2004. Nr 8; Idem. Gdy liczył się czas i polityczny realizm // Forum Klubowym. Dziś. 2004. Nr 1 (15); Salwa-Syzdek El,

Ciećkowski Zb. A. Polska w świetle rezultatów II wojny światowej // Forum Klubowe. Dziś. 2005. Nr 2 (21); Kowalski Wł. T. Op. cit. T. II. Rok 1944. S. 219–324.

¹⁷ *Sobczak K. Op. cit.; Teheran – Jafta – Poczdam... S. 7, 270–208; Fragen an die deutsche Geschichte; Ideen, Kräfte, Entscheidungen von 1800 bis zur Gegenwart. Deutscher Bundestag... Bonn, 1983. S. 172–346.*

¹⁸ *Sobczak K. Ibidem.*

¹⁹ *Ciećkowski Zb. A. Wypędzeni czy przemieszczeni // Dziś. 2002. Nr XI.*

²⁰ *Encyklopedia Powszechna. PWN. T. 3. Warszawa, 1975; Mapy Polski w historii i współczesna (в частях, касающихся истории Польши). Вопрос прежних восточных земель Польши был предметом острой дискуссии между правыми и левыми силами в стране. Правые упрекали своих политических противников в том, что те согласились на присоединение данных земель к СССР. Левые, впрочем, понимали желание национальных меньшинств этих областей войти в состав советских республик, но ни левые, ни правые силы Польши не имели права голоса тогда, когда власти СССР в 1939 г. принимали данное решение.*

²¹ *На ход конференции, несомненно, оказала воздействие ситуация на восточном и западном фронтах. Она складывалась в пользу СССР. Войска западных участников антифашистской коалиции (в основном американские и британские) еще не достигли территории Германии, в то время как советские войска были уже на Одре, в 60 километрах от Берлина. Вопрос польских границ был существенен, ибо имел непосредственную связь с геополитическим положением в этой части Европы. См.: Ciećkowski Zb. A. Od zimnej wojny do NATO... S. 42–47.*

²² *В отношении западной границы Польши оставался спорным участок р. Нысы и г. Щецина. Есть две Нысы: Ныса Клодская и протекающая к западу от нее прямо по линии р.Одры р. Ныса Лужицкая. Щецин же оказался разделен: его центр и основная часть города находились на западном берегу Одры, однако половина прилегающих земель были на правом берегу, т. е. на новых землях Польши. Благодаря настойчивости польского правительства, на рубеже 1945–1946 гг. великие державы решили передать весь Щецин Польше в рамках восполнения материальных потерь Польши.*

²³ *Версальский трактат был подписан во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Россия не принимала в ней участия. Участие польской делегации было пассивным. Она давала консультации в соответствии с польскими интересами.*

²⁴ *Zob. Sobczak K. Op. cit. С. Миколайчик – деятель правого крыла крестьянского движения, участник восстания в Великой Польше в 1918 г. Во время войны – в эмиграции, в 1939–1940 гг. – председатель Рады Народовой Польши, в 1940–1943 гг. – вице-премьер; в 1943–1944 гг. – премьер-министр. После войны возвратился в Польшу. В 1945–1947 гг. – вице-премьер Временного правительства национального единства, депутат Крайовой рады народовой. Сплотил вокруг себя оппозицию народной власти. Опасаясь репрессий, в 1947 г. тайно эмигрировал в США.*

²⁵ *Werblan A. Op. cit.; Ciećkowski Zb. A. Mit 17 Republiki // Forum Klubowe. 2005. Nr 3.*

²⁶ *Что следовало из упомянутого доклада И. Майского.*

²⁷ Sobczak K. Prawo międzynarodowe i historyczno-dyplomatyczne. Wybór dokumentów, Warszawa, 1960. Т. III. S. 197, 379. Нысы Лужицкую называли Западной Нысой.

²⁸ Общественное мнение стран антифашистской коалиции было настроено в пользу того, чтобы пресечь любые попытки немецкой экспансии на будущее. Не только в странах, которые были оккупированы гитлеровцами, люди весьма рассчитывали на наказание Германии за войну и нечеловеческий характер ее ведения. Не менее суровые оценки выносились также в Великобритании и США. Действительно, не все немцы были нацистами, но достаточно было прихода Гитлера к власти, чтобы в стране победил национализм, шовинизм, расизм и оппортунизм. Руководимая Гитлером Национал-социалистская рабочая партия (известная также как нацистская) насчитывала в конце 1933 г. 700 тыс. членов, в 1934 г. – 2,5 млн., а в 1944 г. – 8,5 млн. Зимой 1940 г. английский лорд Ванситарт издал брошюру «Черный список», в которой доказывал необходимость уничтожения немецкой промышленности и превращения Германии в аграрную страну. В США Т. Н. Кауфман в диссертации «Германия должна погибнуть» предлагал поделить Германию после войны между ее соседями и радикально уменьшить численность ее населения путем одновременной стерилизации всех жителей определенного возраста. Разумеется, эти публикации выражали господствовавшие тогда настроения в США и Великобритании. Это, конечно, не означает, что они оказывали прямое воздействие на решения лидеров обоих государств. Сталин, беседуя в 1944 г. с О. Ланге, польским профессором, проживавшим в США, высказывался за суровое наказание Германии вплоть до такой ее перестройки, чтобы эта страна впредь навсегда перестала быть угрозой для других народов и государств. (См. подр.: «Сталин и Польша. 1943–1944 годы. Из рассекреченных документов российских архивов» // Новая и новейшая история. 2008. № 3. Предисловие и комментарии А. Ф. Носковой).

Однако лидеры держав-победительниц не обошлись с Германией так жестоко. Впрочем, они помнили последствия объединения Германии в XIX в. После Первой мировой войны Германия была уменьшена на 70 тыс. кв. км (отсюда территориальные претензии нацистов). После Второй мировой войны у Германии отобрали Пруссию, которая, была относительно самостоятельной немецкой землей. Она имела собственную конституцию, принятую в 1920 г. Как отдельное «государство в государстве» Пруссия была ликвидирована в 1947 г. на основании решения Союзной контрольной комиссии. 107 тыс. кв. км ее территории, находившихся к востоку от рек Одры и Нысы Лужицкой, вошли в состав Польши, СССР получил 15,1 тыс. кв. км (Калининградскую область), остальное досталось ГДР и ФРГ.

А. М. Орехов

«Оттепель» в СССР и общественно-политическая ситуация в Польше весной и летом 1956 года. (Назревание кризиса)

В апреле 1955 г. вышел из печати польский перевод повести Ильи Эренбурга «Оттепель», почти забытого произведения советской литературы, свежо прозвучавшего годом раньше на родине ее автора. В Польше большого отклика повесть не получила, парадоксально, однако, что заголовок этого не отличающегося высокими художественными достоинствами произведения дожил до наших дней в виде метафорического обозначения короткой, всего 2–3 года, полосы ожидания перемен в повседневной жизни, прежде всего устранения принудительного политического режима диктатуры.

Так называемая «польская оттепель» начала отсчет своего времени на рубеже 1954–1955 гг. Именно тогда «строившая основы социализма» Польша как бы стала пробуждаться от спячки, в которую погрузилась в годы тоталитаризма (в современной польской версии – сталинизма). «Оттепель» дала реальные результаты в ходе зарождения гражданского общества: началось высвобождение средств массовой информации из-под цензурного прессы, появились первые, немногочисленные пока дискуссионные клубы, делались попытки свободного обсуждения актуальных политических, социальных и иных проблем. «В 1955 г. умственную жизнь в Польше характеризовало постепенное освобождение от корсета сталинизма», – пишет современник польской «оттепели», известный социолог и политолог Ежи Вятр¹. И действительно, зарождалось инакомыслие в правящей Польской объединенной рабочей партии, в «союзнических» партиях – Объединенной крестьянской и Демократической партиях (сторонниках), в молодежном движении, первые шаги делал плюрализм в литературной среде. Правда, многим тогда казалось, что все это неторопливо, эволюционным путем войдет в спокойные берега и рано или поздно превратиться в рутину. Однако такое впечатление оказалось обманчивым.

Параллельно с этими спонтанными процессами в духовной сфере важные явления захватили сферу политическую. И первый предупредительный сигнал раздался не где-нибудь, а в самом неожиданном с точки зрения польской общественности месте – на совещании центрального актива ПОРП (29 ноября – 1 декабря 1954 г.). В присутствии узкого политического руководства партии, членов ЦК и заведующих отделами его аппарата несколько отважных участ-

ников совещания остро критиковали за допущенные промахи высших партийных функционеров, включая Болеслава Берута. Затем по следам критики последовало 7 декабря расформирование Министерства общественной безопасности, 13 декабря освобожден из места принудительной изоляции Владыслав Гомулка, обвинявшийся в правонационалистическом уклоне. Постепенно обретали свободу и некоторые другие обвиненные по политическим мотивам, в том числе и те, кто уже был приговорен к смертной казни и ожидал приведения в исполнение приговора. В декабре центральный орган ПОРП журнал «Нове дроги» (Nowe drogi) опубликовал передовую статью, в которой в открытой форме поставил вопрос о необходимости моральной реабилитации всех участников движения сопротивления из Армии Крайовой и некоммунистических партий и объединений². III пленум ЦК ПОРП (21–24 января 1955 г.) публично осудил злоупотребления властью в ведомстве общественной безопасности, создал специальную комиссию для рассмотрения случаев нарушения законности, ввел в состав Секретариата ЦК сторонников политики реформ и демократизации «молодых секретарей» Владыслава Матвина и Ежи Моравского. Эти шаги расценивались в Польше как позитивные, способствующие улучшению общественно-политической атмосферы в стране. Можно, таким образом, констатировать, что польское общество было в известном смысле подготовлено к восприятию идей, которые несли с собой «оттепель».

Действительно, наступали иные времена. 14 февраля за зубчатыми стенами московского Кремля собрался XX съезд КПСС. Уже только одно обсуждение отчетного доклада ЦК КПСС, с которым выступил Н. С. Хрущев, пробудило неподдельный интерес многих поляков необычностью постановки новых проблем, стоявших перед странами формировавшегося социалистического лагеря и международным рабочим движением. Текст отчета и материалы его обсуждения в Георгиевском зале Кремля были опубликованы в газетах, и их содержание вызвало в Польше спонтанные дискуссии. 19 февраля в варшавской газете «Трыбуна люду» (Trybuna ludu) и 21 февраля в московской «Правде» неожиданно для всех было опубликовано заявление КПСС, ПОРП, коммунистических партий Болгарии, Италии и Финляндии о политической реабилитации межвоенной Компартии Польши, которая была распущена в 1938 г. по указанию И. В. Сталина на основании документов, сфабрикованных в известном доме на Лубянке. Заявление о реабилитации КПП в Польше было встречено с всеобщим волнением, независимо от политических симпатий и антипатий к ее идеологии. Наконец, в заключительный день работы съезда прозвучал, а через некоторое время стал достоянием гласности доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», своим острием направленный против Сталина и сталинизма.

В польской исторической литературе давно закрепилось мнение, что сам факт критики на съезде в Москве «отца и учителя всех времен и народов» придал мощный импульс дальнейшему нарастанию умственного брожения в Польше³. Не случайно в обобщающем курсе новейшей истории Польши известный польский историк А. Пачковский назвал кремлевский коммунистический форум и антисталинские высказывания советского лидера событием «глобального, всемирного значения»⁴.

Самые первые, не вполне компетентные отклики на XX съезд КПСС появились в польских средствах массовой информации на радио и телевидении, а в периодической печати уже в марте можно было познакомиться с первыми робкими попытками осмыслить прозвучавшие на съезде идеи⁵. Естественно, из происходившего в Кремле внимание поляков привлекала в первую очередь критика культа личности И. В. Сталина, в тот момент более чем умеренная. В организации ПОРП разных уровней посыпались вопросы о причинах возникновения культа Сталина, пассивной, если не сказать неприглядной, роли его ближайшего политического окружения, молчаливо потакавшего генсеку, о переоценке его послевоенных сочинений и т. п. Вот только два характерных примера. 24 февраля 1956 г., когда съезд еще продолжал работать, в Сталинограде (Катовице) на встрече секретаря ЦК ПОРП Эдварда Охаба со слушателями партийной школы ему были заданы такие вопросы: «Почему замечания товарища Микояна об отсутствии коллегиальности в руководстве КПСС были выдвинуты лишь на XX съезде, хотя этой коллегиальности не было уже двадцать лет? Никто не осмелился обратить на это внимание раньше, какова причина этого? ...Знал ли товарищ Сталин что-либо о зловерной работе Берии и [почему] ее не раскрыл?»⁶.

Советские дипломаты, находившиеся в Польше, старательно отслеживали, как работа XX съезда отражалась на ситуации в стране их пребывания. Работа съезда «вызвала огромный интерес среди населения» консульского округа в Щецине, – читаем в одном из дипломатических документов. – В Познани, в Щецине и других городах центральные и местные газеты раскупались сейчас же после поступления в продажу, так что к 10 часам утра в городах нельзя было купить ни одной с сообщениями о работе съезда. ...На заводах и фабриках в обеденные перерывы рабочие и служащие коллективно читали и обсуждали сообщения о работе съезда и с большим воодушевлением отмечали успехи Советского Союза». В то же время руководителям задавались такие вопросы: «Не правильной ли была политика Гомулки, который хотел привести Польшу к социализму, но другим путем?», «Чем объяснить, что выступление тов. Микояна на XX съезде противоречит его выступлению на XIX съезде КПСС?», «Если Сталин делал ошибки в своей работе, то почему

же не указали ему на это члены Президиума ЦК КПСС?». В том же округе были зафиксированы и такие вопросы: «Разве в СССР нет людей, которые могли бы своевременно сказать, что труды Сталина не вносят ничего нового в марксистско-ленинскую теорию?», «Рассматривать ли “Краткий курс истории ВКП(б)”», написанный Сталиным, как действительную историю партии, на примерах которой нам следует учиться, или же эта книга не представляет никакого интереса?»⁷. На совещании руководящих работников воеводского управления общественной безопасности в Щецине были заданы такие вопросы: «Как понимать суверенитет Польской Народной Республики при наличии Советской Армии на территории Польши?», «Как расценивать то, что Югославия оказалась в лучших условиях, чем Польша и на ее территории нет ни одного советского солдата?»⁸.

В консульском округе в Кракове для ЦК КПСС была подготовлена информация «Об откликах и настроениях населения Краковского воеводства после XX съезда КПСС», в которой обращалось внимание на необычную активность партийных собраний, большое количество адресованных партийным руководителям вопросов. Например: «Как относиться к теоретическим работам Сталина? Является ли он классиком марксизма-ленинизма? Почему руководство коммунистических и рабочих партий в странах народной демократии слепо шло за указаниями Сталина? Много вопросов касалось положения в Югославии, реабилитации коммунистической партии Польши, судьбы отдельных бывших партийных и государственных деятелей Польши и стран народной демократии, попавших под репрессии органов государственной безопасности»⁹.

Как показывают многие источники, примерно в том же духе высказывались активисты партии на всех собраниях и активках в воеводских, городских и районных организациях ПОРП¹⁰. Подобные вопросы ставили партийных руководителей в весьма щекотливое положение, но в то же время свидетельствовали о критическом отношении рядовых членов ПОРП к системе власти в ПНР и ее функционированию.

Уже 10 марта 1956 г., когда в Польше еще никто, кроме узкого круга высшего политического руководства, не знал ни о закрытом заседании московского коммунистического форума, ни о прозвучавшем там еще одном, сыгравшем особую роль докладе Н. С. Хрущева, «Трибуна люду» опубликовала редакционную статью под интригующим заголовком «О культе личности и его последствиях»¹¹. Это ни что иное, как дословное повторение заглавия секретного доклада. Позднее выяснилось, публикация статьи, вопреки партийным канонам, не согласовывалась с руководством ПОРП. Так польской общественности были преподнесены первые сенсационные, хотя в тот момент и весьма скудные, известия о том, что стряслось (иного слова трудно подобрать) в Крем-

ле в ходе заслушивания доклада. В низовых организациях ПОРП, не подготовленных к чрезвычайной информации, статья вызвала замешательство. Как всегда в таких случаях, появились всевозможные слухи и спекуляции на тему съезда в Москве, только усиливавшие возбуждение и искажавшие реальную картину происходящего.

Волна разнообразных эмоций прокатилась по стране в связи с неожиданной кончиной Болеслава Берута 12 марта в Москве¹². Три дня спустя в Варшаву для участия в отдании последних почестей польскому лидеру прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым. Другой, не афишируемой целью его визита было участие в работе VI пленума ЦК ПОРП, на котором предполагалось избрать нового лидера польской партии. Им стал, как и ожидали на Старой площади в Москве, Эдвард Охаб¹³. Как это понимать? Как простое совпадение фактов или реализацию заранее разработанного сценария? Напрашивается предположение, что оба первых секретаря в конфиденциальной обстановке обсудили интересовавшие их внутрипартийные вопросы, в том числе, разумеется, и то, какой тактики придерживаться в условиях, когда общественность, в данном случае польская, пребывает в состоянии глубокого стресса, вызванного информацией, прозвучавшей на XX съезде КПСС. Вероятно, оба они пришли к выводу, что оптимальный путь в такой ситуации – согласиться с избранием на главный партийный пост Э. Охаба.

21 марта Секретариат ЦК ПОРП после продолжительных споров решил не скрывать правды о Сталине и его злодеяниях, тиражировать текст хрущевского закрытого доклада и познакомить с ним партийных активистов всех уровней¹⁴. Не лишним будет добавить, что имелось еще одно, нелегальное издание того же самого текста, оно продавалось на варшавском рынке, и, как считается, именно оно попало затем в американскую печать и стало известно мировой общественности. Две указанные версии доклада, а также разнообразная информация о политической жизни в Польше, в СССР и других восточноевропейских странах, транслировавшаяся западными радиостанциями, создавали благоприятные условия не только для формирования адекватных представлений, но и создавали простор для всевозможных домыслов и сознательного мифотворчества.

В странах Восточного блока только высшие руководители КПСС и ПОРП решились на публичное осуждение сталинизма и его преступлений. Как известно, в СССР и Польше закрытый доклад Н. С. Хрущева заслушивался и обсуждался повсюду, не только в партийных кругах. То, что стало известно польской и мировой общественности, произвело шоковое, гнетущее впечатление. Состояние Польши в этот момент точно охарактеризовал парижский

польский журнал «Культура», опубликовавший статью под чрезвычайно выразительным заголовком – «После землетрясения»¹⁵.

К чему же конкретно привело ознакомление поляков с материалами XX съезда КПСС, с текстом закрытого доклада «О культе личности и его последствиях» в частности? Какие актуальные темы они особенно горячо обсуждали? Наконец, какие последствия этих дискуссий оставили след в исторической памяти поляков?

Первое, что привлекает внимание при изучении событий 1956 г. в Польше, это возрождение политической жизни именно под воздействием импульсов из Кремля. Для одних стимулом участия в общественной жизни стала реабилитация Коммунистической партии Польши и ее руководителей, провозглашенная в дни работы XX съезда КПСС, для других – концепция «польского пути к социализму», связанная с именем В. Гомулки, для третьих, подчас далеких от идей социализма, – свобода высказываний по любым политическим темам. Осмысление материалов московского коммунистического форума, активное обсуждение их в польском обществе безусловно повлияло и на В. Гомулку. По свойствам своего темперамента и ментальности (вспомним хотя бы его деятельное участие в профсоюзном движении довоенного периода, конспиративной работе в оккупированной Польше, партийной и государственной деятельности в 1944–1951 гг.) он не мог оставаться в стороне от всего происходящего в стране. Возвращение его на политическую сцену, пока не непосредственное, а как бы виртуальное, означало, что левые силы вновь обрели своего лидера. В это время он был уже на свободе, контактировал со своим бывшим ближайшим окружением. Существует даже версия о его контактах с советским посольством (документально пока не подтвержденная). Иными словами, он влился в развернувшийся политический процесс и в массовом сознании, особенно в левых кругах, рассматривался как кандидат в лидеры нации. По утверждению Э. Охаба (на совещании актива ПОРП Варшавы и воеводства 6–7 апреля 1956 г.), с Гомулки сначала лишь сняли обвинения в пособничестве западной агентуре и диверсионной деятельности, но обвинения в правонационалистическом уклоне оставили незабытыми¹⁶. Это лишь усилило симпатии к опальному политику. Поскольку в тот момент Гомулка для многих поляков был фигурой харизматической, его присутствие на политической сцене становилось чрезвычайно важным фактором противостояния Охабу, в глазах общественности авторитетом не пользовавшимся¹⁷.

Второе. Нелицеприятная критика сталинизма, и прежде всего диктаторского политического режима как его стержневого элемента, выплеснулась на страницы периодической печати, в иные средства массовой информации, вышла на улицы, затронула места трудовой деятельности людей, высшие и

средние учебные заведения, воинскую среду и, также как в СССР и Венгрии, внедрилась в домашний круг с его так называемыми «кухонными разговорами». Это характерное явление условно можно назвать общепольской дискуссией, ибо данный феномен охватил очень широкие круги населения. Одновременно усилились, точнее, стали более открытыми, антирусские и антисоветские настроения, что было связано с такими стереотипами восприятия польско-советских отношений как патернализм советской правящей элиты первых послевоенных лет, договор Молотов-Риббентроп и последовавшее вторжение Красной армии в Польшу в 1939 г. (много позже акция вторжения была названа «четвертым разделом» Польши), злодеяние в Катыни в 1940 г., Варшавское восстание 1944 г. Муссировалась и болезненная для поляков тема присутствия советских военных советников в послевоенной Польше. Иными словами, умственное брожение охватило широкие круги населения и порождало многие «неудобные» вопросы, на которые работники партийного и государственного аппарата не могли компетентно ответить.

В весенне-летний период 1956 г. под критическим углом зрения рассматривался также весьма деликатный вопрос о пребывании Северной группы советских войск на польской государственной территории (так называемая «советская оккупация»). В связи с этим формировались новые стереотипы восприятия послевоенных военно-политических и экономических отношений СССР и ПНР. Не затрагиваю подробнее данной темы потому, что она (впервые в историографии) была обстоятельно исследована П. Махцевичем на базе ценного материала польского архива ведомства внутренних дел¹⁸. Отдельные документы (советского дипломатического ведомства) можно найти в Российском государственном архиве новейшей истории¹⁹, а также в Архиве внешней политики Российской Федерации²⁰.

Третье. Под давлением общественного мнения периодическая печать, в первую очередь молодежный еженедельник «По prostu» (Po prostu), а также ориентированные на широкие круги интеллигенции еженедельники «Нова культура» (Nowa kultura), «Тыгодник демократyczny» (Tygodnik demokratyczny), газета Объединенной крестьянской партии «Зеленый штандар» (Zielony sztandar) и вслед за ними печатные органы ЦК ПОРП «Трыбуна люду» и «Нове drogi» и региональные издания разных направлений, публично обсуждали такие ранее закрытые цензурой темы как военные действия против фашистских оккупантов Армии Крайовой и Батальонов Хлопских. На апрельском совещании актива ПОРП, о котором упоминалось выше, Э. Охав также высказался позитивно по вопросу реабилитации Армии Крайовой²¹. В результате участников этих воинских формирований, внесших ощутимый вклад в вооруженную борьбу с фашистской Германией, польское партийно-государственное

руководство реабилитировало морально и политически. Поляки, независимо от своих идеологических ориентаций, признали, что это был чрезвычайно существенный шаг правящей элиты в направлении социально-политической стабилизации общества.

Четвертое. Обсуждавшиеся на XX съезде КПСС политические проблемы с большим интересом были встречены Объединенной крестьянской и Демократической партиями. В крестьянской партии ее послевоенный лидер, открыто просоветский Владыслав Ковальский был смещен с поста председателя Президиума Главного исполнительного комитета партии, на первые роли пришли сторонники обновления «стронництва» Стефан Игнарь и его немногочисленные в то время единомышленники. Они выступали за свободу внутрипартийных дискуссий, отвергали не соответствовавшее польским условиям механическое перенесение советского опыта строительства социализма на польскую почву, в связи с чем негативно высказывались относительно однопартийной системы в СССР. Оживлением отмечена в это время и политическая деятельность Демократической партии, самой малочисленной и наименее влиятельной политической формации в ПНР. В ее центральном печатном органе «Тыгоднике демократычном» обсуждались вопросы демократизации как в собственных рядах, так и на государственном уровне. Выступая 25 апреля 1956 г. перед парламентариями, депутат Сейма от Демократической партии Ежи Йодловский заявил: «только XX съезд КПСС, который выявил ошибки и преступные методы, применявшиеся в Советском Союзе в период бериевщины, создал необходимую атмосферу для постановки проблемы правопорядка, проблемы правильного функционирования правосудия также и у нас»²². Имелась в виду Польша.

В апреле 1956 г. польская общественность с чувством удовлетворения встретила известия об освобождении из заключения, полной реабилитации и восстановлении в ПОРП 26 известных военных деятелей, оказавшихся в 1953 г. в тюремных стенах по ложным обвинениям. Это событие фактически означало позитивный сдвиг в системе правовых отношений в Польше. Вслед за тем последовали кардинальные изменения на ключевых постах государственного аппарата: на «заслуженный отдых» был отправлен Станислав Радкевич, занимавший в 1944–1954 гг. пост министра общественной безопасности, освобождены от должностей Генеральный прокурор ПНР Стефан Калиновский и Главный военный прокурор Стефан Зараковский, министр юстиции Генрык Свѣнтковский и его заместитель Генрык Чесьлюк, отданы под следствие заместитель министра общественной безопасности Роман Ромковский и бывший директор военной контрразведки Анатолий Фейгин, ответственные «за лишение свободы многих невиновных людей» и применение «недозволенных

методов следствия»²³. 23 апреля принимается закон об амнистии, под действие которого попадали 80 тыс. человек, в том числе более 9 тыс. осужденных по политическим обвинениям. Уже в мае были освобождены около 35 тыс. человек, в том числе 5847 человек, осужденных по политическим мотивам²⁴. На свободу вышли те, кто в период Второй мировой войны сражался в рядах Армии Крайовой, члены Польской социалистической партии, участники крестьянского движения и др. В контексте XX съезда КПСС известная параллель с процессом реабилитации несправедливо осужденных людей в СССР напрашивается сама собой.

Развенчание культа И. В. Сталина на партийном съезде в Москве способствовало «проявлению серьезных идеологических колебаний» среди части польской коммунистической интеллигенции, главным образом литераторов и журналистов, студенчества, активистов ПОРП. Эта констатация заимствована из информационной записки Я. Ф. Дзержинского «О некоторых вопросах внутриполитического положения в ПНР»²⁵, представленной в ЦК КПСС 9 мая 1956 г. Автор ее, референт по польским вопросам в отделе по связям с иностранными компартиями ЦК, находился в командировке в Варшаве и мог лично убедиться в многообразии проявлений критицизма в Польше, а по итогам бесед с польскими партийными аппаратчиками сделать выводы о расслоении верхушки ПОРП на сторонников реформ и их противников (несколько позднее эти немногочисленные, но влиятельные группировки предстанут в скрытой политической конфронтации как *пулавяне* и *натолинцы*)²⁶. Таким образом, фактом стали кризисные явления в самой правящей партии, так контрастно проявившиеся на VII пленуме ЦК ПОРП в июле 1956 г.

Прямым следствием усиливавшегося брожения в Польше было появление так называемого ревизионизма – течения общественной мысли, зародившегося в недрах польской коммунистической интеллигенции, ее элитарных слоев. По общему мнению как политического руководства ПОРП, так и Посольства СССР в Варшаве, центрами ревизионизма считались Институт общественных наук и партийные школы ЦК ПОРП, парторганизация издательства ПОРП «Ксёняжка и ведза» (Книга и знание), государственный комитет «Польское радио», а также профессорско-преподавательский состав и слушатели Военно-политической академии²⁷. Виднейшими представителями польского ревизионизма считались Лешек Колаковский, Зыгмунт Бауман, Адам Шафф, Ядвига Секерская и некоторые другие. На польской почве ревизионизм означал интеллектуальное сопротивление изрядно набившим оскомину заклинаниям о неизменной, по всем вопросам теории и практики, правоте марксизма-ленинизма. По существу же польский ревизионизм выражал стремление усовершенствовать, обновить идею социализма как общества социальной справед-

ливости. Идею, как признано в наше время, иллюзорную, но в Польше в то время еще привлекательную. Представители польского ревизионизма бесцеремонно шельмовались руководителями правящей партии, и прежде всего В. Гомулкой, когда в октябре 1956 г. он вновь вернулся к политической деятельности в качестве бесспорного лидера ПОРП²⁸.

Массовые беспорядки в Познани 28 июня 1956 г. как в фокусе показали, что в польском обществе назрел глубокий социальный, идеологический и политический кризис. По своему содержанию и трагической сущности волнения в Познани оставили невралгический след в исторической памяти поляков²⁹.

«Польский Октябрь» 1956 г. привел к обновлению политической элиты в Польше, воспитал деятелей, достойно проявивших себя на общественном поприще. Таким был, в частности, секретарь организации ПОРП на варшавском автозаводе в Жерани Лехослав Гозьдик. В 1956 г. он был признанным, подлинно народным лидером общественного движения в польской столице, выступая на митингах, организуя так называемые рабочие советы на предприятиях и пр. Из его личных воспоминаний, как и из воспоминаний близко знавших его людей можно сделать бесспорное заключение о том, что XX съезд КПСС оставил в его сознании заметный след³⁰.

В Польше тоталитарный режим, олицетворением которого современная историческая наука не без основания считает Б. Берута, постепенно пришел в упадок. С октября 1956 г. первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка повел страну по «польскому пути к социализму». Как реализовывалась его концепция и к чему привела – это уже совершенно иная тема, с иным политическим пейзажем и иными действующими лицами.

Примечания

¹ *Wiatr J. J.* Pokolenie '56 // *Przegląd Humanistyczny*. 2006. № 5–6. S. 66.

² *Umacniajmy ludową praworządność* // *Nowe drogi*. 1954. № 12. S. 10.

³ *Machcewicz P.* Polski rok 1956. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza «Mówią Wieki», 1993. S. 15. В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев образно говорил о нарастании умственного брожения в странах Восточной Европы: «Стали набегать тучки и в Польше. За Польшей потянулась Венгрия» (*Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть. Т. 2. – М.: «Московские новости», 1999. С. 194). Новый, в основном архивный материал об общественных движениях в 1956 г. в странах Восточного блока см.: *Polski Październik 1956 w polityce światowej*. Pod red. nauk. Jana Rowińskiego. – Warszawa: PISM, 2006; 1956 год: Российско-болгарские научные дискуссии. Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008.

⁴ Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski. Wydanie V rozszerzone. – Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2005. S. 200.

⁵ См., например: Korzecki A. Przeciw kultowi jednostki // Tygodnik demokratyczny. 1956. 28 marca – 3 kwietnia. № 13; Schaff A. Z czym walczymy i do czego dążymy występując przeciwko «kultowi jednostki» // Nowe drogi. 1956. № 4. S. 18–29.

⁶ Цит. по: Łoś R. Polska – ZSRR, 1956. – Łódź, 1999. S. 13–14.

⁷ Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документ. Отв. редактор К. Аймермахер. Составители: В. Ю. Афиани и др. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 644–645.

⁸ Там же. С. 646.

⁹ Там же. С. 665.

¹⁰ См., например: Łukaszewicz B. Echa XX Zjazdu KPZR na Warmii i Mazurach // Komunikaty Mazursko-Warmińskie (Olsztyn). 1996. № 2 (212). S. 256–257.

¹¹ Trybuna Ludu. 1956. 10 marca.

¹² См.: Pomian G. Śmierć Bolesława Bieruta // Zeszyty Historyczne (Paryż). 2000. Zesz. 134. S. 202–212. См. также неопубликованную записку посла СССР в Варшаве П. К. Пономаренко «О настроениях в Польше в связи со смертью тов. Берута» от 21 марта 1956 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 169. Л. 28–39).

¹³ Об этом говорит запись в черновом протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 14 марта 1956 г.: когда Н. С. Хрущев готовился к поездке в Варшаву, политическое руководство обсуждало возможные кандидатуры А. Завадского и Э. Охаба на вакантное место первого секретаря ЦК ПОРП (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Гл. редактор А. А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003. С. 114. В своих мемуарах Н. С. Хрущев пишет, что лично он предпочитал кандидатуру А. Завадского (Хрущев Н. С. Указ. соч. Т. 3. С. 231).

¹⁴ Codogni P. Rok 1956. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2006. S. 157.

¹⁵ Jeleński K. A. Po «tszesieniu ziemi» // Kultura. 1956. № 5. S. 3–22. См. повторную публикацию статьи в кн.: 1956. Polska emigracja a Kraj. Antologia źródeł. Praca zbiorowa pod red. M. M. Drozdowskiego. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza «Typografia», 1998. S. 95–109.

¹⁶ См.: Życie Warszawy. 1956. 4 kwietnia. Московская «Правда» опубликовала материал, озаглавленный «Доклад Эдварда Охаба об итогах XX съезда КПСС» – изложение выступления нового лидера ПОРП на совещании партактива (Правда. 1956. 8 апреля).

¹⁷ О положении Э. Охаба в партии весной 1956 г., сразу после избрания его первым секретарем ЦК ПОРП, см.: Dymek B. Z dziejów PZPR w latach 1950–1970. – Warszawa, 1987. S. 9–10.

¹⁸ Machcewicz P. Op. cit. S. 52–75.

¹⁹ См. ценную документальную публикацию, подготовленную коллективом сотрудников РГАНИ: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности... С. 544–646, 664–668, 692–695.

²⁰ См., например: АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 40/1956 г. П. 336. Д. 10.

²¹ Там же. П. 340. Д. 52. Л. 57–58.

²² Цит. по: Czubiński A. Stronnictwo Demokratyczne (1937–1989). Zarys dziejów. – Warszawa, 1998. S. 224.

²³ Цит. по: Rykowski Z., Władyka W. Polska próba. – Kraków: Wyd-wo Literackie, 1989. S. 127.

²⁴ Życie Warszawy. 1956. 1 maja. Ср.: Codogni P. Op. cit. S. 162.

²⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 136.

²⁶ Об этих внутрипартийных группировках подробнее см.: Werblan A. Władysław Gomułka a ugrupowania w partii w październiku 1956 roku // Polska 1944/45 – 1989. Studia i materiały. Т. III. Polska 1956 – próba nowego spojrzenia. – Warszawa, 1997. S. 81–85.

²⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 140. Л. 137.

²⁸ См., например, материалы IX пленума ЦК ПОРП, состоявшегося 15–18 мая 1957 г.: Gomułka W. Węzłowe problemy partii. Uchwały. – [Warszawa]: KiW, 1957. Доклад В. Гомулки в русском переводе опубликован в журнале «Коммунист» (1957. № 7. С. 41–87). См. также многостраничный информационный обзор Посольства СССР «Об искажениях и ревизии марксизма-ленинизма некоторыми философами, историками, журналистами и общественными деятелями на страницах польской печати, в научно-педагогической и исследовательской деятельности», датированный 25 февраля 1957 г. и представленный П. К. Пономаренко секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 19–110).

²⁹ См. подробнее: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. – М.: Изд-во «ИНДРИК», 2005. С. 119–137.

³⁰ Goździk L. Byliśmy u siebie w domu // Październik 1956: pierwszy wyłom w systemie. Bunt, młodość i rozsądek. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 1996. s. 26–27; Kozłowski K. Lechosław Goździk – lider robotników Fabryki Samochodów Osobowych na Żeraniu 1956–1957 // «Wasz Goździk naszym Goździkiem». Droga życiowa i aktywność polityczna Lechosława Goździka. Praca zbiorowa pod red. Kazimierza Kozłowskiego. – Szczecin, 2002. S. 39–40.

А. С. Стыкалин

К вопросу о позиции коммунистического руководства Китая в связи с польскими событиями октября 1956 года

Осенью 1956 г., в период польского и венгерского кризисов, руководство компартии Китая во главе с Мао Цзэдуном впервые оказалось активно вовлеченным в события, развернувшиеся в советской сфере влияния в Восточной Европе, оказав определенное воздействие на принятие в Москве принципиальных политических решений. Тем самым Китай в первый раз реально заявил о себе как о большой коммунистической державе, без участия которой отныне не может быть разрешен ни один «семейный спор» в содружестве стран, строящих социализм.

Количество литературы, посвященной политике КНР в условиях восточноевропейских кризисов осени 1956 г., заметно выросло начиная с середины 1990-х гг.¹. Но при этом существует ряд не до конца проясненных, дискуссионных вопросов, а иногда не обходится и без мифотворчества, что отчасти объяснимо ограниченным количеством (либо сохраняющейся недоступностью) достоверных источников, отражающих эволюцию позиции китайского руководства в течение быстро менявшихся событий второй половины октября – начала ноября 1956 г.

Так, например, в литературе получила некоторое распространение версия, согласно которой именно китайская сторона, активно выступив против советских военных планов в отношении Польши, предотвратила вооруженное вмешательство СССР во внутренние дела этой соседней страны, способное привести к самым непредвиденным последствиям для всего советского блока (учитывая масштаб Польши как не малого, но среднего по своим размерам, 30-миллионного государства, численность и боеспособность ее армии, а также настроения в польском обществе). Эта версия восходит своими истоками к комментариям западной прессы, относящимся непосредственно к периоду польского и венгерского кризисов. В частности, газета “New York Herald Tribune” 27 октября 1956 г. обратила внимание на то, что КПК быстрее КПСС поздравила В. Гомулку с избранием на VIII пленуме (19–21 октября) на пост первого секретаря ЦК ПОРП. На основании этого факта комментаторы делали

предположение о том, что позиция Китая стала немаловажным фактором сдерживания Москвы в польском вопросе, не в последнюю очередь способствовавшим и примирению советского руководства с возвращением Гомулки на польский политический олимп после нескольких лет пребывания в опале.

Любые предположения о решающей роли КПК в урегулировании польско-советского конфликта были по душе руководителям (как и рядовым аппаратчикам) китайской компартии, поскольку вполне отвечали их амбициям – превратить коммунистический Китай в силу, вполне способную конкурировать с СССР в борьбе за гегемонию в социалистическом лагере и мировом коммунистическом движении. Именно китайские партпропагандисты в наибольшей мере приложили руку к мифологизации некоторых внешнеполитических аспектов польского кризиса. Так, уже в дни первой годовщины событий, 18 октября 1957 г., информационное агентство Синьхуа распространило свой комментарий, в котором отмечалось: граждане Польши единодушно отдают себе отчет в том, что если бы не участие компартии Китая, польские события осени 1956 г. привели бы к гораздо более трагическому исходу, нежели венгерское восстание². Директор этого агентства Ву Ленгси в 1950-е годы был одним из главных информаторов Мао, входил в круг лиц, регулярно общавшихся с председателем КПК. Уже совсем в другую эпоху, в 1990-е годы, в Пекине были опубликованы мемуары этого деятеля, в значительной мере посвященные беседам с Мао³. Именно содержащиеся в этих мемуарах свидетельства (зачастую не подкрепленные другими источниками) чаще всего используются для обоснования версии о решающей роли Китая в предотвращении силового варианта разрешения польского кризиса⁴. Но еще за три с лишним десятилетия до публикации мемуаров Ву Ленгси китайская сторона была склонна как в массовой пропагандистской литературе, так и в межпартийной переписке КПСС и КПК преувеличивать задним числом значение своего участия в урегулировании польско-советского конфликта (так же как, впрочем, и венгерского кризиса осени 1956 г.).

В польской литературе последних десятилетий также неоднократно высказывалось предположение о том, что прежде всего именно противодействие Китая плану советской интервенции в Польше заставило руководство СССР пойти на компромисс⁵. Для того чтобы прояснить реальную, немифологизированную роль Китая в тех событиях, необходимо на основе всего комплекса доступных источников реконструировать заново конкретно-исторические обстоятельства вовлечения представителей КПК в процессы разрешения польского, а затем еще более острого венгерского кризиса⁶.

Известно, что руководство КПК (второй по реальному политическому весу компартии мира) неоднозначно, но в целом довольно сдержанно отреагировало на острую критику Н. С. Хрущевым проявлений «культа личности» Сталина в докладе на закрытом заседании в конце работы XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. С одной стороны, оно было в определенной мере заинтересовано в разрушении мифа о непогрешимости советских лидеров, представлявших всему миру свою модель социализма как образцовую и нередко навязывавших собственную волю другим. С другой стороны, Мао Цзэдун был явно задет тем, что его фактически поставили перед свершившимся фактом, не посоветовавшись должным образом перед принятием принципиально важного решения о прочтении разоблачительного доклада и не вручив заблаговременно его текст⁷. Еще более существенным было то, что в критике культа личности Сталина Мао увидел критику собственных методов и угрозу собственным позициям в партии и стране. Главная газета КПК «Женьмин жибао» взяла под защиту Сталина в статье от 5 апреля, призвав соблюдать в отношении к нему необходимые пропорции и всячески подчеркивая, что его заслуги перевешивают ошибки. Перепечатка с некоторыми сокращениями этой статьи «Правдой»⁸ свидетельствовала не только о готовности КПСС откорректировать с учетом мнения КПК свою позицию в вопросе о Сталине и сталинизме; она была воспринята наблюдателями как на Западе, так и в Восточной Европе (в частности, среди реформаторски настроенной интеллигенции) как несомненный шаг назад в критике культа личности.

Свою позицию китайские лидеры довольно откровенно излагали восточноевропейским коммунистам. В сентябре 1956 г., в дни работы VIII съезда КПК ближайший соратник Мао Цзэдуна премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай имел трехчасовую беседу с делегацией Венгерской партии трудящихся (ВПТ) и от имени всего руководства КПК выразил несогласие с тем, как был поставлен вопрос о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Китайские коммунисты, по словам Чжоу, не всегда соглашались со Сталиным еще при его жизни. Так, во второй половине 1940-х годов они взяли за оружие вопреки мнению Сталина, считавшего их выступление несвоевременным. И победили, заставив Сталина признать свою правоту. «Несмотря на все это, сказал т. Чжоу Эньлай, китайские коммунисты не хотели критиковать Сталина открыто, оберегая престиж СССР. Он добавил, что на XX съезде ошибки Сталина следовало бы разбирать таким образом, чтобы было ясно, что его заслуги перевешивают его ошибки»⁹. Чжоу Эньлай говорил и о том, что «на XX съезде остался невыясненным вопрос об ответственности других советских руководителей. Пока этот вопрос остается невыясненным, добавил он, трудности бу-

дут оставаться»¹⁰. В беседе с венграми Чжоу неплохо обозначил лимиты критики Сталина руководством КПК – последняя по сути свелась к признанию недооценки вождем СССР китайской специфики, осуждению ошибочных советов и рекомендаций, данных им китайским коммунистам в разные годы, особенно во второй половине 1940-х годов, в условиях революции и гражданской войны в Китае.

Известно, что еще до XX съезда КПСС, 14 января 1956 г. тот же Чжоу Энлай сделал программное заявление, в котором выступил против абсолютизации советского опыта, за более творческое его применение, призвал ученых-обществоведов к изучению специфики продвижения Китая к социализму. Это выступление не только обозначило усиление национально-коммунистических тенденций в идеологии КПК, оно положило начало некоторой временной либерализации политики в отношении интеллигенции, причем процесс этот не был прерван и XX съездом КПСС – при всем несогласии лидеров КПК с хрущевскими методами разоблачения Сталина. Неудовольствие результатами XX съезда отнюдь не означало отказа от ранее избранной линии на поиски собственных путей к социализму и некоторое дистанцирование от советского опыта. Оно, напротив, только стимулировало проведение этой линии.

25 апреля Мао выступил на Политбюро ЦК КПК с программной речью «О десяти важнейших взаимозависимостях», которая впервые была опубликована только в год его смерти – в 1976 г. Большое внимание он уделил необходимости теоретического осмысления специфических особенностей продвижения страны к социализму. Условия, сложившиеся после XX съезда, воспринятого им как проявление кризиса в КПСС, китайский лидер использовал для того, чтобы впервые отчетливо заявить о себе как о теоретике мирового коммунистического движения. Со ссылками не только на работы Мао, но и на конфуцианское философское наследие в аппарате ЦК КПК формулируются новые принципы культурной политики, вырабатываются формулы: «пусть расцветают сто цветов», «позвольте каждой птице петь», «пусть соревнуются сто школ» и т. д., которые могли быть не без оснований восприняты как определенный поворот к плюрализму, провозглашение некоторой соревновательности идей в общественных науках, стремление к преодолению догматизма¹¹. Больше внимания стало уделяться опыту строительства социализма не только в СССР, но и в других странах, включая титовскую Югославию. В июне на заседании Всекитайского собрания народных представителей зам. премьера Госсовета КНР Чен Жюнь говорил о том, что плановая экономика не исключает элементов свободного рынка в сфере торговли. На 1957 г. планировалась реформа, в соответствии с которой промышленные предприятия могли за-

ключать с предприятиями торговли соглашения о сбыте произведенной продукции. Китайский социализм переживал в 1956 г. свой «розовый период», чему способствовала относительная, хотя и временная стабилизация к середине 1950-х годов экономического положения и политической системы КНР. Мало что в политической жизни Китая предвещало ужасы «большого скачка» и «культурной революции».

Внешняя политика КНР в этот период не противоречила принципам формирующегося движения неприсоединения, в первых программных документах этого движения и прежде всего в Бандунгской декларации 1955 г. нашли отражение те же формулы, что и в соглашении между Китаем и Индией по Тибету (1954 г.). Стремясь к укреплению своего влияния в мире, КНР (не имевшая членства в ООН, где место Китая занимал до начала 1970-х годов представитель чанкайшистского режима Тайваня) активизировала в середине 1950-х годов связи с азиатскими странами, проводившими политику неприсоединения.

Таким образом, не только КПСС, но и КПК не избежала в середине 1950-х годов новых веяний, хотя ее руководство в отличие от Хрущева не уставало подчеркивать правильность и обоснованность своей прежней политики¹². На протяжении 1956 г. из Пекина исходили разноречивые импульсы, на китайский пример могли ссылаться в странах Восточной Европы отнюдь не только сталинисты, недовольные XX съездом КПСС и бравшие на вооружение охранительную по духу статью «Женьминь жибао» от 5 апреля. Некоторые новые лозунги, провозглашенные КПК, были притягательны и в оппозиционных кругах, причем здесь акцент делался, конечно, не на защиту китайскими коммунистами Сталина, а на поиски ими собственного пути и критическое отношение к советской политике. Импульсы, исходившие из Пекина, при всей их противоречивости свидетельствовали прежде всего о том, что Китай не только стремится к выработке своей специфической модели социализма, но и претендует (не идя в этот период на конфронтацию с СССР) на более значительную роль в мировом коммунистическом движении, пытается ослабить зависимость от «старшего брата».

Состоявшийся в сентябре 1956 г. в Пекине VIII съезд КПК привлек большое внимание в мире, ход его работы и решения в целом подтверждали оптимистические ожидания сторонников либерализации социализма. В странах Восточной Европы съезд вызвал живой интерес, особенно подробно освещали его работу реформаторски ориентированные органы прессы в Польше и Венгрии, подававшие информацию из Пекина таким образом, что съезд КПК способствовал воодушевлению приверженцев далеко идущих реформ в русле

социалистического выбора. Последние нередко апеллировали к китайскому опыту в противовес советскому. Достаточно велик был интерес к политике КПК и более широкого общественного мнения. Член Политбюро Центрального Руководства ВПТ И.Ковач, выступая в начале октября на массовом митинге на заводе «Ганц», «обратил внимание, что рабочие охотно и живо откликнулись на его сообщение об успехах в Китае, но встретили холодным молчанием ту часть его выступления, где говорилось о Советском Союзе»¹³. Аналогичной была ситуация в Польше. Советник посольства КНР в Варшаве доносил 23 октября представителям руководства своей партии, прибывшим в этот день в Москву, о том, что видел на варшавских улицах плакаты «Мао поддерживает нас»¹⁴. Едва ли было бы преувеличением утверждать, что в сентябре – первой половине октября 1956 г. китайское влияние в Венгрии и Польше росло пропорционально ослаблению советского влияния, а в общественном мнении было больше симпатий к Китаю, чем к СССР. Именно в реакции лидеров КПК на обозначившиеся в середине осени в этих странах острые кризисные явления наиболее отчетливо проявился рост амбиций китайской компартии, начавшей претендовать на равное с КПСС (или близкое к равному) положение в мировом коммунистическом движении.

Как явствует из доступных источников, Мао и его окружение с самого начала внимательно следили за польским кризисом, хотя и не обладали полной информацией о происходящем в далекой от них стране. Проецируя свое восприятие польских событий на собственный прежний опыт неравноправных отношений с Москвой, они быстро начали усматривать истоки польского кризиса в стремлении СССР навязывать другим партиям свою волю.

Из литературы хорошо известно, что 18 октября, узнав о созываемом на следующий день пленуме ЦК ПОРП, который собирался радикально обновить руководство этой партии, Президиум ЦК КПСС постановил делегировать в Варшаву представительную партийную делегацию во главе с самим Н. С. Хрущевым. Прибыв в столицу Польши на следующее утро, она оказала массированное давление на польскую коммунистическую элиту¹⁵. 19 октября посол СССР в Пекине П. Ф. Юдин по поручению Москвы посетил зампреда ЦК КПК Лю Шаоци. Согласно более позднему свидетельству переводчика, посол информировал китайского лидера о том, что в последнее время обнаружилось серьезные разногласия между КПСС и ПОРП по некоторым фундаментальным политическим вопросам, вызывающие серьезную обеспокоенность ЦК КПСС. Речь зашла, в частности, о неприемлемом для КПСС решении обновить руководство ПОРП за счет исключения из него «друзей СССР», прежде всего министра обороны ПНР Маршала Советского Союза и Маршала

Польши К. Рокоссовского. Юдин заявил, что подобные устремления противоречат жизненным интересам всего лагеря стран, строящих социализм, поскольку угрожают в конечном итоге выходом Польши из соцлагеря и присоединением ее к западному блоку¹⁶. Посол СССР сообщил руководству КНР и о том, что делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым срочно выехала в Варшаву для обсуждения с лидерами ПНР и ПОРП спорных вопросов¹⁷. Согласно версии, изложенной в вышеупомянутых мемуарах директора агентства Синьхуа, Юдин заявил китайским лидерам и о том, что из-за серьезности ситуации в Польше СССР намеревается прибегнуть к военной силе, направив в эту страну дополнительные войска. Речь шла, таким образом, о явном силовом давлении. В последующие дни посол информировал китайскую сторону о созываемом в Москве для обсуждения польского вопроса совещании представителей компартий стран «народной демократии», на которое приглашалась высокопоставленная делегация КПК; соответствующее приглашительное письмо было им передано в ЦК КПК очевидно 21 октября¹⁸.

Если верить версии Ву Ленгси, Мао, узнав от Юдина о советских планах военного вмешательства в Польшу, тут же выразил свое жесткое неприятие политики силового давления. Он дал понять, что готов послать делегацию в Москву лишь в том случае, если в ЦК КПСС напрочь откажутся от планов силового диктата и проведут совещание не для осуждения поляков, а для того, чтобы понять причины расхождений с ними и способствовать их преодолению¹⁹. После встречи с Юдиным Мао принял польского посла в КНР, сообщив ему о негативном отношении Пекина к любым вынашиваемым в Москве проектам силового разрешения проблем, возникших в польско-советских отношениях²⁰.

Тот же мемуарист подробно и в красках описывает заседание Политбюро ЦК КПК, созванное Мао для обсуждения польского кризиса. Рассматривалась якобы поступившая из ЦК КПСС срочная телеграмма, в которой говорилось о наступлении в Польше антисоветских сил, требующих вывода советских войск из ПНР²¹. Как отмечалось в телеграмме, СССР в соответствии с Варшавским договором имеет право на размещение своих войск в Польше; в сложившихся условиях, угрожающих выходом ПНР из социалистического лагеря, есть основания для использования военной силы для решения проблемы. В ходе заседания Мао запрашивал от директора агентства Синьхуа свежую информацию о положении в Польше. Тот, ссылаясь на сообщения иностранных информагентств, доложил о том, что часть польских войск приводится в состояние боеготовности с тем, чтобы при необходимости дать отпор «непрощеным гостям», происходит также вооружение рабочих. Несколько позже посту-

пила якобы информация из Стокгольма и Хельсинки о том, что советские военные корабли бросили якоря у Гданьска, а советские войска, дислоцированные на Западе СССР, а также в ГДР, приведены в состояние повышенной боевой готовности²². Оценив ситуацию вокруг Польши как чрезвычайно серьезную (и способную сильно обрадовать всех врагов социализма), Мао квалифицировал действия СССР как вмешательство во внутренние дела соседней страны, насилие над базовыми принципами международных отношений и надругательство над принципами пролетарского интернационализма и отношений между социалистическими странами. Сочтя недопустимыми проявления великодержавного шовинизма в политике СССР, Политбюро ЦК КПК в целях предотвращения военной интервенции единодушно постановило заявить решительный протест против советских планов силового давления, что было незамедлительно доведено до сведения срочно вызванного посла Юдина²³.

Обрисованная выше версия не подкрепляется, однако, другими источниками и опровергается более новой литературой. По свидетельству переводчика, в ходе бесед, состоявшихся 19 октября и в последующие дни, посол ничего не говорил китайским лидерам о том, что советские войска наступали в направлении Варшавы и в результате создалась довольно напряженная обстановка²⁴. Можно предполагать, что он не только не получал из Москвы установок на этот счет, но и едва ли мог знать какие-либо подробности о быстро меняющемся развитии событий в Польше. Вопрос о конкретных советских военных приготовлениях в ходе бесед с китайскими руководителями скорее всего не поднимался. Весьма вероятно, что руководство КПК, в это время, как правило, с перебоями получавшее информацию от своих восточноевропейских посольств, не обладало сколько-нибудь полной информацией о конкретной ситуации в Польше, хотя и неоднократно обращалось на заседаниях Политбюро к обсуждению польско-советских разногласий. Как бы то ни было, оно заняло свою позицию в отношении польско-советского спора, увидев главную причину его возникновения в рецидивах великодержавного шовинизма Москвы, ее стремлении диктовать свою волю коммунистам других стран.

На поступившее из Москвы официальное приглашение прислать высокопоставленную делегацию на совещание компартий социалистических стран решено было ответить положительно. Делегацию предстояло возглавить второму человеку партии – Лю Шаоци. В руководстве КПК считали предпочтительным, чтобы представители китайской компартии встретились с советскими и польскими лидерами по отдельности. Их задача была определена как посредничество в преодолении возникших противоречий между польскими и советскими товарищами. Делегации была дана установка, с одной стороны,

при встречах с представителями КПСС донести до них несогласие КПК с проявлениями великодержавного шовинизма в политике СССР, патерналистским стилем отношений с братскими партиями. С другой стороны, они должны были указать польским товарищам на необходимость более широкого взгляда на общие интересы мирового коммунистического движения²⁵. Юдин вызывался к Мао Цзэдуну для вручения ответа на приглашение прислать делегацию в Москву. В ходе беседы председатель КПК изложил свою точку зрения на происходившие события. Он считал маловероятным, что Польша может покинуть социалистический лагерь и присоединиться к западному блоку; пока речь может идти только о поставленной поляками задаче обновления партийного руководства. Эффективно ли в этой ситуации какое-либо силовое давление? По мнению Мао, для того, чтобы воспрепятствовать нежелательному развитию событий в Польше, руководству КПСС следует пойти на некоторые уступки. Прежде всего надо позволить полякам обновить руководство ПОРП и установить с обновленным руководством отношения на основе подлинного равноправия. Насилие и запугивание, напротив, только усилят антисоветские настроения в стране. Вопрос о том, что Польша должна остаться частью социалистического лагеря, по мнению китайского лидера, вызывать споров не мог, именно потенциальной угрозой раскола в коммунистическом движении он и объяснял свою озабоченность положением в далекой от Китая восточноевропейской стране. При этом Мао не замыкался на конкретном польском прецеденте, выходил на обобщения, касающиеся линии КПСС в международном коммунистическом движении; последняя, он был уверен, нуждалась в корректировке. В ходе разговора с послом китайский вождь между прочим упомянул и о своих разногласиях с лидерами КПСС в вопросе о десталинизации. Он считал в принципе возможным критиковать Сталина, но спорил о методах критики²⁶.

Как можно судить по имеющимся документам, включая запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП 19 октября в Бельведерском дворце²⁷, ни Хрущев и другие члены советской делегации, прибывшей в Варшаву, ни польские лидеры не только не ставили под сомнение единство линий КПСС и КПК, но вообще не уделяли сколько-нибудь значительного внимания позиции коммунистического Китая, поскольку, видимо, мало знали о ней либо не считали советско-китайские разногласия существенными. О второй коммунистической державе мира напомнил в ходе бесед председатель Госсовета ПНР А. Завадский, который опроверг распространенный в Варшаве «враждебными элементами» слух о том, что в сентябре в Пекине во время VIII съезда КПК Мао Цзэдун в беседе с тогдашним первым секретарем ЦК

ПОРП Э. Охабом якобы сказал, что поддержит поляков в борьбе за независимость против СССР²⁸. Можно предполагать, что мнение Китая в это время мало влияло на поиск представителями КПСС и ПОРП компромиссной, взаимоприемлемой линии в целях преодоления возникшего конфликта. Опасения военной конфронтации заставили Хрущева еще 19 октября дать команду о приостановке продвижения советской танковой колонны в направлении Варшавы, вместе с тем вопрос о возможном советском военном вмешательстве в Польше еще в течение нескольких дней оставался открытым²⁹. Вначале на заседаниях Президиума ЦК КПСС доминировала жесткая позиция³⁰, но уже на следующий день, 21 октября, обозначилась склонность к компромиссу: «учитывая обстановку, следует отказаться от вооруженного вмешательства. Проявить терпимость»³¹. Было дано принципиальное согласие обсудить с польской стороной вопрос об отзыве советников СССР из силовых структур ПНР. Каждодневно наблюдая за ходом событий в Польше, Хрущев и его соратники могли заметить, что Гомулка, избранный вопреки воле Москвы первым секретарем ЦК ПОРП, не стремится к разрыву с СССР, нигде не выходит за «красную линию» в отношениях с содружеством стран, строящих социализм, и это изменило их первоначальные установки еще до совещания компартий, в конце концов назначенного на 24 октября³². Ссылок на мнение КПК в записях заседаний Президиума тех дней не содержится. Это само по себе свидетельствует против преувеличения влияния китайского фактора на принятие в Кремле ключевых решений по польскому вопросу, ставит под сомнение вышеприведенный тезис о том, что в первую очередь именно жесткая позиция коммунистического Китая предотвратила вооруженное вмешательство СССР во внутренние дела Польши.

Идея проведения совещания представителей компартий социалистических стран для обсуждения польского вопроса оставалась, однако, в силе³³ — не для того, чтобы заручиться согласием на силовую акцию, от которой 21 октября уже фактически отказались, а прежде всего для того, что обсудить уроки произошедшего конфликта в польско-советских отношениях для всего социалистического лагеря. На советском самолете, специально посланном в Пекин, китайская делегация во главе с Лю Шаоци и Дэн Сяопином прибыла в Москву во второй половине дня 23 октября³⁴. В эти самые часы многотысячная демонстрация в Будапеште, о планах проведения которой еще накануне в Пекине никто не знал, грозила выйти из-под контроля. Тем самым внимание советских лидеров все более переключалось с польских событий на венгерские. Вопрос о возможном применении военной силы в Польше к этому времени перестал дискутироваться на заседаниях Президиума ЦК КПСС, в Москве

пришли к выводу о том, что «в отношениях с Польшей следует избегать нервозности и торопливости, надо помочь польским товарищам выработать уравновешенную партийную линию»³⁵, ставка, таким образом, была окончательно сделана на преодоление возникших разногласий путем переговоров и взаимных компромиссов³⁶. По некоторым сведениям, в день приезда китайских функционеров в Москву Хрущев в телефонном разговоре с Гомулкой говорил о том, что не видит препятствий для того, чтобы отношения между КПСС и ПОРП развивались на основе принципов, нашедших отражение в решениях только что состоявшегося VIII пленума ЦК ПОРП³⁷.

Слова в данном случае не расходились с делами, в советской политике применительно к Польше восторжествовала компромиссная линия, полностью себя оправдавшая. Смирившись с избранием Гомулки на пост первого секретаря ЦК ПОРП, выводом маршала Рокоссовского из Политбюро, и согласившись на удаление из Польши большой группы советников от Минобороны, МВД и КГБ, руководство СССР не лишилось, однако, Польши как своего военного союзника, предотвратило сдвиг вправо в этой стране, который мог бы грозить утратой коммунистами власти. Уже к середине 20-х чисел октября в Кремле не могли не видеть первых признаков ослабления внутривластной напряженности в Польше. Хотя принципиальная линия руководства КПСС в деле разрешения конфликта с обновленным руководством ПОРП была, как отмечалось, в основном выработана еще до приезда в Москву высокопоставленных посланцев Мао Цзэдуна, в Москве действительно ждали от Пекина советов – о том, как дальше строить отношения с Польшей с учетом уроков возникшего конфликта, а в более общем плане – о том, какими методами можно стабилизировать ситуацию в социалистическом лагере в целом (на кризисные тенденции в его развитии особенно явно указывало мощное венгерское восстание, вспыхнувшее 23 октября). Проявившаяся заинтересованность ЦК КПСС в советах ЦК КПК объективно обозначила повышение влияния КПК в мировом коммунистическом движении, к чему китайские коммунисты неизменно стремились. Как показывают документы, при выработке конкретных планов урегулирования венгерского конфликта китайская делегация сыграла определенную роль, но особенно значительным было ее влияние на подготовку программного документа советской внешней политики – Декларации Правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами.

23 октября, ближе к вечеру, Хрущев, уже знавший (хотя и без подробностей) о напряженной ситуации в венгерской столице, отправился собственной

персоной во Внуковский аэропорт, чтобы встречать китайских гостей. Сопровождая Лю и Дэна в гостевой дом на Ленинских горах, советский лидер, по воспоминаниям переводчика, говорил о своей озабоченности положением в Польше, состоянием отношений между КПСС и ПОРП, рассчитывая на понимание и поддержку своей позиции китайской стороной. Если верить переводчику, в этой первой своей беседе с китайскими эмиссарами Хрущев проявил некоторую склонность к самокритике там, где дело касалось советско-польских отношений. Вместе с тем он выражал удовлетворение тем, что китайским коммунистам удалось сохранить доверительные отношения с польскими товарищами, рассчитывал на помощь КПК в преодолении возникших расхождений между КПСС и ПОРП. Хрущев, таким образом, не был против китайских планов посредничества, он просил товарищей из КПК убедить польских коммунистов в том, чтобы те в большей мере учитывали интересы всего соцлагеря. Лю Шаоци и Дэн Сяопин, по свидетельству переводчика, не выражали несогласия с тем, что говорил Хрущев, обещали от имени ЦК КПК содействовать налаживанию советско-польских отношений³⁸. Однако уже в это время Хрущева занимали не столько польские, сколько венгерские события, все более выступавшие на первый план. Он информировал китайских гостей о беспорядках в Будапеште, сказал, что собирается сразу же ехать в Кремль для того, чтобы сосредоточиться на решении срочных вопросов. Лю и Дэн приняли это к сведению без комментариев. На протяжении нескольких последующих дней, внимательно наблюдая за развитием событий в Венгрии, они избегали скоропалительных выводов.

Китайские представители не присутствовали 24 октября на состоявшемся заседании Президиума ЦК КПСС с участием представителей компартий Болгарии, Чехословакии и ГДР³⁹. Но в соответствии с планами, выработанными накануне⁴⁰, Лю Шаоци выступил в тот же день на другом заседании Президиума⁴¹. Один из лидеров КПК счел правильными меры, принятые ЦК КПСС в польском вопросе, и высказался против полицентризма в мировом коммунистическом движении («Основа – СССР – центр социалистического лагеря. Не может быть несколько центров»). Вместе с тем Лю Шаоци в соответствии с полученными в Пекине установками сконцентрировал внимание и на недостатках в деятельности КПСС, которые необходимо устранять: в Москве иногда принимали поспешные решения по важным вопросам, навязывали свою волю другим партиям. Хрущев выразил согласие с мнением китайского эмиссара, что было в общем не удивительным, поскольку конкретные примеры неправильной линии КПСС, приведенные Лю Шаоци, относились к сталинскому периоду⁴².

Если судить по кратким записям заседаний Президиума ЦК КПСС, выполненным зав. общим отделом ЦК КПСС В. Малиным, китайский эмиссар более подробно остановился на ситуации в Польше 26 октября⁴³. Как уже отмечалось, поездке Лю Шаоци и Дэн Сяопина в Москву предшествовали обсуждения советско-польских разногласий на заседаниях Политбюро ЦК КПК. Согласно позиции Мао Цзэдуна, новое руководство ПОРП во главе с Гомулкой продолжает оставаться коммунистическим руководством; Польшу и далее следует считать социалистической страной. Расхождения между Варшавой и Москвой – это не конфликт между революцией и контрреволюцией; спор может быть разрешен путем товарищеской критики и самокритики с обеих сторон, и для его разрешения было бы совершенно ошибочным применять силовые средства. Именно таковы были общие установки, определявшие позицию китайской делегации в Москве⁴⁴. Неприятие шовинистических тенденций в политике СССР и признание нового руководства ПОРП не означали, однако, некритического отношения к линии Гомулки, который зашел слишком далеко и, как заметил Лю Шаоци, «допускает перегибы», что проявилось, в частности, в «узловом», по его словам, вопросе – о Рокоссовском⁴⁵. Освобождение уважаемого советского маршала от обязанностей министра национальной обороны ПНР и его вывод из Политбюро ЦК ПОРП были восприняты китайским эмиссаром как жест недружественный СССР и не отвечающий интересам советского блока. Согласно определенным источникам, Хрущев, поддержавший китайского гостя в критике действий Гомулки, предложил Лю Шаоци съездить самому в Варшаву и попытаться убедить польского лидера в нецелесообразности ряда предпринимаемых им шагов. По некоторым сведениям, был даже послан запрос в Варшаву, но Гомулка, подозревая, что Лю Шаоци командирован в Польшу для оказания давления в интересах Москвы, вежливо отказался принять китайскую делегацию, ссылаясь на несвоевременность ее предполагаемого приезда – сохраняющаяся пока еще нестабильность внутриполитической ситуации делала затруднительным прием иностранных гостей⁴⁶.

Контакты между Китаем и Польшей пошли по иным каналам. В ночь на 27 октября Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и другие китайские лидеры приняли польского посла. Мао критиковал Советский Союз и выразил поддержку линии ПОРП на достижение равноправия во взаимоотношениях с Москвой. Он высоко оценил программную речь Гомулки на массовом митинге в Варшаве 24 октября (широко передававшуюся в средствах массовой информации), назвал ее мудрым поступком, способствующим, в силу своей компромиссности, снятию напряженности в отношениях с Москвой. Отметил также, что ком-

партии Китая и Польши должны объединить свои усилия, чтобы убедить советских товарищей в необходимости проведения политики равноправия. Вместе с тем китайский лидер призвал польских товарищей к терпению и выдержке: «мы не можем позволить врагу использовать в своих интересах раскол в наших рядах». Наряду с этим Мао высказал озабоченность прозвучавшими в Польше на некоторых митингах требованиями вывода советских войск. Он заметил, что и в других странах, в частности, в Венгрии и даже в ГДР могут найтись политики, которые выразят готовность последовать в этом деле наилучшему польскому примеру и это приведет к возникновению угрозы для всего лагеря⁴⁷.

Поддержка Мао всерьез воодушевила польских коммунистов. Политбюро ЦК ПОРП 28 октября направило письмо благодарности в Пекин и теперь уже само просило китайскую делегацию посетить Польшу по окончании польско-советских переговоров, намеченных на ноябрь. В письме было подтверждено, что Рокоссовский собирается вернуться в СССР; в то же время китайская сторона была заверена в том, что польское руководство не имело даже мысли просить Советский Союз вывести свои войска с польской территории, поскольку отдает себе отчет в реальности реваншистской угрозы со стороны Западной Германии⁴⁸.

К этому времени ситуация в Польше стабилизировалась и не создавала серьезной угрозы для единства советского блока. Вместе с тем позиция КПК, занятая в связи с польским кризисом (позиция довольно критическая в отношении СССР), влияла на поиски в Москве путей разрешения чрезвычайно обострившегося венгерского конфликта.

Смирившись с возвращением на польский политический Олимп В. Гомулки, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, и пожертвовав маршалом К. Рокоссовским, смещенным с должности министра национальной обороны ПНР, лидеры КПСС пошли на уступки, которые, как уже отмечалось, полностью оправдали себя. Рискнув после долгих колебаний сделать ставку на Гомулку с его прочной репутацией «право-националистического уклониста», в Москве в скором времени могли убедиться в том, что менее зависимое, но в то же время более популярное в своей стране коммунистическое руководство может оказаться для СССР предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать настроения недовольства и тем самым доставляет меньше хлопот. Свежий опыт мирного разрешения кризиса в Польше принимался во внимание при обсуждении ситуации в Венгрии, гораздо более серьезной: в отличие от Польши по всей Венгрии происходил обвал системы

партийно-государственного управления, реально обозначилась перспектива утраты коммунистами власти⁴⁹.

Но сколь бы ни было сложным положение в Венгрии, удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность первого военного вмешательства в Венгрии, предпринятого в ночь на 24 октября, заставили советских лидеров всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы. При этом, конечно же, в Президиуме ЦК КПСС осознавали пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство (в целях расширения его социальной базы) деятелей из крестьянских партий 1945–1948 гг., можно было в крайнем случае даже разрешить венгерским властям признать справедливость многих требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, ухода их в оппозицию.

Записи заседания Президиума ЦК КПСС от 30 октября, на котором была принята Декларация Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами⁵⁰, свидетельствуют о том, что предпочтение в это время пока еще отдавалось мирному способу разрешения венгерского конфликта⁵¹. Как эти записи, так и другие источники (в частности мемуары Хрущева и членов делегации КПК), отражают роль китайских эмиссаров в Москве, а также выходившего с ними на связь Мао Цзэдуна в формировании советской политики в Венгрии. Эта проблема была рассмотрена в ряде работ как китайских, так и венгерских авторов⁵². Здесь следует лишь подчеркнуть, что позиция лидеров КПК не была неизменной. Вначале венгерский опыт давал им дополнительные аргументы в критике советской внешней политики, своим вмешательством во внутренние дела других стран, своими шовинистическими проявлениями вызвавшей закономерное недовольство населения в странах Восточной Европы. Эти аргументы в определенной мере учитывались советской стороной при выработке Декларации 30 октября. В то же время китайские эмиссары не торопились с конкретными оценками и прогнозами относительно ситуации в Венгрии и остерегались поспешных выводов, предпочитая наблюдать за развитием событий. Со временем представители КПК пришли к выводу о коренном отличии ситуации в этой стране от того, что происходило в Польше. Суть польских событий заключалась, по их мнению, в протесте против великодержавного шовинизма советской политики и основы социализма под угрозой не ставились, в Венгрии же наметился резкий поворот вправо, нашли проявление выраженные антисоциалистические тенденции, что

было для руководства КПК совершенно неприемлемым и вызвало его серьезную озабоченность⁵³. 31 октября, в день заседания Президиума ЦК КПСС, на котором было принято принципиальное решение о крупномасштабной силовой акции в целях устранения правительства Имре Надя⁵⁴, были продолжены контакты Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС с Лю Шаоци и Дэн Сяопином. Китайские эмиссары информировали советских лидеров о новом заседании Политбюро ЦК КПК, указавшем на опасность «капиталистической реставрации» в Венгрии; идеи вывода советских войск из Венгрии были признаны несвоевременными, хотя еще накануне с китайской стороны поднимался вопрос о необходимости консультаций между странами Организации Варшавского договора относительно пребывания в них советских войск, не исключалась и перспектива вывода советских воинских контингентов из этих стран. Непоследовательность линии КПК в отношении венгерских событий отразила противоречие между естественным стремлением второй коммунистической державы мира использовать трудности, переживаемые Советским Союзом в восточноевропейской сфере своего влияния, в целях усиления китайских позиций в мировом коммунистическом движении, и, с другой стороны, опасениями фронтального отступления социализма в непрекращавшемся противоборстве двух систем.

Советская военная акция в Венгрии 4 ноября была всецело поддержана китайским руководством в публичных заявлениях, хотя в своих выступлениях перед партийным активом лидеры КПК были весьма критичны в отношении Хрущева и его команды: истоки венгерских (как и польских) событий выискивались ими как в стремлении КПСС диктовать другим партиям свою волю, так и в ошибочных методах критики Сталина. Кроме того, советское руководство обвинялось в непоследовательности: неоправданный силовой диктат в отношении Польши сменился столь же неоправданной готовностью вывести войска из Венгрии вопреки остро проявившейся угрозе судьбам социализма в этой стране. Критика советской политики и в том числе методов преодоления сталинского наследия (хотя и довольно завуалированная) нашла выражение и в программных выступлениях КПК, призванных обобщить уроки венгерского кризиса⁵⁵. Хотя в этих выступлениях неизменно присутствовал тезис о роли СССР как ведущей силы в лагере стран, строящих социализм, другой их неотъемлемой чертой стало требование равноправия в отношениях братских партий. В Пекине были позитивно восприняты компромиссные со стороны СССР (особенно в экономической сфере) результаты советско-польских переговоров, состоявшихся в середине ноября в Москве⁵⁶. Ситуация, сложившаяся в советско-польских отношениях, стала для Мао поводом, чтобы под-

вергнуть сомнению претензии КПСС на гегемонию в мировом коммунистическом движении. Такой подход не мешал китайскому лидеру с определенной настороженностью смотреть на Гомулку, оценивая его как правого уклониста и националиста, и принимать меры по ограничению влияния польского примера на положение в КПК⁵⁷.

Что же касается октябрьской миссии Лю Шаоци и Дэн Сяопина в Москву, то ее итоги были встречены китайской коммунистической элитой с особым удовлетворением. Не удивительно, ведь был осуществлен прорыв в деле проникновения Китая в Восточную Европу. В скором времени за первым шагом последовали другие – миссия Чжоу Эньлая в Москву, Варшаву и Будапешт в январе 1957 г.; попытки КПК сыграть роль посредника в деле нормализации советско-югославских межпартийных отношений, осложнившихся вследствие венгерского кризиса; инициатива проведения совещания компартий, реализованная в конце концов в ноябре 1957 г. в Москве. Китайское присутствие отныне на три десятилетия становится перманентным внешнеполитическим фактором в Восточной Европе.

Примечания

¹ См., например: *Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság // 1956-os Intézet. Évkönyv 1996/1997. Budapest* (далее – Бр.), 1996; *Shen Zsihua. Mao and the 1956 Soviet military intervention in Hungary // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc countries: reactions and repercussions. Ed. by Rainer J. M., Somlai K. Bp., 2007; Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956 // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării 1956. Coord. Cătănuș D., Buga V. București, 2006; Vámos P. A magyar forradalom szerepe a Kínai Kommunista Párt politikájában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országaiban. 1956-os Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007. Szerk. Rainer M. J., Somlai K. Bp., 2007; Evolúció és revolúció. Magyarország és a nemzetközi politika 1956-ban. Szerk. Békés Cs. Bp., 2007 (автор главы – П. Ваомп). См. также сборник документов о венгеро-китайских отношениях: *Magyar-kínai kapcsolatok 1956–1959. Dokumentumok. Gyűjt., vál. és a jegyzeteket írta Szobolevski S. Bp., 2001.**

² *Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956, p. 341.*

³ См.: *Wu Lengxi. Reminiscences of Chairman Mao: Episodes of Important Historical Events I Personally Experienced. Beijing, 1995.*

⁴ См.: *Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.*

⁵ См.: *Werblan, Andrzej. Chiny a Polski Październik 1956 // Dzis. N. 10, 2006. p. 123–124.*

⁶ Одна из таких попыток была предпринята в сентябре 2006 г. китайским историком Шен Жихуа в докладе на международной конференции в Будапеште, посвященной 50-летию венгерских событий 1956 г. См., в частности: Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956.

⁷ Из документов, впрочем, известно, что глава делегации КПК на XX съезде КПСС член Политбюро ЦК КПК маршал Чжу Дэ был еще до 25 февраля ознакомлен с содержанием предстоящего доклада с просьбой о нераспространении. См.: Прокуменщиков М. Ю. «Секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Отв. редактор К. Аймермахер, отв. составитель В. Ю. Афиани. М., 2002. С. 36.

⁸ Об историческом опыте диктатуры пролетариата. Правда. 1956. 7 апреля. Статья была также распечатана в виде брошюры тиражом 200 тыс. экземпляров и распространялась в системе партполитпросвещения.

⁹ Телеграмма посла СССР в Венгрии Ю. В. Андропова о беседе с первым секретарем Центрального Руководства ВЛПТ Э. Гере. 12 октября 1956 г. // Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М., 1998. С. 303.

¹⁰ Там же.

¹¹ Из разных стран в Москву приходили донесения о том, что китайский лозунг «пусть расцветают все цветы» трактовался в духе попустительства к различного рода экспериментам. См., например, справку посольства СССР в ГДР о настроениях творческой интеллигенции Восточной Германии (1957 г.). Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 123. Л. 179.

¹² Как заметил не без сарказма в этой связи посол Югославии в СССР В. Мичунович: китайская политика более мудра, «так как она в традиционной китайской манере намекает, что было бы лучше, если бы нынешние советские руководители работали иначе и лучше, чем Сталин, а не осуждали его, мертвого, в секретных докладах и продолжали вместе с тем делать то же, что и Сталин» (Micunović Velko. Moskovske godiné 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 55. Подробнее см.: Чуканов М. Ю. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» в контексте своего времени // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999).

¹³ Советский Союз венгерский кризис 1956 г. Документы. С. 302.

¹⁴ Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956, p. 343.

¹⁵ См.: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. Запись бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов Политбюро ЦК ПОРП, состоявшихся в Варшаве 19 октября, опубликована: Беседы под сводами Бельведера (Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 г.). Публикация А. М. Орехова // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 460–509.

¹⁶ Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956, p. 344.

¹⁷ Им было передано китайской стороне и письмо соответствующего содержания, текстом которого мы не располагаем. По некоторым данным, Юдин был принят в этот же день и самим Мао Цзэдуном (Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság. 189 о.).

¹⁸ Вопросы, связанные с созывом совещания, которое первоначально планировалось на 23-е, а затем было перенесено на 24 октября, обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС 20 и 21 октября. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Гл. редактор А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 174–175.

¹⁹ См.: Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁰ Ibid.

²¹ Документ нам не известен.

²² О ситуации в Польше в те дни, реальных масштабах угрозы применения Советским Союзом военной силы см.: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Глава 4. Часть советских войск, находившихся в Польше, были действительно выведены 18 октября из района дислокации, принимались также меры по усилению боеготовности ряда соединений западных военных округов СССР, а также Балтийского флота. Но продвижение танковой колонны на Варшаву было приостановлено 19 октября.

²³ См.: Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁴ См.: Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956.

²⁵ Ibid., p. 346.

²⁶ Ibid.; Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁷ См.: Беседы под сводами Бельведера...

²⁸ Там же. С. 480. Из разных источников известно, что в дни VIII съезда КПК польская делегация информировала китайских лидеров о положении в своей стране. При этом она не скрывала имевшихся планов по активному приобщению влиятельного в широких кругах Гомулки к политической жизни вплоть до включения его в высшее руководство ПОРП в интересах расширения общественной поддержки власти. Затрагивала она и проблему целесообразности вывода (на основе договоренности с СССР) из польских силовых структур советских советников, чье присутствие вело к оживлению антисоветских настроений. См.: Magyar-kinai kapcsolatok. 1956–1959. Dokumentumok. Вр., 2001. 11. о.

²⁹ См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС 20–21 октября: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С. 173–176.

³⁰ Из записи 20 октября: «Выход один – покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть» (Там же. С. 173).

³¹ Там же. С. 175.

¹⁶ Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956, p. 344.

¹⁷ Им было передано китайской стороне и письмо соответствующего содержания, текстом которого мы не располагаем. По некоторым данным, Юдин был принят в этот же день и самим Мао Цзэдуном (Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság. 189 о.).

¹⁸ Вопросы, связанные с созывом совещания, которое первоначально планировалось на 23-е, а затем было перенесено на 24 октября, обсуждались на заседаниях Президиума ЦК КПСС 20 и 21 октября. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Гл. редактор А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 174–175.

¹⁹ См.: Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁰ Ibid.

²¹ Документ нам не известен.

²² О ситуации в Польше в те дни, реальных масштабах угрозы применения Советским Союзом военной силы см.: Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Глава 4. Часть советских войск, находившихся в Польше, были действительно выведены 18 октября из района дислокации, принимались также меры по усилению боеспособности ряда соединений западных военных округов СССР, а также Балтийского флота. Но продвижение танковой колонны на Варшаву было приостановлено 19 октября.

²³ См.: Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁴ См.: Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956.

²⁵ Ibid., p. 346.

²⁶ Ibid.; Csen Csien. Peking és az 1956-os magyar válság.

²⁷ См.: Беседы под сводами Бельведера...

²⁸ Там же. С. 480. Из разных источников известно, что в дни VIII съезда КПК польская делегация информировала китайских лидеров о положении в своей стране. При этом она не скрывала имевшихся планов по активному приобщению влиятельного в широких кругах Гомулки к политической жизни вплоть до включения его в высшее руководство ПОРП в интересах расширения общественной поддержки власти. Затрагивала она и проблему целесообразности вывода (на основе договоренности с СССР) из польских силовых структур советских советников, чье присутствие вело к оживлению антисоветских настроений. См.: Magyar-kinai kapcsolatok. 1956–1959. Dokumentumok. Вр., 2001. 11. о.

²⁹ См. записи заседаний Президиума ЦК КПСС 20–21 октября: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С. 173–176.

³⁰ Из записи 20 октября: «Выход один – покончить с тем, что есть в Польше. Если Рокоссовский будет оставлен, тогда по времени потерпеть» (Там же. С. 173).

³¹ Там же. С. 175.

⁴⁸ Ibid. Контакты Мао с польским посольством нашли отражение также в работе: *Gluchowski L. The Soviet-Polish Confrontation of October 1956: The Situation in the Polish Internal Security Corps. Cold War International History Project Working Paper N. 17. Washington, 1997.*

⁴⁹ Подробнее см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.*

⁵⁰ См.: *Правда. 1956. 31 октября.*

⁵¹ Записи см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 457–462; Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 187–191. См. в этой же связи нашу дискуссионную статью: *Стыкалин А. С. Несколько штрихов к портрету Имре Надя // Вопросы истории. 2008. N. 2.*

⁵² См., например: *Csen Csien. Op. cit. // 1956-os Intézet. Évkönyv 1996/1997. Budapest (далее – Бп.), 1996; Shen Zsihua. Mao and the 1956 Soviet military intervention in Hungary // The 1956 Hungarian Revolution and the Soviet Bloc countries: reactions and repercussions. Ed. by Rainer J. M., Somlai K. Бп., 2007; Shen Zsihua. China's Role and Influence in the Revolts in Poland and Hungary in 1956 // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării 1956. Coord. Cătănuș D., Buga V. București, 2006; Vámos P. A magyar forradalom szerepe a Kínai Kommunista Part politikájában // Az 1956-os forradalom visszhangja a Szovjet tömb országaiban. 1956-os Intézet. Évkönyv XIV. 2006–2007. Szerk. Rainer M. J., Somlai K. Бп., 2007; Evolúció és revolúció. Magyarország és a nemzetközi politika 1956-ban. Szerk. Békés Cs. Бп., 2007 (автор главы – П. Вамош).*

⁵³ На заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября была заслушана информация посла СССР в Китае П. Ф. Юдина, свидетельствовавшая о крайней обеспокоенности руководства КПК: «Какова ситуация? Уходит ли Венгрия из нашего лагеря? Кто Надя? Можно ли ему верить?» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 461).

⁵⁴ См. запись: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 479–481. Анализ мотивов советского руководства при принятии решения см.: *Стыкалин А. С. Прерванная революция. Глава 3.*

⁵⁵ См.: Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата (статья в газете «Женьминь жибао»). *Правда. 1956. 30 декабря.*

⁵⁶ Подробнее о переговорах см.: *Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели». Глава 5.*

⁵⁷ Это нашло отражение в выступлениях Мао перед внутрипартийной аудиторией. См., например: *Magyar-kínai kapcsolatok, 1956–1959. Dokumentumok. Бп., 2001. 144 о. О позиции руководства КПК в отношении Гомулки и «польского Октября» 1956 г. см. также: Стыкалин А. С. За кулисами юбилейных торжеств (московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и участие в них польской делегации) // Славянский альманах. 2008. Отв. редактор М. А. Робинсон. М., 2009 (в печати).*

1976 год – начало формирования организованной оппозиции в Польше

Благодаря достигнутым результатам экономического развития в начале «декады семидесятых» (в первой половине 70-х гг. сохранялись устойчивые темпы роста промышленного производства), улучшению материального положения граждан, а также ослаблению многих идеологических запретов отмечался небывалый в послевоенной Польше рост жизненного уровня. Команде Э. Герека, пришедшей к власти после событий на Побережье в декабре 1970 г., удалось достичь значительной политической стабилизации. Пятилетие 1971–1975 гг. можно назвать наименее конфликтным периодом в истории ПНР. Монополия власти этой команды не ставилась под сомнение ни одной политической силой, а в самой партии не велась фракционная борьба.

В рамках проводимых реформ предполагалось обеспечить более широкое участие граждан в политической жизни. Э. Герек обещал как регулярные консультации с представителями общественности в отношении политических решений, так и усиление влияния госаппарата. Это нашло выражение, в частности, в признании большей роли премьера П. Ярошевича, которого представляли как равноправного партнера ПОРП в процессе принятия решений. В 1975 г. была проведена радикальная реформа административного деления Польши, в результате которой количество воеводств, наиболее крупных административных единиц, возросло с 17 до 49, что представлялось как пример заботы государства о потребностях населения на местах. Однако дополнительные полномочия правительства дали возможность переложить на него ответственность за непопулярные решения, а увеличение количества административных единиц в стране, в свою очередь, привело к централизации политической жизни в Варшаве. Возможно, это было продуманным действием Герека, с тем, чтобы местные лидеры ПОРП не могли бы получить такую сильную власть и влияние, какую имел он как секретарь промышленного региона Силезия.

Однако уже с 1974 г. в польской экономике проявились первые признаки инфляции, обозначился неконтролируемый процесс роста цен, усилились спекуляция, коррупция, взяточничество. Цикл неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши, совпал с мировым топливно-энергетическим кризисом, и к концу 1975 г. задолженность капиталистическим

странам возросла почти до 8,5 млрд долларов. Высшие эшелоны партийной и государственной власти осознавали эти негативные явления, но фактически мирились с ними. Руководители ПОРП ориентировали идеологический аппарат партии на пропаганду успехов. Противоречие между декларируемыми победами в строительстве социализма в Польше и негативной практикой становилось все более очевидным.

Результаты выборов в Сейм и воеводские народные советы 21 марта 1976 г. руководство партии восприняло как одобрение обществом своей политики, что стало одной из предпосылок принятия, как вскоре оказалось, опрометчивого и недальновидного решения о повышении в июне 1976 г. цен. Оно ставило целью создать условия для рентабельности производства основных видов продовольствия. Под нажимом премьера П. Ярошевича был избран вариант одноразового значительного повышения цен, намеченного на 26 июня.

В четверг 24 июня 1976 г. на пленарном заседании Сейма премьер Ярошевич объявил о проекте повышения цен. Тем самым пытались создать видимость проведения общественной дискуссии.

Казалось, что вспышки общественного протеста не должно быть: команда Герека в этот период продолжала пользоваться относительно большой поддержкой общества. Однако протест все же начался, ибо повышение цен было задумано без достаточно глубокого анализа общественных настроений, хотя попытки провести его предпринимались. Так, в информации от 21 мая 1976 г. директор III Департамента Министерства внутренних дел ПНР генерал А. Кшиштопорский, в частности, отмечал «доминирующий характер негативных комментариев и высказываний в отношении экономической ситуации в стране и предполагаемого повышения цен... неудовлетворенность в широких общественных кругах, критическую оценку политики властей и ...сомнения в полной реализации принципов социально-экономического развития страны»¹. Напротив, консультации сначала на 173 предприятиях, а 8 и 9 июня – в ЦК ПОРП, с первыми секретарями воеводских комитетов производили скорее успокаивающее впечатление. По их мнению, «трудящиеся и актив в целом примирились с мыслью о неизбежности повышения цен» (лишь бы стало лучше снабжение продуктами), говорилось, что общественная поддержка, которой пользуется первый секретарь, позволит смягчить реакцию на повышение цен, указывалось, что «на местах» верят, что «Герек не позволит причинить рабочим вред»². Примечательно, что власти отслеживали настроения в обществе, интересуясь мнением первых секретарей, а не данными социологических опросов. М. Раковский писал, что, к сожалению, только в июле 1976 г. обратились к социологическим исследованиям, которые продемонст-

рировали согласие на повышение цен 59,6% анкетированных. Для принятия властями решения важными были и ответы на вопросы, касавшиеся масштабов повышения: 39,5% полагали, что следует поднять цены не более, чем на 35%, только 2,3% опрошенных были склонны согласиться с большим повышением³.

Польское руководство однако предусматривало возможность общественных протестов. Так, во всех воеводствах, что было обычной практикой в таких ситуациях, создали местные штабы. В Радоме такой штаб был создан 12 июня по приказу министра внутренних дел в связи с учениями «Лето-76», возглавил его полковник Т. Щигель⁴.

Польский историк А. Фришке отмечает, что общество восприняло повышение цен как попытку отнять достигнутое в экономическом отношении после 1970 г. Для многих групп населения повышение означало снижение уровня жизни ниже социального минимума⁵. Неожиданным явилось не само повышение, а его высокий уровень. Социально уязвимая часть населения, например, неквалифицированные рабочие, считали несправедливым не только повышение, но и формы его компенсации. 80% анкетированных назвали большие компенсации тем, кто больше зарабатывал, — явной социальной несправедливостью⁶.

Представляет интерес и анализ причин волнений, сделанный в «Заявлении Европейской Конфедерации профсоюзов по поводу ситуации в Польше» от 5 ноября 1976 г. В нем справедливо отмечались экономические причины, но также и другие, вызванные общественным недовольством «всевластием партийного аппарата и способом осуществления власти». В период, непосредственно предшествовавший «операции цен», негативные настроения значительно усилились. Волну протестов, особенно со стороны интеллектуалов и католического костела, вызвали поправки к Конституции, законодательно закреплявшие руководящую роль ПОРП. Еще раньше были объединены все молодежные организации «для улучшения партийного контроля над ними». Наконец, два неурожайных года и увеличивавшаяся миграция сельского населения в города, вызвав «почти постоянную нехватку на рынке продовольственных товаров», ухудшили политическую ситуацию⁷.

25 июня 1976 г., т. е. накануне планировавшегося повышения, на многих предприятиях страны было неспокойно, в десяти воеводствах отмечались забастовки и митинги. Забастовщики завода им. Вальтера в Радоме направились к зданию воеводского комитета ПОРП, требуя отмены решения правительства. Контроль над ходом демонстрации был упущен, начались опасные эксцессы, перешедшие затем в ожесточенное столкновение с подразделениями

милиции, возведение баррикад, поджоги общественных зданий. Столь же серьезный оборот приняло развитие забастовки на заводе «Урсус» под Варшавой, третьим городом, в котором дошло до рабочих протестов за пределами предприятий, был Плоцк⁸.

Вот как эти события были отражены в «Информации о результатах работы партийно-правительственной комиссии по делам Радома, созданной 28 июня 1976 г.»: «...25.06 т. г. имели место перерывы в работе (около 25 промышленных предприятий), а также дошло до ...выхода работников предприятий на улицу... События в Радоме, начавшись в 10.00–10.30 25.06, развивались чрезвычайно быстро, достигнув пика в 13.00–20.00. Общая численность толпы и отдельных хулиганских групп на территории города оценивается приблизительно 10–20 тыс., а затем вновь 10 тыс. человек. После 23.00 ситуация в городе была взята под контроль... Около 14.50 толпа пьяных хулиганов устроила пожар в здании ВК ПОРП...». Далее отмечались основные черты событий в городе: «возведение баррикад в многочисленных пунктах города, затруднявших коммуникацию, в т. ч. подразделений гражданской милиции, пожарных машин..., а также значительная агрессивность толпы в отношении гражданской милиции, пожарников»⁹.

По версии ПОРП, протест представлялся как беспорядки, вызванные «пьяными хулиганами». Это должно было уменьшить политическое значение события. Ведь власти прекрасно понимали, что, как метко сформулировал английский писатель и публицист Джордж Оруэлл, «кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое». Однако с возникновением в 1980 г. «Солидарности» власти вынуждены были модифицировать свою версию событий и признать, что причины протеста были обоснованы, а участниками действительно были рабочие, но с оговоркой, что демонстрация вышла из-под контроля, и ею овладели маргиналы. Значит, под общественным давлением власти были вынуждены частично видоизменить свою версию. После заседаний «круглого стола» в 1989 г. бывшие руководители ПОРП, вынужденные корректировать свою прежнюю позицию, старались перенести ответственность за репрессии 1976 г. с партии на другие институты.

Несмотря на монополию ПОРП в средствах массовой информации польская диссидентская интеллигенция смогла в 1976–1980 гг. сформировать свою, оппозиционную партийной версии радомского протеста. Это было в значительной мере заслугой Комитета защиты рабочих (КОР), о чем подробно речь пойдет ниже, а также польского католического костела. В публикациях КОР впервые было использовано определение «протест» и «забастовка». Эта вер-

сия основывалась на подавлении протеста и необходимости помощи семьям репрессированным. При этом деятельность КОР по оказанию такой помощи ставилась в центр внимания, что усиливало роль интеллигенции в зарождавшемся оппозиционном движении. После 1989 г. единая версия событий политической оппозиции времен ПНР распалась. Радомская «Солидарность» уменьшала роль интеллигенции, одновременно подчеркивая значение костела. Последний же официально осудил жестокость властей во время подавления протеста, но вместе с тем призывал к общественному спокойствию. Следует отметить однако, что как версия ПОРП, так и оппозиционная старались уменьшить роль акции участников протеста¹⁰.

Почему именно в Радоме имели место столь сильные протестные акции? Радом, расположенный в 100 км на юг от Варшавы, в центре главным образом сельскохозяйственного региона, раскинувшегося от столицы до Кракова, был со многих точек зрения типичным польским городом средней величины, традиционно одним из беднейших уголков страны и вместе с тем бастионом национального и культурного патриотизма, а также сильного католицизма. Радом, получивший статус административного центра новосозданного воеводства, с энергичным первым секретарем, происходившим из Варшавы, опытным шефом милиции и с многочисленной рабочей средой, представлялся последним местом, в котором власти могли ожидать проблем. Однако жители города имели много поводов для недовольства. Ведь в течение трех десятилетий Радом находился на последних местах почти всех социальных статистик. Спустя 25 лет после тех событий первый секретарь воеводского комитета ПОРП Я. Прокопяк так описывал свое первое впечатление от Радома: «Город был запущен, поврежденные стены домов, неряшливые дворики, обстроенные старыми каморками, ухабистые улицы, раскопанные тротуары»¹¹.

По официальным данным МВД, 25 июня в Радоме было задержано 634 чел., в Урсусе – 172 и в Плоцке – 55¹². Если исследователи более или менее едины в том, что в Радоме было задержано около 600 чел, то разногласия вызывает количество людей, которые принимали участие в акции протеста, а это важно для оценки масштабов сопротивления политике ПОРП. Непосредственно после событий контролируемая партией пресса не давала никаких данных о численности участников. В большинстве источников число собравшихся перед зданием комитета ПОРП в Радоме оценивается в 5-8 тыс., но существуют серьезные различия в подсчете общего числа участвовавших в протестных акциях в разных городах. В рапорте, подготовленном для радомской ПОРП в 1982 г., представлявшем что-то вроде окончательной партийной версии событий, общее число участников протеста оценивается в 15 тыс. че-

ловек¹³. «Уволено с работы, — читаем в Отчете о работе Комиссии ЦК ПОРП, — в Радоме 939 чел, а в Урсусе 180. В отношении 162 чел (главным образом из Радома) от этого решения вскоре отказались». «До организации забастовок и митингов дошло» в 10 воеводствах из 49¹⁴. Другие данные приводит А. Фришке, который также ссылается на информацию ЦК ПОРП: забастовки состоялись на 97 предприятиях в 24 воеводствах и в них приняло участие свыше 55 000 чел.¹⁵

Эти события показали, что поляки извлекли уроки из недавнего прошлого (борьба рабочих зимой 1970–1971 гг. закончилась их полной победой) и похожим образом отреагировали на идентичные действия со стороны правительства. С середины 70-х годов появилась новая модель поведения рабочих в отношениях с властью, в частности в вопросах, касавшихся благосостояния. Каждый шаг государственных властей, приводивший к значительному снижению уровня жизни, встречался массовым взрывом, спонтанными забастовками по всей стране¹⁶.

Очевидно, что отказ вечером того же дня от введения планировавшегося повышения цен позволил избежать дальнейшей эскалации конфликта. В 20 часов 25 июня премьер выступил по радио и телевидению с коротким обращением, в котором заявил: «Подготовленный Правительством проект мы представили Сейму и всему обществу как предложение, а не как окончательное решение. Решение мы ставили в зависимость от хода и результатов дискуссии, от позиции, которую займут трудящиеся. В ходе сегодняшнего дня на большинстве предприятий по всей стране проходили консультации». Естественно, что П. Ярошевич ни словом не упомянул о забастовках и тем более об уличных столкновениях. При этом он подчеркнул, что среди «значительной части» участников этих консультаций «мотивы и намерения правительственного проекта нашли понимание. Вместе с тем достаточно широко выявились сомнения в отношении величины предлагаемых изменений цен..., а также принципов компенсации». Так как было сделано много «конкретных предложений, заслуживающих рассмотрения», Совет Министров «постановил сохранить прежние розничные цены на продовольственные товары»¹⁷.

Ю. Тейхма, член Политбюро ЦК ПОРП, вице-премьер, записал в своем дневнике под датой 10 июля: «Премьер имел неповторимый шанс. 25 июня в 20.15 он мог положительно занять свое место в истории. Достаточно было... подать в отставку... Это был бы первый в истории социализма уход премьера по собственной воле как выражение подчинения общественному мнению. Уход премьера... создал бы также возможность более глубокой оценки причин июньских событий...»¹⁸. Премьер пришел с такой отставкой к Гереку рано ут-

ром 26 июня, но она была частично отклонена, размыта в различных комбинациях, наконец решительно отложена.

Герек лично включился в интерпретацию радомских событий, потребовал политической поддержки. 26 июня утром была организована телеконференция Герека с первыми секретарями воеводских комитетов, в ходе которой Герек определил официальную линию партии в этом вопросе, заявив о необходимости организовать во всех воеводствах массовые митинги поддержки первого секретаря ЦК и проводимой его командой политики, а также осуждения методов действия малочисленной группы хулиганов: «мне это необходимо как солнце, как вода, как воздух»¹⁹. И такие митинги были проведены. В Лодзи собралось 80 тыс., в Ольштыне – 35 тыс. Наиболее масштабное мероприятие было организовано в Катовицах, административном центре Силезии и политического тыла Герека, которое собрало 200 тыс. чел. Первый секретарь ВК ПОРП в Радоме Я. Прокопак на заседании Секретариата ВК ПОРП отмечал, что митинг в Радоме, состоявшийся 30 июня, «выполнил свою цель, осудив безответственные группы, начавшие демонстрацию и разрушение, а также тех, кто своей пассивной позицией это допустили»²⁰. Такая широкая мобилизация сил имела целью частично показать, что государство по-прежнему сохраняет контроль над основной частью общества, а вся демонстрация представляла явное предостережение для тех, кто осмелился бы вновь нарушить статус кво. Пять лет спустя один из партийных либералов М. Раковский, исполнявший тогда функции вице-премьера, размышляя об июньских событиях, метко подметил, что проведенная пропагандистская кампания в то время повсюду считалась «нелогичной и неубедительной, т. к. официальные средства массовой информации упорно твердили, что все поддерживали повышение цен, в связи с чем было трудно понять, почему оно было отменено»²¹.

В июле представители независимых и оппозиционных кругов, главным образом лица, принимавшие участие в протестах против изменений в Конституции ПНР, начали выступать в защиту репрессированных участников рабочих протестов. 18 июля Яцек Куронь передал корреспонденту итальянского информационного агентства открытое письмо, адресованное генеральному секретарю Итальянской коммунистической партии Э. Берлингуэру. Куронь призывал Берлингуэра, используя свой авторитет, выступить в защиту польских рабочих, требуя их полной амнистии. Автор письма задавал риторический вопрос, как можно наказывать работников Урсуса и Радома, в ситуации, когда не привлечены к ответственности виновники бойни на Побережье в декабре 1970 г. Реагируя на письма, руководство ИКП обратилось к руководству ПОРП с призывом к умеренности и сдержанности²².

20 июля по инициативе епископа Домбровского состоялась его встреча с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП С. Каней «по вопросу рабочих, репрессированных за выступление против повышения цен». Епископ заявил, что католическая иерархия из чувства ответственности за спокойствие в стране воздержалась от каких-либо официальных деклараций, чтобы не подливать масла в огонь. «Мы всегда готовы успокаивать общество, – убеждал Каню Епископ Домбровский. – Но политика репрессий и возмездия может привести к такой ситуации, что разгоряченное и обиженное общество уже не будет в состоянии услышать никакой разумный голос». По его мнению, взбудораженные массы успокоит «не репрессия, а амнистия»²³.

Таким образом, католический костел официально сохранил значительную дистанцию по отношению к протесту, однако неофициально поддержал реформаторское движение и гарантировал помощь жертвам репрессий. Так, ксёндз Котлаж, критиковавший власти, в проповеди в своем сельском костеле в Радомском воеводстве говорил открыто, что протест был обоснованным, что он был чем-то большим, чем «обычным бунтом из-за цен на колбасу», связывал его с протестами на Побережье в 1970 г. Епископ А. Токарчук, высказываясь в защиту радомского протеста, назвал действия протестующих «героическими»²⁴.

В целом партийное руководство сочло, что «во время этих волнений епископы и духовенство вели себя достойно». С целью стабилизировать обстановку после уличных выступлений премьер утвердил давно ожидавшие предложения церкви на строительство 30 костелов. Партийные власти, хотя по-прежнему и остававшиеся идеологически враждебными католическому костелу, старались использовать его для нахождения общественного консенсуса.

Ежемесячник «Культура», (издававшийся в Париже – одном из важнейших центров польской политической эмиграции), оценивая по горячим следам значение июньских событий, подчеркивал, что власти были вынуждены немедленно отказаться от повышения: «Летом 76 г. одновременно прозвучали экономические и морально-политические вопросы. Лето – 76 было как бы соединением требований Познани и Побережья с требованиями польского Октября и Марта – 68. Это было новое политическое качество, свидетельствовавшее о зрелости польского рабочего... Впервые в коммунистическом тоталитарном лагере трудящиеся массы оказывают решающее давление на правительство, которое должно – вопреки собственным интересам – действовать в соответствии с желанием масс»²⁵. Такая интерпретация была созвучна даже с мнениями в высших партийных кругах. М. Раковский писал 27 июня 1976 г. в своих политических дневниках, что «рабочий класс показал, кто действительно является руководящей силой... Это означает, что рабочими достаточно

решительно были установлены границы самоволия, которое правящие круги могли бы себе безнаказанно позволить»²⁶.

Июньский протест разделяет декаду 70-х годов на две части. Так, до июня 1976 г. властям удавалось мобилизовать людей на участие в модернизации страны, повышение производительности труда, используя более высокие зарплаты, потребительские стремления граждан, развивая патерналистские функции государства. После июня надежды на быстрое улучшение жизни, а с ними и общественный энтузиазм стремительно исчезли, что привело к снижению мобилизационного потенциала системы, который уже никогда не был восстановлен.

Возникновение в сентябре 1976 г. «Комитета защиты рабочих» (КОР), созданного оппозиционно настроенной интеллигенцией и выражавшего интересы репрессированных рабочих, – еще одно, чрезвычайно важное последствие июня. Он положил начало организованному оппозиционному движению. 23 сентября 1976 г. 14 человек выступили с «Воззванием к обществу и властям ПНР», в котором информировали о создании Комитета защиты рабочих. Подписавшиеся требовали «амнистии для приговоренных и арестованных и возвращения всем репрессированным работы», а также призывали общество «поддержать эти требования»²⁷. В одном из обращений КОР, в частности отмечалось: «Опыт декабря 1970 г. и июня 1976 г. показал, что в результате общественного давления возможно склонить власти к уступкам. Однако результаты этих действий оказались кратковременными. Власти очень быстро отнимали у разобщенного общества то, чего ему удавалось добиться. Противостоять этому может только постоянное, совместное и организованное давление»²⁸.

Среди членов Комитета были известные деятели польской культуры и науки, например, писатель Е. Анджеевский, ветераны Сопротивления и социалистического движения, а также бывшие члены ПОРП, исключенные в разные годы из партии «за приверженность социал-демократическим и ревизионистским взглядам». В создании КОР и в качестве инициаторов общественных протестов и оппозиционных движений большую роль играли активисты клубов еще 1950-х гг. Вначале КОР объединял немногочисленную группу интеллигенции (14 человек в 1976 г., 33 человека в 1980 г.), но за короткое время вокруг него сплотились десятки людей, которые, не являясь членами КОР, оказывали ему всяческую помощь в работе.

В оформлении единой оппозиции на рубеже 1975–1976 гг. важную роль сыграла организованная диссидентами кампания протеста против проекта поправок к новой конституции, включавшей статьи о руководящей роль ПОРП

и дружбе с СССР. Решение о подписании ПНР в 1975 г. Хельсинкского «Заключительного акта», гарантировавшего права человека (представлялось, что откроется возможность легального давления на тоталитарный режим с целью его демократизации), а также усиливавшаяся зависимость государства от западных кредитов создали благоприятную почву для открытых протестов против конституционных изменений. Участники этого движения направляли в высшие государственные органы письма протеста, что противоречило утверждению идеологов ПОРП об упрочении морально-политического единства нации. Общее во всех письмах – требования широкой демократизации. Это свидетельствовало о существовании довольно значительных сегментов общества, настроенных оппозиционно. Хотя эти действия не достигли успеха, но объединили широкий спектр лиц, разочарованных невыполнением властями своих обещаний. Предложения, сформулированные в письмах и петициях граждан, оценивались впоследствии Комитетом защиты рабочих как независимая общественная деятельность с целью обеспечения «свободы совести, слова, объединений, прессы, а также ответственности государственных властей перед обществом»²⁹.

«Комитет защиты рабочих» стал реальным воплощением общественного движения. В воззвании к обществу 23 сентября 1976 г. заявлялось, в частности, что «применение в отношении рабочих репрессий является нарушением основных прав человека... права на труд, забастовки, право свободно выражать собственные убеждения, права участия в собраниях и забастовках». «Мы, – отмечалось в другом документе КОРа, – представляли группу людей разных политических и мировоззренческих убеждений. Нас объединило убеждение, что наилучшим способом поставить преграду бесправию можно лишь солидарными действиями общества, созданием независимых общественных институтов, которые, выражая волю отдельных групп, успешно защитят гражданские права»³⁰.

КОР признал важным активизировать общество. Осенью 1976 г. члены КОР призвали Сейм сформировать специальную следственную комиссию, которая исследовала бы обстоятельства применения силы против участников июньских протестов, и обратились за поддержкой к общественности. В результате в течение нескольких недель в адрес Сейма приходили письма, под которыми подписались тысячи людей. Кроме того, с осени 1976 г. до весны 1977 г. в Генеральную Прокуратуру поступило свыше ста индивидуальных жалоб на жестокость методов следствия гражданской милиции и службы безопасности. В документах МВД ПНР отмечалось: «...Представители «КОР» установили контакт приблизительно с 280 лицами на территории Радома, интересовались

ходом июньских событий, выспрашивали, применяли ли органы милиции физическую силу или другие недозволенные методы в отношении задержанных. Они агитировали писать и помогали в редактировании жалоб в центральные органы власти, а также представляли для подписи коллективные жалобы. Одним из результатов этой деятельности была, в частности, жалоба от 30.11.1976 г., направленная Генеральному прокурору ПНР, подписанная 65-ю лицами из Радома – об использовании в отношении них сотрудниками ГМ (гражданской милиции) физического насилия. «Полученные таким путем «жалобы» и «заявления» группа т. н. КОР распространяла в стране и передавала за границу. В частности, в изданной на Западе книге «Движение сопротивления» (издатель «Литературный институт» в Париже) была помещена 21 индивидуальная жалоба участников июньских событий на территории Радома и Урсуса...»³¹. КОР стремился к максимальной открытости дел репрессированных участников июньских протестов. Он боролся также за гласность в радомских и варшавских процессах (в столице судили работников Урсуса).

Волна индивидуальных и коллективных протестов вынудила власти к большей сдержанности в вынесении приговоров. Отказ от репрессий диктовался также ухудшением экономического положения страны; власти, рассчитывая на кредиты Запада, не могли себе позволить слишком жесткую расправу с оппозиционерами. 24 сентября 1976 г. Первый секретарь ЦК ПОРП в письме Председателю Госсовета Г. Яблоньскому отмечал: «Я провел много бесед и прочитал немало писем от арестованных и их семей. Все обстоятельства, с которыми я познакомился, склоняют меня к мнению, что мы должны в отношении этих людей проявить великодушие». В начале февраля – по предложению Герека – Госсовет «рекомендовал Комиссии по помилованию, Прокуратуре и органам правосудия подготовить предложения об освобождении от наказания или его сокращении или условной отмене, а также прекращении отбывания наказания тем осужденным в связи с событиями 25 июня, которые проявили раскаяние и дают надежду, что не встанут вновь на путь преступления»³². Среди акций, направленных на освобождение участников «июньских событий», без сомнения наиболее широким эхом отозвалась голодовка протеста в варшавском костеле св. Марчина, начатая 25 мая. Выразителем требований протестующих стал главный редактор ежемесячника «Вензь» Тадеуш Мазовецкий. Этой относительно мало распространенной прежде формой протеста в последующие годы пользовались многократно, но – по мнению Я. Липского – никогда «во время последующих голодовок не удавалось получить в духовном отношении так много»³³, т. е. подчеркивалось эмоциональное воздействие этой акции. 19 июля 1977 г. Госсовет издал декрет об амнистии, по

которому в последующие дни были освобождены лица, осужденные за участие в демонстрациях в Радоме и Урсусе, а также выступавшие в их защиту деятели КОР. Несомненно, это было успехом оппозиционных и независимых кругов, хотя власти официально связывали амнистию не с общественными протестами, а с очередной годовщиной создания Народной Польши.

Активная деятельность КОР вызвала достаточно широкий общественный резонанс и заставила власти объявить амнистию осужденным в связи с акциями рабочего протеста. Хотя вместе с июльской амнистией КОР выполнил свою миссию, его основатели не намеревались прекращать эту деятельность. Большинство из них были убеждены, что такого рода действия в интересах общества следует продолжать. Поэтому 29 сентября 1977 г. по инициативе КОР создается новая организация с более широкой программой – Комитет общественной самообороны «КОР» (КОС–КОР), ставившая целью «содействовать людям всех слоев и кругов, лишенным прав и защиты». Сохранение в названии «КОР» должно было свидетельствовать о том, что новая организация продолжает дело заслуженного Комитета. Практически он стал координатором оппозиционной деятельности в стране.

Успеху предпринимаемых действий во многом способствовала чрезвычайно активная издательская деятельность КОС–КОР, популяризовавшая идеи движения, утверждавшая ценности гражданского общества. На деньги, полученные из различных фондов на Западе, было организовано «Независимое издательское учреждение» (НОВА), которое вскоре заняло доминирующие позиции на «рынке» нелегальной литературы. С 1977 г. КОС–КОР издавал бюллетень «Роботник», тираж которого достигал 60 тысяч экземпляров. В 1978 г. стала выходить газета «Рабочий Побережья» и бюллетень «Профсоюзное движение». Руководил издательством НОВА активный член КОР М. Хоецкий, ему тайно и явно помогали многие видные польские интеллектуалы. Власти неоднократно конфисковывали типографское оборудование, запасы бумаги и готовую печатную продукцию. Но Хоецкому, благодаря широкой помощи зарубежных и отечественных спонсоров, удавалось быстро налаживать издание очередных публикаций.

Впоследствии сами участники этой издательской деятельности отмечали важность того, что они действовали легально. Была построена такая модель НОВА, что одна группа людей была легальной, к ним могли обращаться потенциальные авторы; вторая группа – многочисленные безымянные сотрудники, а также распространители. Эта легальность была важным плюсом для людей, писавших в «Информационный бюллетень» или «Роботник» под псевдонимами, которые, работая одновременно журналистами в официальных орга-

нах печати, чувствовали себя как бы оппозиционерами. К тому же эта издательская деятельность объединяла людей, поощряла их к активности³⁴.

На первых порах КОР больше ориентировался на вузовскую аудиторию, его идеи здесь находили живой отклик. Осенью 1977 г. в Варшаве был создан «летучий университет», своеобразный политический лекторий. Процесс углубления политической дифференциации среди научной и художественной интеллигенции выразился также в создании в январе 1978 г. Товарищества научных курсов (ТНК), в которое, вопреки названию, входили также писатели и артисты. Занятия проводились, как правило, на квартирах оппозиционеров и сочувствовавших им деятелей науки и культуры. С лекциями на полулегальных курсах выступали прежде всего сами члены КОР: профессиональные оппозиционеры Я. Куронь и А. Михник, сотрудники Польской академии наук экономист Э. Липиньский и историк Б. Геремек. Привлекались к лекционной пропаганде и другие диссидентски настроенные интеллектуалы, как, например, Т. Мазовецкий, филолог-русист А. Дравич, философ А. Амстердамский. ТНК действовало около трех лет, во многом способствуя созданию атмосферы большей интеллектуальной свободы в научной среде в целом и особенно в Варшавском университете, Польском социологическом обществе, Историческом и Экономическом обществах. «В ТНК мы научили студентов, что можно «поднять голову из окопа», – говорил впоследствии А. Амстердамский. Но влияние ТНК не ограничивалось только академической средой: тысячи поляков посещали лекции ТНК, проводимые в костелах Варшавы, Лодзи, Кракова, Щецина и Вроцлава. К тому же, в связи с частым появлением на лекциях боевых групп службы безопасности, иногда ограничивались профессорскими коллоквиумами без студентов, которые записывались и потом публиковались. Заслугой А. Керстена было создание НОВА-2, издававшей работы ТНК.

Что касается политики власти в отношении ТНК, то она осуществлялась двумя способами: давлением силой и стремлением создать позитивную альтернативу. С этой целью было решено при Польской академии наук организовать публичные лекции на «полуцензурные» темы. Решение принималось на уровне руководства Отдела науки ЦК ПОРП, о чем свидетельствует письмо С. Чайки от июля 1978 г.: «Эта деятельность может быть достаточно конкурентной для нелегальных инициатив, предпринимаемых в рамках л/етучих/у/ниверситетов/ и ТНК». Следовательно, это было попыткой привлечь на свою сторону как можно больше молодежи, организовав свободную дискуссию, но под контролем аппарата³⁵.

Следует подчеркнуть значение разных аспектов независимой издательской, просветительской и научной деятельности – и организационное, и литературное, и политическое.

К 70-м годам ведущая роль в разработке стратегии борьбы за демократизацию и независимость Польши закрепилась за редакцией парижского журнала «Культура», с которой поддерживали контакты все другие группировки эмиграции, а также оппозиционеры из самой Польши. Журнал отличался тем, что на первый план ставил не проблемы эмиграции, а политические процессы в Польше, пытаясь оказывать (и небезуспешно) влияние на формирование общественно-политических настроений в стране.

Общественные конфликты в ПНР в 1968 и 1970 гг. воскресили в кругах эмиграции надежды найти в стране социальную базу для организованного антиправительственного движения. Однако по вопросам его политического оформления в эмигрантской печати велись длительные и ожесточенные споры. Только в 1974 г. редакция «Культуры» с помощью своих коллег из западных центров идеологической борьбы, прежде всего польской редакции радио «Свободная Европа» попыталась определить характер и стратегию оппозиционного движения, найти общую платформу для представителей различных слоев польского общества. Это движение должно было быть направлено против тоталитарного режима и за независимость Польши – так сформулировал цели политической оппозиции журнал «Культура» в редакционной статье в 1974 г.

Первым шагом по реализации намеченной линии явилось опубликование редакцией «Культуры» программы некоего Польского независимого соглашения (ПНС), подпольной организации якобы созданной летом 1976 г. в ПНР и провозгласившей себя противником ПОРП и социализма в Польше. Существует мнение, что такой организации никогда не было, а публикация ее программы – это скорее тактический прием редакции «Культуры». Можно предположить, что за ПНС скрывалось рабочее соглашение лидеров польской политической эмиграции со специалистами из западных идеологических центров, возможно, и при участии отдельных диссидентов из Польши. Целью этого соглашения могло быть создание оппозиционной организации и выработка общей идейно-политической платформы на случай, если в Польше возникнут и другие оппозиционные структуры³⁶.

По сути дела, так оно и случилось. В том же 1976 г., как уже отмечалось выше, возник Комитет защиты рабочих (КОР), в 1977 г. – Движение защиты прав человека и гражданина. Позже заявили о себе другие подпольные организации, в их программах было заметным влияние документов ПНС.

Центральным пунктом программы ПНС выдвигалась задача «достижения Польшей независимости от Советского Союза». Программа являлась как бы перекидным мостиком от политических установок Запада к политической

платформе оппозиции в самой Польше. Наиболее близкое идейное родство с авторами программы ПНС обнаружили оппозиционеры радикального националистического направления во главе с Л. Мочульским. Созданная ими в 1979 г. Конфедерация независимой Польши (КНП) в своих программных установках повторила основные постулаты ПНС. Основным программным документом стала работа ее лидера «Революция без революции», в которой ПОРП и органы государственной власти в ПНР объявлялись антинациональными, и провозглашался курс на их свержение, причем в выборе средств Л. Мочульский не останавливался и перед самыми крайними. Отвергая программу эволюции, выдвигавшуюся другими оппозиционными группами, КНП подчеркивала свое стремление к полному разрушению социалистического строя в Польше.

Идеология КОС–КОР представляется значительно гибче программных установок КНП, богаче оттенками. Ее гносеологические корни без труда можно отыскать в концепциях, изложенных парижской «Культурой» в первой половине 70-х годов. В теоретическом обосновании коровского движения были задействованы более солидные, чем у конфедератов, творческие силы как в самой Польше, так и за ее границами. Сопоставление высказываний теоретиков КОР Л. Колаковского, Я. Липского, Э. Липиньского, Я. Куроня, А. Михника выявляет многочисленные противоречия в важнейших идейно-политических вопросах. В них можно обнаружить влияние буржуазно-либеральных идей, социал-демократических, анархо-синдикалистских концепций и догматов католицизма. Признавая невозможность изменения политического строя в ближайшем будущем, идеологи КОР стремились найти те сферы общественной жизни, где желаемые перемены достижимы в обозримом будущем. «Просвещение» людей и работа по самоорганизации общества являлись именно такими сферами. Программа действий в этих областях была определена А. Михником как «новый эволюционизм» и основывалась на полном отрицании социализма, но не посредством открытой политической борьбы, а путем создания «снизу» широких анклавов независимости, борьбы за реформы, за максимальное расширение прав человека. По сути подобная концепция представлена и в работах Я. Куроня, выдвигавшего идею «самоограничивающейся революции». Наиболее полно теоретические основы КОР были изложены в его работах: «Мысли о программе действий» (1976 г.), «Замечания о программе демократического движения» и «Идейные принципы» (1977 г.). Его утверждение, что рабочие должны не «сжигать» партийные комитеты, а создавать собственные, не было продиктовано лишь тактическими соображениями, а проявлением опасения, что может случиться, если бес-

порядки в Польше превратятся в перманентную революцию. По его мнению, задачей интеллигенции было смягчить угрозу общественной анархии, которая могла привести к колоссальному общественному взрыву³⁷.

В отличие от КНП, претендовавшей на представительство всех слоев польского общества, а на практике опиравшейся на узкие круги националистически настроенной клерикальной интеллигенции и мелкой буржуазии, КОР пытался создать блок оппозиционной интеллигенции с рабочим классом и здесь концентрировал свои организаторские и пропагандистские усилия.

Главная ставка была сделана на оппозиционное профсоюзное движение. Коровские теоретики, заняв в 1980 г. посты экспертов и советников «Солидарности», использовали их для того, чтобы свои идеи внедрять в документы и практическую деятельность оппозиционного профобъединения. После того, как идея самоорганизации масс стала реальностью в лице независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность» и других оппозиционных группировок, КОР перенес акцент на пропаганду идей политического и экономического плюрализма.

В отличие от КНП, в идеологии которой доминировали ностальгия по довоенной Польше и крайняя враждебность к восточному соседу, КОР на первое место в своих программных заявлениях ставил борьбу против «неподдающегося реформам» социалистического строя, а отношения с СССР намеревался радикально реформировать. Лидеры КОР не скрывали, что такая последовательность политических задач имела не концептуальные основы, а была обусловлена геополитическими предпосылками.

Две соперничавшие между собой оппозиционные организации – КОР и КНП – на рубеже 70–80-х годов практически не только не мешали, но и помогали друг другу. Целью КОР являлось создание легальных и, по возможности, массовых структур в виде независимых профсоюзов, различных объединений и организаций, противопоставление их официальным органам власти, размывание, поэтапная дестабилизация социализма. А КНП со своей довольно экстремистской по тем временам программой отвлекала внимание польских властей от других оппозиционных группировок, выглядевших на ее фоне более умеренными³⁸.

Примечательно, что впоследствии, на конференции деятелей различных кругов польской оппозиции 70–80-х гг., состоявшейся в Варшаве в 2002 г., многие выступавшие высказывали мнение, что идеологические споры того времени не играли особенно важной роли, т. к. их объединял общий антитоталитарный, антикоммунистический настрой. Прежде всего стоял вопрос: что делать, каким способом действовать. З. Найдер (ПНС) считал, что были важны

три дискуссии того времени: первая касалась отдаленной цели – достижение независимости, которую некоторые считали несколько провокационной; вторая велась между сторонниками легальных действий и конспираторами; третья, связанная с предыдущими: должны ли все действовать конспиративно или все легально. Но были и такие деятели, например Я. Литыньский (КОР), которые выражали уверенность в существовании с самого начала глубоких доктринальных споров. Подтверждением своей позиции они считали возникновение в постсоциалистической Польше различных политических партий, таких как Христианско-национальное объединение, Демократический союз, Консервативная партия³⁹.

Как уже отмечалось, главная ставка была сделана на оппозиционное профсоюзное движение. Новый этап деятельности КОР начался с создания в 1978 г. первых групп т. н. свободных профсоюзов. Это уже была практическая реализация выработанной концепции борьбы. Благоприятные условия возникли из-за пассивности и бюрократизма официальных профсоюзов, аппарат которых во многих случаях утратил связи с трудовыми коллективами, превратился в придаток административно-командной системы управления. Для рабочих очень важна была легальность их деятельности, показывавшая, что они защищают свои интересы в рамках закона. Это оказалось чрезвычайно удачной идеей, поскольку рабочих социальные вопросы волновали больше, чем политические. В Гданьском регионе и Силезии новые профгруппы повели под руководством КОР интенсивную организаторскую и пропагандистскую работу. Распространение прессы, в основном газеты «Роботник», было основной формой деятельности. Осенью 1977 г. на Гданьскую судоверфь доставлялось по крайней мере несколько сот экземпляров газеты ежемесячно, в 1979 г. – в среднем 1000–1500 экз. Следовательно, несколько тысяч рабочих в течение двух лет имели доступ к независимой прессе. Будущие деятели «Солидарности» – в основном люди, прошедшие школу «Роботника». Таких людей было немного, но достаточно для того, чтобы возглавить забастовку на этом предприятии. Наиважнейшей была информация о том, что происходило на предприятии и в стране, что никого нельзя было арестовать без огласки⁴⁰.

КОР энергично использовал брожения в студенческой среде в связи с трагической смертью краковского студента С. Пыяса, ответственность за которую западными средствами информации была возложена на польскую службу безопасности. В ходе антиправительственной кампании под эгидой КОР создавались студенческие комитеты солидарности, прообраз будущих студенческих оппозиционных структур.

Отмечая значение КОРа, исследователь Р. Зузовский подчеркивал, что Комитет сыграл роль пионера в эволюционном преобразовании оппозиции из спонтанной и/или нелегальной в легальную и организованную. Эта перемена сама по себе значительно подняла статус польских оппозиционеров в общественной жизни страны, так как польское диссидентство трансформировалось из временного в постоянный элемент общества⁴¹.

Примечательно, что эта качественная перемена фиксировалась и органами власти. Так, в рапорте руководителя краковской службы безопасности в 1978 г. утверждалось, что пока еще центры оппозиции не так сильны, но в своих кругах завоевали авторитет: например, Социалистический союз польских студентов в Кракове ни интеллектуально, ни организационно не в состоянии противостоять краковскому Студенческому комитету солидарности. Далее в документе подчеркивалось, что если раньше напряженная ситуация в ПНР вызывалась спонтанными общественными взрывами, то теперь относительно еще слабая оппозиция может использовать спонтанный протест и сделать его чрезвычайно опасным для системы Польши. Следует учесть, что это было написано за два года до выступления «Солидарности»⁴². Что касается тактики правоохранительных органов, то, как следовало из служебной записки Генеральной прокуратуры ПНР в ЦК ПОРП в октябре 1980 г., в последние 2–3 года они отказались «от практики судебных процессов против антисоциалистических элементов. Новая тактика включает в себя регулярные задержки и обыски лиц, подозреваемых в антисоциалистической деятельности... Систематически применялся превентивный арест руководителей подпольных групп (Курунь, Михник и др.)»⁴³. Но в целом режим Эдварда Герека был довольно толерантен к оппозиционным группам. Размышляя о причинах этого, М. Раковский пишет, что «именно в 70-е годы общество получило больше, чем ожидало. Поэтому деятельность “какого-то там” КОРа, состоявшего из немногим более десятка профессиональных оппозиционеров, не рассматривали слишком серьезно... значительно более важными, как нам казалось, являлись вопросы, связанные с модернизацией организации труда, системы управления и т. д.»⁴⁴.

Главным образом благодаря усилиям КОРа удалось нарушить монополию государства на информацию, устранить барьеры, разделявшие рабочих и интеллигенцию. Не случайно большинство руководителей августовских забастовок 1980 г., а также «Солидарности» сотрудничали ранее с КОРом. До середины 70-х гг. XX в. осью польского диссидентства была интеллигенция, стремившаяся оказывать непосредственное давление на власть. Власти вполне могли позволить себе игнорировать ее протесты, так как интеллигенция

составляла меньшинство и не представляла собой существенную политическую силу. Комитет же главным акцентом сделал давление на власть других общественных групп (ведь рабочий класс и крестьянство – наиболее многочисленные слои в польском обществе). Из этого вытекала потребность создания не подлежащей цензуре прессы, свободных профсоюзов, а также оппозиционных организаций в среде рабочих и крестьян. Ему также удалось преодолеть еще одно препятствие в общественном единении – между неверующими и католическим костелом.

Сознательное исключение из практики насилия во время острого политического кризиса – в значительной мере заслуга КОРа, который выступал за мирные средства решения общественных конфликтов, главным образом путем соглашений⁴⁵. Таким образом, КОР являлся наиболее влиятельной, хотя и не единственной силой польской оппозиционной общественно-политической жизни середины 70-х годов⁴⁶.

Итак, со второй половины 70-х годов ПНР вступает в новую фазу своей истории, фазу организованного и легального оппозиционного движения, которое являлось реакцией общества на кризисное развитие. Что касается властей, то нежелание или скорее невозможность в рамках системы скорректировать обнаружившуюся в полной мере неэффективность политики, отказаться от волюнтаристских методов в государственной и партийной жизни неизбежно вело к отрыву номенклатурной верхушки от общества. Тем самым был сделан роковой шаг навстречу глубокому экономическому и политическому кризису 80-х годов, самому тяжелому и продолжительному в истории Польши.

Примечания

¹ Czerwiec 1976 w materiałach archiwalnych. Instytut pamięci narodowej. Warszawa, 2001. dok. 4. s. 83.

² Ibidem. Dok. 6. s. 87–88.

³ Ibid. dok. 6. s. 59.

⁴ Ibid. dok. 7. S. 93.

⁵ Friszke A. Polska Gierka. Warszawa, 1995. S. 64, 36.

⁶ Zaremba M. Upalny Czerwiec 1976 // Więż. Warszawa, 2001. R. 44. N 6. S. 66.

⁷ Czerwiec 1976 w materiałach... dok. 50, S. 239–240.

⁸ Ibid. dok. 57. S. 265, 267, 269.

⁹ Ibid. dok. 28. S. 174–175.

¹⁰ См. подробнее: *Morgan D.* Konflikt pamięci. Narracje radomskiego czerwca 1976. Warszawa. 2004. S. 17, 76.

¹¹ *Prokopiak J.* Radomski Czerwiec 76. Wspomnienia partyjnego sekretarza. Warszawa–Radom. 2001. S. 25.

¹² Ibid. dok. 57. S. 255.

¹³ *Morgan D.* Konflikt pamięci. Narracje radomskiego czerwca 1976. Warszawa, 2004. S. 30, 33.

¹⁴ Sprawozdanie z prac Komisji KC PZPR, powołanej do wyjaśnienia przyczyn I przebiegu konfliktów społecznych w dziejach Polski Ludowej // *Nowe Drogi*. 1983, numer specjalny. S. 54.

¹⁵ *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn. 1994.

¹⁶ *Zuzowski R.* Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydemizmu I opozycji politycznej w Polsce. Wrocław etc. 1996. S. 30.

¹⁷ Trybuna Ludu. 26.06.1976.

¹⁸ Цит. по: Czerwiec w materiałach... S. 53.

¹⁹ Polityka. 12.05.1990.

²⁰ *Morgan D.* Konflikt pamięci... S. 64; Czerwiec 1976 w materiałach... dok. 20. S. 147.

²¹ *Rakowski M.* Rzeczpospolita na progu lat osiemdziesiątych. Warszawa. 1981. S. 146.

²² *Hemmerling Z., Nadolski M.* Opozycja demokratyczna w Polsce 1976–1980. Wybór dokumentów. Warszawa, 1994. dok. 3. S. 62–64.

²³ Po czerwcu –76: Pouczenie dla Gierka // dodatek do “Rzeczpospolitej” Plus Minus 29–30.06. 1996.

²⁴ *Morgan D.* Konflikt pamięci... S. 55–56.

²⁵ Цит. по: *Morgan D.* Konflikt pamięci... S. 55.

²⁶ *Rakowski M. F.* Dzienniki polityczne 1976–1978. Warszawa, 2002. S. 81.

²⁷ Dokumenty Komitetu Obrony Robotników I Komitetu Samoobrony Społecznej “KOR”. Warszawa–Londyn. 1994. S. 30.

²⁸ Ibidem. S. 296.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid. S. 30, 606.

³¹ Czerwiec w materiałach archiwalnych... dok. 57. S. 258.

³² Ibid. dok. 45. S. 233; Trybuna Ludu. 04.02.1977.

³³ Цит. по: Czerwiec w materiałach... S. 69.

³⁴ Co nam zostało z tych lat: Opozycja polityczna 1976–1980 z dziesięcioletniej perspektywy. Warszawa, 2003. S. 61, 72–73, 79, 83.

³⁵ Ibid. S. 110.

³⁶ Лойко Л. В. Политическое развитие Польши в 70–80-е гг. XX в. Минск, 2002. С. 57–58.

³⁷ Kuroń J. Myśli o programie działania na temat form i metod pracy opozycji // Opozycja demokratyczna w Polsce. 1976–1980. Wybór dokumentów. Red. Hemmerling Z., Nałkowski M. Warszawa. 1994. S. 136.

³⁸ Лойко Л. П. Политическое развитие... С. 75.

³⁹ No nam zostało... S. 175–176, 186, 209, 205, 202.

⁴⁰ Ibid. S. 129–130, 134–135, 140, 194.

⁴¹ Zuzowski R. Op. cit. S. 119.

⁴² No nam zostało... S. 164.

⁴³ Лойко Л. П. Указ. соч. С. 76.

⁴⁴ Цит. по: Бухарин Н. И. Интеллигенция и общественный кризис 80-х годов в Польше // Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. С. 109.

⁴⁵ Zuzowski R. S. 201, 199.

⁴⁶ Подробнее см.: Лыкошина Л. С. Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 14–21; Майорова О. Н. Треть века польских реформ (1956–1989): от попыток либерализации социализма до «шоковой терапии» // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. С. 223–230.

Э. Сальва-Сыздек (д-р гум. наук)

XX век – спорные вопросы. Трагический опыт и надежда на лучшее завтра*

XX век – это уже история. Однако его объективной оценки придется еще ждать долго. Он принес много знаменательных по своим последствиям событий, не поддающихся однозначной интерпретации. Напомним: на XX в. пришлось две мировые войны, две социалистические революции в таких огромных странах, как Россия и Китай, распад колониальной системы, создание после Второй мировой войны мировой системы социалистических государств, их развитие и падение, интеграция Западной Европы и научно-технический прогресс, открывающий перед человечеством новые перспективы. Именно в этом веке человек впервые полетел в космос и познал огромную силу атомной энергии.

Не без основания подчеркивается, что это был век идеологического господства, хотя вернее было бы написать, что это был век конфронтации двух противоположных идеологий – коммунистической и либеральной, конфронтации двух противоположных систем – социалистической и капиталистической. Этой конфронтации было отведено практически три четверти XX в., с небольшим перерывом на Вторую мировую войну. Она оказала принципиальное влияние на образ этого века, принесла опыт, который несомненно станет предметом исследования и уроком для поколений грядущих столетий. Однако для того, чтобы подобный анализ принес пользу, необходимо, чтобы схлынула волна антикоммунизма, идеологии, охватившей умы даже тех людей, которые еще недавно стояли на прокоммунистических позициях. Думается, это переходное явление, хотя в настоящее время оно усложняет истинное понимание не так давно ушедшего века.

Провокационным является вопрос о том, когда в действительности этот век начался и когда закончился? Речь идет о том, чтобы выбрать действительно переломные моменты, в которые что-то начиналось, а одновременно какой-то этап заканчивался. Представляется обоснованным отход от календарных дат, что дает возможность увидеть события, определяющие облик этого века. Его началом принято считать Первую мировую войну 1914 г.,

* Впервые статья «Spór o wiek XX. Tragizm doświadczeń i nadzieja lepszego jutra» была опубликована в: «Forum klubowe». W., 2007. № 3–4.

а концом – распад системы социалистических государств в 1990 году¹. Итак, этот век короче календарного, и хотя такой подход может вызывать дискуссии, он дает возможность сконцентрироваться на основополагающих для этого столетия событиях.

Особенно чреватым последствиями оказался 1914 г. – начало Первой мировой войны. Не останавливаясь подробно на ее причинах, следует отметить, что в результате этой войны, в которой понесли поражение центральные государства, главным образом Германия, наступил распад многонациональных империй: Австро-Венгрии, России и Турции, но также и Германии, которая до войны также была многонациональной империей. Распад этих государств и начало Октябрьской революции в России в 1917 г., а также революции в Германии позволили Польше, разделенной между тремя захватившими ее государствами, восстановить в 1918 г. независимость. Таким образом, изменился облик мира, что в тоже время не означало исчезновения противоречий между образованными независимыми государствами. Не удалось так провести границы государств, чтобы это не привело к новым вооруженным конфликтам.

Несомненно, крупнейшим событием XX в. следует считать Октябрьскую революцию 1917 года в России. Большевики, которые в результате этой революции пришли к власти, не допустили полного распада многонациональной царской империи. Создание на такой огромной части Евразии государства, которое в 1922 г. стало называться Союзом Советских Социалистических Республик, положило начало новому периоду в мировой истории. И неважно, дается позитивная, или негативная оценка этому событию, от этого оно не становится менее важным в истории XX века.

Несомненно, отношение к Октябрьской революции в России разделяет и будет разделять исследователей. Эта оценка вбирает в себя те события, которые произошли позднее, а именно гражданская война, создание большевиками системы диктатуры власти, которая в тридцатые годы превратиться в политический террор и в результате принесет непосредственно или косвенно смерть миллионам людей. Но Октябрьская революция самим фактом отрицания капиталистической системы и началом строительства новой альтернативной системы разбудила стремление к преобразованию мира в иной, лучший мир, особенно для бедных людей, пострадавших от капитализма. Тот факт, что в итоге это не удалось, не является аргументом, позволяющим перечеркнуть значение этого эксперимента.

Исследователи, стоящие на позициях либеральной идеологии, предпринимают усилия по приуменьшению значения Октябрьской революции, а также значения мощного коммунистического движения, порожденного этой революцией. Многие из них даже не готовы согласиться с утверждением, что

«основными конфликтными сторонами в этом веке были либеральный капитализм и коммунизм»². При этом используется подход, при котором заявляется, что социалистическая система изначально была глубоко тоталитарной, отрицавшей демократическую систему. Таким образом, суть спора между социализмом и капитализмом отходит на второй план, а тоталитаризм, вне зависимости от того, в какой предстает форме, представляется как самое большое зло XX в. Сравнение сталинского тоталитаризма с гитлеровским тоталитаризмом ведет к нивелированию различий, а именно это и нужно антикоммунистическим идеологам³.

В данной статье нет места на глубокий анализ ошибок, совершенных при строительстве социалистического строя, которые допустили большевики, главным образом Ленин и Сталин. Этим вопросам уже посвящено достаточно внимания в публикациях, написанных как с левых, так и с правых позиций. В данном случае важно подчеркнуть значение того, что в XX в. было положено начало мышлению о радикальном изменении мира, предложены пути, ведущие к его исправлению. Как показало время, эти пути оказались неверными, они принесли на смену одному рабству другое, которое еще сложнее было принять.

Однако нельзя не заметить, что Россия благодаря революции, ценой огромных жертв прошла через процесс модернизации. Через такую же модернизацию прошли страны Южной и Восточной Европы, зависимые после Второй мировой войны от Советского Союза. Возможно, что такая модернизация могла бы произойти и без революции, но мы этого не можем доказать. Наверняка ее цена не должна была быть столь высокой, какой была.

В связи с этим стоит все-таки отметить, что «революционный подъем», который продолжался от Французской революции, через Октябрьскую, революционные события в Китае и в других меньших странах, в середине XX в. остановился и, в конечном счете, спал. Ничто не указывает на то, что он вновь возобновиться, однако в истории ничего нельзя исключить.

Трагическим опытом для людей, живших в XX в., стал фашизм и его немецкое проявление – гитлеровский нацизм. Вначале казалось, что действенной преградой ему будет служить коммунизм и Советский Союз. Свидетельством тому были предпринимаемые в тридцатых годах всеми левыми силами акции, осуждавшие расизм и указывающие на опасность фашизма. Однако когда Сталин подписал в 1939 г. соглашение с Гитлером, коммунистическое движение пережило горькое разочарование, которое частично рассеялось лишь тогда, когда на следующем этапе Второй мировой войны Советский Союз превратился в одну из решающих сил, борющихся с гитлеровским Третьим рейхом. Это привело к росту авторитета Советского Союза на меж-

дународной арене. Фашизм и связанное с ним уничтожение евреев, послевоенная расправа с этой идеологией либеральными и прогрессивными силами, запрет на ее распространение привел к серьезному ограничению этой, все еще возвращающейся болезни, как оказалось сложной в искоренении из жизни разных обществ.

XX в., это, как уже говорилось, история двух мировых войн, которые в общей сложности заняли целых или всего 10 лет. Они возникли на почве противоречия интересов главных капиталистических государств. Однако ответственность за эти войны была возложена на Германию, стремившуюся за счет других решить собственные проблемы. Она хотела завоевать новые территории, а одновременно, если говорить о Второй мировой войне, стремилась навязать свою систему покоренным народам с целью их эксплуатации.

Обе мировые войны унесли жизни миллионов людей, привели к уничтожению в невообразимом масштабе достижений материальной и духовной культуры, повлияли на то, что лозунг «нет войне» стал общим для всех. Опыт военных лет изучается и будет оставаться предметом постоянного исследования.

Одним из последствий этих двух войн и дальнейшей гонки вооружений, пришедшей им на смену, стало развитие научно-технической мысли, служащей также и общему развитию цивилизации.

После Второй мировой войны наступил окончательный распад колониальной системы. Начало ему было положено после Первой мировой войны, его предпосылки сформировались также в период Октябрьской революции. Большое значение для процесса деколонизации и укрепления независимых постколониальных стран имели резолюции, принимаемые на многочисленных международных конференциях. Основное направление борьбы с колониализмом было определено на генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций, организации, которая также была создана в результате Второй мировой войны.

Деколонизация – это результат длительного процесса, принесшего желанные результаты лишь после Второй мировой войны. Это не означало, что тем самым были решены сложные проблемы постколониальных государств.

В результате всеобщей угрозы со стороны гитлеровской Германии во время Второй мировой войны был достигнут союз между государствами с различным государственным и социальным строем. Они смогли отбросить в сторону разделявшие их противоречия и объединиться ради победы над общим врагом. Речь идет об Антигитлеровской коалиции, во главе которой встали Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз. Благодаря этому союзу удалось в 1945 г. победить гитлеровскую Германию и решить ряд важ-

ных назревших проблем. Однако этот союз не мог быть прочным, поскольку вновь вскрылись противоречия между странами, принадлежащими к разным социально-политическим системам. Очень быстро на смену «горячей войне» пришла «холодная война», длившаяся около полувека. Сам факт обладания ядерным оружием как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом, предвиденье последствий применения этого оружия массового уничтожения, привел к состоянию равновесия, вынуждал к миру, хоть и не исключал многосторонней невооруженной конфронтации. Она продолжалась вплоть до распада системы социалистических государств.

Возникший после 1947 г. раскол мира породил напряжение и опасения, что невооруженная конфронтация в любой момент может перерасти в военную с непредвиденными последствиями. В конечном счете, до этого не дошло, поскольку одна из сторон, т. е. Советский Союз, проиграл холодную войну. Его планы об освобождении мира от капиталистического зла не удалась, а извлеченное на божий свет иное, социалистическое зло не вызывало желания предпринять новые попытки по радикальному изменению мира.

В шестидесятых и семидесятых годах XX в. западный мир пережил период ускоренного экономического, научно-технического развития. В наиболее развитых странах шел процесс решения в невиданном до этого масштабе социальных проблем.

Большую роль в этом процессе сыграли социал-демократические партии, которые использовали существующие условия для доказательства того, что капиталистическая система может быть реформирована мирным путем, без революции. Однако это было возможно в условиях продолжавшейся конфронтации с государствами с социалистическим строем. Когда период противостояния закончился, ослабло также стремление к улучшению условий жизни рабочих людей.

Соединенные Штаты и государства Западной Европы предназначили огромные средства на вооружение. Богатые страны могли добиться в этой области значительных успехов, не делая этого за счет ухудшения уровня жизни своих граждан.

В странах социалистического лагеря в шестидесятых и семидесятых годах наступил определенный рост уровня жизни населения, шел также процесс смягчения авторитарной системы. На это оказали влияние исторические решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 г., которые подорвали вредный культ личности Сталина, значительно ограничив репрессивную систему. Снижение состояния напряженности в международных отношениях положило начало мирной политике сосуществования государств с разным социально-политическим устройством, дало надежды на будущее.

Также важные перемены произошли в странах, зависимых после Второй мировой войны от Советского Союза. Однако сохранявшаяся система однопартийной диктатуры и централизованного управления экономикой, отрицание рыночных законов не оправдывали себя, были маломотивированными. Тем не менее, в этих странах продолжалась дальнейшая модернизация, масштаб которой был возможен только в условиях существовавшей системы. Отрицание этого факта указывает на отсутствие объективности и вписывается в рамки антикоммунистического крестового похода правых сил.

Действительно, система, называемая «реальным социализмом», полностью не удовлетворяла новые поколения. Существовавшие противоречия между обещаниями и возможностями их реализации приводили к росту недовольства, которое находило выражение в периодических волнениях, умиряемых властью. Однако нельзя было с помощью силы продолжать сохранять систему, неподдающуюся, как оказалось, реформированию. И она рухнула, в том числе под оказываемым разного рода давлением со стороны западных государств.

Тот факт, что переход от одной системы к другой произошел без кровопролития, говорит о том, что элиты, находившиеся у власти в странах социалистического лагеря, были способны пойти на компромисс, осознали, что социалистическая система исчерпала возможности развития. Лишь Китай после сложных внутренних преобразований предпринял попытку радикальной реформы экономической системы при сохранении ведущей и решающей роли коммунистической партии. Эти перемены, главным образом, произошли в девяностых годах XX в., но их последствия проявятся уже в XXI в. В этом же веке станут видны последствия проведенной социальной трансформации в странах социалистического лагеря. Сейчас еще рано давать даже предварительные оценки, хотя такие попытки предпринимаются. Несложно заметить, что на смену одним противоречиям пришли другие. Но также возникли надежды на создание нового облика уже не расколотого мира.

В заключение предпринятой попытки бегло взглянуть на XX в. стоит привести замечания Кшиштофа Помяна, сделанные им в конце книги «Обличья двадцатого века. Историко-политические очерки», касающиеся возможности предвидения будущего. Он советует «помнить, что история не развивается ни по одному известному нам плану, не реализует понятного нам проекта или программы, не заканчивается тем, что кажется нам прекрасным, и тем, что отвечает нашим идеалам. В определенные периоды она предсказуема, но все наши прогнозы останутся в определенной степени правдоподобными гипотезами. В истории нет места для дорожных указателей».

Перевод с польского языка *М. А. Крисань*

Примечания

¹ Эта концепция была сформулирована в книге: *Hobsbawm E. Wiek skrajności*. Warszawa, 1999. В Лондоне эта книга вышла в 1994 году.

² Кшиштоф Помян в полемике с Э. Хобсбаумом в книге «*Oblicza dwudziestego wieku. Szkice polityczno-historyczne*». Lublin, 2002 / Обличья двадцатого века. Историко-политические очерки. Люблин, 2002/ отвергает это утверждение. Он также отрицает значение Октябрьской революции и модернизации СССР, которая наступила в результате нее.

³ Историк идей Анджей Валицкий в своей книге «*Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii*» (Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии) подчеркивает: «Использование термина тоталитаризм без прилагательного (например, «коммунистический тоталитаризм» или «нацистский»), является, по моему мнению, крайне рискованным, возможно это лишь в тех случаях, когда речь идет об общих чертах тоталитарных режимов по сравнению с либерально-демократическими системами. С социальной и экономической точки зрения разницы между СССР и нацистской Германией были значительные. Тенденция к приуменьшению этих различий, в наибольшей степени проявившаяся в антикоммунистических крестовых походах крайних правых, представляется мне крайне глупой и вредной».

Н. И. Бухарин

Российско-польские отношения в новом XXI веке

Первые восемь лет в новом XXI в. в российско-польских отношениях были как временем надежд, так и разочарований. Российско-польские политические отношения продолжало лихорадить. Польша в 1999 г. стала членом НАТО, а с 1 апреля 2004 г. – членом Европейского союза (ЕС), т. е. она добилась своих внешнеполитических целей – обеспечила национальную безопасность и создала условия дальнейшего цивилизационного развития. Многим как российским, так и польским экспертам казалось, что теперь, наконец, исчезли препятствия для хороших, добрососедских связей между Россией и Польшей. Однако дальнейшее развитие отношений показало, что возникли новые противоречия интересов и расхождения.

С начала нового века прошло относительно немного времени, но в истории российско-польских отношений начала XXI в. уже можно выделить три периода.

Первый период – 2001–2004 гг. Это были годы, когда Россия и Польша искренне стремились к перелому во взаимных отношениях и к новому партнерству. Улучшение взаимных политических отношений произошло после прихода к власти в Польше осенью 2001 г. левоцентристских сил. Важную роль в этом направлении сыграл официальный визит президента РФ В. В. Путина в Польшу в январе 2002 г. Это способствовало тому, что в 2002–2004 гг. двусторонние политические отношения развивались в конструктивном русле. Постоянным был политический диалог на уровне глав государств, правительств, обеих палат парламента. В 2001–2005 гг. между президентом России В. Путиным и президентом Польши А. Квасьневским состоялось 10 встреч. Были созданы и начали функционировать новые институты поддержания взаимных отношений – Комитет по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества, Совет бизнеса России и Польши, Форум российской и польской общественности. Такого рода институты в своей международной практике Россия имеет только с Польшей.

После резкого уменьшения российско-польского товарооборота из-за финансового кризиса в России в 1998–1999 гг. в 2000 г. его рост возобновился. Прежде всего быстрыми темпами рос, из-за резкого увеличения на мировом рынке цен на нефть, газ и лес, российский экспорт. В итоге это привело к росту

дисбаланса во взаимной торговле в пользу России. В 2001–2004 гг. взаимный товарооборот увеличился с 5,4 млрд. долл. до 7,2 млрд. долл.

Второй период в российско-польских политических отношениях начала XXI в. – это 2005–2007 гг., когда произошло новое охлаждение в отношениях. Начало этого охлаждения было вызвано активной и открытой поддержкой А. Квасьневским В. Ющенко поздней осенью 2004 г. на президентских выборах в Украине (в то время как фаворитом России был В. Янукович).

Пришедшее к власти осенью 2005 г. правительство национал-консервативной партии «Закон и справедливость» (лидер Я. Качиньский) в отношении России демонстрировало в основном бескомпромиссную позицию. РФ стала трактоваться, как основная угроза национальной безопасности Польши в военной, геополитической, экономической и особенно энергетической сферах.

В политических отношениях вновь стали нарастать несовпадения во взглядах и противоречия в интересах. В 2004–2008 гг. на постсоветском пространстве Польша проводила политику противодействия российским геополитическим интересам: поддерживала прозападные политические силы в Украине, Белоруссии, Молдавии и Грузии, выступала за вступление Украины и Грузии в НАТО, вела переговоры с Украиной, Грузией, Азербайджаном и Казахстаном о строительстве нефте- и газопроводов, которые бы обходили территорию РФ. Фактически РП стала претендовать на роль лидера стран Восточной Европы – Украины, Грузии и стран Балтии, их защитника от якобы «империалистических поползновений» РФ.

Осенью 2004 г. Россия в свою очередь (вместе с Германией) без согласования с Польшей приняла решение о строительстве в обход польской территории газопровода через Балтийское море. В ноябре 2005 г. РФ ввела временное эмбарго на ввоз из Польши в Россию сырого мяса и некоторых видов растительной продукции.

Членство Польши в Евросоюзе с 1 мая 2004 г. не могло не внести при этом определенные изменения в механизм российско-польских политических отношений. Они стали развиваться как на двусторонней основе, так и по линии Россия–ЕС. Теперь Польша строит свою российскую политику в рамках ЕС, под его «зонтиком». Это изменение механизма создает для Польши больше возможностей для маневра в контактах с Россией. Всегда можно пожаловаться в Брюссель, что Россия в отместку пытается наказать Польшу за проведение политики, которая не нравится РФ. В результате для России осложнение отношений с Польшей может обернуться ухудшением отношений с Евросоюзом. По важнейшим вопросам взаимных экономических связей Россия теперь договаривается с властями ЕС при участии Польши.

Однако основные политические последствия вступления Польши в ЕС состоят для России в том, что в разработке и проведении восточной политики Евросоюза, в том числе его политики в отношении РФ, возрастет роль и активность РП. Неслучайно в России и до и после вступления РП в ЕС опасались и опасаются, что часть польских политических сил может внести в политику антироссийские фобии, обусловленные прошлым, что в свою очередь может негативно повлиять на отношения между РФ и ЕС. Опыт последних 15 лет свидетельствует, что исторические обиды выходят на передний план тогда, когда в сфере политики происходит серьезное столкновение взаимных интересов. К тому же нынешний польский политический класс возложил на себя миссионерскую роль по распространению демократии в постсоветских странах, которая поддерживается Западом. Такая роль Польши также порождает конфликты. Необходимо добавить и другое. Подход польской элиты к путинской России, как к недемократическому государству стал основанием для дистанцирования Польши от России, отгораживания от нее. С одной стороны, РП дистанцируется от РФ и не склонна развивать с ней политические отношения, а с другой – весьма равнодушна к российской внешней политике. Польские руководители и политики с большим удовольствием критикуют эту политику, разоблачают ее, в общем, создают в Европе большой шум вокруг современной России.

В 2005–2008 гг. РП, действуя в рамках ЕС активно выступала за проведение Евросоюзом единой политики в отношении России, в том числе и единой энергетической политики. В результате эти идеи получают все большую поддержку среди европейских политиков. Польша также распространяет в Евросоюзе миф о непредсказуемости России в поставках энергоносителей в страны ЕС. При этом в качестве аргумента, в частности, используются газовые и нефтяные конфликты России с Украиной и Беларусью.

Вместе с тем, российские политики считают и не раз заявляли, что Польша может быть проводником общих российско-польских интересов в евроструктурах.

Вне всякого сомнения, членство Польши в ЕС оказывает влияние на развитие российско-польской торговли. С включением Польши в общую торговую политику ЕС для нее стали обязательными все правовые предписания Союза в области торговых инструментов, а также торговые соглашения, заключенные Евросоюзом с не входящими в него государствами.

После вступления Польши в ЕС пострадала лишь часть российских экспортеров неминерального сырья (на нефть и газ сохранилась нулевая таможенная ставка), прежде всего те, кто вынужден был адаптировать свою про-

дукцию к европейским техническим стандартам. По польским подсчетам, после 1 мая 2004 г. 83,6% таможенных пошлин на российские товары не изменились, 11,4% – снизились (были сняты все действовавшие национальные ограничительные меры по доступу российских товаров) и лишь 4,9% – увеличились¹.

2004–2008 гг. свидетельствует, что условия доступа российской продукции на польский рынок после вступления РП в ЕС практически не ухудшились. Что касается польского экспорта в Россию, то он по-прежнему зависит от уровня конкурентоспособности экспортируемых товаров и от условий доступа на рынок, определяемых Россией.

В связи с членством Польши в ЕС российская сторона ужесточила требования к качеству продовольственных и сельскохозяйственных товаров, импортируемых из РП. На повестку дня встал вопрос защиты российского рынка от некачественной или контрафактной продукции, поставляемой в Россию из/или через Польшу.

Летом 2005 г. были выявлены факты нарушения российских ветеринарных и фитосанитарных требований при польских поставках продукции. Россельхознадзор пришел к выводу, что через Польшу поступает продукция из третьих стран, для которой российский рынок закрыт из-за нарушений ветеринарных требований. Польская сторона не отреагировала на эти сигналы. Поэтому с 10 ноября 2005 г. Россельхознадзор ввел временные ограничения на ввоз из Польши мяса, мясных субпродуктов, сырых мясных полуфабрикатов, а с 14 ноября – растениеводческой продукции, включая цветы, фрукты, овощи, картофель и зерновые.

Это было связано с участвовавшими случаями нарушения польскими экспортёрами российских ветеринарных и фитосанитарных норм, в частности, предоставлении фальсифицированных сертификатов на продукцию. Россия заявляла, что подходит к запрету на ввоз польской продукции, как к чисто техническому вопросу, в то время как Польша в нем усматривала политический контекст.

Правда, в феврале 2008 г. В. В. Путин признал, что существовали и определенные внутренние российские причины введения эмбарго. Они связаны с осуществлением в России национальной программы развития села. Ее реализации препятствует политика ЕС, направленная на крупномасштабное субсидирование «сельского хозяйства в странах Восточной Европы, а продукция эта сбрасывается на российский рынок... Это подавляет развитие нашего сельского хозяйства»².

24 ноября 2006 г. Польша в преддверии саммита РФ–ЕС неожиданно наложила вето на начало переговорного процесса между Россией и Евросоюзом по поводу разработки нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В качестве предварительного условия РП потребовала отмены Россией запрета на импорт польской животноводческой и растениеводческой продукции, а также ратификации европейской Энергетической хартии и транзитного протокола к ней.

Лишь смена власти в Польше после досрочных парламентских выборов в октябре 2007 г. создала условия для начала нормализации российско-польских политических отношений. Новое коалиционное правительство партии «Гражданская платформа» и Польской крестьянской партии во главе с Д. Туском своими жестами в адрес России и предпринятыми конкретными действиями создало условия для отмены временного эмбарго на поставки польского сырого мяса в Россию. 19 декабря 2007 г. в Калининграде между ветеринарными службами России и Польши был подписан меморандум об условиях поставок мяса. Как заявил министр сельского хозяйства А. Гордеев, обе стороны гарантируют, что «в Россию будет поступать качественная продукция польского происхождения, полностью будут исключены импорт мясной продукции из третьих стран и различного рода злоупотребления со стороны недобросовестного бизнеса, которые существовали ранее»³. В подписанный меморандум были включены записи о строгом режиме ветеринарного контроля польских предприятий со стороны России, а также о том, что Польша сама будет распоряжаться, какие предприятия будут проходить проверку. РП сняло свое вето на начало переговоров между РФ и Евросоюзом о разработке нового соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В ноябре 2008 г. было окончательно отменено временное эмбарго и на растениеводческую продукцию.

В 2005–2007 гг. обострились российско-польские отношения в области энергетики. Подписание в сентябре 2005 г. российско-немецкого соглашения о строительстве газопровода «Северный поток» через Балтийское море к побережью Германии вызвало резкую негативную реакцию в Польше, было воспринято как угроза энергетической безопасности страны. Вне всякого сомнения, строительство этого газопровода повлечет за собой для Польши геополитические (ее вес в европейской политике и в политике России может снизиться) и экономические последствия. Что касается последних, то прежде всего может отпасть необходимость в строительстве второй очереди транзитного газопровода «Ямал–Европа» через территорию РП стоимостью 1–1,5 млрд. долл. В таком случае польский бюджет не получит сотни миллионов долларов за транзит газа. Поляки также опасаются, что с введением «Северного потока»

Россия могла бы отрезать Польшу от поставок газа (перекрыть «газовый кран»), сохраняя их в направлении Западной Европы.

Создавшаяся ситуация вынудила польские власти перевести вопрос об энергетической безопасности страны из области дискуссии в сферу практики. В конце 2005 г. была разработана программа диверсификации поставок газа, которая включала в себя увеличение добычи отечественного газа, расширение мощностей подземных его хранилищ, строительство морского терминала сжиженного газа и новых газопроводов. Однако, программа по сути так и осталась на бумаге. Проведенные расчеты показали, что сжиженный газ будет, по крайней мере, в два раза дороже, чем российский газ из трубопровода. Тем самым сжиженный газ не найдет необходимых потребителей в Польше. К тому же залежи отечественного газа являются залежами глубокого залегания и требуют больших капиталовложений. Цена такого газа станет близкой к цене российского газа или дороже его в зависимости от колебаний европейской цены. Начато было лишь расширение мощностей польских подземных хранилищ газа.

В связи с тем обстоятельством, что роль Польши как транзитера российского газа уменьшается, Варшава пытается объединить вокруг себя государства Восточной Европы, Балтии и Южного Кавказа для решения проблемы собственной энергетической безопасности, диверсификации поставок энергоносителей из разных источников. Польша стремится создать что-то вроде собственного «энергетического блока» с Украиной, Литвой, Латвией и Эстонией, Азербайджаном и Грузией, выступающей против внешнеэнергетической политики РФ. Предпринимаются попытки разработать и реализовать проекты транзитной транспортировки через украинскую и польскую территорию в обход России каспийской нефти и центральноазиатского газа. Речь идет, прежде всего, о газопроводе из района Каспийского моря и нефтепроводе Одесса–Броды–Польша. В 2006–2008 гг. по инициативе президента РП Л. Качиньского были проведены энергетические саммиты в Кракове (май 2006 г.), Вильнюсе (октябрь 2007 г.), Киеве (май 2008 г.) и Баку (ноябрь 2008 г.) с участием лидеров вышеупомянутых стран. На этих встречах обсуждались вопросы строительства нефте- и газопроводов в обход России. Правда, мировой финансовый и экономический кризис, а также резкое падение цены на нефть ведут к тому, что в ближайшие годы продление нефтепровода Одесса–Броды до Плоцка (Польша) маловероятно.

Польская сторона продолжает выступать решительным противником проекта «Северный поток», правильно считая, что его строительство будет в несколько раз дороже, чем второй ветки польского участка газопровода «Ямал–Европа». Она также озабочена трассой прохождения газопровода по опасным

участкам морского дна, где находятся захоронения боеприпасов и химического оружия со времен Второй мировой войны. Эти захоронения могут нанести реальную угрозу окружающей среде в регионе Балтийского моря. Под давлением Варшавы, маршрут этого газопровода был изменен так, чтобы обогнуть спорный датско-польский участок морского дна у острова Борнхольм.

Официальную Россию негативная польская позиция в отношении строительства «Северного потока» удивляет. На традиционной большой пресс-конференции 14 февраля 2008 г. В. В. Путин заявил: «Да, мы решили строить газопровод по дну Балтийского моря. Но как мы этим обидели Польшу, я не понимаю. ...Мы исходим из того, что необходимо диверсифицировать поставки ресурсов в адрес основных потребителей. Что здесь плохого? Что здесь антипольского?»⁴.

В последние годы усилились расхождения между РФ и РП по вопросам безопасности. В 2005–2007 гг. правительства партии «Закон и справедливость» и затем в 2008 г. правительство Д. Туска выступили за размещение на территории Польши элементов американской системы противоракетной обороны (десяти ракет-перехватчиков), которая по существу направлена не против Ирана (как утверждают США и Польша), а против России и Китая. В августе 2008 г. было подписано Соглашение об условиях размещения элементов американской системы ПРО на территории Польши. В соответствии с IX статьей этого документа США берут на себя обязательство «обеспечить безопасность Республики Польша»⁵.

По мнению В. В. Путина, это размещение может стать попыткой нейтрализовать российский ракетно-ядерный потенциал, «что приведет к абсолютному нарушению стратегического баланса в мире, и будет угрожать нашей национальной безопасности». Поэтому Россия вынуждена будет принять ответные меры⁶.

Российско-польский товарооборот за последние годы развивался динамично. За период 2004–2007 гг. он увеличился по польским статистическим данным в текущих ценах в 2,26 раза с 9,2 млрд. долл. до 20,8 млрд. долл. В 2007 г. товарооборот вырос на 15,5%, что свидетельствует о некотором замедлении динамики роста (2006 г. – на 30,25%, 2005 г. – на 40,0%). За десять месяцев 2008 г. товарооборот увеличился на более чем 50% по сравнению с аналогичным периодом 2007 г. и составил 25,93 млрд долл.. Все указывает на то, что в 2008 г. он достиг рекордной суммы около 30 млрд. долл.

Третий период – это конец 2007–2008 гг. 23 ноября 2007 г. в своем программном выступлении в Сейме новый премьер-министр РП Д. Туск заявил: «Мы хотим диалога с Россией, с такой, какая она есть. Отсутствие диалога не

служит ни Польше, ни России»⁷. Это заявление означало, что Польша готова вновь вести диалог с путинской Россией, что развитие процесса демократизации – это внутреннее дело самой РФ.

2008 г. – это год, в котором в российско-польских отношениях преобладали противоречивые тенденции. С одной стороны, российские власти и правительство Д. Туска пытались вывести российско-польские отношения из ситуации пата. Был возобновлен политический диалог. В феврале 2008 г. состоялся визит в Россию премьер-министра РП Д. Туска. Он состоялся по приглашению президента РФ В. В. Путина и был жестом доброй воли со стороны польского премьера. В ходе визита было согласовано, что Россия и Польша будут наращивать прагматическое двустороннее сотрудничество в интересах обеих стран и продолжать сотрудничество по европейским и международным делам с учетом тех различий, порой довольно серьезных, которые существуют в позициях двух стран⁸. Д. Туск продемонстрировал искреннее стремление Польши улучшить отношения с Россией. В. В. Путин высоко оценил итоги визита польского премьера: «Наш диалог с господином Туском был очень конструктивным, предметным. И я очень рассчитываю на то, что так и будет в будущем»⁹.

С другой стороны, президент РП Л. Качиньский продолжает жесткую бескомпромиссную политику правительства Я. Качиньского в отношении РФ. Как считает главный редактор «Газеты выборчей» А. Михник, «окружение президента и партия «Закон и справедливость» Россию не знают, не понимают, и она им не интересна. Им вполне хватает исторического стереотипа: «Как свет стоит, поляк москалю братом не будет»¹⁰. С момента вступления польского президента в должность так и не состоялись ни одна его встреча, ни один телефонный разговор с российским президентом. В 2006–2008 гг. ни российский президент, ни российский премьер не были с визитом в Польше. Это – показатель все еще ненормального состояния российско-польских политических отношений.

Резкие высказывания в августе–сентябре 2008 г. в адрес России президента РП Л. Качиньского в связи с вооруженным конфликтом в Южной Осетии и заключение правительством Д. Туска в августе 2008 г. польско-американского Соглашения об условиях размещении элементов американской системы ПРО на польской территории вновь осложнили взаимные политические отношения. В России это Соглашение было вновь оценено как угрожающее безопасности нашей страны. А несовпадение геополитических и энергетических интересов, интересов в области безопасности между Россией и Польшей продолжает сохраняться.

Несмотря на это, в сентябре 2008 г. состоялся визит в Польшу министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. Он продемонстрировал стремление России развивать отношения с Польшей независимо от международной конъюнктуры.

Расхождения во взглядах и интересах между странами обусловили внесение коррективов в польскую политику России. Во-первых, как подчеркнул официальный представитель МИД РФ А. А. Нестеренко, «в русле двусторонних отношений мы готовы к движению навстречу так и настолько, насколько польская сторона будет на деле учитывать интересы России»¹¹. Это означает, что РФ готова выстраивать свои отношения с Польшей зеркально, что сразу же обусловило конкретный и деловой подход к взаимным отношениям. В частности, во время визита в Польшу С. В. Лавров заявил, что Россия не изменила своей позиции в отношении планов развертывания третьего позиционного района противоракетной обороны США в Восточной Европе. «Мы оценили, что польская сторона стремится понять наши озабоченности, – продолжил российский министр. – Наши польские коллеги предложили провести консультации с тем, чтобы обсудить меры транспарентности, меры доверия, которые помогли бы снизить эти наши озабоченности»¹². Такие консультации между заместителем министра иностранных дел РФ С. А. Рябковым и заместителем министра иностранных дел РП П. Грудзинским состоялись 19 декабря 2008 г. в Москве. В ходе встречи состоялся откровенный разговор, позволивший детально сопоставить позиции сторон по обсуждавшимся проблемам. Польша предложила России, США и Чехии подписать четырехстороннее политическое соглашение по ПРО¹³.

Во-вторых, расхождения во взглядах и интересах не должны препятствовать развитию российско-польского политического диалога. Диалог помогает разобраться в проблемах, понять мотивы поведения каждой из сторон. Визит С. Лаврова в Варшаву стал подтверждением такого подхода российской стороны.

В-третьих, Россия нацелена на взаимоуважительный диалог с умеренными, прагматическими политическими силами в Польше. В 2007–2008 гг. эти силы олицетворяло правительство Д. Туска. В декабре 2008 г. С. Лавров еще раз подтвердил эту позицию РФ, выступая перед представителями Ассоциации европейского бизнеса. «Россия смотрит с оптимизмом на развитие отношений с правительством Дональда Туска... Все, что зависит от нас, мы делаем. Мы ценим все, что предпринимает правительство Туска»¹⁴.

Вместе с тем, нужно учитывать, что цели российской политики Польши, выдвигаемые как партией «Закон и справедливость», так и партией «Гражданская платформа» очень близки. Однако методы ее реализации разные. Граж-

данская платформа – сторонница более дипломатичных, более компромиссных, более прагматичных методов реализации российской политики. Несмотря на это, временами члены правительства Д. Туска не совсем корректно высказываются в адрес России.

Находясь в США, в ноябре 2008 г. министр иностранных дел РП Р. Сикорский сформулировал что-то вроде новой доктрины Запада в отношении России: любая попытка пересмотреть европейские границы силой или под угрозой принуждения должна рассматриваться Европой как угроза безопасности и заслуживает адекватного ответа всего атлантического сообщества¹⁵. Это заявление польские СМИ сразу же окрестили «доктриной Сикорского». Интернет-журнал «Новая политика» написал: «“Доктрина Сикорского” свидетельствует о том, что западные “партнеры” России всеми силами стремятся сохранить то положение вещей, которое существовало в 1990-е годы. В тезисах Сикорского отчетливо просматривается мысль о том, что партнерство с Россией возможно, но только на условиях Запада. В них нет ни малейшего намека на то, что Запад готов считаться с интересами России и ее предложениями»¹⁶. Выдвижением «доктрины Сикорского» Польша демонстрирует России свои возможности активно влиять на политику Запада в отношении России.

Польских политиков раздражает то, что РФ не рассматривает РП как «серьезного игрока на международной сцене»¹⁷. Однако за последние годы Польша на европейской арене не выступила ни с одной конструктивной инициативой в адрес России, не поддержала ни одно российское предложение. В высказываниях ее руководителей и политиков присутствуют в основном только подозрения и обвинения, использование двойных стандартов в отношении России. Создается впечатление, что основная цель нынешней внешней политики Польши – это «насолить» России, унижить ее, самоутвердиться за ее счет. Отсутствует какой-либо объективный подход к РФ.

Правительство Туска заявляет, что оно стремится к гибкой политике в отношении России: «В отношениях с Россией у нас не должно быть конфронтации во всех сферах, что для многих означает единственно возможную патристическую политическую линию, – заявил Р. Сикорский. – Польша должна демонстрировать многогранный подход, в зависимости от наших интересов»¹⁸. Будем надеяться, что в 2009–2010 гг. такой и будет российская политика Польши.

В 2008г. началось восстановление деятельности институционального механизма российско-польских отношений. В феврале 2008 г. во время визита Туска в Москву стороны договорились о возобновлении деятельности Комитета по вопросам стратегии российско-польского сотрудничества. Полнофор-

матное его заседание должно состояться в первой половине 2009 г. в Москве. В сентябре 2008 г. во время визита С. Лаврова в Варшаву прошло третье заседание Российско-польского форума общественности, который является неформальной дискуссионной «площадкой» представителей гражданских обществ двух стран и который возобновил свою работу после четырехлетнего перерыва. Сопредседатель этого форума с польской стороны известный кинорежиссер К. Занусси, делаясь впечатлениями от форума, заявил, что «мы получили сигнал, что Россия нас уже не будет публично унижать или игнорировать», «с обеих сторон была большая сдержанность и стремление к взаимопониманию»¹⁹.

В июне 2008 г. в новом деполитизированном формате была возобновлена работа Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Сопредседателем группы с российской стороны является академик, ректор МГИМО А. В. Торкунов, с польской стороны – бывший министр иностранных дел РП А. Ротфельд. В октябре 2008 г. в Москве прошло второе заседание этой Группы. Результатом ее работы станет книга, в которой российские и польские историки параллельно представят, сопоставят и проанализируют логику и позиции обеих сторон с момента становления Советской России и независимого Польского государства. Тем самым решение проблемы передано в руки специалистов, а не политиков.

В 2008 г. состоялся Сезон польской культуры в России, а в октябре прошли Дни польской науки в России. Сезон польской культуры начался 3 апреля 2008 г. концертом в Большом театре Симфонического оркестра Москвы (дирижировал выдающийся польский композитор К. Пендерецкий). Сезон включал около 100 мероприятий – концертов, выставок, кинопоказов, театральных постановок и др. Завершился он 17 октября 2008 г. на новой сцене Большого театра гала-концертом звезд Большого театра и балетной труппы Польской национальной оперы.

Дни польской науки были приурочены к 50-летию сотрудничества между Российской Академией наук и Польской Академией наук. Президент РФ А. Д. Медведев обратился к участникам этих дней науки с посланием, в котором говорится: «Сегодня Россия и Польша решают схожие стратегические задачи инновационного развития, широкого применения передовых технологий на основе эффективного взаимодействия фундаментальной и прикладной науки с реальным сектором экономики. И вполне логично, что ведущая роль в реализации этих планов принадлежит ученым»²⁰. В ходе Дней польской науки между Российской Академией наук, Российской Академией сельскохозяйственных наук, Российской Академией медицинских наук и Польской

Академией наук были подписаны протоколы о научном сотрудничестве на 2008–2010 гг.

Отношение поляков к России и польско-российским отношениям, также как и россияне к Польше и российско-польским отношениям, в последние восемь лет менялись в соответствии с состоянием российско-польских политических отношений. В Польше пик надежд на улучшение взаимных отношений пришелся на 2002 г., когда состоялся официальный визит президента РФ В. В. Путина в Польшу. В сентябре на вопрос, поставленный правительственным Центром исследования общественного мнения (CBOS): «Возможны ли дружественные и партнерские отношения между Польшей и Россией» 81% опрошенных ответили, что возможны, в июне 2008 г. положительно на этот вопрос ответили 69%²¹. Хотя за шесть лет число сторонников хороших отношений уменьшилось на 12 процентных пункта, все-таки больше половины поляков все еще хотели бы дружественных отношений с Россией.

Систематические исследования, проводимые Центром исследования общественного мнения, показывают, что на протяжении 2000–2008 гг. польско-российские отношения никогда не оценивались поляками как хорошие. В 2000–2004 гг., хотя эти отношения не оценивались как хорошие (они определялись, как «ни хорошие, ни плохие»), они все же считались корректными. В 2005–2007 гг., когда у власти в Польше находилась национал-консервативная партия «Закон и справедливость» (лидер Я. Качиньский), польско-российские отношения оценивались как плохие. После прихода к власти правительства Д. Туска (коалиция партий «Гражданская платформа» и Польская крестьянская партия) оценки этих отношений изменились в лучшую сторону. В апреле 2008 г. 56% опрошенных считали польско-польские отношения «ни хорошими, ни плохими», 12% – хорошими, 27% – плохими. В сентябре 2008 г. после подписания в августе польско-американского соглашения о размещении на территории Польши элементов американской системы противоракетной обороны 56% поляков оценили эти отношения как плохие, 36% – как «ни хорошие, ни плохие», 5% – как хорошие²².

Российское общество слабо ориентируется в ситуации в Польше и состоянии российско-польских отношений. На отношение части населения к современной Польше и полякам все еще влияют советские времена. Это отношение постепенно меняется к худшему, но не является враждебным. Как вытекает из социологических опросов, проведенных фондом «Общественное мнение» (ФОМ), с октября 2001 г. по декабрь 2006 г. число респондентов, считающих, что Польша является государством, дружественным в отношении России сократилось с 57% до 30%. Соответственно, число россиян, считающих РП не-

дружественным государством, увеличилось с 25% до 38%. На вопрос: если сравнить Ваше отношение к Польше в прошлом и сейчас, какое из предложенных высказываний Вам ближе? 40% опрошенных заявили, что они относились хорошо в прошлом и сейчас относятся хорошо. Только лишь 10% россиян относились и относятся к Польше плохо²³.

Согласно социологическому опросу, проведенному Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), в апреле 2008 г. Польшу другом России считали 2% опрошенных, в то время как врагом – 5% россиян²⁴.

Что касается перспектив развития российско-польских отношений в ближайшие годы, то на них первостепенное влияние будут оказывать длительность и глубина мирового финансово-экономического кризиса, его последствия для экономики России и Польши, а также политическая воля российского и польского руководства, ослабление роли США в мире. Скажется ситуация в Украине, и результаты президентских выборов в 2010 г. и парламентских выборов в 2011 г. в Польше. Можно надеяться, что в условиях мирового кризиса Россия и Польша будут стремиться не к ухудшению взаимных отношений, а к поддержанию их на приемлемом уровне.

Похоже, что мировой кризис будет относительно длительным и приведет к многолетней рецессии и депрессии экономики в Европейском союзе, что, несомненно, скажется отрицательно на польской экономике. Многое будет зависеть от того, сумеет ли Россия к середине 2010 г. справиться с последствиями мирового кризиса внутри страны и начать новый цикл экономического развития. Если РФ это удастся, то несомненно, поспособствует дальнейшему развитию российско-польских экономических связей и вслед за этим улучшению политических отношений.

Мировой кризис в 2009–2010 гг. может привести к определенным дезинтеграционным явлениям и нарушениям в сложившихся за последние годы российско-польских экономических отношениях. Прежде всего вновь возможны неплатежи, недоверие между торговыми партнерами, отсутствие у российских и польских компаний валюты и т. д. В связи с мировым кризисом и резким снижением цен на энергоносители существенно уменьшится с 2009 г. взаимный товарооборот в стоимостном и физическом выражении. В стоимостном выражении в 2–3 раза может снизиться российский экспорт в Польшу. Что касается польского экспорта в Россию, то, скорее всего также снизится, но не на столько как российский в Польшу. Большое позитивное сальдо России в торговле с Польшей резко уменьшится, а возможно и исчезнет совсем.

В ближайшие годы зависимость польской экономики от российских энергоносителей сохранится. А что касается газа, то даже и возрастет. Если в 2007 г. доля российского газа во всем потребляемом Польшей газе составляла 44,3%, то с 2010 г. она достигнет около 70%. По всей вероятности, реализация польских проектов по диверсификации импорта энергоносителей и далее будет переноситься в будущее. Альтернатива российскому газу и нефти для Польши пока отсутствует.

Отношения с Польшей для России в среднесрочной перспективе будут весьма важны и необходимы, так как РП является одним из ведущих государств Европейского союза, обладает серьезным экономическим потенциалом, активно влияет на ситуацию на европейском континенте.

Примечания

¹ Bodia M. Stosunki między Unią Europejską a Federacją Rosyjską: stan i perspektywy rozwoju. Warszawa, 2005. S. 133–134.

² Ежегодная большая пресс-конференция // www.kremlin.ru (2008, 14 февраля).

³ 12 декабря глава Минсельхоза России Алексей Гордеев провел переговоры с министром сельского хозяйства и развития села Республики Польша Марекком Савицким // www.gov.mcx.ru (2007, 12 декабря).

⁴ Ежегодная большая пресс-конференция // www.kremlin.ru (2008, 14 февраля).

⁵ Umowa między Rzeczypospolitą Polską a rządem Zjednoczonych Stanów Ameryki dotycząca rozmieszczenia na terytorium Rzeczypospolitej Polskiej antybalistycznych obronnych rakiet przechwytyjących // www.gazeta.pl.

⁶ Там же.

⁷ Expose Premiera Donalda Tuska. 23.11.2007 // www.premier.gov.pl.

⁸ Стенограмма выступлений и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Польши Р. Сикорским, Варшава, 11 сентября 2008 г. // www.mid.ru (2008, 12 сентября).

⁹ Ежегодная большая пресс-конференция // www.kremlin.ru (2008, 14 февраля).

¹⁰ Михник А. Сдала ли Польша грузинский экзамен // Новая Польша. 2008, № 10. С. 17.

¹¹ Интервью официального представителя МИД России А. А. Нестеренко РИА «Новости» в связи с предстоящим визитом Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Польшу // www.mid.ru (2008, 9 сентября).

¹² Стенограмма выступлений и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова...

¹³ Польша предлагает подписать четырехстороннее соглашение по ПРО // Независимая газета. 2008, 25 декабря.

¹⁴ Москва готова развивать отношения с Варшавой – Лавров // РИА Новости. 2008, 10 декабря.

¹⁵ Тимофеев А. Польша идет на Россию с миром // www.rosbalt.ru (2008, 16 декабря).

¹⁶ Тимофейчев А. Польша озабочена «русским вопросом» // www.nowopol.ru (2008, 12 декабря).

¹⁷ Węglarczyk A. Być jak mąż stanu, czyli dyplomacja Kaczyńskiego // www.gazeta.pl (23.12.2008).

¹⁸ МИД Польши: геополитическое значение России преувеличивалось // www.rosbalt.ru (2008, 8 декабря).

¹⁹ Elity, a nie politycy, mogą pogodzić Polskę z Rosją // Rzeczpospolita. 13.09.2008.

²⁰ Участникам и гостям Дней польской науки в России // www.kremlin.ru (2008, 14 октября).

²¹ Centrum Badania Opinii Społecznej. Opinie o stosunkach polsko-rosyjskich i możliwości pojednania polsko-niemieckiego i polsko-ukraińskiego. Komunikat z badań. Warszawa, lipiec 2008. S. 3.

²² Centrum Badania Opinii Społecznej. Stosunki polsko-rosyjskie i sytuacja na Kaukazie. Komunikat z badań. Warszawa, październik 2008. S. 8–9.

²³ Россия, Польша и Евросоюз // www.fom.ru (2006, 7 декабря).

²⁴ Пресс-выпуск № 951. Россия: ее друзья и враги // www.wciom.ru (2008, 8 мая).

Польша в контексте современной геополитики

Польская геополитика¹ как наука возникла достаточно рано – на рубеже XIX и XX веков. Исходными постулатами основателей этой отрасли науки в Польше были представления о «срединном», «промежуточном» положении страны, ее расположении между востоком и западом, между Россией и Германией.

«Отцом польской геополитики» называют Е. Ромера (1871–1954), взгляды которого представлены в его работе «Земля и Государство» (1901 г.). Польшу Е. Ромер рассматривал как платформу, расположенную между Балтийским и Черным морями, чем и определялась, по мысли ученого, геополитическая специфика страны, призванной вести самостоятельную геополитическую игру.

Начало XX в. в польской геополитике связано прежде всего с формированием геополитических концепций Р. Дмовского и Ю. Пилсудского. Глава польских национал-демократов (эндеции) Р. Дмовский (1864–1939) – один из наиболее значимых польских теоретиков политики – полагал, что страна должна возродиться в границах прежней Речи Посполитой как единое государство. Главным врагом Польши Р. Дмовский считал Германию.

Ю. Пилсудский (1867–1935), к которому после обретения Польшей независимости принадлежала власть в стране, придерживался отличной от Дмовского концепции построения государства – федералистской. Возродившаяся Польша должна была, по мысли Пилсудского, стать федерацией народов бывшей Речи Посполитой. Украине отводилась роль основного гаранта независимости Польши, Россия же рассматривалась в качестве главного противника. Федералистская концепция Пилсудского на практике не была реализована, но его идеи о необходимости принятия принципа самостоятельной роли народов «восточных кресов» и по сей день находят отражение в геополитической стратегии Польши.

Как известно, роль Пилсудского в польской истории и политике особо отмечали в свое время многие современные польские политики, в частности, А. Квасьневский, Д. Туск, Л. Качиньский. Идеи Пилсудского, вписывающиеся в рамки т. н. «Ягеллонской»² концепции разделяли и развивали Е. Гедройц и Ю. Мерошевский, издатели и авторы издаваемого в Париже журнала «Культура». Суть их концепции – в признании определяющего значения в польской

геополитике диалога с Украиной, Белоруссией и Литвой. Идеи Гедройца и Мерошевского пользуются популярностью в современной Польше, их разделяют многие ведущие политики страны.

Разумеется, вышеназванными именами отнюдь не исчерпывается все богатство польской геополитической мысли. Последняя включает в себя наследие вечного оппонента Ромера В. Налковского, а также С. Цат-Мацкевича, А. Бохеньского, В. Студницкого и многих других исследователей.

Нынешние геополитические приоритеты Польши определяются новыми реалиями: изменилась сама страна, изменился мир. У поляков теперь другие соседи, страна уже не так замкнута между Германией и Россией, как это было прежде. Польша является членом НАТО и ЕС, претендует на роль регионального центральноевропейского лидера.

После 1989 г. все польские правительства, независимо от политической ориентации, придерживались европейского вектора внешней политики, стремясь интегрировать страну в Европу. Пожалуй, одним из наименее удачных эталов развития внешней политики можно считать период пребывания у власти братьев Качиньских, оказавшихся во главе страны после выборов 2005 года, когда Л. Качиньский стал президентом, а его брат Ярослав – премьером.

Внешняя политика кабинета Я. Качиньского подвергалась серьезной критике как со стороны политических оппонентов, так и со стороны общественности. Качиньских обвиняли в отсутствии стратегического мышления, в неумении достойно представлять интересы Польши в ЕС, наладить отношения с Германией и Россией, в излишнем сервилизме по отношению к США. Смена главы кабинета министров, победа на выборах 2007 г. партии «Гражданская платформа» пробудили надежду на улучшение положения. Одним из самых популярных в Польше политиков в настоящее время является нынешний министр иностранных дел Р. Сикорский (р. 1963 г.). Он пришел в политику из журналистики, высшее образование получил в Оксфорде (Сикорский эмигрировал во время военного положения, т. к. был связан с «Солидарностью»). В качестве журналиста работал в Афганистане, Анголе, Югославии. Его политическая карьера началась в 1992 г., когда Сикорский стал заместителем министра обороны в правительстве Я. Ольшевского. В 2005 г. он становится министром обороны в правительстве К. Марцинкевича. В тот период Сикорский прославился тем, что назвал подписание договора о строительстве Северо-Европейского газопровода, минующего Польшу, «новым пактом Молотова–Риббентропа». По инициативе Сикорского были опубликованы секретные документы Организации Варшавского договора, в весьма неприглядном виде показывавшие позиции СССР, готового пожертвовать населением восточноевропейских стран во имя достижения стратегических целей.

В феврале 2007 г. Сикорский ушел в отставку из-за конфликта с Я. Качиньским, а в ноябре того же года вновь вернулся на свой пост, но уже в правительстве Д. Туска. Сикорский – горячий сторонник размещения американских противоракетных установок на территории Польши. Он считает необходимым добиться от США поставок новейших ракет для польских ПВО. Министр твердо стоит на позициях атлантизма, являясь сторонником укрепления роли НАТО в Евросоюзе, сближения Варшавы не только с США, но и главными партнерами по Евросоюзу – Берлином и Лондоном. Р. Сикорского иногда называют евроидеалистом, т. к. он старается акцентировать лишь положительные моменты в деятельности ЕС, не замечая (или делая вид, что не замечает) проблем и противоречий Союза.

По отношению к России Р. Сикорский демонстрирует стремление к диалогу и сотрудничеству, призывая вслед за премьером Д. Туском воспринимать Россию «такой, какая она есть». Однако в неофициальной обстановке отзывается о России более жестко. Так, в одном из интервью он заявил, что «отношения с Россией были, есть и, скорее всего, будут холодными. Во-первых – у нас объективно разные интересы, особенно по отношению к нашим соседям... Во-вторых – в России с каждым годом все более ограничивают сферу свободы личности, свободы слова, печати, объединений, права... В-третьих – Россия никак не смирилась с потерей имперского статуса... Россия не готова расквитаться со своим преступным прошлым и восприняла значительную часть советского имперского этоса»³.

Е. Помяновский (главный редактор журнала «Новая Польша») называет В. Сикорского «открытым умом»⁴.

«Евроидеализм» Р. Сикорского вполне соответствует внешнеполитической доктрине правительства, возглавляемого Д. Туском. Последний подчеркивает, что основным приоритетом польской внешней политики является «интеграция в семью народов наиболее близких к нам в цивилизационном отношении. Это Европейский союз и евроатлантическая зона»⁵.

Хотя в целом европейский вектор развития Польши одобрялся и принимался обществом, а вступление в ЕС было на протяжении многих лет стратегической целью сменявших друг друга польских правительств, оказалось, что этот путь достаточно труден.

Польша очень скоро проявила себя как политический актер, претендующий на самостоятельную роль и не желающий занимать в ЕС позицию покорного и за все благодарного «младшего брата». Весьма серьезная проблема, связанная с особой позицией Польши, возникла вскоре после вступления страны в ЕС и была связана с проектом Конституции Евросоюза.

«Ницца или смерть». Под этим суровым заявлением могли бы подписаться многие польские политики осенью 2003 г. Хотя, на первый взгляд, для подобного рода непреклонности не было подходящего повода – ведь речь шла о деле сугубо мирном: о проекте Конституции ЕС. Предполагалось, что Конституция будет принята в декабре 2003 г., на чем особенно настаивал С. Берлускони, стремящийся к тому, чтобы это знаменательное событие произошло именно в то время, когда Италия председательствовала в ЕС. Как известно, этого не произошло, сроки принятия Конституции отодвинулись, но само обсуждение проекта высветило многие сложные проблемы ЕС, показало, как не просто строить общеевропейский дом в контексте серьезного несовпадения интересов его нынешних и будущих обитателей.

Многие страны, как из числа членов ЕС, так и из числа готовящихся стать таковыми в 2004 г., высказали ряд предложений по поводу проекта, выразили несогласие с некоторыми его положениями, но накал страстей нигде не был столь силен, как в Польше.

Договор, принятый в Ницце в 2000 г., действительно был весьма выгоден для Польши: достаточно сказать, что страна после вступления в ЕС имела бы при голосовании почти столько же голосов, что и в Германии (Польша – 27, Германия – 29). Конечно, договор очень импонировал многим политикам в стране, заговорившим даже о неких «державных» амбициях Польши в Европе.

Согласно новому проекту, принцип исчисления голосов ставился в прямую зависимость от численности населения страны и, соответственно, Польша отстала от Германии в два раза.

Кроме того, проект предусматривал ограничение числа полномочных комиссаров пятнадцатью с тем, чтобы комиссары от остальных, вновь вступающих в ЕС стран, не имели права голоса. Изменялся также, по сравнению с Ниццей, и срок действия главы Совета: этот срок увеличивался, что определяло невозможность каждой стране реализовать свои потенциальные шансы руководство ЕС. Вышеназванные, а также ряд других положений проекта, каковой бы ни была их оценка, существенно меняли соотношение влияния больших и малых стран-членов ЕС в пользу последних.

Несомненный отказ от принципа эгалитаризма в сторону усиления влияния государств-основателей ЕС не вызвал особого энтузиазма у представителей польского истеблишмента. Немногочисленные голоса в пользу необходимости признания неизбежности идущего процесса, трезвой оценки реальных возможностей и потенциала Польши, поиска компромисса и попыток «отыгаться» на другом поле, в принципе, утонули в хоре сторонников лозунга «Ницца или смерть».

Лагерь же сторонников Ниццы объединил людей самой разной политической ориентации. Об однозначном неприятии предлагаемого Конвентом проекта Конституции ЕС заявила крайне правая партия – Лига польских семей. Лидер фракции этой партии в Сейме М. Котлиновский решительно отстаивал идею «Европы отечеств» и равных прав каждого государства.

Нынешний польский президент, а тогда мэр Варшавы Л. Качиньский высказывал мнение, согласно которому вопрос о европейской Конституции имеет принципиальное значение, и ни о каких уступках не может быть и речи. «Право и справедливость» (ПиС) и ее лидеры – Лех и Ярослав Качиньские не желали поддерживать партию «белого флага» и решительно выступали за референдум по поводу конституции ЕС. ПиС предложила даже идею нового референдума по вопросу о вступлении Польши в ЕС, аргументируя свое предложение тем обстоятельством, что проведенный в стране референдум, в котором поляки однозначно высказались «за», проходил в принципиально иных условиях, когда облик ЕС определял Договор Ниццы.

С поддержкой последнего и готовностью стоять до конца выступили Польская крестьянская партия, и левый Союз труда. Сам тогдашний глава правительства Л. Миллер делал, кажется, все возможное и невозможное, пытаясь отстоять Договор Ниццы. Чудом уцелев в авиакатастрофе, Миллер отправился в Брюссель в декабре 2003 г. в инвалидной коляске и специальном корсете для позвоночника, проявив негибкое упорство в отстаивании интересов Польши. Не выражая решимости «умереть за Ниццу», но все же упорно ратовал за нее и бывший в то время президентом А. Квасьневский.

Линию на отстаивание интересов Польши в ЕС поддерживает и Д. Туск. «Польша, – заявляет премьер, – не была и уж определенно не будет золушкой в ЕС. Она будет ведущим актором на европейской и, соответственно, – на мировой сцене. Сильный Союз – это Союз интегрированный, стоящий на солидных основаниях, а таковыми являются общие ценности»⁶. Поэтому необходимо добиваться, чтобы ценности, разделяемые поляками, были приняты в ЕС. В данном контексте Д. Туск особое значение придает Лиссабонскому договору (2007 г.). По сути этот договор в какой-то мере заменяет Конституцию ЕС, которую так и не удалось принять во многом из-за позиции Польши, которая требовала введение в преамбулу Конституции фрагмента о христианских основах единения Европы. Лиссабонский договор к лету 2008 г. ратифицировали около 20 стран – членов ЕС, но в Ирландии, где проводился референдум по вопросу о принятии договора последний был отклонен. Правда, сохраняется надежда, что через некоторое время на повторном референдуме договор все же будет одобрен ирландцами.

Лиссабонский договор, полагает Я. Саруш-Вольский (депутат Европарламента от Польши) выгоден и для Польши и для ЕС в целом. Хотя бы потому, что он предлагает повышение значения Европарламента в распределении бюджета, причем ЕС часто противостоит слишком эгоистическим позициям некоторых государств, заботясь об интересах сообщества в целом. Польша представлена в Европарламенте достаточно основательно и, соответственно, усиление позиций этого института означает и усиление позиций Польши. Лиссабонский договор способствует и повышению значимости национальных парламентов, создает инструменты проведения успешной совместной внешней политики ЕС. Кроме того, договор предусматривает расширение возможностей в борьбе с терроризмом, проведение общей энергетической политики⁷.

Ратификации этого договора прошла не гладко: в польском сейме разгорелись горячие дискуссии. Большинство фракции партии «Право и справедливость», возглавляемая Я. Качиньским проголосовало против, хотя сам Я. Качиньский голосовал «за». Дело дошло до того, что несколько депутатов сейма от ПиС покинули парламентский клуб. Противники договора считают, что Польша, одобрив его, утратит свой суверенитет, т. к. договор предполагает, что с 2014 г. решения ЕС будут принимать в соответствии с принципом «двойного большинства». То есть для принятия решения необходимо одобрение его, как минимум, 55% государств-членов, при условии, что они представляют не менее 65% населения Евросоюза. Договор предусматривает также введение должности уполномоченного по международным делам. Все эти условия, несомненно, повышают роль Брюсселя в принятии решений.

Договор отменяет прежнюю систему представительства членов Союза в Еврокомиссии. Принцип «одна страна – один комиссар» утрачивает свою силу. С 2014 г. только 18 из 27 стран будут иметь своего представителя. Вводится пост президента Евросоюза, который будет избираться на 2 года.

Далеко не все однозначно положительно оценивают Лиссабонский договор. Так, британский политолог Х. Робинсон на страницах «Жечипосполитой» высказывается об этом документе как о совершенно архаичном, не решающим никаких проблем ЕС. Усиление роли Европарламента и других институтов Евросоюза приведет к дальнейшему ограничению национального суверенитета стран-членов. «Бюрократия, протекционизм, бессмысленные субсидии для крестьян или чрезмерное количество предписаний – все это останется»⁸.

Лиссабонский договор, полагает политолог, выгоден только евробюрократам. Большинство народов Европы выступают против дальнейшей интеграции, и если ЕС остается в прежнем виде, ему не миновать кризиса. Правда,

элиты европейских стран настроены гораздо менее критично, но не следует забывать, что «нет ничего такого, как европейский народ; европейское общественное мнение или европейский патриотизм»⁹.

Действительно, как показывают социологические исследования, ожидания, согласно которым процессы европейской интеграции будут способствовать формированию европейской идентичности, в принципе не оправдались. Несмотря на то, что европейцы одобряют в целом интеграционные процессы, очень немногие готовы идентифицировать себя с Европой: в 32 европейских странах 3,2% респондентов ставят Евросоюз на первое место среди территорий, с которыми они прежде всего себя идентифицируют, 8,5% – на второе место и 17,5 – на последнее. Причем эти цифры практически не меняются на протяжении более 20 последних лет¹⁰.

Данные социологических исследований свидетельствуют, что в польском общественном сознании нет достаточно четких представлений о месте Польши в Европе: 20% респондентов считают, что Польша всегда была в Европе, 8% не имеют на этот счет определенного мнения. В отличие от США, Германии, России, по отношению к которым в сознании поляков сформировались некие устойчивые стереотипы, «европейских» стереотипов пока нет¹¹.

Исследования показали несостоятельность популярных в свое время концепций модернизации и универсализации, согласно которым мир движется в направлении формирования единой модели современного человека и современного общества.

Глобализация не приводит вместе с тем к единообразию, унификации и гомогенизации «мировой деревни». Скорее речь идет о прогрессирующей дифференциации, фрагментации и утверждении неравенства в мире. Само понятие «мировой деревни», как полагает писатель и публицист Р. Капусциньский, оказалось лишь «исторической ошибкой». Ведь суть человеческих взаимоотношений в деревне в том, что люди знают друг друга, разделяют общую судьбу. Но ничего подобного нельзя сказать о современном обществе. Скорее это огромная толпа куда-то спешащих, не знающих друг друга и совершенно чужих друг другу людей¹².

В свое время, пишет главный редактор популярного в Польше журнала «Res Publica Nowa» М. Круль, модной была критика европоцентризма. Но постепенно от нее отказались, ведь «наши западные ценности, возможно, не лучше и не хуже, чем иные, но они наши, и это придает им особый статус. Мы не можем, признавая плюрализм ценностей, рассматривать как равнозначные – или тем более перенимать – азиатские ценности, или ценности, свойственные иным цивилизациям, ибо в таком случае мы перестаем быть сами собой или

будем вынуждены отказаться от предпочтения наших ценностей или, лучше сказать, – ...от нашего способа жизни, нашей формы существования. Как применительно к Западу, так и применительно к другим странам, наша форма жизни не лучше и не хуже принятых в других цивилизациях, но она наша»¹³.

Национальное своеобразие форм жизни связано с проблемой существования национального государства и народа в условиях глобализации.

В литературе предмета (что в полной мере отразилось и в публикациях польских авторов) высказываются в этой связи достаточно неоднозначные взгляды: от настойчивого акцентирования роли национального государства в современном мире до идей о его обреченности и неизбежном отрицании.

Сторонником последней точки зрения можно считать главного редактора журнала «Политическая критика» А. Сераковского (изложившего свою позицию на страницах «Жечипосполитой». Полемизируя с А. Сераковским, политический обозреватель газеты П. Сквечинский высказывает твердую убежденность в значимости национального государства, во всяком случае, в обозримом будущем. «Есть такие люди, – замечает автор, – правда, их меньше, чем прежде, но они есть, – которые готовы умереть за Польшу. Есть такие, – их, правда, еще меньше, но они есть, – которые готовы умереть за Германию или Францию. Но покажите мне, пожалуйста, кого-нибудь, кто был бы готов умереть за Евросоюз»¹⁴.

Конечно, никто не призывает умирать за ЕС. Но осознание европейской общности, выход за пределы национальной ограниченности представляется некоторым аналитикам несомненной ценностью. Так, профессор Б. Скарга полагает, что «сегодня быть патриотом – это быть гражданином не только Польши, но и Европы, помнить о той общей родине, которая выходит за рамки национальной замкнутости. Патриотизм – это обращающаяся к самым глубоким корням созидательная деятельность, основанная на добрососедских отношениях... Мы не имеем права загубить идею Европы. Надо защищать ее от тех, кто не способен ни понять, ни оценить зарождающийся европейский патриотизм»¹⁵.

Сторонники европейской интеграции считают, что ее можно рассматривать как эффективную попытку сохранению идеи и института национального государства в условиях глобализации. Именно благодаря интеграции европейские государства сохранили возможность координировать сферу и темпы наднациональных процессов, а также конкурентоспособность национальных экономик в изменяющемся мире. Национальные государства функционируют ныне в контексте глобализации, и ЕС следует рассматривать как международную организацию, имеющую целью снижение риска, с этим обстоятельством связанного.

Глобализирующееся государство становится основным субъектом международных отношений. Национальные государства пытаются контролировать процессы глобализации, использовать их как стимул для собственного развития. Благодаря коллективным решениям, принимаемым в рамках ЕС, этот контроль в известной мере и обеспечивается. Происходит своеобразная канализация, направленное развитие этих процессов¹⁶.

По мысли известного философа З. Баумана, реальное положение дел вряд ли соответствует вышеописанной достаточно гармоничной ситуации. Главным институтом, призванным обеспечивать мировой порядок, прежде было государство. Именно оно было той инстанцией, которая располагала монопольным правом на определение норм и принципов действия на контролируемой им территории, обладало силой, способной заставить уважать эти нормы и принципы. Законодательная и исполнительная сила государства основывалась на «триединой мощи» – военной, экономической и культурной.

В прежних условиях глобальные проблемы решались в сфере внешней политики, осуществляемой с помощью военной силы или переговоров. Задачей «мировой политики», иначе говоря, политики глобальной, было соблюдение принципа полного и нерушимого суверенитета каждого государства на контролируемой им территории¹⁷.

Мировой порядок состоял из суммы локальных порядков. Над этим парцеллированным миром возвышалась надстройка двуединого блока великих держав. Каждый блок следил за определенной степенью координации между порядками в тех государствах, которые входили в сферу его влияния. Постепенно в политической практике все более утверждались принципы новой, надгосударственной интеграции национальных государств; сфера же международных отношений все более становилась ареной взаимодействия и сосуществования не столько отдельных государств, сколько блоков, лагерей. Попытка ряда государств создать блок неприсоединившихся стран отнюдь не поощрялась двумя противоборствующими блоками. Со временем роль государства изменилась. «Триединая мощь» ослабла, и для контроля за своей территорией, государству необходимо было вступать в международные союзы, добровольно отказываясь от определенной доли своего суверенитета. Итак, когда «занавес был поднят», невидимая прежде картина оказалась весьма странной: многие государства без всякого принуждения отказывались от своего суверенитета в пользу надгосударственных организаций; как казалось, давно умершие этнические группы ожили и стали бороться за собственную государственность. Почувствовав новые возможности, десятки «новых» народов стали претендовать на собственное представительство в «трещащем по швам» зда-

нии ООН, создатели которого даже не предполагали наличия такого количества «равных» членов. «Именно крах государственного суверенитета придал идее государственности такую неслыханную прежде популярность»¹⁸.

Очевидно, что защита национальных параметров человеческого существования предполагает по меньшей мере наличие определенных знаний, некой исторической памяти. Как отмечал в свое время С. Оссовской (известный польской социолог), родина – это не что-то реально-объективное, а скорее нечто существующее в субъективном восприятии определенной группы людей.

Потому, чем меньше знаний и эмоций связано с так понимаемой «отчизной», тем слабее связь с ней. Поэтому представляется очевидной необходимость обладания определенными знаниями, хотя бы минимальной культурной компетенцией. В настоящее же время имеет место процесс разрыва людей с их «малой родиной», кризиса национальной культуры и вместе с тем снижения уровня знаний о европейской культуре. Указанные процессы разворачиваются на фоне наступления гомогенной массовой глобальной культуры.

Локальное исследование, проведенное в одном из регионов Польши И. Букрабой-Рыльской, показало, что в иерархии значимости того или иного региона для поляков, наиболее важным являются «мое место проживания», затем «моя страна», «мой регион», «мир» и на самом последнем месте – Европа¹⁹.

Как пишет известный польский литературовед Мария Янион «На протяжении двухсот лет наша культура концентрировалась вокруг духовных ценностей, понимаемых как символы польской идентичности, такие как родина, свобода, национальная солидарность. Вместе с социальными, политическими, экономическими переменами, которые должны были превратить Польшу в «нормальную» страну демократии и свободного рынка, это единство системы ценностей оказалось нарушенным. «Единство» противостоит «множественности», «солидарность» – «конкуренции», а ценности (преимущественно духовные) – «интересу» (прежде всего экономическому)»²⁰.

В польском сознании утвердилось представление о двух Европах: циничной и холодной, равнодушной к судьбе поляков и идеальной и возвышенной, основанной на христианских ценностях. Польская идентичность основана на романтической парадигме. Некогда Бисмарк говорил, что поляки – это политики в поэзии и поэты в политике. Но для нынешней Польши данное утверждение вряд ли актуально. Польские исследователи пишут о разрушении прежней парадигмы и формировании новой, основанной на европейских ценностях. Сложность в том, что идентичность поляков двойственна: «Кичливый лях» (по выражению Пушкина) является таковым только в России. «Этот лях, – пишет польский исследователь Я. Прокоп, – стоит на границе двух

миров, по сути чуждый обоим. Он боится подскользнуться на блестящем паркете брюссельских кабинетов, франкфуртских и парижских банков, потерять-ся в страсбургских кулуарах и вместе с тем он пренебрежительно относится к азиатам»²¹.

Несомненным приоритетом польской геополитики являются взаимоотношения с США, рассматриваемыми как гарант польской безопасности. Известно, что поляки на протяжении многих лет являли собой общество, наиболее позитивно относящееся к США. Однако в последнее время проамериканские настроения несколько поостыли. Число респондентов, положительно относящихся к Америке, уменьшилось с 62% в 2005 г. до 38% в 2006, а число настроенных негативно возросло с 15 до 24%. Хотя поляки менее критически относятся к США, чем жители Западной Европы, но их неодобрение вызывают отношение США к пленникам Гуантанамо (61%), способ ведения войны в Ираке (52%), действия США по отношению к движению Хезболлах (40%)²².

Как полагает Р. Зенба (профессор Варшавского университета), отношения Польши и США не в полной мере отвечают польским интересам. Более того, до прихода к власти правительства Д. Туска Польша находилась в положении скорее сателлита, чем равноправного партнера США. Произошла своеобразная «самосателлизация» Польши, свидетельством чего является пребывание польских войск в Ираке и Афганистане, ухудшение отношений с ЕС. Между тем США проводит глобальную политику, Польша в этом масштабе «едва видна». Отношения двух стран явно ассиметричны. Ослабление же позиций Польши в ЕС ослабляет ее и как партнера США. Польша верный и «дешевый» союзник США: она не ставит никаких условий: в 1991 г. польская разведка предоставила США план подземных складов оружия в Багдаде, ничего за это не потребовав, в 2003 г. Польша вслед за США отправила свои войска в Ирак, не оговорив никаких условий. Польская политическая элита «не умеет слаженно играть в оркестре, каковым является НАТО и ЕС». Элите свойственно представление о Польше как значительном государстве, едва ли супердержаве. Но это не совсем так. «Мы ведем игру за пределами своих возможностей»²³.

Заметим, что в 2008 г. проамериканская направленность польской внешней политики несколько сгладилась. Это проявилось, в частности, в ужесточении позиции по отношению к проблеме размещения на территории Польши противоракетных установок (программа ПРО). На одной из пресс-конференций Р. Сикорский заявил (по итогам встречи с заместителем госсекретаря США Д. Фризом), что возможна ситуация, когда соглашение с США не будет достигнуто. Между тем в 2007 г. Л. Качиньский во время визита в США дал понять, что вопрос о ПРО уже практически решен в пользу США. Но после

досрочных парламентских выборов и прихода к власти «Гражданской платформы» ситуация перестала быть столь однозначной, а требования польской стороны возросли: речь идет о желании Польши получить от американцев комплексы противовоздушной обороны «Пэтриот», которые нужны якобы для защиты от потенциальной российской угрозы, связанной с размещением на польской территории базы ПРО. Поляки требуют также модернизации своей армии за счет США, которая может обойтись в 20 млрд. долларов. Нынешнее правительство не соглашается также на бесплатную аренду земли под ПРО.

Справедливости ради следует заметить, что Я. Качиньский в свое время также выдвигал по отношению к США определенные требования, связанные с гарантиями безопасности Польши, но тогда голос Варшавы звучал менее решительно. В настоящее время польский МИД готов в большей степени учитывать позиции России, о чем свидетельствуют результаты польско-российских консультаций по этому вопросу, имевшие место в начале 2008 г.

Госдепартамент США считает требования Польши чрезмерными, США исходит из того, что поляки сами должны нести основной груз модернизации. Претензии же поляков на американскую помощь трактуются как «неосуществимые мечтания».

Варшавский Центр исследования общественного мнения неоднократно проводил исследования, посвященные этой проблеме. Полученные результаты всегда свидетельствовали о негативном отношении большинства поляков к идее размещения противоракетных установок. Так, летом 2007 г. число противников последних составило 55% опрошенных, причем 27% из них декларировали себя как решительных противников, к сторонникам размещения установок относили себя 28% респондентов, но только 9% из них были твердо убеждены в правильности своей позиции. Причем исследования, проводимые с декабря 2005 г., показывают постоянный рост числа противников установок²⁴.

Эта категория респондентов преобладает почти во всех социально-профессиональных группах. Исключением являются руководящие работники и интеллигенция. Здесь позиции сторонников и противников почти равны: 46% – «за» и 44% – «против». Это весьма отличается от мнения других социально-профессиональных групп, особенно крестьян, среди которых доминирует скептическое отношение к размещению противоракетных установок. Молодежь более часто одобряет размещение установок, чем люди старшего возраста.

Достаточно отчетливо прослеживается связь между политическими предпочтениями и отношением к размещению установок. Больше всего противников таковой среди сторонников левизы (64%), немного меньше среди центристов (59%), значительно меньше среди сторонников правых партий (47%)²⁵.

Итак, большинство поляков совсем недавно выступала против размещения на территории страны американских противоракетных установок. Однако ситуация с противоракетными установками приобрела несколько иное звучание в связи с событиями российско-грузинской войны 2008 г.

Эти события вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Президент Лех Качиньский, преодолевая все трудности и проiski, незамедлительно вылетел в Тбилиси, захватив по дороге президентов Латвии, Эстонии, Литвы и Украины.

На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую команду, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое истинное лицо, столь известное полякам. Речь шла о России, которая всегда стремилась подчинять себе соседние государства и решившей, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией может наступить очередь Украины, потом прибалтийских государств, а впоследствии, возможно, и Польши.

Смелая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея в виду ночь с 12 на 13 сентября, когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше.

Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, сопровождавший президента в его поездке, отметил, что выступление польского лидера было его самостоятельной инициативой и отнюдь не является официальной позицией Польши. Сикорский отличается от президента более умеренными и сдержанными взглядами. Качиньский во время полета в Тбилиси даже шутил, что русские не подстрелят самолет, так как на борту Радек Сикорский.

Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Дональд Туск, заметив, что Качиньский сказал в Тбилиси «несколько лишних слов». Польша же, как полагает премьер, не должна быть той страной, которая имеет «самые плохие отношения с Россией из всех государств – членов ЕС» и быть «миссионером любой ценой»²⁶.

Правда, по инициативе польской стороны и того же Д. Туска, было созвано экстренное совещание представителей стран-членов ЕС по кавказскому конфликту.

Заметим, что Качиньский и Саакашвили давние друзья: президент неоднократно бывал в Грузии, в том числе и в 2007 г., когда Мишико закрыл оппозиционный телевизионный канал «Имеди». Работа последнего возобновилась в результате успешной посреднической миссии А. Михника, отправившегося

в Тбилиси по просьбе США и Брюсселя. В те горячие для Саакашвили дни Качиньский однозначно принял его сторону в противостоянии президента и оппозиции.

А. Михник, относящий себя к числу «польских антисоветских русофилов», посетив несколько раз Грузию, стал решительным грузинофилом. Позиция А. Михника достаточно типична для многих представителей польского политического класса. Истоки событий, как полагает «антисоветский русофил», следует искать в специфике политических процессов, происходящих в России в последнее время, свидетельствующих о явно обозначившихся антидемократических тенденциях.

«Атака России против Грузии» стала «серьезным поражением российской демократии», – полагает А. Михник. Но это не потеря Россией лица. Россия показала миру именно такое лицо, которое хотела показать. «И в этом смысле это успех России»²⁷.

Об опасности имперской или неоимперской политики России, о ее неприглядном «истинном лице», которое показалось, когда «демократическая маска» упала, говорится в статьях многих польских публицистов и политологов, появившихся в печати в связи с событиями на Кавказе. Так известный польский политолог А. Смоляр полагает, что Путин (заметим, что в польской печати Путин и Медведев рассматриваются как некий спаянный тандем, хотя и отмечается, что Медведев эlegantнее и обаятельнее своего соратника) только и мечтает об имперской России, проводя при этом на Кавказе анахроничную имперскую политику. Россия вовсе не так уж горячо заинтересована в маленьких кавказских республиках – речь идет о «геополитической трансформации мира для реализации своих имперских амбиций». А. Смоляр полагает, что между Россией и Западом – глубокая пропасть. «Россия может быть партнером в переговорах об энергоносителях, о борьбе с терроризмом, о распространении оружия массового поражения, об Иране, Северной Корее, исламском радикализме. Но она не является и не может быть партнером для переговоров о мировом порядке»²⁸.

Продолжая мысль А. Смоляра, публицист «Жечипосполитой» М. Магеровский констатирует, что Россия не может рассчитывать на благосклонность Запада и рассматриваться как стратегический международный партнер. Она ни с кем не считается, не соблюдает демократические ценности и вдобавок бомбит своих соседей. Такая страна представляет реальную опасность для цивилизованного мира²⁹.

Многие польские политологи и публицисты разделяют характерную для польской общественной мысли позицию о невозможности некоего самобыт-

ного развития России, полагая, что, – сейчас, как, впрочем, и всегда, она стоит перед выбором: или окончательная интеграция с Западом, или погружение в изоляцию, превращение в страну, с вымирающим населением, ставящую вечные вопросы об идентичности, предназначении и мечтающей о величии³⁰.

Постулат о пограничном положении России, непреложной предопределенности выбора между Востоком и Западом и о нежелании (или невозможности с силу глубоких цивилизационных причин) выбора в пользу Запада достаточно характерен для размышлений польских авторов. Лежащая на границе двух миров Россия, – полагает З. Рачинский – не хочет быть частью «либерально-демократического интернационала». Действующая в России система власти больше похожа на классическую модель российского самодержавия, чем на настоящую демократию. Но это нравится россиянам. «Кавказская война проходила в атмосфере высокого патриотического подъема и не только явилась бальзамом для изболевшейся русской души, но и послужила консолидации властной элиты»³¹.

Особо глубокие знания Польши, касающиеся всех проблем, связанных с Россией, обусловленные всей историей взаимоотношений двух стран – достаточно часто повторяющийся мотив в материалах польских СМИ. Эти знания позволяют Польше претендовать на роль эксперта по восточной политике ЕС.

При всей распространенности подобного рода представлений, их разделяют не все поляки. В Польше есть люди, думающие по-другому и не побоявшиеся в связи с этим попасть в число российских «агентов влияния». Так М. Яницкий и В. Владыка на страницах популярного в стране еженедельника «Политика» усматривают опасность в политике Л. Качиньского, направленной на превращение Польши в некое прифронтовое государство, которому постоянно угрожает Россия. Эта политика, выглядевшая патриотической, на деле становится политикой «морально-патриотического шантажа» и отнюдь не способствует реалистическому взгляду на вещи³².

Весьма опасно, полагает М. Островский на страницах той же «Политики» сводить патриотизм к «громким, смелыми бескомпромиссным» декларациям против России. Лозунг изоляции России может быть и хорош в Португалии или за Атлантическим океаном, но весьма неоднозначен для страны, с Россией соседствующей³³.

Польским национально-государственным интересам соответствует укрепление независимости постсоветских государств, вовлечение их в западные структуры, уменьшение зависимости от российских источников сырья пипет на страницах «Жечипосполитой» известный публицист П. Сквечинский. Эта позиция Польши порождает конфликт интересов между Москвой и Варшавой.

Ситуация печальная, но нормальная. Ненормально же отношение поляков к России и русским. Одним из основных элементов мышления поляков о России является лицемерие, что проявилось в частности в отношении к грузинскому конфликту. Польские интересы соответствуют поддержке Грузии, но при этом удивляет упорство, с каким поляки не хотят признать факта, что и сама Грузия выступила как агрессор, напав на Осетию. Внешняя политика управляется национальным эгоизмом. Это нормально, что поляки поддерживали грузинскую агрессию. Ненормально делать вид, что невозможен иной подход – оценка действий России как попытки защитить малый народ от аннексии грузин. Хотя при этом Россия руководствовалась, конечно, не любовью к осетинам, а своими национально-государственными интересами.

«...Складывается впечатление, – пишет П. Сквечинский, – что единственным действием российского правительства, которое было бы признано поляками удовлетворительным, было бы провозглашение роспуска собственного государства и призыв соотечественников к коллективному самоубийству. Тогда бы на берегах Вислы все были бы довольны. Хотя и это наверное стало бы поводом для комментариев о российских саморазрушительных традициях, завершении дела Дзержинского и Сталина...»³⁴.

Потенциальная опасность для Польши со стороны России сохраняется. Но для антироссийской волны, захлестнувшей Польшу, – полагает П. Сквечинский, – оснований нет. Вовсе не обязательно унижать Россию для утверждения достоинства Польши.

Многие польские обозреватели расценивают события на Кавказе как конфликт России и США, в котором Польша в силу недостаточности своего потенциала, не может играть равноправную роль, и потому ее претензии просто смешны. Именно так расценивает польскую политику экономист и публицист В. Кучинский. «Не думаю, – пишет он, – что громкие крики Польши – хоббита в окружении лилипутов – на кого-то произвели впечатление. Они смешны»³⁵.

Серьезные надежды в Польше возлагают на проект восточного партнерства, предложенного Польшей и Швецией. Суть последнего в обеспечении диверсификации поставок углеводородов и ослаблении зависимости от России. А. Михник сравнивает этот план с планом Маршалла для Грузии, Армении, Азербайджана, Украины и Молдавии. Автор «Жечипосполитой» А. Халицкий полагает, что план восточного партнерства может стать визитной карточкой правительства Д. Туска. Ведь в 2011 г. Польша будет председательствовать в ЕС и этот год может стать годом «великого политического открытия на Востоке»³⁶.

Заметим, что и сам польский президент не такой уж безумный романтик, борющийся за «вашу и нашу свободу».

Не самые лучшие друзья Качиньского, вспоминая о равнодушном отношении его к Ю. Пилсудскому, с насмешкой говорят о том, что президент ищет для себя «Каштанку», оседлав которую он мог бы покорить Россию (с Каштанкой – любимой лошадей Пилсудского, сравнивают Саакашвили).

Президент же заявляет, то он вовсе не строит свою политику на идеях маршала. Сейчас другое время и другая ситуация. Качиньский отнюдь не стремится к воссозданию первой Речи Посполитой. Не такой уж он мечтатель. Просто Россия боится усиления влияния Польши в регионе, который действительно некогда входил в состав Речи Посполитой, а Грузия, Украина и Азербайджан имеют особое значение для Польши. Азербайджан может стать мощным источником нефти и газа, поставляемым на запад в обход России. Качиньский работает над реализацией плана восточного партнерства уже два года. Смена руководства в Грузии очень осложнила бы ситуацию. Поэтому, как подчеркивает сам президент, помимо чисто эмоционального момента, грузинская проблема столь важна. Происходящее в Грузии опасно для польских планов энергетической диверсификации и потому его реакция была именно такой. Л. Качиньский отрешивается от обвинений в русофобии, декларируя свою политику как прагматическую и реалистическую. Реализм же предполагает, прежде всего, необходимость для Польши евро-атлантической ориентации.

Подчеркивая свое верность союзническим обязательствам как члена НАТО, Польша тем не менее приняла решение о выводе своих войск из Ирака, хотя в Афганистане польский воинский контингент остается.

Преобладающее большинство поляков (осенью 2007 г. таковых насчитывалось 72%) не поддерживает участие своих соотечественников в военной операции в Афганистане. Только 5% респондентов были решительными сторонниками военного присутствия Польши в Афганистане, а 17% поддерживали эту акцию в той или иной степени³⁷. Чаще участие Польши в афганской войне одобряют молодые люди (от 18 до 24 лет) – 30% респондентов. Поддержка военной акции уменьшается вместе с возрастом: только 12% среди поляков старше 64 лет выражают таковую. Меньше всего сторонников акции среди жителей деревни, больше всего – среди жителей крупных городов. Поддержка польского военного присутствия в Афганистане достаточно четко связана с уровнем образования респондентов (чем выше образовательный уровень, тем выше уровень поддержки акции). Относительно слабо прослеживается связь между отношением к акции и политическими взглядами. 61% респондентов не верит в то, что военное присутствие НАТО в Афганистане будет

способствовать установлению мира в этой стране и только 3% твердо убеждены в обратном³⁸.

Участие польских солдат в военной операции НАТО в Афганистане обусловлено принадлежностью страны к Североатлантическому Альянсу. Преобладающее большинство поляков сам этот факт в полной мере принимают (78%), что не означает автоматической поддержки всех военных акций НАТО. Более того, 69% респондентов полагают, что участие в военных акциях НАТО оправдано только тогда, когда оно соответствует интересам страны³⁹. Не меняется весьма негативное отношение поляков к участию польских воинских подразделений в военной операции в Ираке. Против этой акции выступают 80% респондентов и только 17% в той или иной степени эту операцию поддерживают. Больше всего сторонников акции среди молодежи (до 24 лет)⁴⁰.

Политические предпочтения мало сказываются на негативном в целом отношении к акции. Правда, несколько больше сторонников последней среди респондентов, поддерживающих партию «Право и справедливость».

Традиционно одним из приоритетов польской внешней политики является региональное сотрудничество, в частности, в рамках Вышеградской группы.

Вышеградская группа образовалась в 1991 г. в состав ее вошли Венгрия, Польша и Чехословакия. После распада последней, Вышеградская тройка превратилась в четверку. Целью объединения было создание для стран-участниц благоприятных условий для вхождения в общеевропейские структуры. Эта цель достигнута, что отнюдь не означает бесполезность дальнейшего сотрудничества.

Хотя инициатором создания Вышеградской группы был В. Гавел, чешская сторона в лице своего премьера В. Клауса выражала большие сомнения в целесообразности существования объединения. В годы правления Клауса в Чехии и Мечиара в Словакии Вышеградская группа существовала скорее на бумаге. Однако со временем позиция политиков изменилась, и идея регионального сближения уже не представлялась такой уж бесперспективной. При этом в качестве лидера Вышеградской группы рассматривалась Польша. «Чехия, а за ней Словакия и Венгрия, — пишет С. Аралофф, — несмотря на историческую, культурную и экономическую близость к Австрии и Словении, избрали в качестве доминанты своей внешней политики именно союз с Польшей — географически и демографически мощным государством региона, желающим и, главное, способным на равных говорить со столицами развитых европейских стран»⁴¹.

Именно Польша претендует на роль лидера в этом региональном объединении. Однако в начале вышеградского процесса эта роль далеко не всеми

признавалась. Претендующая на роль регионального лидера Польша не всеми потенциальными партнерами воспринималась как центрально-европейское государство. В строго географическом смысле Польша таковым и не является: северная часть ее территории принадлежит к Балтийскому региону, а восточные земли, граничащие с Украиной и Белоруссией, – к Восточной Европе.

Причем в европейских структурах – НАТО и ЕС – долгое время господствовало мнение З. Бжезинского, согласно которому Польша не может быть самостоятельным геостратегическим игроком и ее шанс – интеграция в Европу. Но развитие Польши после 1989 г. опровергло мнение Бжезинского. Известный польский политик Б. Геремек в 1999 г. писал: «Польша не большая страна, но не такая уж и маленькая. В качестве члена двух больших структур – Европейской и Евро-Атлантической – Польша может играть роль страны, ответственной за регион Центральной Европы ... Польша является моделью для региона, сегодня более, чем когда-либо; она – пример успешной трансформации, благодаря которой произошел отказ от политических отношений, основанных на зависимости от Советского Союза и вступление в мир, в котором свобода означает возможность достичь экономического успеха и национальной независимости»⁴².

С течением времени деятельность V4, как иногда называют Вышеградскую группу, активировалась. Страны-участницы сотрудничают в самых разных областях; в частности, в сфере культуры, науки, образования, оборонной политики, экономики, борьбы с международным терроризмом. Вполне вероятно, что со временем границы V4 расширятся, и к объединению присоединятся другие страны, в частности, Румыния, Болгария, Хорватия, Украина, Сербия, Черногория, а, возможно, и Белоруссия.

Шансом к расширению V4 можно считать вышеупомянутую идею энергетической безопасности, которую выдвинул польский президент Л. Качиньский во время визита в США в 2006 г. Суть состоит в достижении диверсификации источников энергоносителей, которыми пользуются страны Европы. В настоящее время Россия является практически монопольным поставщиком газа в страны ЕС. Мысль о необходимости диверсификации энергоносителей впервые высказал К. Марцинкевич в бытность свою премьером польского правительства. Эта идея нашла поддержку у стран – членов Вышеградской группы, выразивших готовность создать «организацию коллективной энергетической безопасности» по образцу и подобию НАТО.

Стремление Польши играть роль регионального лидера проявляется и в ее отношениях с государствами, образовавшимися после распада СССР.

Д. Туск является сторонником идеи «восточного партнерства», направленного на углубление сотрудничества между Евросоюзом и его восточными соседями за исключением России и Белоруссии. Варшава намеревается помогать Украине, Молдавии, Грузии, Азербайджану и Армении. Эту идею поляков поддерживают такие западные страны как Швеция, Великобритания, Дания, Германия. Данная инициатива вписывается в рамки претензий Польши на роль главного стратега в восточной политике ЕС.

К числу приоритетных направлений польской геополитики традиционно относятся взаимоотношения с Германией.

Польско-немецкие отношения осложнены историческими проблемами, что отражается и на современности. Попыткой преодоления стереотипов и исторически сложившихся предубеждений является идея создания общего польско-немецкого учебника. Комиссия по учебникам была создана еще в 1972 г. Толчком к интенсификации ее работы стало появление в 2006 г. совместного французско-немецкого учебника.

Германия выступила с идеей создания общего учебника истории для всех стран ЕС, что было неоднозначно оценено в Польше. Министр образования в правительстве Я. Качиньского Р. Гертых (лидер партии «Лига польских семей») встретил идею совместного учебника в штыки, опасаясь, что Польша утратит свою идентичность в результате неадекватной расстановки исторических акцентов в таком учебнике.

В 2007 г. в Польше был назначен новый руководитель польско-немецкой комиссии по контролю за учебниками – профессор Р. Траба. В учебнике предполагается осветить историю более чем тысячелетних польско-немецких отношений. Реальный шаг уже сделан: в 2007 г. состоялась презентация учебника, охватывающего период 1933–1949 гг. Не по всем проблемам польско-немецкие историки находят абсолютное взаимопонимание, но работа ведется⁴³.

Р. Траба – сторонник позиции «двух патриотизмов», т. е. необходимости видеть не только героические, но и горькие страницы собственной истории (современный историк в таком подходе далеко не одинок. Именно такой позиции придерживались известные польские ученые прошлых времен – Ю. Шуйский, М. Бобжиньский). В рамках идеи «двух патриотизмов» развивается деятельность культурного сообщества «Боруссия», центр которого расположен в г. Ольштын.

Суть идеологии сообщества – отказ от прежних мифов – «возвращения на обретенные земли», «исконных польских земель» и рассмотрение западных земель как сложного многокультурного феномена, где сосуществуют разные традиции и этносы. И поляки, и немцы, и литовцы, и украинцы – все имеют

право считать эти земли своей родиной. «Культурное сообщество «Боруссия», – говорилось в манифесте, – стремится активно участвовать в создании единой Европы, Европы этнических отечеств»⁴⁴. Сообщество «Боруссия» исходит из концепции «открытого регионализма», т. е. стремления не замыкаться только на польском историческом компоненте западных земель, учитывать и все другие национальные составляющие⁴⁵.

Особенно подчеркивалась необходимость достижения единства и согласия между польским и немецким народами.

«Боруссия» подготовила альбом «Атлантида Севера», посвященный западным землям. Альбом вышел на польском и немецком языках и призван был символизировать лишенный всякой идеологии подход не только к польскому прошлому земель польско-немецкого пограничья. Сообщество «Боруссия», по сути, стремится к созданию некой новой «культурной памяти, где присутствовали бы элементы культуры и истории всех народов данного региона.

Между тем государственная политика (во всяком случае до 2007 г.) поддерживала несколько иное видение истории: скорее избирательное, акцентирующее только польское и только положительное. Такой подход, по меньшей мере, не совсем правомерен. Свидетельством тому может служить история с т. н. «камнем Бисмарка», произошедшая в одной из мазурских деревень Накомады. В этой деревне издавна (с 1899 г.) стоял обелиск, посвященный памяти «железного канцлера». В 2000-е годы разгорелся спор о том, оставлять ли обелиск или убрать его. Сторонники разных позиций не скупились на взаимные оскорбления и обвинения, и у каждой стороны были свои аргументы.

Нельзя выбирать в истории только то, что нравится, отвергая неудобное. В данном случае отказ от полноты видения проблемы равнозначен отказу от стремления осознать, почему Бисмарка на Мазурах так превозносили на рубеже XIX и XX вв., понять, почему в 1932 г. большинство мазуров голосовали за Гитлера и его партию⁴⁶.

Можно, конечно, сводить всю историю западных польских земель к борьбе против «насильственной германизации», но будет ли это правдой?

Отношения поляков и немцев на западных землях складываются не бесконфликтно. В основе конфликтных ситуаций нередко лежат проблемы, связанные с языком административного управления и географическими названиями. Так, в Опольской Силезии основной культурный конфликт между живущими здесь поляками и немцами касался именно этих проблем. Организации немецкого меньшинства с начала 90-х стремились к введению немецкого языка как второго административного и к двуязычию в топографических названиях, а поляки этому противостояли.

Согласно закону о польском языке, принятому в 1999 г. не запрещено двуязычие в органах административного управления и двуязычные учреждения. Но ничего не говорится о двуязычии в топографических названиях. По сей день действует распоряжение президента Польши от 1934 г., запрещающее двуязычие в этой сфере. Польша не подписала Европейскую хартию региональных языков и языков национальных меньшинств, содержащую предписания, касающиеся данной проблемы, а подписанная Польшей рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств не дает четких указаний на этот счет. В свое время польский министр иностранных дел Скубишевский в письме Геншеру разъяснил, что польская сторона «не видит возможности допущения... официальных топографических названий и на немецком языке»⁴⁷.

Официально двуязычных названий нет в Опольской Силезии, но немцы помещают названия улиц и городов и на немецком языке на своих участках, что невозможно запретить. В данном контексте возникает вопрос, к каким, собственно, немецким названиям следует возвращаться? К тем, которые использовались в 30-е годы, и были число немецкими или к используемым ранее, до прихода Гитлера к власти и звучавшим как онемеченные славянские. Немцы объясняют свою приверженность к названиям периода 30-х годов тем, что их еще помнят ныне живущие немцы.

Как полагает М. Будыта-Будзиньска, борьба за возвращение прежних топографических названий имеет глубокий смысл. Ведь именно названия каждый день, а не только по праздникам напоминают людям об их национальной принадлежности. «Язык и особенно топографические названия становятся и для своих, и для чужих реальными и осязаемыми символами общности. Своим они говорят «мы здесь, мы существуем, несмотря на неблагоприятные обстоятельства», чужим же напоминают: «вы на нашей исторической территории, на земле, где живут люди другой национальности»⁴⁸.

В первой половине 90-х гг. немецкое меньшинство в Опольской Силезии без разрешения властей начало реконструировать или устанавливать памятники немецким солдатам, погибшим в Первой и Второй мировых войнах. После Первой мировой войны в этом регионе было установлено около 200 памятников погибшим. После Второй мировой войны по распоряжению властей большинство памятников было демонтировано, но жители спрятали многие памятники, а в 90-е годы вернули их на прежние места, часто дополнив таблицами и памятными знаками, связанными с погибшими во Второй мировой войне. На некоторых памятниках поместили железные кресты, каски Вермахта, названия военных частей периода последней войны.

Поляки реагировали на подобного рода действия крайне отрицательно.

Была создана специальная комиссия, изучившая положение дел и предписавшая заменить железные кресты христианской символикой, топографические названия использовать в интерпретации, существовавшей до 1933 г., а немецкие надписи заменить на двуязычные. Далеко не везде комиссии удалось настоять на выполнении своих требований. Иногда достигали компромисса, оставляя железные кресты на памятниках периода Первой мировой войны и устрояя на памятниках погибшим в годы Второй мировой войны.

Особую окраску эти споры о памятниках, в принципе типичные для пограничья, приобретают в связи с тем, что многие жители Опольской Силезии лишь недавно решили для себя, что они – немцы. «Эти «свежеиспеченные» немцы, неуверенные в своей немецкости, плохо знающие немецкий язык и немецкую культуру, должны постоянно доказывать свою «извечную» немецкость. Этому служат возвращение к немецким топографическим названиям и борьба за памятники – свидетельства немецкой культуры.

По официальным данным, согласно переписи 2002 г., в Польше проживают 152,9 тыс. немцев, хотя до переписи считалось, что немцев в стране значительно больше до 500 тыс. человек⁴⁹. Немцы компактно проживают на территории Опольского, Силезского, Нижнесилезского, Варминско-Мазурского и Куявского-Поморского воеводств. Немцы достаточно широко представлены в органах местного самоуправления, с 1990 г. представители немецкого меньшинства заседают в Сейме. По числу детских воспитательно-образовательных учреждений с немецким языком (детские сады, школы, гимназии, лицеи) немцы превосходят все другие национальные меньшинства. В Польше существует периодика на немецком языке.

Заметим, что вплоть до конца 80-х гг. польские власти официально не признавали факт существования немецкого меньшинства в Польше. Примас Глемп отказался удовлетворить просьбу о введении богослужения на немецком языке, мотивируя отказ отсутствием немцев в стране. Еще в 1989 г. в Ополье не регистрировали организацию немецкого меньшинства под тем же предлогом.

В начале же 2000-х годов действовало от 50 до 60 различного рода немецких организаций (их число постоянно меняется). В 220 приходах проводится богослужение на немецком языке⁵⁰.

Между тем в Германии отказываются признавать живущих там поляков национальным меньшинством, что вызывает недовольство польской стороны.

В последние годы польско-немецкие отношения были осложнены проблемой, связанной с т. н. Центром изгнанных.

В Германии на правительственном уровне принято решение о создании мемориального центра, посвященного памяти об изгнании после Второй мировой войны 12 млн. немцев из стран Центральной Европы. Центр будет размещен в Берлине (в качестве места размещения центра одно время фигурировал Вроцлав). Центр создается по инициативе председателя «Союза изгнанных» Э. Штейнбах. Поляки относятся к этой идее весьма настороженно, тем более, что немцы, некогда переселенные с нынешней территории Польши довольно активно поднимают вопрос о компенсации за утраченное имущество, изучают польские архивы в поисках документов, подтверждающих их права, часто приезжают в Польшу навестить места, где прежде проживали. Причем приезжают, руководствуясь не только ностальгией: «Союз изгнанных» составил подробный компьютерный реестр собственности немецких граждан, после войны вынужденных покинуть Польшу.

Не благоприятствует развитию польско-немецких отношений и строительство газопровода, проходящего по дну Балтийского моря, по которому газ из России, минуя Польшу, будет поступать в Европу. Р. Сикорский (как упоминалось выше) сравнивал соглашение о строительстве этого газопровода с пактом Риббентроп–Молотов. Но резкие слова министра иностранных дел сейчас стараются не вспоминать. С приходом правительства Туска и в Германии, и в Польше связывают большие надежды, связанные с улучшением отношений между двумя странами.

* * *

Многие польские политики любят вспоминать слова Ю. Пилсудского, говорившего, что нельзя изменить географию, но можно изменить геополитику. Действительно, можно констатировать, что Польша в условиях сложившихся после демократических преобразований конца 80-х – начала 90-х гг. разрабатывает соответствующую новым политическим реалиям геополитическую стратегию и достаточно успешно ее реализует.

Примечания

¹ Данная работа не претендует на полноту разработки проблемы. В ее задачу входит освещение лишь некоторых аспектов последней.

² «Ягеллонская концепция» основана на апелляции к наследию польских королей династии Ягеллонов, стремившихся к расширению польских границ на Восток. Эта

концепция противостоит т. н. «Пястовской концепции», т. е. апелляции к наследию польских королей династии Пястов, основное внимание уделявших западным землям Польши.

³ *Warzecha Z.* Zbyt wiele miękkiego euroidealizmu // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2008, 9 maj. – S. 14–15.

⁴ *Соколов Б.* Радослав Сикорский: открытый ум Польши. – Режим доступа: http://states2008.ru/ssh_v_global_noj_igre/radoslav_sikorskiy_otkrytyj_um_pol_shi.

⁵ *Tusk D.* Exposé premiera D. Tuska. – Mode of access: <http://www.kprm.gov.pl/s.php>.

⁶ *Tusk D.* Exposé premiera D. Tuska. – Mode of access: <http://www.kprm.gov.pl/s.php>.

⁷ *Saryusz-Wolski J.* Cieszymy się, z traktatu lisbońskiego // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2008. – 7 maja. – S. 16.

⁸ *Robinson H.* W obecnym kształcie Unia Europejska długo nie przetrwa // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2008, 6, maja. – S. 16.

⁹ *Robinson H.* Op. cit. – S. 17.

¹⁰ *Jasińska-Kania A.* Zmieniające się, identyfikacje Europejczyków: Globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // *Globalizacja i co dalej*. – W-wa, 2004. – S. 152.

¹¹ *Europa, Niemcy i Rosja w polskim systemie kultury*. – Wrocław, 2004. – S. 117, 120.

¹² *Kapuciński R.* Inny w globalnej wiosce // *Roczniki nauk społ.* – Lublin, 2004. – t. XXXV. – S. 36.

¹³ *Król M.* Dla kogo otworzyć dom // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2004, 20/21 list. (dodatek Plus-minus), S. 7.

¹⁴ *Skwieciński P.* Historia pisana narodowo // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2004. – 18 list. – S. 13.

¹⁵ Цит. по: *Кулерский В.* Хроника (некоторых) текущих событий // *Новая Польша*. – Варшава, 2007. – № 12. – С. 18.

¹⁶ *Gilarek K.* Europejskie oblicze globalizacji // *Przegląd socjol.* – Łódź, 2003. – № 2. – S. 82.

¹⁷ *Bauman Z.* Globalizacja czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja // *Studia socjol.* – W-wa, 1997. – № 3. – S. 57.

¹⁸ *Bauman Z.* Op. cit. – S. 59.

¹⁹ *Bukraba-Rylska J.* Świadomość kulturalna mieszkańców wsi: od lokalności do globalności // *Przegląd humanistyczny*. – W-wa, 2003. – № 4. – S. 71.

²⁰ Цит. по: *Bukraba-Rylska S.* Op. cit. – S. 24.

²¹ *Prokop J.* Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. – Kraków, 2004. – S. 162.

²² *Rola Stanów Zjednoczonych w świecie w ocenkach mieszkańców 25 krajów Komunikat z badań*. – W-wa, stycz., 2007. – S. 6 // Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_001.07.PDF.

- ²³ Zięba R. Tarcza Ameryki. – Mode of access: <http://www.mojeopinie.pl/py.ph?n=Tarcza>.
- ²⁴ Polacy o tarczy antyrakietowej. Komunikat z badań. – W-wa, lipiec, 2007. – S. 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_007.07.PDF.
- ²⁵ Polacy o tarczy antyrakietowej. Komunikat z badań. – W-wa, lipiec, 2007. – S. 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_007.PDF.
- ²⁶ Туск Д. Польша не должна быть миссионером любой ценой. – Режим доступа: <http://svoboda.news.ru>.
- ²⁷ Michnik A. Prezydent i rząd zdali gruziński egzamin // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 10 wrzes. – S. 23.
- ²⁸ Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 23/23 sierp. – S. 20–21.
- ²⁹ Magierowski M. Potwór Rosja // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 31 sierp. – S. 13.
- ³⁰ Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // Gazeta wyborcza. – W-wa, 2008. – 23/23 sierp. – S. 20–21.
- ³¹ Raczyński Z. Rosja wstaje z kolan // Polityka. – W-wa, 2008. – N 37. – S. 45–46.
- ³² Janicki M., Władysław W. Wewnętrzna polityka zagraniczna // Polityka. – W-wa, 2008. – N 35. – S. 16.
- ³³ Ostrowski M. Co z tą Rosją // Polityka. – W-wa, 2008. – N 34. – S. 13.
- ³⁴ Skwieczyński P. Kompleks Rosji // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13/14 wrzes. – S. 13.
- ³⁵ Kuczyński W. Rosja odbiła Kaukaz // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13 sierp. – S. 14.
- ³⁶ Halicki A. Unia musi przekroczyć Bug // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 30 wrzes. – S. 12.
- ³⁷ Stosunek do udziału polskich żołnierzy w operacji NATO w Afganistanie. Komunikat z badań. – W-wa, paźd., 2007. – S. 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_010.07.PDF.
- ³⁸ Stosunek do udziału polskich żołnierzy w operacji NATO w Afganistanie. Komunikat z badań. – W-wa, paźd., 2007. – S. 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_010.07.PDF – S. 4.
- ³⁹ Stosunek do udziału polskich żołnierzy w operacji NATO w Afganistanie. Komunikat z badań. – W-wa, paźd., 2007. – S. 6. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_010.07.PDF.
- ⁴⁰ Stosunek do udziału polskich żołnierzy w misji stabilizacyjnej w Iraku Komunikat z badań. – W-wa, sierp., 2007. – S. 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/spiskom.pol.2007/k_007.08.PDF.

⁴¹ *Араловф С.* «Вышеградская группа». Альянс против России и Германии. – Режим доступа: <http://www.axiglobe-ru.com/article>.

⁴² *Араловф С.* «Вышеградская группа» – Польская геополитическая ось. – Режим доступа: <http://www.axiglobe-ru.com/>.

⁴³ *Тимофеев А.* Немцы и поляки пишут общий учебник истории. – Режим доступа: <http://www.news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid>.

⁴⁴ *Ńraba R.* Historia przestrzeń dialogu. – W-wa, 2006. – S. 38.

⁴⁵ Borussia. – Mode of access: <http://www.borussia.pl/>.

⁴⁶ *Traba R.* Op. cit. S. 69.

⁴⁷ *Budyta-Budzyńska M.* Mniejszości narodowe – bogactwo czy problem? – W-wa, 2003. – S. 209.

⁴⁸ *Budyta-Budzyńska M.* Op. cit. S. 211.

⁴⁹ *Kasmierczak L.* Trzy procent odmienności – Mode of access: <http://www.opoka.org.pl/>.

⁵⁰ *Budyta-Budzyńska M.* Op. cit. – S. 178.

К вопросу о смене терминологии в регионалистике

Регионалистика как сфера научного знания определяет в качестве объекта своего рассмотрения, в частности, группы стран, их исторически сложившиеся национальные, политические, экономические и другие особенности, а также построенные по единым принципам политического объединения группы государств какого-либо региона, зависимых друг от друга в экономическом, политическом и военном отношении, строящим свою геополитику согласно сходным географическим (положению страны, природным ресурсам, климату и т. д.) и другим факторам. В большинстве случаев означенные группы стран, государств и регионов – образования исторически подвижные, формирующиеся ситуативно, при разном удельном весе тех или иных, чаще всего внешнеполитических обстоятельств и критериев применения вариантов терминологии.

Вряд ли стоит спорить с тем, что в современную эпоху глобализации наиболее радикально, в который раз до неузнаваемости, преобразился и изменил свое место в общеевропейском контексте послеялтинский регион. На данном этапе исторического развития его можно условно определить (руководствуясь самоназванием государств и региона в целом как части «социалистического лагеря», «социалистической системы» или «социалистического содружества») как постсоциалистический. Сразу отметим, что ни регион в целом, ни его отдельные страны (государства) никогда не были и не именовались коммунистическими, поэтому встречающееся в публицистике определение «посткоммунистические» (например, «посткоммунистический мегарегион от Центральной Европы до Монголии») к корректным отнести невозможно.

Обратимся к проблеме уточнения термина наименования того региона, который в послевоенный период традиционно обозначался в советской, а также (применительно к проблематике того периода) в российской историографии как «Центральная и Юго-Восточная Европа». В настоящее время он трансформируется в состоящую из двух субрегионов «Центрально-Восточную и Юго-Восточную Европу» (ЦВЮВЕ).

Непостоянство судеб средних и малых стран-лимитрофов этого региона, многократно, в периоды различных исторических катаклизмов, в ходе соперничества и противостояний мощных соседей, менявших место на геополитической карте Европы, с неизбежностью отражалось на неустойчивости его

наименований. Исторически название «Центрально-Восточная Европа» еще в средневековье распространялось на Польско-литовское государство и два королевства – Чехию и Венгрию. До 1918 г. страны и территории региона входили в состав европейских «империй трех черных орлов», а Балканы лишь незадолго перед этим освободились от власти Османской империи. Затем «Центрально-Восточной Европой» условно именовались территории «на запад от востока и на восток от запада» – между Германией и СССР, а также Венгрия, объединяемые общей политической историей, сходством экономических и социальных структур, цивилизационным уровнем, близостью культурно-религиозных проблем.

К середине XX в. все страны ЦВЮВЕ прошли через горнило Второй мировой войны. Ялтинский миропорядок вылился в утвердившееся на Западе идейно-политическое и терминологическое разделение Европы на Западную и Восточную. В «социалистическом лагере»/«социалистическом содружестве» аналогом последней являлся термин «Центральная и Юго-Восточная Европа», хотя он был не совсем корректным, поскольку включал только восточную часть Центральной Европы и не захватывал относящиеся к Юго-Восточной Европе Грецию и Турцию. Этому неадекватному в географическом смысле региону были свойственны общность идейно-политических судеб, сходство моделей строительства общества и государства (с определенными нюансами), и сходное наличие сложных национальных проблем. Вместе с тем, вполне оправданным было устоявшееся подразделение этих территорий на два субрегиона, отличающиеся по исторической специфике и уровню политического и социально-экономического развития при наличии дополнительных внутренних и внешнеполитических особенностей. На рубеже XXI в. это предопределило как аналогии, так и своеобразие начавшихся системных перемен общественного устройства.

Когда геополитическая и геоэкономическая ситуация поменялись и развернулись преобразования политической и социально-экономической системы, каждая из стран Центрально-Восточной «Вышеградской четверки» стала подчеркивать свою принадлежность к Центральной Европе. Новое образование отнюдь не заменило это геополитическое понятие – оно обозначило подчеркивание несогласия с представлениями о принадлежности к Восточной Европе, которую в новой ситуации стали терминологически ограничивать, прежде всего, Россией, Украиной и Белоруссией. Похожие настроения возобладали и в республиках бывшей Югославии, население которых не принимало отождествления ни с Восточной Европой, ни даже с Балканами, как правило, лишь частично и условно признавая культурную близость с Центральной Европой.

С усилением глобалистских интегративных тенденций, по мере вступления стран региона в Европейский Союз геополитические представления продолжают меняться. С подачи бывшего министра обороны США Д. Рамсфелда Евросоюз трактуется как два субрегиона: «Старая Европа» и постепенно расширяющаяся за счет вступления все новых «постюгославских» государств (Юго-Восточной Европы), меняющая свои конкуры «Новая Европа». Обесцениваются, диверсифицируются и демонтируются ранее сформировавшиеся системы координат во всех существенных сферах миропорядка – в международных и междивизационных отношениях, в области политических и экономических систем, доктрин и идеологических установок. Общественный порядок десятилетия за десятилетием коренным образом изменяется в различных измерениях – в сфере экономики и политики, гражданского общества и культуры, – походя разрешая множественные противоречия и устанавливая новые закономерности развития геочивилизации.

Глубинные, системные преобразования стран ЦВЮВЕ, включая их качественно новый характер, масштабы, темпы и методы, непосредственно увязаны с проблемой комбинации внутри- и внешнеполитических факторов и стали составной частью современного этапа глобализации. Для нынешнего, переходного периода оптимальным представляется более корректный в географическом отношении, свободный от идеологических наслоений термин «Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа» (или «Центрально- и Юго-Восточная Европа», в том и другом случае с аббревиатурой «ЦВЮВЕ») учитывающий как традиции, так и необходимые поправки к критериям разных периодов истории региона.

Еще в конце 70-х гг. американский социолог и геополитик И. Валлерстайн предложил типологию явлений формально экономической, но фактически распространяющейся на большее количество сфер общественной жизни глобализации мира, которая продиктовала общий подход к различным процессам и областям системных трансформаций. Он сформулировал концепцию деления мира на государства трех уровней: ядра (центра) глобализационных процессов, полупериферии и периферии основного направления мировых перемен. Уровень цивилизационно-экономического развития государств увязывался им с успехом демократических преобразований. С этой точки зрения ЦВЮВЕ была отнесена им в основном к полупериферии глобализирующегося мира и лишь часть юго-восточного субрегиона причислена к странам периферии с менее благоприятными условиями для развития этого процесса¹.

Представления об их будущем выводились в его концепции из наличия вариантов, связанных с тем, что для ускорения глобализационного процесса международный капитал заинтересован в достижении в каждой стране ком-

промисса между противоречивыми факторами экономического производства, политической стабильности и социальной безопасности. С прогрессированием глобализации перед капиталом, по его мнению, открылась свобода выбора рынков и механизмов роста экономической рациональности, а также моделей развития. Будут ли они реализоваться, когда и в каком темпе это произойдет, зависит от многих факторов, условий и контекстов, от того, будет ли в них доминировать принцип конкуренции, экспансии и подчинения или принцип корпоративности, стремление к уменьшению дистанции в развитии и выравниванию шансов.

В первом случае возобладали бы тенденции монополизации рынков, масштабированного воздействия крупных корпораций на экономические процессы и увеличения их хаотичности, развития и экспансии за счет государственной казны и клиентов различных стран и народов.

Во втором случае рациональность хозяйствования исходила бы в основном из интересов национальных государств, хотя бы декларативно учитывая интересы граждан (в том числе и сферы бизнеса), обеспечивала бы стабильность экономики и общества, влияла бы на внешние отношения (в том числе связанные с процессами глобализации). В этом варианте принципы рациональности оценивались бы с позиций широко понимаемого и желательного для всех сторон равновесия.

В третьем случае субъектом и критерием рациональности являлись бы потребности и надежды граждан, социальных слоев и групп, общества в целом, всего человечества. В этом случае рациональность толковалась бы как учет широко понятых интересов населения, в том числе беднейших и исключенных глобализацией из производства слоев. Распределение общественных благ базировалось бы на включенности индивидуумов в процесс глобализации, его определенной гуманизации и достижении социального консенсуса. Этот вариант в большей степени учитывал бы масштаб как достижений, так и негативных последствий, а также уровень риска деятельности в условиях глобализации.

Пропорции этих трех вариантов И. Валлерстайн определил как величину переменную, с преобладанием первого, определенной дозой второго и желательности для общества расширения третьего варианта.

Понимание сути и направления преобразований предполагало осмысление широкой проблематики глобализации, наложения друг на друга и аккумуляции системных трансформаций, воздействия европейской интеграции и, наконец, наиболее масштабных, суммарных глобализационных процессов. Логика глобализации доказала свою многоплановость, продемонстрировала динамизм процессов как унификации, так и диверсификации, многообразие

форм и координации, и комбинирования институтов, а также стратегий участников рынка. Открылось обширное поле как для прочерчивания новых страновых, субрегиональных и региональных контуров, так и для более глубоких идейно-теоретических обобщений и обоснований.

Анализ многообразных процессов послевоенного цивилизационного развития региона ЦВЮВЕ, со свойственными ему стадийно-формационными зигзагами (установлением автократического строя с приматом «реалсоциалистической» политической власти, а затем с принципиально новым классом проблем постсоциалистической трансформации – происходящего впервые в мировой истории перехода от системы, основанной на формальном огосударствлении экономической и политической жизни, к основам рыночной экономики и демократии) потребовал тщательного изучения воздействия глобального исторического фона.

Научное понимание процессов новой регионализации невозможно вне контекста этапов всемирной демократизации XIX–XXI вв., без учета бурного оживления экономики, динамичного становления Общего рынка и складывания структур Европейского сообщества в качестве органических компонентов развернувшейся современной глобализации как естественноисторического процесса, а также коренных, системных политических преобразований в странах ЦВЮВЕ в общем потоке глобальной тенденции демократизации политических режимов как важной составляющей этого планетарного волнообразного движения.

Всемирный процесс демократизации и его откаты в течение XIX – начала XXI вв. принято вслед за американским социологом С. П. Хантингтоном описывать как характеризующиеся порядковыми числами волны. Первая датируется 1828–1926 гг. (или по 1922 г., приход к власти Муссолини²), вторая – последними годами Второй мировой войны и последующим периодом с достижением независимости колониями и переменами в Латинской Америке (1943–1962 гг.). Именно в ходе второй волны демократизации в ее недрах зародился принявший форму Европейского сообщества процесс современной глобализаций, приведший к принципиальным переменам в производстве и обществе. Начальной цезурой третьей волны считалась середина 70-х гг. XX в. Хантингтон датировал ее «революцией гвоздик» в Португалии в 1974 г. и концом тоталитарных режимов в Греции³. Последующий анализ в результате более тщательных подсчетов показал, что эта волна явно разделяется на две. «Умеренную» волну до конца 1989 гг., когда число демократических стран в Южной Европе, Латинской Америке, Африке, Восточной и Южной Азии практически удвоилось. 24 страны осуществили переход от автократических режимов к демократическим, 12 – в обратном направлении⁴. И «взрывную»,

качественно отличную, практически четвертую, самостоятельную волну демократизации 1990–1994 гг. бывших социалистических стран. В ходе ее на путь демократического развития вышли 34 страны, а вспять повернули только четыре⁵. До наступления перемен в ЦВЮВЕ преобразования, как правило, касались или только политических систем, почти не затрагивая экономику, или же лишь экономических систем – при сохранении окостеневших, недемократических, нередко насильственных режимов. Односторонность перемен постепенно изживала себя. Если в 1900 г. из 43 государств только шесть были демократическими, то в 1950 г. из 75 – 25, в 1980 г. – соответственно из 121 – 37, а в 1990 г. из 192 стран – уже 65.

Ход и рамки четвертой волны демократизации не всеми исследователями оцениваются однозначно. Так, французский ученый В. Авиутский, именуя ее «волной бархатных революций», непоследователен в определении начала этой волны. Он практически игнорирует события регионального обвала авторитарно-тоталитарных режимов в ЦВЮВЕ в 1989–1990 гг. и относит завершение третьей волны к событиям 1991 г.: прежде всего, к окончанию апартеида в ЮАР, а также к распаду СССР и Югославии. Обнаружив неравномерность процессов демократического обновления, этот автор считает возможным принять за начало четвертой мировой волны демократизации парламентские выборы в Румынии (1996 г.), Болгарии (1997 г.) и Хорватии (2000 г.). Избранные им страны, без сомнения, входят в обойму трансформирующихся стран ЦВЮВЕ, но отнюдь не являются авангардными в этом процессе⁶. Отсутствие обстоятельно аргументированных критериев уточнения терминологии явно упрощает и обедняет понимание масштабности новых, свойственных данному региону процессов демократизации, поэтому не может быть принято за основу периодизации ее четвертой мировой волны.

В период кризисов последних десятилетий XX в. в странах «социалистического содружества» ни введение элементов либерализации, ни отдельные попытки модернизовать и ускорить экономическое развитие не привели к существенному обновлению внутреннего устройства. Однако на рубеже 90-х гг. в странах Центрально-Восточной Европы вызрели системные преобразования, стимулируя распад партийно-государственных структур с коллективной собственностью правящего класса, подстегнув принятие решений в направлении восстановления рыночных отношений и демократизации политических режимов. Это и было стартом четвертой мировой волны демократизации, благодаря подъему которой в 2000 г. в странах с многопартийной политической системой жили уже более 60% населения земли. В начале XXI века большинство человечества населяло страны с открытой рыночной экономикой⁷.

Постепенно выявляя своеобразие и уточняя хронологические рамки четвертой волны демократизации, ученые и политики установили комплексный характер охватившего на рубеже 1990 г. страны ЦВЮВЕ процесса системной трансформации. Уясняя логику и закономерности трансформационных процессов на «постсоциалистических» территориях Европы, выявив их особую всеохватность и динамику, исследователи обнаружили существенную специфику, особую масштабность и глубину преобразований этого периода. Это привело их к вполне аргументированному выводу об ограничении рамок третьей мировой волны демократизации 70–80-ми годами XX в. и выделении самостоятельной четвертой волны как четко выраженного особого процесса, рассматриваемого в контексте глобализации⁸.

Специфика четвертой волны состоит, прежде всего, в том, что в регионе ЦВЮВЕ, как и на части постсоветских территорий, коренным изменениям подверглась и подвергается не только политическая сфера, где проходили сущностное преобразование политического строя, ломка и самоорганизация общества в процессе создания демократического правового государства с многопартийной политической системой, институтами гражданского общества и т. д. Этой волне присущи также глубинные процессы системной трансформации других сфер общественной жизни – социально-экономической, культурной и др.⁹

В ЦВЮВЕ долго вызревавшие процессы необходимых демократических перемен оказались особенно множественны, ярко выражены, интенсивны и многообразны. Для этого региона были весьма привлекательны новые возможности, вытекавшие из использования шансов глобального рынка – с растущим спросом и все более увеличивающимися масштабами производства, с качественно изменявшимися свое действие рыночными механизмами, со стимулируемым стремлением основных субъектов рынка к оптимальной реализации своих интересов, которые становились достижимыми в новых условиях. Экономическая глобализация обозначила свое развитие процессом ликвидации пограничных барьеров для деятельности рынка, вследствие чего наступило прогрессирующее различными темпами ускорение процесса интегрирования мировой экономики.

ЦВЮВЕ во все большей степени проявляла готовность не только принять и переварить то новое, что несет с собой глобализация, но и внести свой творческий вклад в ее масштабное прогрессивное развитие¹⁰.

Левые силы увидели определенные возможности для оптимизации процесса глобализации, для вывода общества из кризиса и даже установления более справедливого нового строя в использовании опыта предшествующего периода. Имелось ввиду укрепление конструктивных экономических функций со-

циального государства, обеспечивающих улучшение положения населения, защиту его от негативных последствий системных перемен, в облегчении бремени трансформаций для трудящихся, использование собственности в их интересах, преодоление чрезмерного социального неравенства. Эти варианты осмысливаются и обсуждаются как альтернативы неолиберальной глобализации в рамках переговорной, делиберативной координации действий против последней.

Правда, на практике одновременно действуют факторы внутреннего и внешнего социального, экономического и политического давления. Согласно избирательным циклам периодически сменяют друг друга различные политические силы. На смену одной стратегии или текущей политике приходит другая (или ее отдельные элементы). Одни групповые интересы замещаются другими.

Первые два десятилетия радикальных системных преобразований в странах ЦВЮВЕ, начиная с рубежа 80–90-х гг., проявили во всем объеме особую масштабность и сложность решения региональных проблем, его специфику в двух субрегионах, при беспрецедентной комплексности и одновременно специфическом несовпадении очередности и темпов, растянутости во времени и вариантах последовательности системных преобразований. В Центрально-Восточной Европе в большинстве случаев преобразования носили мирный характер. В Юго-Восточной Европе на территориях с наличием латентных этнонациональных конфликтов, прежде всего, югославянских, «национальная карта» энергично использовалась во имя сохранения прежнего режима, для противодействия его обновлению и введению рыночной экономики, которые уже на ранних стадиях оказались более сложными в нестабильной ситуации — с применением вооруженных методов, «неудачной политикой международно-го содействия» и замедлившимися реформами¹¹.

Окончание «холодной войны» имело многообразные геополитические (с дополнительными этнонациональными проблемами в условиях распада СССР, Чехословакии и Югославии), политические, социальные и экономические последствия, в том числе в сфере определения направлений и методов прогрессивного развития при помощи реализации фундаментальной стратегии рыночных преобразований и демократизации, через расширяющееся взаимодействие различных составляющих мирового сообщества и интеграцию в мировую экономику. Парадигма регионального развития принципиально обновлялась в направлении глобализации, сдвигая страны региона в сторону центра Европы и превращая их в его динамичную часть.

Отвергнув «реальный социализм» и выходя на альтернативный путь рыночного и демократического развития, страны ЦВЮВЕ приступали к радикальным политическим и социально-экономическим преобразованиям.

Структурная перестройка региона вскоре продемонстрировала истинные масштабы трансформации, которая обнаружила себя не как едва появившийся на свет «близнец» глобализации или региональный «вариант» реализации тех или иных отдельных элементов глобализационных преобразований. Она проявила себя как необходимая органическая составная часть всемирного процесса глобализации, что и ускорило этот процесс. Преобразования различных уровней оказались тесно взаимосвязаны: системная трансформация стран ЦВЮВЕ стала условием и способом включения региона через членство в Европейском Союзе в глобализационный процесс. Рубеж XX–XXI веков принес ЕС и региону бывшего «социалистического содружества» вместе с принципиальными экономическими и геостратегическими подвижками возможность методом интеграции вписаться в процесс глобализации, который, в свою очередь, закреплял результаты всеобъемлющей трансформации.

Прогнозирование будущего в рамках ЕС для Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Эстонии и Словении было главным стимулом совместного успешного продвижения по пути системных трансформаций. Для Евросоюза и вообще для Запада это создавало весьма благоприятную перспективу дальнейшего развития, поскольку даже только эти страны – лидеры региона, как было просчитано, обеспечивают рынок, емкость которого сравнима с российским рынком. Эта группа стран из-за ее существенного потенциала развития, относительно более высокого жизненного уровня, достаточно хорошей транспортной системы, телекоммуникации, правовой и финансовой инфраструктуры весьма привлекательна для западных клиентов и инвесторов. Совокупные человеческие ресурсы почти равны российским, а рынок обладает большей емкостью. Например, уже в 1993 г. западный экспорт в Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию превышал весь западный экспорт в Россию.

Вхождение в НАТО в 1999 г. Венгрии, Польши и Чехии, а в 2004 г. – Болгарии, Эстонии, Латвии, Литвы, Румынии, Словакии и Словении было очень важным стимулом для укрепления их стратегического положения, расширения перспектив дальнейших преобразований и социально-экономического развития. Для Запада же использование потенциала этих стран, расширение торговых связей с ними на базе урегулирования экономических, политических и иных проблем представлялось весьма значимой возможностью для преодоления трудностей последнего десятилетия и дальнейших перспектив развития¹². С 1 мая 2004 г. Европейский союз расширился, включив в свой состав, среди прочих, страны Вышеградской четверки и Словению, а также три прибалтийские государства. Болгария и Румыния были приняты в ЕС 1 января 2007 г.

В условиях глобализации процесс трансформации общественного устройства вступивших в Евросоюз стран ЦВЮВЕ принимал новое качество, насыщаясь все более глубоким содержанием. Каждой из стран и регионом в целом одновременно решались задачи адаптации модели глобализационного развития ЕС, темпов и методов его реализации. В бывшей «реалсоциалистической» половине Европы настала эпоха глобализационной встряски и коренного трансформационного перелома политического и социально-экономического устройства. Для расчистки путей цивилизационного продвижения вперед на рубеже XX–XXI вв. было проведено необходимое конституирование структуры и налаживание оптимального функционирования демократических политических институтов, поскольку для использования преимуществ глобализации оказалось необходимо стимулировать скорейшее достижение уровня более совершенного социально-экономического и политического устройства, в том числе институциональной зрелости, а также умения разумно и четко управлять системной трансформацией.

Глубочайшие преобразования одновременно перепахали несколько пластов общественной жизни отдельных стран и всего региона.

Системная трансформация в сфере политики растянулась более чем на два десятилетия. Она проходит в условиях перестройки институтов власти, изменения ее конфигурации, с качественно иным соотношением элементов государства, с изменением существа и стратегии встраивания в глобализующийся мир его обновленной структуры, с резко сокращающимися внутренними и внешними функциями. Паралич структур управления, а затем их приспособление к условиям рынка и демократии оказались чрезвычайно разрушительными. Более глубоким был спад экономики при переходе от одной социально-экономической системы к другой, рецессия переходного периода (спад производства) – значительно более долговременной. Она продолжалась в ряде государств на всем протяжении 90-х гг. и перешла в большую трансформационную депрессию, которая, в свою очередь, отбросила уровень ВВП всего европейского постсоциалистического региона, по сравнению с 1989 г., примерно на 30%¹³.

Процессы роста неуправляемости государства и экономики развивались в ЦВЮВЕ в общем контексте глобализации, но с определенными различиями: преобразующийся институт государства терял ряд основополагающих функций, свойств и характеристик, приобретая явные черты своеобразного «отмирания». Власть перестала быть доминированием определенного круга лиц (слоя, класса) над другими, превратилась в управление при помощи не политически навязанных критериев, а системы институтов и регулирующих правил, через многомерную сеть интересов, стимулов и санкций, часто прости-

рающихся за пределы национальных границ и тяготеющих к внешним распорядительным центрам. С ослаблением института государства его политика становилась все менее эффективной. Обеспечивавшие его функционирование факторы выходили за сферу действия политических и административных механизмов. Решение проблем перемещалось или в коммерческую сферу, где действует логика гражданского права, или в сферу компетенции отдельных властей, например самоуправления, а также целевых фондов и независимых структур.

Изначально имелось ввиду отнюдь не возрождение капитализма времен первоначального накопления, а конструирование на постсоциалистической основе и в опоре на международный капитал рыночной экономики эпохи глобализации. Предполагалось делать это осознанно, формируя новую хозяйственную, социальную и политическую действительность сообразно уровню развития стран, при оптимальном выборе путей и способов ее проведения. Необходимо было сочетать экономические цели приватизации (восстановление прав собственности, достижение экономической эффективности путем роста производительности и конкурентоспособности) с ее общественными целями, прежде всего, с прямым и косвенным доступом общества к приватизированному имуществу, а также с ускорением экономического роста и сбалансированным, справедливым распределением национального дохода¹⁴.

Накопление опыта грамотного проведения экономической политики помогало в дальнейшем уменьшать неизбежную и чрезмерно высокую социальную цену экономической трансформации. А это в свою очередь благоприятствовало достижению общественного консенсуса относительно цели, направлений, темпов и методов предполагаемой и проводимой на практике трансформации экономических систем. При этом необходимо было учитывать наследие предшествующих десятилетий, утвердивших в генах населения стремление к социальной справедливости и общественной солидарности, а также ориентацию на помощь нуждающейся части общества, поскольку надежды широких слоев населения на лучшее будущее глубоко укоренились в общественном сознании и продолжают носить характер императива. Свою позитивную роль играла сохранявшаяся тяга к повышенной ответственности всего общества и государства за состояние национальной культуры и науки.

Вместе с тем, из-за чрезвычайной сложности реализовавшегося в регионе «двойного перехода» (практически взаимосвязанной политической и экономической системной трансформации) различные многообразные процессы оказались значительно более запутанными, многоэтапными и противоречивыми, с объединяющим знаменателем ориентации на экономическую и полити-

ческую модель ЕС. В условиях неолиберальной глобализации ожидания быстрого избавления от негативов прежнего строя оказались завышенными. Это не могло не отразиться на состоянии общественного сознания. В обществе, прошедшем несколько этапов трансформации во всех областях общественной жизни, обнаружились новые комплексы противоречий и весьма обременявших население тягот, в том числе неуклонно растущая дифференциация доходов. У значительной части населения произошло падение жизненного уровня, обнажились многочисленные проблемы со здоровьем, вызванные синдромом «напряженности переходного периода». Налицо был не только рост массовой безработицы, но и формирование повсеместной хронической «безработности», бездомности, детской беспризорности. Все это не могло не повлиять на рост негативных настроений.

Однако географически расширяющийся субрегион «Новая Европа» в течение двадцатилетия своего существования, в целом оставался на периферии европейского капитализма. Между тем к моменту развертывания на рубеже 2008–2009 гг. мирового финансового и экономического кризиса сумел качественно оздоровить свою экономику и создать за счет фондов Евросоюза и заработков своих трудовых мигрантов существенную подушку «безопасности». Последствия мирового финансового кризиса не сказались существенно на банковской и финансовой системе стран Центрально-Восточной Европы, Болгарии и Румынии. В ЕС считается, что банковская система в них остается устойчивой, имея достаточно резервов. Негативное воздействие крупных игроков фондовых рынков проявляется в «Новой Европе» с запаздыванием и пока не столь разрушительно. Рынок этого региона – один из немногих, остающихся прибыльными.

Слабая экономика Венгрии с ее особенно крупным долгом привязана к стабильной экономике Австрии и Германии, Чехии – к экономике Германии, Болгарии – к экономике Германии, Италии и Греции. Еврокомиссия считает, что глобальный финансовый кризис обойдет стороной Польшу, Чехию и Словакию. Благодаря финансовой поддержке со стороны ЕС в период первого этапа финансового кризиса части из них, особенно менее открытым на мировую экономику, вероятно, удастся избежать мощного резонанса его развития в «ядре» ЕС, сократить продолжительность его негативного воздействия. Разумеется, избежать его полностью невозможно – наблюдается постепенное замедление темпов экономического роста, слабеет динамика экспорта.

Хотя государства «Новой Европы» не ожидают в своем субрегионе глубокого кризиса, они уже приготовили программы действий по преодолению его последствий и собираются запускать соответствующие меры на протяжении 2009 г. в зависимости от развития ситуации.

В заключение подчеркнем, что в настоящее время стойко утвердилась как преобладающая тенденция самоидентификации этих государств с Европейским союзом и их отождествление с началом нового, XXI века, с термином «Новая Европа» как геополитическим обозначением имеющего перспективы дальнейшего расширения субрегиона Евросоюза.

Примечания

¹ См.: *Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge, 1979.*

² *Lewis P. G. The "Third Wave" of Democracy in Eastern Europe: Comparative Perspectives on Party Roles and Political Development // Party Politics, 2001. Vol. 7, N 5. P. 544.*

³ См.: *Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М., 2003; idem. Democracy's Third Wave // Diamond L. and Plattner M. F. (eds.). The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, 1993.*

⁴ *Potter D., Goldblatt D., Kiloh M. and Lewis P. Democratization. Cambridge, 1997. P. 9.*

⁵ См.: *Doorenspleet R. Reassessing three Waves of Democratization // World Politics. 52, April 2000.*

⁶ См.: *Avioutsij V. Les révolutions de velours. Paris, 2006.*

⁷ *Gulczyński M. Panorama systemów politycznych świata. Warszawa, 2004. S. 108–109.*

⁸ См.: *Offe C. Varieties of Transition: the East European and East German Experience. Cambridge, 1996; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship // World Politics, 2002, 54; Корнаи Я. Великая трансформация: Успех и разочарование // Россия и современный мир, 2006, № 2. С. 12 и др.*

⁹ См.: *Яжборовская И. С. Трансформация общественного устройства в странах Центральной и Восточной Европы // Современная российская политология в контексте глобализации и диалога культур. К XIX Всемирному конгрессу Международной ассоциации политической науки. Дурбан, июнь 2003 г. М., 2003.*

¹⁰ *Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 140–141.*

¹¹ *Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М., 2007. С. 141–142 и др.*

¹² *Kofman J. and Roszkowski. Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999. S. 173; Życie Gospodarcze. 1994. q 18, 26, 27.*

¹³ *Колодко Г. В. Проблемы глобализации и перспектив развития постсоциалистических стран // Реформы переходного периода. М., 2005. С. 172, 176.*

¹⁴ См.: *Бужалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М., 2004.*

Список научных и публицистических работ И. И. Костюшко

1948

Революционные комитеты на освобожденной от польской оккупации территории Белоруссии (июль–декабрь 1920 года. Рукопись. 211 м. стр. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф 591 (Каминский Ив. Ник.). Оп. 1. Д. 323.

1951

Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х – начале 60-х годов XIX в.). Кандидатская диссертация. 1951. Рукопись. 408 м. стр. Рос. гос. библиотека (далее – РГБ).

Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне. Автореферат канд. диссертации. На правах рукописи. М., 1951. 15 ст.

Книга об исторической победе чехословацкого народа // Профессиональные союзы. М., 1951. № 1. С. 41–43.

Cz. Wycech. Z dziejów chłopskich walk o społeczne wyzwolenie // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 133–136.

Профсоюзы Польши в борьбе за построение основ социализма // Профессиональные союзы. М., 1951. № 10. С. 46–52.

1952

Поражение реакции неотвратимо // Славяне. 1952. № 10. С. 59–61.

Z. Miynarski. Z dziejów polskiej demokracji // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 117–120.

Ватикан против польского народа // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР (далее – КСИС). 1952. № 8. С. 87–95.

Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польских землях // КСИС. 1952. № 8. С. 74–78.

1953

Плоды великой победы // Славяне. 1953. № 5. С. 59–61.

Radzieccy historycy studują dzieje Polski // Trybuna Ludu. Warszawa. 1953.3.XI.

300-летие воссоединения Украины с Россией // Блокнот агитатора. М., 1953. № 35. С. 1–15.

1954

Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского // Ученые записки Института славяноведения (далее – УЗИС). 1954. Т. X. С. 138–238. [рец.: Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1958. № 1].

Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа // КСИС. 1954. Вып. 13. С. 28–38.

Chlubne tradycje braterskiej przyjaźni // Wolność. Legnica, 1954.19.IX.

Польское освободительное восстание 1863–1864 гг. // БСЭ. Изд. 2. М., 1954. Т. 33. С. 666.

Польша. Исторический очерк. 1795–1917 гг. // БСЭ. Изд. 2. М., 1954. Т. 34. С. 31–39.

1955

История Польши. Т. II. М., 1955. Глава 14. 4. 5. 7: С. 201–217, 221–234, 253–255; Глава 15. 3: С. 335–339; Глава 16. 4. 7: С. 428–439, 462–470; Глава 17. 9: С. 548–557; Глава 18. 1.3: С. 558–583, 595–603.

Обсуждение книги по истории польского народа // Вопросы истории. 1955. № 10.

Материалы к истории крестьянского движения в Царстве Польском в конце 60-х годов XIX в. // КСИС. 1955. Вып. 17. С. 47–56.

1956

Обсуждение макета I тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории ПАН // Вопросы истории. 1956. № 7.

Воззвание польских демократов к русским солдатам // КСИС. 1956. Вып. 19. С. 78–89.

Материалы о деятельности повстанческой организации П. Сцегенного // КСИС. 1956. Вып. 20. С. 50–75.

1957

10-летие Института славяноведения АН СССР // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 198–201.

В Институте славяноведения АН СССР // Новая и новейшая история. 1957. № 2.

1958

История Польши. Т. III. М., 1958. Глава 30. С. 564–619.

Сборник произведений выдающихся польских мыслителей // КСИС. 1958. Вып. 23. С. 88–95 (совместно с Б. Ф. Стахеевым).

Materiały do biografii Piotra Ściegiennego // Rocznik Lubelski. 1958. N 1. S. 179–188.

Письмо в редакцию // Международная жизнь. 1958. № 8 (совместно с Ф. Г. Зуевым и И. С. Миллером)

Новые материалы о крестьянском движении в Царстве Польском в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. // Славянский архив. 1958. С. 88–126.

1959

Annales Universitatis M. Curie-Skłodowska. Vol. VII // КСИС. 1959. Вып. 27. С. 100–102.

К истории крестьянского движения в Царстве Польском во второй половине 40-х годов XIX в. // УЗИС. 1959. Т. XVIII. С. 92–113.

Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. М., 1959. С. 243–255.

Крестьянское движение в Царстве Польском // Славянский архив. 1959. С. 284–305.

1962

Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962. 494 с. [рец.: K. Groniowski. Kwartalnik Historyczny. 1963. N 2; Новая и новейшая история. 1963. № 4; American Historical Review. 1964. Vol. 69. N 3; Український історический журнал. 1965. № 1; Jahrbücher für Geschichte Osteuropas].

1963

К столетию восстания 1863 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине // Вопросы истории. 1963. № 1. С. 86–99.

O suta de ani de la rascoalele care au avutlos in anul 1863... // *Anale romonono-sovietice de istorie*. 1963. 2(42).

Новые работы по истории революционных связей народов России и Польши // *Новая и новейшая история*. 1963. № 5. С. 144–147.

Роль крестьян в восстании 1863–1864 гг. в Царстве Польском // Тезисы докладов и сообщений шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1963. С. 7–11 (*совместно с В.А. Дьяковым и И. С. Миллером*).

То же // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1963. С. 11–28.

1964

Исследования по аграрной истории Люблинщины // *КСИС*. 1964. Вып. 42. С. 12–23.

K. Groniowski. Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 // *Вопросы истории*. 1964. № 7. С. 176–179.

Аграрные реформы и социалистическая перестройка сельского хозяйства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

Ценный труд по истории освободительной войны польского народа // *Военно-исторический журнал*. 1964. № 8. С. 99–104 (*Совместно с С. Г. Поплавским*)

1965

Политико-воспитательная работа в I-ой Польской армии // *Советское славноведение* (далее – *СС*). 1965. № 3.

1966

Освобождение Варшавы от гитлеровских оккупантов // *Военно-исторический журнал*. 1966. № 1. С. 95–97.

Событие исторического значения // *СС*. 1966. № 3 (*Совместно с Г. М. Славиным и А. И. Недорезовым*)

Przemiany społeczne w Polsce Ludowej // *СС*. 1966. № 5. С. 96–97.

А. Я. Манусевич. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России // *СС*. 1966. № 6. С. 74–75.

1967

К 60-летию И. А. Хренова // Вопросы истории. 1967. № 11. С. 170–171.

Polityka Związku Radzieckiego wobec Polski w latach 1943–1945 // 20 lat ludowego Wojska Polskiego. Warszawa, 1967. S. 488–503.

Научная сессия, посвященная 1000-летию польского государства // СС. 1967. № 1.

В. К. Яцунский // СС. 1967. № 2. С. 126.

K. Groniowski. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim. 1871–1914 // СС. 1967. № 3. С. 83–84.

Монография о крестьянском движении в Королевстве Польском // СС. 1967. № 6. С. 72–73.

1968

К истории крестьянской реформы в Королевстве Польском // СС. 1968. № 1. С. 107–108.

Кооперативный план В. И. Ленина и его международное значение // СС. 1968. № 2. С. 48–56.

Октомврийската революция и другите славянски народи в съветската историография // Октомври и нашата съвременност. София. 1968.

Rewolucja Październikowa a inne narody w świetle radzieckich badań naukowych // W 50 rocznicę Rewolucji Październikowej. 1968. S. 151–157.

Второе издание книги об освободительной борьбе польского народа // СС. 1968. № 3. С. 94–95.

Книга об историческом значении освободительной войны польского народа // Военно-исторический журнал. 1968. № 7. С. 99–102.

Традиции революционной борьбы КПП и объединение польского рабочего движения // СС. 1968. № 6. С. 18–26.

1969

Internacjonalizm KPP // Ruch Komunistyczny w Polsce. 1918–1968. Katowice, 1969. S. 96–102.

Доклад посла Я. Птасиньского // СС. 1969. № 4.

1970

В. И. Ленин о пролетарском интернационализме // СС. 1970. № 2.

Przyczynek do general-plan OST // Dzieje Najnowsze. Warszawa, 1971. N 1/2. S. 179–183.

1971

Ф. Энгельс об аграрном развитии Центральной и Восточной Европы // СС. 1971. № 1. С. 3–15.

XXIV съезд КПСС // СС. 1971. № 4. С. 3–8.

Полезные издания // СС. 1971. № 6. С. 100–101.

1972

Советско-польский договор от 8 апреля 1965 г. // СС. 1972. № 2. С. 3–7.

Основоположники марксизма-ленинизма о социально-политическом строе Германии // Studia historica-slavo-germanica. 1972. N 1. Poznań, 1973. S. 111–113.

П. М. Калениченко. Великий Жовтень і революційний рух у Польщі // СС. 1972. № 3.

Капитальный труд о политике фашистской Германии в оккупированной Польше // СС. 1972. № 4. С. 120–122.

Исследование большого научного значения // СС. 1972. № 6. С. 93–94.

1973

Политика Советского Союза в отношении Польши в годы Великой Отечественной войны // Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973. С. 3–6, 39–49.

М. В. Миско // СС. 1973. № 3. С. 143.

Б. Г. Литвак. Русская деревня в реформе 1861 г. // Вопросы истории. 1973. № 6. С. 156–158.

Cz. Łuczak. «Kraj Warty». 1939–1945 // СС. 1973. № 3.

Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии. Тезисы // VII Międzynarodowy zjazd sławistów w Warszawie. Warszawa, 1973 (совместно с М. М. Сумароковой)

Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917--1923 гг.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 5–28 (*совместно с М. М. Сумароковой*)

Боевые традиции народного Войска Польского // СС. 1973. № 5. С. 3–14.

Влияние Октябрьской революции на развитие революционной мысли в Польше и Югославии // Доклады славистов-историков на сессии Ассоциации славянских исследований. МКИН. М., 1973. С. 18–34 (*совместно с М. М. Сумароковой*)

1974

Регуляция аграрных отношений в Великом княжестве Познанском (К проблеме прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве) // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. С. 225–229.

Научная конференция советских и польских историков // Вопросы истории. 1974. № 2. С. 172–176.

H. Rechowicz. Polska partia robotnicza w Śląsko-Dąbrowskim obwodzie... // СС. 1974. № 3. С. 99–100.

К вопросу об экономическом сотрудничестве Советского Союза и народной Польши в период войны с фашистской Германией // СС. 1974. № 3.

Научный симпозиум по проблеме «Социалистическая индустриализация в СССР и ПНР» // СС. 1974. № 4. С. 114–117.

В. М. Зайцев. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. // СС. 1974. № 5. С. 97–98.

1975

Успехи польского народа в строительстве социализма // СС. 1975. № 2.

Польская Народная Республика. Основные этапы развития // Новая и новейшая история. 1975. № 5. С. 158–170.

Капитальный труд по истории Белоруссии. Т. 1–2 // Вопросы истории. 1975. № 2. С. 121–125.

Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии // СС. 1975. № 6. С. 45–64.

1976

И. А. Хренов // СС. 1976. № 2. С. 127.

XXV съезд КПСС // СС. 1976. № 3. С. 3–9.

Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии с 1816 по 1849 г. // СС. 1976. № 5. С. 37–61.

A. Przygoński. Z zagadnień strategii frontu narodowego PPR. 1942–1945 // Новая и новейшая история. 1977. № 1. С. 164–166.

1977

Октябрьский пленум ЦК КПСС и проблемы развития социалистического содружества // СС. 1977. № 1. С. 3–8 (*в соавторстве с В. В. Зелениным*).

Советская внешняя политика и ее значение для освободительной борьбы польского народа // Под знаменем боевой дружбы. М.: Знание, 1977. С. 74–84.

К. Маркс и Ф. Энгельс об аграрном развитии Восточной Европы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1976. Рига, 1977. С. 5–13.

Główne cechy ogólnego kryzysu kapitalizmu w jego pierwszym etapie (kraje Środkowej i połudn.wschod. Europy) // Dzieje Najnowsze. Warszawa. 1978. N 1. S. 19–22.

Кризис буржуазной демократии в западных и южных славянских странах (межвоенный период) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. М., 1978. С. 85–107 (*совместно с Л. Б. Валевым и М. М. Сумароковой*).

Традиции совместной борьбы народов ССР и ПНР за свободу, независимость и социальный прогресс // СС. 1978. № 5. С. 3–8.

«Второе издание» крепостного права и европейский рынок // Советское славяноведение. 1978. № 6. (*совместно с В. В. Зелениным*).

1979

Историко-славистические исследования в СССР (1971–1976) // Советское славяноведение. 1979. № 3. С. 87–95; Les recherches d'histoire slave depuis 1945. Probleme et methods. Paris, 1979.

История южных и западных славян. М., 1979. С. 379–381, 387–388, 408–428, 486–492.

30-летие Совета Экономической Взаимопомощи // Советское славяноведение. 1979. № 6. С. 3–7.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР // Советское славяноведение. 1979. № 6.

1980

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. X (1950–1955). М., 1980.

Польская серия. Dokumenty i materialy... t. X. Warszawa, 1982. *Предисловие, один из составителей тома и комментарии.*

Научная конференция в Катовицах // Советское славяноведение. 1980. № 3.

Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии по закону от 2 марта 1850 г. // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 31–50.

В. А. Полуян. Революционно-демократическое движение в Белоруссии // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 111–113.

1981

Собрание Международной комиссии по славяноведению // Советское славяноведение. 1981. № 1. С. 111.

Важные события в жизни Советской страны // Советское славяноведение. 1981. № 2. С. 3–7.

XXVI съезд КПСС // Советское славяноведение. 1981. № 3. С. 3–8.

Введение к кн. // Фашизм и антидемократические режимы в Европе (начало 20-х годов – 1945). М., 1981. С. 3–8.

Международная комиссия по славяноведению // Информационный бюллетень МАИРСК. 1981. Вып. 4. С. 64.

1982

Układ radziecko-polski 8 kwietnia 1945 roku... Leninizm i rozwój stosunków polsko-radzieckich. Warszawa, 1982. S. 221–230.

Светлый образ учителя. Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 25–97.

Некоторые аспекты кризиса буржуазной политической системы в зарубежных славянских странах (в соавторстве с Л. Б. Валевым и М. М. Сумаро-

ковой) // Кризис политической системы капитализма в странах ЦЮВЕ. М., 1982. С. 6–20.

1500 лет Киеву // Советское славяноведение. 1982. № 5.

Целевой проект 28 «Социальная структура и политические движения...» // Советское славяноведение. 1982. № 5.

1983

Деятельность КПСС и ПОРП по укреплению советско-польской дружбы // Советское славяноведение. 1983. № 2. С. 10–16.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений (1956–1960). М., 1983. *Предисловие, один из составителей и авторов комментариев.*

Польская серия: Dokumenty... Warszawa, 1987.

Задачи изучения проблематики развитого социализма // Советское славяноведение. 1983. № 6.

1984

IX Международный съезд славистов // Советское славяноведение. 1984. № 2. С. 5–8.

Проблематика новой и новейшей истории на IX Международном съезде славистов // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 210–211.

Научная конференция по теме «Университеты и студенты» // Советское славяноведение. 1984. № 2.

40-летие Польской Народной Республики // Советское славяноведение. 1984. № 4. С. 3–12.

Обучение студентов из зарубежных славянских стран в Московском университете (в соавторстве) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 35–40.

1985

Связи российского и германского рабочего движения (до 1914 г.) (в соавторстве) // Советское славяноведение. 1985. № 5. С. 14–95.

Собрание Комиссии в Штутгарте. М., 1987. С. 38–40.

Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и ПНР до 2000 года // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 86–89.

Конференция Комиссии историков СССР и ПНР // Советское славяноведение. 1985. № 3.

Współdziałanie KPZR i PZPR czynnikiem rozwoju stosunków polsko-radzieckich // Nauka Polska. 1985. № 3. S. 135–138.

Встреча ветеранов-однополчан // Ветераны войны. 1985. № 5. С. 49–50.

1986

Собрание Международной комиссии по славяноведению // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 122–123.

Wspólne dzieje. Wolność i lud. 1986. 26.VII. № 30.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. (1961–1965). М., 1986. *Один из составителей, введение и участие в комментировании.*

Тесное взаимодействие КПСС и ПОРП – определяющий фактор развития советско-польских отношений // 40 лет Народной Польши. М., 1986. С. 57–63.

Рец.: К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия // Советское славяноведение. 1986. № 6. С. 115.

Ausländische studenten aus slavischen Ländern. Wegenetz europäischen Geistes. II. Wien. 1987. S. 241–249. *В соавторстве с В.Г. Карасевым и Я.И. Уткиной.*

К. Иванов. В Международной комиссии по славянским исследованиям // Информационный бюллетень МАИРСК. 1986. Вып. 14. С. 103–106.

1987

Собрание Комиссии 28–30.VIII.1985. Штутгарт. М., 1987. С. 38–40.

1988

Научная конференция Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям // Советское славяноведение. 1988. № 3. С. 109–110.

Октябрьская революция и политические преобразования в зарубежных славянских странах. Тезисы // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. М., 1988. С. 6. *Совместно с Р. П. Гришиной и М. М. Сумароковой.*

То же. // Резюме доклада. X Международный конгресс на славистике. София, 1988. С. 635.

То же. Доклад История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный конгресс... // Советское славяноведение. М., 1988. С. 3–28.

Связи АН СССР с зарубежными научными учреждениями в области общественных наук (1917–1941). East European quarterly. Un. of. Colorado, 1988. Vol. XXII. № 3. P. 257–270.

1989

Симпозиум МКИСИ (6–8.IX.1988. Москва) // Советское славяноведение. 1989. № 3. С. 107.

Октябрьская революция в России и образование Польской Республики. К 70-летию образования самостоятельных государств в ЦЮВЕ. Вып. 1. М., 1989. С. 74–83.

Прусская аграрная реформа. М., 1989. 261 с. Рец.: Kwartalnik Historyczny (VI–1991).

1992

Советско-югославские отношения. 1917–1941. М., 1992. *Один из составителей и авторов комментариев.*

1993

Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993. 238 с.

1994

Польско-советская война 1919–1920. Т. I–II. М., 1994. 216 и 224 с. *Один из составителей, введение, часть комментариев. Рец.: Dzieje Najnowsze. Roczn. XXVII. 1995. 1.*

Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России. М., 1994. 144 с. [рец.: Славяноведение. 1995. № 5].

1996

В. А. Дьяков // Славяноведение. 1996. № 2. С. 105–106. *Совместно с М. А. Робинсоном.*

1997

Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). М., 1997. 143 с. Составление, комментарии, редактирование.

Вопросы аграрной истории Белоруссии в работах Н. Н. Улашика. Русь – Литва – Беларусь. 1997. С. 50–55.

1998

В. В. Зеленин (1920–1998) // Славяноведение. 1998. № 5. С. 107.

2000

Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000; Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 1. М.: РОСПЭН, 2008; БРЭ. Т. 15.

К вопросу о польских военнопленных 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–62.

2001

Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001. 224 с.

2003

Письма акад. Ю. Бардаха о работе Комиссии историков России и Польши // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 39–57. *Сост. совместно с Я. Н. Щаповым.*

2004

Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. М., 2004. 404 с. *Составление, введение и комментарии. [Рец.: В. А. Волобуев, А. М. Орехов. Славяноведение. 2005. № 6].*

Красноармейцы в польском плену. М., 2004. *Участие в подготовке публикации: введение и рецензирование материалов.*

2005

Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). М., 2005. 143 с.

2006

Рец. на книгу И. С. Яжборовской и В. С. Парсадановой «Россия и Польша...» // Славяноведение. 2006. № 4. С. 96–97.

2007

Попытка Советской России разрушить Версальскую систему мира // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007. С. 163–168.

В аспирантуре Института славяноведения (1949–1951) // Как это было. М., 2007. С. 25–41.

2008

От парламентской системы правления к авторитарной (Конституции Польши 1921 и 1935 гг.) // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008. С. 7–30.

Статьи в БСЭ, изд. второе: Данишевский Т., Даремщины, Жонд народовы, Заранс, Лукасиньский В., Любецкий К., Малаховский С., Малая Польша, Мацеёвицы, Немоевский В., Остроленка, Петроков, Познанское великое княжество, Познань, Поланецкий универсал, Польские легионы, Понятовский С., Потоцкий И., Потоцкий Т., Прага, Пулавы, «Пяст», Собеский Я., Станьчики, Стапиньский Я.

К генеалогии И. И. Костюшко. Рукопись.

К истории славяноведения. Из личного архива проф. И. И. Костюшко. Рукопись.

Jęncy wojenni Polacy w RSFRR, BSRR I USRR w latach 1919–1922. Warszawa, 2009.

Ответственный редактор изданий:

1969

П. Н. Ольшанский Рижский мир. М., 1969.

1972

В. С. Парсаданова Формирование национального фронта в Польше. М., 1972.

1974

П. Н. Ольшанский Рижский мир и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг. М., 1974.

1976

И. В. Михутина Советско-польские отношения в начале 1930-х гг. М., 1976.

1978

История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международного съезда славистов. М., 1978.

1979

Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977. М., 1979.

1980

М. М. Сумарокова Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны 1929–1939. М., 1980.

1982

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. X. М., 1980.

Польская серия: Dokumenty i materialy... Т. X. Warszawa, 1982.

1983

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XI. М., 1983.

1986

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. М., 1986.

1987

Польская серия: Dokumenty i materialy... Т. XI. Warszawa, 1987.

1988

История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. М., 1988.

1990

М. Н. Черных. Юлиан Мархлевский и советско-польские отношения в 1918–1921 гг. М., 1990.

1994

Европейское социалистическое движение 1914–1917. М., 1994.

1995

В. Н. Савченко Восточнославянское польское пограничье. М., 1995.

2007

Восточная Европа после Версаля. Спб, 2007.

Член редколлегии изданий**1953–1964**

Краткие сообщения Института славяноведения. М., № 11 (1953) – № 43 (1964)

1962

Chłapi i zprawa chłopska w powstani styczniowym. Warszawa, 1962.

1969

Советское славяноведение. Минск, 1969.

1970

Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.

1972

Славяне и Россия. М., 1972.

1973

Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973.

Советско-югославские отношения. 1918–1945. М., 1974.

Член редакционного совета издания «Общественные науки». 1976.

Под знаменем боевого друга. М., 1977.

VII Конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в ЦЮВЕ. М., 1977.

Проблема генезиса капитализма. М., 1978.

История южных и западных славян. Изд. МГУ. М., 1979.

Фашизм и антидемократические режимы в Европе (начало 20-х – 1945). М., 1981.

Кризис политических систем капитализма в странах ЦЮВЕ. М., 1982.

История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международная конференция славистов. М., 1983.

Социальные структуры и политические движения в странах ЦЮВЕ (межвоенный период). М., 1986.

Z historii stosunków polsko-radzieckich. 1917–1977. Warszawa, 1987.

Советско-югославские отношения (1917–1941) М., 1992.

Польско-советская война 1919–1920. I–II. М., 1994.

Ведущий редактор издательства АН СССР:

Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. VII. Из-во АН СССР. М., 1953.

А. И. Баранович Магнатское хозяйство на юге Волыни. Из-во АН СССР. М., 1955.

К. А. Пажитнов Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. I. Шерстяная промышленность. Из-во АН СССР. М., 1955.

История Польши. Т. II. Из-во АН СССР. М., 1955.

М. В. Миско Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. Из-во АН СССР. М., 1957.

Н. Н. Ильин Летописная статья 6523 года и ее источник. Из-во АН СССР. М., 1957.

К. А. Пажитнов Очерки текстильной промышленности дореволюционной России. II. Хлопчатобумажная, льняная и шерстяная промышленность. Из-во АН СССР. М., 1958.

История Чехословакии. Т. II. Из-во АН СССР. М., 1959.

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. Из-во Наука. М., 1964.

**Научный руководитель аспирантов,
защитивших кандидатскую диссертацию по историческим наукам**

Стацкевич Е. Е. (1972)

Титова А. А. (1977)

Пиримкулов Ш. Д. (1978)

Кадацкий В. Ф. (1978)

Багинский Э. С. (1978)

Воронков В. И. (1979)

Прибылов В. И. (1980)

Бобрик М. Н. (1981)

Черных М. Н. (1981)

Болдов А. В. (1982)

Майорова О. Н. (1982)

Будзински Р. (1985)

Гарус И. В. (1986)

**Официальный оппонент
при соискании ученой степени доктора исторических наук**

Кундыба И. Д. (1964)

Дьяков В. А. (1966)

Калениченко П. М. (1970)

Мелешко В. И. (1972)

Яжборовская И. С. (1972)
Конобеев В. Д. (1973)
Якубский В. А. (1975)
Свердлов Ф. Д. (1979)
Полуян В. А. (1979)
Чугаев В. П. (1980)
Парсаданова В. С. (1982)
Носкова А. Ф. (1986)
Домбковски Т. (1989)

Отзыв

Жепкайте Р.С. (1984)

Официальный оппонент при соискании ученой степени кандидата исторических наук

Августяньски Ю.
Боголепова И. П.
Бухарин Н. И.
Веденяева В. Т.
Воробьева Л. В.
Голубков Б. М.
Горбачевски Г.
Жуковская Н. Ю.
Заборовский Л. В.
Карпов В. И.
Ким И. К.
Кожокин М. М.
Милковски А. З.
Михальски Ч.
Морозова О. П.
Овчаренко А. И.
Пилишек Е. В.
Репринчев В. Ф.
Савченко В. Н.
Сушкевич Л. П.
Хойнацки А.
Чекаленко Л. Д.

Справочные материалы о нем:

- Историки-слависты СССР. Харьков. 1969. С. 40–41.
- Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971. С. 27 и сл.
- Касцюшка Іван Івановіч // Беларуская савецкая энцыклапедыя. Т. V. Мінск, 1972. С. 506.
- Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977. М., 1977. С. 10 и сл.
- Историки-слависты Московского университета. 1939–1979. М., 1979. С. 33–34.
- Историки-слависты СССР. М., 1981. С. 19.
- Юбилей... Иван Иванович Костюшко // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 126–127. Институт славяноведения
- 75 лет И. И. Костюшко // Славяноведение. 1995. № 1. С. 126.
- Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 61.
- Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 4. Мінск, 1997. С. 146.
- Институт славяноведения. 2001. Справочник. М., 2002. С. 26 и др.
- Институт славяноведения. Справочник. М., 2004. С. 65 и др.
- К юбилею Ивана Ивановича Костюшко // Славяноведение. 2004. № 4. С. 120–121.
- Костюшко Иван Иванович // Наша история. Национальный Архив Республики Беларусь. 1927–2007. Минск, 2007. С. 108, 160–163.

Сведения об авторах

Аникеев Анатолий Семенович – к. и. н., ст. н. с. Института славяноведения РАН

Борисенок Юрий Аркадьевич – к. и. н., доц. МГУ, главный редактор журнала «Родина»

Бухарин Николай Иванович – к. и. н., в. н. с. Института экономики РАН

Гибианский Леонид Янович – ст. н. с. Института славяноведения РАН

Гришина Ритта Петровна – д. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН

Козловска-Дембицка Гелена – историк, публицист, переводчик (Варшава)

Лобачева Юлия Владимировна – к. и. н., м. н. с. Института славяноведения РАН

Лопатнюк С. – к. и. н., д. э. н., проф. Высшей школы экономических наук (Варшава)

Лыкошина Л. С. – д. и. н., гл. н. с. ИНИОН РАН

Майорова Ольга Николаевна – к. и. н., ст. н. с. Института славяноведения РАН

Матвеев Геннадий Филиппович – д. и. н., проф., заведующий кафедрой Истории южных и западных славян исторического факультета МГУ

Носкова Альбина Федоровна – д. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН

Носов Борис Владимирович – д. и. н., заведующий отделом Истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Орехов Александр Михайлович – к. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН

Пилько Надежда Сергеевна – к. и. н., н. с. Института славяноведения РАН

Сальва-Сыздек Э. – доктор гуманитарных наук (Варшава)

Серапионова Елена Павловна – д. и. н., заведующая отделом Истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН

Силкин Александр Александрович – к. и. н., н. с. Института славяноведения РАН

Случ Сергей Зиновьевич – к. и. н., ст. н. с. Института славяноведения РАН

Стыкалин Александр Сергеевич – к. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН

Фалькович Светлана Михайловна – д. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН

Чечковски З. – военный историк, командор в отставке (Варшава)

Шемякин Андрей Леонидович – д. и. н., заместитель директора Института славяноведения РАН

Яжборовская И. С. – д. и. н., проф., гл. н. с. Института социологии РАН

Оглавление

От редакционной коллегии	5
С. М. Фалькович	
«Под редакцией И. И. Костюшко»	6
Ю. А. Борисенок	
60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету	11
Б. В. Носов	
Шляхетская Речь Посполитая XVIII века и «упадок Польши» в новейшей историографии	22
А. Л. Шемякин	
Никола Пашич в Румынии (1885–1889). Идеологический аспект	43
Ю. В. Лобачева	
Словенская эмиграция в США в конце XIX – начале XX века	54
С. Лопатнюк (<i>Stanisław Łopatniuk</i>)	
О некоторых проблемах экономических отношений Польши с Россией в первые годы после обретения независимости (<i>O niektórych problemach stosunków gospodarczych Polski z Rosją w pierwszych latach po odzyskaniu niepodległości</i>)	67
Р. П. Гришина	
Настроения болгарских крестьян накануне прихода БЗНС к власти. Опыт 1918–1919 годов	77
Г. Ф. Матвеев	
Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах? ...	105
Е. П. Серапионова	
Польское национальное меньшинство в Чехословакии и чехословацко-польские отношения (1918–1938 годы)	115
А. А. Силкин	
Русские средние учебные заведения в Королевстве СХС/Югославии (1918–1945)	132
С. З. Случ	
Советско-германские отношения в 20-е – начале 30-х годов: внутри- и внешнеполитические детерминанты	152
Л. Я. Гибианский	
Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны	177

Н. С. Пилько	
Политика оккупационных властей в Словении. 1941–1945 годы.	202
А. Ф. Носкова	
Геополитические планы СССР и трагедия Армии Крайовой.	217
Г. Козловска-Дембицка (<i>Helena Kozłowska-Dębicka</i>)	
О трудных вопросах новейшей истории Польши (<i>Wokół trudnych pytań historii najnowszej</i>)	245
А. С. Аникеев	
Македонская проблема в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Югославский фактор.	262
З. Чечковски (<i>Zbigniew A. Ciećkowski</i>)	
Территория и границы Польши в результате Второй мировой войны (<i>Obszar i granice Polski w następstwie II wojny światowej</i>)	293
А. М. Орехов	
«Оттепель» в СССР и общественно-политическая ситуация в Польше весной и летом 1956 года (Назревание кризиса)	310
А. С. Стыкалин	
К вопросу о позиции коммунистического руководства Китая в связи с польскими событиями 1956 года	322
О. Н. Майорова	
1976 г. – начало формирования организованной оппозиции в Польше. ...	343
Э. Сальва-Сыздек (<i>Eleonora Salwa-Syzdek</i>)	
Спор о XX веке. Трагическое прошлое и надежды на лучшее завтра (<i>Spór o wiek XX. Tragizm doświadczeń i nadzieja lepszego jutra</i>)	364
Н. И. Бухарин	
Российско-польские отношения в новом веке	371
Л. С. Лыкошина	
Польша в контексте современной геополитики.	386
И. С. Яжборовская	
К вопросу о смене терминологии в регионалистике	413
Библиография трудов И. И. Костюшко	426
Сведения об авторах	445
Оглавление.	446

Научное издание

STUDIA SLAVICA-POLONICA

(К 90-летию И. И. Костюшко)

Сборник статей

Ответственный редактор:
К. В. Никифоров

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 28.04.2009. Печ. л. 28,0.
Тираж 300 экз. Цена договорная.

STUDIA SLAVICA-POLONICA